

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
08.00.00 – экономические науки; 23.00.00 – политология;
22.00.00 – социологические науки*

№ 1

**Ростов-на-Дону
2022**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 71827 от 08.12.2017 Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Главный редактор	ИГНАТОВА Т. В., Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор
Зам. главного редактора	ЧЕРКАСОВА Т. П., доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); Eugene Nivorozhkin, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); Ford Lumban Gaol, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); Атанесян А.В., докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); Кадол Н. Ф., докт. экон. наук, доц., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь); Ушаков Д. С., докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В. А., докт. экон. наук, доц.; Дзахова Л. Х., докт. полит. наук, проф.; Дробышевская Л. Н., докт. экон. наук, проф.; Золочевская Е. Ю., докт. экон. наук, проф.; Козлюк Н. В.; докт. экон. наук, доц.; Колядин А. П., докт. экон. наук, проф.; Крюкова Е. М., докт. экон. наук, проф.; Овчаренко Р. К., докт. социол. наук, доц.; Пешкова Е. П., докт. экон. наук, проф.; Понеделков А. В., заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; Попова Е. А., докт. полит. наук, доц.; Скворцов Н. Г., докт. социол. наук, проф.; Сологуб В. А., докт. социол. наук, проф.; Чернова О. А., докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54.

Тел. 8-863-203-63-89,

e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
08.00.00 – economic science; 23.00.00 – politology; 22.00.00 – sociology*

№ 1

**Rostov-on-Don
2022**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Registration number ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017 of Federal Service
for Supervision of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief IGNATOVA T. V.,
Honored Worker of Higher School of Russian Federation,
Doctor of Economic science, professor

Vice-Editor in Chief CHERKASOVA T. P.,
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; *Arthur V. Atanesyan*, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; *Natalia F. Kadol*, Doctor of Economics, Docent, Francisk Skarina Gomel State University (Belarus); *Denis S. Ushakov*, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Arsenieva V. A., Doctor of Economic Science, Docent; *Dzakhova L. Kh.*, Doctor of Political Science, Professor; *Drobyshevskaya L. N.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Zolochevskaja E. Yu.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Kozlyuk N. V.*, Doctor of Economic Science, Docent; *Kolyadin A. P.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Kryukova E. M.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Ovcharenko R. K.*, Doctor of Sociology, Docent; *Peshkova E. P.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Ponedelkov A. V.*, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; *Popova E. A.*, Doctor of Political Science, Docent; *Skvortsov N. G.*, Doctor of Sociological Sciences, Professor; *Sologub V. A.*, Doctor of Sociological Sciences, Professor; *Chernova O. A.*, Doctor of Economic Science, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54.

Tel: 8-863-203-63-89,

E-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	11
<i>А. В. Баранов, О. В. Котлярова, И. Н. Шлеверда</i> «МФЦ – ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМНЫЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОРГАНИЗАЦИЙ»: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ К ВЛАСТИ	11
<i>Н. В. Брюханова, А. С. Ефимова</i> ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛА СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ.....	18
<i>Е. В. Васюта, Т. В. Подольская</i> ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИЦИНЕ	25
<i>В. Г. Громакова</i> СОЦИАЛЬНО-ОТВЕТСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ДОВЕРИЯ В ОБЩЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА	33
<i>Е. Ю. Золочевская, Я. Е. Сивакова</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	39
<i>М. А. Овакимян, А. Б. Савченко</i> КОМПЕТЕНЦИЯ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»: ПРОЦЕССНЫЙ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ.....	43
<i>Г. В. Овчаренко, А. П. Яланский</i> КОНЦЕПТ ИННОВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.....	50
<i>А. В. Попов, А. В. Волочай, А. Г. Лугинина</i> ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ.....	58
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	64
<i>Т. А. Макареня, Али Аль-Убайди Ахмед Ибрагим Хусейн</i> МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ИРАКА: АНАЛИЗ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.....	64
<i>Н. Н. Ажогина, Е. А. Скорик</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА	70
<i>Л. П. Вардомацкая, В. П. Кузнецова, Т. В. Воронина</i> НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ИННОВАЦИОННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ КЛАСТЕР В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ.....	75
<i>А. В. Глущенко, Е. А. Довгань, А. В. Павлюкова</i> ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА СИСТЕМУ ВЕНЧУРНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ.....	83
<i>С. С. Дукян, С. Н. Татаркин</i> ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ ЦИФРОВОГО (ОТКРЫТОГО) БАНКИНГА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ АРІ-ИНТЕРФЕЙСА	89
<i>С. М. Казакова, В. В. Климанов</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	96

Е. А. Капогузов, В. В. Карнов, Р. И. Чупин ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕАКЦИОННЫХ АНТИКРИЗИСНЫХ МЕР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	111
С. А. Литвинова ИПОТЕЧНЫЙ РЫНОК ЯПОНИИ: «МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ» 1980-Х ГГ. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ.....	122
Т. В. Мартыненко, В. Д. Коноплева ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	127
Л. Г. Миляева ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ ГИБКИХ СИСТЕМ ОПЛАТЫ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ.....	133
Г. Г. Сидоренко, Д. С. Термосесов ОСОБАЯ РОЛЬ КОМИТЕТА ПО УПРАВЛЕНИЮ РИСКАМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ.....	144
Н. М. Филимонова, О. В. Лускатова, В. Д. Филимонова ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ НА РЫНОК ТРУДА.....	151
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА.....	158
Д. Б. Бязрова, В. К. Тедеева МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПОЛИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК МОДЕЛИ ОПТИМИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ.....	158
И. А. Ветренко, А. А. Ковалев ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ В НЕТРАДИЦИОННЫХ СОВРЕМЕННЫХ ВОЙНАХ.....	163
Л. Н. Гончаренко, Э. Б. Авакова, А. А. Кузнецов ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ УРОКИ И ПОЛИТИКА ОБРЕТЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА.....	174
Д. К. Григорян, Е. Н. Кондратенко, Д. М. Бекленищев СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ – ГЛАВНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИГРОКОВ НА КАРТЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА.....	179
П. В. Заяц, Я. Г. Зинченко SCIENCES PO – УСПЕШНАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЛИДЕРСТВА НА РЫНКЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (К 150-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ).....	186
С. В. Петрова, А. В. Сидорова СИСТЕМА ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ.....	192
Р. А. Пупыкин ВЫЗОВЫ ВЛАСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО И РОССИЙСКОГО КЕЙСОВ.....	197
Е. Н. Тованчова, А. А. Безвербный, Л. А. Лобова МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	204
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	209
Чу Дефон МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФЕНОМЕНУ МОРАЛЬНОГО БЕЗРАЗЛИЧИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ.....	209
Я. В. Артамонова, С. С. Барсуков РОЛЬ СУБКУЛЬТУРЫ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ.....	216
Н. Х. Гафиатулина, Г. А. Воробьев, А. М. Шевченко НОВОЕ ОДИНОЧЕСТВО КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ.....	223
Э. М. Загирова ИНСТИТУТ ПОЛИГАМИИ И ГЕНДЕРНАЯ ОЦЕНКА МОДЕЛИ БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	229

А. А. Иванова, Е. А. Гринченко РЕЛЕВАНТНОСТЬ ПРИКЛАДНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	234
Р. К. Овчаренко, И. А. Лулева РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ: РЕСУРСЫ ИСЧЕРПАНЫ ИЛИ «ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ»?	240
Н. Б. Помозова ОБОСНОВАНИЕ МУЛЬТИ-, МЕЖ- И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДОВ ДЛЯ АНАЛИЗА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ УСЛОЖНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ.....	246
Р. О. Рамазанов МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ВОЛОНТЕРСКОМ ДВИЖЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА).....	251
А. В. Рачина, Е. И. Лопатина, С. И. Самыгин СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.....	257
Г. С. Чикаева, В. Н. Власова, В. В. Ковров ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ЕГО ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ.....	263
М. М. Шахбанова ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА.....	269
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	276
С. С. Камышанская «МЯГКАЯ СИЛА» СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО «ТРЕКОВ» ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ.....	276
В. С. Куксевич ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ И СПЕЦИФИКА ИХ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	283
А. С. Лавриков РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	288
А. В. Ляхов ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРАСПАРЕНТНОСТИ И ОТКРЫТОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ	294
В. В. Провоторова ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	300
Г. В. Туманян ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ	306
А. К. Хаустова ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ТРЕНД НА СОЦИАЛЬНУЮ И ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ УСПЕШНОСТЬ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЯН	311
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	319

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT	11
<i>Alexey V. Baranov, Olga V. Kotlyarova, Ivan N. Shleverda</i> "MFC – PUBLIC RECEPTION OFFICES OF AUTHORITIES AND ORGANIZATIONS": REGIONAL TACTICS OF TRUST MANAGEMENT TO THE AUTHORITIES	11
<i>Natalya V. Bryukhanova, Alina S. Efimova</i> DIGITAL TRANSFORMATION AS A TOOL FOR OPTIMIZATION THE ORGANIZATION STAFF FUNCTIONALITY.....	18
<i>Evgenia A. Vasyuta, Tatiana V. Podolskaya</i> CHALLENGES AND PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MEDICINE.....	25
<i>Victoriya G. Gromakova</i> SOCIALLY RESPONSIBLE MANAGEMENT AS A FACTOR OF INCREASING TRUST IN SOCIETY IN THE CONTEXT OF AN INSTITUTIONAL CRISIS.....	33
<i>Elena Yu. Zolochevskaya, Yana E. Sivakova</i> IMPROVEMENT OF THE MECHANISM OF EDUCATION EXPORT DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION	39
<i>Mikhail A. Ovakimyan, Anna B. Savchenko</i> COMPETENCE TO MAKE MANAGEMENT DECISIONS IN THE CONTEXT OF THE "NEW REALITY": PROCESS AND STRATEGIC ASPECTS IN THE ACTIVITIES OF THE PUBLIC AUTHORITY	43
<i>Georgy V. Ovcharenko, Alexander P. Yalansky</i> CONCEPT OF INNOVATIVE MANAGEMENT IN A MODERN ORGANIZATION	50
<i>Alexander V. Popov, Anna V. Volochay, Anna G. Luginina</i> TYPOLOGY OF ORGANIZATIONAL CULTURE IN THE CONTEXT OF ITS VALUE ORIENTATIONS.....	58
PROBLEMS OF ECONOMICS	64
<i>Tatiana A. Makarenaya, Obaidi Ahmed Ibrahim Hussein</i> MACROECONOMIC INDICATORS OF IRAQI DEVELOPMENT: ANALYSIS AND DEVELOPMENT TRENDS.....	64
<i>Natalia N. Azhogina, Evgeny A. Skorik</i> THE USE OF MODERN TECHNOLOGIES IN THE ORGANIZATION OF INTERNAL CONTROL OF A COMMERCIAL BANK.....	70
<i>Lyudmila P. Vardomatskaya, Valentina P. Kuznetsova, Tatyana V. Voronina</i> SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL INNOVATIVE MEDICAL CLUSTER IN DIGITAL ECONOMY	75
<i>Alina V. Glushchenko, Evgeny A. Dovgan, Antonina V. Pavlyukova</i> THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE SYSTEM OF VENTURE FINANCING OF INNOVATIVE PROJECTS.....	83
<i>Sofya S. Dukyan, Sergei N. Tatarkin</i> OPPORTUNITIES AND THREATS OF DIGITAL (OPEN) BANKING IN THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF THE API INTERFACE.....	89
<i>Sofia M. Kazakova, Vladimir V. Klimanov</i> TRANSFORMATION OF THE DEVELOPMENT GOALS OF THE RUSSIAN ARCTIC.....	96
<i>Evgeny A. Kapoguzov, Valery V. Karpov, Roman I. Chupin</i> OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF RUSSIAN REGIONS ON THE USE OF REACTIONARY ANTI-CRISIS MEASURES FOR THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC SECURITY	111
<i>Svetlana A. Litvinova</i> JAPAN'S MORTGAGE MARKET: THE "SOAP BUBBLE" OF THE 1980S AND ITS CONSEQUENCES.....	122
<i>Tatiana V. Martynenko, Veronika D. Konopleva</i> RUSSIAN FEDERATION POLICY IN THE FIELD OF RENEWABLE ENERGY: CURRENT STATUS, LEGISLATIVE FRAMEWORK AND DEVELOPMENT PROSPECTS.....	127

Larisa G. Milyaeva	
TECHNOLOGY FOR DEVELOPING FLEXIBLE PAY SYSTEMS IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL STANDARDS.....	133
Grigory G. Sidorenko, Dmitriy S. Termosesov	
THE SPECIAL ROLE OF THE RISK COMMITTEE IN ORGANIZATIONS.....	144
Natalia M. Filimonova, Olga V. Luskatova, Victoria D. Filimonova	
IMPACT OF RUSSIAN NATIONAL PROJECTS ON THE LABOR MARKET	151
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	158
Juliet B. Byazrova, Valeria K. Tedeeva	
MULTICULTURALISM AND POLYCULTURALISM AS MODELS OF OPTIMIZING INTER-ETHNIC COMMUNICATION	158
Inna A. Vetrenko, Andrej A. Kovalev	
POLITICAL CHALLENGES TO INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN NON-TRADITIONAL MODERN WARS.....	163
Lev N. Goncharenko, Elina B. Avakova, Artem A. Kuznetsov	
THE CIVIL WAR AND MODERN RUSSIA: SOCIAL LESSONS AND THE POLITICS OF FINDING HISTORICAL UNITY	174
David K. Grigoryan, Evgenia N. Kondratenko, Daniil M. Beklenishchev	
COLLISION OF INTERESTS OF ECONOMIC AND POLITICAL ELITES – THE MAIN GEOPOLITICAL PLAYERS ON THE MAP OF THE MIDDLE EAST	179
Pavel V. Zayats, Yaroslava G. Zinchenko	
SCIENCES PO IS A SUCCESSFUL INTELLECTUAL REFLECTION OF LEADERSHIP IN THE MARKET OF POLITICAL SCIENCE EDUCATION (ON THE 150TH ANNIVERSARY OF CREATION)	186
Svetlana V. Petrova, Anna V. Sidorova	
THE SYSTEM OF REMOTE ELECTRONIC VOTING IN THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO IMPROVE ELECTRONIC DEMOCRACY	192
Roman A. Pupykin	
CHALLENGES TO POWER DURING THE COVID-19 PANDEMIC: COMPARATIVE ANALYSIS OF LATIN AMERICAN AND RUSSIAN CASES.....	197
Elena N. Tovanchova, Alexandr A. Bezverbnii, Larisa A. Lobova	
METATHEORETICAL ASPECT OF THE ANALYSIS OF MODERN INTERNATIONAL AND INTERSTATE RELATIONS.....	204
SOCIOLOGY PROBLEMS	209
Chu Defeng	
MEASURES TO COUNTER THE PHENOMENON OF MORAL INDIFFERENCE IN CONTEMPORARY CHINA.....	209
Yana V. Artamonova, Sergey S. Barsukov	
THE ROLE OF THE SUBCULTURE OF FOOTBALL FANS IN THE FORMATION OF EXTREMIST ATTITUDES AMONG YOUNG PEOPLE.....	216
Natalya Kh. Gafiatulina, Gennady A. Vorobyev, Alexander M. Shevchenko	
NEW LONELINESS AS A FACTOR OF INFLUENCE ON THE SOCIAL WELL-BEING OF THE RUSSIAN SOCIETY UNDER CONDITIONS OF RESTRICTORY MEASURES DURING THE PANDEMIC PERIOD	223
Elvira M. Zagirova	
INSTITUTE OF POLYGAMY AND GENDER ASSESSMENT OF THE MODEL OF MARRIAGE BEHAVIOR.....	229
Anastasia A. Ivanova, Elizaveta A. Grinchenko	
RELEVANCE OF APPLIED SOCIOLOGICAL RESEARCH	234
Roman K. Ovcharenko, Irina A. Luneva	
PUBLIC AND MUNICIPAL SERVICE REFORM: ARE RESOURCES EXHAUSTED OR «THE CALM BEFORE THE STORM»?	240
Natalia B. Pomezova	
SUBSTANTIATION OF MULTI-, INTER- AND TRANSDISCIPLINARY APPROACHES FOR THE ANALYSIS OF FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT OF INCREASINGLY COMPLEX SOCIOCULTURAL DYNAMICS.....	246

Rashid O. Ramazanov	
MOTIVATION OF POPULATION PARTICIPATION IN THE VOLUNTEER MOVEMENT (ON THE EXAMPLE OF DAGESTAN)	251
Andrey V. Rachipa, Ekaterina I. Lopatina, Sergey I. Samygin	
SOCIAL COMPETENCE OF MANAGERIAL PERSONNEL: A SOCIOLOGICAL DIMENSION	257
Galina S. Chikaeva, Viktoriya N. Vlasova, Vladimir V. Kovrov	
DEVIANT BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE: SOCIAL FACTORS, ITS DETERMINANTS	263
Madina M. Shakhbanova	
LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE URBAN POPULATION OF DAGESTAN	269
YOUNG SCIENTISTS	276
Stefania S. Kamyshanskaya	
"SOFT POWER" OF MODERN RUSSIA IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL AND RESEARCH "TRACKS" OF PUBLIC DIPLOMACY	276
Varvara S. Kuksevich	
ECONOMIC SANCTIONS AND THE SPECIFICITY OF THEIR POSITIONING IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS	283
Andrey S. Lavrikov	
DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF PARLIAMENTARISM IN MODERN RUSSIA	288
УПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ	294
Andrey V. Lyakhov	
ENSURING TRANSPARENCY AND OPENNESS IN THE ACTIVITIES OF ACTORS OF POLITICAL GOVERNANCE AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY OF THE AUTHORITIES ..	294
Valeria V. Provotorova	
TRANSFORMATIONAL SOCIAL PROCESSES IN SUPPORT OF JUDICIAL ACTIVITIES	300
Garnik V. Tumanyan	
REMOTE ELECTRONIC VOTING AS A STAGE IN THE DEVELOPMENT OF ANTHROPOCENTRIC PUBLIC GOVERNANCE.....	306
Anna K. Khaustova	
ADDITIONAL EDUCATION AS A TREND FOR SOCIAL AND PROFESSIONAL SUCCESS OF THE YOUNG GENERATION OF RUSSIANS.....	311
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES.....	319

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 11-17
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(1):11-17

Проблемы управления

Научная статья

УДК 353

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-11-17

«МФЦ – ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМНЫЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОРГАНИЗАЦИЙ»: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ К ВЛАСТИ

**Алексей Викторович Баранов¹, Ольга Владимировна Котлярова²,
Иван Николаевич Шлеверда³**

^{1,3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

²Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимир, Россия, olya-apriori@yandex.ru

¹bav.skags@gmail.com

³ishleverda@uriu.ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме управления доверием к власти со стороны населения. Приоритетной выступает мысль о необходимости непрерывной прямой коммуникации между представителями гражданского общества и властными структурами с целью создания открытого и прозрачного информационного пространства, позволяющего сделать процесс доверия двусторонним. Описан региональный опыт повышения уровня доверия к власти посредством реализации проекта «МФЦ – общественные приёмные органов власти и организаций», направленный на своевременное и верифицированное консультирование граждан по широкому спектру правовых вопросов. Сотрудничество и открытость со стороны 25 органов власти, задействованных в проекте, способствуют формированию положительного мнения о деятельности государства, повышают уровень удовлетворенности населения и способствуют обоюдному доверию власти и гражданского общества. Вовлеченность в проект системы многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг дает возможность исследовать систему МФЦ в качестве масштабной коммуникационной платформы, отличающейся высоким уровнем организации, культурой обслуживания, повышенной цифровизацией. Авторы убеждены, что подобный региональный опыт должен масштабироваться как проект федерального формата и внедряться в парадигму других регионов.

Ключевые слова: доверие к власти, общественное мнение, система многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, гражданское общество, процент удовлетворённости граждан

Для цитирования: Баранов А. В., Котлярова О. В., Шлеверда И. Н. «МФЦ – общественные приемные органов власти и организаций»: региональная практика управления доверием к власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 11–17. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-11-17>.

Problems of Management

Original article

"MFC – PUBLIC RECEPTION OFFICES OF AUTHORITIES AND ORGANIZATIONS": REGIONAL TACTICS OF TRUST MANAGEMENT TO THE AUTHORITIES

Alexey V. Baranov¹, Olga V. Kotlyarova², Ivan N. Shleverda³

^{1,3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

²Vladimir Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, olya-apriori@yandex.ru

¹bav.skags@gmail.com

³ishleverda@uriu.ranepa.ru

Abstract. The article is devoted to the actual problem of managing public trust in the government. The priority is the idea of the need for continuous direct communication between representatives of civil society and government structures in order to create an open and transparent information space that makes it possible to make the process of trust bilateral. The regional experience of increasing the level of trust in the authorities through the implementation of the project "MFC – public reception offices of authorities and organizations", aimed at timely and verified consultation of citizens on a wide range of legal issues, is described. Cooperation and openness on the part of the 25 authorities involved in the project contribute to the formation of a positive opinion about the activities of the state, increase the level of satisfaction of the population and promote mutual trust between the authorities and civil society. Involvement in the project of a system of multifunctional centers for the provision of state and municipal services makes it possible to explore the MFC system as a large-scale communication platform characterized by a high level of organization, service culture, increased digitalization. The authors are convinced that such regional experience should be scaled up as a federal format project and implemented into the paradigm of other regions.

Keywords: trust in the authorities, public opinion, the system of multifunctional centers for the provision of state and municipal services, civil society, public opinion, the percentage of satisfaction of citizens

For citation: Baranov A. V., Kotlyarova O. V., Shleverda I. N. "MFC – public reception offices of authorities and organizations": regional tactics of trust management to the authorities. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):11-17. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-11-17>.

Нарастает актуальность темы доверия между государством и гражданами. Доверие становится не просто основным условием для полноценной жизнедеятельности здорового общества, доверие воспринимается политологами как *вызов века российской действительности*, который нельзя замалчивать, игнорировать или миновать.

Тема доверия находится на стыке политологии, философии, социологии, экономики, психологии и других наук. Заслуживают внимания работы, посвященные специфике процесса формирования доверия к власти со стороны гражданского общества, например исследования [1–5].

Информационная избыточность и цифровые трансформации всех жизненно значимых сфер приводят к изменению во взаимоотношениях между государством и обществом. С одной стороны, прослеживается тенденция к увеличению неформального взаимодействия между гражданами и властью. Это связано с информационной открытостью, с публичностью современной власти. С другой стороны, виртуализация жизни, усугубленная периодами пандемии и подразумевающая перенос реальных событий в виртуальный мир, создает фейковую действительность.

Российские граждане, имеющие разный уровень цифровых навыков и по-разному относящиеся к каналам интернет-коммуникации, вынуждены так или иначе ориентироваться в виртуальном пространстве, учиться вступать во взаимодействие с властными структурами посредством сети, анализировать верифицированность сведений, проверять предоставленную информацию, вступать в коммуникацию с властными структурами посредством различных каналов и систем. О соразмерном росте цифровизации и цифровой ментальности современного российского общества уже написано много работ, к примеру: [6–8].

Доверие, безусловно, владеет процессуальной характеристикой, то есть уровень доверия может и должен быть управляемым и поддерживаемым. Доверие имеет двустороннюю направленность. Одно направление – это доверие граждан к государству и власти, другое направление противоположное – это доверие власти по отношению к гражданам.

Управление доверием осуществляется посредством совместной деятельности граждан и государства. В государственной политике осуществляется поиск новых путей взаимодействия, новых точек соприкосновения, новых контактов. Так положительный социальный эффект в формате управления доверием имеет совместное проектирование и решение ситуаций.

К примеру, реализовывается проект Национальной социальной инициативы при непосредственном участии Агентства социальных инициатив. Данный проект направлен на совместную проработку ситуаций и их решение вместе с гражданами. Осмысленно выбираются такие ситуации, которые можно назвать массовыми, то есть имеющими значение для большинства российских граждан не зависимо от региона, например: устройство ребенка в детский сад или школу, получение медицинской помощи, поиск работы и т. д. Суть проекта заключается в том, чтобы в разных регионах пройти «клиентский путь» от начала и до конца, то есть от появления у граждан потребности до разрешения проблемной ситуации. Особо значимым стало выявление и устранение часто возникающих барьеров, определение факторов, останавливающих граждан или факторов, возвращающих граждан на предыдущий этап клиентского пути. Проект дает возможность понять, в том

числе, какие сервисы наиболее востребованы, какие из них наиболее продуманы с точки зрения организации и функционирования.

Помощь гражданам в решении насущных проблем всегда повышает уровень доверия населения к власти, совместная активность, возможность участвовать, инициировать мероприятия, направленные на повышение комфорта, благополучия и безопасности общества воодушевляет граждан и способствует росту доверия к власти.

С точки зрения управления доверием, значимо выработать человекоцентричную модель оказания помощи и поддержки населению со стороны государства. В этой связи удачным примером может стать пример развития волонтерского движения. Волонтерское движение в мировом и в отечественном опыте является неким стандартом, гарантирующим доверие в обществе. К примеру, недавно организованная акция «Мы вместе», направленная на взаимную помощь и поддержку (бизнес – бизнесу, сосед – соседу) открыла высокий потенциал для роста доверия внутри общества, в форматах горизонтальной коммуникации.

И все же одной из главных насущных проблем общественности остается проблема своевременной и полноценной информированности. То есть для граждан очень важно получать информацию из проверенных источников, из «первых рук», то есть непосредственно от властных структур.

С целью предоставления таких услуг была разработана платформа «Мы за бизнес». Это независимая платформа, в рамках которой с гражданами работают Генеральная прокуратура, Следственный комитет, ФСБ, МВД и мн. др. Суть проекта в том, что представителям бизнеса предоставляется возможность подать заявку, жалобу или сделать предложение по любому интересующему их вопросу. С таким заявлением может обратиться каждый предприниматель из любого региона. Значимо то, что эти обращения рассматриваются только центральными аппаратами, что позволяет рассчитывать на объективные и беспристрастные решения и в некоторых случаях выявить неправомерность действий на местах. Функционирование такой платформы и реальные случаи помощи бизнесу повышает уровень доверия.

По мнению авторского коллектива, особо значимой платформой, позволяющей регулировать уровень доверия населения по отношению к властным структурам, является система многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг.

Система многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг вызывает интерес у большого количества исследователей. В ракурсе нашей работы отметим, что система МФЦ, являясь «поставщиком» государственных услуг, воспринимается гражданами как единое целое с теми государственными структурами, которые задействованы в предоставлении услуг. Эффективность функционирования системы многофункциональных центров формирует и общественное мнение, и степень удовлетворенности граждан и их доверия относительно власти и государства. Об эффективности системы МФЦ, о проблемах и перспективах ее развития написаны работы [9–11].

Информационная функция системы многофункциональных центров гораздо шире, чем представляется на первый взгляд. В связи с оказанием услуг в дистанционном формате, специалисты МФЦ выступают в качестве консультантов по цифровым вопросам. Однако у сотрудников МФЦ не всегда достаточно компетенций для выполнения обязанности цифрового консультирования. В этой связи экспертами Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС была разработана дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Организация доступа и обучения цифровым сервисам граждан в центрах предоставления услуг «Мои документы»¹. Обучение по данной программе предполагает приобретение специалистами МФЦ цифровых практических навыков и развитие способности передавать цифровые компетенции населению.

Основной функцией системы МФЦ помимо непосредственного предоставления государственных и муниципальных услуг является информирование заявителей по широкому спектру вопросов.

Проект «МФЦ – общественные приемные органов власти и организаций» является продолжением проекта «Правовая помощь онлайн». Он направлен на предоставление гражданам консультаций по расширенному спектру проблемных вопросов, выходящих за границы сферы предоставления государственных и муниципальных услуг.

В обсуждаемом проекте задействованы 25 органов власти и организаций, среди которых: Прокуратура, МВД России, ФССП России, Росреестр, Роспотребнадзор, ПФР, ФСС России, ПОВСК 1 разряда Минобороны России, Минтруд области, Минсельхозпрод области, Министерство строительства РО совместно с ГБУ РО «АЖП», департамент имущественно-земельных отношений

¹ <https://uriu.ranepa.ru/dopolnitelnoe-obrazovanie/povyshenie-kvalifikatsii.php>

г. Ростова-на-Дону, Департамент экономики г. Ростова-на-Дону совместно с микрокредитной компанией Ростовский муниципальный фонд поддержки предпринимательства, Государственная жилищная инспекция области, Нотариальная палата области, Ростовское региональное отделение Общероссийской общественной организация «Ассоциация юристов России» совместно с Ростовским региональным отделением Всероссийской политической партии «Единая Россия», Адвокатская палата Ростовской области совместно с Межвузовским центром практической подготовки и профориентации студентов вузов Ростовской области (при Совете ректоров Ростовской области), Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, автономная некоммерческая организация – микрофинансовая компания «Ростовское региональное агентство поддержки предпринимательства», Межрайонное регистрационно-экзаменационное отделение Государственной инспекции безопасности дорожного движения г. Ростов-на-Дону, Уполномоченный по защите прав предпринимателей области.

В проект вовлечены 78 объектов областной сети МФЦ и 62 общественных приемных Губернатора Ростовской области, осуществляющие прием консультационных заявок. С марта 2018 года организовано более 5,9 тыс. правовых консультаций.

Такие консультации могут получать все граждане вне зависимости от статуса, социального положения или места проживания на территории региона.

В процессе реализации проекта проводился мониторинг качества предоставляемых консультаций. Проанализируем полученные исследовательские результаты.

На рисунке 1 визуализированы наиболее востребованные ведомства – участники проекта «МФЦ – общественные приемные органов власти и организаций» в соотношении с процентом удовлетворенности граждан после проведения консультаций.

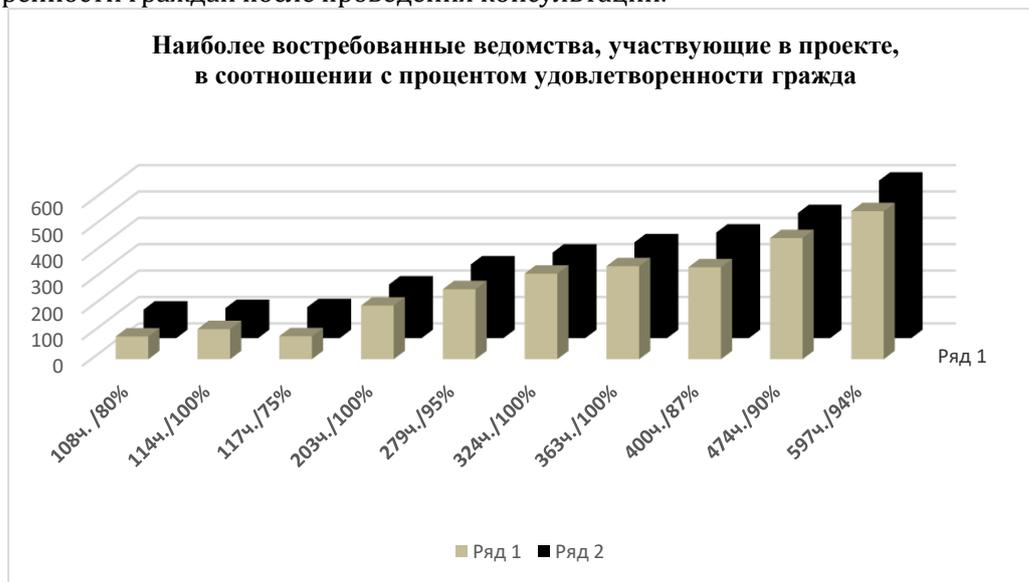

Рис. 1. Наиболее востребованные ведомства – участники проекта «МФЦ – общественные приемные органов власти и организаций» в соотношении с процентом удовлетворенности граждан после проведения консультаций

Fig. 1. The most popular departments – participants in the project "MFC – public receptions of authorities and organizations" in relation to the percentage of satisfaction of citizens after consultations

Проанализируем полученные данные. На диаграмме столбцами черного цвета визуализированы наиболее востребованные ведомства, принявшие участие в проекте «МФЦ – общественные приемные органов власти и организаций», серыми столбцами визуализирован процент удовлетворенности граждан в процентном соотношении с количеством обратившихся. Отметим, что в выборке участвовали все ведомства, однако на графике изображены только первая десятка более востребованных. Самый большой процент граждан обратились за консультационными услугами в Минтруд Ростовской области (597 человек, 94% удовлетворённости граждан), Ассоциация юристов России (474 ч. / 90%), Управление Росреестра по Ростовской области (400ч. / 87%), Управление Роспотребнадзора по Ростовской области (363ч. /100%), ГБУ РО «АЖП» (324ч. / 100%), ОПФР по Ростовской области (279ч. / 95%), Управление ФССП по Ростовской области (203ч. / 100%), ГУ МВД Ростовской области (117ч./ 75%), Мининформсвязь Ростовской области (114ч. / 100%), ДИЗО города Ростова-на-Дону (108ч. 80%). Отметим неравномерность распределения консультационных запросов

по представленным ведомствам, а также отметим, что существует большое количество ведомств, консультационные услуги которых не были востребованы гражданами.

Если в центре исследовательского внимания поставить такой критерий, как процент удовлетворенности граждан, то можно составить следующий рейтинг наиболее востребованных ведомств (рис. 2).

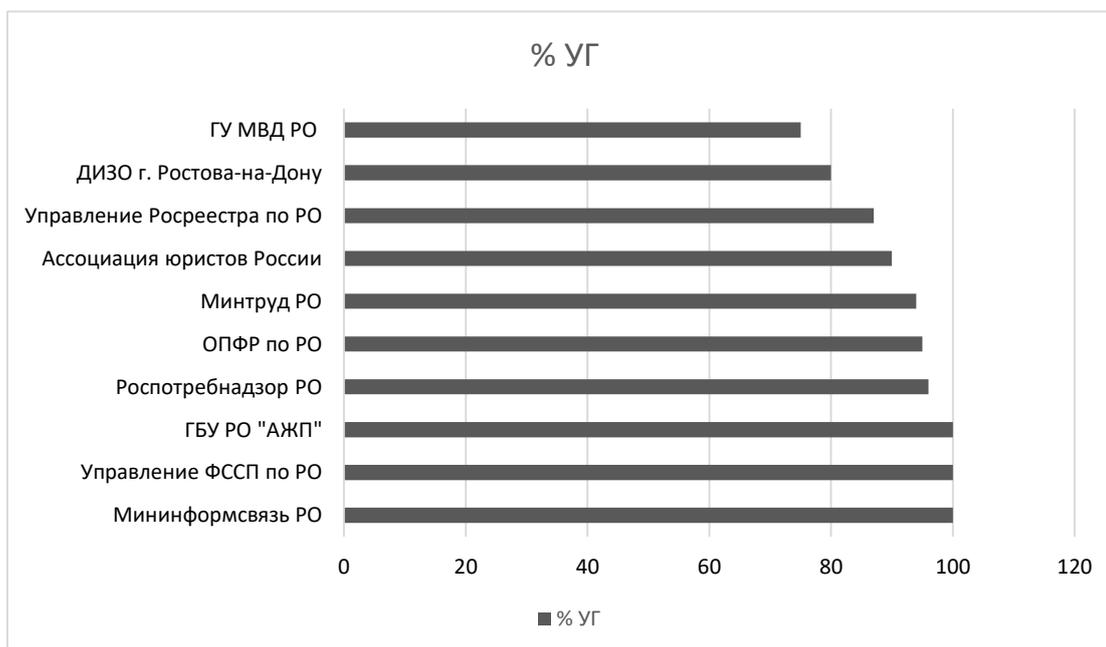

Рис. 2. Рейтинг ведомств, участвующих в проекте по критерию удовлетворенности граждан

Fig. 2. Rating of departments participating in the project according to the criterion of satisfaction of citizens

Если анализировать процент удовлетворенности граждан, то отметим, что этот показатель является стопроцентным у Управления ФССП по Ростовской области, Мининформсвязи Ростовской области, ГБУ РО «АЖП». Однако надо понимать, что большее количество обращений подразумевает возрастающий *risk* удовлетворить не каждого заявителя. Процент удовлетворённости граждан не всегда напрямую обусловлен качеством консультационной услуги, которая сама по себе уже является многофакторным процессом. На удовлетворенность граждан влияют внутренние факторы, которые предполагают полноценность предоставленной информации, корректное и доступное объяснение, возможность вникнуть во все подробности и задать возникающие вопросы, подкрепление объяснения нормативно-правовой документацией и мн. др. Также влияют внешние факторы, определяющие качество консультационной услуги опосредованно, и включающие время ожидания консультации, удобство зала ожидания, количество народа и наличие очереди, удобство инфраструктуры и комфорт помещения, психологическую обстановку в офисе, физиологическое и эмоциональное состояние самого заявителя мн. др.

Однако, на наш взгляд, правомерно сделать вывод о том, что общий процент удовлетворенности граждан, получивших консультации экспертов в рамках реализации проекта достаточно высок.

Обсуждаемый проект, по нашему мнению, заслуживает особого интереса и продолжения исследовательских работ, потому что проводимые мониторинги свидетельствуют:

- о запросах и потребностях современных граждан;
- о недостаточности полноценной информированности гражданского общества в определенных направлениях;
- об активности и инициативности конкретных кластеров населения;
- об уровне цифровизации, финансовой грамотности, знании законодательства граждан Российской Федерации. Данный список, безусловно, открыт и пополняем.

Полноценное информирование, а значит возможное решение проблемы, с которой столкнулся заявитель, способствуют мотивации граждан к большему взаимодействию с государственными структурами и ведомствами, бизнесом и другими организациями, улучшая горизонтальные (внутри общества) и вертикальные (субординативные) коммуникации.

Своевременная и грамотная консультационная поддержка граждан позволяет наладить прямую коммуникацию между гражданами и бизнесом; гражданами, бизнесом и органами власти.

В формате дискуссии о доверии, такая поддержка сопутствует выстраиванию и горизонтального доверия (между гражданами и организациями), и вертикального доверия, то есть институционального доверия (между властью и обществом). Уверенность в собственной правоте и правомерности с позиции закона предопределяет уверенность представителей гражданского общества в завтрашнем дне, ощущение безопасности и определенности.

С позиции власти кажется значимым и логичным стремление видеть осознанных, информированных, готовых действовать в соответствии с законами граждан, которые хотят заниматься предпринимательством, бизнесом на территории государства. Со стороны власти такой проект и является демонстрацией открытости, прозрачности самой системы государственного управления, а также показателем доверия к своему народу.

Список источников

1. Баранов А. В., Котлярова О. В., Тагаев А. В. Взаимобусловленность демографической динамики и уровня доверия к власти / В сборнике: Демографическое развитие России: проблемы и пути решения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 2021. С. 165-171.

2. Баранов А. В., Котлярова О. В., Тагаев А. В., Ивлева О. А. Цифровые трансформации государственного управления как механизм формирования доверия к власти / В сборнике: Цифровизация публичного администрирования, экономики, политики и социальной сферы: проблемы и перспективы. Сборник докладов научно-практической конференции с международным участием. Ростов-на-Дону, 2021. С. 71-76.

3. Дугин Е. Я. Власть доверия и доверие власти // Власть. 2018. Т. 26. № 8. С. 60–66.

4. Мирошниченко О. Н. Социология как индикатор доверия общества к власти и власти к обществу: проблемы прошлого и настоящего / В сборнике: Пути исторического развития российского государства: от эпохи потрясений к эпохе созидания и консолидации. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксарский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». 2017. С. 88–97.

5. Никифоров Я. А. Доверие к власти в региональном аспекте: социологическое измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 2. С. 120–123.

6. Баранов А. В., Котлярова О. В. Цифровая компетентность государственных служащих как ресурс политической власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 11–17.

7. Гридасова Д. А. Цифровая трансформация российского общества в сфере IP // Вести научных достижений. 2019. № 6. С. 35–38.

8. Зенков А. Р. О некоторых аспектах трансформации российского общества в условиях перехода к цифровой экономике / В сборнике: Костинские чтения. Сборник материалов первой международной научно-практической конференции. 2018. С. 336–341.

9. Кисляков А. Н. Имитационное моделирование деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг // Ученые записки. 2017. № 3 (23). С. 21–24.

10. Прокофьева А. И. Оценка эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг на базе многофункциональных центров в регионах России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 1. № 4. С. 38–45.

11. Трыканова С. А. Ресурсы многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг в сфере профилактики коррупционных явлений / В книге: Актуальные вопросы реализации государственной политики в сфере противодействия коррупции в рязанской области. Сборник тезисов выступлений и докладов участников научно-практической конференции. Рязань, 2021. С. 78–80.

References

1. Baranov A. V., Kotlyarova O. V., Tagaev A. V. Interdependence of demographic dynamics and the level of trust in the government. In: *Demographic development of Russia: problems and solutions*. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Rostov-on-Don; 2021:165–171. (In Russ.)

2. Baranov A. V., Kotlyarova O. V., Tagaev A. V., Ivleva O. A. Digital transformations of public administration as a mechanism for the formation of trust in power. In: *Digitalization of public administration*,

economics, politics and the social sphere: problems and prospects. Collection of reports of a scientific and practical conference with international participation. Rostov-on-Don; 2021:71–76. (In Russ.)

3. Dugin E. Ya. The power of trust and the trust of power. *Vlast' = The Authority*. 2018;26(8):60–66. (In Russ.)

4. Miroshnichenko O. N. Sociology as an indicator of public confidence in the government and the government in society: problems of the past and present. In: *The ways of the historical development of the Russian state: from the era of upheavals to the era of creation and consolidation*. Materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Cheboksary Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; 2017:88–97. (In Russ.)

5. Nikiforov Ya. A. Trust in power in the regional aspect: a sociological dimension. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = News of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science*. 2018;18(2):120–123. (In Russ.)

6. Baranov A. V., Kotlyarova O. V. Digital competence of civil servants as a resource of political power. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scholar notes*. 2021;(2):11–17. (In Russ.)

7. Gridasova D. A. Digital transformation of Russian society in the field of IP. *Vesti nauchnykh dostizhenii = Keep track of scientific achievements*. 2019;(6):35–38. (In Russ.)

8. Zenkov A. R. On some aspects of the transformation of Russian society in the conditions of transition to the digital economy. In: *Kostin readings. Collection of materials of the first international scientific and practical conference*. 2018:336–341. (In Russ.)

9. Kislyakov A. N. Simulation modeling of the activity of multifunctional centers for the provision of state and municipal services. *Uchenye zapiski = Scientific notes*. 2017;3 (23):21–24. (In Russ.)

10. Prokofieva A. I. Evaluation of the effectiveness of the provision of state and municipal services on the basis of multifunctional centers in the regions of Russia. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and management: problems, solutions*. 2018;1(4):38–45. (In Russ.)

11. Trykanova S. A. Resources of multifunctional centers for the provision of state and municipal services in the field of prevention of corruption phenomena. In: *Topical issues of the implementation of state policy in the field of combating corruption in the Ryazan region*. Collection of abstracts of speeches and reports of participants of the scientific and practical conference. Ryazan; 2021:78–80. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Баранов – заместитель директора, старший преподаватель;

О. В. Котлярова – канд. филолог. наук, доц. кафедры социально-гуманитарных дисциплин;

И. Н. Шлеверда – канд. полит. наук, начальник отдела инновационных проектов в сфере государственного и муниципального управления инновационно-технологического центра;

Information about the authors

A. V. Baranov – Deputy Director, Senior Lecturer;

O. V. Kotlyarova – Candidate of Philology Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines;

I. N. Shleverda – Candidate of Political Sciences, Head of the Department of Innovative Projects in the field of state and municipal management of the Innovation and Technology Center.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 09.02.2022.

The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 09.02.2022.

Научная статья
УДК 338:65.01
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-18-24

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛА СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ

Наталья Владимировна Брюханова¹, Алина Семеновна Ефимова²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹nbruhanova@uriu.ranepa.ru

²a.s@uriu.ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровых технологий (цифровых платформ, онлайн сервисов, цифровых продуктов и т.д.) на бизнес-процессы предприятий. Практика показывает, что для сохранения своих конкурентных позиций на рынках инновационные agile-компании предусматривают в своих стратегиях цифровую трансформацию как ключевое направление развития. Все эти изменения создают высокий уровень неопределенности у сотрудников организаций, пытающихся адаптироваться к этим новым условиям (например, автоматизации операций, которые раньше выполнялись вручную, отсутствие необходимости прикрепления сотрудника к офисному рабочему месту и др.), и требуют развития у них новых компетенций и навыков. В этой связи, наряду с цифровизацией не менее важной задачей для организаций является задача развития своих сотрудников. Учитывая вышесказанное, в статье представлен обзор влияния digital-изменений на работу сотрудников в организациях, определены проблемы, возникающие при внедрении цифровых технологий в бизнес-процессы предприятий, предложен алгоритм цифровой трансформации предприятий МСП сектора.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая экономика, цифровая грамотность, цифровые платформы, производительность труда, оптимизация бизнес-процессов

Для цитирования: Брюханова Н. В., Ефимова А. С. Цифровая трансформация как инструмент оптимизации функционала сотрудников организации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 18–24. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-18-24>.

Problems of Management

Original article

DIGITAL TRANSFORMATION AS A TOOL FOR OPTIMIZATION THE ORGANIZATION STAFF FUNCTIONALITY

Natalya V. Bryukhanova¹, Alina S. Efimova²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹nbruhanova@uriu.ranepa.ru

²a.s@uriu.ranepa.ru

Abstract. The article discusses the impact of digital technologies (digital platforms, online services, digital products, etc.) on the enterprises business processes. Practice shows that in order to maintain its competitive position in markets, innovative agile companies include in their strategies digital transformation as a key direction of development. All these changes create a high level of uncertainty for employees of organizations trying to adapt to these new conditions (for example, automating operations that were previously performed manually, no need to attach an employee to an office workplace, etc.), and require the development of new competencies and skills in them. In this regard, along with digitalization, an equally important task for organizations is the task of developing their employees. So the article provides an overview of the digital changes impact on the employees work in organizations, identifies the problems that arise when introducing digital technologies into the business processes of enterprises, and proposes an algorithm for the digital transformation of enterprises in the SME sector.

Keywords: digital technologies, digital economy, digital literacy, digital platforms, labor productivity, business processes optimization

For citation: Bryukhanova N. V., Efimova A. S. Digital transformation as a tool for optimization the organization staff functionality. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):18–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-18-24>.

Интенсивное внедрение цифровых технологий (технологий Индустрии 4.0) на всех уровнях взаимодействия членов общества оказывает непосредственное влияние на экономику, социальную сферу, деятельность органов публичной власти, развитие хозяйствующих субъектов. Технологии Индустрии 4.0, такие как искусственный интеллект, Интернет вещей и дополненная/виртуальная реальность, меняют организационные, производственные бизнес-процессы во всех отраслях и по всему миру. Повышается доступность неотъемлемого в нынешних условиях фактора производства - информации, что влечет значительное снижение издержек бизнеса на ее получение. У малых предприятий и индивидуальных предпринимателей появляются более благоприятные условия развития и функционирования.

Одновременно происходят социально-экономические сдвиги в сфере трудовых отношений, меняется ситуация на рынке труда и сам характер труда, обязанности и функционал работников, увеличивается количество операций и скорость выполнения задач сотрудниками. Автоматизируются однообразные повторяющиеся работы, программные средства, технологии заменяют ручной функционал работников на рутинных монотонных операциях. Например, с помощью информационных технологий трансформируются операции офисных работников – секретарей, бухгалтеров, банковских работников. Несмотря на то, что внедрение информационных технологий в бизнес-процессы российских компаний продолжается уже более 20 лет, катализатором их активного использования стала пандемия, в условиях которой организации оказались вынуждены использовать различные цифровые инструменты, позволяющие осуществлять взаимодействие онлайн. И это не случайно, так как именно в таких условиях, как считают авторы исследования «Цифровой поворот. Экономические последствия пандемии и новые стратегии», появляются новые профессии и рабочие места, возможности переобучения и трудоустройства, повышается мобильность работников и эффективность труда.

Свой вклад в оценку цифровой трансформации экономики в целом и отдельных хозяйствующих субъектов в частности, ее возможностей и проблем внесли такие исследователи, как Китова О.В., Шклярук М.С., Гаркуша Н.С., Потапова Е.Г., George Westerman, Karen S. Osmundsen и др.

Изменения в структуре производства и потребления, вызванные пандемией, ускорили внедрение цифровых технологий во многих секторах и усилили их влияние на рынке труда. В периоды самоизоляции и ограниченной личной активности цифровые технологии сыграли решающую роль в сохранении рабочих мест и работе предприятий. Возможность работать из дома позволила многим компаниям, организациям и учреждениям уменьшить негативное влияние на социально-экономические последствия [1].

Вместе с тем все эти цифровые инновации изменяют традиционные операционные модели предприятий, требуя динамического развития в этом направлении и выдвигая новые требования к ныне действующим организационным структурам, производственным подсистемам, подсистемам управления, а также непосредственно к специалистам¹. Среди таких требований можно выделить следующие:

- обеспечение высокого уровня образования сотрудников, развитие творческих способностей и коммуникативных навыков, возможность планирования карьеры;
- обеспечение непрерывного образования персонала, основанного на способности к самообразованию. При этом, в связи с быстрой сменой технологий традиционное повышение квалификации утратило актуальность, на смену пришли дистанционное и корпоративное образование, открытые онлайн-курсы;
- обязательное наличие определенного уровня цифровой грамотности работников, умение работать с большими массивами данных;

¹ Совместное исследование Центра подготовки руководителей цифровой трансформации Высшей школы государственного управления РАНХиГС, АНО «Центр перспективных управленческих решений» и Google о последствиях пандемии и новых стратегиях преодоления кризиса, включая цифровизацию процессов / «Цифровой поворот. Экономические последствия пандемии и новые стратегии». г. Москва, 2021 г., электронное издание https://cdto.ranepa.ru/digital_turn_research/#authors.

– автоматизация бизнес-процессов, следствием которой являются изменение организации и режима работы, способов взаимодействия между сотрудниками. Использование искусственного интеллекта дает возможность повысить эффективность принятых управленческих решений за счет мгновенной реакции на происходящее и оперирования большим количеством исходных данных, проецирования результатов работы, минимизации кадровых рисков;

– трансформация отношений между работодателем и работниками, предполагающая активное использование социальных сетей при наборе сотрудников, охвата целевой аудитории (размещение информации о вакансиях, событиях), применение удаленной занятости для отдельных категорий сотрудников;

– обеспечение информационной безопасности предприятия и др.

В системе управления компаний ведущим функциональным руководителем становится заместитель руководителя по цифровой трансформации и информационной безопасности. Наиболее востребованными на рынке труда являются специалисты по базам данных и сетям, системные администраторы, специалисты в области информационной безопасности. По данным министерства труда РФ 29 % российских организаций планируют увеличение числа последних. Кроме этого, растет количество других специалистов, интенсивно использующих цифровые технологии в своей профессиональной деятельности. Среди них – специалисты разного уровня в области финансово-экономической деятельности, администрирования, сбыта и маркетинга, связям с общественностью, управления персоналом и др. Все это диктует необходимость наличие у персонала наряду с определенным уровнем профессиональных компетенций, так называемых *hard skills*, и надпрофессиональных (социальные или коммуникативные и управленческие навыки, личные качественные характеристики работника) – *soft skills*, цифровых навыков, как минимум базовых, необходимых для работы с IT-технологиями и высокотехнологичным оборудованием – *digital skills* (рис. 1).

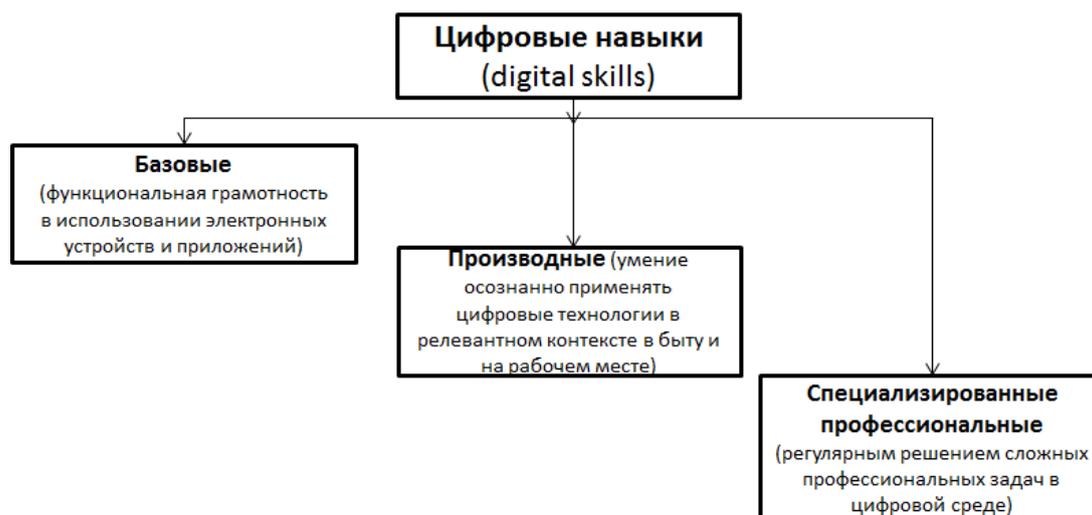

Рис. 1. Классификация цифровых навыков персонала по уровню

Fig. 1. Classification of personnel digital skills by level

При этом, под цифровыми навыками понимаются устоявшиеся, доведенные до автоматизма модели поведения, основанные на знаниях и умениях в области использования цифровых устройств, коммуникационных приложений и сетей для доступа к информации и управления ей [2].

Учитывая перспективы и эффект влияния подрывных цифровых технологий на трансформацию занятости и, в целом, рынка труда, государство реализует активную политику по развитию цифровых компетенций у населения. Федеральный проект «Кадры для цифровой экономики», проект «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли» и др., все это положительно влияет не только на занятость населения и сохранение рабочих мест, но и на эффективность деятельности хозяйствующих субъектов в целом, минимизируя их издержки на развитие цифровых навыков у своих сотрудников.

В настоящее время, реализуется множество образовательных программ, позволяющих получить знания для участия в процессах, основанных на цифровых технологиях.

В 2019 году Университет 2035 и российские компании запустили образовательный ресурс готовкицифре.рф, где жители России могут бесплатно обучиться безопасному и эффективному

использованию платформ и сервисов по цифровым и сквозным технологиям (аналитика данных, администрирование баз данных, программирование, технологии искусственного интеллекта и др.). С 2019 по 2020 год по направлениям «Цифровых профессий» прошли профессиональное обучение 42 997 граждан. Интерес к переобучению в сфере IT оказался настолько высоким, что в 2021 году Университет 2035 получил более 70 тысяч заявок (из 48 регионов России), что превысило показатель, запланированный паспортом федерального проекта «Кадры для цифровой экономики»¹.

Применение цифровых технологий приобретает все большее значение в процессе управления малыми и средними предприятиями, позволяя им внедрять наиболее современные и прогрессивные управленческие концепции, основной принцип которых – эффективное использование ресурсов, что особенно актуально для решения главной проблемы в экономике – ограниченности ресурсов. И если раньше цифровизация была уделом крупных компаний, то в настоящее время в этот процесс активно вовлекается МСП сектор.

По данным аналитической отчетности КМДА, российские компании тратят на цифровую трансформацию от 3 до 10 % годовой выручки. При этом практика показывает, что срок окупаемости инвестиций в этом направлении составляет от 1 до 5 лет.

Эксперты выделяют пять уровней цифровой трансформации бизнеса, среди которых:

- первый уровень, предполагающий цифровизацию отдельных элементов. По данным КМДА в 2021 году на него приходится 36 % российских компаний;
- второй уровень, предполагающий связь и интеграцию элементов инфраструктуры друг с другом. По данным КМДА в 2021 году на него приходится 47 % российских компаний;
- третий уровень, предполагающий выстраивание полной цифровой модели компании и оцифровку всех процессов. По данным КМДА в 2021 году на него приходится 10 % российских компаний;
- четвертый уровень, предполагающий реализацию инструментов предиктивной самокоррекции. Его к 2021 году достигли 3% российских компаний;
- пятый уровень, предполагающий полностью зрелую открытую цифровую инфраструктуру. По данным КМДА в 2021 году на него приходится 5 % российских компаний.

Лидирующие позиции в этом направлении занимают следующие отрасли: ритейл (69%), банки и страховые компании (65%), телекоммуникации и связь (60%). На начальной стадии цифровой трансформации находятся такие отрасли как агропромышленный комплекс и индустрия развлечений. Что же касается таких отраслей как транспорт и логистика, медицина, образование, строительство, туризм и отдых, добыча полезных ископаемых и др., то эти отрасли находятся на промежуточной стадии цифровой трансформации².

Алгоритм цифровой трансформации предприятия сектора МСП представлен на рис. 2.

В основе трансформации бизнес-процессов лежат цифровые платформы, позволяющие оперативно обрабатывать информационные потоки, анализировать большие объемы экономически важной информации, хранить и передавать ее на любые расстояния в минимальные сроки в различных сферах деятельности предприятия. Цифровизация бизнес-процессов – это базовая составляющая цифровой трансформации предприятия [3, с. 104–107]. С точки зрения управления, их можно классифицировать на организационные, финансовые и коммерческие (рис. 3).

Организационные платформы направлены на совершенствование внутриорганизационной коммуникации, производственных процессов, управление трудовыми ресурсами и способствуют балансировке и оптимизации ресурсов предприятия. Финансовые системы позволяют оптимизировать управление активами предприятия. Коммерческие платформы направлены на управление взаимоотношениями с клиентами. Их основной задачей является процесс проведения автоматизированного сбора и обработки данных о покупателях и постоянная информационная связь с покупателями, что способствует повышению качества обслуживания клиентов [4].

¹ Отчет Университета Национальной технологической инициативы 2035 / «Об итогах обучения граждан за 2019-2021 г.». г. Москва, 2021 г., электронное издание: <https://xn--b1agajda1bcigeoabahw4g.xn--p1ai/results2021>.

² Отчет консалтинговой компании по цифровой трансформации «КМДА» / «Цифровая трансформация в России». г. Москва, 2021. С. 26-27.

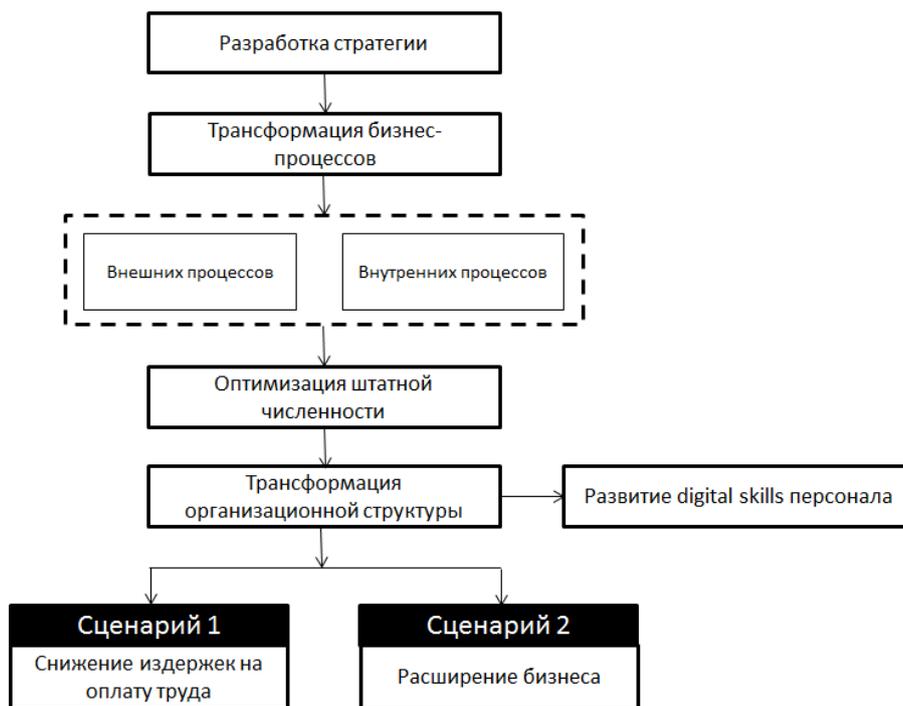

Рис. 2. Алгоритм цифровой трансформации предприятия сектора МСП

Fig. 2. Algorithm of digital transformation of SME sector enterprise

Рис. 3. Классификация цифровых платформ для бизнеса

Fig. 3 - Classification of digital platforms for business

Рассмотрим механизм работы организационных платформ, которые позволяют бизнесу повысить производительность труда и, как следствие, сократить трудозатраты, а также повысить эффективность внутренних бизнес-процессов.

Специальное программное обеспечение помогает в режиме реального времени информировать менеджмент компании об эффективности работы сотрудников и предприятия в целом, о его финансовом положении, что намного упрощает и ускоряет процесс принятия решения по эффективному управлению. Распределенная обработка данных позволяет повысить эффективность информационного обеспечения пользователей, а также уровень гибкости информационной системы и, как следствие, обеспечить оперативность принимаемых решений на всех уровнях управления предприятием. Цифровые датчики со встроенными коммуникационными возможностями обеспечивают сбор первичных данных на производстве по всей цепочке создания стоимости организаций. Системы сбора данных ведут автоматизированный сбор информации о значениях физических параметров в заданных точках объекта (оборудования, скважины, прибора, объекта, а также на цеховом уровне) с аналоговых и/или цифровых источников сигнала, а также первичную обработку, накопление и передачу данных. На базе универсального централизованного хранилища данных (EDWH) создаются витрины данных для выполнения конкретных регулярных задач.

Все эти технологии и основанное на них программное обеспечение сочетают в себе аналитику, управление качеством, запись звонков, инструктаж, анализ речи, текстовый анализ, опросы и обратную связь для оптимизации рабочих процессов. Среди примеров такого программного обеспечения можно выделить Master Data Management (MDM), Enterprise Resource Planning (ERP), Customer Relationship Management (CRM) и другие.

Результатами их использования являются следующее:

– **повышение эффективности и производительности** – в штате всегда нужно количество сотрудников. Организации могут иметь полную картину посещаемости сотрудников и общего времени, какие операции выполняются работниками повторно и сколько на это требуется времени.

– **уменьшение издержек и увеличение экономии** – возможность избежать раздутого штата сотрудников, а также и наоборот недоукомплектованного персонала. Это не только снижает затраты, но и создает возможности для перекрестных и дополнительных видов работ, позволяет в режиме реального времени получать полезную информацию о процессах, выполняемыми сотрудниками.

– **улучшение качества работы с клиентами** – помогает анализировать общение с клиентами, фиксировать поведение клиентов и реализовывать стратегии для их удержания. Позволяет организациям получить более глубокое представление о привычках своих клиентов и их способности удовлетворять их потребности.

– **возможности роста сотрудников** – создает внутреннее карьерное движение по мере разработки новых возможностей и продуктов. Это позволяет сотрудникам работать на оптимальном уровне, тем самым увеличивая вероятность вертикального или горизонтального перемещения внутри организации.

Поскольку трансформация бизнес-процессов предполагает внедрение цифровых платформ и сервисов, основанных на искусственном интеллекте, машинном обучении, больших данных, во все сферы деятельности предприятия (производственную, логистическую, коммерческую, финансовую, кадровую и т.д.) важно, чтобы все эти технологии в конечном итоге интегрировались в единое цифровое рабочее место. Например, обеспечение совместного использования данных о клиентах всеми приложениями для маркетинга, продаж и обслуживания клиентов или обмена данными о сотрудниках между всеми приложениями для управления персоналом, ИТ и повышения производительности предотвращает разрозненность информации и помогает различным структурным подразделениям повысить эффективность внутриорганизационной коммуникации.

Таким образом, предприятиям необходимо пересмотреть свои стратегические документы, заложив в них цифровую трансформацию бизнес-процессов, как неотъемлемый элемент развития в современных условиях, способствующий минимизации издержек и повышению производительности труда. Она позволит оптимизировать функционал сотрудников и повысить эффективность каждого из них на рабочем месте, способствуя переходу от рутинных и повторяющихся задач к творческим и креативным. При этом ключевое значение наряду с ней играет развитие у персонала цифровых навыков.

Список источников

1. Глызина М. П. Модернизация функциональных стратегий организации в контексте цифровой экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 2. С. 26–31.
2. Обучение цифровым навыкам: глобальные вызовы и передовые практики. Аналитический отчет к III Международной конференции «Больше чем обучение: как развивать цифровые навыки», Корпоративный университет Сбербанка. М.: АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка», 2018. – 122 с.: ил., табл.
3. Маслевич Т. П. Управление бизнес-процессами: от теории к практике: учебное пособие. М., 2021. 172 с.
4. Гилева Т. А. Стратегия цифровой трансформации предприятия: сущность и структура/ Цифровая экономика и индустрия 4.0 / Сборник трудов научно-практической конференции с зарубежным участием. г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого, 2020 г. С. 40–54.

References

1. Glyzina M. P. Modernization of functional strategies of the organization in the context of the digital economy. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021;(2):26–31. (in Russ.)
2. Digital skills training: global challenges and best practices. Analytical report for the III International Conference "More than Learning: how to develop digital skills", Sberbank Corporate University. Moscow: ANO DPO "Sberbank Corporate University"; 2018. 122 p. (in Russ.)
3. Maslevich T. P. *Business process management: from theory to practice: textbook*. Moscow; 2021. 172 p. (in Russ.)
4. Gileva T. A. *Strategy of digital transformation of an enterprise: essence and structure / Digital economy and industry 4.0 / Proceedings of a scientific and practical conference with foreign participation*. St. Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University named after Peter the Great, 2020:40-54. (in Russ.)

Информация об авторах

Н. В. Брюханова – канд. экон. наук, доц. кафедры экономики, финансов и природопользования;
А.С. Ефимова – эксперт отдела современных образовательных технологий инновационно-технологического центра.

Information about the authors

N. V. Bryukhanova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Economics, Finance and Environmental Management;
A. S. Efimova – Expert of the Department of Modern Educational Technologies of the Innovation and Technology center.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.02.2022; одобрена после рецензирования 04.03.2022; принята к публикации 05.03.2022.

The article was submitted 17.02.2022; approved after reviewing 04.03.2022; accepted for publication 05.03.2022.

Научная статья
УДК 339.9

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-25-32

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИЦИНЕ

Евгения Александровна Васюта¹, Татьяна Валентиновна Подольская²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹vasyuta-ea@uriu.ranepa.ru

²podolskayat@uriu.ranepa.ru

Аннотация. Технологическая трансформация здравоохранения является важнейшим мировым трендом, значительно актуализировавшимся в связи с пандемией COVID-19. Потенциал для рынка искусственного интеллекта существенен, однако необходимы экономические предпосылки, чтобы, потенциал смог стать перспективной точкой роста в сегменте современного здравоохранения. В статье определены ключевые направления использования искусственного интеллекта в медицине, основные тренды и барьеры развития искусственного интеллекта как важнейшего фактора конкурентоспособности национальных систем здравоохранения. Особо подчеркнута необходимость анализа условий, необходимых для ускоренного развития искусственного интеллекта в медицине в контексте международного опыта его поддержки.

Ключевые слова: здравоохранение, искусственный интеллект, медицинские услуги, технологические решения, многофункциональные цифровые платформы

Для цитирования: Васюта Е. А., Подольская Т. В. Проблемы и перспективы внедрения искусственного интеллекта в медицине // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 25–32. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-25-32>.

Problems of Management

Original article

CHALLENGES AND PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MEDICINE

Evgenia A. Vasyuta¹, Tatiana V. Podolskaya²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹vasyuta-ea@uriu.ranepa.ru

²podolskayat@uriu.ranepa.ru

Abstract. The technological transformation of healthcare is the most important global trend, which was significantly updated in connection with the COVID-19 pandemic. The potential for the artificial intelligence market is significant. But economic prerequisites are needed to realize this potential as a promising growth point in the segment of healthcare. The article defines the key directions of using artificial intelligence in medicine, the main trends and barriers to the development of artificial intelligence as the most important factor in the national health systems' competitiveness. The need to analyze for the accelerated development of artificial intelligence in medicine is justified in the context of international experience of its support.

Keywords: healthcare, artificial intelligence, medical services, technological solutions, multifunctional digital platforms

For citation: Vasyuta E. A., Podolskaya T. V. Challenges and Prospects for the Introduction of Artificial Intelligence in Medicine. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(1):25–32. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-25-32>.

Системы здравоохранения всех без исключения стран мира перегружены пациентами из-за продолжающейся пандемии COVID-19 и не всегда могут обеспечить оперативную и качественную медицинскую помощь в период достижения пиковых значений количества заболевших. Всемирная организация здравоохранения отмечает, что перегруженность систем здравоохранения при вспышках

инфекционных заболеваний влечет за собой рост смертности¹. Помимо проблем, вызванных пандемией, системы здравоохранения практически всех стран мира столкнулись с новыми глобальными вызовами, к основным из которых можно отнести:

– увеличение доли населения пожилого возраста и как следствие быстрорастущий спрос на различные лечебно-оздоровительные услуги со стороны населения старшего возраста. Рост доли пожилого поколения предполагает и постепенное повсеместное старение населения во всем мире. Рост доли населения 60+ к 2050 г. составит приблизительно 2 млрд чел., то есть примерно 25% от общей численности. Также увеличится и доля хронических заболеваний в общем профиле заболеваний человечества, требующих постоянного контроля и мониторинга²;

– рост расходов на здравоохранение в связи с появлением новых заболеваний и общей тенденцией, связанной с урбанизацией. Так самый большой прирост произойдет в странах ОЭСР, где доля расходов на здравоохранение в ВВП к 2030 вырастет до 20%. (рис. 1)³;

Рис. 1 Доля расходов на здравоохранение в ВВП
 Fig. 1. Share of health expenditure in gross domestic product

– дефицит высококвалифицированных медицинских кадров. К 2030 г. дефицит медицинского персонала в мире составит приблизительно 10 млн чел. А нехватка высшего и среднего медицинского персонала в России составит 50 000 врачей и 50 000 среднего медицинского персонала⁴.

Именно поэтому технологическая трансформация систем здравоохранения является необходимым условием, позволяющим решить как общие для всех стран проблемы, так и реализовать национальные стратегические цели развития общественного здравоохранения.

Искусственный интеллект (ИИ) может стать одним из наиболее эффективных технологических инструментов, способных трансформировать формат оказания лечебно-оздоровительных и медицинских услуг, решая целый ряд глобально значимых вызовов развития мирового здравоохранения. К основным проблемам современных систем здравоохранения, которые потенциально можно решить за счет внедрения искусственного интеллекта, относятся:

– увеличение объема медицинских данных, которых становится экспоненциально больше. Так, например, в 2020 г. объем медицинских данных удваивался каждые 73 дня⁵. При этом они, как правило, не всегда были связаны друг с другом и поэтому нуждались в дополнительной обработке;

– приоритет взаимодействия врача и пациента в режиме онлайн. Пандемия COVID-19 вынуждает врачей и пациентов осуществлять более плотное взаимодействие, проводя ежедневный мони-

¹ ВОЗ: из-за пандемии многие страны могут столкнуться с перегрузкой системы здравоохранения. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8117527> (Дата обращения 01.02.2022)

² ВОЗ: число пожилых людей в мире к 2050 году превысит 2 млрд. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/2310511> (Дата обращения 15.01.2022)

³ Государственные затраты на здравоохранение: оценка ВОЗ. Режим доступа: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_572-6730-public-sector-health-expenditure-as-of-total-health-expenditure-who-estimates/visualizations/#id=19667 (Дата обращения 15.01.2022)

⁴ Глобальная стратегия для развития кадровых ресурсов здравоохранения: трудовые ресурсы 2030 г. Режим доступа: https://www.who.int/hrh/resources/global_strategy2030ru.pdf (Дата обращения 16.01.2022)

⁵ Цифровая трансформация в медицине. Режим доступа: <https://www.sandoz.ru/sites/sandoz.ru/files/sandoz-making-access-happen-mag-no3-ru1810901738.pdf> (Дата обращения 16.01.2022)

торинг состояния здоровья последних. Так, в Китае уже сейчас существуют несколько «облачных клиник»¹;

– необходимость поддержки принятия решений врачами и медицинским персоналом. Современные технологии, как правило, ориентируются не на замену медицинского персонала различных уровней, а на их поддержку при принятии врачебных решений. На сегодняшний день в рамках мировой Системы поддержки принятия решений (Decision Support System) существует порядка 50 медицинских проектов [1]. Это дает возможность быстрее вырабатывать соответствующие алгоритмы лечения, а также предоставляет возможности для оценки и прогнозирования ситуации. Это особенно важно в условиях пандемии COVID-19, когда вирус быстро и непредсказуемо мутирует, а база клинических наблюдений осложнений у заболевших недостаточно обширна;

– более жесткое регулирование внедрения технологии искусственного интеллекта. В связи с тем, что технологии искусственного интеллекта все чаще влияют на результат лечения, во всем мире ужесточаются их клинические испытания и сертификация;

– внедрение элементов геймификации. В большинство современных медицинских продуктов и услуг начали внедрять своеобразные элементы игр (достижение целей, набор баллов и т.д.), что позволило повысить уровень вовлеченности пациентов в процесс диагностики и лечения, а также открыло новые возможности машинного анализа (machine learning) поведения и мотивации пользователей.

Подтверждением того, что искусственный интеллект - одно из ведущих направлений цифровой трансформации в медицине является тот факт, что многие современные медицинские организации во всем мире уже сейчас активно внедряют или планируют в ближайшее время внедрять ИИ-решения для повышения эффективности оказания лечебно-оздоровительных и медицинских услуг (рис. 2).

Рис. 2. Внедрение инструментов искусственного интеллекта в различные медицинские отрасли (результаты опроса, проведенного Массачусетским технологическим институтом)²

Fig. 2. Introduction of artificial intelligence tools in various medical industries (results of a survey conducted by the Massachusetts Institute of Technology)

Проанализировав медицинские области, в которых могут быть применены ИИ-решения, можно выделить наиболее перспективные направления его применения:

– диагностика и дальнейшая визуализация заболевания. В период высокого уровня заболеваемости COVID-19 крайне важной стала расшифровка изображений, получаемых на рентгеновских снимках. Речь идет не только о лучевой диагностике, но и о биометрии в целом, распознании изменений состояния кожи, сетчатки глаз и т.д.;

– поддержка при принятии решений, касающихся постановки диагноза и выработки тактики лечения. Система поддержки принятия врачебных решений позволяет более тщательно проанализировать

¹ Глобальная информатика в здравоохранении: облачные технологии. Режим доступа: <https://habr.com/ru/company/ruvds/blog/486804/> (Дата обращения 16.01.2022)

² How AI is humanizing health care: MIT Technology Review. Режим доступа: <https://www.technologyreview.com/2020/01/22/276128/how-ai-is-humanizing-health-care/> (Дата обращения 17.01.2022)

зировать историю болезни, частично поставить диагноз и предложить варианты лечения. Однако конечное решение о применении рекомендации системы принимает медицинский персонал;

- risk-анализ. С помощью инструментов искусственного интеллекта можно проанализировать огромное количество медицинских параметров и норм и указать на выявленные отклонения, снижая при этом риски некорректной диагностики или лечения пациента;

- тестирование новых лекарственных препаратов. Сокращение издержек за счет разработки молекул лекарственных препаратов с помощью искусственного интеллекта. Уже сейчас многие фармацевтические компании поддерживают подобные стартапы;

- проведение клинических испытаний. Полученные клинические исследования предоставляют огромный массив данных, содержащих разнообразную статистическую информацию. С помощью искусственного интеллекта можно проанализировать результаты, полученные не только в ходе одного клинического исследования, но и построить мегаисследование, полученное в результате интеграции результатов нескольких клинических испытаний;

- прогноз распространения различных эпидемий. В данном случае речь идет о том, чтобы предсказать эпидемиологическую ситуацию исходя как из исторического опыта, так и из новостей, публикаций, статических данных, опубликованных в различных периодических изданиях.

Объем мирового рынка искусственного интеллекта в медицине оценивается примерно в 1,3 млрд долларов, из чего можно сделать вывод, что исследуемый рынок является достаточно молодым, сравнительно небольшим, но динамично развивающимся. Согласно прогнозу, предоставленному крупнейшим технологическим изданием TechCrunch, к 2025 году он вырастет примерно в 10 раз. Пик появления новых компаний приходится на конец 2017 года, причем больше половины из них - американские (рис. 3)¹.

Рис. 3. Анализ рынка искусственного интеллекта в медицине
 Fig. 3. Market Analysis of Artificial Intelligence in Medicine

Последовавший за 2017 годом понижательный тренд по количеству новых созданных компаний на рынке медицинского искусственного интеллекта связан с барьерами, препятствующими его развитию. К основным из них можно отнести следующие:

- работа с неоднородными данными. Как правило, обработка медицинских данных предполагает работу с неструктурированной, неполной, не до конца проверенной информацией. Соответственно, инструменты искусственного интеллекта, нацеленные на обработку такой выборки, будут давать не всегда корректные результаты. Также использование искусственного интеллекта в медицинских целях осложняется и тем, что передача персональных данных по закону запрещена, а при обезличивании теряется связь с данными других учреждений (лабораториями, лечебно-оздоровительными и санаторно-курортными учреждениями и т.д.);

- высокая стоимость. Инструменты искусственного интеллекта имеют сквозной характер, вследствие чего они интегрируются во многие уже существующие технологические решения, тем самым увеличивая их стоимость. Более того, отдельная оплата составляющей, отвечающей

¹ Здравоохранение подключает искусственный интеллект. Режим доступа: <https://plus.rbc.ru/news/60b769367a8aa93e70361a37> (Дата обращения 17.01.2022)

за искусственный интеллект, как правило, невозможна. Это связано с тем, что инструменты искусственного интеллекта не являются самостоятельными продуктами (отсутствуют коды классификации оплаты). Это в свою очередь существенно замедляет процесс внедрения;

– сложности с сертификацией инструментов искусственного интеллекта, так как открытыми остаются вопросы, связанные с их тестированием и валидацией, и, соответственно, их эффективностью при выборе тактики лечения. Существует риск постановки непредсказуемых диагнозов и рекомендаций, полученных в результате использования искусственного интеллекта. Необходим ручной контроль со стороны медицинского персонала;

– ответственность. Ответственность медицинского персонала за последствия решений, принятых на основе данных, полученных с помощью искусственного интеллекта, не регламентирована;

– дефицит компетенций. Необходимо внедрять в деятельность врачей новые подходы и технологии применения искусственного интеллекта, учитывая, в том числе, и границы применимости искусственного интеллекта.

Характеристика барьеров, препятствующих интеграции ИИ-решений в современное здравоохранение, также дает основание сделать вывод, что искусственный интеллект в медицине является молодым, недостаточно оцененным направлением с точки зрения инвестирования.

Также стоит обратить внимание, что внедрение искусственного интеллекта в современные системы здравоохранения носит разведывательный характер, что в свою очередь увеличивает объем мировых венчурных инвестиций в ИИ-стартапы в медицине и здравоохранении. Так, объем мировых венчурных инвестиций в ИИ-стартапы в сфере медицины и здравоохранения увеличился на 11 млрд долл. Более того, объем мировых инвестиций удваивается каждый год, начиная с 2017 г. (рис. 4)¹.

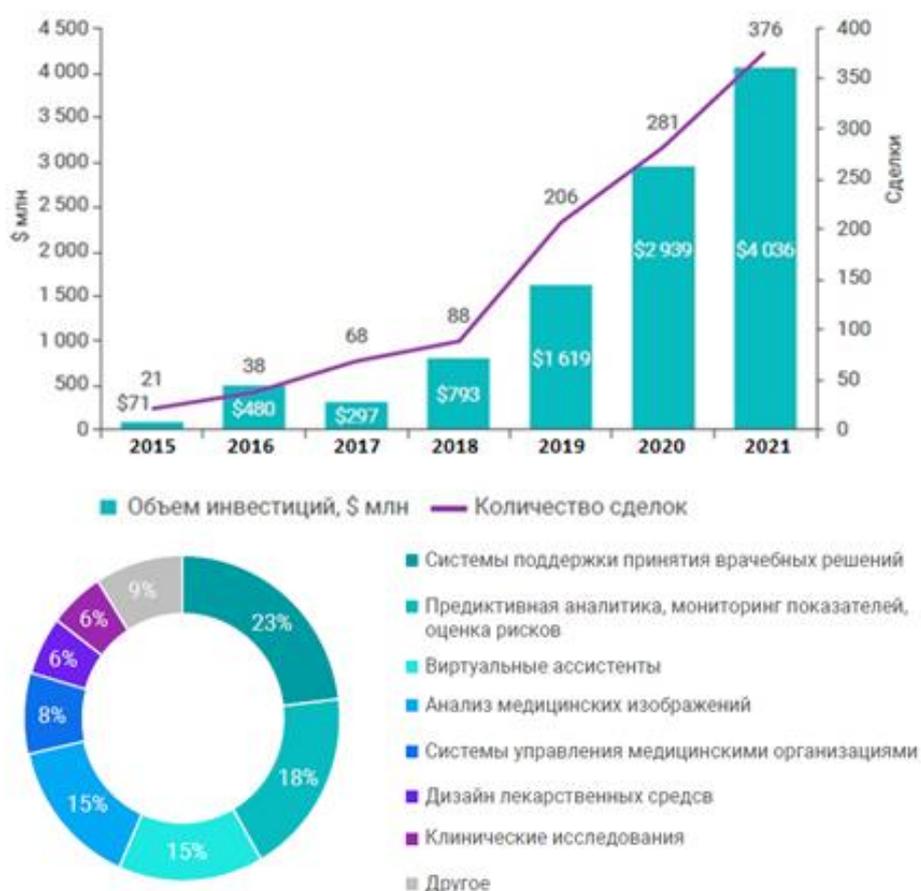

Рис. 4. Динамика мирового венчурного рынка искусственного интеллекта в медицине

Fig. 4. Dynamics of the global venture capital market for artificial intelligence in medicine

¹ Инвесторы набрали темп: самые перспективные стартап-ниши. Режим доступа: https://www.dp.ru/a/2021/09/15/Investori_nabrali_temp (Дата обращения 17.01.2022)

Несмотря на не очень большие объемы инвестирования, в мире существуют успешные практики внедрения и реализации ИИ-стартапов. Так, например, в 2018 году в Абу-Даби по поручению Департамента здравоохранения открыта лаборатория искусственного интеллекта в области медицины. Данная структура была создана для ускоренного внедрения инновационных цифровых решений, анализ эффективности которых происходил за счет тестирования идей, предложенных различными технологическими компаниями.¹

Одним из успешно реализованных проектов является приложение My Health Coach, используемое для того, чтобы простимулировать человека к введению более здорового образа жизни. Данное приложение включает в себя элементы геймификации, синхронизируется с фитнес-трекерами и предоставляет персонализированные рекомендации посредством виртуального помощника Cognitive Virtual Assistant².

В Южной Корее успешно реализован проект использования искусственного интеллекта для наблюдения за жизненными показателями в режиме онлайн и принятию экстренных мер при выявлении их ухудшения. Южнокорейской биотехнологической компанией Seoul Guide Medic был создан наноробот, который обеспечивает автоматическое введение инсулина для пациентов, больных сахарным диабетом, при фиксации отклонений от заданных параметров [4].

Несколько специализированных организаций и инфраструктурных объектов, стимулирующих развитие искусственного интеллекта в медицине и реализуемые в рамках «Плана создания искусственного интеллекта следующего поколения» национальной стратегии развития технологий [3], были созданы и в Китае:

- New Generation Artificial Intelligence Development National Experimental Zone - крупная плотно-инновационная зона Китая, на территории которой за счет большой концентрации университетов, научно-исследовательских институтов и бизнес-структур происходит создание новых продуктов и платформ открытых инноваций, в основе которых лежит искусственный интеллект;
- Beijing Frontier International AI Research Institute - международный научно-исследовательский центр в сфере искусственного интеллекта. Заинтересован в проведении глобальных исследований и увеличении числа новых патентов в области ИИ-решений;
- Beijing Academy of Artificial Intelligence - Пекинская Академия искусственного интеллекта, созданная на базе Пекинский Университет Цинхуа) и крупнейших бизнес-структур - CAS, Baidu, ByteDance.

Также в рамках существующей научно-технической базы в Сингапуре успешно функционирует Банк генетических данных об азиатских популяциях. Данные, собранные в этом банке, использовались для постановки диагнозов и прогнозирования заболеваний. Также на основе этих данных была составлена детальная этническая карта Сингапура. Предполагается, что детальная информация об особенностях генетики разных народностей Сингапура позволит более точно ставить медицинские диагнозы и проводить комплексное лечение болезней сердца.

Департаментом здравоохранения Дубая поддержана инициатива создания умных аптек. Именно в таких типах аптек все лекарства отпускаются и выписываются через единую систему, содержащую в себе все штрих-коды. Управление данным процессом происходит с помощью робота, в памяти которого хранятся данные по 35 000 лекарственных препаратов, причем за минуту в данной аптеке может быть выписано приблизительно 15 рецептов и за час выдано примерно 8000 наименований лекарственных препаратов [2].

На сегодняшний день на территории Дубая существует 5 умных аптек, которые располагаются в крупных медицинских центрах. Реализация подобного проекта продемонстрировала сокращение времени ожидания в среднем на 3 минуты, увеличив при этом время на объяснение и инструкции по приему лекарств на 6 минут. Это позволило не только привлечь порядка 3,48 млн долларов за два года (2018 – 2020)³, но и существенно повысить качество предоставляемых услуг.

¹ G42 Healthcare успешно завершила в ОАЭ геномное исследование для определения последовательности геномов вируса COVID-19. Режим доступа: <https://wam.ae/ru/details/1395302900250> (Дата обращения 19.01.2022)

² Обзор персональных цифровых ассистентов 2020: на пути к контекстной адаптации. Режим доступа: https://actcognitive.org/storage/uploads/docs/обзор_персональных_цифровых_ассистентов_2020.pdf (Дата обращения 19.01.2022)

³ Цифровизация здравоохранения: опыт и примеры трансформации в системах здравоохранения в мире. Режим доступа: <https://niioz.ru/doc/Cifrovizaciya-zdravoohraneniya.pdf> (Дата обращения 19.01.2022)

Еще одним примером успешной практики внедрения искусственного интеллекта в медицину является проект, реализуемый американским некоммерческим научным медицинским центром Cleveland Clinic и компанией Microsoft. Так в клиническом госпитале Кливленда с помощью автоматизированной платформы Azure анализируются данные о состоянии пациентов, собираемые приборами в отделениях интенсивной терапии. После анализа полученных данных, есть возможность предсказать, каков риск развития критического сценария для каждого пациента. Применение данной технологии позволяет одновременно осуществлять мониторинг состояния 100 пациентов, находящихся в разной степени тяжести, что в свою очередь сокращает нагрузку на медицинский персонал, уменьшает уровень смертности и сокращает время нахождения пациентов в стенах медицинского учреждения¹.

Еще одним успешным примером интеграции науки и IT-сферы в области искусственного интеллекта в медицине можно считать сотрудничество Центра информационных технологий в проектировании (ЦИТП) РАН и Первого МГМУ им. И.М. Сеченова, на базе которого проходило тестирование программного обеспечения, выявляющего признаки ранней стадии болезни Альцгеймера². Тестирование программного комплекса показало, что нейросеть способна выявить атрофию у пациентов с альцгеймеровской деменцией в более 90% случаев.

Однако существуют и неудачные попытки внедрения инструментов искусственного интеллекта в систему отечественного здравоохранения. Так, например, экспертная система Киберс, созданная для диагностики и дальнейшего подбора индивидуальной лекарственной терапии, проверки безопасности назначений и автозаполнения медкарты, вызвала неоднозначную реакцию у всего медицинского сообщества. Это связано с тем, что проект изначально не был ориентирован на врачей, а наоборот ориентировался на пациентов. В результате чего у медицинского персонала различного уровня сформировалось ярко негативное отношение к нему, как к проекту, предназначенному для «самолечения».

Таким образом, можно сделать вывод, что внедрение инновационных технологий, в том числе ИИ-решений, должно быть крайне аккуратным и потому должно обсуждаться с врачебным сообществом, находя свое место в клинической практике. Неграмотно выстроенная коммуникация и, как следствие, неправильное позиционирование искусственного интеллекта в определенных медицинских областях могут иметь негативные последствия как для пациентов и врачей, так и для инвесторов, вложивших средства в дорогостоящий проект.

Еще одним условием развития искусственного интеллекта в медицине можно считать ускоренную разработку процедур его сертификации и регистрации, в связи с чем крайне важно обозначить сроки и привлечь экспертов, специализирующихся в различных областях. Важно создать профессиональную ассоциацию, включающую в себя специалистов различных областей: бизнеса, власти, научного и врачебного сообщества, принимающих решение о допуске той или иной технологии как в медицинскую область, так и в определенное лечебно-оздоровительное и медицинское учреждение.

Необходимо конкретизировать сроки реализации ИИ-стартапов, так как искусственный интеллект является быстроизменяющейся областью. В данном случае нельзя годами готовить процедуры и потом годами принимать решение по каждому продукту.

Крайне важно и создание механизмов прозрачной оплаты лечебно-оздоровительных услуг с применением искусственного интеллекта. Это позволит достаточно четко и быстро осуществлять процедуры внесения в ОМС технологий на основе искусственного интеллекта.

На данный момент у современных IT-компаний нет четкого понимания, кто оплатит процесс создания продукта и стоит ли вкладываться в его разработку. Появление понятного платежеспособного спроса в свою очередь стимулирует появление новых компаний с ИИ-продуктами.

И еще одним условием внедрения искусственного интеллекта в современные системы здравоохранения может стать создание общедоступных медицинских файловых систем (датасетов). Именно поэтому важно стимулировать создание общедоступных наборов данных и давать к ним доступ не только зарубежным, но и отечественным разработчикам.

В данном случае эффективным механизмом может стать внедрение системы грантов и/или субсидий для тех компаний, которые соберут и подготовят безопасные и эффективные медицинские

¹ Аналитический обзор "Тренды развития искусственного интеллекта в медицине". Режим доступа: https://innoagency.ru/files/AI_in_Healthcare_AIM_2020.pdf (Дата обращения 19.01.2022)

² Карта «Искусственный интеллект в здравоохранении России». Режим доступа: <https://webiomed.ai/blog/karta-iskusstvennyi-intellekt-v-zdravookhranenii-rossii/> (Дата обращения 19.01.2022)

файловые системы, делающие конкурентоспособными не только IT-компании и лечебно-оздоровительные компании, но и лечебно-оздоровительные территории.

На основе всего выше изложенного можно сделать вывод, что перспективное использование технологии искусственного интеллекта в медицине требует комплексного решения большого количества вопросов, лежащих не только в сфере здравоохранения и высоких технологий, но и в области законодательного, организационного и административного поля. Лидирующие позиции в данной сфере принадлежат США, Японии, Китаю и Южной Корее, которые активно инвестируют в развитие систем искусственного интеллекта, в том числе путем реализации масштабных государственных программ. Но рынок использования искусственного интеллекта в медицине настолько обширен, что у российских высокотехнологичных компаний есть возможность занять свою нишу и реализовывать высоко прибыльные проекты в международном масштабе.

Список источников

1. Малых В.Л. Системы поддержки принятия решений в медицине // Программные системы: теория и приложения. 2019. № 2 (41). С. 155-184.
2. Осипова М.Г. Инновационная модель Республики Сингапур // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 2 (39). С. 173-182.
3. Решетникова М.С., Пугачева И.А., Лукина Ю.Д. Тенденции развития технологий искусственного интеллекта в КНР // Вопросы инновационной экономики. 2021. Том 11. №1. С. 333-350.
4. Широковский С.А. Возможности, ограничения и вероятные угрозы устойчивому развитию высокотехнологических компаний азиатского региона вследствие выхода из-под контроля искусственного интеллекта и нейросетей // Экономика Центральной Азии. 2020. Том 4. №4. С. 385-394.

References

1. Malyh V. L. Medical Decision Support Systems. *Programmnye sistemy: teoriya i prilozheniya = Program Systems: Theory and Applications*. 2019;2(41):155–184. (In Russ.)
2. Osipova M.G. Innovation Model of the Republic of Singapore. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya = South-East Asia: actual development challenges*. 2018;2(39):173–182. (In Russ.)
3. Reshetnikova M. S., Pugacheva I. A., Lukina YU. D. Trends in the development of artificial intelligence technologies in China. *Voprosy innovacionnoj ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics*. 2021;11(1):333–350. (In Russ.)
4. SHirokovskij S. A. Opportunities, limitations and possible threats to the sustainable development of high-tech companies in the Asian region as a result of the out-of-control artificial intelligence and neural networks. *Ekonomika Central'noj Azii = Journal of Central Asia Economy*. 2020;4(4):385–394. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. В. Подольская – канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой международных экономических отношений;
Е. А. Васюта – ст. преп. кафедры международных экономических отношений.

Information about the authors

T. V. Podolskaya – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Economic Relations;
E. A. Vasyuta – Senior Lecturer of Department of International Economic Relations.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья
УДК 316.334:316.354.2
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-33-38

СОЦИАЛЬНО-ОТВЕТСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ДОВЕРИЯ В ОБЩЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА

Виктория Георгиевна Громакова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
victoriagromakova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются подходы к раскрытию содержания понятия социально-ответственного управления и социально значимых функций бизнеса. Выделяются три основных подхода, соответствующих этапам формирования представлений о социальной ответственности организаций: либерально-экономический, попечительское управление и собственно социальное управление. Рассматривается значимость участия организаций в реализации социально ориентированных проектов для формирования благоприятной социальной среды как основы устойчивого развития в будущем. В частности, анализируется взаимосвязь социальной ответственности и социального доверия.

Ключевые слова: социально-ответственное управление, институциональный кризис, институциональное доверие, открытое межличностное доверие, социальная организация

Для цитирования: Громакова В. Г. Социально-ответственное управление как фактор повышения доверия в обществе в условиях институционального кризиса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 33-38. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-33-38>.

Original article

SOCIALLY RESPONSIBLE MANAGEMENT AS A FACTOR OF INCREASING TRUST IN SOCIETY IN THE CONTEXT OF AN INSTITUTIONAL CRISIS

Victoriya G. Gromakova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
victoriagromakova@yandex.ru

Abstract. The article analyzes approaches to the disclosure of the content of the concept of socially responsible management and socially significant business functions. There are three main approaches corresponding to the stages of formation of ideas about the social responsibility of organizations: liberal-economic, trusteeship management and social management proper. The importance of the participation of organizations in the implementation of socially oriented projects for the formation of a favorable social environment as a basis for sustainable development in the future is considered. In particular, the interrelation of social responsibility and social trust is analyzed.

Keywords: socially responsible management, institutional crisis, institutional trust, open interpersonal trust, social organization.

For citation: Gromakova V. G. Socially responsible management as a factor of increasing trust in society in the context of an institutional crisis. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):33-38. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-33-38>.

В условиях институциональной трансформации, которую переживает российское общество, проблема доверия на разных уровнях его функционирования приобретает особую актуальность, поскольку является важным условием консолидации гражданского общества и становления эффективных экономических и политических социальных институтов. Однако уровень открытого межличностного и институционального доверия в российском обществе критически низкий [1].

Разделяя точку зрения Д. Норта о существовании двух взаимосвязанных типов структурных трансформаций: институциональных и организационных [2, 3], нельзя не заметить, что кризисное

состояние социальных институтов выводит на новый уровень актуальность вопросов, связанных с эффективным управлением, причем особое значение приобретает социально ответственное управление в организациях. В связи с актуальностью обозначенных аспектов преодоления институционального кризиса целью настоящей статьи стал анализ распространения принципов социально ответственного управления в российских организациях и их значимости в качестве фактора повышения уровня доверия в обществе.

Обращаясь к значению термина «социально ответственное управление», находим, что изначально он появился в дискурсе экономических наук в связи с развитием взаимоотношений бизнеса и общества и осознанием значимости социальной среды для реализации стратегических целей.

Так Йозеф Шумпетер и Фридрих Хайек отмечали, что «предпринимательству приходится действовать в условиях сложного социального окружения, которое может оказывать на него значительное воздействие» [4], в связи с чем оказание помощи обществу и последующее снижение уровня социального напряжения становится выгодным для бизнеса. Кроме того, социальная активность предприятия способствует формированию его привлекательного имиджа, что дает преимущества в конкурентной борьбе за рынки, государственные заказы и кадровые ресурсы. Соответственно, предприятия добровольно берут на себя социальную ответственность, которая в данном контексте определяется как «обязательства приносить пользу обществу через использование прибылей» [5].

Сходное определение дают О. В. Иншаков и Д. П. Фролов, а именно рассматривают корпоративную социальную ответственность как «особый экономический институт капитализма, представляющий собой генотипическую модель закрепления общественно значимых функций (институций) за корпоративными структурами, воплощающуюся в системе принципов, правил, требований и ценностей социальной ориентации бизнеса. Содержанием данного института является гетерогенный комплекс специфических институций – устойчиво закрепленных и социально легитимированных статусных функций субъектов экономики» [6, с. 67].

Однако общественно значимые функции бизнеса исследователи определяют по-разному, причем можно выделить три основных подхода.

Представителем первого подхода является М. Фридман [7]. Он подчеркивает, что социальная ответственность бизнеса состоит в увеличении прибыли для своих вкладчиков. В отношении общества в целом предприниматели, с точки зрения сторонников либеральной экономики, ответственны только за предоставление товаров и услуг по разумной цене и уплату налогов. Решением же собственно социальных проблем должно, по их мнению, заниматься государство.

В рамках второго подхода - попечительского управления, социальная ответственность понимается как значительный вклад крупных предприятий в улучшение качества социальной жизни работников. Данная точка зрения является отражением результатов деятельности профсоюзов, под давлением которых в зону ответственности предприятий вошли не только вопросы прибыльности, но и уровень заработной платы, выплаты по нетрудоспособности, обеспечение безопасных условий работы. Так же сторонники данной точки зрения признают ответственность бизнеса перед конкурентами, банками, государством [8].

Третий подход – собственно социальное управление, трактует социальную ответственность как добровольное вложение предприятий в долгосрочные партнерские отношения с обществом, путем создания благоприятного социального окружения, что приводит к устойчивой прибыли в будущем [9]. В таком контексте понимание социальной ответственности предприятий существенно расширяется. В спектр проблем, которые должны решаться с участием бизнеса, включаются вопросы охраны окружающей среды, борьбы с бедностью, участие в социальных программах государства. Еще большее внимание уделяется социальной поддержке работников предприятия, которая включает четыре основные позиции:

- оплата труда и социальные выплаты (пенсионные, медицинские, на детей и др.);
- условия и охрана труда;
- квалификация кадров, система их подготовки и переподготовки;
- содержание и развитие социальной инфраструктуры.

Социальная защита работников, как подтверждают исследования, не только повышает их уровень жизни и способствует личностному развитию, но и является условием процветания фирмы. Наконец, в спектре индикаторов социально ответственного управления оказывается и уважение к работнику, признание его заслуг перед организацией [5,10].

Такой подход к трактовке социально ответственного менеджмента обуславливает его распространения за пределы собственно бизнеса – на сферы муниципального и государственного управления.

«Корпоративная социальная ответственность органа муниципального управления – это современный демократический стиль деятельности представительных и исполнительных органов самоуправляющейся власти и управления, который прямым образом и опосредованно (через принципы, организационную культуру, средства взаимодействия с обществом и пр.) предусматривает требование о наличии во всех управленческих решениях вектора направленности на устойчивое развитие и благосостояние членов территориальной общины, бизнеса на соответствующей территории, персонала управления и общества в целом» [11]. Аналогичным образом должна трактоваться и социальная ответственность организационных структур государственной власти.

Хотелось бы также обратить внимание на взаимосвязь социальной ответственности бизнеса и государства и на тот факт, что, если в странах Европы и Северной Америки, процесс формирования стандартов социально ответственного управления шел от бизнеса, то в России после Октябрьской революции соответствующие функции были переданы государству и по сей день остаются преимущественно его заботой, несмотря на смену политического режима и экономической системы.

Что касается бизнеса, то до сих пор большинство собственников и руководителей российских предприятий придерживаются принципов либеральной экономики. А попытки внедрения более прогрессивных форм социального управления в практику российских предприятий сталкиваются с рядом сложностей. Среди которых исследователи выделяют следующие:

1. При оценке качества всех видов деятельности используются, преимущественно, количественные показатели. Наряду с тем, многие мероприятия проводятся для «галочки» и вызывают у участников скорее отторжение, нежели приводят к увеличению их удовлетворенности от деятельности организации.

2. Кроме того, подобные действия руководства не воспринимаются сотрудниками как ценные, а именно работники находят их неэквивалентными справедливому вознаграждению или обмену.[12] Так, нередко корпоративные мероприятия проводятся на фоне неудовлетворенности персонала условиями или размерами оплаты труда, а социальные выплаты, выходящие за рамки обязательных, носят смехотворный характер.

Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что в обществе, долгое время ориентированном на патерналистские отношения с государством, не сформированы моральные нормы, которые бы составили базис личной социальной ответственности, не устоялся соответствующий способ экономического мышления, а тем более не укоренены соответствующие практики. Соответственно, представители бизнеса, также являющиеся частью общества, не считают необходимым и не умеют осуществлять социально-ориентированную деятельность.

Однако на данный момент сходные противоречия наблюдаются и в отношениях общества и государства, что таит в себе существенные риски. Как говорит П. Хейне: «Сотрудничество, являющееся основой общества и цивилизации, требует немалого самоограничения со стороны граждан или готовности учитывать интересы других при достижении своих собственных целей. Если люди придут к выводу, что их обманывают, они легко отбросят сдерживающие этические нормы и будут относиться к другим так же, как, по их мнению, относятся к ним... Если потом люди объединяются в группы для возмещения своих потерь насильственным путем, они подпитывают гнев и неудовлетворение других. Политические требования становятся резче, когда люди чувствуют себя жертвами» [13].

3. Одним из важнейших принципов социально ответственного управления считается баланс интересов заинтересованных групп при том, что эти интересы часто различаются. Так, например, все внутренние стейкхолдеры имеют общий интерес — успешное развитие хозяйствующего субъекта. Однако при этом индивидуальные интересы каждой из групп отличаются. Требования профсоюзов, касающиеся повышения заработной платы, могут быть удовлетворены за счет снижения дивидендов акционеров, расширение производства создает новые риски для окружающей среды, личная выгода менеджеров нередко извлекается ими в ущерб интересам собственников. Возникает конфликт интересов, основанный в первую очередь на несогласии стейкхолдеров в оценках вклада каждой группы заинтересованных лиц и определении надлежащего за него вознаграждения.

И. В. Жиглей, рассматривая перспективы распространения практик социально ответственного управления с точки зрения бухгалтерского учета как информационной базы, отмечает, что конфликтная ситуация усугубляется, как правило, двумя факторами: неполнотой информации и неприятием риска [14]. По поводу значения информированности Г. В. Назарова утверждает, что «если бы у последнего (имеется в виду принципал) была полная информация, то он мог бы оценить работу агента, а агент более рационально и эффективно исполнял свои обязанности с точки зрения принципала» [15]. В свою очередь О. Чиркова также обращает внимание на то, что «асимметричность

информации о корпоративных отношениях приводит к возникновению сложностей объективной оценки действий агента и предвидения их последствий» [16]. Неполнота информации часто оказывает резко негативное влияние на восприятие гражданами социальной политики государства. В результате даже действительно серьезные меры по улучшению жизни населения обесцениваются в общественном сознании.

В том же, что касается организаций, то в большинстве случаев претензии работников оправданы, причем одна из часто упоминаемых в опросах причин недовольства – это непрозрачность системы выплат, а также распределение высоких зарплат исключительно между представителями узкого круга лиц, приближенных к руководству.

4. С проблемой неполноты информации тесно связана также проблема неэффективной и недостаточной коммуникации между работниками организаций. Рассматривая значимость данного аспекта социально ответственного управления, целесообразно обратиться к точке зрения М. Маклюэна, который утверждал, что посредством коммуникации определяются восприятие людьми окружающей действительности как «объективной реальности» [17]. Соответственно уровень развития и специфика коммуникации во многом задают вектор субъективного оценивания работниками предприятия действий администрации, характер которого непосредственно влияет и на их поведение. В оценках могут фиксироваться произвол индивидуализма, самореализация с целью подавления других, отчуждение от решения общественно-значимых задач по методу «отстраненного взгляда», признаки девиантного поведения или высокая степень предприимчивости, инновационности, исполнительности, ответственности.

5. Среди проблем, связанных с неэффективной коммуникацией как проявлением пренебрежения принципами социально ответственного управления, одновременно становящимся препятствием на пути их внедрения, стоит особо рассмотреть низкий уровень взаимной ответственности всех участников производственных отношений. Начнем с распространенных среди управленцев представлений о нецелесообразности привлечения работников к решению производственных проблем и нежелательности повышения коммуникативной открытости в том числе в вопросах, связанных с выплатами, мотивированных безответственностью подчиненных и их равнодушием к будущему организации. Однако, рассуждая подобным образом, менеджеры игнорируют тот факт, что сопричастность работников к принятию решений, конструктивный диалог, направленный на поиск согласия и взаимопонимания способствует устранению отчужденности, враждебности, а также росту ответственности и доверия [18].

Однако в складывающейся системе рыночных отношений в настоящее время можно наблюдать ситуацию, когда на предприятии в руководящем звене управления имеет место категоричность, доминирование одного мнения, одной позиции, как правило, исключающей другие мнения, иные подходы к решению производственных вопросов, выражающей открытое пренебрежение к личности работника. На частных предприятиях последнее нередко выражается не только в отстранении работников от обсуждения производственных вопросов, но и в форме прямых оскорблений.

Отсутствие должного внимания к нуждам работников, отказ признавать их вклад в деятельность организации ведет к снижению ответственности и со стороны работников, что проявляется в снижении качества продукта, невыполнении поставленных целей и задач функциональной деятельности предприятий, что влечет к еще более пренебрежительному отношению к ним со стороны руководства. Возникает замкнутый порочный круг.

Кроме того, через призму производственных отношений, которые можно охарактеризовать как волонтаристские, работники воспринимают и социальную систему в целом.

6. Наряду со снижением эффективности трудовой деятельности раскручивание маховика положительной обратной связи приводит к утрате доверия к общественным и экономическим институтам и практикам, которые обеспечивали бы повышение уровня и качества жизни, социальную защищенность персонала, безопасные условия труда и его эффективность [19]. Недоверие распространяется как на руководство частных предприятий, так и на государство, хоть и в меньшей степени.

Таким образом, выявляется комплекс взаимосвязанных негативных явлений. Низкий уровень социальной ответственности организаций порождает и закрепляет низкий уровень доверия и ответственности работников. Безответственность работников всех уровней приводит к замедлению развития предприятий, что в общегосударственных масштабах становится одним из факторов стагнации экономики. Неудовлетворительные темпы развития организаций и экономической системы в целом препятствуют выполнению ими социальных функций, что ведет к снижению уровня жизни. Ухудшение условий жизни приводит к дальнейшему снижению институционального и межличностного доверия и социальной ответственности.

Наряду с вышеизложенными выводами стоит отметить, что социально ответственное управление – это практически единственное звено в описанном цикле обратных связей, которое может изменяться непосредственным образом и подлежит прямому администрированию. В связи с этим единственным выходом из сложившейся кризисной ситуации видится дальнейшее планомерное внедрение принципов социально ответственного управления в организациях всех форм собственности, а также в аппарате государственной власти. Причем при имеющей место в российском социуме конфигурации институционализированных норм и правил поведения, эта цель может быть достигнута только при условии сохранения контролирующих функций за государством, что обусловлено как гражданской незрелостью бизнес-сообщества, так и широким распространением патерналистских установок в отношениях государства и общества.

Список источников

1. Мартьянов В.С. Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Рос. акад. наук. Екатеринбург. 2017. Том 17. Вып. 1. С. 61–82.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экон. книги «Начала», 1997. С. 116–118.
3. Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. М., 1993.
4. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. 256 с.
5. Нехода Е.В. Социальная ответственность бизнеса и управления: сущность и основные направления реализации // Вестник Томского гос. ун-та. 2003. № 379. С. 186–190.
6. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Эволюционная перспектива экономического институционализма // Вопросы экономики. 2010. № 9. С. 63–77.
7. Фридман М. Капитализм и свобода: пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.
8. Дафт Р.Л. Менеджмент. М.: Олимп-бизнес, 2001. 463 с.
9. Туркин С.В. Социальные инвестиции в бизнесе. М.: Рус. ун-т, 2003. 237 с.
10. Шугаев А.А. Социальные программы на предприятиях Германии // Кадры предприятия. 2002. №1. С. 4–8.
11. Колповская А.М. Стандарт социальной ответственности в муниципальном управлении // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. №1. С. 114–119.
12. Башкатов И.П. Особенности современного маркетинга в образовании в контексте социально ответственного управления // Вестник МФЮА. 2021. № 1. С. 42–53.
13. Хейне П. Экономический образ мышления. М.: Дело, 1992. 704 с.
14. Жиглей И. В. Бухгалтерский учет как информационная база социально ответственного управления // Международный бухгалтерский учет. 2010. № 18 (150). С. 50–61.
15. Назарова Г. В. Институціоналізм влади в управлінні корпораціями. URL: <http://www.donntu.edu.ua>.
16. Чиркова Е. В. Действуют ли менеджеры в интересах акционеров? Корпоративные финансы в условиях неопределенности. М.: Олимп-Бизнес, 1999. 288 с.
17. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга: становление человека печатающего. М.: Академ. проект, 2005.
18. Социальные технологии и современное общество / Под ред. К.М. Оганян. СПб.: СПбГИЭУ, 2008. 336 с.
19. Потемкин В.К. Социальная ответственность в системе человекоориентированного управления предприятиями и организациями // Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». 2021. №3. С. 25–35.

References

1. Martyanov V.иS. Trust in modern Russia: between the Late Modern and the new estate? *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija Ros. akad. nauk = Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. Ekaterinburg. 2017;17(1):61-82. (In Russ.)
2. North D. *Institutes, institutional changes and functioning of the economy*. Moscow: Ekon Foundation. books "Beginnings"; 1997. (In Russ.)
3. North D. *Institutes, ideology and economic efficiency Ot plana k rynku: budushhee postkommunisticheskikh respublik = From the plan to the market: the Future of post-Communist Republics*. Moscow; 1993. (In Russ.)
4. Hayek F. *Individualism and Economic Order*. Moscow: Izograf; 2000. 256 p. (In Russ.)

Problems of Management

Gromakova V. G. *Socially responsible management as a factor of increasing trust in society in the context of an institutional crisis*

5. Nekhoda E. V. Social responsibility of business and management: the essence and main directions of implementation *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. 2003; 379: 186-190. (In Russ.)
6. Inshakov O. V., Frolov D. P. Evolutionary perspective of economic institutionalism *Voprosy ekonomiki = Voprosy Ekonomiki*. 2010;(9):63–67. (In Russ.)
7. Friedman M. *Capitalism and Freedom*. Moscow: New Publishing house; 2006. (In Russ.)
8. Daft R.L. *Management*. M.: Olymp-business; 2001. (In Russ.)
9. Turkin S.V. *Social investments in business*. Moscow: Russing University; 2003. (In Russ.)
10. Shugaev A.A. Social programs at German enterprises *Kadry predpriyatija = Personnel of Enterprise*. 2002;(1):4–8. (In Russ.)
11. Kolpovskaya A.M. Standard of social responsibility in municipal management *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija = Journal of Public and Municipal Administration*. 2014;(1):114–119. (In Russ.)
12. Bashkatov I.P. Features of modern marketing in education in the context of socially responsible management *Vestnik MFUA = Herald of the Moscow university of finances and law MFUA*. 2021;(1):42–53. (In Russ.)
13. Heine P. *Economic way of thinking*. Moscow: Delo; 1992. (In Russ.)
14. Zhigley I. V. Accounting as an information base of socially responsible management *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet = International accounting*. 2010;18(150):50–61. (In Russ.)
15. Nazarova G. V. *Instutsinalizm vladi in the management of corporations*. Available from: <http://www.donntu.edu.ua>. [Accessed 07.11.2021]. (In Ukr.)
16. Chirkova E. V. *Do managers act in the interests of shareholders? Corporate finance in conditions of uncertainty*. Moscow: Olymp-Business; 1999. (In Russ.)
17. McLuhan M. *Guttenberg Galaxy: the formation of a printing man*. Moscow: Akadem. Project; 2005. (In Russ.)
18. *Social technologies and modern society*. Edited by K.M. Ohanyan. St. Petersburg: SPbSUE; 2008. (In Rus.)
19. Potemkin V.K. Social responsibility in the system of human-oriented management of enterprises and organizations *Rossijskij nauchnyj zhurnal «Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovanij» = Russian scientific journal "Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research"*. 2021;(3):25–35. (In Rus.)

Информация об авторе

В. Г. Громакова – канд. биолог. наук, доцент кафедры региональной социологии и моделирования социальных процессов.

Information about the author

V. G. Gromakova – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Sociology and Modeling of Social Processes.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.01.2022; одобрена после рецензирования 10.02.2022; принята к публикации 11.02.2022.

The article was submitted 26.01.2022; approved after reviewing 10.02.2022; accepted for publication 11.02.2022.

Научная статья

УДК 33:378.1

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-39-42

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Елена Юрьевна Золочевская¹, Яна Евгеньевна Сивакова²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹zolochevskaya@uriu.ranepa.ru

²yinyang2511@mail.ru

Аннотация. В статье дан анализ сложившейся практики экспорта образования в Российской Федерации, охарактеризован процесс интеграции в высших учебных заведениях экспорта образовательных услуг, разработана модель совершенствования механизма преодоления барьеров в привлечении иностранных граждан для обучения в образовательные организации Российской Федерации, проанализированы экономический, социально-политический и демографический подходы, определены факторы негативных явлений процессов экспорта образовательных услуг.

Ключевые слова: имидж, качество образования, экспорт образования, механизм продвижения экспорта образовательных услуг, мировой рейтинг

Для цитирования: Золочевская Е. Ю., Сивакова Я. Е. Совершенствование механизма развития экспорта образования в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 39-42. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-39-42>.

Problems of Management

Original article

IMPROVEMENT OF THE MECHANISM OF EDUCATION EXPORT DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Elena Yu. Zolochevskaya¹, Yana E. Sivakova²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹zolochevskaya@uriu.ranepa.ru

²yinyang2511@mail.ru

Abstract. This article analyzes the current practice of exporting education in the Russian Federation, shows the characteristics of integration processes in higher educational institutions in the vector of export of educational services, developed a model for improving the mechanism for overcoming barriers in attracting foreign citizens to study in educational institutions of the Russian Federation, analyzed the economic, social - political and demographic approaches, the factors of negative phenomena in the processes of export of educational services are determined.

Keywords: image, quality of education, export of education, mechanism for promoting the export of educational services, world ranking

For citation: Zolochevskaya E. Yu., Sivakova Ya. E. Improvement of the mechanism of education export development in the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):39–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-39-42>.

Начало XXI века справедливо можно назвать новой эпохой, изменяющей все сферы жизнедеятельности человека. Бурное развитие информационного общества, рост объема информации, кардинальное изменение формата обучения, особенно в «постпандемийный период», сильно повлияли на систему образования в целом, и на привлечение иностранных обучающихся в частности. Пандемия выявила сложности объективного характера, как например:

- в большинстве образовательных организациях материально-техническое обеспечение не соответствовало требованиям качественного предоставления образовательной услуги в дистанционном формате;

- наряду с предыдущим показателем, также не у всех студентов организована возможность удаленного подключения для освоения образовательных программ, не говоря об иностранных студентах, которые проживают в таких странах, как: Пакистан, Зимбабве, Непал, Шри-Ланка, Алжир, Ливия, Индия, Судан, Конго, Туркменистан, а также Индонезия. Из нижеприведенной диаграммы видно, что почти два миллиарда людей на сегодняшний день лишены возможности получать соответствующее периоду развития образование;

Рис. 1. Население стран, которые не покрыты сетью Интернет¹
 Fig. 1 Population of countries that are not covered by the Internet

- квалификация профессорско-преподавательского состава и также учебно-вспомогательного не всегда соответствует новым требованиям, не говоря о тех знаниях и навыках, которые будут способствовать адаптации иностранных студентов;

- отсутствие раскрученного бренда института, которой бы мог признаваться на международном рынке образовательных услуг;

Указом президента РФ утвержден федеральный проект «Экспорт образования», главным вектором которого является повышение конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг, также повышение привлекательности российских образовательных программ и, конечно же, получение прибыли от несырьевого источника.

Одним из наиболее востребованных и перспективных продуктов человеческой деятельности XXI века стали производство наукоемкой продукции и информации и экспорт научно-технических и образовательных услуг. Именно они являются наиболее действенными и эффективными факторами стимулирования экономического роста и цивилизационного прогресса. В работах отечественных исследователей ЭОУ рассматривается как экономическая категория и как основа для анализа демографического и социально-политического процессов. Образовательные услуги выступают основным продуктом образовательной сферы.

Согласно Концепции экспорта образовательных услуг вводятся понятия «торговля услугой», «поставка услуги». Они представлены на рынке в разных формах, т.к. привлечение иностранных граждан на учебу в российские учебные заведения, развитие международных обменов и образовательных связей, дистанционное обучение, создание филиалов за рубежом, развитие гуманитарного сотрудничества².

Субъектами рынка в данном подходе являются национальные системы образования с учетом их позиций по привлечению финансов в свою экономику, а также конкурентоспособности. Экспорт образовательных услуг как экономическое понятие – сложный симбиоз качественной услуги и престижа. В масштабах страны повышение привлекательности российского образования это и

¹ Рисунок составлен авторами по результатам исследования.

² Проект документа «Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011-2020», разработанный Министерством образования и науки Российской Федерации при поддержке Национального фонда подготовки кадров в декабре 2009 г.

новые политические возможности России в мировом пространстве посредством развития российской науки и культуры.

Также последние годы в России произошло резкое сокращение общего количества студентов из-за неблагоприятной демографической ситуации. В ближайшие годы российские высшие учебные заведения будут испытывать трудности с набором абитуриентов из-за депопуляции населения страны и сокращения численности молодежи. За последние 10 лет число россиян в возрасте до 17 лет уменьшилось с 40,1 млн до 31,5 млн. чел. и эта тенденция, к сожалению, не меняется. Приближающаяся демографическая яма ставит перед вузами вопрос о поиске абитуриентов за пределами страны [1].

Следовательно, ЭОУ в данной статье мы будем рассматривать как способ наращивания контингента в российских вузах за счет иностранных студентов.

В результате исследования мы видим, что наука идет за практикой: возникли проблемы внутри социальных процессов, а нормативно-правовая база определяет эти проблемы вне их реального существования. Из-за отсутствия теорий среднего уровня, которые лояльно и содержательно рассмотрят сущность возникших проблем, ситуация усложняется. Данные негативные явления присущи и ЭОУ в Российской Федерации. Взаимодействие в кластере социальной практики и теоретических моделей в образовательном пространстве иностранных студентов довольно важно, а в социально-политическом вопросе необходим инструмент мягкой силы, как действенного средства влияния в мировом масштабе.

Считаем своевременным отметить, что существенная на сегодняшний день доля образовательных услуг представлена в цифровой форме и осваивается потребителем посредством информационно-телекоммуникационных технологий. И в свою очередь Россия серьезно отстает, экспорт российских образовательных продуктов с применением дистанционных форм обучения на всех уровнях крайне необходим. Россия имеет реальные возможности на рынке университетского онлайн-образования, но данная форма реализации образовательных программ осуществляется всего лишь на базе нескольких ведущих университетов. Следовательно, во всех образовательных учреждениях страны постоянно необходимо проводить мониторинги соответствия качества предоставления оцифрованной образовательной услуги с целью определения оценки деятельности как руководителей, так и организации в целом, а также обеспечения доступности для зарубежных партнеров, иностранных абитуриентов.

Необходимо продвижение существующих в России платформ открытого образования, а также перевод лучших курсов платформ на иностранные языки: английский, китайский, арабский и др.

Невозможно обойти такое крайне негативное влияние как санкции Запада на сферу образования и науки: снижение финансирования современных технологий, уровень обмена специалистами, запрет поставок передовых образцов оборудования и технологий, проблема с доступом к ведущим западным научным журналам.

На сегодняшний день существует множество информационных интернет-пространств, адаптированных для иностранных поступающих с представленной на них информацией о вузах, но как правило это коммерческие сайты, которые не сильно заботятся о качестве контента. Это является первой проблемой, с которой сталкивается иностранный абитуриент.

Также существуют сайты, курируемые Министерством науки и высшего образования, но данные платформы реализуются только в части распределения иностранных граждан в рамках квоты, а это очень маленький процент от общего приема иностранцев

Помимо недостаточно развитого информационно-технического потенциала таким же барьером является недостаточно совершенный механизм обеспечения учебной миграции. Для повышения потенциальных возможностей ЭОУ из России требуется упрощение таможенного и миграционного режимов, увеличение срока действия визы – особенно актуальный момент и упрощенные методы ее получения.

Серьезной проблемой также нужно обозначить и неудовлетворительное состояние зарубежной русистики по причине нехватки кадров преподавателей русского языка, отсутствие повышения их квалификации, владеющих современными методиками преподавания, отсутствие соответствующих учебников и в этом направлении требуется ряд мероприятий для решения этого вопроса.

Анализируя механизм экспорта образовательных услуг, следует отметить проблему рейтинга российских университетов на мировом рынке, позиции которых недостаточно высоки. В топ-500 международного академического рейтинга вошли всего лишь 3 российских университета: МГУ, СПбГУ, НГУ. Вопрос рейтинга вузов это показатель мотивации, качества получаемого образования, успешности социально-психологической адаптации к условиям обучения, эффективности профессиональной подготовки будущих специалистов. «Качество образовательных программ, профессиональные

перспективы студентов, наличие и прочность международных связей с работодателями и научными организациями – новые критерии при определении рейтинга вуза [2].

Исследование компоненты ЭОУ выявило, что даже при самых благоприятных условиях международных контактов, имеют место сложности и проблемы вхождения иностранного студента как объекта исследования, личности в новую культуру. На различных уровнях: понятийном, нравственно-информационном, языковом, коммуникативном возникают адаптационные трудности. Не все вузы даже могут предложить довузовские адаптивные языковые программы, что существенно снижает интерес и возможности поступления иностранных абитуриентов.

Низкий уровень подготовки по русскому языку и плохое владение им являются большой сложностью, с которой сталкиваются. И хотя в 2015 г. была утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации № 481 Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016 – 2020 гг., вопрос этот остается открытым. Учебно-познавательные трудности и в преодолении различий в системах образования, контроля знаний, организации учебного процесса, сроках обучения по бакалаврским программам, недостаточности практик. Требуется совершенствования и крайне сложный механизм трудоустройства иностранных специалистов, окончивших российские вузы.

По итогам данной исследовательской работы предлагаем следующий перечень (мероприятий, тезисов, резолюций):

- инициировать заключение международных соглашений о признании отечественных степеней и званий за рубежом;
- рассмотреть возможность создания и поддержки комплексной системы управления бизнес-процессами по трудоустройству и организации практик иностранных граждан;
- провести мониторинг потребностей и результатов кадрового обеспечения экспорта российских технологий;
- разработать мероприятия по увеличению состава преподавателей со знанием английского языка, что способствует интернационализации российских университетов, усилить внимание к экспорту образовательных программ подготовки научных кадров.
- обеспечить приоритет международной деятельности в вузах в векторе интернационализации. Основными методами её реализации выступают по разным направлениям подготовки англоязычные программы;
- сохранять основу обучения ценностям и традициям российского образования, не забывая современные тренды образования;
- с целью адаптации включить в программу повышения квалификации модуль психологической кросскультурной подготовки преподавателей и организаторов экспорта образования.

Список источников

1. Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Иностранные студенты в российских вузах. Министерство образования и науки Российской Федерации. М., 2013.
2. Айналияева А. Р. Иностранные студенты в системе российского высшего образования // Мир науки, культуры и образования. 2016. № 6. С. 9–11.

References

1. Arefyev A. L., Sheregi F. E. *Foreign students in Russian universities*. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Moscow, 2013. (In Russ.)
2. Ainalieva A. R. Foreign students in the system of Russian higher education. *World of Science, Culture and Education*. 2016;(6):9–11 (In Russ.)

Информация об авторах

Е. Ю. Золочевская – зам. директора, докт. экон. наук, профессор кафедры налогообложения и бухгалтерского учета;

Я. Е. Сивакова – преп. кафедры менеджмента.

Information about the authors

E. Yu. Zolochevskaya – Deputy Director, Doctor of Economics, Professor of the Department of Taxation and Accounting;

Ya. E. Sivakova – Lecturer of the Department of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 09.02.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 28.02.2022

Научная статья

УДК 351:352

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-43-49

**КОМПЕТЕНЦИЯ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ»:
ПРОЦЕССНЫЙ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ**

Михаил Амиранович Овакимян¹, Анна Борисовна Савченко²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Михаил Амиранович Овакимян, ovakimyan-m.a@mail.ru

Аннотация. В представленной статье авторским коллективом расширены и дополнены подходы в понимании компетенции принятия управленческих решений в условиях формирования единой системы публичной власти. Также в статье обозначен инструментарий, аргументирующий возможности повышения эффективности принятия управленческих решений в условиях постоянных изменений, усложнения систем и их нестабильности. Определена роль кадрового потенциала государственного и муниципального управления, владеющего компетенцией принятия «красивых управленческих решений» в обеспечении конкурентоспособности субъектов управления в системе публичной власти. Авторами делается предположение, что на современном этапе реализации административной реформы, построения единой системы публичной власти приоритетным вопросом развития страны становится наличие кадров, владеющих компетенцией принятия управленческих решений в условиях неопределенности VUCA-мира. В заключительной части статьи рассматриваются вопросы влияния «красивых управленческих решений» на результативность деятельности органов публичной власти.

Ключевые слова: «красивое управленческое решение», управленческая трансформация, «новая управленческая реальность», стратегическое и процессное, компетентностный подход, форсайт-технология, кадровый потенциал, «предназначение» управленца

Для цитирования: Овакимян М. А., Савченко А. Б. Компетенция принятия управленческих решений в условиях «новой реальности»: процессный и стратегический аспекты в деятельности публичной власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 43-49. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-43-49>.

Problems of Management

Original article

**COMPETENCE TO MAKE MANAGEMENT DECISIONS IN THE CONTEXT OF THE "NEW REALITY":
PROCESS AND STRATEGIC ASPECTS IN THE ACTIVITIES OF THE PUBLIC AUTHORITY**

Mikhail A. Ovakimyan¹, Anna B. Savchenko²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Mikhail A. Ovakimyan, ovakimyan-m.a@mail.ru

Abstract. In the presented article, the author's team expanded and supplemented approaches in understanding the competence of making managerial decisions in the context of the formation of a single system of public power. The article also outlines tools that argue for the possibility of increasing the efficiency of management decisions in the face of constant changes, complexity of systems and their instability. The role of the personnel potential of the state and municipal administration, which has the competence to make "beautiful management decisions" in ensuring the competitiveness of management entities in the public power system, has been determined. The authors suggest that at the present stage of the implementation of administrative reform, the construction of a single system of public power, the priority issue of the country's development is the presence of personnel who have the competence to make managerial decisions in conditions of uncertainty of the VUCA world. The final part of the article deals with the influence of "beautiful managerial decisions" on the performance of public authorities.

Keywords: "beautiful management solution", management transformation, "new management reality", strategic and process, competency approach, forsyth technology, human resources capacity, "purpose" of the manager

For citation: Ovakimyan M. A., Savchenko A. B. Competence to make management decisions in the context of the "new reality": process and strategic aspects in the activities of the public authority. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):43-49. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-43-49>.

Введение

Современное управленческое знание становится схоластичным по своей сути и в основном акцентирует свое внимание на процессных и функциональных аспектах, игнорируя стратегические.

Авторский коллектив в данной статье делает попытку ответить на вопросы: Для чего менять управленческую парадигму? Что является значимым результатом управленческой деятельности? Какую задачу это решит? Ответы на какие вопросы наука практика могут получить?

Усложняющийся, постоянно меняющийся мир, нестабильный и непредсказуемый, привел к ситуации «девальвации» управленческого знания, особенно в части исследований проблем реализации управленческих функций.

Можно ли в условиях VUCA-мира ставить долгосрочные цели, строить прогнозы – оправдывающиеся в будущем? В ситуации, когда цели не достигаются и их меняют в процессе движения, долгосрочное планирование (до 6 месяцев) – бесполезное расходование ресурсов. Отсутствие «рецептов» выхода из кризисов или решения проблем и задач развития. Такой подход, применяющийся в 20 и 21 веках управленческой наукой, сформировал «иллюзии» осознанности принимаемых решений и их проработанности. Современный управленец начал ориентироваться на такие ценности, как - «живи одним днем», - «будь здесь и сейчас», «инициатива наказуема». За годы административной реформы сформировалась безынициативная, боящаяся ответственности «команда» управленцев. Государственный (муниципальный) служащий превратился в одно из основных препятствий для развития системы управления и в целом публичной сферы.

Как показала практика – мы не готовы быстро адаптироваться к такой «вынужденной» реальности кризисного периода. Управленческая наука перестает давать ответы на возникающие вызовы, не решает поставленных перед ней задач «новой экономической реальностью». Особенно в условиях затяжного кризиса стала остро ощущаться нехватка прорывных научных исследований, идей, проектов переводящих систему управления на кардинально новый уровень.

Важное следствие данного процесса – отсутствие действенной кадровой политики и кадровых технологий, инструментов, приводящих к запланированным, а не случайным и побочным результатам. В тоже время, следует указать, что инструментов и технологий из «прошлой» науки – столетней давности конечно много, но они уже не обладают эффектом результативности.

В связи с вышесказанным компетенция принятия управленческих решений государственным и муниципальным управленцами в условиях «новой реальности» - формирование единой системы публичной власти требует трансформации. Главной опасностью данного процесса становится ошибочная оценка, требующихся изменений, их масштабности и глубины, чтоб не превратить процесс трансформации управления в аналогию процесса – «замены пера авторучкой». Когда инструмент модернизирован, а ошибки в текстах остались прежние, и нет ощутимого результата.

К «узким местам» внедрения новых подходов в управленческой науке и практике может быть отнесен и эффект «залипания» в рутинных процессных вопросах и задачах, где игнорируется перспектива развития, а в некоторых случаях рассматривается как чуждый элемент. Результативность проявляется лишь на бумаге – в документах, которыми мало кто руководствуется, а если и руководствуется в основном для «галочки». Основным во всех указанных процессах становится поиск виноватых и кого наказать. Игнорируется фактор полученного опыта – даже если негативного. Современный управленец боится брать на себя ответственность, перекладывает ее на других, и главным в своей работе считает поиск виноватых, а не что делать. Пытается использовать «лучшие», чужие практики, зачастую не являющиеся такими для него. В основном систему интересуют санкции в отношении принимающих управленческие решения и формальная отчетность, а не результативность деятельности – «работа ради работы». Поиск своего предназначения управленцем и его цели и ценности в таких условиях основной демотиватор, барьер эффективной работы публичной власти.

В то же время мы вошли в период необходимой и актуальной цифровой трансформации управленческой деятельности, что повысило ее открытость, но не эффективность о чем свидетельствует ряд авторских исследований в данной сфере. Так указанные выше проблемы научного исследования рассмотрены в работах российских и зарубежных ученых: Атаманчука Г.В., Волчкова И., Добролюбовой Е.И., Игнатовой Т.В., Малгана Джефа, Моги Кено, Южакова В.Н. и др.

Однако, изменения инструмента не приводят к трансформации системы – это как «делать одно и то же и ждать, что результат изменится» от написанных на бумаге решений, или более ценных и полезных результатов от их внедрения.

Авторский коллектив признает перспективной тему исследования, основополагающим вопросом которого будет являться вопрос о формировании инновационной компетентностной модели принятия управленческих решений – «красивых управленческих решений» в системе государственного и муниципального управления и в целом публичной власти. Необходимость разработки инструментария и актуализации вопросов совершенствования управленческой науки, раскрытия новых аспектов и направлений анализа в данной сфере.

Данная статья – начало исследования, постановка актуальной научной проблемы совершенствования моделей принятия решений в сфере функционирования единой системы публичной власти в современном нестабильном и меняющемся мире – VUCA-мире.

Более десяти лет в управленческой науке выдвигается гипотеза, о том, что вопросы планирования будущего, формирования эмоционально окрашенного результата, сосредоточены в руках управленцев из сферы публичной власти, не верно понимающих свою роль в достижении целей развития, считающих, амбициозные цели чуждыми современной системе управления, так как их придется выполнять и нести ответственность за их реализацию. Как известно такие действия ведут к замедлению, и даже прекращению развития различных сфер общественной жизни и институтов публичной власти, снижению эффективности государственного управления и местного самоуправления в целом.

В этой связи востребованными наукой и практикой, реалистичными и актуальными становятся вопросы совершенствования элементов системы публичной власти, в частности – стратегическое планирование, разработка алгоритмов деятельности и распределения компетенции органов государственного управления и местного самоуправления, единой системы публичной власти, механизмов и моделей реализации национальных приоритетов и направлений развития.

По нашему мнению основные сложности в вопросах становления и развития новой модели единой системы публичной власти, связаны с применением консервативных управленческих подходов, методов и инструментов «из прошлого». К ним следует отнести:

- абсолютизацию власти на всех уровнях, не умение разделять административные, директивные и демократические стили управления, умело их сочетать;
- слабую представительность у представительной власти (из-за практического отсутствия обратных связей между депутатами и электоратом);
- условия, где дает сбой и принцип разделения властей, исследователи наблюдают практическое отсутствие сдержек и противовесов в системе публичной власти;
- отсутствие механизма открытой, действенной обратной связи избирателей с их избранниками – гражданами испытывает отчуждение от государства, а власть ощущает свою бесконтрольность;
- слабость и неэффективность этических рамок и системы, жёстких правил, вместо которых действуют индивидуальные договорённости между центральными, региональными и местными управленческими уровнями.

В описанных условиях чрезвычайно важно иметь видение желаемого состояния и предпочтительных путей и вариантов развития будущего – знать, куда двигаться, видеть цель. Публичная власть должна точно понимать, «чего не нужно делать» при обеспечении развития и принимать решения, не требующие дальнейших изменений – т.е. «красивые управленческие решения» – решения которые не нужно и не хочется переделывать.

Для обеспечения результата в процессе организации разработки стратегии государственного управления, прежде всего, необходимо понимание важности изменений, осознание того, что наряду с оперативным – тактическим управлением и планированием важно и стратегическое.

Совершенствование методов государственного управления и повышение его эффективности в стране связано с активной системной разработкой законов, стандартов, инструкций, направленных на введение в систему управления новых разновидностей документов, модернизацию уже ранее используемых, совершенствование процессов их обсуждения, утверждения и дальнейшего функционирования, что, по мнению практиков, и есть основа единства системы публичной власти.

Однако, по нашему мнению, основным ориентиром развития государства, в условиях VUCA-мира, должен стать человек его интересы и потребности, главным измерителем эффективности власти должны стать комфортность и удовлетворенность условиями жизни, уровень счастья, привлекательность и перспективность территории для создания условий для жизни, бизнеса и свободного развития человека.

На сегодняшний день учеными выделяется ряд проблем, влияющих на достижение описанного выше состояния управленческой системы. На наш взгляд, обеспечение сочетания стратегического и процессного в публичном управлении особенно в современном мире важно и должно учитывать следующие аспекты и условия развития:

- стратегическим управлением пользуются как декорацией, декларативно упоминая о ней на официальных мероприятиях и забывая в повседневной работе (технологиях, процедурах, операциях);
- о стратегическом управлении «вспоминают» при прохождении контрольных точек, когда необходимо заполнить значения индикаторов, в остальное же время ведется операционная работа;
- мероприятия стратегического управления мало чем отличаются от текущей операционной деятельности, и поэтому ведение дел по старинке автоматически засчитывается как реализация стратегии;
- концентрация на операциональном уровне без стратегического приводит к отсутствию масштабных и глобальных целей с другой стороны без качественного операционального подхода сложно добиться разработки и реализации качественных и результативных стратегий.

Известный эксперт в области нового государственного управления (New Public Management) – Роберт Бен (R.D. Behn) определяет его как «коллекцию тактик и стратегий, нацеленных на преодоление неэффективности, присущей традиционной модели публичного сектора».

В этой связи выявление конкурентных преимуществ и «рисковых зон» в деятельности органов публичной власти становится делом первоочередной важности – любой управленческой команды, ориентированной на принятие «красивых управленческих решений».

Как известно современная стратегия, в науке управления, представляет собой набор правил, которыми руководствуются при принятии управленческих решений. В стратегическом планировании важное место отводится анализу перспектив, выяснению тех трендов, опасностей, возможностей, а также отдельных чрезвычайных ситуаций, которые способны изменить сложившиеся тенденции в интересах человека. В данном контексте уместно предложить факторы, влияющие на достижение результата стратегического управления в условиях становления новой системы публичной власти.

«Волшебная семерка» таких факторов, влияющих на качество принимаемых управленческих решений при обеспечении единства системы публичной власти, следующая [1]:

1. Семейные отношения.
2. Финансовые отношения.
3. Работа.
4. Общество, друзья, окружение.
5. Здоровье.
6. Личная свобода.
7. Личные ценности.

Эти факторы первоочередные, требующие «красивых управленческих решений». Для принятия таких решений необходимо сформировать новую компетентностную модель управленца в условиях «новой реальности».

Такая модель, по нашему мнению может включать следующие элементы:

- Результативное решение проблем: анализ информации, формирование альтернатив, концептуальная гибкость, принятие «красивых управленческих решений».
- Межличностные отношения: умение слушать, понимание реакции, окружающих, гибкое поведение, профессиональное развитие.
- Оперативная эффективность: инициативность, оперативный контроль, делегирование полномочий, умение «быть здесь и сейчас».
- Системное и бережливое управление: видение образа будущего, управление по целям, лидерство, смысл жизни и любовь к делу.
- Влияние на людей: устные презентации, уверенность в себе, умение убеждать, разработка «дорожных карт».
- Личные качества: энергичность, сопротивление стрессам, мотивация на качественную работу, способность учиться [2, с. 52].

По нашему мнению, существенным аргументом в пользу необходимости формирования новой модели компетенций управленца в системе публичной власти являются результаты исследования, проведенного в Правительстве Ростовской области в 60 кадровых службах в 2021 году. Результаты опроса экспертов, определяющих и реализующих кадровые процессы и технологии, демонстрируются в ответах на следующие вопросы:

- «Какими, по Вашему мнению, приоритетными личностно-деловыми компетенциями должен обладать государственный гражданский служащий?» даны следующие варианты ответов экспертов:

Ответственность, выделили 20 экспертов
Коммуникабельность, выделили 18 экспертов
Порядочность, выделили 11 экспертов
Стрессоустойчивость, выделили 11 экспертов

- «Какими, по Вашему мнению, значимыми управленческими компетенциями должен обладать государственный гражданский служащий Ростовской области?» даны следующие варианты ответов экспертов:

Стратегическое мышление, выделили 24 экспертов
Правовая грамотность, выделили 12 экспертов
Принятие управленческих решений, выделили 15 экспертов
Готовность к изменениям, выделили 9 экспертов.

- «Какими, по Вашему мнению, важными профессиональными компетенциями (навыками/умениями) должен обладать государственный гражданский служащий Ростовской области?» даны следующие варианты ответов экспертов:

Командную работу, выделили 11 экспертов;
Работу с нормативными актами, выделили 15 экспертов;
Планирование деятельности, выделили 14 экспертов

Принятие управленческих решений, не требующих переделки (исправлений), выделили 20 экспертов.

Формирование новой модели компетенций управленцев на государственной и муниципальной службе, обусловлено их желанием работать по-новому в изменившихся социально-экономических условиях и оперативно и качественно решать проблемы и достигать результаты, не требующие переделок («красивые» управленческие решения).

Представляется полезным изучение модели управленческих компетенций, в которую входят управление изменениями, бережливое управление, управление ресурсами, достижение результатов в работе, управление взаимодействием и коммуникациями и т.д.

Важной представляется и оценка уровня владения компетенциями необходимых для разработки наиболее эффективной программы адаптации служащих в системе публичной власти. Так, по нашему мнению, государственный или муниципальный служащий, имеющий не только специальную подготовку, но и опыт работы в органах и организациях системы публичной власти, будет проходить адаптацию в минимальные сроки. Но и на данном этапе возможны непривычные для управленца варианты решения уже известных ему задач [3].

Развитие профессиональной компетентности происходит непосредственно в процессе осуществления управленческой деятельности под воздействием ее специфики или в ходе специально разработанной технологии развития, максимально приближенной к условиям профессиональной деятельности [5].

Исследование современных трендов в формировании новых подходов в реализации компетентностной парадигмы развития кадрового потенциала государственной и муниципальной службы и соответствующих элементов теории и практики управления в системе единой публичной власти, а также различных аспектов, и промежуточных итогов административной реформы, реализуемой в России, приводят научное сообщество и экспертов к выводу о формировании новой управленческой парадигмы в целом.

Приоритетным направлением развития модели компетенций государственного или муниципального служащего в новой системе публичной власти становится наставничество. Оно должно устанавливаться в отношении лиц, исполнение должностных обязанностей которых требует расширения или освоения новых профессиональных знаний. Как правило, система наставничества начинает работать сразу же, с того момента, как служащий назначен на новую должность. Неоценима роль наставничества и при планировании карьеры [4].

По нашему мнению, на данном этапе административной реформы кардинально меняются представления о роли и месте современной государственной и муниципальной службы и служащего в системе развития публичной власти.

Из исследований нам известно, что каждый день мы способны принимать лишь ограниченное количество решений, и после исчерпания этой квоты способность делать разумный выбор истощается. Качество наших решений также зависит от уровня энергии. Как же ее обеспечить? Вот одна из предлагаемых методик: «Если вам предстоит принять решение, выделите для этого в своем календаре

время дня, когда вы чувствуете себя наиболее энергичными, сытыми и еще не уставшими. По возможности разберитесь с менее важными вопросами накануне — например, продумайте для себя и детей, что надеть, и решите, что вы будете есть, чтобы высвободить дополнительные ресурсы расчётливости» [6].

О необходимости изменения управленческой парадигмы для формирования единой системы публичной власти свидетельствуют итоги быстрого Форсайта, проведенного в 2021 году на базе Юно-Российского института управления-филиала РАНХиГС, участниками которого стали представители работодателей (органов государственной власти и местного самоуправления, бизнеса и научно-педагогические работники).

Ученые и практики предложили инновационную компетентностную модель государственно-гражданского и муниципального служащего - будущего. Пришли к выводу, о том, что инновационная модель компетенций государственного и муниципального служащего в сфере принятия управленческих решений должна быть следующей:

- владение инструментами, обеспечивающими здоровый образ жизни (как физическое, так и психологическое здоровье) – 91% ,
- профессиональные знания, умения и навыки – 83%,
- осознанность в принятии решений – 75%
- антикоррупционное мышление – 89%,
- знания в сфере культуры и этикета (в том числе цифрового этикета) – 79%,
- системное мышление – 69%,
- навыки саморазвития – 71%,
- экологичность – 85%,

По итогам Форсайта удалось сформулировать подходы в понимании направлений и инструментов улучшения новой модели компетенций в сфере принятия управленческих решений и формирования государственной и муниципальной службы будущего. Она включает следующие элементы:

- четкая карьерная траектория;
- конкурентоспособная заработная плата;
- нормированный рабочий день (плавающий, гибкий график, больше свободного времени);
- наставничество;
- развитие современных экосистем;
- благоприятный моральный климат
- инфраструктура служебной деятельности (спорт залы, обеды, комнаты отдыха)
- техническая оснащённость;
- равенство перед законом.

Таким образом, для развития системы государственного управления большое значение, по мнению экспертов, имеет создание новых инновационных подходов к модели принятия управленческих решений, в основу которых будет положен – критерий красоты.

Принятия «красивых управленческих решений» должно быть основано на обеспечении следующих базовых условий:

- обеспечение безопасности (внешняя, внутренняя, безопасность, в том числе здоровье);
- обеспечение свободы: правовой, экономической, ментальной (психологической и эмоциональной);
- любовь к своему делу, дело как «смысл жизни»;
- экологичность (быть в гармонии с системой управления, внешней и внутренней средой, не наносить вред).

Система принятия «красивых управленческих решений» должна включать следующие модули:

1. Модуль по увеличению вовлеченности населения территорий в сферу государственного управления и местного самоуправления, в том числе через реализацию проектов в сфере цифровой этики и этикета (организаций мероприятий системы осознанного (принцип «здесь и сейчас») взаимодействия власти, бизнеса и населения через самоорганизующиеся сообщества (НКО, блогеры, фрилансеры).

2. Модуль по вовлечению самоорганизующихся сообществ, в развитие цифровой репутации органов публичной власти.

3. Модуль по формированию «экосистемы» органа публичной власти на основе цифровой этики и этикета.

Однако стоит отметить, что любые инновации представляют потенциальные риски. Внедрение новой парадигмы принятия управленческих решений, на основе цифровой трансформации, мы

можем относить к инновациям. Необходимо понимать, что цифровая экономика и управление ориентированы на максимально выгодное затрачивание ресурсов. При этом на второй план уходит духовная и этическая составляющая развития общества. В связи с вышесказанным кажется важным определение границ применения инновационных технологий, разграничение вещественной и ценностной парадигмы современного общества, учет человеческого фактора.

В заключение представленной статьи мы считаем необходимым акцентировать внимание на том, что переход к экономике «новой реальности» вызвал парадоксальную ситуацию колоссальной нехватки квалифицированных кадров в сфере публичного управления, владеющих современными управленческими технологиями и современным «образом и дизайном мышления». Авторы считают, что, говоря о реформе публичного управления уместно отмечать возрастающую роль управленческого образования и науки, формирующих новый «образ и дизайн» мышления управленца в системе публичной власти – парадигме управления в условиях «новой реальности», основанных на принятии «красивых управленческих решений» – решений которые не надо исправлять и переделывать.

Список источников

1. Счастье: уроки новой науки. М.: Изд. Институт Гайдара, 2012. 416 с.
2. Турняк К. В., Шакина М. А. Модели профессиональных компетенций работников государственного и муниципального управления в условиях нового государственного менеджмента: отечественный и зарубежный опыт // ARS ADMINISTRANDI. Искусство управления. 2012. № 4. С. 41–55.
3. Прокофьев С. Е., Беляев А. М., Еремин С. Г. Современные кадровые технологии в органах власти: монография. М.: Юстицинформ, 2015. 662 с.
4. Ростовцева Ю. В. К вопросу развития института наставничества на государственной гражданской службе // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 57–60.
5. Кеня И. А. Формирование профессиональных компетенций молодых депутатов представительных органов муниципальных образований в субъекте Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2016. № 3. С. 22–27.
6. Наваз С. Как принимать сложные решения в одиночку: советы топ-менеджерам и родителям // Гарвард бизнес-ревью/ <https://hbr-russia.ru/liderstvo/psikhologiya/881211/2021>

References

1. Happiness: lessons in new science. Moscow: Ed. Gaidar Institute, 2012. 416 p. (In Russ.)
2. Turnyak K. V., Shakina M. A. Models of professional competencies of employees of the state and municipal administration in the conditions of the new state management: domestic and foreign experience. *ARS ADMINISTRANDI. The art of management.* 2012;(4):41–55. (In Russ.)
3. Prokofiev, S. E., Belyaev A. M., Eremin S. G. *Modern personnel technologies in government: monograph.* Moscow.: Justicinform; 2015. 662 p. (In Russ.)
4. Rostovtseva Yu. V. On the development of the institution of mentoring in the public civil service. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process.* 2014;(5):57–60. (In Russ.)
5. Kenya I. A. Formation of professional competencies of young deputies of representative bodies of municipalities in the subject of the Russian Federation. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: legal issues.* 2016;(3):22–27. (In Russ.)
6. Nawaz S. How to make difficult decisions alone: advice to top managers and parents. *Harvard business revue.* Available from: <https://hbr-russia.ru/liderstvo/psikhologiya/881211/2021> (In Russ.)

Информация об авторах

М. А. Овакимян – канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой государственного и муниципального управления;
А. Б. Савченко – директор программы центра дополнительного образования.

Information about the authors

M. A. Ovakimyan – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Head of Department of State and Municipal Administration;
A. B. Savchenko – Program Director of the Center for Additional Education.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Научная статья

УДК 65.01

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-50-57

КОНЦЕПТ ИННОВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Георгий Васильевич Овчаренко¹, Александр Павлович Яланский²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹menedjment@uriu.ranepa.ru

²mitsrostov@mail.ru

Аннотация. Авторами рассмотрены принципы и механизмы, которые должны лежать в основе практики инновационного управления современными организациями. Предложенные к широкому внедрению алгоритмы генерации инновационных ценностей предполагают, что главным источником их формирования являются все представители персонала организации. При этом источником их формирования являются социально-эколого-нравственные процессы, инициируемые управленцами. Принципиальной позицией авторов является тезис о личной ответственности руководителя организации за формирование внутренней среды, благоприятной для появления желательных инновационных ценностей. При этом, по мысли авторов, инновационные ценности, появляющиеся в организациях, с одной стороны, способствуют все более полному проявлению параметров новой экономики, а с другой – являются конкурентным преимуществом, способствующим преодолению кризисных состояний как любой конкретной организации, так и экономической системы в целом.

Ключевые слова: инновационная деятельность, персонал, организация, инновационная стратегия, инновационные знания, инновационное управление, инновационная экономика, инновационная культура

Для цитирования: Овчаренко Г. В., Яланский А. П. Концепт инновационного управления в современной организации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 50-57. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-50-57>.

Problems of Management

Original article

CONCEPT OF INNOVATIVE MANAGEMENT IN A MODERN ORGANIZATION

Georgy V. Ovcharenko¹, Alexander P. Yalansky²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹menedjment@uriu.ranepa.ru

²mitsrostov@mail.ru

Abstract. The authors consider the principles and mechanisms that should underlie the practice of innovative management of modern organizations. The algorithms for generating innovative values proposed for widespread implementation assume that all representatives of the organization's personnel are the main source of their formation. At the same time, the source of their formation is the socio-ecological and moral processes initiated by managers. The principal position of the authors is the thesis about the personal responsibility of the head of the organization for the formation of an internal environment favorable for the emergence of desirable innovative values. At the same time, according to the authors, innovative values appearing in organizations, on the one hand, contribute to an increasingly complete manifestation of the parameters of the new economy, and on the other hand, they are a competitive advantage that helps to overcome the crisis states of any particular organization and the economic system as a whole.

Keywords: innovation, staff, organization, innovation strategy, innovation knowledge, innovation management, innovation economy, innovation culture

For citation: Ovcharenko G. V., Yalansky A. P. Concept of innovative management in a modern organization. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):50-57. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-50-57>.

Основой системы инновационного управления в современной организации выступает проектный менеджмент, основанный на реализации *инновационных проектов*. При этом подобный подход к проектному управлению предлагается рассматривать в контексте соответствующих критериев:

- акцент на использовании феномена *неоинформации* инновационного маркетинга;
- технологичность;
- социо-экологичность;
- инновационность;
- полезность обществу;
- реализация специалистами, обладающими некомпетенциями проводить анализ и мониторинг с учетом особенностей инновационной деятельности при развитии организации:
- активное *нейропрогнозирование* сред;
- *реализация* инновационных знаний персонала как приоритетной ценности инновационного развития;
- конвергентность *эмоционального интеллекта* и инновационных компетенций руководителей;
- кратко-, средне-, долгосрочные горизонты управления во *временном аспекте*;
- *линейность-нелинейность* реализации этапов инновационного проекта;
- *применение* преимущественно отечественных инновационных технологий;
- *четкость* реализации инновации.

Реализация подобного *инновационного* алгоритма в контексте инновационного управления, по нашему мнению, обуславливает переход современной модели экономики на инновационный уровень ее развития.

В своих исследованиях П. Друкер отмечал, что «крупные компании преуспевали в рискованных *инновационных* предприятиях только тогда, когда к реализации новых проектов *привлекались* собственные сотрудники, когда им удавалось задействовать людей, которых они *понимали*, которым они *доверяли* и которые в свою очередь знали, как вести дела в рамках существующего бизнеса, иными словами, *людей*, с которыми можно работать как с партнерами» [1].

С *теоретической* точки зрения, указанный выше вектор становления новой модели экономики предопределяет *способности* руководителей в обязательном порядке *владеть*:

- *инновационными* знаниями в своей деятельности;
- *умениями* реализовать инновационную цель;
- *творческой* рефлексией при определении инновационной стратегии;
- *разработкой* инновационной стратегии;
- *ключевыми* компетенциями для управления уникальными знаниями персонала.

С *практической* точки зрения, *воплощение* вышеизложенного происходит в настоящее время в ООО «КЗ "Ростсельмаш"». По нашему мнению, компания освоила создание не только инновационных моделей комбайнов, но и инновационных знаний персонала. В своей «академии образования», специалисты ООО «КЗ "Ростсельмаш"» последовательно совершенствуют собственные *инновационные* технологии, позволяющие разрабатывать и внедрять *инновационные стратегии диверсификации* – новый вид инновационного бизнеса. В значительной мере такой подход проявился в создании ряда моделей тракторов [2], выпуск которых был бы невозможен вне реализации соответствующего *социально-экологического* вектора на *человека-созидателя* и *творца* новых ценностей.

Еще Ф. М. Достоевский показал, что *человек живет*, прежде всего, в мире идей и ценностей, и только устоявшаяся система *базовых ценностей* и *предпочтений* дает ему *возможность* подняться над обстоятельствами, *найти новую перспективу* развития. Высший долг или призвание позволяют человеку *создать новую социальную модель* поведения, которая в конечном итоге становится источником *обновления* и социального мира в целом.

С *научной* точки зрения, авторы отмечают, что в противоречивых условиях современного кризиса и глобализации *организаторы-руководители* должны осознавать, что успех их инновационной деятельности (с вектором на социально-экологических аспектах управления), предопределяется следующими принципами, характеристиками и компетенциями:

- *знанием* принципов всех известных в настоящее время философий управления;
- *пониманием* социологии организации творческого труда по НОТ;
- *созданием* и применением социально-экологических технологий в производстве;
- *формированием* инновационной культуры в коллективах;
- *практическим* взаимопониманием в человеческих доверительных отношениях;
- *умениями* и компетенциями разработать инновационную стратегию в деятельности;
- *инновационным* управлением на всех уровнях развития организации;
- *способностями* организовать *увеличение* производительности труда;
- *гуманной* системой мотивации персонала за творчество.

Последовательное осмысление вышеизложенного обуславливают нашу убежденность в восприятии *инновационного управления* как *движущей* силы социально-экологического развития современного общества как необщества, основанного на принципах *научной организации* деятельности на всех ее *уровнях* и во всех отраслях экономики. В таком контексте важно понимать, что руководитель обязан *личным* примером и *личной* ответственностью перед коллективом формировать соответствующий результат деятельности организации. Подобная ответственность руководителя обусловлена, прежде всего, тем, что персонал организации объективно различается по:

- *психологической* природе;
- *нравственным* ценностям;
- *культуре* поведения и менталитета;
- *творческой* личной деятельности;
- осознанию и *пониманию* своего «Я».

В связи с этим уместно отметить мнение современного социолога Р. Дэвиса о том, что *миссия* подобного *научного* управления состоит в конструктивном вкладе управленцев в экономические и социальные улучшения общества. Такой подход предполагает также *личную ответственность* каждого человека за свое благосостояние на основе использования *доступных технологий*, учета существующей специфики и этики творческого *взаимодействия* с другими членами общества.

Согласно *логике* такого подхода, становится очевидным, что руководители всех уровней обязаны *осознавать* свою принципиальную причастность к *формированию* социально-эколого-нравственных процессов в организации, создающих в конечном итоге *инновационные ценности* на основе сформированной совместно с персоналом *инновационной культуры*. Еще А. Гастев в своих исследованиях в аспекте НОТ утверждал, что «...только высокая культура обслуживания производства *гарантирует конечный эффект* внедрения нового» [3]. По нашему мнению, это крайне созвучно ситуации, сложившейся в системе производств при современных условиях развития. *Осмысление* творческого отношения управленцев к своему труду в контексте *личной* ответственности перед коллективом *за* получение необходимого результата представляется принципиально важным.

С социальной точки зрения, в результате подобного доверительного взаимодействия в коллективе организации, по нашему мнению, формируются необходимые творческие *отношения* в виде обычаев, традиций, культуры. Именно они в конечном итоге определяют совместное *поведение*, уровень знаний, содержательный характер корпоративной этики и эстетики, а также принципы справедливости, которые актуальны для *организации* в рамках процессов *обучения* и *научения* ее сотрудников. При этом важнейшим аспектом эффективного инновационного управления является *гибкость* управленческих подходов, влияющих на *гуманизацию* отношений в производственных процессах, а также продуктивные *изменения* во взаимодействии людей, общества и природы. Ни в коем случае также нельзя не дооценивать важность экологического (в самом широком смысле слова) вектора в системе современного инновационного управления. Учет управленцами этого фактора не только стимулирует *восстановление* духовности в человеке, но и непосредственно связан с формированием в коллективах новых знаний и ценностей, которые с учетом уникальной поведенческой генетики каждой организации будут способствовать ее максимально эффективному выживанию в изменяющихся условиях.

Несмотря на важность коммуникационных, этических и экологических аспектов для системы современного управления, о которых мы говорили выше, авторы отмечают, что руководители должны понимать, что именно экономика, основанная на новых знаниях и высоких технологиях, обуславливает получение желаемого людьми уровня *благополучия*, включая гарантии личной безопасности. К настоящему времени исследованиями ученых и *практикой* лидеров-компаний *доказано*, что *производительность труда*, во многом обуславливающая необходимое благополучие, определяется постоянным *обновлением* знаний, *гибким трансфером* высоких технологий, эффективной организацией производства на основе *инновационной культуры* и способностью руководителей реализовать ключевые компетенции.

Анализ *логики* вышеизложенного обуславливает *ускорение* совершенствования системы высшего образования, которая в целом достаточно эффективно способствовала вызовам *инновационной экономики* с переходом на *инновационный уровень* развития всех отраслей промышленности в регионах. В то же время, представляется важным отметить, что государство, наука, система образования и товаропроизводители, к сожалению, не имеют полного представления о том, какие *кадры* (специалисты) нужны для экономики *инновационного уровня*. Поясним сказанное на практическом примере.

Компания ООО «КЗ "Ростсельмаш"» создала «Академию образования», которая готовит *нужные* кадры *среднего звена* управленцев: мастеров и начальников участков. В то же время технологический колледж готовит рабочих-специалистов для конкретной специализации: сварщики, токари, сборщики, наладчики ЧПУ, лазерных и роботизированных линий с учетом их способностей и

нейротехнологий с учетом цифровизации производственных циклов на уровне научного творчества в контексте перехода к нелинейным процессам в инновационной деятельности [4].

Очевидно, что в современных условиях на циклическое развитие общества влияют трансформирующиеся инновационно-информационно-коммуникационные цифровые технологии, определяя аспект информационной независимости личности и коллективов с учетом реальных социальных связей общества [5]. В этой связи инновационное управление, особенно в организационном аспекте, важно рассматривать в контексте устойчивости и равновесия норм социо-экологического вектора с регулированием государством общественных интересов на основе интеграции нужных знаний и инновационных методов в практическом управлении этими процессами при сочетании социальной и психологической рефлексии в инновационной деятельности руководителей всех уровней управления.

Из анализа логики вышеизложенного становится совершенно очевидным, что не только в настоящем, но и в будущем значительно возрастает значение фактора гибкости в эффективности управления из-за появления уникальных видов социальных взаимодействий в инновационной деятельности организаций внутри коллектива. Актуализация этих механизмов обуславливает ведущую роль личной социальной ответственности участников процессов на всех уровнях управления. Одновременно должно рассматриваться и имманентное свойство социальной организации, результат ее генезиса для достижения инновационной цели при создании гибких методов мотивации инновационной деятельности с реализацией эвристических моделей организации производства и нравственно-социальной ответственностью всех участников [6].

Практически критически важным представляется необходимость научного осмысления руководителями всех уровней не только непосредственной специфики инновационной деятельности, но и ее социально-психологических аспектов в контексте технолого-цифрового обеспечения инновационного развития современных организаций с учетом неопределенности современной конъюнктуры и жесткой инновационной конкуренции.

По нашему мнению, в социальных системах (организациях) субъект инновационного управления находится в едином пространстве воздействия на объект, в качестве которого в данном случае могут рассматриваться процессы самоорганизации. Результат подобного воздействия приводит к изменению субъекта управления, при этом осуществляется переход на новый уровень развития с новой культурой, ценностями, традициями, самосовершенствуются, обуславливающие стабильность и социальное равновесие системы.

В таком контексте руководители социальной организации должны создать социальный потенциал, обуславливающий реализацию:

- высокого уровня профессионализма персонала;
- уникальной степени морально-нравственных способностей руководителей;
- гарантированного создания инновационных культуры и климата;
- гибкой инномотивации каждого работника за творчество;
- взаимодовверительного партнерства руководителей и персонала;
- условий для самореализации каждой личности.

В этой связи авторы считают, что осуществление вышеизложенного определяет развитие и применение инновационных социальных технологий, обуславливающих высокий уровень технологичности и социальной эффективности управления в организациях при способности их руководителей применять инновационное мышление в контексте важнейших трендов инновационного развития экономики. Однако, определяющим вектором использования инновационно-социальных технологий станет не только постоянное обновление знаний персонала, но и компетенций руководителей, их трансформация в инновационные для совместного взаимодействия ради достижения инновационной цели – создания качества жизни работников мирового уровня (с обязательным учетом императивов социальной справедливости). Другим вариантом характеристики подобной задачи, может быть названо достижение сотрудниками организации условий внутренней уверенности в завтрашнем дне, духовного единства при взаимодействии в творческой деятельности на благо общества и его процветания с переходом в необщество.

При этом руководителям инновационных организаций необходимо осознавать, что общественный характер деятельности определяет социальную природу личной ответственности в содержании и реализации управленческих задач, создавая социально-психологический климат в коллективе с вектором саморазвития личности и ее творческой инновационной активности в коллективе.

С точки зрения психологии, инновационное управление рассматривается как логико-мыслительный процесс, определяющий:

- организационную психо-динамику;
- социально-экологический аспект;

- создание социально-инновационного потенциала;
- морально-психологический климат в коллективе;
- инновационное мышление руководителей организации;
- нравственно-доверительное партнерство персонала и руководителей всех уровней деятельности.

В соответствии с вышеизложенным *ключевым* аспектом эффективности инновационного управления современной организации является *гибкое* и *научное* обоснование разработки и внедрения новшеств на производстве с учетом *неопределенности* конъюнктуры и *инновационной* конкуренции в *изменяющейся* ситуации. Так как в большинстве случаев *инновационная активность* руководителей высшего уровня управления *низка*, чрезвычайно возрастает необходимость расширения использования *научного* подхода к проведению *социального прогнозирования* и социального планирования для *понимания* уникальности социальных изменений в коллективе руководством организаций. Конечной же целью реализации результатов научного прогнозирования (*предвидения*), обуславливающего инновативацию каждого участника процесса, по-прежнему должно оставаться создание *инновационного продукта* и *услуг*, востребованных обществом.

Еще одним фактором, обуславливающим необходимость *формирования* инновационных *способностей* у работников при эффективном управлении их *неявными* знаниями с трансфером в производственном цикле выступают кризисные условия (санации), которые определяют необходимость обеспечения конкурентоспособности организаций. Формирование подобный способностей, безусловно, должна проходить при максимально глубоком понимании того, что человек – это *важнейшая ценность* организации и *источник* ее *инновационного развития* (особенно в условиях становления новой модели экономики *инновационного* уровня) [2]. Надеемся, что широкое понимание этих принципов, будет способствовать и всестороннему улучшению *социально-демографических* реалий.

С *теоретической* точки зрения *успешное* функционирование инновационной организации в кризисной ситуации предопределяется *постоянным* совершенствованием моделей *инновационного* управления при использовании *ключевых компетенций* руководителей и, прежде всего, их способности *инновационным* мышлением создавать и реализовывать *новые* инновационные методы:

- *научного* анализа управленческих ситуаций;
- *синтеза* научных знаний;
- *инновационной* рефлексией в критической ситуации;
- *инновационно-математического* моделирования форсайта развития;
- *инновационной* релевантности и др.

С *практической* точки зрения осуществление вышепредложенных инновационных методов определяется четкостью проведения *социально-психологической диагностики*, предполагающей комплексное изучение всех условий и факторов, *социальных аспектов* внутри организации, а также особенностей ее взаимодействия с *важнейшими* акторами внешней среды. На основе получаемых аналитических и прогностических моделей в контексте предметного видения *реального инновационного* уровня развития должна быть также учтена *специфика* территориальных тенденций и менталитета в процессах *социальности* инновационного управления.

Таким образом, становится совершенно очевидным, что необходимость социологических и психологических исследований *уникального инновационного* цикла каждой организации в качестве научно-методических и информационно-аналитических компонентов являются важными элементами организационно-управленческой *инновационной* культуры, обуславливающей *становление* новой модели экономики и социального равновесия внутри организации [7]. При этом *инновационная культура* может быть охарактеризована как творческое использование ценностей и традиций в различных формах *социально-духовной* жизни – организация людей в их творческом взаимодействии ради достижения цели и создания *новых инновационных* ценностей и социальной справедливости в своем *новом* уровне развития.

Несомненно, успех внедрения принципов инновационного управления обусловлен умением руководителей на практике реализовывать *культуру управления* организацией в контексте не только создания *новых* инновационных компетенций, но и поддержания высокой степени интеграции организационных ценностей, норм, инновационных знаний. Важным фактором успеха, по мнению авторов, является также инновационное *взаимовыгодное партнерское взаимодействие* с клиентами, поставщиками и *необществом* при сохранении высокого *нравственного* уровня социально-экологической ответственности *руководителей* всех видов деятельности.

С *точки зрения* исторического опыта в периоде общественной трансформации отчетливо проявляется необходимость развития *гуманности*, справедливости, личной свободы и *ответственности* всех перед обществом, что определяет *отношение* человека к социуму, государству и ценностям общества.

Не можем не отметить, что ответственность как социальная категория выражается через внутренние качества организатора-руководителя, осознанием им своего социально-гуманного статуса для нравственной управленческой деятельности, а также в целях *совершенствования* личности и эффективного развития в контексте современных императивов государственного и муниципального управления. В современных кризисных условиях функционирования экономики актуален процесс переосмысления значимости ответственности. Это обстоятельство, как никогда, обуславливает актуальность морально-психологического вектора *инновационной* деятельности всех уровней руководителей, необходимость решения внутренних социально-экологических задач при безусловной готовности *нести* личную ответственность за свои действия и бездействия!

Так российский ученый Ю.В. Яковец в своих исследованиях отмечает, что «в основе *инновационной динамики* общества лежит *новое развитие человека*, его духовного мира – *неонауки, инновационной культуры, иннообразования*, материализующихся в средствах труда, преобразованных *разумом и трудом людей*» [8].

Подтверждением вышеизложенного является *инновационная деятельность* руководителей ООО «КЗ "Ростсельмаш"», создавших *социально-мотивированные* условия творческой деятельности персонала при изготовлении современных *моделей* комбайнов *мирового уровня* с практическим приложением своего *интеллекта* в системах «Пуск» и «5С», которые позволяют учитывать не только *ответственность* каждой личности, но и параметры качества мирового уровня.

В своих исследованиях П. Друкер отмечал, что *социальные нововведения* оказываются более значительными, чем внедрение паровых локомотивов, так как *инновационные преобразования* направлены на повышение и *улучшение уровня и качества жизни* людей через формы социального воздействия.

С практической точки зрения только *инновационно-социально-гуманные* технологии определяют сущность *духовного развития* человечества в контексте *инновационного* возрождения *нравственности, этики* и социальной справедливости, так как *человек – создатель*, предопределяющий *инновационное развитие* общества своим интеллектом.

В новом обществе должна быть кардинальным образом переосмыслена идея ценности инновационного развития. Широкое принятие данной идеи является принципиальным условием *становления* общественных механизмов *инновационного мышления*. Подобная логика предопределяет *осознание* роли человека как источника развития этого общества с учетом особенностей мотивации *каждой* личности. При этом мотивацию мы предлагаем рассматривать как индивидуальное проявление *смысла жизни*, позволяющего на практике запустить механизмы *саморазвития* на основе всей совокупности *ценностей* каждой личности, *особенностей норм морали*, а также профессионально-управленческой *этики*, культивируемой в конкретном коллективе. Только подобным образом понимаемая мотивация и способна стать *источником совершенствования*, определяющим ценности, а в конечном итоге и жизнеспособность общества.

В *практическом* аспекте видится большая потребность в *формировании* не только *инновационных руководителей* (с формально *инновационным образованием*), но и необходимость соответствующей подготовки *неоспециалистов* с инновационным мышлением в сфере *управления знаниями* персонала. Особо актуальной, по нашему мнению, является способность *научения*, позволяющая сочетать *научно-технологический* аспект с другими параметрами *профессиональной инновационной деятельности*.

Президент РФ В.В. Путин в своем обращении настаивает на том, что «*надо искать* решения, которые позволили бы нам *преодолеть* складывающуюся одностороннюю *технологическую зависимость*, ...необходимо выстроить *эффективный* механизм *обновления* экономики ...с *эффективным сельским хозяйством*, ...нам нужно тщательно выбрать *приоритеты* и сохранить *научный и производственный* потенциал [9].

Вышеизложенное подтверждается в исследованиях А. Кьелла. По его мнению, чтобы добиться успеха в XXI веке, нужно *научиться* управлять *бесконечной инновацией* – никогда не *прекращающимся* поиском путей создания *новых ценностей* для всех, кого, так или иначе, затрагивает деятельность компании.

В современном кризисе экономики, как уже частично отмечалось выше, принципиально необходимо *научное осмысление* параметров создания новой *инновационно-социальной модели поведения* человека в его творческой деятельности на основе инновационной культуры и знаний с *инновационной рефлексией руководителей* всех уровней управления, которые определяют *нравственную зрелость* работников с адекватным *восприятием* новых *инновационно-цифровых технологий* в инновационной деятельности организации. Только такой подход способствует не только *инновационному прорыву всего общества*, но и *самореализации* каждой личности в отдельно взятом коллективе.

Анализ подобной логики обуславливает необходимость становления и развития новых *гуманных принципов* реализации инновационно-управленческой парадигмы в России, определяет необходимость *возрождения креативного духа*, так как в *российской истории* были моменты, когда

человек был *творческим* (СССР), свидетельство тому – *первенство в космосе, биоинженерию, авиационной и машиностроении* (создание завода Ростсельмаш за три года).

Кризис экономики и циклическое развитие общества предопределяют переход в новое качество социально-экологического развития всех отраслей в контексте современных *экологических стандартов*. Подобные задачи должны пониматься как высшие *приоритеты* в инновационной политике государства, так как широкое распространение *инновационных технологий* обуславливает становление «умных городов», «умных производств», «умных домов». Между тем, главным фактором их «умности» являются *новые уникальные знания* и ключевые компетенции, способствующие решению проблем *социальной справедливости* при функционировании *действительно умного производства*, где реально проявляется творческий контент производства.

Такое *понимание* перспектив трансформации экономики обуславливает необходимость как можно быстрого и *гибкого* создания системы подготовки высокообразовательных, квалифицированных работников и организаторов-руководителей с *инновационным мышлением*, способных осуществлять знаниевое *креативное* производство на основе *интеллектуально-социального* потенциала, то есть воссоздания *этико-гуманитарных* отношений в деятельности коллектива.

В своем выступлении Президент РФ В.В. Путин отмечал, что «*единственной* реальной *альтернативой* является стратегия *инновационного развития страны*, опирающаяся на одно из наших главных конкурентных преимуществ – на *реализацию человеческого потенциала*. Темпы *инновационного развития* должны быть кардинально выше тех, что мы имеем сегодня. Такой путь намного сложнее. Он более амбициозен и требует максимальных усилий со стороны государства, бизнеса, всего общества. Но в *действительности* выбора у нас нет» [10].

С *теоретической* точки зрения инновационно-социальный вектор становления новой модели экономики – способ реализации выхода из кризиса на основе творческого взаимовыгодного взаимодействия государства и общества.

Авторы отмечают, что в России «существует глубокое противоречие между коллективом и качеством социальных проблем ...и отсталостью культурных интеллектуальных ресурсов и архаичность управленческих решений, принимаемых на пути их преодоления» [11], так как на практике жизнеспособность общества определяется уровнем собственного инновационного интеллекта, обеспечивающего *социальное равновесие* в обществе.

С *практической* точки зрения эффективность развития общества предопределяется инновационной активностью постоянного создания инновационных новшеств с рыночной новизной, удовлетворяющая потребности *необщества*.

Достаточно ярким примером подобной практики является, как уже говорилось, создание компанией ООО «КЗ "Ростсельмаш"» модельного ряда комбайнов на инновационном уровне с опережением конкурентов (фирма CLAAS).

В силу вышеизложенного, авторы отмечают на необходимость реализации в России динамичной *инновационной* макроэкономической политики государства с регулированием функционирования инновационной сферы, в которой бы взаимодовверительно взаимодействовали инноваторы, инвесторы и товаропроизводители (С.Ю. Глазьев), что способствовало бы становлению новой модели национальной экономики даже в кризисной ситуации

С точки зрения *понимания* трансформационных процессов при становлении новой модели экономики становится совершенно необходимым *предвидение* приоритетов развития и их временной реализации на основе *инновационной активности*, как на уровне компаний, так и регионов. При этом принципиально важным становится овладение руководителями всех уровней *инновационными компетенциями* для осуществления *точно в срок инновационных проектов, реализующихся* согласно указов Президента РФ В.В. Путина и других программных документов инновационной политикой государства.

Инновационное управление, как инструмент реализации социально-экологических технологий воплощает *переход* на новый уровень развития современной организации, основанный на принципах гуманной идеологии и высокой нравственности руководителей, обуславливающих механизмы их собственного *самосовершенствования*, а также *самореализации как личностей сотрудников, находящихся в их подчинении*. Принципиально важной становится компетенция руководителей создать в коллективе *инновационный климат* творчества и взаимодовверия, что определяет новый уровень развития конкретной организации и самореализацию личности на основе *инновационной культуры, инновационных знаний* персонала, а также *ключевых инновационных компетенций* руководителей.

Список источников

1. Друкер П. Энциклопедия менеджмента. М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. 432 с.
2. Ларкина Н. Г., Овчаренко Г. В., Корсунов Д. А. Институциональные императивы инновационного развития технолого-социоэкологических систем. Монография. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2020. 124 с.

3. Гастев А. К. Как надо работать. М.: URSS, 2011. 480 с.
4. Овчаренко Г. В., Ларкина Н. Г. Инновационное управление. Учебник / ЮРИУ РАНХиГС, Ростов-на-Дону, 2019. 333 с.
5. Малоун Томас У. Труд в новом столетии. Как новые формы бизнеса влияют на организации, стиль управления и вашу жизнь. Пер. с англ. Н. А. Мельник. М.: Олимп-Бизнес, 2006. 245 с.
6. Кравченко С. А. Учебный социологический словарь. / Рос. об-во социологов, Моск. гос. ин-т междунар. отношений МИД РФ; Общ. ред. С.А. Кравченко. 3-е изд., доп., перераб. М.: Экзамен, 1999. 351 с.
7. Ларкина Н. Г., Овчаренко Г. В., Мелихова Б. С., Овакимян М. А. Инновация социально-технологических систем в новой экономике. Монография. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2019. 126 с.
8. Яковец Ю. В. Ускорение научно-технического прогресса: теория и экономический механизм. М.: Экономика, 1988. 333 с.
9. Путин В.В. Нам нужна новая экономика // Ведомости. 30.01.2012.
10. Путин В. В. О стратегии развития России до 2020 г. Выступление на расширенном заседании Госсовета. М.: Европа, 2008. 28 с.
11. Иванов В. И. и др. Социальная инноватика в управлении: муниципальные финансово-произв. группы. М.: Муниципальный мир, 2006. 260 с.

References

1. Drucker P. *Encyclopedia of Management*. Moscow: Williams Publishing House; 2004. 432 p. (In Russ.)
2. Larkina N. G., Ovcharenko G. V., Korsunov D. A. *Institutional imperatives of innovative development of technological and socioecological systems*. Monograph. Rostov-on-Don; 2020. 124 p. (In Russ.)
3. Gastev A. K. *How to work*. Moscow: URSS; 2011. 480 p. (In Russ.)
4. Ovcharenko G. V., Larkina N. G. *Innovation Management*. Rostov-on-Don; 2019. 333 p. (In Russ.)
5. Malone Thomas W. *Labor in the new century. How new forms of business affect your organization, management style, and life*. Transl. by N. A. Melnik. Moscow: Olympus Business; 2006. 245 p. (In Russ.)
6. Kravchenko S. A. *Educational sociological dictionary*. General. ed. S. A. Kravchenko. 3rd ed., Addendum, processing. Moscow: Exam; 1999. 351 p. (In Russ.)
7. Larkina N. G., Ovcharenko G. V., Melikhova B. S., Hovakimyan M. A. *Innovation of social and technological systems in the new economy*. Monograph. Rostov-on-Don; 2019. 126 p. (In Russ.)
8. Yakovets Yu. V. *Accelerating scientific and technological progress: theory and economic mechanism*. Moscow: Economics; 1988. 333 p. (In Russ.)
9. Putin V. V. We need a new economy. *Vedomosti*. 30.01.2012. (In Russ.)
10. Putin V. V. *On the strategy for the development of Russia until 2020. Speech at the expanded meeting of the State Council*. Moscow: Europe; 2008. 28 p. (In Russ.)
11. Ivanov V. I. and others. *Social innovation in management: municipal financial and pronunciation. groups*. Moscow: Municipal world; 2006. 260 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Г. В. Овчаренко – докт. экон. наук, проф. кафедры менеджмента;
А. П. Яланский – канд. экон. наук, доц. кафедры менеджмента.

Information about the authors

G. V. Ovcharenko – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Management;
A. P. Yalansky – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Научная статья

УДК 33.338

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-58-63

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Александр Васильевич Попов¹, Анна Владимировна Волочай²,
Анна Григорьевна Лугинина³

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, avpopov11@gmail.com

²Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия,
anna64.01@yandex.ru

³Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия,
luginina.anna8@mail.ru

Аннотация. В рамках данной статьи рассматривается вопрос менеджмента, касающийся выделения типов организационной культуры, в основании которых заложены ценностные ориентации организации, регламентирующие организационные правила, традиции и нормы поведения персонала. Дифференцируются два уровня организационной культуры на основании дихотомии «общее – частное»: культура организации как некое общее системное единое целое, «надкачество», консолидирующее частное – индивидуальную культуру персонала. В статье проанализированы известные западные типологии «организационных идеологий» (Ч. Хэнди), рамочная конструкция конкурирующих ценностей (К. Камерон, Р. Куинн), а также типология AGIL (Т. Парсонс). Делается вывод о том, что приоритетным объектом управления являются ценностно-содержательные аспекты организационной культуры.

Ключевые слова: организационная культура, организация, ценностные ориентации, типологизация, ценности, нормы, персонал, профессиональные компетенции, корпоративный имидж

Для цитирования: Попов А. В., Волочай А. В., Лугинина А. Г. Типологизация организационной культуры в контексте ее ценностных ориентаций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 58–63. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-58-63>.

Problems of Management

Original article

TYPOLOGY OF ORGANIZATIONAL CULTURE IN THE CONTEXT OF ITS VALUE ORIENTATIONS

Alexander V. Popov¹, Anna V. Volochay², Anna G. Luginina³

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, avpopov11@gmail.com

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, anna64.01@yandex.ru

³Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia, luginina.anna8@mail.ru

Abstract. Within the framework of this article, the issue of management is considered, concerning the identification of types of organizational culture, which are based on the value orientations of the organization that regulate organizational rules, traditions and norms of behavior of personnel. Two levels of organizational culture are differentiated on the basis of the dichotomy "general – particular": the culture of the organization as a kind of general systemic whole, "superquality", consolidating the particular – the individual culture of the staff. The article analyzes well-known Western typologies of "organizational ideologies" (C. Handy), the framework of competing values (K. Cameron, R. Quinn), as well as the AGIL typology (T. Parsons). It is concluded that the value-content aspects of organizational culture are the priority object of management.

Keywords: organizational culture, organization, value orientations, typology, values, norms, personnel, professional competencies, corporate image

For citation: Popov A. V., Volochay A. V., Luginina A. G. Typology of organizational culture in the context of its value orientations. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):58–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-58-63>.

Организационная культура (ОК) является ключевым основанием жизненного потенциала любой организации, поскольку, как таковая культура «имеет в качестве своей предпосылки целостность моментов деятельности: производства и познания, общения и целеполагания, системы ценностей» [1, с. 316]. ОК играет весьма важную роль в качественной стороне установления связей и налаживания отношений с персоналом организации, ибо культура последней оказывает непосредственное влияние на имидж организации, который, в свою очередь, способствует донесению соответствующей информации до персонала, для которого важно понимание и усвоение ценностных ориентаций данной организации.

Сразу необходимо сделать оговорку, что научная литература по менеджменту признает синонимичность семантического содержания дефиниций «организационная культура», «культура организации», «корпоративная культура», поскольку все эти дефиниции указывают на приоритет ценностных ориентаций, лежащих в разработке и регламентации организационных правил, традиций и норм поведения персонала.

Научный интерес по оптимизации и развитию ОК детерминирован, во-первых, условиями жесткой конкуренции на глобальном рынке; во-вторых, необходимостью успешного функционирования, устойчивого положения и высокой конкурентоспособности организации в долгосрочной перспективе.

Изучению типологизации ОК (корпоративной культуры) в ее различных аспектах посвящены работы современных исследователей: Е. С. Акоповой [2], С. В. Бурмистрова [3], А. Л. Котелкова [4], В. Д. Пак [5], И. В. Рашкеевой [6], В. А. Спивака [7], М. Г. Хасяновой [8] и др.

Фундаментом организационной культуры являются организационные ценности (или ценностные ориентации – ЦО) организации, представляющие собой определенные явления жизнедеятельности организации, высоко значимые как для самой организации, так и для социокультурной и духовно-нравственной жизнедеятельности персонала. ЦО организации являются ключевой связующей нитью между организационной культурой и духовно-нравственным мироощущением и профессиональным бытием личности [9].

Безусловно, ЦО являются основой ОК, т.к. они «определяют поведение людей, формируют отношение к различным аспектам деятельности организации, помогают выбрать направление, в котором следует двигаться в дальнейшем. Ценности также находят свое отражение в корпоративном имидже» [4, с. 302]. К примеру, если обратиться к потребителям, то всякая организация нацелена на формирование своего позитивного образа, который позволит связать ценности организации с потребностями потребителей, а также продемонстрировать, что конкретно отличает ту или иную организацию от ее конкурентов. Как подчеркивает А. Л. Котелков, проведенные исследования в конце прошлого века показали, что «процветающие компании отличаются высоким уровнем культуры, которая формируется в результате продуманных усилий, направленных на развитие морального духа организации» [4, с. 303]. Действительно, как показывает практика последних десятилетий, менеджеры все чаще сообщают о важности формирования ОК, создании корпоративного духа организации с формированием и продвижением системы корпоративных ценностей.

Для понимания сложившейся в организации корпоративной (организационной) культуры, необходимо рассмотреть ключевые «содержательные характеристики культуры, к которым относятся ценности и верования (нормы), разделяемые членами организации», которые представляется возможным интерпретировать «с точки зрения их восприятия людьми, работающими в организации, поскольку они являются носителями ее культуры» [4, с. 303]. Отсюда, с нашей точки зрения, следует, что важно дифференцировать два уровня ОК на основании выделения (соотношения) как общего и частного: культуру организации как некое общее системное единое целое, т.н. «надкачество», консолидирующее частное (единичное) – индивидуальную культуру персонала, а также типологию и качество их взаимоотношений. Организационная культура как такое «надкачество» наделено ценностной доминантой – «стабильной целостностью ведущих ценностных ориентаций, проявляющейся как ее основополагающий принцип» в различных формах жизнедеятельности любой организации «экономической, политической, социальной организации, в ее менталитете и образе жизни» и устоявшихся внутриорганизационных отношениях [10, с. 12].

Всякая современная организация представляет собой сложноорганизованный механизм, основанием жизненного потенциала которого, безусловно, является ОК, в рамках которой реализуется решение следующих вопросов: то, во имя чего был сделан выбор сотрудником в пользу той или иной организации и каким образом конструируются отношения между членами данной организации; какие конкретно нормы и ценностные ориентации легитимируются персоналом; какие факторы делают организацию конкурентоспособной, и какого рода ценности снижают вероятность

возникновения конфликтов. Как показывают исследования, ОК с хорошо отработанными и разделяемыми сотрудниками ценностями является очень мощным источником повышения эффективности деятельности организации и принятия верных управленческих решений [11; 12].

Опираясь на классическую типологию ценностей, обозначенных еще В.А. Ядовым, можно выделить два уровня типологизации организационных ценностей:

- корпоративные (организационные) ценности, отражающие миссию и корпоративный дух организации, в основании которых лежат цели (по В.А. Ядову – это терминальные ценности-цели), касающиеся интересной работы, интеллектуального развития, общественного признания, формирования карьерных стратегий и пр.;

- организационные ценности-средства (инструментальные ценности), регламентирующие определенные нормы взаимодействия между сотрудниками, нормы, которые «определяют пути достижения целей: аккуратность, воспитанность, самоконтроль, ответственность» и пр. [8, с. 193].

Заметим, что в рамках современного менеджмента актуальным является подход, гласящий, что первостепенным объектом управления всякой организации является ее корпоративная культура [2]. Как подчеркивают в аннотации к статье В. Д. Пак и Н. И. Нужина, «к идее управления организационной культурой современные исследователи апеллируют часто», так как «практически невозможно обойти вопрос определения типа организационной культуры», в особенности, типа ОК, основанного на ценностных ориентациях организации [5, с. 50].

Как подчеркивает В.А. Спивак, корпоративная культура представляет собой систему ЦО, материальных и духовных ценностей, проявлений, взаимодействующих между собой, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и восприятие себя и других в социальной и вещественной среде, проявляющаяся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды [7].

В рамках разработки типологизации мировых практик организационной культуры можно, в первую очередь, выделить известную типологию «организационных идеологий» зарубежного исследователя Ч. Хэнди, типологию, ориентированную на ключевые характеристики ОК, в основании которых положен ряд различных ценностных ориентаций, а именно: ориентаций на ролевую культуру, культуру власти, культуру задачи (командную культуру) и культуру личности (индивидуальности) [13].

Коснемся раскрытия содержательного наполнения данной типологии.

Для первого типа ОК – ролевой культуры характерна четкая ролевая специализация различных структурных подразделений, базирующаяся на выполнении персоналом системы бюрократических правил и норм поведения, стандартов профессиональной деятельности, строгое соблюдение которых является залогом и гарантией эффективного функционирования организации, причем источником властного влияния является статусная позиция в структуре. Ценностной идеей такого типа организации является приоритет профессиональной компетентности и размах специализации над инновационным внедрением услуг и продуктов.

Для второго типа – властной культуры организации характерен приоритет ценности руководящего звена (его личностные качества, духовный мир и специфические особенности). В рамках такой ОК корпоративные отношения строятся в соответствии с соблюдением иерархической структуры, в которой главным первоисточником власти являются те или иные ресурсы и монополия в принятии управленческих решений со стороны руководства. Ценностной идеей такого типа организации является приоритет единомышленников, составляющих, например, узкие семейные вновь образованные организации.

Для третьего типа – культуры задачи характерна ценностная ориентация на решение стоящих перед организацией задач в команде, эффективность работы которой обуславливается интегративными способностями, ответственностью и профессиональной компетентностью персонала организации. Причем результат работы команды является первостепенной ценностью по сравнению с индивидуальными целями каждого сотрудника и его статусной позицией в данной организации. Первоисточником власти и ценностной идеей данного типа организации являются профессиональные компетенции и экспертные знания, умения и навыки в конкретной сфере деятельности. Что касается роли руководства организации, то она редуцируется исключительно к функции распределения: персонала, проектной деятельности и организационных ресурсов.

В основании четвертого типа культуры – культуры личности, красноречиво говорящей о себе уже в наименовании, личность выступает как самоценность и является ядром организации, ибо такая культура базируется на личных достижениях человека, его профессиональных компетенциях, ориентации на достижение успеха в деятельности, что является главной ценностью организации.

Организация, строящаяся на таком ценностном основании, способствует объединению людей в целях содействия им в достижении их личностно-индивидуальных целей и задач. Первоисточником власти данного типа культуры является профессиональная компетентность, близость к ресурсам, способность и умение вести переговоры, т.е. быть профессионалом в своей области. Примером могут служить университетские кафедры, нотариальные и адвокатские офисы, творческие союзы.

Согласно описанной типологизации ОК, по мнению ее разработчика Ч. Хэнди, ОК развиваются в каждой конкретной организации самостоятельно и в эволюционном процессе можно ретроспективно отследить все модели культур на разных этапах развития и функционирования организации. В частности, на этапе формирования доминирует тип властной культуры, на этапе роста и развития – тип ролевой культуры, на этапе дальнейшего развития и процветания организации – может быть сформирован тип культуры личности или культуры задачи [13].

Таким образом, каждая из типов культур имеет собственные сильные и слабые стороны: например, культура задачи, носящая временный характер, в результате борьбы за ресурсы со временем трансформируется в культуру роли или во властную культуру. Однако, стоит заметить, что Ч. Хэнди – автор данной типологизации ОК признал именно ролевую культуру в качестве лидера работоспособности как на уровне организации, так и на уровне работы персонала, т.к. для организации такого типа ценностным основанием является стабильность ее работы и важность профессиональной компетентности персонала в той или иной сфере.

Другой типологией ОК в контексте ее ценностных ориентаций, разработанной К.С. Камероном и Р. Е. Куинном, является рамочная конструкция конкурирующих ценностей [14]. На основании выделенных исследователями индикаторов (в количестве 39), был проведен статистический анализ, позволивший выделить два ключевых измерения.

Первое из них отделяет критерии эффективности работы организации и делает акцент на таких ценностных качествах ОК, как: адаптивность, динамизм и дискретность в противовес другим критериям, ориентированным на порядок, стабильное функционирование и контроль. Иными словами, одни организации будут расцениваться как эффективно функционирующие при условии склонности к динамическим изменениям, высокой адаптивности и характеризующиеся органической целостностью (например, корпорации Nike, Reebok постоянно работают над выпуском обновленной продукции и характеризуются динамизмом своей деятельности). Другие же организации будут считаться эффективными при условии стабильности, определенности, возможности прогнозирования и механической целостности (например, правительственные органы, федеральные университеты, крупнейшие корпорации Boeing, характеризующиеся долговечностью, стабильностью и неизменностью структурных составляющих).

Второе измерение выделяет критерии эффективности, направленные на внутреннюю интеграцию и целостное единство, и дифференцирует от других критериев, ориентированных на внешнюю направленность и конкуренцию.

Иными словами, одни организации будут считаться эффективными при условии соблюдения ценностей, ориентированных на внутреннюю гармонию, единство ЦО, норм и корпоративных догматов (например, корпорация IBM – лейтмотивом ее деятельности выступает догма «Путь IBM»). Другие же организации расцениваются как эффективные, если их деятельность имеет внешний locus-контроль и направлена на внешнюю конкуренцию за пределами корпорации (например, автомобильная корпорация Toyota интенционально устремлена на установку «думать глобально, но действовать локально»).

Также в рамках данной статьи можно упомянуть типологию AGIL, по аббревиатуре: А – адаптация; G – достижение целей; I – интеграция; L – легитимность, разработанную социологом Т. Парсонсом. Данная типология исходит из того, что ценности ОК – это наиглавнейшие средства реализации функций, которые любая организация должна выполнять в целях выживания и достижения успеха. Т.е. если разделяемые в той или иной организации ценности помогают ей адаптироваться, достигать поставленных целей, интегрироваться и доказывать собственную практическую полезность в условиях высоко конкурентного мирового сообщества, то, бесспорно, такая организационная культура окажет положительное влияние на успешность функционирования организации в долгосрочной перспективе.

Таким образом, на фоне повышения научного интереса к концепции организационной культуры со стороны исследователей, актуализируются подходы, в соответствии с которыми типологизация ОК строится на основании ценностных ориентаций организации, т.к. приоритетным объектом управления являются ценностно-содержательные аспекты организационной культуры, к коим относятся система ценностей, норм и корпоративного духа организации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жданов Ю. А., Давидович В. Е. Сущность культуры / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д., 2005. 316 с.
2. Аكوпова Е. С., Бушуев И. В., Самыгин С. И. Корпоративная культура образовательной организации как механизм регулирования социальных конфликтов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 21–24.
3. Бурмистров С. В. Мотивы трудовой деятельности в системе управления персоналом организации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 9. С. 26–29.
4. Котелков А. Л. Организационная культура как механизм регулирования внутриорганизационных конфликтов // Социальная политика и социология. 2008. №2. С. 302–317.
5. Пак В. Д., Нужина Н. И. Основные типологии организационной культуры // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 8-3. С. 50–53.
6. Рашкеева И. В. Организационная культура: история, понятие, типология // Евразийский Союз ученых. 2015. № 1-4 (18). С. 140–142.
7. Сливак В.А. Корпоративная культура. Теория и практика. СПб.: Питер, 2001. 345 с.
8. Хасянова М.Г. Значение ценностей в корпоративной культуре // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. №22. С. 189-195.
9. Загирова Э.М., Гафиатулина Н.Х. Система ценностей молодежи и духовная безопасность современного российского общества / В сборнике: гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 2017. С. 241-246.
10. Герасимов Г.И., Топилина Е.С. Молодежь в зеркале субкультурных практик: монография. Ростов н/Д., 2012. 128 с.
11. Popov A.V., Rachipa A.V., et al. Specificity of explication of the category "management decisions" and scientific-methodological approaches for their development // Revista Inclusiones. 2019. Vol. 6. №2. Pp. 215-224.
12. Белов М.Т., Волочай А.В. Социокультурные основания управления персоналом в современной России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. Т. 13. № 5. С. 247-255.
13. Handy Charles B. Understanding organizations / Charles Handy. 4. ed. London etc.: Penguin books, 1993. 445 с.
14. Cameron K.S., Quinn R.E. Diagnosing and changing Organizational Culture: Based on The Competing Values Framework. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall Series in Organizational Development, 1999.

References

1. Zhdanov Yu. A., Davidovich V. E. *The essence of culture*. Yu.G. Volkov (ed). Rostov-on-Don, 2005. 316 p. (In Russ.)
2. Akopova E. S., Bushuev I. V., Samygin S. I. Corporate culture of an educational organization as a mechanism for regulating social conflicts. *Gumaniternye, socialno-ekonomicheskie I obshchestvennyye nauki=Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2021;(10):21–24. (In Russ.)
3. Burmistrov S.V. Motives of labor activity in the personnel management system of an organization. *Gumaniternye, socialno-ekonomicheskie I obshchestvennyye nauki=Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2019;(9):26–29. (In Russ.)
4. Kotelkov A. L. Organizational culture as a mechanism for regulating intraorganizational conflicts. *Socialnaya politika i sociologiya=Social policy and sociology*. 2008;(2):302–317. (In Russ.)
5. Pak V. D., Nuzhina N. I. Basic typologies of organizational culture. *Mezhdynarodniy naychno-issledovatel'skij zhyrnl=International Research Journal*. 2014;(8-3):50–53. (In Russ.)
6. Rashkeeva I. V. Organizational culture: history, concept, typology. *EvrAzijskij Sous ychenih=Eurasian Union of Scientists*. 2015;(1-4(18)):140–142. (In Russ.)
7. Spivak V. A. Corporate culture. Theory and practice. St. Petersburg: Piter, 2001. 345 p. (In Russ.)
8. Khasyanova M.G. Significance of values in corporate culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo yuniversiteta kylyuri I iskusstv=Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2013;(22-2):189–195. (In Russ.)
9. Zagirova E.M., Gafiatulina N.Kh. The value system of youth and the spiritual security of modern Russian society. *In the collection: humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference*. 2017:241-246. (In Russ.)

10. Gerasimov G. I., Topilina E. S. Youth in the mirror of subcultural practices: monograph. Rostov-on-Don, 2012. 128 p. (In Russ.)
11. Popov A. V., Rachipa A. V. Specificity of explication of the category "management decisions" and scientific-methodological approaches for their development. *Revista Inclusiones*. 2019;6(2):215–224. (In Russ.)
12. Burmistrov S. V., Volochai A. V., Samygin S. I. Motives of labor activity in the personnel management system of an organization. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2019;(9):26–29. (In Russ.)
13. Handy Charles B. Understanding organizations. 4. ed. London etc.: Penguin books; 1993. 445 p.
14. Cameron K. S., Quinn R. E. Diagnosing and changing Organizational Culture: Based on The Competing Values Framework. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall Series in Organizational Development, 1999.

Информация об авторах

А. В. Попов – докт. социолог. наук, проф., зав. каф. регионалистики и евразийских исследований Института социологии и регионоведения;
 А. В. Волочай – канд. филос. наук, доц.;
 А. Г. Лугинина – канд. филос. наук, доц.

Information about the authors

A. V. Popov – Doctor of Sociological Sciences, prof., Head of Department regionalism and Eurasian studies of the Institute of Sociology and Regional Studies;
 A. V. Volochay – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor;
 A. V. Luginina – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
 The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 14.02.2021; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 64–69
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(1):64–69

Problems of Economics

Original article

**MACROECONOMIC INDICATORS OF IRAQI DEVELOPMENT:
ANALYSIS AND DEVELOPMENT TRENDS**

Tatiana A. Makarenya¹, Obaidi Ahmed Ibrahim Hussein²

^{1,2}Southern Federal University, Taganrog, Russia

¹mta-76@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8251-3912>

²alual@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1478-602X>

Abstract. Building strategic visions for any economy is based on understanding the historical path of this economy and diagnosing the mechanisms of development action in it and the main pillars upon which it is based in implementing the structure of economic activities and the extended roots in drawing the features of the current state of the national economy. This article presents a study of trends in the Iraqi economy, analyzes trends in the development and structure of GDP in industry and agriculture since 2018 and targets for 2022–2023. These indicators are analyzed taking into account the impact of the pandemic. Based on the results of the study, recommendations were made for neutralizing negative factors. According to the authors, for the development of the Iraqi economy, it is necessary to develop industry, chemical and petrochemical industries.

Keywords: national economy, microeconomic indicators, development, Iraq, economic development trends, GDP of the Republic of Iraq, Iraqi industry

For citation: Makarenya T. A., Obaidi Ahmed Ibrahim Hussein. Macroeconomic indicators of Iraqi development: analysis and development trends. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(1):64–69*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-64-69>

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 330.357

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-64-69

**МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ИРАКА:
АНАЛИЗ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Татьяна Анатольевна Макареня¹, Али Аль-Убайди Ахмед Ибрагим Хусейн²

^{1,2}Южный федеральный университет, Таганрог, Россия.

¹mta-76@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8251-3912>

²alual@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1478-602X>

Аннотация. Исследование развития любой макроэкономической системы необходимо проводить на основе анализа показателей, которые являются индикаторами развития страны. В данной статье представлено исследование тенденций развития экономики Ирака, проведен анализ тенденций и структуры ВВП в разрезе промышленности, сферы услуг и сельского хозяйства начиная с 2018 г. и плановые показатели на 2022–2023 гг. Данные показатели проанализированы с учетом влияния пандемии. По результатам проведенного исследования даны рекомендации по нейтрализации негативных факторов. По мнению авторов, для развития экономики Ирака необходимо развивать электроэнергетику, химическую и нефтехимическую отрасли промышленности.

Ключевые слова: национальная экономика, Ирак, тенденции развития экономики, ВВП республики Ирак, промышленность Ирака

Для цитирования: Макареня Т. А., Али Аль-Убайди Ахмед Ибрагим Хусейн. Макроэкономические показатели развития Ирака: анализ и тенденции развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 64–69. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-64-69>

Iraqi microeconomic facts

Iraq is one of the most oil-dependent countries in the world. Over the last decade, oil revenues have accounted for more than 99% of exports, 85% of the government's budget, and 42% of GDP. This excessive dependence on oil exposes the country to macroeconomic volatility, while budget rigidities restrict fiscal space and any opportunity of counter cyclical policy. As of January 2021, in a country of 40.2 million, Iraq's unemployment rate was more than 10 percentage points higher than its pre-COVID-19 level of 12.7%. Unemployment among the displaced, returnees, women jobseekers, the pre-pandemic self-employed, and informal workers remains elevated.

The economy is gradually recovering from the double oil and COVID-19 shocks of 2020. In the first half of 2021 (H1-21), GDP grew by 0.9% year on year (y/y). The non-oil economy grew by over 21% in H1-21 (y/y), owing to a solid performance in the services sectors as COVID-19 containment measures were eased, aided by a pick-up in the vaccination campaign. This recovery outpaced the slowdown in the oil sector as Iraq adjusted to its OPEC+ quota early in the year.

Changes in Iraqi GDP

Important gains were made in budgetary revenues as average oil export prices trended above US\$64/barrel. Customs and tax administration reforms outlined in the 2021 budget law started paying off, contributing to a 53% surge in domestic revenue mobilization. This was enough to turn the overall fiscal deficit (cash basis) into a small surplus of 0.6% of GDP despite spending rigidities. The current account deficit also turned into a surplus of 4.7% of GDP in Q1-21, hence boosting the official reserves of the central bank. Iraq's economic conditions are gradually improving as international oil markets recover, this recovery is also fraught by major risks posed by structural bottlenecks, including public investment management constraints that have impacted public service delivery, the slow clearance of arrears (especially those related to public wages), and large exposure of state-owned banks and the central bank to the sovereign. These fragilities are aggravated by fragile political conditions, a weak healthcare system, and rampant corruption that continue to trigger unrest across the country.

The economy is forecast to gradually recover on the back of rising oil prices and OPEC+ production quotas, which are planned to be phased out in 2022. Oil GDP will be the main driver of growth in the medium term. Non-oil GDP is forecast to recover but remain under 3% on average in 2021–2023, due to the impact of the COVID-19 Delta variant, compounded by water and electricity shortages which effect agriculture and industries. As a result, the fiscal balance is forecast to remain in surplus in the medium term leading the debt-to-GDP ratio to steadily improve.

We can show changes in Iraqi GDP (millions dollars) as following:

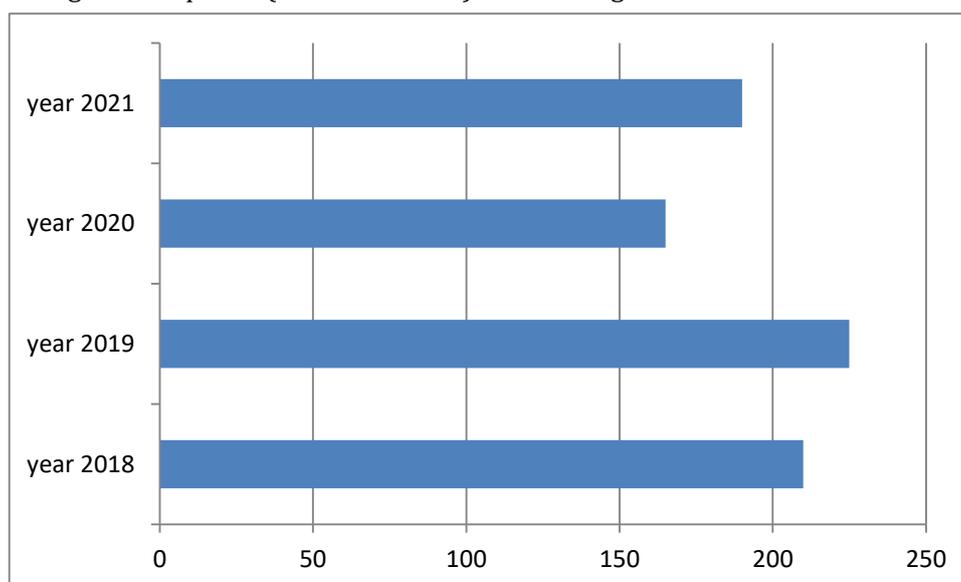

Fig. 1. Iraqi GDP (2018-2021), millions dollars¹

¹ Prepared by researchers in depending on <https://data.worldbank.org/country/IQ>

Iraqi government strategy

Recognizing the severity of the crisis the Iraqi government devised the national reform plan “ white paper “ that sets out a blueprint of reforms to achieve sustainable medium term growth . the 2021 budget proposes measures aimed at boosting domestic revenue mobilization and public financial management , as well as announcing an 18.5 percentage percent devaluation of the (Iraqi dinar) IQD against the USD . the ultimate success of reforms depends on political will and public support to implement the proposed measures and lead the country “Iraq“ out of a long-standing fragility trap. Amid persistently high perception of corruption and weak public service delivery, fiscal consolidation could give rise to social tensions and undermine reform implementation. other priorities include limiting the spread of COVID-19 and ensuring a quick vaccine rollout to manage the economic fallout from the pandemic.

The twin shocks took a heavy toll on Iraq’s economy, with GDP (at factor cost) posting a contraction of 10.4 percent in 2020. Growth was weighed down by depressed global oil demand and adherence to OPEC+ production cuts agreement which led to a 17.6 % contraction in oil GDP. The non-oil economy also underwent at a 9% contraction as COVID-19 induced lockdown battered domestic demand with religious tourism and services sectors suffering from the weak domestic demand and cheaper imported goods kept inflation pressures low with headline and core inflation only edging up to 0.6 % and 1% in 2020. Cuts in oil production exerted severe pressures on government finances, with oil revenues – according for 92% of total revenue in 2019 –falling by over 45.1 % in 2020. The Iraqi government responded through cutting discretionary spending and slashing public investment. To deal with budget rigidities, especially those linked to the public wage bill and pension. Iraqi government deferred the regularization of new entrants and contractual workers to 2021 thus accruing wage arrears. Hence the 1.4 % of GDP fiscal surplus in 2019 turned in to a 4.4% of GDP deficit in 2020, raising gross budgetary financing needs to over 6.5% of GDP also following a restructuring of domestic debt held by state-owned banks and central bank of Iraq “CBI”. This together with the higher value of foreign debt following IDQ devaluation also caused central government debt-to GDP ratio to increase by 21% points to 69,3% in 2020. Lower oil exports led to worsening of the current account balance, which turned from a surplus in 2019 to a 12.9 % of GDP deficit in 2020. With net foreign domestic imports “FDI” flows at only (US\$ 3.2 billion) and limited other borrowing in 2020. Foreign currency reserves fell by almost US\$ 13.6 billion to cover the gap by central bank. This brought reserves coverage to 9.6 months of imports by end 2020 despite a decline in imports.

Table 1¹ – **Iraqi macroeconomic indicators 2018-2023**

Statement	Year 2018	Year 2019	Year 2020	Year 2021	Year 2022 f	Year 2023 f
Real GDP growth (constant market prices)	6.8	2.4	-11.9	1.9	8.4	4.2
Private consumption	2.3	1.5	-9	1.5	8	5.6
Government consumption	17.7	25.2	- 10.6	31.5	2.1	1.1
Gross fixed capital investment	-74.2	-16.2	-40	5	15	10
Exports (goods and services)	9.4	2.7	-15.8	1.1	10.3	5.1
Imports (goods and services)	16.6	28.4	-9.4	15	2	3
Real GDP growth (constant factor prices)	-1.2	4.4	-10.4	1.9	8.4	4.2
Agriculture	12.8	38.8	34.3	14	10	5
Industry	-2.4	3.7	-11.6	2.7	10.2	4
Services	0.7	3.7	-12.2	-1.9	3.6	4.5
Inflation (consumer price index)	0.4	-0.2	0.6	8.5	3.8	3.3
Current account balance (% of GDP)	10.6	6.1	-12.9	-11.3	-5.6	-4.4
Net foreign direct investment (% of GDP)	2.4	1.5	1.9	1.9	1.9	1.8
Fiscal balance (% of GDP)	11.9	1.4	-4.4	-5.4	- 1	-0.6
Debt (% of GDP)	52.4	48.2	69.3	61.1	55.6	52.7
Primary balance (% of GDP)	13.1	2.6	-3.2	- 4	0.9	1.7

¹ Iraqi macroeconomic indicators according to data of world bank April 2021: World bank, report for macroeconomics of Iraq, April 2021 , <https://data.worldbank.org/country/IQ>

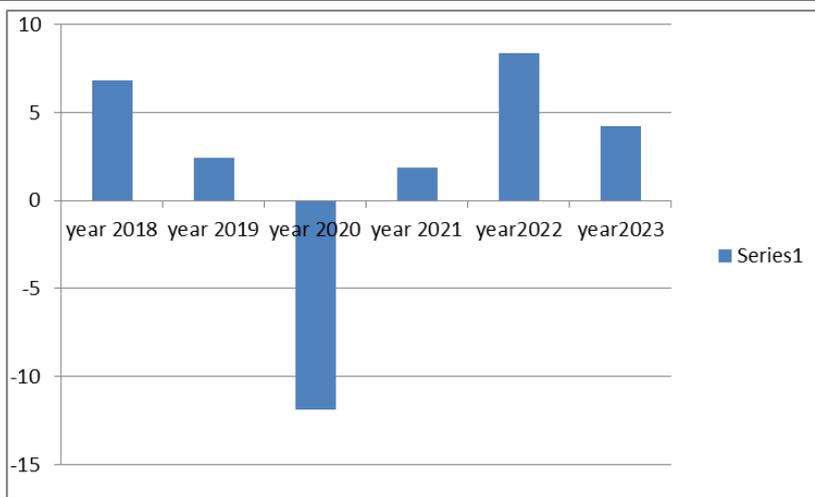

Fig. 2. Iraqi Real GDP growth (constant market prices)¹

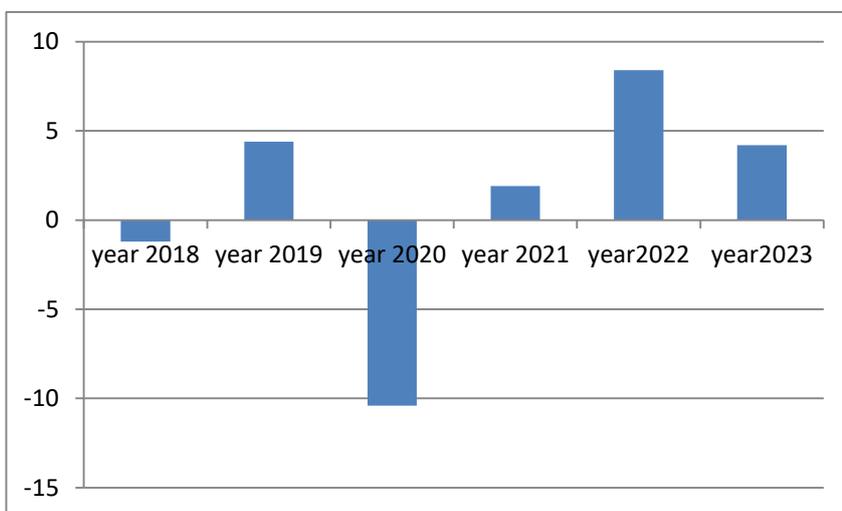

Fig. 3. Iraqi Real GDP growth (constant factor prices)²

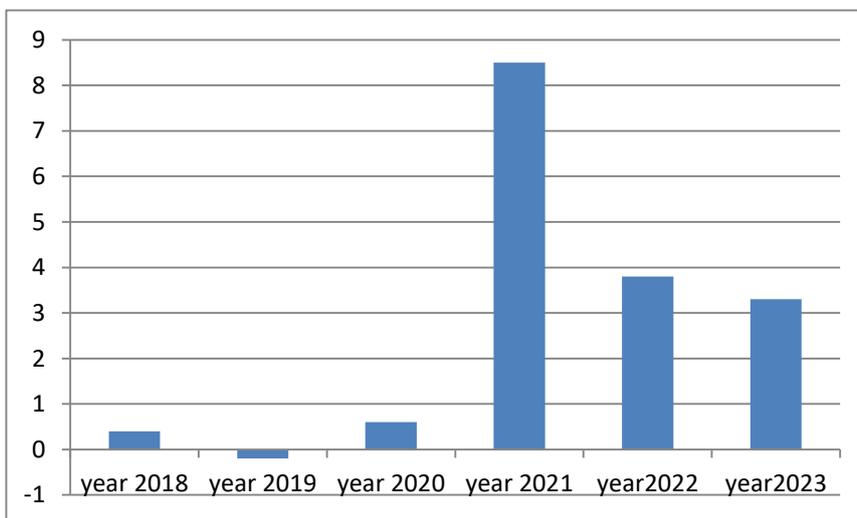

Fig. 4. Iraqi Inflation (consumer price index)³

¹ Prepared by researchers depending on <https://data.worldbank.org/country/IQ>

² Prepared by researchers depending on <https://data.worldbank.org/country/IQ>

³ Prepared by researchers depending on <https://data.worldbank.org/country/IQ>

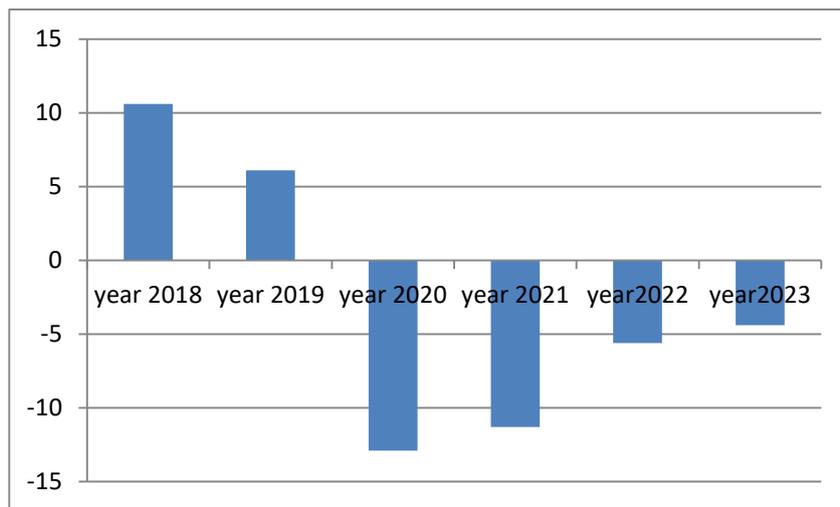

Fig 5. Current account balance (% of GDP)¹

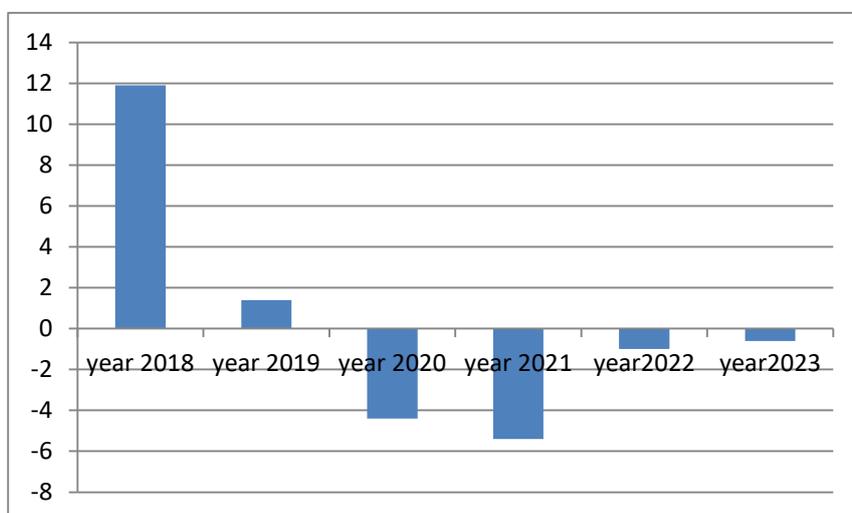

Fig. 6. Fiscal balance (% of GDP)²

Final opinion and suggestions

The economy is forecast to gradually recover on the back of rising oil prices and OPEC+ production quotas. GDP growth is projected to rise to 1.9% in 2021 and 6.3% on the average 2022 and 2023. Delays in covid-19 vaccine led to additional lockdowns, which in turn impact on economic activities. Non-oil GDP is forecast to recover in 2021, Growing up to 5.5% before converging to historical potential GDP growth trend in 2022-2023.

Economic recovery and mass vaccination will gradually reverse the surge in Poverty, projected by 7% to 14% points rise at the national poverty line of 110881 IQD per person monthly. the impact of the shock on the informal sector, dominated by the poor and vulnerable. The currency devaluation is estimated to push inflation to 8.5% in 2021 due to limited capacity for import substitution, this percentage will present an additional pressure on household’s wellbeing and Poverty decrease. Higher oil revenues coupled with the devaluation effect are projected to narrow the fiscal deficit to 5.4% of GDP in 2021. financing needs are forecast to remain elevated compared to pre-covid-19 levels, averaging at USD 13.7 Billion/year in the outlook period.

Iraq can be depending on framework for a digital economy as consisting of:

- digital infrastructure;
- digital financial services;
- digital platforms;

¹ Prepared by researchers in depending on <https://data.worldbank.org/country/IQ>

² Prepared by researchers depending on <https://data.worldbank.org/country/IQ>

- digital skills;
- digital entrepreneurship.

The priority areas for reform in Iraq are governance and enhancing private sector participation in the productive sectors (and diversification), and this could subsequently enhance Iraq's participation in the digital economy. These priority areas of reform cover all five elements of the digital economy framework, and aim to enhance accountability, transparency, and trust. Iraq's transformation, in accordance with the World Bank's initiative, towards developing a digital economy that is flexible and inclusive, requires economic reforms and the adoption of development priorities that provide the infrastructure for the digital economy.

For the development of the Iraqi economy, it is necessary to develop the chemical and petrochemical industries, to modernize the electric power complex. To implement these tasks, it is necessary to develop a strategic plan for the development of industry in the Republic of Iraq. The strategic plan should include a strategy for the development of industry, services, agriculture. To solve the above tasks, when developing a strategic plan, it is necessary to use evidence-based planning methods. According to the author, this method can be a software-product management method.

References

1. World bank, reports for macroeconomics of Iraq, April 2021 & October 2021 (<https://data.worldbank.org/country/IQ>).
2. Adam Smith. *The Theory of Moral Sentiments (Great Books in Philosophy)*. Prometheus Books, U.S.A: 2000:1-20.
3. *Application of sustainable development indicators in ESCWA countries*:2001:3-10.
4. Bosselmann Klaus. *The Principle of Sustainability*. Ashgate Publishing Company, U.S.A. 2008:201-210.
5. Carmichael, Douglas R., et al. *Auditing concepts and methods. 6th edition*. McGraw Hill, New York:1996:251-258.
6. David Holt. *Management Principles Of Practice Englewood Cliffs*. New Jersey.1993:55-60.
7. David Hunger and Thomas, L. Wheelen. *Strategic Management and Business Policy*. Prentice Hall Inc, U.K. 2004:145-155.
8. Document issued by the World Bank. *Diwan of Financial Supervision*, 2015:1-30.
9. Final document of the RAW+2 Conference. *The Future We Want in Rode Janeiro*. Brazil. 2012:25-40.
10. International Monetary Fund Report. 2015:5-15.
11. John. M. Ivancevich, et al. *Managing for performance. Revised edition (America: Business publications)*. In.c,pp. 1983:185-190.
12. *Performance auditing guidelines*. Iraq, 2014:1-10.
13. *The International Energy Agency report*. 2013:1-40.
14. The United Nations Organization. *Report of the Millennium Development Goals*. 2010:1-28.
15. *United Nations General Assembly resolution "The Transformation of Our World" Agenda 2030 on 25 September*.2015:20-25.
16. United Nations Programme. *Eighth Special Session of the Governing Council / Global Ministerial Environment Forum*. Jeju, Republic of Korea. 2005. 29-29 March:20-30.

Information about the authors

T. A. Makarenya – Doctor of Economics Science, Head of the Department of Engineering Economics; Obaidi Ahmed Ibrahim Hussein – PHD student.

Информация об авторах

Т. А. Макареня – докт. экон. наук, доц., зав. кафедрой инженерной экономики; Али Аль-Убайди Ахмед Ибрагим Хусейн – аспирант.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 26.01.2022.

Научная статья
УДК 336.71.078.3
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-70-74

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Наталья Николаевна Ажогина¹, Евгений Александрович Скорик²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, natochka30-11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6806-2476>

²Высшая школа бизнеса Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия, sea-1993@yandex.ru

Аннотация. В статье произведена попытка определения новых трендов в организации бизнес-процессов и внутреннего контроля в коммерческом банке с учетом запроса общества на их трансформацию в условиях цифровизации. Определены возможности, проблемы, места эффективного использования новых технологий в банковской деятельности с учетом опыта крупнейшего банка страны.

Ключевые слова: банк, внутренний контроль в коммерческом банке, искусственный интеллект, цифровизация бизнес-процессов

Для цитирования: Ажогина Н. Н., Скорик Е. А. Использование современных технологий в организации внутреннего контроля коммерческого банка // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 70–74. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-70-74>

Problems of Economics

Original article

THE USE OF MODERN TECHNOLOGIES IN THE ORGANIZATION OF INTERNAL CONTROL OF A COMMERCIAL BANK

Natalia N. Azhogina¹, Evgeny A. Skorik²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, natochka30-11@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6806-2476>

²Higher School of Business of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, sea-1993@yandex.ru

Abstract. The article attempts to identify new trends in the organization of business processes and internal control in a commercial bank, taking into account the company's request for their transformation in the conditions of digitalization. The possibilities, problems, and places of effective use of new technologies in banking are identified, taking into account the experience of the country's largest bank.

Keywords: bank, internal control in a commercial bank, artificial intelligence, digitalization of business processes

For citation: Azhogina N. N., Skorik E. A. The use of modern technologies in the organization of internal control of a commercial bank. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):70–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-70-74>.

Рентоориентированное поведение как форма реализации личных экономических интересов присуща не только государственному, но и частному сектору экономики. Особенно данное противоречие активно проявляется в форме проявления противоречия интересов собственников и наемных сотрудников. Если рассматривать банковский сектор, то форму и технологии организации внутреннего банковского контроля требуют постоянного совершенствования в связи с необходимостью пресечения возможностей реализации экономических интересов в ходе выполнения банковскими клерками трудовых функций.

Федеральные законы и нормативные акты Банка России содержат нормы, регламентирующие цели, задачи и необходимость организации внутреннего контроля банковских институтов. Основная цель внутреннего контроля – снижение рисков банковской деятельности, а степень

ее реализации зависит от того, какой объем интеллектуальных и материальных ресурсов выделяет руководство на поддержание необходимого уровня внутреннего контроля.

Цель настоящей работы заключается в анализе современных информационных технологий и возможностей их интеграции в систему внутреннего банковского контроля в связи с общим трендом цифровизации бизнес-процессов.

Цифровая экономика – комплексное явление, совокупность отношений, которые изменяют политические и общественные институты, принципы их функционирования, а также среду обитания человека в целом [1, с. 29].

В России в связи с нарастанием актуализации мирового влияния – глобализацией и формированием цифровых экономик развитых стран был принят национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации». Однако нельзя утверждать, что этот нормативный правовой акт положил начало цифровизации российской экономики, напротив, он явился определенным гарантом развития и совершенствования социально-экономических отношений и новаций в государстве. Принятие данного документа, с одной стороны, стало ответом на необходимость правового обеспечения зарождающейся «экосистемы» цифровой трансформации экономических процессов в России, а, с другой стороны, закрепило проектный подход к управлению существующим состоянием национальной экономики с целью повышения его эффективности, оптимизации временных затрат и необходимостью концентрации ресурсов на приоритетных направлениях.

На наш взгляд, следует обратить внимание на тот факт, что цифровизация экономики тесно связана с трансформацией бизнес-процессов конкурентных институтов в условиях экономического кризиса, вызванного пандемией коронавируса. В связи с этим современный тренд на цифровизацию бизнес-процессов отразился во многих банковских процедурах.

Помимо технологических и социальных вызовов к предпосылкам цифровизации в Российской Федерации можно отнести следующие:

- постепенное наращивание решений и компетенций по автоматизации процессов в бизнес-структурах привело к пониманию их востребованности и значимости для решения актуальных задач;
- рост требований к скорости принятия управленческих решений;
- увеличение конкуренции за кадры, обладающие востребованными в рамках цифровой экономики компетенциями.

Цифровизация в банковском секторе в первую очередь захватила сферу интернет-банкинга и приводила к ускорению выполнения операций в интересах клиентов, а также способствовала быстрому взаимодействию банка и клиента. Теперь же, когда технологические процессы взаимодействия с клиентами практически выровнялись у всех российских коммерческих банков, конкуренция возникает на более высоком уровне – сохранность данных и компьютеризация контрольных процедур, позволяющих свести к минимуму человеческий фактор при выполнении рутинных операций внутри банковской структуры.

Искусственный интеллект как нельзя лучше решает задачу, связанную с процессом поиска данных, решений, имитацией операций, ранее выполняемых человеком. Ценность данной технологии состоит в возможности сделать ее основой для реализации проектов «Умный город», «Умная фабрика» и пр., а также – в реализации распознавания образов, изображений, лиц и т.д. В Великобритании, например, используется технология искусственного интеллекта для грантового финансирования разработок или их внедрения в компаниях коммерческого сектора и для финансирования исследований в учебных и исследовательских организациях. В Российской Федерации сейчас развертывается проект «Умных городов» [2, с. 58].

В инструментарий технологии цифровой прослеживаемости входят: идентификация, средства слежения, электронные документы, цифровой след. Ценность цифровой прослеживаемости в обеспечении прозрачности бизнеса, что способствует повышению эффективности управления и контроля.

«Цифровой двойник» и «цифровой профиль» еще одна из цифровых технологий. Причем первая подразумевает виртуальный прототип реального физического объекта, группы изделий или процесса, а вторая технология «цифровой двойник» нацелена на человека и предполагает сведение всей существующей информации о нем в единое целое.

Информационные технологии позволили сформировать рывок к интенсивному развитию банковского сектора: во-первых, позволив автоматизировать многие бизнес-процессы, что в десятки раз сократило трудовые и временные затраты на предоставление различных банковских услуг, во-вторых, позволило расширить спектр банковских продуктов, так как информационные технологии помогают расширять границы традиционного банкинга. Тем не менее, в этой сфере существует множество проблем, в первую очередь связанных с формированием правового поля для использования

компьютерных технологий. В частности, коммерческим банком запрещено то, что не разрешено Центральным банком, а здесь позиция по поводу внедрения технологий определяется взвешенной позицией, которая определяет возможности финансового контроля со стороны регулятора при внедрении различных информационных технологий [3, с. 61].

12 апреля 2021 Банк России опубликовал концепцию цифрового рубля:

Цифровой рубль станет третьей формой валюты. Его планируют использовать наравне с наличными и безналичными рублями.

У цифрового рубля есть дополнительные преимущества, которые повысят его привлекательность как платежного средства.

Плюсы для бизнеса:

- доступ к кошельку через любую финансовую организацию, в которой обслуживают клиента;
- тарифы на обслуживание не выше, чем в системе быстрых платежей;
- возможности расчетов без доступа к интернету (офлайн-режим);
- высокий уровень надежности. Цифровой рубль - обязательство Банка России;
- расширение инновационных сервисов и продуктов на финансовом рынке;
- уникальные номера цифровых рублей. Благодаря им станет проще восстановить права при хищении¹.

Технология распределенного реестра (блокчейн) способна искоренить консервативную систему бюрократии, формируя при этом прозрачную систему банковских услуг, что исключает вероятность распространения коррупционных схем. Данная технология представляет собой базу данных, в которой осуществляется хранение и обновление информационных данных участниками большой сети независимо друг от друга [4, с. 76].

Итак, новым направлением развития выступает освоение новых технологий, в частности в банковской сфере внедрена технология блокчейна и запущен процесс выпуска собственных цифровых денег, которые составят конкуренцию криптовалютам (биткойну и другим).

В связи с этим можно сказать, что компьютерный аудит может быть универсальной технологией, позволяющей использовать ее преимущества не только внутри конкретного банка, но и во всей банковской системе. В частности, отслеживание движения цифровых денег по их индивидуальному номеру, помогут предотвратить финансовое мошенничество и восстановление прав собственности при хищении.

С точки зрения хищения опасность возникает не только в связи с потерей денежных средств, но и утерей персональных данных, которые выступают в виде основы для финансового мошенничества. В связи с этим Консультативным советом при уполномоченном органе по защите прав субъектов персональных данных Роскомнадзора представлены методические рекомендации по организационной защите физическим лицом своих персональных данных, в которых отмечается «важность персональных данных, как ключевого фактора цифрового присутствия, то есть участия и взаимодействия в обмене информацией, а «эффективность и безопасность цифрового присутствия во многом зависят от культуры производства и распространения персональных данных». При этом цифровое присутствие может быть как контролируемым, так и вынужденным, то есть осуществляющимся без участия самого физического лица за счет деятельности и устройств третьих лиц»². В этом смысле очень важно понимать, что утечка персональных данных через банковский сектор на данный момент является распространенным явлением в России, что приводит к большим потерям денежных средств, списываемых со счетов физических лиц. В связи с этим ужесточение процедур внутреннего контроля по отношению к операциям, выполняемым сотрудниками, а также частичная замена человеческого труда компьютерными технологиями направлена, в том числе и на защиту персональных данных.

Например, бесконтрольное распространение персональных данных может стать реальной угрозой как для частной жизни лица, так и клиентов, сотрудников государственных, частных, коммерческих организаций. При этом активное обращение персональных данных в условиях цифровой экономики является необходимым и базовым условием динамичного развития технологии больших данных (BigData).

¹ Банк России опубликовал концепцию цифрового рубля // Информационно-правовая система Консультант Плюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_179580/5283d049b5203dbad9a43646c33b361097f6ec06/ (дата обращения 06.05.2021).

² Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). URL: <https://rkn.gov.ru/personal-data/protection-of-the-innocent/> (дата обращения: 06.05.2021).

В коммерческих банках, согласно методическим рекомендациям по выполнению законодательных требований при обработке персональных данных, составленных на основе комплекса документов в области стандартизации Банка России «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации» для организаций банковской системы Российской Федерации¹ предполагается использование частных модулей сохранности персональных данных клиентов и сотрудников банка.

В системе внутреннего контроля коммерческого банка компьютерный аудит направлен в первую очередь на оценку безопасности компьютерной системы банка и оценки степени защиты данных, в том числе, персональных данных сотрудников и клиентов банка.

Организации защиты персональных данных осуществляется всеми организациями банковской системы РФ, в связи с этим отметим важность защиты всех персональных данных цифрового присутствия физического лица в условиях цифровизации банковского сектора.²

К примеру, активно используемые методы и инструменты правовой, технической и организационной защиты персональных данных ПАО «Сбербанк» в сочетании с моделями угроз их безопасности позволили снизить риски и предупредить несанкционированное использование персональных данных. В связи с этим следует признать эффективной систему внутреннего контроля компьютерных технологий, используемых для обработки персональных данных в связи с предоставлением банковских услуг.

В ПАО «Сбербанк» разработана модель машинного обучения и анализа больших данных для психологического прототипирования своих будущих заемщиков.

Вся группа компаний, входящих в СБЕР, использует технологии искусственного интеллекта, объясняя своим клиентам, что такое искусственный интеллект (ИИ), и что технологии имеют свойство дешеветь, когда приобретают массовый характер.

Искусственный интеллект российские и мировые компании используют для решения многообразных задач с целью повышения эффективности бизнес-процессов.

1. Оптимизируют бизнес-процессы. Успешным примером здесь можно считать чат-боты.
2. Прогнозируют спрос и поведения клиента.
3. Предложения, персонализированные под клиента³.

Итак, ПАО «Сбербанк» активно использует технологию искусственного интеллекта, которая моделировала личность заемщика по выделенным чертам характера⁴.

В рамках внутреннего контроля для реализации принципов этики искусственного интеллекта в Сбере создана специальная рабочая группа в рамках Комитета ESG. Она стала первым в России специальным органом для спорных этических вопросов искусственного интеллекта.

Задачи группы:

1. Отвечать за реализацию применения принципов искусственного интеллекта в Сбере.
2. Проводить экспертизу рисков применения технологий искусственного интеллекта в работе Сбера и оценку последствий их внедрения.
3. Осуществлять мониторинг эффективности реализации принципов и их восприятия в обществе.

В Сбербанке общий контроль автоматизированных информационных систем предусматривает контроль компьютерных систем (контроль за вычислительным комплексом, системой клиент-сервер, рабочими местами конечных пользователей и т.д.), проводимый с целью обеспечения бесперебойной и непрерывной работы.

¹ Базовая модель угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных. ФСТЭК России. URL: <https://fstec.ru/tekhnicheskaya-zashchita-informatsii/dokumenty/114-spetsialnye-normativnye-dokumenty/379-bazovaya-model-ugroz-bezopasnosti-personalnykh-dannykh-pri-ikh-obrabotke-v-informatsionnykh-sistemakh-personalnykh-dannykh-vypiska-fstek-rossii-2008-god> (дата обращения: 03.05.2021).

² Еникеева Лилия Аубакировна, Дурандина Анна Павловна Организация защиты персональных данных в банковских информационных системах Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-zaschity-personalnykh-dannykh-v-bankovskikh-informatsionnykh-sistemah-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 04.05.2021).

³ В чём сила, бот? Как применяют искусственный интеллект // СберБизнес // URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/iskusstvennyj-intellekt-v-biznese-opyt-rossijskih-kompanij/

⁴ Вичугова А. Как заработать \$2-3 миллиарда за год на искусственном интеллекте: рассказывает СБЕРБАНК // Machine Learning, Use Cases, Статьи, Цифровая трансформация // Big Data // URL: <https://www.bigdataschool.ru/blog/искусственный-интеллект-и-сбербанк.html> (дата обращения 05.05.2021).

Общий контроль состоит из контроля процедур резервирования (копирования) данных и процедур восстановления функций автоматизированных информационных систем, осуществления поддержки в течение времени использования автоматизированных информационных систем, включая определение правил приобретения, разработки и обслуживания (сопровождения) программного обеспечения, порядка осуществления контроля за безопасностью физического доступа.

Программный контроль осуществляется встроенными в прикладные программы автоматизированными процедурами, а также выполняемыми вручную процедурами, контролирующими обработку банковских операций и других сделок (мониторинг автоматизированных систем и операций, контроль логического доступа, внутренние процедуры резервирования и восстановления данных и т.п.).

Таким образом, подводя итог вышеизложенному следует отметить, что проникновение компьютерных технологий и искусственного интеллекта приобрело всеобщий характер и в коммерческом банке применяется как для работы с клиентами при предоставлении банковских продуктов и услуг, так и для организации внутреннего контроля банка при анализе качества обработки персональных данных для повышения эффективности работы сотрудников, осуществляющих функции внутреннего контроля.

Список источников

1. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг и др.; науч. ред. Л. М. Гохберг ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

2. Соколов И. А, Дрожжинов В. И., Райков А. Н., Куприяновский В. П., Намиот Д. Е., Сухомлин В.А. Искусственный интеллект как стратегический инструмент экономического развития страны и совершенствования ее государственного управления. Часть 1. Опыт Великобритании и США // *International Journal of Open Information Technologies*. 2017. № 9.

3. Семенюта О. Г. Экономические подходы к разработке системы цифровых денег Центрального банка // *Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*. 2018. №1 (61).

4. Конюкова О. Л., Летунов С. А. Роль цифровизации в государственном управлении // *Global & Regional research*. 2019. Т. 1. № 1.

References

1. *What is the digital economy? Trends, competencies, measurement. In: XX Apr. international Scientific Conference on problems of Economic and Social development, Moscow, 9-12 Apr. 2019. G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg et al.; scientific ed. L. M. Gokhberg; Nats. research. un-t "Higher School of Economics". Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2019. (In Russ.)*

2. Sokolov I. A., Drozhzhinov V. I., Raikov A. N., Kupriyanovsky V. P., Namiot D.E., Sukhomlin V. A. Artificial intelligence as a strategic tool for the economic development of the country and the improvement of its public administration. Part 1. The experience of Great Britain and the USA. *International Journal of Open Information Technologies*. 2017;(9).

3. Semenyuta O. G. Economic approaches to the development of a Central Bank digital money system. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh) = Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH)*. 2018. № 1 (61). (In Russ.)

4. Konyukova O. L., Letunov S. A. The role of digitalization in public administration. *Global & Regional research*. 2019;1(1).

Информация об авторах

Н. Н. Ажогина – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории и предпринимательства;

Е. А. Скорик – магистрант кафедры государственных и муниципальных финансов и финансового инжиниринга.

Information about the authors

N. N. Azhogina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship;

E. A. Skorik – Master's student of the Department of State and Municipal Finance and Financial Engineering.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 03.02.2022; принята к публикации 04.02.2022. The article was submitted 18.01.2022; approved after reviewing 03.02.2022; accepted for publication 04.02.2022

Научная статья

УДК 378:61+11

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-75-82

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ИННОВАЦИОННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ КЛАСТЕР В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Людмила Петровна Вардомацкая¹, Валентина Петровна Кузнецова²,
Татьяна Васильевна Воронина³

¹Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия,
Vardomatskaya@yandex.ru

²Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург,
Россия, vpr1000@yandex.ru

³Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, t.v.voronina@mail.ru

Аннотация. В работе в соответствии с объективными закономерностями развития новых форм организации труда в социальной сфере рассматривается необходимость перехода к кластерной форме производства образовательных и медицинских услуг в сфере здравоохранения. Научно-образовательный инновационный медицинский кластер представлен как инновационная экономическая система в миниатюре, на основе метода системного анализа сущность кластера позиционируется в виде модели причинно-следственных связей его структурных элементов, что позволило выделить направления его цифровой трансформации с целью определения стратегии увеличения синергетического эффекта кластера, повышения конкурентоспособности как составных элементов, так и системы в целом. Определена роль цифровых технологий в совершенствовании образовательного и научно-исследовательского процессов, практических навыков обучающихся, непрерывного медицинского образования.

Ключевые слова: научно-образовательный инновационный медицинский кластер, системообразующая структура кластера, околосекторная среда, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация образования, искусственный интеллект, Big Data, цифровизация здравоохранения

Для цитирования: Вардомацкая Л. П., Кузнецова В. П., Воронина Т. В. Научно-образовательный инновационный медицинский кластер в цифровой экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 75–82. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-75-82>.

Problems of Economics

Original article

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL INNOVATIVE MEDICAL CLUSTER IN DIGITAL ECONOMY

Lyudmila P. Vardomatskaya¹, Valentina P. Kuznetsova², Tatyana V. Voronina³

¹Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia, Vardomatskaya@yandex.ru

²Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, St. Petersburg, Russia, vpr1000@yandex.ru

³Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, t.v.voronina@mail.ru

Abstract. The work of the objective patterns of the development of new forms of social labour organization considers the need to move clusters into the form of education and health services. The scientific innovative health cluster is presented as an innovative economic system in miniature, the systemic analysis method is based on the form of a model of causal elements that has been used to identify the directions of its digital transformations to define a strategy to increase the synth of the cluster, improving its competitiveness both its constituents elements and the system as a whole. Identify the role of digital technologies in improving the educational and scientific process of practical skills of continuing medical education.

Keywords: scientific innovative medical cluster, system-forming cluster structure, near the cluster environment, information communication technologies, digital education, artificial intelligence, Big Data, digital health care

For citation: Vardomatskaya L. P., Kuznetsova V. P., Voronina T. V. Scientific and educational innovative medical cluster in digital economy. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):75–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-75-82>.

Одним из современных подходов к динамичному и устойчивому развитию экономики России выступает ее ориентация на использование инноваций, внедрение инновационных технологий и создание инновационных продуктов. В качестве важнейшего инструмента инновационного развития выделяется создание и поддержка кластерных проектов и инновационных кластеров в стране.

В соответствии с исследованием Global Innovation Index (ГИ-2020) Россия занимает 47 место среди 131 страны мира по уровню внедрения инноваций в кластерах. Эти данные свидетельствуют о низких показателях процессов формирования кластеров в России по сравнению с другими странами. Так, в 2020 году Россия заняла 95 место в мировом рейтинге; уровень кластерной концентрации составил 0,3; уровень интегральной оценки nGI - 3,4 от максимальной рейтинговой оценки 7.0 и выступает максимальной рейтинговой оценкой. В то же время США имеют показатель кластерной концентрации 1, Швейцария 0,99, Нидерланды 0,98, Китай 0,97¹.

Низкий уровень кластерной концентрации в России можно объяснить тем, что на путь кластеризации экономики она вступила позже других стран и находится в начале этого процесса.

Активному формированию кластерных образований в экономике России, способствовало принятие концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации от 2008 г. В ней обосновывалась необходимость перехода к инновационному социально-ориентированному типу экономического развития, созданию кластеров, обеспечивающих конкурентные преимущества территорий, на которых они формируются.

Реализация Федеральной программы поддержки, создания и развития инновационных территориальных кластеров Министерством экономического развития России относится к 2012 году. Программа учитывала опыт лучших международных проектов территориальных кластеров, в частности:

- программу поддержки инновационных кластеров в Германии Spritzen Clusterwettbewerb, которая была направлена на кооперацию науки и производства, оказание государственной поддержки кластерам в наукоемких сферах, а также территориям их расположения;

- во Франции посредством конкурсного отбора выявлялись наиболее конкурентоспособные кластеры, на которые распространялась государственная программа поддержки Holes de Competitivite с целью совместного финансирования инновационных проектов и усиления синергетического эффекта².

Этот опыт был использован в России при формировании инновационных территориальных кластеров, который позже был распространен на социальную сферу, сферу здравоохранения.

При анализе экономических систем прослеживается объективная закономерность появления новых форм организации труда вначале в сфере материального производства, которые затем, с определенным временным лагом, распространяются и на сферу услуг, социальную сферу. Это положение справедливо для ключевого сегмента социальной сферы - здравоохранения, выполняющего исключительно важные функции по поддержанию и восстановлению здоровья.

Анализ специфики экономической системы здравоохранения, демонстрирует ее сложную структуру, концентрирующую, вбирающую в себя три модели, присущие данной области хозяйственной деятельности - страховую, частную и государственную.

Рассмотрим вклад каждой модели в экономику здравоохранения, определяемый величиной расходуемых финансовых ресурсов.

Наибольший удельный вес в общих расходах на здравоохранение занимают расходы государства, составляющие 64%, страховая модель концентрирует 25% и расходы частного сектора оцениваются в 11%. При этом удельный вес совокупных расходов консолидированного бюджета РФ и бюджетов внебюджетных фондов составляет за 2016-2019 гг. от 3,2% до 3,6% [1, 2] при рекомендуемых ВОЗ 6-6,5% [3], что свидетельствует о недофинансировании отрасли здравоохранения. Как следствие недостаточного финансирования возникает ряд проблем социального и экономического характера, интегрированными показателями которых являются недостаточная продолжительность жизни населения, более высокий уровень заболеваемости и более низкое качество медицинской помощи по сравнению с «новыми» странами ЕС [4], побудившие экономических агентов сферы здравоохранения к поиску новых форм ведения хозяйственной деятельности, созданию научно-образовательных инновационных медицинских кластеров (НОМК).

¹ Global Innovation Index for 2018-2020 [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.globalinnovationindex.org> (Дата обращения 25.05.2021г.)

² Развитие инновационных кластеров в России [Электронный ресурс]. - URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/innovatsionnye-klastery-rossii> (Дата обращения 11.05.2021г.)

Кластерный подход к организации хозяйственной деятельности рассматривается как наиболее эффективный инструмент формирования стратегически успешных предприятий в силу присущих кластерам преимуществ:

- более высокий потенциал развития по сравнению с разрозненными организациями вследствие объединения ресурсов исследовательских структур и материально-технической базы участников кластера;
- присущие кластерам вертикальные и горизонтальные связи способствуют более успешному осуществлению курса на инновационное развитие;
- обмен креативными идеями и высокими технологиями между участниками кластерных образований повышают его конкурентоспособность;
- более высокая адаптивность к внешним вызовам;
- синергетический эффект кластера укрепляет стратегические позиции организаций - участников [5].

Таким образом, механизм кластера основан на объединении и концентрации ресурсов, научно-исследовательских междисциплинарных проектов, идей и компетенций, единой образовательной и производственной деятельности. А кластер предстает как инновационная экономическая система образовательных и научно-исследовательских медицинских учреждений, для которых характерны специфические социально-экономические отношения как внутри кластера, так и с около кластерной средой.

В качестве примера современного отечественного НОИМК можно назвать кластер «Южный», расположенный на территории ЮФО и включающий в себя ряд государственных медицинских университетов и научно исследовательских медицинских организаций, расположенных на территории округа, тип которого можно определить как социальный территориальный инновационный кластер. Данное авторское определение дополняет существующие в научном обороте определения типов кластеров как промышленных, территориальных, инновационных территориальных [6].

Учитывая особенности экономической системы здравоохранения, рассмотрим структуру научно-образовательного инновационного медицинского кластера в цифровой экономике (рис. 1).

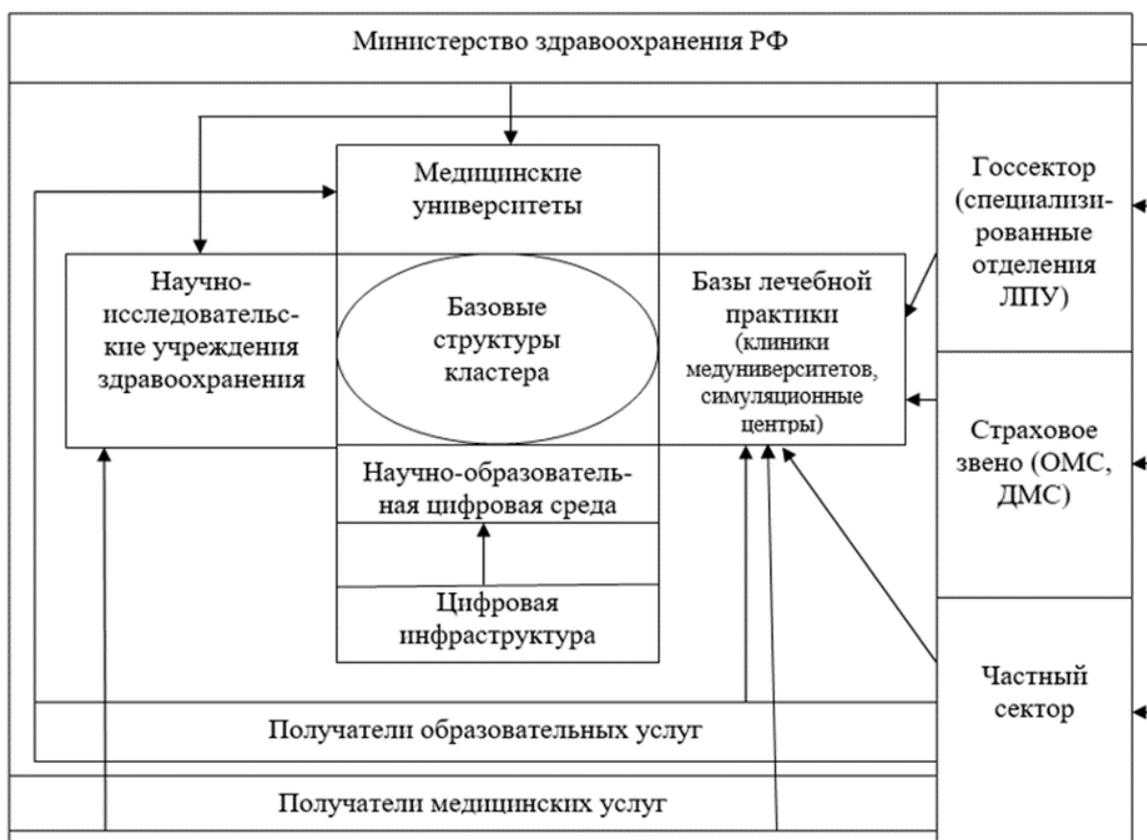

Рис. 1. Структура научно-образовательного инновационного медицинского кластера в цифровой экономике

Fig. 1. Structure of the scientific and educational innovative medical cluster in the digital economy

Представленная модель кластера характеризует его как систему, выступающую в качестве единого, целостного образования, состоящего из совокупности взаимосвязанных элементов. Она обладает новым качеством, возникающим в результате интеграции отдельных элементов, отличных от них и несводимым к их свойствам. Особенностью кластера как системы является его способность к саморегулированию.

Основные факторы, вызывающие образование такой системы - это потребности совершенствования ее структурных элементов, развитие инфраструктуры, ресурсного обеспечения, повышение качества кадрового потенциала в условиях цифровой экономики.

Структура кластера представлена его базовыми элементами, в качестве которых выступают медицинские вузы, научно-исследовательские медицинские учреждения, базы лечебной практики, цифровая инфраструктура, цифровая образовательная среда.

Образовательный процесс выступает ведущим структурным элементом в агрегированной структуре кластера, так как ему принадлежит ведущая роль в формировании человеческого капитала, способного к генерации знаний, основанных на инновациях, с дальнейшим их использованием в клинической практике.

Научная деятельность представлена как высококвалифицированным ядром профессорско-преподавательского состава, так и самостоятельными научно-исследовательскими подразделениями, входящими в кластер, где они взаимодействуют с образовательными структурами, взаимно дополняя друг друга, а следовательно, и усиливая. В агрегированной структуре кластера создаются условия для интеграции совместных научно-исследовательских проектов по актуальным проблемам медицины, разработки и внедрения новых, более эффективных методов лечения и профилактики заболеваний. Создается мощный импульс для развития и оказания различных видов инновационной, высокотехнологичной медицинской помощи. Следует отметить, что инновации в кластерной системе в результате тесного взаимодействия всех ее элементов быстрее проходят путь от создания идеи до ее реализации.

На базах лечебной практики формируются и закрепляются практические клинические навыки студентов, апробируются новые методы диагностики и лечения, разрабатываемые научно-исследовательскими структурами кластера. Инновационные клинические методы формируют научно-педагогическую базу знаний обучающихся. Научно-образовательная и лечебная деятельность выступают в качестве своеобразного спиралеобразного круговорота, в основе которого лежат инновации в области НИР, практической медицины и образовательного процесса, вследствие чего возникает эффект синергии, придающий структурам кластера новое качество. Создается возможность добиваться лучших результатов в подготовке высококвалифицированных кадров, в разработке и реализации инновационных проектов с меньшими затратами [7].

Непременным атрибутом кластера в условиях цифровизации является цифровая инфраструктура, рассматриваемая в качестве одного из основополагающих элементов цифровой экономики. Определенный уровень развития цифровой инфраструктуры позволяет сконструировать особую цифровую среду на основе использования цифровых инструментов в производственной, хозяйственной и управленческой деятельности.

Цифровая инфраструктура определяется исследователями как совокупность технико-технологических средств, используемых для сбора, хранения и передачи информации, программное обеспечение, средства коммуникации и др.[8], что создает дополнительные экономические и технологические возможности, обеспечивает конкурентные преимущества, позволяющие устоять в сегодняшней суперконкурентной цифровой среде.

Цифровая инфраструктура, обеспечивая осуществление процесса цифровизации, в том числе посредством создания, поддержания и развития телекоммуникационных, вычислительных и сетевых мощностей, является основой создания научно-образовательной цифровой среды медицинского кластера.

Обзор научной литературы свидетельствует об определенном внимании, уделяемом исследователями проблемам цифровой образовательной среды и цифровой научной среды [9-10], но они рассматриваются независимо одна от другой.

В то же время особенностью НОМК является то, что он выступает как научно-образовательный симбиоз, структура, базовыми элементами которой выступают научно-исследовательский и образовательный процессы, влияющие друг на друга, взаимодополняющие и взаимно обогащающие друг друга. И это взаимодействие научной и образовательной среды кластера должно быть адекватно отражено, в связи с чем считаем необходимым ввести в научный оборот понятие «научно-образовательная цифровая среда НОМК».

Научно-образовательная цифровая среда НОМК – это комплекс отношений в процессе осуществления научной и образовательной деятельности, основанный на применении цифровых технологий, способствующий реализации ее акторами возможностей по освоению и дальнейшему развитию медицинского научного знания, образовательного потенциала, социального взаимодействия, освоению достижений культуры. В научно-образовательной среде НОМК возникает синергетический эффект в силу взаимодействия содержательной составляющей научного и образовательного процессов.

Элементы смешанной модели экономической системы здравоохранения, специализированные отделения ЛПУ, потребители научно-образовательных, а также медицинских услуг представляют околокластерную среду, связанную с базовыми элементами кластера и реализующую систему социально-экономических связей, важных для функционирования кластера.

В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» определены задачи, которые могут и должны решаться в рамках научно-образовательного инновационного медицинского кластера. Это развитие:

- цифрового образования;
- цифрового здравоохранения;
- «умных» городов¹. (Ранее авторы исследовали проблему цифровизации социальной сферы «умного» города) [11].

Цифровая экономика предъявляет особые требования к образованию и формированию специалистов, обладающих компетенциями, адекватными современному этапу развития экономики знаний, подготовке кадров, готовых к непрерывному обучению. Необходимость модернизации образования обусловлена превращением интеллекта человека в фактор, во многом определяющий национальную конкурентоспособность. Поэтому разработка стратегии цифровой трансформации образовательного и научно-исследовательского звена НОИМК является важнейшим условием повышения конкурентоспособности и научно-образовательной деятельности, и инновационного развития территории локации кластера. В этой связи важным обстоятельством является осуществление цифровизации в качестве элемента неолиберальной политики, направленной на сокращение издержек [12].

Очевидно, что цифровые технологии являются более дешевым вариантом по сравнению с аудиторными занятиями. Однако несомненным является факт невозможности передачи неявного знания с помощью электронно-коммуникационных технологий [13]. К тому же медицинские практики обучающихся являются неотъемлемым элементом образовательного процесса в НОИМК и могут осуществляться лишь в процессе личного взаимодействия студента и педагога.

Успешная реализация Приоритетного проекта в сфере образования, принятого в 2016 г. «Современная цифровая среда в РФ»², на основе которого была принята концептуальная концепция «Цифрового университета», выразилась во внедрении информационных и цифровых технологий в образовательный процесс НОИМК, формировании у профессорско-преподавательского состава и студентов компетенций цифровой экономики.

Реализация модели «Цифрового университета» в научно-образовательном кластере позволит видоизменять формы обучения и контроля знаний, модернизировать образовательный процесс путем применения новых цифровых образовательных инструментов, расширив возможности онлайн-обучения, превратив его в постоянно действующую форму наряду с очной формой.

Цифровые технологии имеют широкие перспективы использования в научно-исследовательском звене НОИМК. Например, актуальной проблемой в здравоохранении, требующей своего решения, является составление единого реестра заболеваний, который крайне необходим для развития одного из современных направлений в здравоохранении – персонализированной медицины. Ее реализация обусловлена исследованием взаимосвязи генетического профиля каждого человека с тем или иным заболеванием, что имеет безусловное значение для эффективной лекарственной терапии конкретного пациента. Это предполагает необходимость сбора и обработки огромного массива данных на основе применения цифровых технологий Big Data. Использование кооперационных возможностей кластерных образований в этом направлении способно решить проблему быстрее и с наименьшими издержками по сравнению с разрозненными организациями.

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017г. №1632-р [Электронный ресурс]. -URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

² Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. - URL: <http://neorusedu.ru/> (Дата обращения 17.06.2021г.)

Новые технологии видоизменяют звено кластера, представленное базами лечебной практики. В настоящее время уже создана и начала функционировать единая информационная цифровая сеть, позволяющая контактировать врачам клиник с пациентами и врачами других клиник в онлайн режиме что способствует более быстрому реагированию на изменение самочувствия пациентов, улучшая таким образом качество медицинских услуг.

Цифровизация медицины происходит под влиянием следующих технологических достижений:

- гиперсвязанность, возникающая вследствие формирования единой цифровой сети, связывающей воедино всех участников лечебного процесса;
- сверхбыстрые вычисления. Компьютерные сети и вычисления в оперативной памяти существенно расширяют возможности медицины в обработке большого количества информации;
- облачные вычисления. Взаимодействие между медицинскими работниками постепенно перемещается в облако на основе использования соответствующих платформ, и здесь одновременно могут работать миллионы пользователей;
- умные технологии. Интернет вещей, на основе которого создаются «умные» носимые устройства, искусственный интеллект, 3-D печать, инструменты мобильного здравоохранения - все это позволяет врачу дистанционно контактировать с пациентом в режиме онлайн и принимать быстрые решения.
- кибербезопасность. Медицина оперирует большим объемом персональных данных, которые не должны стать достоянием третьих лиц. Поэтому медицинские организации постоянно должны совершенствовать технологии и средства их защиты [14].

Очевидно, что использование различных цифровых инструментов в кластере, должно осуществляться на основе всесторонней оценки их необходимости для решения конкретных образовательных, научно-исследовательских и медицинских задач. Только в этом случае можно рассчитывать на многообразное преобразующее воздействие трансформационных технологий, усиливающих синергетический эффект кластера, что соответствует общегосударственным целям развития цифровой экономики с использованием кластерных образований.

Научно-образовательный инновационный медицинский кластер в условиях цифровизации – это система, объединяющая вертикальными и горизонтальными связями образовательные, медицинские и научно-исследовательские структуры с целью усиления синергетического эффекта цифровой трансформации основных производственных процессов ее базовых элементов.

Применение IT-технологий в структурах кластера, значительно снижающих издержки и повышающих конкурентоспособность, позволило определить новый тип кластера как цифровой кластер [15]. Данное понятие можно считать справедливым применительно и к НОМК в условиях цифровой экономики.

Очевидно, что сегодня медицина может эффективно развиваться и существовать системно в рамках научно-образовательного инновационного медицинского кластера. Научные идеи и технологии, зарождающиеся в медицинских научно-исследовательских структурах, должны быстро внедряться в образовательный процесс и в клиническую практику. Функционирование научно-образовательного медицинского кластера в цифровой экономике позволит участникам всех структур кластера генерировать и внедрять новые научные идеи на основе цифровых платформ, что придаст новый импульс развитию медицинского образования и науки.

Список источников

1. Здравоохранение в России. Сборник статей. М., 2017. С.152-155.
2. Здравоохранение в России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 170 с.
3. Финансирование здравоохранения: альтернативы для Европы / Ред. Москалос Э., Диксон А., Фигерас Ж., Кутцин Д. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0004/98311/E74485R.pdf (Дата обращения 3.06.2021 г.)
4. Улумбекова Г. Э. Здравоохранение в России: мифы, реальность, решения [Электронный ресурс]. -URL: <https://rusrand.ru/analytics/analyticszdravoohranenie-rossii-mify-realnost-resheniya> (Дата обращения 1.06.2021 г.)
5. Исайченкова В. В. Формирование эффективных промышленно-производственных кластеров в условиях цифровизации // Экономические отношения. Т. 9. № 3. 2019. С. 1879–1890. DOI:10.18334/eo.9.3.40934
6. Башян Э. А. Кластеры в современной экономике: сущность, характерные черты и генерируемые эффекты // Теоретическая и прикладная экономика. 2019. № 1. С. 64–74. DOI: 10.25136/2409-8647.2019.1.28209

7. Вардомацкая Л. П., Кузнецова В. П. Научно-образовательный медицинский кластер как агрегированная структура экономической системы здравоохранения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 110–115.
8. Хайруллина А. Р. Цифровая инфраструктура как средство принятия управленческих решений в малом и среднем предпринимательстве // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 5. С. 1151–1166. DOI: 10/18334/epp.11.5.112066
9. Бродовская У. В., Домбровская А. Ю., Петрова Т. Э., Пырма Р. В., Азаров А. А. Цифровая среда ведущих университетов мира и РФ: результаты сравнительного анализа данных сайтов // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 12. С. 9–22.
10. Шилова О. Н. Цифровая образовательная среда: педагогический взгляд // Человек и образование. 2020. № 2 (63). С. 36–40.
11. Plotnikov V., Vardomatskaya L., Kuznetsova V. Blockchain in the social sphere of Smart Cities // E3S Web of Conferences 2019. Vol. 91. 08020. <http://DOI:10.1051/e3sconf/20199108020>
12. Покусаенко В. А., Вольчик В. В. Качество высшего образования в контексте институциональных изменений // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). Т. 10. № 2. 2019. С. 121–131. DOI:10.17835/2078-5429.2019.10.2.121-131
13. Вольчик В. В., Маслюкова Е. В. Ловушка метрик или почему недооценивается неявное знание в процессе регулирования сферы образования и науки // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 10. № 3. 2018. С. 158–179.
14. Стефанова Н. А., Андропова И. В. Проблемы цифровизации сферы здравоохранения: Российский и зарубежный опыт // Вестник Самарского университета. Экономика и Управление. 2018. Т. 9. № 3. С. 31–34.
15. Тагаров Б. Ж. Цифровой кластер как новая форма экономической концентрации // Креативная экономика. 2021. Том 15. № 2. С. 327–340. DOI: 10.18334/ce.15.2.111726

References

1. *Health care in Russia. Digest of articles.* Moscow; 2017:152–155. (In Russ.)
2. *Health care in Russia.* 2019: Stat. Sat. Rosstat. Moscow; 2019. 170 p. (In Russ.)
3. *Health financing: alternatives for Europe.* Mossialos E., Dixon A., Figueres J., Kutzin D. (eds.) Available from: https://www.euro.who.int/data/assets/pdf_file/0004/98311/E74485R.pdf [Accessed 03 June 2021] (In Russ.)
4. Ulumbekova G. E. *Healthcare in Russia: myths, reality, solutions.* Available from: <https://rusrand.ru/analytics/analyticszdravoohranenie-rossii-mify-realnost-reshenija> [Accessed 01 June 2021] (In Russ.)
5. Isaichenkova V. V. Formation of effective industrial and production clusters in the conditions of digitalization. *Ekonomicheskie otnosheniya = Economic relations.* 2019;9(3):1879-1890. DOI:10.18334/eo.9.3.40934 (In Russ.)
6. Bashyan E. A. Clusters in the modern economy: essence, characteristics and generated effects. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekonomika = Theoretical and applied economics.* 2019;(1):64-74. DOI:10.25136/2409-8647.2019.1.28209 (In Russ.)
7. Vardomatskaya L. P., Kuznetsova V. P. Scientific and educational medical cluster as an aggregated structure of the economic health care system. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2019;(2):110–115. (In Russ.)
8. Khairullina A. R. Digital infrastructure as a means of making managerial decisions in small and medium-sized businesses. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, entrepreneurship and law.* 2021;11(5):1151–1166. DOI: 10/18334/epp.11.5.112066. (In Russ.)
9. Brodovskaya U. V., Dombrovskaya A. Yu., Petrova T. E., Pyrma R. V., Azarov A. A. The digital environment of the leading universities of the world and the Russian Federation: the results of a comparative analysis of these sites. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia.* 2019;28(12):9–22. (In Russ.)
10. Shilova O. N. Digital educational environment: pedagogical view. *Chelovek i obrazovanie = Man and education.* 2020;2(63):36–40. (In Russ.)
11. Plotnikov V., Vardomatskaya L., Kuznetsova V. Blockchain in the social sphere of Smart Cities. *E3S Web of Conferences.* 2019;(91):08020. <http://DOI:10.1051/e3sconf/20199108020>
12. Pokusaenko V. A., Volchik V. V. The quality of higher education in the context of institutional changes. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki = Journal of Economic Regulation (Issues of Economic Regulation).* 2019;10(2):121–131. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.2.121-131. (In Russ.)

13. Volchik V. V., Maslyukova E. V. The trap of metrics or why implicit knowledge is underestimated in the process of regulating the sphere of education and science. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Studies (Journal of Institutional Studies)*. 2018;10(3):158–179. (In Russ.)

14. Stefanova N. A., Andronova I. V. Problems of digitalization of the healthcare sector: Russian and foreign experience. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i Upravlenie = Bulletin of the Samara University. Economics and Management*. 2018;9(3):31–34. (In Russ.)

15. Tagarov B. Zh. Digital cluster as a new form of economic concentration. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2021;15(2):327–340. DOI: 10.18334/ce. 15.2.111726. (In Russ.)

Информация об авторах

Л. П. Вардомацкая – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической и социальной теории;

В. П. Кузнецова – докт. экон. наук, проф. кафедры отраслевой экономики и финансов;

Т. В. Воронина – докт. экон. наук, проф. кафедры мировой экономики и международных отношений.

Information about the authors

L. P. Vardomatskaya – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Social Theory;

V. P. Kuznetsova – Doctor of Economics, Professor of the Department of Industry Economics and Finance;

T. V. Voronina – Doctor of Economics, Professor of the Department of World Economy and International Relations.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 17.02.2022.

The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 17.02.2022.

Научная статья

УДК 338.23

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-83-88

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА СИСТЕМУ ВЕНЧУРНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Алина Владиславовна Глушченко¹, Евгений Александрович Довгань²,
Антонина Викторовна Павлюкова³

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, alina.glushchienko.1995@mail.ru

²Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия, dovghan_72@mail.ru

³Донской казачий государственный институт пищевых технологий и бизнеса – филиал Московского государственного университета технологий и управления им. К. О. Разумовского (Первый казачий университет), Ростов-на-Дону, Россия, bikova_t@list.ru

³Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье обосновано влияние пандемии на систему венчурного финансирования инновационных проектов. На основе проведенного анализа статистических данных выявлена специфика венчурного финансирования в России и в мире. Отмечено, что новые условия, которые обусловлены пандемией COVID-19, оказали благоприятное влияние на развитие венчурного финансирования инновационных проектов.

Ключевые слова: венчурное финансирование, инвестиции, инновации, инновационная деятельность, пандемия COVID-19, экономика

Для цитирования: Глушченко А. В., Довгань Е. А., Павлюкова А. В. Влияние пандемии на систему венчурного финансирования инновационных проектов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 83–88. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-83-88>.

Problems of Economics

Original article

THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE SYSTEM OF VENTURE FINANCING OF INNOVATIVE PROJECTS

Alina V. Glushchenko¹, Evgeny A. Dovgan², Antonina V. Pavlyukova³

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, alina.glushchienko.1995@mail.ru

²Vologodonsky branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Vologodonsk, Russia, dovghan_72@mail.ru

³Don Cossack State Institute of Food Technology and Business – a branch of Moscow State University of Technology and Management named after K. O. Razumovsky (First Cossack University), Rostov-on-Don, Russia, bikova_t@list.ru

³Rostov branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article substantiates the impact of the pandemic on the system of venture financing of innovative projects. Based on the analysis of statistical data, the specificity of venture financing in Russia and in the world has been revealed. It was noted that the new conditions caused by the COVID-19 pandemic had a beneficial effect on the development of venture financing for innovative projects.

Keywords: venture financing, investment, innovation, COVID-19 pandemic, economy

For citation: Glushchenko A. V., Dovgan E. A., Pavlyukova A. V. The impact of the pandemic on the system of venture financing of innovative projects. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(1):83–88.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-83-88>.

Научно-технологические приоритеты инновационного развития государства зависят от многих факторов, включающих новые форс-мажорные условия пандемии COVID-19. При этом каждое государство обладает характеристиками, специфическим набором активов и уникальных особенностей, которые необходимо учитывать при определении научно-технологических приоритетов. В системе государственного управления на федеральном уровне и региональном уровнях существуют соответствующие инструменты, включающие механизмы согласования и координацию этих процессов.

Несмотря на довольно оптимистичный прогноз, следует признать, что пандемия коронавируса (COVID-19) вызвала беспрецедентный спад мировой экономики, не обойдя стороной и инновационную сферу. На сегодняшний день ограничительные меры действуют в большинстве стран мира, а ожидание «последующей волны» по-прежнему вызывает большие опасения. Причем, ряд исследователей утверждает, что пандемия и связанный с ней экономический кризис ударили по инновационной сфере как раз тогда, когда она находилась в самом расцвете. В частности, по итогам докризисного 2018 года видно, что расходы на научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) в мире увеличились на 5,2%, что превысило темпы роста мирового ВВП, которые наблюдались после подъема, последовавшего за финансовым кризисом 2008–2009 гг. Сильно возрос венчурный капитал (ВК), а использование объектов интеллектуальной собственности (ИС) показали по сравнению с прошлыми годами значительный рост. Также в последние годы многие развивающиеся страны взяли четкий курс на политику поощрения инновационной деятельности, стремления к переходу на экономику нового инновационного типа, что в перспективе должно было обеспечить сосредоточение и распространение инноваций в этих странах. На фоне существенного снижения темпов глобального экономического роста в 2019-2020 годах, многие авторитетные исследовательские группы мирового масштаба пытаются сегодня спрогнозировать возможные сокращения объема НИОКР, ВК и ИС и темпы снижения усилий стран к поощрению инноваций на последующие годы [1].

Несомненно, инновации, представляющие огромный потенциал, являются основой стратегии развития экономик многих стран и корпораций, поэтому есть надежда, что страны сделают все возможное, чтоб снизить влияние пандемии на эту сферу. Для сохранения конкурентоспособности своей продукции компании и дальше будут вынуждены вкладываться в новейшие технологии, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, особенно в области фармацевтики, цифровизации, биотехнологий, учитывая сегодняшнее положение, а таким стратегически важным сферам, как транспорт, туризм, торговля, образование приходится сегодня адаптироваться под новые реалии.

Таким образом, современные условия ускорили процесс внедрения инноваций, сделав его непрерывным, а также принципиально изменили соподчиненность и соотношение факторов производства. Основой расширенного инновационного воспроизводства стало качественное изменение производительных сил общества на фоне ускоряющегося процесса накопления знаний, компетенций, информации, технологий и интеллектуальных ресурсов (табл. 1).

На рубеже второго технологического уклада качественные структурные изменения производства сопровождаются интенсификацией производства, что актуализировало стимулирующую и развивающую функции. В третьем технологическом укладе венчурный капитал кристаллизуется из процессов обособления, обобществления, слияния; выделяется из традиционных форм общественного капитала: промышленного, торгового, банковского. Венчурный капитал еще является реальным капиталом, выступает генератором экономического роста и обеспечивает условия для повышения конкурентоспособности. В четвертом технологическом укладе венчурный капитал выделяется в особую форму капитала, приобретая специфические черты и выполняя специфические функции. Он интегрирует в себе финансовый и интеллектуальный капитал, обеспечивая активизацию и рост эффективности инновационного предпринимательства, высокий риск сочетается с высокой доходностью.

Постиндустриальное развитие пятого и шестого технологических укладов характеризуется глобализацией общественно-экономических отношений, углублением общественного разделения труда, высокой стоимостью человеческого капитала, генерирующего поток инноваций, ростом конкуренции, расширением информационного пространства, преобладанием вектора высоких технологий и венчурного бизнеса. Венчурный капитал определяет движение факторов производства в единстве инвестиций и инноваций, а также количественную и качественную стороны общественного воспроизводства. Существенные изменения претерпевают модели рыночной экономики (показателем развития выступает «качество жизни»), что обусловлено, с одной стороны, научно-техническим прогрессом, с другой – усилением глобальной конкуренции на фоне стагнирующей экономики и «схлопывания» рынков сбыта. Энерго- и ресурсосберегающие технологии пятого технологического уклада уже широко используются в наиболее развитых экономиках мира.

Таблица 1 – Этапы эволюционного развития венчурного капитала на основе смены технологических укладов

Table 1 – Stages of evolutionary development of venture capital based on technological changes

Этап технологического уклада	Базовые характеристики	Преобладающий вид капитала	Форма венчурного капитала
Первый этап 1770-1830 гг.	Промышленная революция: паровой двигатель, текстильные машины	Аграрный	Земля как капитал. Капитал неотделим от собственности. Признаки зарождения венчурного капитала
Второй этап 1830-1880 гг.	Железные дороги, машиностроение, металлургия	Производительный (индустриальный)	Производительный капитал. Формирование условий для выделения венчурного капитала
Третий этап 1880-1930 гг.	Электричество и сталь, машиностроение, неорганическая химия	Производительный (индустриальный)	Вещественно-финансовый капитал. Кристаллизация венчурного капитала.
Четвертый этап 1930-1970 гг.	Цикл синтетических материалов, атомная энергия	Производительный (индустриальный)	Финансовый, фиктивный и вещественный капитал. Появление венчурного капитала.
Пятый этап 1970-2010 гг.	Компьютерная революция, космическая промышленность	Финансовый и интеллектуальный	Финансовый, неимущественный и вещественный капитал. Накопление венчурного капитала.
Шестой этап 2010-2050 гг.	Цифровая революция, гелио- и ядерная энергетика	Финансовый и интеллектуальный	Интеллектуальный и неимущественный капитал. Венчурный капитал функционирует в формате расширенного воспроизводства.

На кругооборот венчурного капитала в воспроизводственном процессе влияют такие факторы, как текущий и потенциальный спрос на высокотехнологичную продукцию производственного назначения; текущий и потенциальный спрос на долгосрочные инвестиции венчурной направленности; качество профессионального инновационного менеджмента, выступающего специфическим управленческим ресурсом в цикле обращения венчурного капитала; высокоорганизованный финансовый капитал с рыночными распределительно-обменными отношениями; высокоорганизованный информационный обмен между сферами науки (фундаментальной, прикладной), венчурного предпринимательства и венчурного инвестирования; нормативно-правовая база функционирования венчурного капитала, обеспечивающая инновационное воспроизводство национальной экономики; система государственного стимулирования венчурных инвестиций (целевые гранты, государственные гарантии и налоговые льготы для высокотехнологичного бизнеса, функционирующего с привлечением венчурного капитала); формирование каналов движения венчурного капитала (сетей «бизнес-ангелов»); преодоление инновационных разрывов в части размещения венчурного капитала, обусловленных, помимо прочего, географическим несоответствием между спросом и предложением венчурного капитала, а также концентрацией рискованного капитала и инвестиций в регионах, характеризующихся наиболее благоприятным инвестиционным климатом [2].

Венчурный капитал как капитал, предназначенный для финансирования высокорисковых проектов, обеспечивает комплекс преимуществ для инновационного бизнеса, что подтверждается статистикой [3]:

- на \$1 венчурного капитала отдача в виде инновационного результата в 3–4 раза выше, нежели аналогичные корпоративные расходы на НИОКР;

- в девяти из десяти случаев инвестируется на синдицированной основе, что минимизирует риски проигрыша и обеспечивает венчурным инвесторам максимальную доходность на вложенный капитал;

- в случае поддержки инновационного бизнеса (проекта) со стороны известного венчурного капиталиста бизнес может рассчитывать на привлечение дополнительных средств от других инвесторов.

Анализируя развитие венчурных инвестиций в период пандемии коронавируса, можно отметить, что именно венчурное финансирование является той точкой роста, которая может позволить минимизировать кризисные последствия в экономике. Так, по данным CB Insights глобальный рынок венчурных инвестиций за 2021 год бьет все рекорды. Лишь за первое полугодие 2021 года было проинвестировано более \$292 млрд, при показателе в первом полугодии 2020 года в \$259 млрд. Радуют и другие показатели развития венчурного финансирования. Так, за третий квартал 2021 года возросло количество единорогов (успешных стартапов стоимостью более 1 млрд долл.) на 127 компаний и составило 848, при показателе в 537 в аналогичном периоде в 2020 году. Еще одним положительным фактором развития венчурного инвестирования является то обстоятельство, что количество единорогов увеличивается за счет стран США (69 новых компаний), Азии (30 компаний) и Европы (15 компаний). Это характеризует повсеместное развитие и понимание значимости и актуальности венчурного финансирования. Оценивая общий объем венчурного финансирования за данный период, то он достиг \$158,2 млрд при \$77 млрд в третьем квартале 2020 года, а это уже на 105% больше¹.

В целом показатели венчурного финансирования за 2021 год по объему превышают показатели за последнее десятилетие. Кроме этого в течение длительного периода (а именно пятый квартал подряд) растет количество мегараундов, при том, что именно мегараунды составляют более половины от общего объема финансирования.

Таким образом, можно отметить, что пандемия оказала положительное влияние на значительное количество стартапов в сфере технологий, которые затрагивают различные аспекты жизнедеятельности от искусственного интеллекта и цифрового здравоохранения до удаленной работы и кибербезопасности.

Вся совокупность трендов и направлений венчурного финансирования лежат на стыке экономики знаний и экономики инноваций. Одной из наиболее ярких тенденций венчурного инвестирования являются IT-компании, развитие которых будет лишь усиливаться в последующее десятилетие.

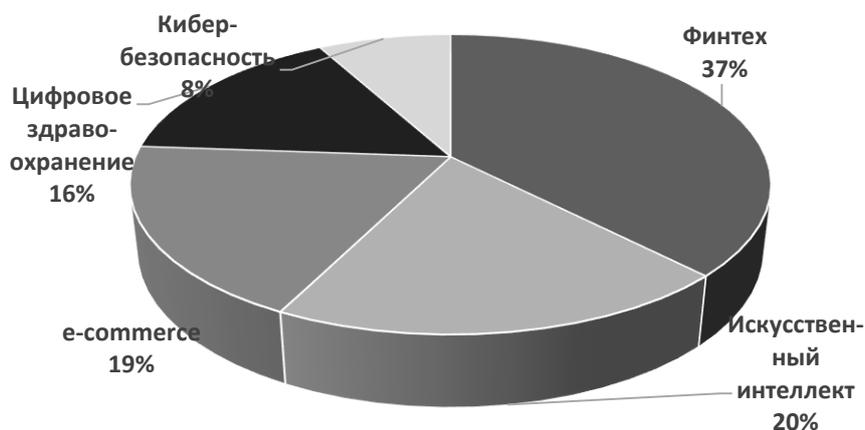

Рис. 1 – Сферы венчурного финансирования в мире
 Fig. 1 - Areas of venture capital financing in the world

Если проанализировать статистические данные относительно сфер венчурного финансирования, то стоит отметить, что лидерами рынка в 2021 году стала сфера финтех с 1651 сделкой и показателем в \$58,7 млрд; на втором месте сфера искусственного интеллекта – 1006 сделок на \$30,9 млрд; 763 сделки в сфере e-commerce в финансовом выражении составили \$29,2 млрд; в сфере цифрового здравоохранения было совершено 1194 сделки, но в финансовом выражении меньше, чем в сфере e-commerce - \$24,7; пятерку лидеров 2021 года закрывает сфера кибербезопасности с показателями в 381 сделку и финансированием в \$12,5 млрд².

Еще одним положительным аспектом является увеличение числа компаний-единорогов и их выходов, что, несомненно, внушает оптимизм, так как выходы компаний-единорогов повышают реальную ликвидность и реальный капитал инвесторам и основателям, что позволяет компаниям развиваться дальше.

¹ Новые рекорды венчурного рынка в 3-м квартале 2021-го года // Электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://vc.ru/finance/305635-novye-rekordy-venchurnogo-rynka-v-3-m-kvartale-2021-go-goda>

² Венчурные инвестиции в России // Электронный ресурс. Режим доступа URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>

Оценивая глобальную тенденцию влияния пандемии на сферу венчурного финансирования, можно отметить, что помимо экономических, социальных и политических аспектов влияния, пандемия серьезно изменила потребительские привычки. Подобные изменения положительно сказались на стартапах, поскольку проекты, которые раньше воспринимались как нерентабельные, сейчас выходят в массы и получают финансовую поддержку от инвесторов. Полагаем, что данная волна стартапов, только начальный этап решения проблем человечества, которые обусловила пандемия.

Венчурный капитал в России, как и в мире, характеризуется как многоаспектная и многофункциональная категория: в деловом и научном обороте параллельно существуют понятия venture capital (венчурный капитал, VC) и private equity (прямое/частное финансирование, PE), отличающиеся по содержанию в экономическом пространстве стран, различающихся по реализуемым моделям экономического роста. Применительно к российским условиям имеет место заимствование отдельных элементов всех моделей, однако национальный венчурный капитал развивается в соответствии с собственными объективными, исторически сложившимися предпосылками и условиями. Выбор должен соотноситься с возможностями финансирования инновационного развития и традиционно значимым государственным присутствием в национальной экономике. В таблице 2 представлен объем венчурного капитала и прямого/частного финансирования в России.

Таблица 2 – Число и объем действующих фондов венчурного капитала и прямого/частного финансирования (по годам, 2015–2020)¹

Table 2 – Number and volume of active venture capital and direct/private financing funds (by year, 2015-2020)

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Число PE&VC фондов	258	245	248	249	242	247
Объем PE&VC фондов (млн долл.)	21 727	19 051	19 696	20 251	21 057	21 127

Проводя анализ совокупной капитализации венчурных фондов в начале 2021 года, следует отметить, что почти половина совокупного объема венчурных фондов характеризуется капиталом частных инвесторов. В реальный же сектор экономики чаще вкладываются фонды с государственным капиталом. Так, наиболее крупные инвестиции в 2021 году осуществлены были Российским фондом прямых инвестиций более 80% объема инвестиций или \$948 млн. Фондом развития интернет-инициатив. Рыночный сегмент венчурного капитала в России представлен такими сферами как: IT-технологии; программное обеспечение; облачные технологии; промышленные проекты и биотехнологии.

Последствия пандемии и их масштаб еще предстоит оценить, поскольку инвестиционные процессы обладают известной инерционностью. Но уже в первом полугодии 2021 года в статистику российских аналитиков было включено 5 новых фондов прямых и венчурных инвестиций. Общее число действующих VC-фондов достигло 181. Интересно отметить, что только 2 новых фонда можно отнести к российским, остальные – это зарубежные фонды, осуществившие инвестиции в российские компании.

Специфика российского рынка венчурных инвестиций отражает тот факт, что экономический кризис пандемии не оказал существенного влияния на деятельность венчурных инвесторов, напротив, для большинства он послужил своеобразным стимулом развития. Так, треть инвесторов в России открыли для себя новые ниши для инвестиционных вложений, более 10% увеличили объем инвестиций.

Проводя анализ сферы венчурного рынка в России, можно выделить следующие специфические черты:

- во-первых, основным драйвером роста венчурного инвестирования в России выступают бизнес-ангелы на ранних стадиях инвестиционного цикла;
- во-вторых, в последние годы отмечается активная интеграция российских инвесторов в мировой рынок венчурного инвестирования;
- в-третьих, замечена тенденция снижения позиций крупных российских венчурных компаний в сфере IT-технологий. Однако данная тенденция объясняется растущей диджитализацией всех сфер жизнедеятельности общества.

¹ Объем венчурных инвестиций в России установил рекорд // Электронный ресурс. Режим доступа URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/09/2021/614b454b9a79477b3551e613

Таким образом, можно отметить, что пандемия, принеся множество экономических проблем, благоприятно повлияла на рынок венчурного инвестирования. На сегодняшний день именно венчурное инвестирование выступает показателем инновационной активности национальной экономики и отражает адаптивность интеллектуального и финансового капитала.

Список источников

1. Кудина М. В., Касымов А. Ш. Венчурный капитал и креативный труд: дилемма выбора модели экономического роста // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 85. С. 296–315.
2. Рыбакова А. Е. Формирование российского рынка частных инвестиций в инновационные проекты // Вектор экономики. 2021. № 10 (64). С. 67–72.
3. Параносенкова А. С., Костина О. И. Состояние венчурного рынка в современной российской экономике // ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ. Сборник статей XI Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 74–78.

References

1. Kudina M. V., Kasymov A. Sh. Venture Capital and Creative Labor: The Dilemma of Choosing an Economic Growth Model. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = Public Administration. Electronic Bulletin*. 2021;(85):296–315. (In Russ.)
2. Rybakova A. E. Formation of the Russian market of private investments in innovative projects. *Vektor ekonomiki = Vector of Economics*. 2021;10(64):67–72. (In Russ.)
3. Paranosenkova A. S., Kostina O. I. The state of the venture market in the modern Russian economy. In: *HIGH TECHNOLOGIES, SCIENCE AND EDUCATION: TOPICAL ISSUES, ACHIEVEMENTS AND INNOVATIONS*. Collection of articles of the XI All-Russian scientific-practical conference. Penza; 2021:74–78. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Глущенко – асп., преп. кафедры государственного и муниципального управления;
Е. А. Довгань – полковник полиции, зам. начальника кафедры специальных дисциплин;
А. В. Павлюкова – докт. экон. наук, проф. кафедры "Бизнес и проектные технологии"; проф. кафедры экономической теории и международных экономических отношений.

Information about the authors

A. V. Glushchenko – Postgraduate Student, Lecturer at the Department of State and Municipal Administration;
E. A. Dovgan – Police Colonel, Deputy Head of the Department of Special Disciplines;
A. V. Pavlyukova – Doctor of Economics, Professor of the Department of Business and Design Technologies;
Professor of the Department of Economic Theory and International Economic Relations.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.

The article was submitted 07.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 26.01.2022.

Научная статья
УДК 336
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-89-95

ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ ЦИФРОВОГО (ОТКРЫТОГО) БАНКИНГА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ АРІ-ИНТЕРФЕЙСА

Софья Сергеевна Дукян¹, Сергей Николаевич Татаркин²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹duksofia@mail.ru

²rgu@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются технологии в цифровом банкинге, возможность управления своими финансами, а также сектор финансовых услуг и пути решения для снижения финансовых рисков угрожающих безопасному функционированию банковской системы.

Ключевые слова: бандинг, искусственный интеллект, информационные технологии, финансовые услуги, кредитные карты, АРІ-интерфейс

Для цитирования: Дукян С. С., Татаркин С. Н. Возможности и угрозы цифрового (открытого) банкинга в условиях внедрения АРІ-интерфейса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 89–95. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-89-95>.

Problems of Economics

Original article

OPPORTUNITIES AND THREATS OF DIGITAL (OPEN) BANKING IN THE CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF THE API INTERFACE

Sof'ya S. Dukyan¹, Sergei N. Tatarkin²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹duksofia@mail.ru

²rgu@inbox.ru

Abstract. The article discusses technologies in digital banking, the ability to manage your finances, as well as the financial services sector and solutions to reduce financial risks that threaten the safe functioning of the banking system.

Keywords: banking, artificial intelligence, information technology, financial services, credit cards, API

For citation: Dukyan S. S., Tatarkin S. N. Opportunities and threats of digital (open) banking in the conditions of implementation of the API interface. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):89–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-89-95>.

Последние несколько лет финансовый сектор подвержен постоянным изменениям: цифровизация и технологические инновации, изменения потребительских предпочтений, развитие онлайн банкинга. Кризис 2020 г., вызванный пандемией COVID-19, ускорил эти тенденции. Подобные масштабные изменения происходят с человечеством не впервые. В попытках осознать возможности, которые появляются в подобных масштабных изменениях развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в сфере финансовых услуг, предоставляет банкам потенциал для увеличения доходов при меньших затратах за счет привлечения и обслуживания клиентов радикально новыми способами.

Цифровой банкинг включает в себя множество каналов для предоставления банковских услуг. Такие услуги, как банкоматы, интернет-банкинг, мобильный банкинг, службы приложений, телефонный банкинг и многое другое. По всем этим каналам заказчик может получать необходимые услуги без посредников; поэтому в литературе по цифровому банкингу вводится термин «прямой банкинг» называется [1]. Банковское дело – отныне не место, куда необходимо идти, работать, получать или вкладывать деньги и т.д. Это то, что делаем люди, какие решения и действия они предпринимают. Это банковские продукты и услуги, доступные и представленные клиенту в любое время и в любом месте.

Прямой банкинг позволяет клиентам легко управлять своими финансами, используя онлайн-каналы: подача заявки на получение кредита, открытие нового счета или инвестирование в финансовые рынки, процессы, которые раньше могли занимать часы, дни или даже недели, теперь могут быть выполнены за считанные секунды. Мобильные приложения позволяют пользователям выполнять целый ряд действий всего несколькими кликами в своих смартфонах. Таким образом, общие банковские операции и процедуры ставятся не только более удобными для пользователя, но и доставляют им удовольствие в использовании, формируя лояльность клиента. Помимо этого качество банковского обслуживания определяется уверенностью клиента в предоставляемых в банковской среде услугам [2]. Это связано с тем, что качество и простота предоставления услуг тесно связаны с удовлетворенностью клиентов, поведенческими желаниями и лояльностью клиентов в банковской сфере [3].

Цифровые технологии и их услуги сегодня привлекают внимание многих крупных исследовательских институтов. Сегодня исследуются вопросы влияния технологий с использованием агрегатов больших данных и цифровых кошельков на рост доли рынка [4], исследуется банковский дискурс, описывающий влияние инноваций в области информационно-коммуникационных технологий на банковский и финансовый рынки, влияние банковских каналов, модернизация услуг и снижение затрат с помощью информационных и коммуникационных технологий, рассматривается контекст интернет-банкинга и банковских услуг через призму влияния ИКТ, рассматриваются вопросы будущего финансовых услуг, изучается настроение клиентов и эффективность бизнеса в финансовой отрасли рассматривает Naraghe Bank в качестве примера).

Традиционно банки неохотно открывали свои данные и системы третьей стороне. Сегодня формируется новая бизнес-модель «умный банк будущего», в центре которой - открытый банкинг, позволяющий третьим лицам получать данные о клиентах от банков (с согласия клиента) и предоставлять ряд новых и инновационных услуг. В результате развивается пользовательский интерфейс в области обслуживания, что неминуемо приведет к возникновению новых угроз безопасности и необходимости создания и предоставления клиентам актуальных безопасных услуг.

Банковская система на протяжении веков придерживалась идеи, что данные, хранящиеся в финансовых учреждениях, изолированы и не могут быть открыты третьей стороне. Данный факт означает, что банковская система не может использовать ИИ в полной мере, поскольку последний, обрабатывая большой объем данных, позволяет их использовать для всех видов приложений. И если до 2020 года данный процесс лимитировался, то глобальная пандемия Covid-19 только ускорила переход в цифровую сферу в связи с введенными ограничениями: была остановлена регулярная деятельность банковских отделений, а меры социального дистанцирования еще больше сократили возможность личного взаимодействия. Сложившаяся ситуация спровоцировала стремительный рост использования услуг онлайн и мобильного банкинга практически во всех частях мира, а вместе с ним рост киберпреступлений.

Сектор финансовых услуг стал самой уязвимой отраслью, поскольку основная часть кибератак направлена на банковских клиентов с расширением предоставленных им возможностей принимать финансовые решения с использованием мобильных приложений, а не на учреждения. «Цифровой банкинг, мобильные приложения обеспечивают более быструю обработку финансовых транзакций, что удобнее, а так же позволяет продолжать финансовую индустрию даже в условиях пандемии» [5]. Таким образом, встает вопрос об обеспечении безопасности на этапах регистрации, активации или использования мобильного приложения в отношении аккаунта или транзакции, за которыми должна стоять репутация бренда.

Тем не менее, искусственный интеллект может помочь в создании систем, которые значительно быстрее смогут распознавать «мошеннические» транзакции. «Чтобы противостоять кибермошенничеству, банкам необходимо будет выйти за рамки паролей (одноразовых паролей) и активно внедрять биометрические данные, телеметрию устройств и аналитику поведения клиентов».

С этой целью банки должны использовать новые технологии, основанные на современных методах проверки личности для выявления подозрительных транзакций или открытия счетов, что позволит анализировать межканальные данные из нескольких источников, на основе которых в режиме реального времени станет возможным принимать решения в области безопасности, защищать клиентов. Таким образом, крайне важно, чтобы банки обеспечивали клиентам полностью безопасную среду при любых финансовых операциях.

Кража личных данных среди кибермошенничества вызывает наибольшее беспокойство сегодня. «В Российской Федерации, по данным Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Департамента информационной безопасности Банка России, объем несанкционированных операций со счетов юридических лиц по итогам 2018 г. составил 1,469 млрд руб. (в 2017 г. - порядка 1,57 млрд руб., в 2016 г. - порядка 1,89 млрд руб., в 2015 г. - порядка 3,7 млрд руб.).

На территории России и за ее пределами объем несанкционированных операций с использованием платежных карт, эмитированных российскими кредитными организациями, в 2018 г. составил 1,384 млрд руб. (в 2017 г. - 0,961 млрд руб., в 2016 г. - 1,08 млрд руб., в 2015 г. - 1,14 млрд руб.).

Удельный вес таких операций в общем объеме операций с использованием платежных карт, эмитированных российскими кредитными организациями, в 2018 г. составил 0,0018% (1,8 копейки на 1000 рублей переводов).

Существуют определенные лимиты, несанкционированных переводов денежных средств, установленные Европейской службой банковского надзора (ЕВА), которые составляют 0,005% (5 евроцентов на 1000 евро переводов)¹.

Более наглядно ситуация 2019 – 2020 гг. представлена на рис. 1.

В 2020 году количество жалоб, поступивших в отношении кредитных организаций, выросло на 35,2% по сравнению с 2019 годом и составило 191,4 тысячи.

Рис. 12. Распределение жалоб в отношении организаций

Fig. 1. Distribution of complaints against organizations

Мошенничество с кредитными картами, кража личных данных является одной из самых распространенной жалоб. Этому способствует растущая с каждым днем онлайн-торговля, покупка товаров через Интернет и т.д. В случае, взлома хакерами цифровой инфраструктуры банка, кража личных данных становится серьезным риском для клиентов, который невозможно игнорировать (в последнее время кража учетных записей стала особенно популярной): третья сторона, мошенники, получают доступ к учетной записи пользователя, с помощью которой преступник может изменить данные учетной записи, выдавая себя за пользователя. Поскольку все последующие обновления учетной записи перенаправляются на контактный адрес преступника, пользователь часто ничего не знает о произведенной кибератаке.

¹ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74615166/>

² https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31975/2020_4.pdf

Распространение вирусного программного обеспечения также является серьезной и растущей проблемой. Часто это принимает форму автоматических угроз, таких как программы-вымогатели, которые должны выглядеть как обычные, законные электронные письма от известных корреспондентов. На самом деле, однако, это фишинговые электронные письма, которые предлагают пользователю загрузить небезопасное вложение, содержащее программу-вымогатель, которая может заблокировать доступ пользователя к его учетной записи, а затем злоумышленник требует выплаты в обмен на снятие блокировки.

Ежегодно наблюдается значительное увеличение числа «скомпрометированных» кредитных карт, утечек учетных данных и вредоносных приложений. Финансовые преступления представляет собой махинацию цифр: чем больше украденных номеров учетных записей, к которым может быть получен доступ, или запущенных фишинговых сайтов, тем больше у мошенников шансов на успех. Во всем мире банки сталкиваются с более частыми и агрессивными кибератаками, и серьезность и изощренность этих атак постоянно возрастают. Времена, когда простой текстовый пароль в сочетании с запоминающимся словом или девичьей фамилией матери пользователя считался достаточно надежной защитой, давно прошли. Общество же все больше стремится к простому обслуживанию с помощью финансовых технологий. Самым разумным для финансовых учреждений становится интеграция новых услуг от новых партнеров, осуществляющееся через венчурные компании и реальные финансовые ускорители, каждый из которых, в свою очередь, имеет общую стратегию цифровой трансформации.

Тем не менее, финансовая отрасль больше осознает появляющиеся риски, угрожающие безопасному функционированию цифровых банковских услуг, и принимает все возможные меры для их снижения. На сегодняшний день реальным решением проблемы стала интеграция подхода API платформы для управления и обеспечения безопасности финансовых операций. Открытые технологии API позволяют разработчикам сторонних программ использовать стандарты безопасности, установленные банком. Аутентификация с помощью банковской учетной записи гарантирует безопасность проводимых финансовых операций в сторонних приложениях, исключает утечку персональных данных, которые могут использовать мошенники.

Интеграция API-платформ в финансовые операции позволяет обеспечить клиентов гибкими услугами за счет сторонних поставщиков данных услуг, расширения спектра услуг и финансовых продуктов, то есть все ключевые аспекты цифрового банка. С внедрением API цифровой банкинг получает новую архитектуру, в которой API становится соединительной тканью, обеспечивающей контролируемый доступ к услугам, продуктам и данным как внутри банка, так и за его пределами. Внутри банка API-интерфейсы сокращают потребность в разных хранилищах, увеличивают возможность повторного использования технологических активов и способствуют гибкости цифрового банкинга.

Помимо банка, API-интерфейсы ускоряют возможности внешнего партнерства, открывают новые возможности для бизнеса и улучшают качество обслуживания клиентов. Хотя API-интерфейсы могут принести значительную пользу, очень важно начать с определения того, где они будут использоваться [6]. Следовательно, API содействуют повторному использованию и ускоряют работу, обеспечивая доступ к детализированным сервисам (внутренним и внешним), упрощает и ускоряет сотрудничество с внешними партнерами, повышает качество обслуживания клиентов, предоставляя своевременный доступ к данным и сервисам (для разных команд) и т.д.

Банки должны интегрировать внутренние и внешние системы для поддержки беспрепятственного взаимодействия клиентов с внутренними платформами, партнерскими экосистемами и многочисленными внешними интерфейсами, что в свою очередь, требует надежного и стандартизированного подхода для внедрения API. Когда определен набор API-интерфейсов, координирующих потоки между системами, появляется возможность продвигать инновации от концепции к жизнеспособному продукту за 30–60 дней. При этом надежность и бесперебойность интеграции API зависит от высокоскоростного канала потоковой передачи данных, и стандартизированной асинхронной передачи данных в режиме реального времени. Использование современной облачной инфраструктуры для размещения платформ также упрощает масштабирование.

Такой шаг дает возможность разработать стандарты, позволяющие банкам взять на себя большую ответственность за безопасность данных клиентов и функционировать эффективно, например перевод основного банковского обслуживания в облако с общим доступом.

Центробанк России уже объявил о готовности стандартов открытых банковских интерфейсов (API), разработанных совместно с участниками российского финансового рынка на площадке

Ассоциации развития финансовых технологий «Финтех» (АФТ). Предполагается, что внедрение новых стандартов на данном этапе будет добровольным¹.

Апробацию уже прошли «Точка» и Промсвязьбанк. Еще ряд финансовых организаций находятся на этапе подключения. Первой услугой с использованием открытых API станет возможность обмена информацией по счетам юридических лиц между банками. Благодаря этому при оформлении кредита компаниям не нужно будет предоставлять в банк-кредитор бумажные выписки по счетам из других банков; достаточно дать согласие на передачу этих сведений в электронном виде банку-кредитору. При этом участники используют единые стандарты открытых API и присоединяются к единым правилам, без необходимости заключения дополнительных договоров друг с другом².

Еще одним из нововведений является, то что с 1 октября 2021 г. платежи по QR-коду станут обязательными для системно значимых банков. Их 12, к ним относятся «Сбербанк», ВТБ, «Газпромбанк», «Альфа-банк», «Райффайзенбанк», «Юникредит», «Совкомбанк», «Московский кредитный банк», «Открытие», «Росбанк», «Промсвязьбанк» и «Россельхозбанк».

Банки с универсальной лицензией должны обеспечить оплату по QR-коду в СБП с 1 апреля 2022 года. Изменения в Положение «О платежной системе Банка России» зарегистрировал Минюст.

К этому периоду кредитные организации также обязаны будут настроить проведение других типов операций СБП: переводов между гражданами по инициативе получателя, а также платежей от юридического лица физическому.

Системно значимые банки также обязали предоставить клиентам возможность совершать расчеты по QR-кодам через СБП с помощью мобильных приложений. Для физлиц – с 1 апреля 2021 г., а для юридических лиц – с 1 апреля 2022 г. Разработкой приложения для оплаты покупок занимается Национальная система платежных карт.

Возможность расчетов по QR-кодам через СБП Центробанк запустил в начале 2019 года. С помощью системы клиенты могут переводить друг другу деньги по номеру телефона, а также оплачивать товары и услуги посредством QR-кода³.

В условиях создания и внедрения новейших технологий и услуг банки должны обеспечить своевременное и актуальное обучение своих сотрудников с целью своевременного выявления потенциальных рисков и обеспечения безопасности, готовых моментально реагировать в чрезвычайных ситуациях, складывающихся по различным сценариям нарушения безопасности. В отношении клиентов банки обязаны разработать соответствующие действующие процедуры и информировать их о таких возможностях или алгоритме действий.

Сегодня в распоряжении клиентов есть целый ряд возможностей для усиления защиты от киберпреступников. Например, многофакторная аутентификация, которая уже доказала свою высокую эффективность: в дополнение к обычному текстовому паролю требуется, по крайней мере, одна дополнительная форма проверки личности, прежде чем клиент сможет получить доступ к своему счету в цифровом банке. Некоторые из наиболее популярных форм проверки включают одноразовые пароли для входа в систему, действующие в короткий временной промежуток. Подобные пароли обычно включают коды, отправляемые через SMS или приложения-аутентификаторы. Поскольку хакер вряд ли также будет владеть мобильным телефоном пользователя, данный метод значительно снижает вероятность взлома учетной записи. Другие распространенные формы дополнительной проверки личности, как правило, включают биометрию: для проверки личности пользователя используется аутентификация по отпечаткам пальцев или распознаванию лица.

Дополнительной эффективной мерой, направленной на защиту клиента, становится определение сценария, по которому он с большей степенью вероятности может стать мишенью фишинговых мошенников (не пользоваться общедоступными сетями Wi-Fi при доступе к своим учетным записям в цифровом банке, периодически обновлять пароли, использовать и различные пароли для разных банковских приложений).

Хотя угрозы кибербезопасности, возникающие с использованием ИИ, открытого банкинга и т.д. увеличивают риск мошенничества, банкам потребуется применять новые и более сложные меры для предотвращения подобных случаев и повышения безопасности в финансовом секторе. Ключом решения проблем станет, как не парадоксально, более широкое внедрение технологий ИИ, которые помогут банкам быстрее обнаруживать аномалии и, возможно, в один прекрасный день полностью остановить их возникновение. Таким образом, с учетом смены парадигмы финансовых

¹ https://www.cnews.ru/news/top/2020-10-26_tsentrobank_rossii_standartiziroval

² <https://smebanking.news/ru/39263-razvitie-otkrytyx-api-v-bankax-rossii/>

³ <https://rb.ru/news/banki-qr-kod/>

услуг от традиционного банкинга к цифровому, определяются следующие факторы качества современных банковских услуг:

- В области персонализации информации и услуг: 1) персонализация пользовательского интерфейса с учетом предпочтений; 2) получение консультационных и плановых услуг; 3) получение информации о клиенте; 4) получение исчерпывающей информации в личном кабинете клиента; 5) получение обновленной информации; 6) предоставление услуг по платежам; 7) предоставление интерактивных услуг через робот-чаты; 8) обеспечение возможности повторяющихся задач с планированием; 9) возможность определения и предложения услуг P2P; 10) предоставление информации клиентам; 11) управление рисками; 12) помощь в принятии решений на основе моделирования; 13) консультирование клиентов по вопросам инвестирования; 14) предоставление информации о покупательной способности покупателя после каждой его операции и т.д.

- В области безопасности и аутентификации: 1) интегрированная аутентификация во всех банковских каналах; 2) биометрическая аутентификация через мобильный телефон и другие устройства, например киоск; 3) наличие достаточного количества индикаторов безопасности; 4) предотвращение несанкционированного доступа; 5) сохранение информации и конфиденциальности пользователя; 6) выход из учетных записей пользователей при отключении от Интернета или продлении транзакции; 7) изменение секретных вопросов; 8) учетная запись пользователя активна во время выполнения транзакции; 9) управление «ненормальными» транзакциями; 10) восстановление пароля; 11) выявление и расследование мошенничества; 12) обеспечение конфиденциальности для клиентов; 13) включение аутентификации с помощью различных методов, таких как отпечаток пальца, глаз и так далее; 14) определение уровня доступа в юридическом банке; 15) наличие ошибки при обработке транзакции.

- В области сервисных инноваций: 1) открытый API (открытый банкинг); 2) управление заработной платой с открытым API; 3) ведение бухгалтерского учета с открытым API; 4) автоматическая проверка клиентов; 5) автоматическое обучение и постоянное совершенствование в предоставлении клиентам различных и конкретных услуг; 6) предоставление услуг краудфандинга; 7) предоставление услуг на носимых устройствах; 8) предоставление услуг с оборудованием IoT; 9) обеспечение прогнозируемой модели бизнеса; 10) предоставление прикладных программ в различных приложениях; 11) предоставление услуг виртуальных филиалов; 12) предоставление услуг в социальных сетях; 13) с использованием технологии блокчейн; 14) обмен на иностранную и внутреннюю цифровую валюту (возможность свопа); 15) с использованием криптовалют; 16) возможность инвестирования в проекты финансирования; 17) предоставление онлайн-услуг, таких как открытие онлайн-счета, сбережения и т. д.; 18) автоматическая классификация клиентов для выдачи кредита; 19) предоставление роботизированных услуг, таких как робот-говорящий, в банковских каналах; 20) анализ поведения клиентов; 21) предлагая интегрированные услуги по всем каналам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Arner, D. W., Barberis, J., & Buckley, R. P. (2015). The evolution of Fintech: A new post-crisis paradigm. *Geo. J. Int'l L.*, 47, 1271.

2. Lee, I., & Shin, Y. J. (2018). Fintech: Ecosystem, business models, investment decisions, and challenges. *Business horizons*, 61(1), 35-46.

3. Omarini, A. (2017). The digital transformation in banking and the role of FinTechs in the new financial intermediation scenario. / https://www.researchgate.net/publication/319464893_The_Digital_Transformation_in_Banking_and_The_Role_of_FinTechs_in_the_New_Financial_Intermediation_Scenario

4. Patel, I. H., & Bhatt, V. (2018). Development of Model to Evaluate Service Quality Gap in the Generation of Digital Banking / https://www.researchgate.net/publication/335600926_Development_of_Model_to_Evaluate_Service_Quality_Gap_in_the_Generation_of_Digital_Banking

5. Barberis, J., Chist, Susanne. (2016). The FINTECH Book: The Financial Technology Handbook for Investors, Entrepreneurs, and Visionaries / https://www.researchgate.net/publication/318790084_THE_FINTECH_BOOK_THE_FINANCIAL_TECHNOLOGY_HANDBOOK_FOR_INVESTORS_ENTREPRENEURS_AND_VISIONARIES

6. Renny Thomas, Vinayak HV, Raphael Bick, and Shwaitang Singh (2019) Ten lessons for building a winning retail and small-business digital lending franchise // <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/banking-matters/ten-lessons-for-building-a-winning-retail-and-small-business-digital-lending-franchise>

References

1. Arner, D. W., Barberis, J., & Buckley, R. P. (2015). *The evolution of Fintech: A new post-crisis paradigm*. *Geo. J. Int'l L.*, 47, 1271.
2. Lee, I., & Shin, Y. J. (2018). Fintech: Ecosystem, business models, investment decisions, and challenges. *Business horizons*, 61(1), 35-46.
3. Omarini, A. (2017). The digital transformation in banking and the role of FinTechs in the new financial intermediation scenario. Available from: https://www.researchgate.net/publication/319464893_The_Digital_Transformation_in_Banking_and_The_Role_of_FinTechs_in_the_New_Financial_Intermediation_Scenario
4. Patel, I. H., & Bhatt, V. (2018). Development of Model to Evaluate Service Quality Gap in the Generation of Digital Banking. Available from: https://www.researchgate.net/publication/335600926_Development_of_Model_to_Evaluate_Service_Quality_Gap_in_the_Generation_of_Digital_Banking
5. Barberis, J., Chist, Susanne. (2016). *The FINTECH Book: The Financial Technology Handbook for Investors, Entrepreneurs, and Visionaries*. Available from: https://www.researchgate.net/publication/318790084_THE_FINTECH_BOOK_THE_FINANCIAL_TECHNOLOGY_HANDBOOK_FOR_INVESTORS_ENTREPRENEURS_AND_VISIONARIES
6. Renny Thomas, Vinayak HV, Raphael Bick, and Shwaitang Singh (2019). Ten lessons for building a winning retail and small-business digital lending franchise. Available from: <https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/banking-matters/ten-lessons-for-building-a-winning-retail-and-small-business-digital-lending-franchise>

Информация об авторах

С. С. Дукян – канд. филос. наук, доц. кафедры экономики, финансов и природопользования;
С. Н. Татаркин – канд. экон. наук, доц. кафедры экономики, финансов и природопользования.

Information about the authors

S. S. Dukyan – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Finance and Environmental Management;
S. N. Tatarkin – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, Finance and Environmental Management.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 04.02.2022; принята к публикации 05.02.2022.

The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 04.02.2022; accepted for publication 05.02.2022.

Научная статья
УДК 332.122
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-96-110

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Софья Михайловна Казакова¹, Владимир Викторович Климанов²

^{1,2}Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

^{1,2}Автономная некоммерческая организация «Институт реформирования общественных финансов», Москва, Россия

¹kazakova-sm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2306-7924>

²klimanov@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9282-0812>

Аннотация. Развитие арктических регионов связано с ограниченным развитием социальной и магистральной инфраструктуры, низкой плотностью населения, природно-климатическими изменениями и другими факторами. При этом макрорегион является устойчиво депопулирующим на протяжении нескольких десятилетий. В связи с тем, что в 2020-2021 гг. были приняты новые ключевые документы стратегического планирования развития Арктики, целеполагание на федеральном уровне кардинально изменилось и носит ярко выраженный социальный характер. При этом структурно-содержательный анализ программно-стратегических документов позволяет выявить их низкую согласованность по целям и задачам, так же, как и несогласованность системы целеполагания федерального и регионального уровней между собой. Стратегическое планирование арктических муниципальных образований также развивается обособленно от регионального уровня. Тем не менее, арктические регионы и муниципалитеты не видят своего развития без учета арктической повестки в рамках реализации конкретных проектов и мероприятий. Таким образом, единая политика по формированию целей и задач развития российской Арктики не выработана, что является весомым препятствием выхода арктических территорий на декларируемый ускоренный путь роста.

Ключевые слова: Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, стратегическое планирование, государственная политика в Арктике, стратегия развития Арктики, государственная программа развития Арктики, регионы России, региональное развитие, устойчивое развитие, социально-экономическое развитие

Финансирование: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в рамках государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Казакова С. М., Климанов В. В. Трансформация целей развития Арктической зоны Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 96–110. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-96-110>.

Problems of Economics

Original article

TRANSFORMATION OF THE DEVELOPMENT GOALS OF THE RUSSIAN ARCTIC

Sofia M. Kazakova¹, Vladimir V. Klimanov²

^{1,2}Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

^{1,2}Institute for Public Finance Reform, Moscow, Russia

¹kazakova-sm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2306-7924>

²klimanov@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9282-0812>

Abstract. The development of Russian arctic regions is associated with the limited development of social and main infrastructure, low population density, natural and climatic changes, and other factors.

At the same time, the macroregion has been steadily depopulating for several decades. Since in 2020-2021 new key documents for strategic planning for the Arctic development were adopted, goal setting at the federal level has significantly changed towards the social sphere. At the same time, analysis of the program documents and strategic plans allows us to reveal their low consistency in terms of goals and objectives, as well as the inconsistency of the goal setting system of the federal and regional levels with each other. Strategic planning of arctic municipalities is also developing apart from the regional level. Nevertheless, the Arctic regions and municipalities do not see their development without taking into account the Arctic agenda in the framework of the implementation of specific projects and activities. Thus, a unified strategic development policy of the Russian Arctic has not been formed, which is a significant obstacle for the arctic territories to enter accelerated growth path.

Keywords: Arctic, Russian Arctic, Arctic zone of the Russian Federation, arctic regions, arctic municipalities, arctic strategic development, regional development, sustainable development, socio-economic development

Financial Support: the article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

For citation: Kazakova S. M., Klimanov V. V. Transformation of the development goals of the Russian Arctic. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):96–110. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-96-110>.

В международном сообществе не сложилось общепринятого определения Арктики. Если ограничивать Арктику с юга Северным полярным кругом, ее площадь в совокупности составляет 21 млн км², площадь сухопутной территории – около 12 млн км², более 40% которой относится к территории Российской Федерации¹.

В соответствии с Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 (далее – Основы-2035), под Арктикой понимается северная полярная область Земли, включающая северные окраины Евразии и Северной Америки, остров Гренландия, моря Северного Ледовитого океана с островами, а также прилегающие части Атлантического и Тихого океанов. Для целей управления в состав сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296, включены территории Мурманской области, Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Чукотского автономных округов и территории муниципальных образований Республики Карелия (3), Республики Коми (1), Республики Саха (Якутия) (13), Красноярского края (3), Архангельской области (7), а также земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, в соответствии с нормативными актами СССР². Интересно, что Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 193-ФЗ) устанавливает более широкий перечень муниципальных образований АЗРФ: территории, определенные Основами-2035, дополняются отдельными муниципалитетами в Республике Карелия (3), Республике Коми (3), Красноярском крае (10) и Архангельской области (2).

На Российскую Федерацию приходится 41% всех залежей арктической нефти и 70% запасов газа³, в связи с чем АЗРФ является перспективным минерально-сырьевым центром и имеет огромный признаваемый международным сообществом ресурсный потенциал. Занимая почти треть территории России, АЗРФ составляет менее 2% населения страны, а ее вклад в экономику страны, выражаемый через валовую добавленную стоимость, составляет чуть более 10% общестранового уровня.

¹ National Geographic Resource Library: Arctic // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nationalgeographic.org/encyclopedia/arctic/>.

² См., например, Постановление Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>.

³ Роль Арктической нефтегазодобычи в развитии регионов России. // [Электронный ресурс]. Институт региональных проблем. URL: https://www.irpr.ru/wp-content/uploads/2015/01/irp_brochure_rus.pdf.

По ряду экономических показателей арктические регионы опережают регионы других частей страны (табл. 1). Так, заработные платы в макрорегионе в силу северных надбавок являются одними из самых высоких в стране: в более, чем половине арктических регионов уровень оплаты труда выше среднего по России, в остальных – отставание незначительное. ВРП на душу населения почти во всех северных регионах (за исключением Республики Карелия и Архангельской области) также превышает среднероссийский показатель, в Ненецком и Чукотском автономных округах – в девять-десять раз. Подушевой объем инвестиций в основной капитал во всех регионах, относящихся к АЗРФ (за исключением Республики Карелия), также выше среднего по стране уровня.

Во многом такой уровень экономического развития обусловлен малочисленностью арктического макрорегиона, и если оценить его экономическое развитие в динамике, то нельзя констатировать опережающие темпы роста, декларируемые документами стратегического планирования.

Таблица 1 – Основные характеристики арктических регионов России

Table 1 – Main characteristics of the arctic regions of Russia

Субъект Российской Федерации	Удельный вес населения в общей численности населения, на 1 января 2020 г., %	Удельный вес территории в общей площади, %	ВРП на душу населения, тыс. руб. (2019)	Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб. (2019)	Средне-месячная заработная плата, на 01.08.2021, тыс. руб.
Республика Карелия*	0,08	0,42	527,9	78,4	43,0
Республика Коми*	0,11	1,04	873,2	147,3	53,4
Республика Саха (Якутия)*	0,05	9,41	1 123,1	434,2	73,4
Красноярский край*	0,17	6,40	938,1	152,1	49,9
Архангельская область*	0,46	1,31	509,9	169,4	49,4
Мурманская область	0,51	0,85	828,4	229,4	63,7
Ненецкий автономный округ	0,03	1,03	7 530,5	2 206,9	88,0
Чукотский автономный округ	0,03	1,53	5 710,5	1 738,3	101,0
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,37	4,50	1 578,5	544,5	107,1
АЗРФ в среднем	1,80	29,20	633,4	250,8	69,9
Российская Федерация	100	100	646,1	131,7	55,1

* численность и площадь территории рассчитаны исходя из границ муниципальных образований, входящих в состав АЗРФ

Источник: сост. авт. по данным Росстата

Главным сдерживающим фактором развития АЗРФ является недостаточная степень ее освоения. Численность населения макрорегиона устойчиво сокращается уже на протяжении нескольких десятилетий: с 1990 по 2020 гг. сокращение произошло почти на 20%. Население Чукотки сократилось почти на две трети, более чем на треть – Республики Коми и Мурманской области, на более чем 20% – Республики Карелия (рис. 1).

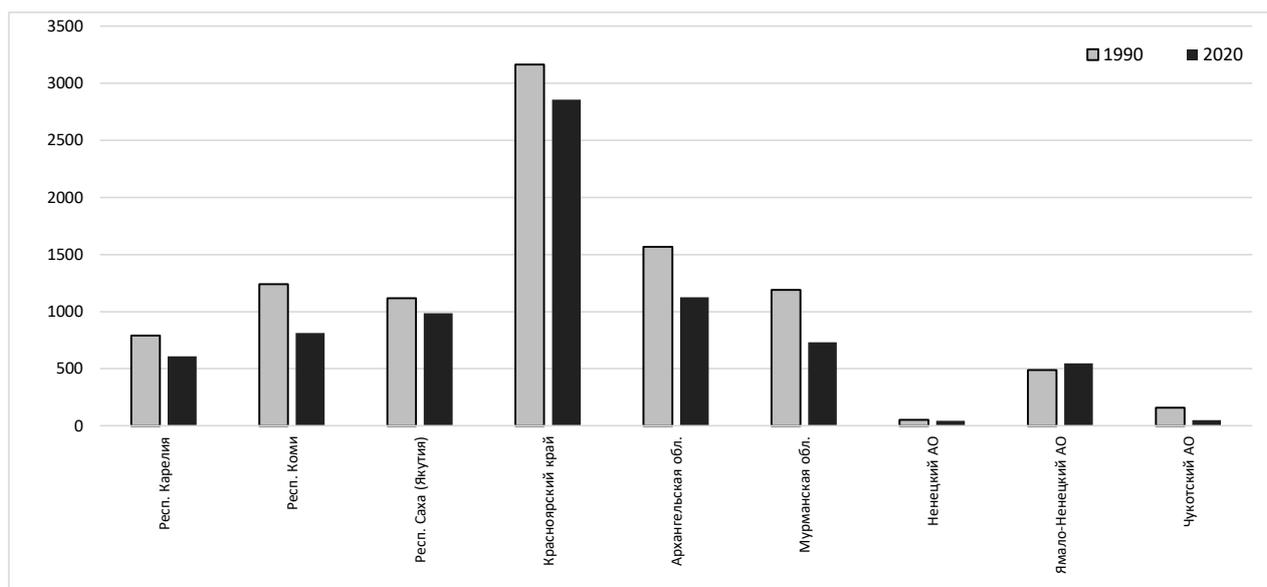

Рис. 1. Динамика численности населения арктических регионов в 1990-2020 гг., тыс. чел.

Источник: сост. авт. по данным Росстата

Fig. 1. Dynamics of the population of the arctic regions in 1990-2020, thousand people.

Source: comp. aut. to Russian Statistics Service.

Помимо низкой плотности населения, развитие Арктики сопровождается экстремальными природно-климатическими условиями и высокой чувствительностью к любым климатическим изменениям и воздействиям антропогенного характера [1]. Кроме того, наряду с необходимостью ускоренного экономического развития в целях превращения АЗРФ в основную ресурсную базу страны, арктические территории нуждаются в сохранении традиционного уклада и поддержании благоприятных условий проживания коренных и малочисленных народов севера, испытывающих достаточно серьезные социальные проблемы [2], в связи с чем проблема устойчивого развития Арктики в настоящее время особенно актуальна [3, 4].

Концепция устойчивого развития, основанная на соблюдении баланса между развитием общества, экономической эффективностью и экологической безопасностью, является базисной парадигмой в управлении развитием арктических территорий [5]. А эффективное переосвоение российской Арктики возможно лишь в условиях сбалансированного изъятия всех природных ресурсов и восстановления потенциала окружающей среды, диверсификации экономики и взаимовыгодного международного сотрудничества, сбалансированности мест приложения труда и системы расселения населения [6, 7].

Развитие арктических регионов весьма неоднородно: в половине основным видом деятельности является разработка природных ресурсов (Республики Коми и Саха (Якутия), Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский автономные округа) либо обрабатывающие производства (Республика Карелия, Красноярский край, Архангельская область). Регионы нефтегазодобычи наиболее сильно подвержены различным внешним воздействиям, поскольку поступления в их региональные бюджеты сильно зависят от глобальных колебаний цены на нефть. Возрастание роли нефтедобывающей промышленности в общем объеме производства в таких регионах приводит к усилению моноотраслевого характера хозяйства. В то же время, истощение природных ископаемых и, как следствие, уход из региона крупных добывающих компаний несет в себе риск превращение этих регионов в депрессивные. Таким, образом, несмотря на внешнее благополучие, в регионах разработки природных ресурсов существует множество проблем, требующих разрешения [8].

Обеспечение процесса устойчивого развития арктических регионов также сильно затормаживается недостаточной развитостью транспортной и социальной инфраструктуры и, как следствие, низкой пространственной связностью территории макрорегиона. Практически вся производственная и транспортная инфраструктура (по некоторым оценкам, более 90% современной инфраструктуры) в Арктике была создана еще в советский период, в связи с чем в настоящее время она характеризуется высокой степенью износа [9]. Так, плотность автомобильных дорог с твердым покрытием в макрорегионе в пять раз меньше средней по стране, а железнодорожные пути полностью отсутствуют в Ненецком и Чукотском автономном округах, и почти полностью – в Якутии и на Ямале.

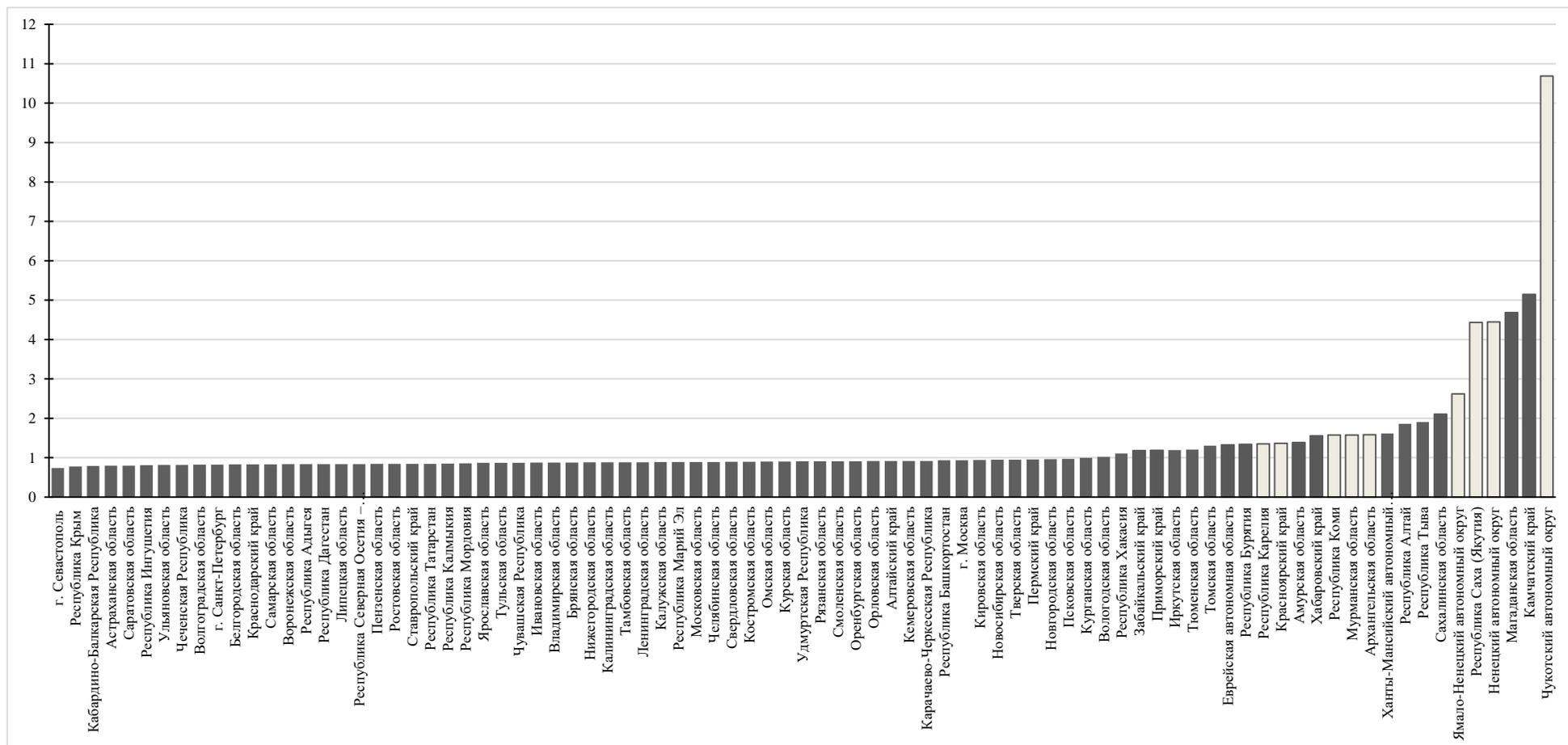

Рис. 2. Индекс бюджетных расходов субъектов Российской Федерации, средняя величина за 2008-2021 гг.
 Источник: сост. авт. по данным Казначейства России

Fig. 2. Index of budgetary expenditures of the Russian regions, average value for 2008-2021.
 Source: comp. aut. to Russian Federal Treasury.

Непривлекательными арктические регионы для жизни делает низкая доступность социальной инфраструктуры, а также неудовлетворительное качество и доступность жилищного фонда. Так, каждый пятый школьник в Арктике обучается во вторую смену из-за нехватки мест в общеобразовательных организациях. В Республиках Карелия, Коми, Саха (Якутия), Красноярском крае, Мурманской области, Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах менее 50% домов оборудованы газом, а в Республике Саха (Якутия) и Архангельской области каждый второй-третий дом не оснащены водопроводом¹.

Вместе с тем жизнь в Арктике дороже, чем в центральной и западной России: значения индекса бюджетных расходов, отражающего относительный объем расходов регионального консолидированного бюджета, затрачиваемый на предоставление одинакового подушевого объема бюджетных услуг, в арктических регионах одни из самых максимальных (рис. 2). В Чукотском автономном округе наблюдается удорожание стоимости услуг в 10,7 раза, а в Республике Саха (Якутия) и Ненецком автономном округе в более, чем четыре раза.

Таким образом, развитие арктических территорий России связано с вызовами экономического, демографического, инфраструктурного, технологического и экологического характера. В этой связи сегодня необходима новая парадигма развития Севера России, связанная прежде всего не просто с освоением, но обживанием территории, не только эффективным использованием человеческого и природного потенциала, но и его воспроизводством, не только реализацией государственной поддержки, но и эффективной координации всех институтов и хозяйствующих структур [10]. Арктические регионы, таким образом, при наличии сильного внешнего импульса могут перейти на новый уровень развития².

Управление и планирование развития Арктической зоны Российской Федерации

Внимание государственных органов власти к Арктике особенно усилилось в последние годы. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 26 февраля 2019 г. № 78 «О совершенствовании государственного управления в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации» появился самостоятельный орган управления арктическими территориями в лице департамента развития Арктики в структуре Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики³. Таким образом, полномочия Минвостокразвития России, по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере развития Дальнего Востока были распространены и на АЗРФ.

В 2020 г. полномочия Минвостокразвития России в сфере арктической политики были расширены с учетом принятия Федерального закона № 193-ФЗ. Функции, определенные указанным законом, предусматривают регулирование предпринимательской деятельности, включая выдачу различных разрешений, утверждение порядка и форм ведения различной документации, контроль за соблюдением условий соглашений об осуществлении инвестиционной деятельности, утверждение стандарта ответственности во взаимоотношениях с коренными народами Севера и многое другое. Также за Министерством закреплялось определение состава и положения об общественном совете АЗРФ.

На Арктику распространились функции и институтов развития Дальнего Востока, находящихся в ведении Минвостокразвития России (Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики, ВЭБ.РФ), с открытием филиалов и представительств в городах Крайнего Севера. Кроме того, органом, координирующим деятельность заинтересованных в решении задач развития Арктики органов власти федерального и регионального уровня, а также органов местного самоуправления, выступает Государственная комиссия по вопросам развития Арктики, возглавляемая заместителем Председателя Правительства Российской Федерации – Полномочным представителем Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 1242 с. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/LkooETqG/Region_Pokaz_2020.pdf.

² Получите, подтянитесь. Владимир Климанов — о том, зачем в России запустили программы развития отстающих регионов // [Электронный ресурс]. Известия. URL: <https://iz.ru/1134300/vladimir-klimanov/poluchite-podtianites>.

³ Приказ Минвостокразвития России от 12 марта 2020 г. № 37 «Об утверждении Положения о Департаменте развития Арктики Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>.

Таким образом, целостная система управления Арктикой в России сложилась относительно недавно, но уже можно говорить о том, что наделение полномочиями и функциями по управлению ее развитием отдельного органа, позволяет обеспечить более точечный и в то же время системный подход работы в рамках заявленной компетенции [11].

При этом успех арктической политики России возможен только при наличии общенациональной стратегии ее развития [12], сочетающей инструменты эффективного использования советского наследия наряду с созданием новых объектов социального и инфраструктурного характера [9]. Кроме того, именно документами стратегического планирования развития территорий должны закладываться основы эффективного управления, ориентированного на устойчивое развитие [13, 14, 15]. В этой связи содержательный анализ ключевых документов стратегического планирования развития российской Арктики, а также особенностей их взаимной согласованности позволит выявить существующие пробелы в выработке целей и задач ее развития.

Целеполагание развития российской Арктики в 2020-2021 гг. кардинально изменилось. Были приняты новые ключевые документы стратегического планирования федерального уровня:

- упомянутые ранее Основы-2035;
- Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года,¹ (далее – Стратегия-2035);
- Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» на период 2021-2024 гг.² (далее – Государственная программа развития Арктики), сменившая аналогичную государственную программу на предыдущий срок.

Цели развития АЗРФ в данных документах сопряжены и дополняют друг друга. Основные цели определены в Основах-2035 и касаются вопросов социального («повышение качества жизни населения...»), экономического («ускорение экономического развития территорий...»), экологического или средового развития («охрана окружающей среды, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов...»), а также осуществления международного сотрудничества и защиты национальных интересов Российской Федерации в Арктике.

В свою очередь достижение целей, определенных в Основах-2035, является целью Стратегии-2035. Государственная программа направлена на ускорение экономического развития арктических территорий, увеличение их вклада в экономический рост страны и обеспечение условий их социально-экономического развития, то есть практически не касается вопросов социального и экологического развития.

Предыдущие Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и на дальнейшую перспективу (далее – Основы-2020)³ связывали цели государственной политики Российской Федерации в Арктике с расширением ресурсной базы, сохранением и защитой окружающей среды, обеспечением национальной безопасности, развитием научной деятельности, формированием единого информационного пространства, обеспечением взаимовыгодного международного сотрудничества.

Как видно, направления, связанные с расширением ресурсной базы, научно-технологическим развитием, а также формированием единого информационного пространства, не нашли свое отражение в целях Основ-2035, где наблюдается более комплексный подход к целеполаганию развития Арктики. В то же время, развитие науки и технологий закладывается в рамках основных направлений реализации Основ-2035, особое внимание в данном документе также уделяется вопросам социального развития (табл. 2).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 30 марта 2021 г. № 484 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>.

³ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 г. № Пр-1969) // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>.

Таблица 2 – Целеполагание государственной политики Российской Федерации в Арктике

Table 2 – Goal setting of the Russian Federation Arctic policy

Элементы целеполагания	Основы-2020	Основы-2035
Расширение ресурсной базы	+	-
Национальная безопасность и защита национальных интересов	+	+
Экология (охрана окружающей среды)	+	+
Формирование единого информационного пространства	+	-
Развитие науки и технологий	+	-
Международное сотрудничество	+	+
Повышение качества жизни населения (в т.ч. коренных малочисленных народов)	-	+
Ускорение экономического развития территорий Арктической зоны и увеличение их вклада в экономический рост страны	-	+

Источник: сост. авт.

Таким образом, цели развития Арктики в 2020-2021 гг. изменились в сторону усиления социальных аспектов, однако по-прежнему остались рассинхронизированными с различными документами стратегического планирования. В том числе несогласованной с документами целеполагания остается Государственная программа развития Арктики, которая является ключевым инструментом реализации стратегических ориентиров посредством конкретных мероприятий и проектов. Отсутствуют в государственной программе цели, задачи и основные мероприятия по экологическому сопровождению деятельности в Арктике, что несет риски нанесения экологического ущерба уязвимой природе Крайнего Севера. Не уделяется в программе отдельное внимание развитию инфраструктуры, как социальной, так и магистральной, научно-технологическому освоению и развитию Арктики, а также обеспечению национальной безопасности и укреплению международного сотрудничества. Отсутствуют мероприятия и целевые индикаторы по улучшению качества жизни проживающих в Арктике граждан, сохранению культуры коренных малочисленных народов.

В рамках системы стратегического планирования на региональном уровне выявляется разнообразие подходов к включению арктической повестки в ключевые документы целеполагания арктических регионов. За первое полугодие 2021 г. региональные стратегии приняты во всех регионах АЗРФ. Особенности учета связаны в первую очередь с необходимостью реализации крупных инфраструктурных проектов, приграничного сотрудничества и международного партнерства, повышения качества жизни населения, проживающего на севере, освоения территории Арктики, а также повышения конкурентоспособности макрорегиона через создание благоприятных условий для ведения предпринимательской деятельности и диверсификации экономики.

Структурно аспекты развития АЗРФ в рамках территории каждого входящего в ее состав региона представлены в качестве задач, приоритетных направлений или стратегических приоритетов развития, конкретных мероприятий или проектов, а также в качестве ожидаемых результатов (табл. 3).

Так, в Стратегии Республики Карелия¹ развитие арктических территорий предполагается через развитие научно-исследовательской и инновационной деятельности, международного сотрудничества, создание межмуниципального туристического кластера «Арктическая Карелия».

В Республике Коми² предполагается создание Воркутинской опорной зоны развития Арктики (в сфере промышленности), а также реализация Флагманского мультипроекта «Арктика», связанного с созданием на территории Республики ключевого сухопутного транспортного коридора для освоения и использования АЗРФ с эффективным использованием географического, ресурсного, инфраструктурного, научно-технического и человеческого потенциала региона.

¹ Распоряжение Правительства Республики Карелия от 29 декабря 2018 г. № 899р-П «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года».

² Постановление Правительства Республики Коми от 11 апреля 2019 г. № 185 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года».

Таблица 3 – Перечень стратегий социально-экономического развития регионов АЗРФ

Table 3 – List of strategic plans for socio-economic development of the regions of the Russian Arctic

Субъект Российской Федерации	Задачи	Приоритетные направления / стратегические приоритеты	Мероприятия / Проекты	Ожидаемые результаты
Республика Карелия			+	
Республика Коми	+	+	+	
Архангельская область	+		+	
Мурманская область	+	+		+
Ненецкий автономный округ	+	+	+	+
Красноярский край		+	+	+
Республика Саха (Якутия)	+		+	
Чукотский автономный округ			+	+
Ямало-Ненецкий автономный округ		+	+	

Источник: сост. авт.

Проект предполагает масштабные мероприятия по созданию и обновлению транспортной инфраструктуры, развитию логистических центров, проведению научных исследований экосистем, создание новых продуктов и технологий для развития Арктики. Воркута, согласно Стратегии, может рассматриваться опорным исследовательским центром по изучению поведения мерзлоты в условиях изменения климата, адаптации человека в условиях Арктики.

Реализация проекта «Развитие традиционной экономической базы с инновационной составляющей» обеспечит развитие угольной отрасли, разработку нефтегазовых месторождений, производство угольных брикетов и строительных материалов, развитие энергетики, северного оленеводства и т.д.

Образ будущего Архангельской области¹ до 2035 г. заключается в том, что область займет место лидера в сфере арктического туризма, будет развивать сеть сельских туристских направлений этнографического, экологического и агротуризма. В стратегии к реализации предусмотрено большое число масштабных проектов, направленных на развитие экологического и круизного туризма по Арктике, авиационного пассажирского транспорта, инновационной деятельности арктических научных центров и высших учебных заведений.

Мурманская область² позиционирует себя как стратегический центр российской Арктики, который к 2025 г. будет обеспечивать всю АЗРФ интеллектуальными ресурсами, финансовыми услугами и научными кадрами, сервисно обеспечивать морехозяйственную деятельность. Основу развития области составит высокотехнологичное, экологичное и инновационное освоение природных ресурсов территории области, океана и прилегающего шельфа северных морей. Для достижения поставленных задач планируется развитие арктического туризма, повышение конкурентоспособности добывающей и обрабатывающей промышленности, диверсификация экономики, максимальное использование экономического и научно-исследовательского потенциала внешнеэкономических и межрегиональных связей, создание условий для деятельности организаций, активно занимающихся внедрением инноваций.

Ненецкий автономный округ³ в долгосрочной перспективе стремится стать конкурентоспособным регионом с привлекательными относительно других арктических государств условиями для проживания граждан. В этой связи приоритетными направлениями являются развитие социальной

¹ Областной закон Архангельской области от 18 февраля 2019 г. № 57-5-03 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года».

² Постановление Правительства Мурманской области от 25 декабря 2013 г. № 768-ПП/20 «О Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года».

³ Постановление Собрания депутатов Ненецкого автономного округа от 7 ноября 2019 г. № 256-сд «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 года».

инфраструктуры, в том числе повышение уровня обеспеченности жильем, культурно-познавательного арктического туризма, технологического предпринимательства и инновационной инфраструктуры, системы поддержки коммерциализации арктических технологий, международного сотрудничества. Нарьян-Мар в перспективе позиционирует себя третьей точкой роста в области арктических технологий и освоения Арктики после Архангельска и Мурманска.

В Ямало-Ненецком автономном округе¹ делается акцент на необходимости освоения Арктики, используя внутренний ресурсный потенциал и географическое положение региона для экономического роста и развития международного сотрудничества. В то же время подчеркивается важность устойчивого развития Арктики за счет сохранения и защиты окружающей среды и социального развития. В приоритетах государственной политики, направленных на достижение стратегической цели развития региона, декларируется сохранение и устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера и рациональное природопользование и обеспечение экологической безопасности.

Красноярский край², согласно своей Стратегии, развивает свою инфраструктуру за счет развития Северного морского пути и сопряженной транспортной системы «Енисей-СМП», арктических морских портов. Перспективным направлением трансформации экономического пространства края является развитие зон промышленного освоения ресурсов Арктики и Крайнего Севера – Норильского промышленного района, центров нефтегазодобычи.

В Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия)³ заложено большое число задач в рамках совершенно разных целевых ориентиров, связанных с сохранением культурного наследия и единства многонационального народа Республики, повышением доступности и качества образования для детей Арктики, качества жилищного фонда, развитием транспортно-логистического комплекса, внутреннего и въездного туризма, научного, арктического туризма, современной информационной инфраструктуры, созданием условий для сохранения и регенерации арктических экосистем и рациональным использованием биологических ресурсов.

В Якутии реализуется также Стратегия социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на период до 2035 года⁴. Этот документ стратегического планирования разработан в рамках целеполагания для Арктической зоны Республики с целью выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития.

В Стратегии социально-экономического развития Чукотского автономного округа⁵ особое внимание уделяется обеспечению высокого уровня и качества жизни коренных народов Севера, а также роста их численности. Кроме того, округ участвует в развитии Северного морского пути посредством проведения различных метеорологических наблюдений, что является триггером развития научно-исследовательской деятельности и повышения уровня инфраструктурной обеспеченности региона.

Таким образом, содержательный анализ стратегий социально-экономического развития арктических регионов показывает, что они не видят свое развитие без ориентации на развитие Арктики. Часть стратегий разработана в логике конкретных проектов и мероприятий, часть регионов рассматривает АЗРФ как территорию возможностей для их комплексного социально-экономического развития без конкретизации отдельных направлений такого развития. Нельзя не отметить, что концепция устойчивого развития не находит своего отражения в региональных документах стратегического планирования, в то время как это должно стать главным приоритетом в условиях глобальных вызовов. Не учитывается также важность осуществления межрегионального сотрудничества арктических регионов внутри Арктической зоны и за ее пределами, которое, в свою очередь, является одним из драйверов качественных социально-экономических преобразований [16].

Несмотря на разнообразие подходов к включению арктической повестки в свои стратегии эти регионы объединяет то, что Арктика для них – это безграничные возможности и перспективы при

¹ Постановление Законодательного собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 24 июня 2021 г. № 478 «О Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2035 года».

² Постановление Правительства Красноярского края от 30 октября 2018 г. № 647-П «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года».

³ Закон Республики Саха (Якутия) от 19 декабря 2018 г. 2077-3 № 45-VI «О Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года».

⁴ Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 14 августа 2020 г. № 1377.

⁵ Распоряжение Правительства Чукотского автономного округа от 16 июля 2014 г. № 290-рп «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2030 года».

правильном комплексном подходе к ее развитию. Тем не менее, формирование правильных ориентиров такого развития остаются за федеральными органами государственной власти.

В силу того, что АЗРФ покрывает не всю территорию регионов, входящих в ее состав, целесообразно проведение анализа стратегий социально-экономического развития муниципальных образований, территория которых относится к Арктике.

В соответствии с положениями Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», документами стратегического планирования муниципального уровня являются стратегия социально-экономического развития и план мероприятий по ее реализации. Эти документы разрабатываются и реализуются по решению местной администрации, таким образом, их разработка не является обязательной. Единых методических рекомендаций по разработке муниципальных стратегий на федеральном уровне не принято, субъекты Федерации устанавливают подобные рекомендации самостоятельно. В этой связи подходы к содержанию и структуре подобных документов на муниципальном уровне отличаются.

Стратегии социально-экономического развития приняты в восьми из 26 городских округов, 23-х из 36 муниципальных районов и семи из 13 муниципальных округов, входящих в состав Арктической зоны Российской Федерации (рис. 3).

Наиболее активно стратегическое планирование на муниципальном уровне развито в Республике Коми. Все стратегии приняты в 2020 г. после принятия новой стратегии социально-экономического развития региона и в этой связи согласованы с ней по горизонту планирования.

В Ямало-Ненецком автономном округе стратегическое планирование на муниципальном уровне также активно развито (стратегия отсутствует только в Красноселькупском муниципальном районе). Большая часть муниципальных документов стратегирования согласована по сроку окончания действия – до 2030 г., тогда как региональная стратегия, принятая позже муниципальных, действует до 2035 г. Отсутствуют утвержденные стратегии у арктических муниципалитетов Ненецкого автономного округа, Чукотского автономного округа (за исключением Анадырского района), в более, чем половине муниципальных образований Республики Карелия, Архангельской и Мурманской областей.

Таким образом, анализ стратегий социально-экономического развития арктических муниципальных образований позволяет сделать вывод, что процесс стратегического планирования в Арктической зоне Российской Федерации на муниципальном уровне развивается несистемно, поскольку, как минимум, отсутствует привязка к региональным горизонтам стратегирования [17].

Кроме того, то, что большинство арктических муниципалитетов не разрабатывают свою стратегию социально-экономического развития, является сдерживающим фактором трансляции федеральных и региональных интересов на муниципальный уровень, что негативно влияет на эффективность реализации различных проектов федерального и регионального масштаба.

Направления совершенствования федеральной арктической политики

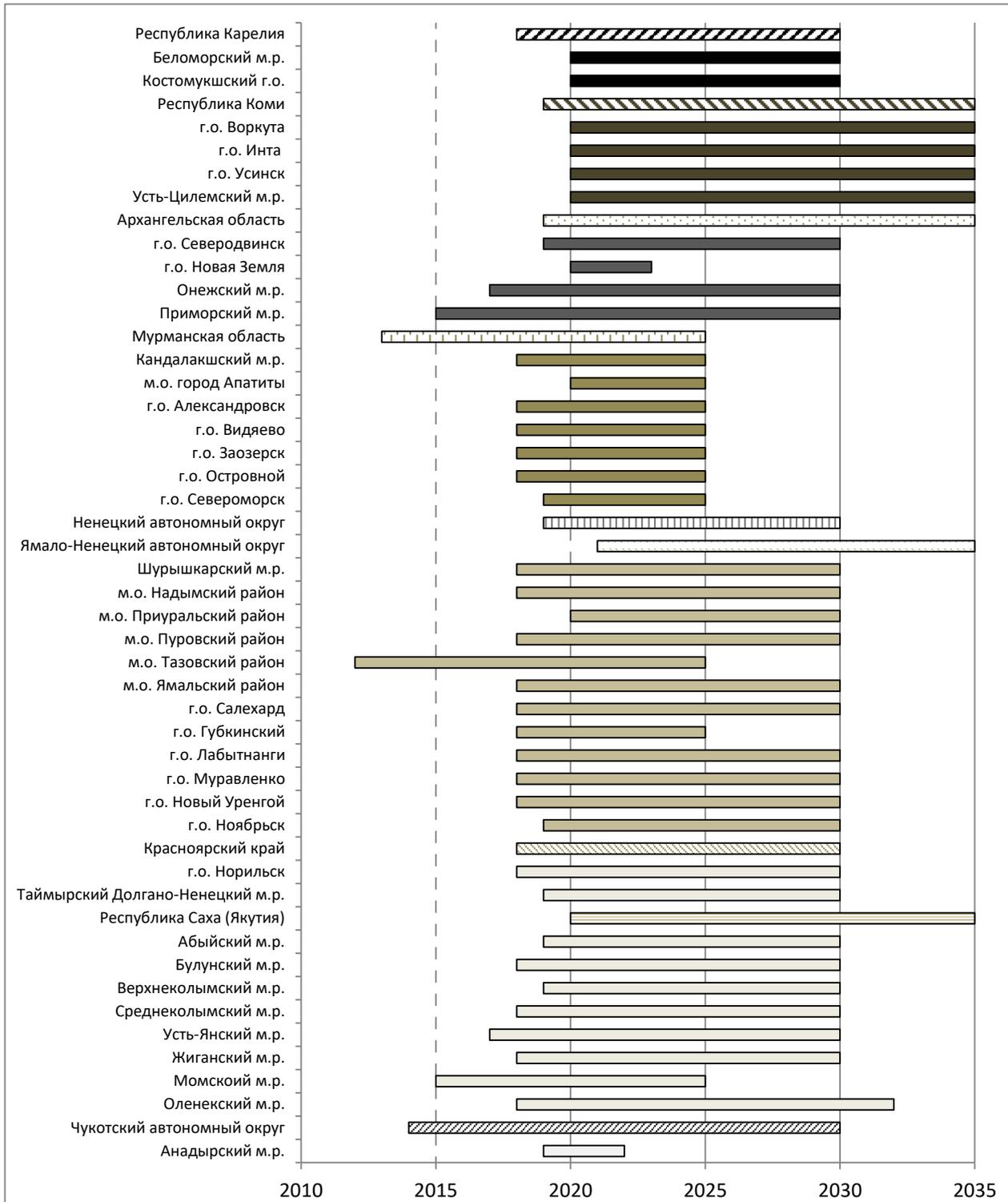
Учитывая значительные специфические особенности Арктической зоны РФ в различных сферах, представляется целесообразной выработка дифференцированных и даже индивидуальных инструментов поддержки и развития арктических регионов. Одним из таких инструментов может быть решение различных вопросов «на местах» с участием представителей федерального правительства в формате рабочих поездок в регионы с целью ускоренного принятия решений по отдельным направлениям либо же выработки комплексных программ развития.

В 2020 – первой половине 2021 гг. руководством Правительства Российской Федерации подобные рабочие поездки были совершены более чем в 30 субъектов Федерации, в том числе в три арктических региона (Республику Карелия, Мурманскую область и Чукотский автономный округ)¹. Только по итогам двух поездок Председателя Правительства Российской Федерации М.В. Мишустина – в Мурманскую область² и Чукотский автономный округ³ – были приняты решения, касающиеся развития непосредственно АЗРФ.

¹ Поручения и их выполнение // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/orders/all/>.

² О решениях по итогам рабочей поездки в Мурманскую область // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/40758/>.

³ О решениях по итогам рабочей поездки в Дальневосточный федеральный округ 13-18 августа 2020 году // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/orders/selection/401/40297/>.

* г.о. – городской округ, м.р. – муниципальный район, м.о. – муниципальный округ

** Перечень муниципальных образований представлен в соответствии с Федеральным законом № 193-ФЗ

Рис. 3. Горизонты планирования стратегий социально-экономического развития регионов и муниципалитетов, входящих в состав АЗРФ

Источник: сост. авт.

Fig. 3. Horizons of strategic plans for socio-economic development of regions and municipalities of the Russian Arctic.

Source: comp. aut.

Так, в августе 2020 г. по итогам встречи с представителями органов государственной власти и бизнеса в Чукотском автономном округе были даны поручения как межрегионального характера, так и частного, касающиеся отдельных вопросов социально-экономического развития Чукотки. К первым относятся вопросы дальнейшего использования гидротехнических сооружений, находящихся в морских портах Восточной Арктики. По второму типу поручений рассматривались вопросы оснащения Чукотской окружной больницы, развития телекоммуникационной инфраструктуры округа, электроэнергетики, реализации инвестиционных проектов по освоению Баимской рудной зоны, а также по внесению изменений в условия программы «Дальневосточная ипотека» в части развития приобретения жилья на вторичном рынке недвижимости.

По результатам поездки в Мурманскую область были рассмотрены не только вопросы развития данного региона, но и других субъектов Российской Федерации, Северного морского пути, а также всей Арктической зоны страны. В том числе, ответственным федеральным органам исполнительной власти поручалось представить предложения по развитию Северного морского пути, портовой, аэропортовой, железнодорожной, аварийно-спасательной инфраструктуры, геолого-геофизической разведке, привлечению частных инвестиций, созданию новых рабочих мест, освоению ресурсного потенциала полуострова Ямал и иным направлениям.

Таким образом, в ходе поездок в регионы Арктической зоны руководством страны не только решаются частные вопросы развития отдельных территорий, но и поднимаются принципиальные стратегические вопросы, что влияет на корректировку целеполагания на данном направлении.

В то же время, на фоне большого числа принимаемых решений по другим регионам России необходимо отметить весьма низкую активность посещения арктических территорий членами Правительства Российской Федерации. В то время как по ряду регионов, отстающих в социально-экономическом развитии (Республики Адыгея, Алтай, Калмыкия, Карелия, Марий Эл, Тыва, Чувашская Республика, Алтайский край, Курганская и Псковская области)¹, принимаются индивидуальные программы, среди арктических регионов такие инструменты предусмотрены только для Республики Карелия.

Учитывая индивидуальные особенности развития АЗРФ, целесообразно изменение политики поддержки арктических регионов федеральным центром в сторону выработки дифференцированного подхода. Для арктических территорий как никогда актуален точечный подход в решении проблем их развития, в связи с чем необходимо продолжить и усилить практику рабочих поездок Правительства Российской Федерации в регионы и муниципалитеты, находящиеся в Арктической зоне Российской Федерации, а также рассмотреть возможность разработки индивидуальных программ развития арктических территорий.

Список источников

1. Коньшев В. Н., Сергунин А. А., Субботин С. В. Государственный приоритет – устойчивое развитие российской Арктики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 3. С. 416–430.
2. Ryabova L. Community Viability and Well-Being in the Circumpolar North. In: Globalization and the Circumpolar North. Ed. by L. Heininen and Ch. Southcott. Fairbanks: University of Alaska Press, 2010. P. 119–147.
3. Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Социально-экономические приоритеты устойчивого развития Арктического макрорегиона России // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 4. С. 985–1004.
4. Dobretsov N. L., Pokhilenko N. P. Mineral resources and development in the Russian Arctic // Russian Geology and Geophysics. 2010. Vol. 51. Iss. 1. P. 98–111. DOI: 10.1016/j.rgg.2009.12.009.
5. Цукерман В. А., Горячевская Е. С. Система подготовки и переподготовки управленческих кадров для комплексного развития Арктической зоны Российской Федерации // МИР. 2015. № 4–1 (24). С. 35–42.
6. Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Новое обустройство Арктики. Вызов и социально-экономический ресурс будущего России // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 6. С. 54–60.
7. Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Особенности расселения населения в Арктической зоне России // Арктика: экология и экономика. 2016. № 2. С. 40–50.

¹ Программа для отстающих: что даст точечная поддержка бедных регионов // [Электронный ресурс]. ББК. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/09/03/2021/60477d899a79475c7c5eafab>.

8. Ларченко Л. В. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками: монография / под научной редакцией В. А. Крюкова, Т. П. Скуфьиной, Е. А. Корчак. Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2020. 245 с.
9. Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Российская Арктика: логика и парадоксы перемен // Проблемы прогнозирования. 2019. № 6. С. 4–21.
10. Лаженцев В. Н. Актуальные проблемы Севера и России (теория и рекомендации) // Корпоративное управление и инновационное развитие Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2008. № 2. С. 67–78.
11. Алтынцев А. В., Яговкина В. А. Управление развитием северных и дальневосточных территорий // Общественные финансы. 2021. Выпуск 1 (41). С. 53–64.
12. Синтез научно-технических и экономических прогнозов. Тихоокеанская Россия-2050 / под ред. П. А. Минакира, В. И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
13. Klimanov V., Kazakova S., Mikhaylova A. Economic and Fiscal Resilience of Russia's Regions. *Regional Science, Policy and Practice*. 2020. Volume 12, Issue 4, pp. 627–640. DOI: 10.1111/rsp3.12282.
14. Zhikharevich B. S., Klimanov V. V., Maracha V. G. Resilience of a Territory: Concept, Measurement, Governance. *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11. No. 1. Pp. 1–8. DOI: 10.1134/S2079970521010135.
15. Селиверстов В. Е. Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. 435 с.
16. Климанов В. В., Казакова С. М., Яговкина В. А. Инструменты межрегионального взаимодействия в системе государственного управления // Регионология. 2021. Т. 29. № 2. С. 250–282. DOI: 10.15507/2413-1407.115.029.202102.250-282.
17. Шеломенцев А. Г., Ковров Д. Ю. Стратегии развития арктических муниципалитетов: методология и практика // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. №3 (59). 23 с.

References

1. Konyshov V. N., Sergunin A. A., Subbotin S. V. State priority - sustainable development of the Russian Arctic. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National interests: priorities and security*. 2017; 13(3): 416–430. (In Russ.).
2. Ryabova L. Community Viability and Well-Being in the Circumpolar North. In: *Globalization and the Circumpolar North*. Ed. by L. Heininen and Ch. Southcott. Fairbanks: University of Alaska Press, 2010. P. 119-147.
3. Leksin V. N., Porfiriev B. N. Socio-economic priorities for sustainable development of the Arctic macroregion of Russia. *Ekonomika regiona = Economy of the region*. 2017; 13 (4): 985–1004. (In Russ.).
4. Dobretsov N. L., Pokhilenko N. P. Mineral resources and development in the Russian Arctic. *Russian Geology and Geophysics*. 2010. Vol. 51. Iss. 1. P. 98-111. DOI: 10.1016 / j.rgg.2009.12.009.
5. Tsukerman V. A., Goryachevskaya E. S. The system of training and retraining of management personnel for the integrated development of the Arctic zone of the Russian Federation. *MIR = MIR*. 2015; 4-1 (24): 35–42. (In Russ.).
6. Leksin V. N., Porfiriev B. N. New Arrangement of the Arctic. Challenge and socio-economic resource of the future of Russia. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Problems of theory and practice of management*. 2015; (6): 54–60. (In Russ.).
7. Fauser V. V., Lytkina T. S., Fauser G. N. Peculiarities of population settlement in the Arctic zone of Russia. *Arktika: ekologiya i ekonomika = Arctic: ecology and economy*. 2016; (2): 40–50. (In Russ.).
8. Larchenko L. V. *Economy of the modern Arctic: the basis of success is effective interaction and management of integral risks: monograph*. V. A. Kryukov, T. P. Skufina, E. A. Korchak eds. Apatity: FRC KSC RAS; 2020. 245 p. (In Russ.).
9. Leksin V. N., Porfiriev B. N. Russian Arctic: logic and paradoxes of change. *Problemy prognozirovaniya = Problems of forecasting*. 2019; (6): 4-21. (In Russ.).
10. Lazhentsev V. N. Actual problems of the North and Russia (theory and recommendations). *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta. = Corporate governance and innovative development of the North: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*. 2008; (2); 67–78. (In Russ.).
11. Altyntsev A. V., Yagovkina V. A. Management of the development of northern and far eastern territories. *Obshchestvennyj finansy = Public finance*. 2021;1 (41): 53–64. (In Russ.).

12. Minakir P. A., Sergienko V. I. (ed.) *Synthesis of scientific, technical and economic forecasts. Pacific Russia-2050*. Vladivostok: Dalnauka, 2011; 912 p. (In Russ.).

13. Klimanov V., Kazakova S., Mikhaylova A. Economic and Fiscal Resilience of Russia's Regions. *Regional Science, Policy and Practice*. 2020. Volume 12, Issue 4, pp. 627-640. DOI: 10.1111 / rsp3.12282.

14. Zhikharevich B. S., Klimanov V. V., Maracha V. G. Resilience of a Territory: Concept, Measurement, Governance. *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11.No. 1. Pp. 1-8. DOI: 10.1134 / S2079970521010135.

15. Seliverstov V. E. *Regional strategic planning: from methodology to practice*. Novosibirsk: IEOPP SO RAN; 2013. 435 p. (In Russ.).

16. Klimanov V. V., Kazakova S. M., Yagovkina V. A. Instruments of interregional interaction in the system of public administration. *Regionologiya = Regionology*. 2021; 29 (2): 250–282. DOI: 10.15507 / 2413-1407.115.029.202102.250-282. (In Russ.).

17. Shelomentsev A. G., Kovrov D. Yu. Strategies for the development of Arctic municipalities: methodology and practice. *Regional'naja ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal = Regional economy and management: electronic scientific journal*. 2019; 3 (59): 23 p. (In Russ.).

Информация об авторах

С. М. Казакова – младший научный сотрудник Центра региональной политики ИПЭИ РАНХиГС; эксперт Института реформирования общественных финансов;

В. В. Климанов – докт. экон. наук, доцент, директор Центра региональной политики ИПЭИ РАНХиГС; директор Института реформирования общественных финансов.

Information about the authors

S. M. Kazakova – Junior Researcher, Center for Regional Policy, Institute of Applied Economic Research; expert of the Institute of Public Finance Reform;

V. V. Klimanov – Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director, Center for Regional Policy, Institute of Applied Economic Research; Director of the Institute for Public Finance Reform.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; одобрена после рецензирования 25.12.2021; принята к публикации 10.01.2022.

The article was submitted 01.12.2021; approved after reviewing 25.12.2021; accepted for publication 10.01.2022.

Научная статья
УДК 314:332.1(571.13):338.2
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-111-121

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕАКЦИОННЫХ АНТИКРИЗИСНЫХ МЕР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Евгений Алексеевич Капогузов¹, Валерий Васильевич Карпов², Роман Игоревич Чупин³

¹Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, egenk@mail.ru

^{2,3}Омский научный центр Сибирского отделения РАН, Омск, Россия

²karpov-v51@yandex.ru

³roman-chupin@ya.ru

Аннотация. Пандемия COVID-19 в 2020 году привела к беспрецедентному макроэкономическому спаду в ряде развитых стран, затронув ключевые сферы экономики и социума. Изучив опыт развитых стран по применению реакционных антикризисных мер в период пандемии COVID-19, определены последствия кризиса в зависимости от типов применяемой государственной политики. Вместе с тем, посредством детального анализа последствий пандемии для российских регионов выявлены взаимосвязи между особенностями пространственного развития территорий и наиболее пострадавшими отраслями экономики. Так, в регионах с сильной зависимостью от иностранной рабочей силы в секторах строительства и АПК отмечается резкий спад данных отраслей в период пандемии. На основе разработанной в ОНЦ СО РАН методики вычисления вероятностей реализации сценариев социально-экономического развития региона скорректированы оценки сценариев долгосрочного развития Омской области, согласно которым сценарий «общества риска» продолжает оставаться доминантным и определять траекторию развития Омской области после кризиса.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, реакционные антикризисные меры, последствия коронакризиса для регионов, развитие экономической безопасности регионов

Финансирование: исследование выполнено в рамках государственного задания Омского научного центра СО РАН (номер госрегистрации проекта 121022000112-2).

Для цитирования: Капогузов Е. А., Карпов В. В., Чупин Р. И. Возможности и ограничения российских регионов по использованию реакционных антикризисных мер развития экономической безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 111–121. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-111-121>.

Problems of Economics

Original article

OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS OF RUSSIAN REGIONS ON THE USE OF REACTIONARY ANTI-CRISIS MEASURES FOR THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC SECURITY

Evgeny A. Kapoguzov¹, Valery V. Karpov², Roman I. Chupin³

¹Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russia, egenk@mail.ru

^{2,3}Omsk scientific center of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Omsk, Russia

²karpov-v51@yandex.ru

³roman-chupin@ya.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic in 2020 led to an unprecedented macroeconomic downturn in a number of developed countries, affecting key areas of the economy and society. Having studied the experience of developed countries in the application of reactionary anti-crisis measures during the COVID-19 pandemic, the consequences of the crisis were determined depending on the types of government policies applied. At the same time, through a detailed analysis of the consequences of the pandemic for the Russian regions, the relationship between the features of the spatial development of territories and the most affected sectors of the economy was revealed. Thus, in regions with a strong dependence on foreign labor in the construction and agribusiness sectors, there is a sharp decline in these industries during the pandemic.

Based on the methodology for calculating the probabilities of implementing scenarios for the socio-economic development of the region, developed at the ONC SB RAS, the estimates of the scenarios of the long-term development of the Omsk region have been adjusted, according to which the scenario of the "risk society" continues to remain dominant and determine the trajectory of the development of the Omsk region after the crisis.

Keywords: COVID-19 pandemic, reactionary anti-crisis measures, the consequences of the coronavirus crisis for the regions, the development of the economic security of the regions

Financial Support: This work was carried out within the governmental order for Omsk Scientific Center SB RAS (project registration number 121022000112-2).

For citation: Капогузов Е. А., Карпов В. В., Чупин Р. И. Opportunities and limitations of Russian regions on the use of reactionary anti-crisis measures for the development of economic security. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):111-121. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-111-121>.

Введение. В современных условиях одной из ключевых проблем обеспечения стабильного (устойчивого) социально-экономического развития стала относительно низкая способность бизнеса, общества и власти оперативно реагировать на «новые» глобальные вызовы и угрозы. Угрозы при этом определяются как совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам страны, территории, общества и личности [1].

Применительно к социально-экономическому развитию можно выделить в соответствии со Стратегией национальной безопасности РФ¹ ряд ключевых эндогенных угроз:

- консервация неэффективной постсоветской общественной системы государственной власти;
- искажение демократических преобразований в основных сферах общественной жизни и государственного управления;
- высокий уровень системной коррупции;
- затратная экономическая модель, неэффективное использование всех видов ресурсов и средств бюджета;
- неразвитость новых технологических укладов;
- демографический кризис;
- неконкурентоспособность и теневизация экономики и, как следствие, усиление социальной напряженности.

В рамках научного дискурса о национальной социально-экономической безопасности выделяют следующие основные условия, необходимые для ее обеспечения:

- расширенное воспроизводство экономической и социальной инфраструктуры (региональная экономика);
- недопущение критической энергетической, продуктовой, лекарственной и иной зависимости от импорта важнейших видов сырья и продукции первой необходимости;
- обеспечение необходимого уровня обслуживания социальных потребностей населения, стандартов и гарантий;
- обеспечение правовой защиты бизнеса и личности.

Устойчивое социально-экономическое развитие, таким образом, должно включать такое состояние экономики и социальных институтов, при котором социально-экономическая система способна оперативно реагировать на внешние и внутренние угрозы.

В настоящее время среди различных угроз национальной безопасности наиболее значимую роль занимают последствия пандемии коронавирусной инфекции – COVID-19 [2].

Отличительной чертой пандемии COVID-19 стала многократно усилившаяся негативная динамика социально-экономических показателей не только в отдельных регионах (экзогенные факторы), но и по всему миру (геополитические факторы). По оценке Всемирного банка, снижение ВВП на душу населения уже в 2020 г. произошло в более чем 90% стран, тогда как даже во времена Великой депрессии данный показатель затронул около 85% стран². В 1-3 кварталах 2020 г. в странах ЕС зафиксированы беспрецедентный с начала XXI в. макроэкономический спад (табл. 1).

¹ Указ Президента РФ от 31.12.2015 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Консультант Плюс. – URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/

² Global Economic Prospects / World Bank. URL:

<https://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/9781464815539>

Таблица 1 – Ключевые макроэкономические показатели в странах ЕС за 1-3 кварталы 2020 г.

Table 1 – Key macroeconomic indicators in the EU countries for the 1-3 quarters of 2020

Страны (тип политики, % расходов на борьбу с пандемией)	Расходы на потребление домашних хозяйств (в текущих ценах), млрд евро (% к 1-3 кварталам 2019 г.)	Государственные расходы на конечное потребление (в текущих ценах), млрд евро (% к 1-3 кварталам 2019 г.)	Валовое накопление основного капитала (в текущих ценах), млрд евро (% к 1-3 кварталам 2019 г.)
Германия (фискальная, 30-33%)	1 280 658 (-5,37%)	558 987,0 (+6,45%)	548 996,0 (-2,31%)
Швеция (монетарная, 30-33%)	155 165,6 (-3,44%)	93 709,3 (+1,77%)	86 047,5 (-2,29%)
Франция (фискальная, 20-28%)	907 630,0 (-6,90%)	419 533,0 (-1,0%)	382 207 (-10,75%)
Италия (фискальная, 20-28%)	722 917,5 (-10,4%)	255 041,2 (+1,63%)	219 662,0 (-9,28%)
Финляндия (монетарная, 20-28%)	90 322,0 (-4,42%)	42 500,0 (+2,02%)	42 494,0 (-1,41%)
Польша (фискальная, 11-19%)	222 885,9 (-2,26%)	73 860,9 (+4,07%)	68 873,6 (-6,33%)
Испания (монетарная, 11-19%)	462 281 (-13,41%)	184 445,0 (+5,33%)	163 153 (-11,95%)
Швейцария (фискальная, 5-9%)	249 846,3 (-1,43%)	58 257,7 (+7,39%)	125 663,3 (+1,99%)

Источник: Евростат (https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/National_accounts_and_GDP).

Исходя из представленных данных видно, что относительно больший ущерб от коронакризиса понесли менее развитые страны, тогда как страны с большим уровнем ВВП на душу населения, несмотря на более существенные потери в абсолютном выражении, относительно не пострадали. Среди наиболее «пострадавших» стран следует выделить Испанию, Италию и Францию, в которых зафиксировано существенное падение (более 5%) по расходам домашних хозяйств и валовому накоплению основного капитала. Следует отметить, что удельный вес государственных расходов, направленных на предотвращение последствий COVID-19, в данных странах составил от 19 до 28%, что значительно выше Швейцарии с антикризисным пакетом в 5% от ВВП. Таким образом, без детального рассмотрения кейса отдельно взятой страны связь между типов проводимой государственной антикризисной политики и объемом финансирования в явном виде не прослеживается. Однако если сравнивать приросты государственных расходов на конечное потребление в валовом выражении с последствиями кризиса для остальных компонентов совокупного спроса, то в случае с фискальной политикой особой связи между увеличением государственных расходов, уровня инвестиций и потребления нет. При этом в странах, где выбрана монетарная стратегия выхода из кризиса связь более чем существенная (Швеция и Испания).

В связи с вышесказанным актуализируется вопрос о влиянии различных вариантов государственной политики на макроэкономическую динамику. Возникший в 2020 году кризис не только демонстрирует различия в эффективности тех или иных выбранных стратегий, но и заставляет пересмотреть механизмы изменения равновесия и возможности по влиянию на него со стороны государства.

Последствия пандемии для экономической безопасности России и ее регионов. Для комплексного понимания влияния пандемии COVID-19 на различные сферы российской экономики обратимся к исследованию тенденций коронавирусного кризиса Н. В. Зубаревич и С. Г. Сафронова [3].

Наиболее болезненно острая фаза коронакризиса повлияла на сферу платных услуг (в апреле 2020 г. их объем снизился на 38% к тому же периоду 2019 г.) [4]. В эту же категорию входят услуги ЖКХ, на которых россияне начали активно экономить с началом пандемии. При этом динамика данных показателей на указанный период хуже в регионах с жесткими карантинными ограничениями (Московская область, Ленинградская область, Республика Якутия, Северный Кавказ и южные регионы).

Розничная торговля также пострадала от карантинных мер (оборот сократился на 23% к апрелю 2020 г.). Поскольку торговля наиболее развита в крупных городских агломерациях и региональных центрах, территориально кризисные показатели в данной сфере отличаются от сферы платных услуг. Наиболее пострадавшими оказались Москва, Санкт-Петербург, а также большинство регионов Южного и Северо-Кавказского ФО.

Спад промышленности тоже не был равномерным. Сокращение производства (на 12– 26%) произошло в двух группах регионов: регионы экспортеры нефти, алмазов и цветной металлургии (Ненецкий, Ханты Мансийский АО, республики Коми, Татарстан и Якутия, Томская область, Красноярский край), а также регионы, работающие в основном на внутренний рынок автомобильной, ювелирной и нефтеперерабатывающей промышленности (Самарская, Ульяновская, Костромская и Омская области).

Запаздывание статистики препятствует оценке двух острых проблем – снижения доходов и роста безработицы.

Повышение величины пособия по безработице и упрощение регистрации в службе занятости позволили оценить рост зарегистрированной безработицы. Уровень зарегистрированной безработицы вырос с 1% в конце марта до 2,9% в конце мая (наиболее значительно в Московской и Ленинградской области, Республике Татарстан, Тюменской, Нижегородской, Ульяновской и Калининградской областях). Абсолютный прирост численности зарегистрированных безработных был максимальным в регионах с более значительной занятостью в секторе услуг.

Ситуацию на рынке труда наиболее полно отражает динамика НДФЛ. В апреле снижение данного показателя произошло на 19%. Этот спад на фоне умеренного роста безработицы обусловлен массовым переходом на неполную занятость (простои, отпуск без сохранения зарплаты и т.д) и снижением заработной платы.

Можно сделать вывод, что острота коронакризиса обусловлена экономическими (снижение спроса) и социально-институциональными (карантинные ограничения) факторами. Четыре болевые точки (спад потребления, спад промышленности, рост безработицы и снижение доходов бюджетов в связи с падением поступлений НДФЛ), несомненно, приводят к снижению доходов населения. Однако оценить масштабы снижения уровня жизни и роста бедности не предполагалось возможным из-за запаздывания статистических данных. Наиболее пострадавшими при этом оказались крупные развитые регионы, но влияние карантинных мер было перекрыто другими поддерживающими мерами региональных экономик.

В целом, в России проводилась смешанная политика, включающая в себя как монетарные, так и фискальные инструменты поддержки экономики. В период пандемии государственные расходы выросли на 8,11% и составили 16 266,5 млрд руб. Данный рост не столь существенен по сравнению со странами ЕС, особенно учитывая положительное значение по притоку инвестиций на +0,27% к аналогичному периоду прошлого года, большая часть из которых приходится на государственные корпорации.

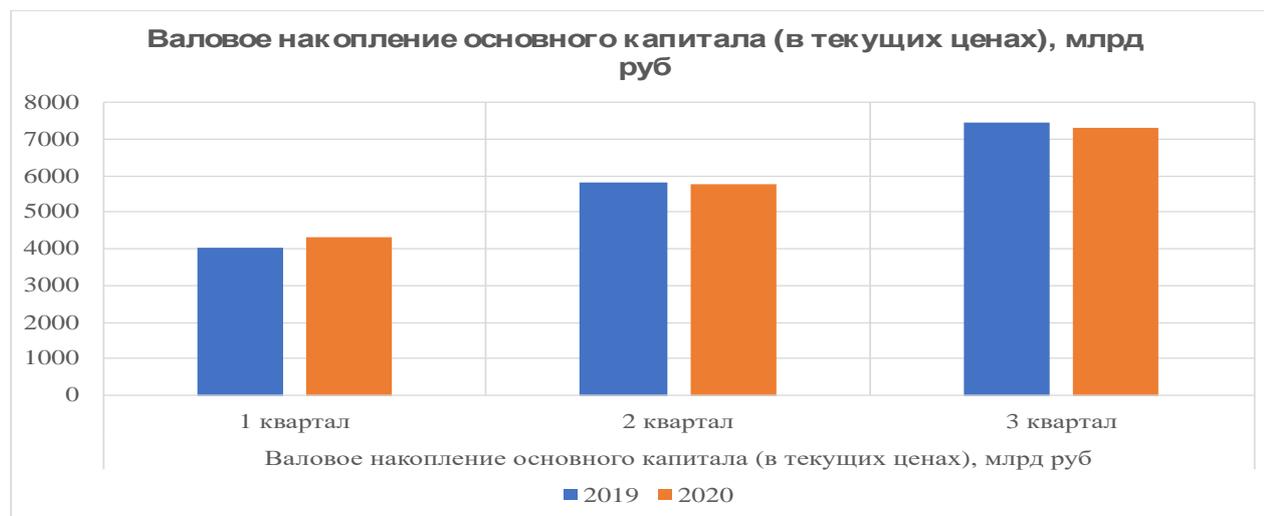

Рис. 1. Динамика инвестиций в России в 1-3 кварталах 2019-2020 гг.

Fig. 1. Dynamics of investments in Russia in the 1st-3rd quarters of 2019-2020

Рис. 2. Динамика государственных расходов в России в 1-3 кварталах 2019-2020 гг.

Fig. 2. Dynamics of government spending in Russia in the 1st-3rd quarters of 2019-2020

Ограничение передвижения, запрет на туристические поездки, это то, к чему оказалось не готово общество. Одна из крупнейших отраслей мировой экономики – туризм, ее доходы достигают 5,7 трлн долл. В сфере туризма работают почти 319 млн человек – около 10% всего работающего населения планеты. И именно этот сектор оказался наиболее уязвимым перед эпидемией вируса.

Ограниченные источники существования домохозяйств, связанные с сокращением доходов, потерей работы повлияли и на социально-экономическую активность людей. В условиях карантина траты на товары не первой необходимости (техника, одежда и другое) у большинства потребителей сократились. Кризис в отдельных семьях складывается в проблему для многих предпринимателей, а значит, и для всей экономики страны и мира.

По мнению академика А.Б. Аганбегяна, вследствие введения ограничительных мер по предупреждению распространения COVID-19 на территории Российской Федерации, в условиях режима жесткой самоизоляции (76% населения РФ находилось в самоизоляции) «свыше 25 млн. человек не работали, а треть предприятий и организаций отправили работников в вынужденные отпуска без оплаты»¹.

Семья чувствует психологический комфорт, проживая в собственной квартире, даже при потере работы можно найти деньги на оплату коммунальных платежей и не лишиться жилья, заплатить за аренду жилья в схожих условиях – сложнее, иногда невозможно. Кризис в условиях пандемии обнажил все эти проблемы. Как решать их – мало кто понимает, покажет время.

Последние исследования показывают, что нынешний кризис внес коррективы – создал тенденцию к увеличению издержек собственника, связанных с самоизоляцией. По данным исследования британской Гардиан (Guardian) счета за электроэнергию домохозяйств резко повысились от обычных средних значений в месяц на 30%. Исследования связывает возросшие счета за электроэнергию с тем, что семьи прикованы к дому и работают удаленно. Ожидается, что счета за электроэнергию поднимутся на треть, в среднем констатируют увеличение в Британии на 32 £ в месяц, так как потребители используют больше энергии, находясь дома [5].

Во время национального карантина использование домашних приборов – таких как стиральные машинки посудомоечные машинки, телевидение и свет – существенно возросли. Согласно новому исследованию сайта по сравнению цен comparethemarket.com, почти 3/4 (72%) из 2000 опрошенных потребителей сообщили о большем электропотреблении во время карантина, и почти половина 48% говорит, что больше членов их домохозяйств работают из дома. Дополнительное использование электроэнергии может привести к 37% повышению счетов за электроэнергию. Возросшие счета за электроэнергию являются причиной беспокойства для почти половины опрошенных, 44%, которые переживают, что работа из дома приведет к росту стоимости по счетам.

Таким образом, события пандемии 2020-2021 гг. повлекли за собой глубокую неустойчивость положения домохозяйств во всем мире. Это не могло не затронуть и Россию.

Так, согласно официальным статистическим данным, за 1-3 кварталы 2020 г. расходы на потребление российских домохозяйств сократились на 4,63% к аналогичному периоду 2019 г., тогда как уровень государственных расходов увеличился на 8,11%. В сравнении со странами ЕС данное падение

¹ Анагбегян А. (2020) Экономика на карантине // АИФ. – Режим доступа:

https://aif.ru/money/economy/ekonomika_na_karantine_pered_kakim_vyborom_segodnya_stoyat_glavy_regionov

Дата обращения – 08.01.2021.

не является столь существенными и свидетельствует либо о том, что падать больше некуда, либо об эффективных мерах политики (в том числе, единовременных выплат детям до 16 лет).

Несмотря на высокие издержки пандемии для россиян, российское государство, по мнению А.З. Бобылевой, В.М. Аньшина и А.В. Птицына, продемонстрировало скромность в финансировании антикризисных мер, заложив на борьбу с пандемией менее 5% ВВП (против 15% в странах G20) [6]. Оценочные значения фонда поддержки населения в условиях COVID-19 в России и ЕС представлены на рис. 4.

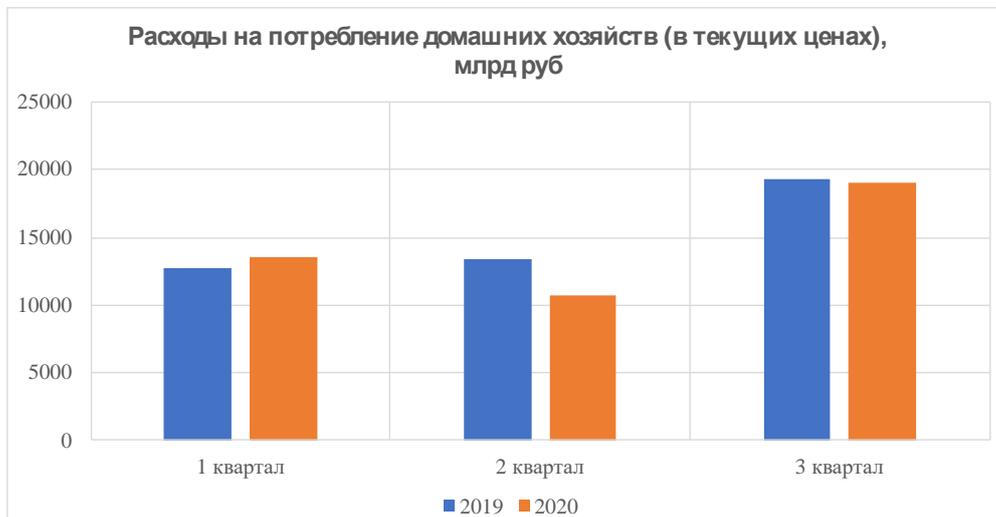

Рис. 3. Динамика потребления домашних хозяйств в России в 1-3 кварталах 2019-2020 гг.
Fig. 3. Dynamics of household consumption in Russia in the 1st-3rd quarters of 2019-2020

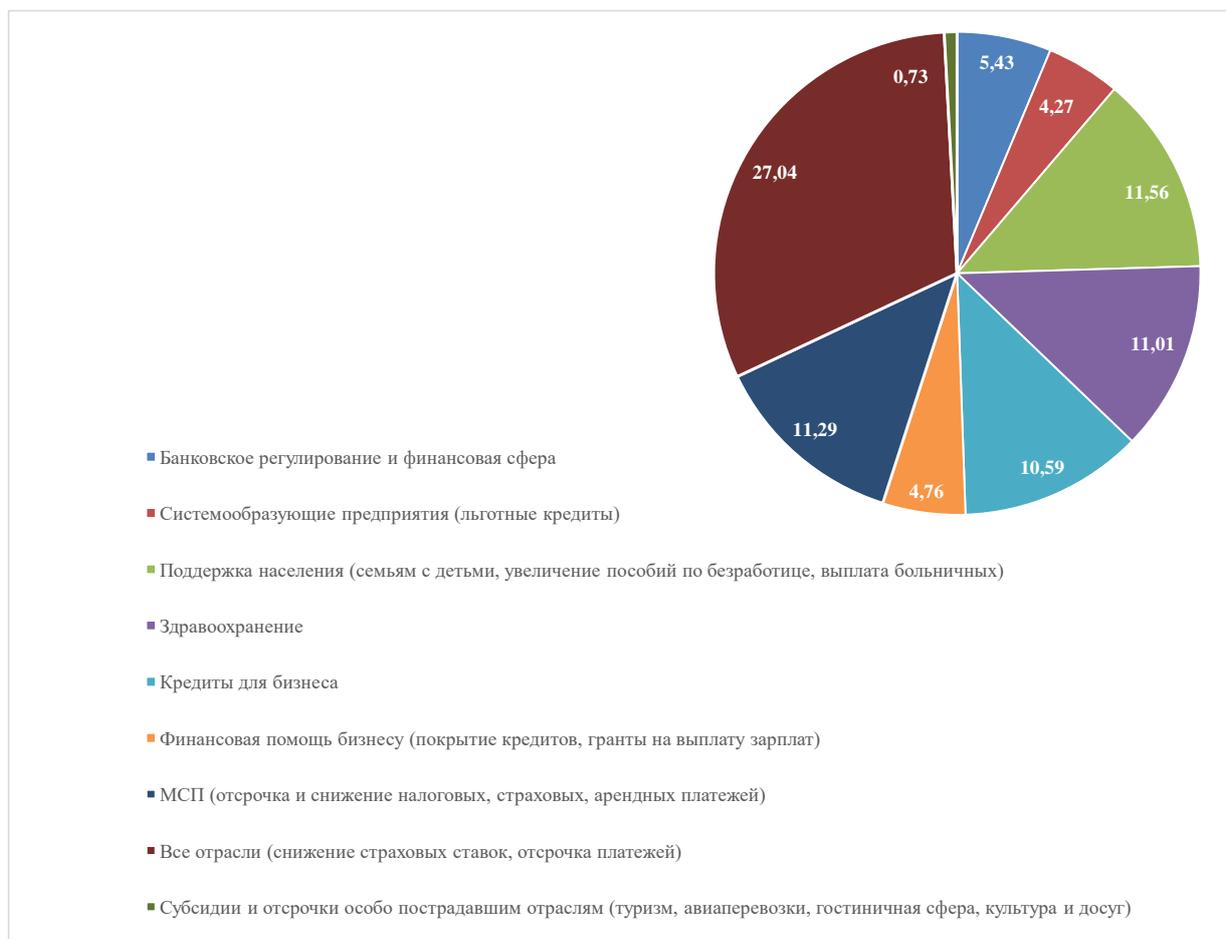

Рис. 4. Структура государственных расходов на антикризисные меры в России
Fig. 4. Structure of government spending on anti-crisis measures in Russia

Ряд российских ученых отмечают, что антикризисные меры не дали должного эффекта на уровне российских регионов. Так, в исследовании Е.А. Коломак отмечено, что ряд регионов Российской Федерации существенно «потеряли» в период пандемии COVID-19 [7]. При этом, обращаясь к детальному обзору научных исследований, посвященных изучению последствий пандемии на развитие российских регионов, следует отметить значительную поляризацию мнений относительно кризиса (табл. 2).

Таблица 2 – Последствия коронакризиса для российских регионов

Table 2 - Effects of coronacrisis on Russian regions

Федеральный округ	Негативные последствия	Позитивные изменения	Наиболее пострадавшие сферы
ЦФО	Наиболее сильный удар пришелся на транзакционный сектор экономики, включая сферу услуг и финансовую сферу [8]	Рост строительной сферы, а также интенсивное развитие цифровой экономики [9]	- транзакционный сектор; - финансовый сектор
СЗФО	Среди пострадавших отраслей в первую очередь отмечается сектор транспортных грузоперевозок [10]	На фоне кризиса произошел рост транзакционного сектора [11]	- туристический сектор; - сектор транспортных перевозок
ПФО	Резкое сокращение деловой активности в АПК, сокращение доли МСП [12]	При этом отмечается рост промышленного сектора, а также сферы строительства [13]	- малое и среднее предпринимательство; - АПК
ЮФО	В период пандемии сокращение туристического сектора [14]	Рост АПК и производства сельскохозяйственной продукции [15]	- транзакционный сектор; - туристический сектор
УФО	Срывы в цепочках поставок и кадровый кризис в сфере добычи и промышленного производства [16]	Развитие транзакционного сектора и цифровой экономики [17]	- промышленный сектор; - добыча полезных ископаемых
СФО	Отмечается спад деловой активности и резкое сокращение субъектов малого и среднего предпринимательства [18]	Рост выпуска АПК, а также строительной сферы [19]	- малое и среднее предпринимательство; - промышленный сектор; - сектор строительства
ДФО	В отсутствие иностранной рабочей силы (в том числе, из КНР) резкий спад АПК	Развитие МСП и транспортных перевозок [20]	- транзакционный сектор; - АПК

Источник: составлено авторами.

Таким образом, последствия пандемии COVID-19 являются различными для регионов РФ. Однако все же существуют взаимосвязи между особенностями пространственного развития территорий и наиболее пострадавшими отраслями экономик. Так, в регионах с сильной зависимостью от иностранной рабочей силы в секторах строительства и АПК отмечается резкий спад данных отраслей в период пандемии.

Кроме того, пандемия усилила негативные тенденции в тех секторах региональных экономик, которые испытывали экономические трудности после 2015 года, в том числе в числе пострадавших оказался промышленный сектор регионов Урала и Сибири, которые были не готовы к срыву международных цепочек поставок и дефициту финансовых ресурсов.

Исходя из вышесказанного следует заключить, что пандемия COVID-19 не столько создала «новые» угрозы для развития региональных экономик, сколько обострила уже существующие вызовы и усилила риски развития экономической безопасности территорий. Для этого представляется необходимым провести актуализацию угроз комплексного социально-экономического развития на региональном уровне посредством вовлечения экспертной информации для анализа степени выраженности (вероятности) возникновения той или иной угрозы на определенной территории. Для этого в исследовании предлагается использовать разработанную на базе ОНЦ СО РАН методику и программу вычисления вероятностей реализации сценариев социально-экономического развития

региона «Probabilities Of Realization Scenarios» (дата государственной регистрации 17 июля 2019 года), позволяющую экспертам предписывать события различным сценариям за счет оценивания апостериорных вероятностей событий при условии, что реализуется тот или иной сценарий, а затем, определить вероятности сценариев на основе априорных вероятностей событий. Плюсом метода является то, что все сценарии имеют шансы, существенно отличающиеся от нуля; также отсутствуют явно доминирующие сценарии.

Сценарии развития экономической безопасности российских регионов в посткризисный период (кейс Омской области). В 2019 году нами уже была произведена оценка сценариев развития Омской области, которые учитывали имеющиеся в период до коронакризиса угрозы социально-экономического развития региона. Было определено движение по направлению «Общество всеобщего риска» (35%) выглядит наиболее вероятным. Данный сценарий не предполагает интенсивного развития социальной сферы и экономики, в регионе следует ожидать усугубление дифференциации населения по социальному благополучию и по доходам, не предполагает полномасштабного перехода к новой модели экономического развития, отсюда наиболее вероятные события, которыми разрешается каждая проблема развития, характеризуются незначительными изменениями во всех процессах, протекающих в социально-экономической сфере [21].

В опросе 2021 года нами были привлечена та же выборка, в рамках которой каждому эксперту предложено две анкеты. Первая анкета содержит события, раскрывающие каждую проблему социально-экономического развития региона в априорном варианте, то есть без отношения к возможным сценариям развития. В свою очередь вторая анкета содержит те же самые события, связанные с одной из проблем. Однако эксперту предлагается оценить вероятность этих событий уже с учетом сценариев, получив тем самым условные вероятности в предположении неперменной реализации одного из сценариев. В результате оценки безусловных и условных вероятностей событий по всем выделенным проблемам агрегируются между экспертами в две сводные таблицы и подвергаются автоматической обработке.

Как и в предыдущем исследовании были рассмотрены три сценария развития экономической безопасности региона, в числе которых:

1) «общество всеобщего риска», описанное в работах О. Н. Яницкого [22]. Согласно данному сценарию стоит ожидать сокращению уровня доверия к власти, а также деградации ключевых институтов, роста социальной напряженности и астенического синдрома;

2) «абортивная модернизация». В соответствии с прогнозами Л. Гудкова [23] при этом сценарии отмечается существенное расслоение общества на активных-лояльных и нелояльных власти с примерно симметричным распределением по доходам. Усиление сетевых связей при косвенном государственном присутствии для предотвращения ситуаций риска вне институционализированного поля.

3) «рецидивирующая модернизация» в трактовке Н.Ф. Наумовой [24]. В соответствии с ней, кризис может привести к выработке и/или закреплению пространственной специализации. В части экономических стимулов отмечается формирование новых кооперационных связей и рост деловой активности, тогда как социальная сфера характеризуется интенсификацией социального контроля.

В результате реализации метода были получены следующие агрегированные вероятности сценариев:

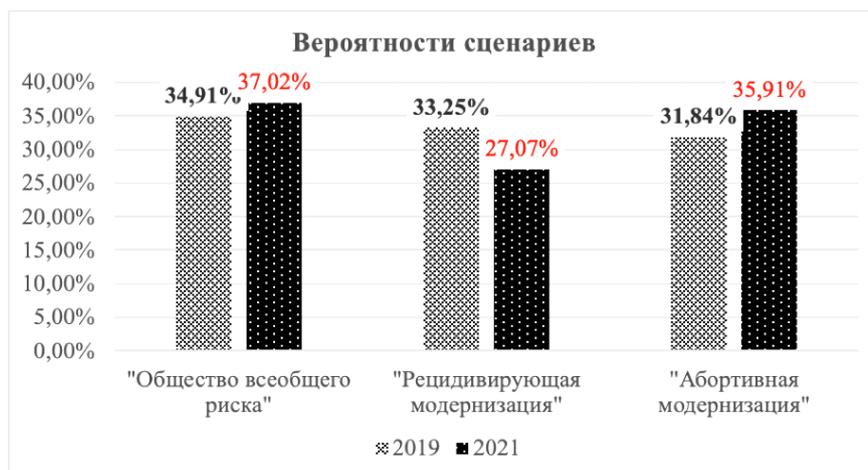

Рис. 5. – Вероятности сценариев развития экономической безопасности Омской области

Fig. 5. – Probabilities of economic security development scenarios of Omsk region

Следует констатировать, что, несмотря на принятые в период пандемии меры резко существенно возросла вероятность сценариев «общества риска» и «абортивной модернизации». При этом сценарий «общества риска» продолжает оставаться доминантным и определять траекторию развития Омской области после кризиса. Во многом неблагоприятные оценки обусловлены затяжным характером кризиса, а также отсутствием четкой стратегии выхода из него в ожидании очередных ограничений. Получение таких оценок связано в первую очередь с тем, что агрегированные оценки безусловных вероятностей при рецидивирующей модернизации несильно отличаются от безусловных вероятностей в кризисный период.

Список источников

1. Чичканов В.П., Беляевская-Плотник Л.А. Анализ подходов к оценке региональных процессов формирования социально-экономической безопасности // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 3. С. 654–669.
2. Аганбегян А.Г. Кризис как окно возможностей для социально-экономического развития // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. № 3. С. 47–69.
3. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. № 2. С. 417.
4. Капогузов Е.А., Чупин Р.И. Падение транзакционного сектора: апрельские тренды и последствия альтернатив экономической политики // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 2. С. 381–391.
5. Partridge J. UK household energy bills to soar by £32 per month/Mon 4 May 2020 06.01 BST. Электронный ресурс: <https://www.theguardian.com/money/2020/may/04/uk-household-energy-bills-to-soar-by-32-per-month>. Дата обращения 17.01.2021.
6. Бобылева А. З., Аньшин В.М., Птицын А.В. Новые вызовы: сравнительный анализ международных реактивных антикризисных мер в связи с пандемией COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 25–49.
7. Коломак Е.А. Экономические последствия COVID-19 для регионов России // ЭКО. 2020. № 12. С. 143–153.
8. Овешникова Л.В., Сибирская Е.В. COVID-19 и его деструктивное влияние на экономическую безопасность регионов России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16-1. С. 1052–1055.
9. Брагина А.В., Пилипенко Д.В., Ахмадеев Д.Р. Влияние COVID-19 и вызванного им кризиса на Российскую экономику // E-Scio. 2020. № 8 (47).
10. Трополева О.С. Оценка влияния пандемии (COVID-19) на инвестиционный процесс в строительстве в г. Санкт-Петербург // Актуальные вопросы экономических наук и современного менеджмента. 2021. С. 65–73.
11. Мирюлюбова Т.В., Ворончихина Е.Н. Пространственная неравномерность влияния пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие регионов России // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2021. Т. 16. № 3. С. 238–254.
12. Видяйкина П.М., Таурова Д.А., Лаврентьева Л.В. Влияние пандемии на развитие малого и среднего бизнеса на примере Приволжского федерального округа // Актуальные вопросы финансов и страхования России на современном этапе. 2020. С. 85–89.
13. Asiliar G. Modeling scenarios for increasing the investment attractiveness of the processing industry of the Republic of Tatarstan // St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics. 2020. Т. 13. № 4. С. 74.
14. Горшкова А.В. Влияние пандемии COVID-19 на экономику российских регионов (на примере Южного федерального округа) // Социально-экономическое развитие России. 2020. С. 178–180.
15. Макарова И.В., Лепеш Г.В., Угольников О.Д. Промышленная политика индустриально развитых регионов РФ: новая реальность // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 6 (126). С. 42–47.
16. Силин Я.П. Средний Урал в тисках новой реальности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. № 3. С. 445–450.
17. Мельниченко Э.О., Иванова И.К. Влияние пандемии на состояние экономики Новосибирска и Новосибирской области // Города России: проблемы строительства, инженерного обеспечения, благоустройства и экологии. 2021. С. 132–135.

18. Антипина Ю.В. Сравнительный анализ экономических особенностей развития крупных городских агломераций Сибири в условиях пандемии // Возможности развития социально-экономического пространства сибирского макрорегиона в условиях глобальной нестабильности / Материалы Научных чтений памяти сибирских географов (Иркутск, 31 мая – 2 июня 2021 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2021. С. 36–39.
19. Жуплей И.В., Потенко Т.А., Шмидт Ю.И. Угрозы аграрному сектору Дальневосточного федерального округа РФ: уроки кризисов // Экономика и предпринимательство. 2020. № 6. С. 330–334.
20. Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Особенности экономических последствий «пандемийного» кризиса в ресурсных отраслях Дальнего Востока // Ресурсная экономика, изменение климата и рациональное природопользование. 2021. С. 14.
21. Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С., Цатурян А.С. Социально-демографические факторы обеспечения региональной экономической безопасности (по материалам Омской области) // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 4. С. 1605–1619.
22. Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. XII, № 1. С. 3–35.
23. Гудков Л. Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.
24. Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996. №3–4. С. 5–28.

References

1. Chichkanov V. P., Belyaevskaya-Plotnik L. A. Analysis of approaches to assessing regional processes for the formation of socio-economic security. *Ekonomika regiona = Economics of the region*. 2016;12(3):654–669. (In Russ.)
2. Aganbegyan A. G. Crisis as a window of opportunity for socio-economic development. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2020;223(3):47–69. (In Russ.)
3. Zubarevich N. V., Safronov S. G. Regions of Russia in the acute phase of the coronavirus crisis: differences from previous economic crises of the 2000s. *Regional'nye issledovaniya = Regional studies*. 2020;(2):417. (In Russ.)
4. Kapoguzov E. A., Chupin R. I. The fall of the transaction sector: April trends and the consequences of alternatives to economic policy. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Current problems of the economy and law*. 2020;14(2):381–391. (In Russ.)
5. Partridge J. UK household energy bills to soar by £32 per month/Mon 4 May 2020 06.01 BST. Available from: <https://www.theguardian.com/money/2020/may/04/uk-household-energy-bills-to-soar-by-32-per-month>. [Accessed 17 January 2021].
6. Bobyleva A. Z., Anshin V.M., Ptitsyn A. V. New challenges: comparative analysis of international reactive anti-crisis measures in connection with the COVID-19 pandemic. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = State Administration. Electronic bulletin*. 2020;(81):25–49. (In Russ.)
7. Kolomak E. A. Economic consequences of COVID-19 for the regions of Russia. *EKO*. 2020;(12):143–153. (In Russ.)
8. Oveshnikova L. V., Siberian E. V. COVID-19 and its destructive impact on the economic security of the regions of Russia. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya = Russia: trends and prospects for development*. 2021;(16-1):1052–1055. (In Russ.)
9. Bragina A. V., Pilipenko D. V., Akhmadeev D. R. Influence of COVID-19 and its crisis on the Russian economy. *E-Scio*. 2020;8(47). (In Russ.)
10. Tropoleva O. S. Assessing the impact of the pandemic (COVID-19) on the investment process in construction in St. Petersburg. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk i sovremennogo menedzhmenta = Topical issues of economic sciences and modern management*. 2021:65–73. (In Russ.)
11. Mirol'yubova T. V., Voronchikhina E. N. Spatial unevenness of the influence of the COVID-19 pandemic on the socio-economic development of the regions of Russia. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of the Perm University. Series: Economics*. 2021;16(3):238–254. (In Russ.)
12. Vidyaykina P. M., Taurova D. A., Lavrentieva L. V. The impact of the pandemic on the development of small and medium-sized businesses on the example of the Volga Federal District. *Aktual'nye voprosy finansov i strakhovaniya Rossii na sovremennom etape = Current issues of finance and insurance in Russia at the present stage*. 2020:85–89. (In Russ.)
13. Asiliar G. Modeling scenarios for increasing the investment attractiveness of the processing industry of the Republic of Tatarstan. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2020;13(4):74. (In Russ.)

14. Gorshkova A. V. The impact of the COVID-19 pandemic on the economy of Russian regions (using the example of the Southern Federal District). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii = Socio-economic development of Russia*. 2020:178–180. (In Russ.)
15. Makarova I. V., Lepesh G. V., Ugolnikova O. D. Industrial policy of the industrialized regions of the Russian Federation: a new reality. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta = News of St. Petersburg State Economic University*. 2020;6(126):42–47. (In Russ.)
16. Silin Y. P. Sredny Ural in the grip of a new reality. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2020;223(3):445–450. (In Russ.)
17. Melnichenko E. O., Ivanova I. K. The impact of the pandemic on the state of the economy of Novosibirsk and the Novosibirsk region. *Goroda Rossii: problemy stroitel'stva, inzhenernogo obespecheniya, blagoustroystva i ekologii = Cities of Russia: problems of construction, engineering, improvement and ecology*. 2021:132–135. (In Russ.)
18. Antipina Yu. V. Comparative Analysis of the Economic Features of the Development of Large Urban Agglomerations of Siberia in Pandemic Conditions. In: *Opportunities for the Development of the Socio-Economic Space of the Siberian Macroregion in Conditions of Global Instability*. Materials of Scientific Readings in Memory of Siberian Geographers (Irkutsk, May 31 - June 2, 2021). Irkutsk: Publishing House of the Institute of Geography named after V.B. Sochava SB RAS; 2021:36–39. (In Russ.)
19. Zhuplei I. V., Potenko T. A., Schmidt Yu. I. Threats to the agrarian sector of the Far Eastern Federal District of the Russian Federation: lessons from crises. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2020;(6):330–334. (In Russ.)
20. Antonova N. E., Lomakina N. V. Features of the economic consequences of the "pandemic" crisis in the resource sectors of the Far East. *Resursnaya ekonomika, izmenenie klimata i ratsional'noe prirodopol'zovanie = Resource economy, climate change and environmental management*. 2021:14. (In Russ.)
21. Kapoguzov E. A., Chupin R. I., Kharlamova M. S., Tsaturyan A. S. Socio-demographic factors for ensuring regional economic security (based on materials from the Omsk region). *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Current problems of economics and law*. 2019;13(4):1605–1619. (In Russ.)
22. Yanitsky O. N. Sociology of Risk: Key Ideas. *Mir Rossii = World of Russia*. 2003;XII(1):3–35. (In Russ.)
23. Gudkov L. *Abortive modernization*. Moscow: ROSSPAN; 2011. (In Russ.)
24. Naumova N. F. Recurrent modernization in Russia as a form of civilization development. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological journal*. 1996;3–4:5–28. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Капогузов – докт. экон. наук, доц., зав. кафедрой экономической теории и мировой экономики;
 В. В. Карпов – докт. экон. наук, проф., председатель;
 Р. И. Чупин – канд. социол. наук, науч. сотр.

Information about the authors

E. A. Kapoguzov – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics and World Economy;
 V. V. Karpov – Doctor of Economics, Professor, Chairman;
 R. I. Chupin – Candidate of Sociological Sciences, Researcher.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2022; принята к публикации 02.02.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 30.01.2022; accepted for publication 02.02.2022.

Научная статья

УДК 332.6

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-122-126

ИПОТЕЧНЫЙ РЫНОК ЯПОНИИ: «МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ» 1980-Х ГГ. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Светлана Алексеевна Литвинова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, sv-lit@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса развития ипотечного жилищного кредитования в Японии. Рассматривается структура рынка ипотечного кредитования Японии и этапы его развития. Констатируется, что ипотечный рынок Японии отражает традиционные черты японской экономической модели: патернализм, социальную ориентацию и, одновременно, динамизм развития.

Ключевые слова: ипотечное кредитование, рынок ипотечного кредитования Японии, кредит, рынок недвижимости, денежно-кредитная политика

Для цитирования: Литвинова С. А. Ипотечный рынок Японии: «мыльный пузырь» 1980-х гг. и его последствия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 122–126. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-122-126>.

Problems of Economics

Original article

JAPAN'S MORTGAGE MARKET: THE "SOAP BUBBLE" OF THE 1980S AND ITS CONSEQUENCES

Svetlana A. Litvinova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, sv-lit@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the development of mortgage housing lending in Japan. The structure of the mortgage lending market in Japan and the stages of its development are considered. It is stated that the mortgage market of Japan reflects the traditional features of the Japanese economic model: paternalism, social orientation and, at the same time, the dynamism of development.

Keywords: mortgage lending, Japanese mortgage lending market, credit, real estate market, monetary policy

For citation: Litvinova S. A. Japan's mortgage market: the "soap bubble" of the 1980s and its consequences. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):122–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-122-126>.

Рынок недвижимости в Японии – один из самых дефицитных в мире: многомиллионное население и мигранты стекаются в мегаполисы (Токио, Осака, Нагоя, Саппоро, Фукуока), где предложение сильно ограничено.

После Второй мировой войны жилищная политика Японии была направлена на наращивание предложения на рынке недвижимости. Во второй половине XX в. были сформированы три агентства, решающие задачи жилищного обеспечения для разных групп населения [1]:

- дома общественного найма;
- Японская жилищная корпорация (сейчас – Агентство городского восстановления);
- Правительственная корпорация жилищного найма (сейчас – Японское агентство жилищных финансов).

Восстановление жилищного фонда оказалось успешным, показатели значительно превосходили довоенные, однако экономика «мыльного пузыря» в начале 1990-х гг. крайне негативно отразилась на состоянии всех отраслей, пострадал и рынок недвижимости. Точнее сказать, именно на рынке недвижимости «пузырь» и возник.

В первой половине 1980-х гг. в Японии наблюдалась финансовая либерализация: контроль за движением капиталов был снят, отменено регулирование процентных ставок по вкладам, появлялись новые финансовые организации. Банки переориентировались на малое и среднее предпринимательство, которым предоставлялись кредиты под залог недвижимости для рискованных и низкодоходных проектов [2].

Более того, проводимая во второй половине 1980-х гг. денежно-кредитная политика лишь подогревала инфляцию цен на активы. Учетная ставка Банка Японии к концу 1985 г. остановилась на уровне 2,5% и в ближайшие 4 года не изменялась. На потребительском рынке сохранялся низкий уровень инфляции. В результате к 1989 г. пузыри на рынках недвижимости и ценных бумаг стали крайне неустойчивыми. Учетная ставка Банка Японии была увеличена до 6%. В конце 1989 г. индекс Nikkei потерял более 60 пунктов. Министерство финансов Японии издало распоряжение, ограничивающее банковское кредитование рынка недвижимости.

В 1980-е гг. цена земли росла быстрыми темпами, фактически более чем удвоилась, однако уже после 1991 г. начала падать и продолжила снижаться вплоть до середины 1998 г., и даже в 2000-2010-е гг. все еще заметно падение цен на землю (рис. 1). Стоимость залога так же снизилась: до 1991 г. заемщики могли занимать до 90% стоимости залоговой недвижимости, а в период 1991-1998 гг. – уже лишь до 50%. Таким образом, 40% кредитов оставалась непокрытыми. Прекратились ссуды под залог недвижимости предприятиям, что привело к проблеме безнадежных кредитов [2].

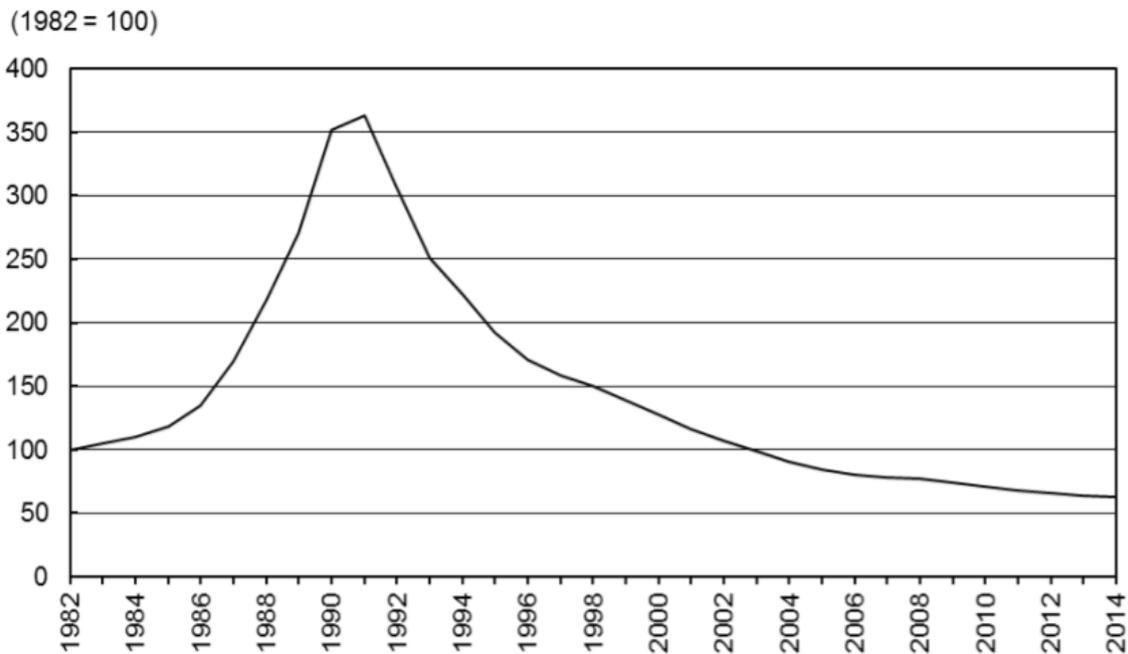

Рис. 1. Цена земли в городах, Япония, 1982-2014 [3]

Fig. 1. Price of land in cities, Japan, 1982-2014

Араки Х. указывает на две причины резкого роста «мыльного пузыря» [2]:

1) структурная, связана с отменой регулирования банковских операций. Крупные корпорации перестали пользоваться услугами японских банков и вывели активы за рубеж. В результате банки оказались вынужденными обратиться к новому для себя источнику – кредитам малым и средним предприятиям и инвестициям в строительство офисной недвижимости. В результате, когда в конце 1980-х гг. в экономике наблюдался бум, банки выдали чрезмерно много кредитов;

2) монетарная, связана с появлением «дешевых» денег во второй половине 1980-е гг. В 1986–1989 гг. резко повысились курсы акций на мировых фондовых биржах, что было обусловлено принятием так называемого соглашения «Plaza», укрепившего позиции доллара. Курс иены также изменился от 240 иен до 120 иен за 1 доллар США. К тому же Банк Японии стал снижать процентные ставки на выдаваемые кредиты. С появлением «дешевых» денег спрос на землю начал стремительно расти, а следовательно, росла и цена земли. Одновременно начался бум жилищного строительства, который к 1990 г. прекратился.

Окина К., Ширикава М. и Ширацука Ш., кроме перечисленных выше причин, называют [4]:

- агрессивное поведение финансовых организаций;

- неадекватное управление рисками финансовых организаций;
- ажиотаж и эйфория;
- налогообложение и регулирование, направленное на ускорение роста цен на землю;
- чрезмерную концентрацию экономических функций в Токио.

Сформированная после Второй Мировой Войны система ипотечного кредитования в Японии в последующие годы не претерпела существенных изменений (рис. 2).

Рис. 2. Структура ипотечного рынка Японии [5]
 Fig. 2. Japan Mortgage Market Structure

Структура ипотечного рынка Японии, представленная на рисунке 3.16, является результатом значительных усилий по созданию специализированного частного сегмента ипотечного кредитования.

В целом, финансовый рынок Японии довольно быстро заполнили ипотечные компании и банки. Тем не менее, на данной схеме представлен «кредитор последней инстанции», им является Правительственная корпорация жилищного найма, которая имеет возможность использовать фискальные инструменты и специализированные программы займов (рис. 3).

Японская жилищная корпорация предоставляет займы по более низким процентным ставкам, чем предполагается в рамках программ займов, а предоставленные правительством гранты и субсидии покрывают эту разницу. Можно выделить несколько типов займов, которые предоставляла Японская жилищная корпорация [5]:

- займ на строительство частного жилья;
- займ на покупку частного жилья;
- займ на покупку вторичного жилья от собственника;
- займ на аренду жилья;
- займ на развитие жилых участков;
- займ на восстановление собственного жилья;
- займ на проекты реноваций городов;
- займ на приобретение многоэтажных домов и др.

Секо М. выделяет две важные характеристики ипотечного рынка Японии [5]:

- 1) источником финансовых ресурсов для выдачи ипотечных кредитов являются мобилизованные средства депозитов (в том числе краткосрочных);
- 2) ипотечные кредиты на приобретение жилья на вторичном рынке фактически отсутствуют. В отличие от США и других развитых стран, ипотечные кредиты (закладные) не приобретаются и не продаются как товары, что является значительным препятствием для притока капиталов в сферу жилищных финансов.

Секо М. подчеркивает, что политика правительства по сохранению низких процентных ставок по жилищным кредитам сделала ипотеку крайне непривлекательным инструментом.

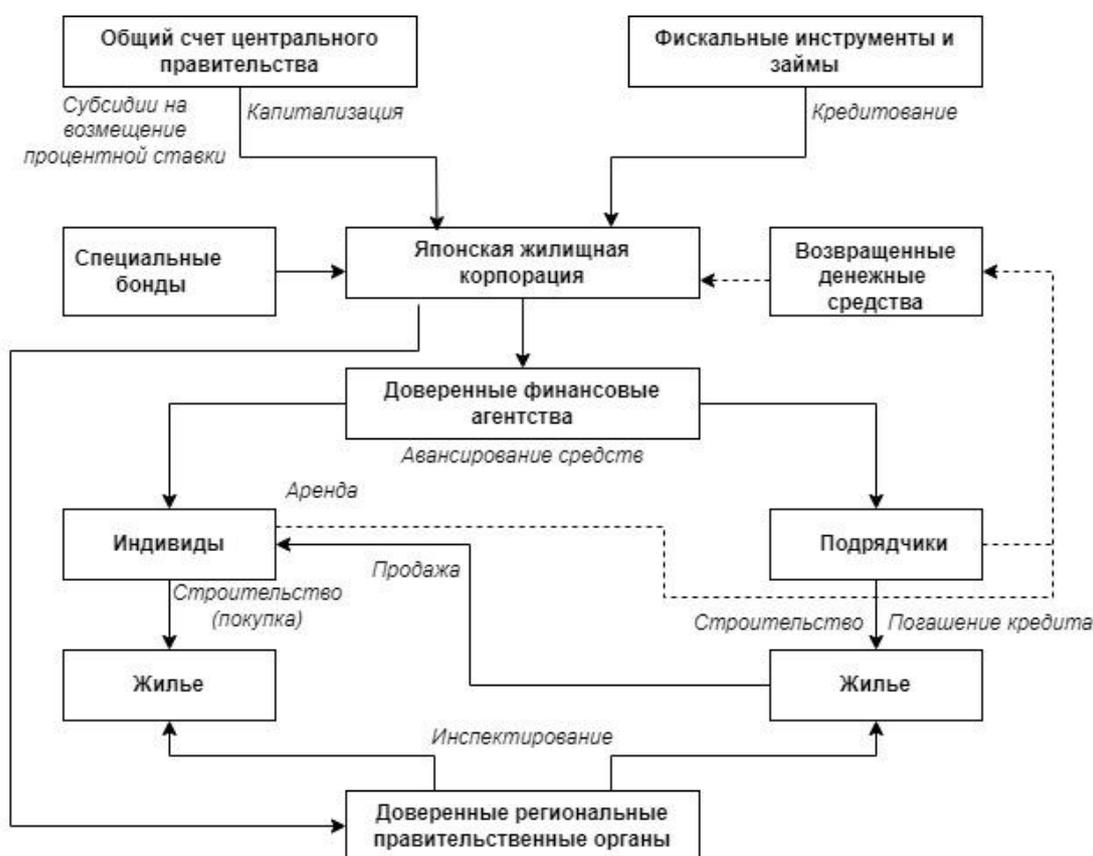

Рис. 3. Поток займов на ипотечном рынке Японии [5]

Fig. 3. Japan Mortgage Market Loan Flows

Тем не менее, среди изменений системы ипотечного кредитования в Японии, проведенных в XXI в., можно отметить трансформацию Государственной корпорации жилищного займа в Японское агентство жилищных финансов (табл. 1), что было обусловлено рядом причин [1]:

- началом секьюритизации сделок на ипотечном рынке;
- необходимостью сохранения на рынке ипотечного кредитования с фиксированной процентной ставкой и сроком погашения 35 лет (по просьбам строительных компаний).

Таблица 1 – Сравнительная таблица: Государственная корпорация жилищного займа и Японское агентство жилищных финансов [1]

Table 1 - Comparative Table: State Housing Loan Corporation and Japan Housing Finance Agency

	Государственная корпорация жилищного займа	Японское агентство жилищных финансов
Учреждение	1950	2007
Собственник	100% в собственности Правительства Японии	
Миссия	Обеспечение ликвидности на ипотечных рынках для домохозяйств с низкими и средними доходами; повышение качество жилья	
Основной продукт	Фиксированная ставка ипотеки	
Основная деятельность	Операции на первичном ипотечном рынке (конкуренция с частным сектором)	Операции на вторичном рынке (поддержка частного сектора)
Основной источник финансирования	Правительственные займы (фискальные инструменты и программы займов)	Ценные бумаги с ипотечным покрытием
Предоставление субсидий	Есть	Отсутствуют

Японское агентство жилищных финансов не осуществляет операции на первичном рынке, кроме чрезвычайных ситуаций (в подобных случаях используются фискальные инструменты, займы и общие субсидии). Оно покупает ипотечные кредиты с фиксированной процентной ставкой, выданные коммерческими банками и ипотечными организациями, и упаковывает их в ценные

бумаги, обеспеченные ипотекой. Таким образом, Японское агентство жилищных финансов не конкурирует с коммерческими банками на первичном рынке, а скорее осуществляет помощь через операции на рынке ценных бумаг.

Японское агентство жилищных финансов также сохранило 35-летний период погашения ипотечных кредитов с фиксированной ставкой 1,58%. Данный продукт, предоставляемый коммерческими банками и ипотечными организациями, получил название «Flat 35» (игра слов: flat означает «квартира» и «фиксированная ставка»).

Таким образом, ипотечный рынок Японии отражает традиционные черты японской экономической модели: патернализм, социальную ориентацию и, одновременно, динамизм развития. В силу исторических особенностей местного рынка недвижимости ипотека не является привлекательным инструментом привлечения финансовых ресурсов, более распространенными являются целевые займы (на приобретение, аренду или реновацию жилья).

Список источников

1. Kobayashi M. The Housing Market and Housing Policies in Japan // ADBI Working Paper Series. 2016. № 558. Приводится по: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/181404/adbi-wp558.pdf> (дата обращения 15.12.2021)

2. Araki H. The Causes of the Japanese Lost Decade: An Extension of Graduate Thesis, 2005 // Приводится по: https://www.soka.ac.jp/files/ja/20170526_002432.pdf (дата обращения 13.12.2021)

3. Ohno K. The Asset Bubble and Prolonged Recession. In: The History of Japanese Economic Development: Origins of Private Dynamism and Policy Competence. – Routledge, 2017 // Приводится по: https://www.grips.ac.jp/teacher/oono/hp/lecture_J/ch13_bubble.pdf (дата обращения 13.12.2021)

4. Okina K., Shirakawa M., Shiratsuki Sh. The Asset Price Bubble and Monetary Policy: Japan's Experience in the late 1980s and the Lessons: Background Paper // Monetary and Economic Studies. 2001. Sp. Is. Приводится по: <https://www.imes.boj.or.jp/research/papers/english/me19-s1-14.pdf> (дата обращения 13.12.2021)

5. Seko M. Housing Finance in Japan. In: Housing Markets in the U.S. and Japan. Ed. by Noguchi Yu., Poterba J. – Chicago: University of Chicago Press, 1994 // Приводится по: <http://www.nber.org/chapters/c8821> (дата обращения 13.12.2021)

References

1. Kobayashi M. The Housing Market and Housing Policies in Japan. *ADBI Working Paper Series*. 2016;(558). Available from: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/181404/adbi-wp558.pdf> [Accessed 15 December 2021].

2. Araki H. *The Causes of the Japanese Lost Decade: An Extension of Graduate Thesis*, 2005. Available from: https://www.soka.ac.jp/files/ja/20170526_002432.pdf [Accessed 13 December 2021].

3. Ohno K. *The Asset Bubble and Prolonged Recession. In: The History of Japanese Economic Development: Origins of Private Dynamism and Policy Competence*. Routledge, 2017. Available from: https://www.grips.ac.jp/teacher/oono/hp/lecture_J/ch13_bubble.pdf [Accessed 13 December 2021].

4. Okina K., Shirakawa M., Shiratsuki Sh. The Asset Price Bubble and Monetary Policy: Japan's Experience in the late 1980s and the Lessons: Background Paper. *Monetary and Economic Studies*. 2001. Sp. Is. Available from: <https://www.imes.boj.or.jp/research/papers/english/me19-s1-14.pdf> [Accessed 13 December 2021].

5. Seko M. Housing Finance in Japan. In: Housing Markets in the U.S. and Japan. Ed. by Noguchi Yu., Poterba J. Chicago: University of Chicago Press, 1994. Available from: <http://www.nber.org/chapters/c8821> [Accessed 13 December 2021].

Информация об авторе

С. А. Литвинова – канд. экон. наук, доц. кафедры налогообложения и бухгалтерского учета.

Information about the author

S. A. Litvinova – Candidate of Economic Sciences, associate Professor of Department of Taxation and Accounting.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 17.02.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 17.02.2022.

Научная статья

УДК 338.4

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-127-132

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ВОЗОБНОВЛЯЕМОЙ ЭНЕРГЕТИКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Татьяна Васильевна Мартыненко¹, Вероника Дмитриевна Коноплева²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Татьяна Васильевна Мартыненко, tatianamart@list.ru

Аннотация. В статье авторы дают анализ проводимой российским государством политики в области использования возобновляемой энергетики. Последнее десятилетие зеленая энергетика является одним из быстро развивающихся направлений на мировом энергетическом рынке. В некоторых странах альтернативные источники энергии стали успешно конкурировать с углеводородами. Однако при разработке политики в данном направлении следует учитывать те трудности и проблемы, которые возникают по объективным причинам. На наш взгляд, нужна очень взвешенная, продуманная и адекватная политика, которая позволит возобновляемым источникам энергии занять именно то место, которое не подорвет экономическое развитие страны.

Ключевые слова: возобновляемые ресурсы, зеленая энергетика, государственная поддержка, источники энергии, углеродная нейтральность, парниковые газы, стратегия развития

Для цитирования: Мартыненко Т. В., Коноплева В. Д. Политика Российской Федерации в области возобновляемой энергетики: современное состояние, законодательная база и перспективы развития // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 127–132. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-127-132>.

Problems of Economics

Original article

RUSSIAN FEDERATION POLICY IN THE FIELD OF RENEWABLE ENERGY: CURRENT STATUS, LEGISLATIVE FRAMEWORK AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Tatiana V. Martynenko¹, Veronika D. Konopleva²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Tatiana V. Martynenko, tatianamart@list.ru

Abstract. In this article, the authors provide an analysis of the policy pursued by the Russian state in the field of the use of renewable energy. Over the past decade, green energy has been one of the fastest growing areas in the global energy market. In some countries, alternative energy sources have begun to successfully compete with hydrocarbons. However, when developing a policy in this direction, one should take into account the difficulties and problems that arise for objective reasons. In our opinion, a very balanced, thoughtful and adequate policy is needed, which will allow renewable energy sources to take exactly the place that will not undermine the economic development of the country.

Keywords: renewable resources, green energy, state support, energy sources, carbon neutrality, greenhouse gases, development strategy

For citation: Martynenko T. V., Konopleva V. D. Russian Federation policy in the field of renewable energy: current status, legislative framework and development prospects. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):127–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-127-132>.

Возобновляемая энергия – это энергия, полученная из возобновляемых или неисчерпаемых источников энергии. К таким источникам относятся энергия солнца и водных потоков, ветра, приливов, геотермальных источников, биотопливо.

Использование возобновляемых источников энергии сопровождается рядом преимуществ, среди которых: неисчерпаемость, экологичность, нулевые отходы, а также отсутствие парникового эффекта и дополнительной энергетической нагрузки.

В настоящее время в мире и в России не прекращаются дискуссии по теме, посвященной возобновляемым источникам энергии. Достижение углеродной нейтральности стало модным трендом. В России в последние годы также уделяется много внимания данной проблеме. Задача органов власти заключается в том, чтобы найти такое решение, которое, с одной стороны, не наносило бы удар по производителям и потребителям, с другой стороны, способствовало изменению энергетического баланса в стране в сторону роста возобновляемых источников энергии.

Основными целями развития возобновляемой энергетики в современном мире являются: решение климатических проблем и снижение нагрузки на природу за счет сокращения выбросов в атмосферу вредных веществ; снижение цены на электроэнергию за счет привлечения новых видов энергии и внедрения новых технологий (существует статистика, что «в 15 из 20 американских штатов, занимающих лидирующие позиции на рынке солнечно-ветровой энергии, цены на электроэнергию ниже, чем в среднем по стране»)¹; интеграция возобновляемых источников энергии в уже существующие энергетические системы и др.

Главными задачами при реализации данных целей является: стремление к достижению «паритета цены и производительности в сравнении с традиционными источниками энергии»²; увеличение надежности энергетических систем за счет многообразия источников энергии; совершенствование технологий в энергетическом секторе за счет внедрения автоматизации, использования искусственного интеллекта.

В научной литературе данной теме посвящено немало исследований, как в России, так и в других странах [1–5].

Некоторые из исследователей считают, что в Российской Федерации сейчас сложилась достаточно благоприятная ситуация с генерацией электроэнергии: примерно «40% электроэнергии производится с использованием энергии ветра, солнца, АЭС и гидростанций. Оставшиеся 60% – это газовая генерация»³. Однако есть мнение, что время дешевых ВИЭ заканчивается. «За 12 последних месяцев цена солнечных батарей повысилась, как сообщает Bloomberg, более чем на 50%, а ветряных турбин – на 13%»⁴. Это связано с рядом причин: с ростом цен на металлы и минералы, которые используются при производстве; снижением инвестиций в добывающую промышленность. Поэтому сказать, какая ситуация реально сложится в ближайшем будущем достаточно сложно.

Противоречия просматриваются также в достоверности статистической информации. Например, в ежеквартальном информационном обзоре рынка ВИЭ в России за третий квартал 2021 г. были приведены несколько иные данные по доле ВИЭ в общем объеме энергии: «Доля ВИЭ в общей выработке электроэнергии – 0,45 %»⁵.

Это противоречие в статистике указывает на то, что в настоящее время не сформировалась единая методологическая база для оценки доли ВИЭ в общей доле источников энергии.

Изучению опыта других стран по поддержке возобновляемых источников энергии посвящена статья Бердина В., Кокорина А., Поташникова В., Юлкина Г. [6]. Они рассмотрели меры поддержки ВИЭ в европейских странах, Соединенных Штатах Америки, в Китае и Индии, а из республик бывшего СССР – в Казахстане. Их исследование интересно тем, что они анализировали меры поддержки с точки зрения возможности их применения в России, а также тех последствий для нашей страны, которые связаны с прекращением поставок некоторых углеводородов в связи с развитием в данных странах ВИЭ.

Анализу мирового и российского опыта поддержки возобновляемой энергетики посвящена также работа уральских исследователей [7]. Они сосредоточились на анализе различных мер государственной поддержки ВИЭ.

¹ Марлен Мотыка, Эндрю Слотер, Кэролин Эймон. Международные тенденции в области возобновляемых источников энергии // URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/energy-and-resources/articles/global-renewable-energy-trends.html> (дата обращения: 22.01.2022).

² Там же.

³ Росконгресс пространство доверия // URL: <https://roscongress.org/sessions/rew-2021-rossiya-2060-perspektivy-zelenou-energetiki/discussion/> (дата обращения: 6.12.2021)

⁴ Сергей Мануков. Эра дешевых возобновляемых источников энергии подошла к концу // URL: <https://expert.ru/2022/01/26/era-vie/> (дата обращения: 28.01.2022).

⁵ Ежеквартальный обзор рынка ВИЭ в России за III квартал 2021 года // URL: <https://cntd.ru/news/read/opublikovan-informacionnyy-obzor-rynka-vi-v-rossii-za-iii-kvartal-2021-goda> (дата обращения: 21.01.2022)

Большое внимание в научной и практической литературе уделяется также проблеме развития водородной энергетики. Обращает на себя внимание тот факт, что ПАО «Газпром» в 2021 г. зарегистрировал в Московской области дочернее предприятие «Газпром водород», что свидетельствует о постепенном формировании водородной стратегии, изучаются перспективы экспорта в ЕС водорода по уже действующим трубопроводам или возможность производить его в самой Германии из российского газа.

Правительство Российской Федерации также начало всесторонне изучать данную проблематику: поставлена первоочередная задача существенно сократить угольную генерацию и увеличить долю гидро- и атомной энергетики.

Известно, что Европейский Союз собирается вводить углеродный сбор, который повлияет на цены ввозимых в ЕС товаров и может оказать негативное воздействие на страны-экспортеры углеродного сырья. Это заставляет Российскую Федерацию, которая занимает одно из первых мест в экспорте газа и других углеводородов в ЕС, стремиться свести свои будущие потери к минимуму. Для решения этой задачи нужно внести серьезные коррективы в энергетическую политику с учетом тенденций на низкоуглеродное развитие мировой экономики.

Проанализируем меры, направленные на достижение углеродной нейтральности, которые принимаются на государственном уровне в РФ.

В России уже разрабатываются перспективные проекты, такие как Пенжинская приливная станция в районе Охотского моря, на которой планируется производить примерно шесть тонн зеленого водорода с прицелом его экспорта в Японию, Китай и Южную Корею¹.

В ноябре 2020 г. Президент РФ подписал Указ², который ставит перед органами управления задачу сокращения выброса парниковых газов до 70 процентов к 2030 году по сравнению с 1990 годом, а также разработать Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации до 2050 года, предусматривающую низкий уровень выбросов. А 29 октября 2021 г. данная стратегия была уже утверждена.

В феврале 2021 года был подписан Федеральный закон № 296-ФЗ от 02.07.2021 «Об ограничении выбросов парниковых газов», который установил правовые условия для ограничения выброса парниковых газов в РФ на ближайшую перспективу. В законе также предусмотрены меры, способствующие разработке механизмов по учету выброса парниковых газов, устанавливаются целевые показатели по их сокращению, разрабатываются меры по стимулированию деятельности по их поглощению. Предусматривается ведение реестра по выбросам парниковых газов.

В результате чего стратегия стала основой для планирования мероприятий по снижению выбросов парниковых газов всеми органами государственной власти предприятиями с долей государственной собственности. Перед министерством экономического развития совместно с другими органами власти поставлена задача разработать план мероприятий по реализации стратегии.

Стратегией предусматривается «два основных сценария низкоуглеродного развития: Базовый, который принят за основу, и Интенсивный»³.

Для практической реализации стратегии было принято «Постановление Правительства Российской Федерации от 12.07.2021 № 1169 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом и розничных рынках электрической энергии и мощности», которое скорректировало порядок определения размера неустойки по договорам ВИЭ. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.07.2021 № 1912-р были определены цели и основные направления зеленого развития РФ, намечены конкретные меры по развитию инвестиционной деятельности и привлечению внебюджетных средств в проекты ВИЭ.

Распоряжением Правительства РФ от 5 августа 2021 г. № 2162-р была утверждена «Концепция развития водородной энергетики в РФ». Концепция дала как среднесрочные, так и долгосрочные ориентиры развитию водородной энергетики в РФ до 2050 г. В ней предусмотрено возникновение

¹ Стратегия долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года // URL: https://economy.gov.ru/material/file/babacbb75d32d90e28d3298582d13a75/proekt_strategii.pdf (дата обращения: 8.12.2021).

² Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45990> (дата обращения: 8.12.2021).

³ Стратегия долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года ...

производственных кластеров: Северо-Западного, Восточного и Арктического; названы примерные объемы экспорта российского водорода, обозначены технологии, которые необходимы для реализации намеченных целей.

Последним важным документом, свидетельствующим о серьезном внимании российского правительства к данной сфере, является утверждение критериев для проектов в сфере зеленой энергетики¹. Данным документом были утверждены критерии отбора инвестиционных проектов в сфере зеленой энергетики.

Следует отметить, что уже сейчас некоторые регионы РФ добились определенных успехов в развитии зеленой энергетики.

По данным инвестиционного рейтинга Ассоциации развития возобновляемой энергетики в 2020 г. лидером была признана по совокупности показателей Ростовская область, на территории которой построено четыре ветроэлектростанции.

Не отстают и другие регионы. В частности, в Ульяновской области созданы особые экономические зоны, в которых 100% электроэнергии вырабатывается за счет газовых ветрогенераторов. Созданы также два ветропарка, генерирующие около 7–8 % всей электроэнергии в области, а также введено в строй производство лопастей для ветрогенераторов. Самым индустриальным субъектом РФ в этом направлении была признана Чувашия, где функционирует завод полного цикла по производству солнечных модулей, а по доле возобновляемых источников лидером стала Калмыкия, в которой зеленая генерация составляет 94 %².

Крупнейшие российский компании («Росатом», «РЖД» и «Трансмаш-холдинг») в 2019 году подписали соглашение, которое будет способствовать реализации проекта по созданию железнодорожного движения на основе водорода. Реализовываться данный проект должен в Сахалинской области. С прицелом на создание в будущем водородного кластера с целью продажи водорода на азиатском рынке³.

В настоящее время в мире используется большое количество мер поддержки возобновляемых источников энергии, среди которых наиболее распространены: зеленые сертификаты, тарифы на подключение, возмещение затрат на подключение, гранты, налоговые льготы и кредиты, субсидирование стоимости заемного капитала, государственный заказ и государственные гарантии, квоты, фиксированные тарифы и ценовые надбавки, приоритетный доступ к сетям и гарантированный сбыт [6; 7, с. 142].

Зеленые сертификаты подтверждают, что определенное количество энергии было получено из возобновляемых источников энергии. Контроль за выдачей сертификатов осуществляется с помощью специального оборудования. В ряде стран предусмотрен механизм полной или частичной компенсации при подключении генераторов, работающих на возобновляемых источниках энергии, с целью повышения привлекательности инвестиций [8].

Одной из наиболее эффективных мер поддержки возобновляемых источников энергии является фиксированная ставка за возобновляемую энергию. В его основе лежат три основных фактора: гарантия покупки электроэнергии по фиксированной цене, гарантия подключения к сети и долгосрочный договор купли-продажи всех возобновляемых источников энергии. Система нетто-учета позволяет владельцу возобновляемого источника энергии получить розничный кредит, равный количеству произведенной электроэнергии [9].

Следует обратить внимание на то, что в Российской Федерации политика поддержки ВИЭ проводится уже давно. Основные направления поддержки «зеленой» энергетики были прописаны еще в ФЗ от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», где основной целью такой поддержки названо повышение энергетической эффективности электроэнергии на основе использования возобновляемых источников энергии. В данном Федеральном законе обозначаются механизмы

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2021 № 1587 "Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации" // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109240043> <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109240043> (дата обращения: 8.12.2021).

² АЭРВ назвала регионы-лидеры развития возобновляемых источников энергии // URL: [rreda.ru|novos](http://rreda.ru/novos) (дата обращения: 7/12/2021)

³ Мастепанов Алексей Михайлович Водородная энергетика России: состояние и перспективы // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vodorodnaya-energetika-rossii-sostoyanie-i-perspektivy> (дата обращения: 27.10.2021).

поддержки внедрения «зеленой» энергетики. Меры поддержки в основном рассчитаны на привлечение частных инвестиций¹.

Меры поддержки государства на розничном рынке электроэнергии предполагают конкурентный отбор, после которого инвестор получает возможность на строительство объектов «зеленой» энергетики с возвратом вложений. Это прописано в Постановлении Правительства РФ от 23.01.2015 N 47².

На оптовом рынке также используется конкурентный отбор. Но на данном рынке есть ограничения: разрешено строительство только солнечных, ветряных и небольших гидроэлектростанций.

Принятая Правительством РФ вторая программа поддержки «зеленой» энергетики с 2025 по 2035 г., которая подразумевает использование 400 млрд рублей поддержки на 11 лет, поможет качественно развить в Российской Федерации отрасль ВИЭ. Планируется, что результатами реализации второй программы поддержки станет строительство и эксплуатация дополнительно не менее 7 ГВт зеленой генерации, а также создание новых локализационных производств, поддержка новых инвесторов, а также снижение стоимости проектов и т.п.³

Хотелось бы остановиться на тех проблемах, которые нужно будет решать российской экономике, следуя по пути декарбонизации.

Первая проблема – это конкурентоспособность российских предприятий в связи с отказом многих инвесторов вкладывать средства в компании, в которых преобладают высокие выбросы в атмосферу. А это практически большинство сырьевых компаний, которые преобладают в российской экономике, что неизбежно приведет к уменьшению их объемов производства, сокращению экспорта сырьевых российских товаров. Как отмечает Татьяна Миртова⁴, директор центра энергетики Московской школы управления «Сколково», нужно будет создавать систему, которая будет отслеживать углеродный след в российских компаниях, проводить мониторинг выбросов и переформатировать ценообразование на ВИЭ; фактически с нуля сформировать энергетический менеджмент и субсидировать наиболее эффективные энергетические проекты.

Вторая не менее важная проблема – это выпуск ВИЭ-оборудования, который осложняется санкциями, налагаемыми почти непрерывно на Российскую Федерацию. Министерство промышленности и торговли РФ планирует решать эту проблему с помощью Фонда развития промышленности и специальных инвестиционных контрактов.

Таким образом, в России политика «зеленой» энергетики стремительно изменяется. Утвержденная Правительством РФ Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации до 2050 года с низким уровнем выбросов, поставила конкретные цели и заставила органы власти разрабатывать систему мер с учетом тех вызовов, которые стоят перед Россией в данной области. Так как большинство стран мира присоединилось к соглашению о низкоуглеродном развитии мировой экономики в ближайшем будущем, то РФ придется следовать зеленому курсу даже если это чревато значительными экономическими потерями.

Список источников

1. Арутюнов В. С. Нефть XXI. Мифы и реальность альтернативной энергетики. М.: Алгоритм, 2016. 207 с.
2. Коданева С. И. Зеленая экономика – от осмысления содержания концепции к практике ее реализации. М.: КноРус, 2020. 144 с.
3. Сибикин Ю. Д. Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии: учебное пособие. М.: Кнорус, 2017. 228 с.
4. Панцхава Е. С. Биоэнергетика. Мир и Россия. Биогаз: Теория и практика. М.: КноРус, 2014. 1440 с.
5. Чирков Ю. Г. Карусель энергетики. М.: Академический проект, 2016. 406 с.

¹ Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об электроэнергетике».

² Постановление Правительства РФ от 23.01.2015 N 47 (ред. от 29.08.2020) «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам стимулирования использования возобновляемых источников энергии на розничных рынках электрической энергии».

³ Что происходит с возобновляемой энергетикой в России [Электронный ресурс] – URL: <https://journal.tinkoff.ru/russia-green-energy/>

⁴ Татьяна Миртова, директор центра энергетики Московской школы управления «Сколково» // Ведомости, 31 января 2021 года.

6. Бердин В. Х., Поташников В. Ю., Кокорин А. О., Юлкин Г. М. Развитие ВИЭ в России: потенциал и практические шаги // Экономическая политика. 2020. № 2. С. 106–135.
7. Низамутдинова Н. С., Кирпичникова И. М., Пташкина-Гирина О. С. Мировой и российский опыт применения государственной поддержки возобновляемой энергетики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Энергетика». 2018. Т. 18. № 1. С. 140–145.
8. Ремизова Т. С. Развитие возобновляемых источников энергии в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. № 10 (355). С. 1882–1895.
9. Маликова О. И., Златникова М. А. Государственная политика в области развития возобновляемой энергетики // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 72.

References

1. Arutyunov V. S. *Oil XXI. Myths and reality of alternative energy*. Moscow: Algorithm; 2016. 207 p. (In Russ.)
2. Kodaneva S. I. *Green economy - from understanding the content of the concept to the practice of its implementation*. Moscow: KnoRus; 2020. 144 p. (In Russ.)
3. Sibikin Yu. D. *Non-traditional and renewable energy sources: textbook*. Moscow: Knorus; 2017. 228 p. (In Russ.)
4. Pantskhava E. S. *Bioenergetics. World and Russia. Biogas: Theory and practice*. Moscow: KnoRus; 2014. 1440 p. (In Russ.)
5. Chirkov Yu. G. *Energy Carousel*. Moscow: Academic project, 2016. 406 p. (In Russ.)
6. Berdin V. Kh., Potashnikov V. Yu., Kokorin A. O., Yulkin G. M. Development of renewable energy sources in Russia: potential and practical steps. *Ekonomicheskaya politika = Economic policy*. 2020;(2):106–135. (In Russ.)
7. Nizamutdinova N. S., Kirpichnikova I. M., Ptashkina-Girina O. S. World and Russian experience in the use of state support for renewable energy. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Energetika» = Bulletin of South Ural State University. Series "Energy"*. 2018;18(1):140–145. (In Russ.)
8. Remizova T. S. Development of Renewable Energy Sources in Russia. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*. 2017;10(355):1882–1895. (In Russ.)
9. Malikova O. I., Zlatnikova M. A. State policy in the field of renewable energy development. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik = Public administration. Electronic Bulletin*. 2019;(72). (In Russ.)

Информация об авторах

Т. В. Мартыненко – докт. экон. наук, проф. кафедры экономической теории и предпринимательства;
В. Д. Коноплева – студ. факультета управления.

Information about the authors

T. V. Martynenko – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship;
V. D. Konopleva – Student of Management Faculty.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.01.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 17.02.2022.

The article was submitted 29.01.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 17.02.2022.

Научная статья
УДК 331.2
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-133-143

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРАБОТКИ ГИБКИХ СИСТЕМ ОПЛАТЫ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Лариса Григорьевна Миляева

Бийский технологический институт Алтайского государственного технического университета
им. И. И. Ползунова, Бийск, Россия, lgm@bti.secna.ru

Аннотация. В статье акцентированы существенные моменты гибких систем оплаты труда; представлена технология их разработки, ориентированная на учет и оценку параметров квалификации (полномочия, ответственность, знания, умения), фиксируемых в профессиональных стандартах. Предложен оригинальный подход к разработке профильных сеток квалификационного уровня, базирующийся на обосновании ключевых дифференциаторов и вариативных признаков анализируемых параметров квалификации; разработан типовой формат интегральной квалификационной сетки. В качестве критерия распределения коллективного фонда оплаты труда обоснован коэффициент индивидуальной результативности работника, отражающий квалификационный уровень его функционала (трудовых функций и действий), качество труда и отработанное за расчетный период рабочее время. Предложена методика расчета индивидуального заработка и оценки относительно выигрыша (или проигрыша) работника в условиях полного (или частичного) использования его трудового потенциала, проиллюстрированная на условном примере.

Ключевые слова: гибкая система оплаты труда, профессиональный стандарт, ключевые дифференциаторы заработной платы, вариативные признаки, параметры квалификационного уровня, комплексная характеристика квалификационной сетки, коэффициент индивидуальной результативности труда, уровень использования трудового потенциала, методический инструментарий

Для цитирования: Миляева Л. Г. Технология разработки гибких систем оплаты труда в условиях внедрения профессиональных стандартов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 133-143. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-133-143>.

Original article

TECHNOLOGY FOR DEVELOPING FLEXIBLE PAY SYSTEMS IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL STANDARDS

Larisa G. Milyaeva

Biysk Technological Institute of Altai State Technical University named after I. I. Polzunov, Biysk, Russia, lgm@bti.secna.ru

Abstract. The article highlights the essential aspects of flexible wage systems; technology for their development is presented, focused on accounting and evaluation of qualification parameters (powers, responsibilities, knowledge, skills) recorded in professional standards. The original approach to development of profile grids of qualification level based on substantiation of key differentiators and variable features of analysed qualification parameters is proposed; standard format of integral qualification grid has been developed. As a criterion for the distribution of the collective wage fund, the employee's individual performance coefficient is justified, reflecting the qualification level of his functionality (labor functions and actions), the quality of work and the working time worked during the calculated period. The method of calculating individual earnings and estimating relative gain (or loss) of an employee in conditions of full (or partial) use of his labour potential, illustrated on a conditional example, is proposed.

Keywords: flexible wage system, professional standard, key wage differentiators, variable characteristics qualification level parameters, complex characteristic of qualification grid, individual performance factor, the level of labour potential utilization, methodological toolkit.

For citation: Milyaeva L. G. Technology for developing flexible pay systems in the context of professional standards. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):133–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-133-143>.

Не секрет, что важнейшим стимулом повышения результативности и эффективности труда наемных работников был и остается достойный уровень заработной платы, ассоциируемый с ее размером и справедливым способом начисления [1–3]. Не случайно проблема усиления воспроизводственной и стимулирующей функций заработной платы неизменно относится к числу важнейших социально-экономических проблем.

Своеобразным откликом российских ученых на насущные потребности хозяйствующих субъектов можно считать неформальный интерес к зарубежному опыту (в частности, японскому и американскому) функционирования бестарифных систем оплаты, усилившийся в конце 90-х – начале нулевых годов. Логическим следствием отмеченного обстоятельства выступили разработанные отечественными специалистами-трудоустроителями и успешно внедренные в практику персонал-менеджмента различного типа предприятий (организаций) гибкие системы оплаты труда (ГСОТ) [4–7]. Несмотря на нюансы, касающиеся технологий оценки результативности труда, предложенные варианты ГСОТ опирались на три принципиальных момента, формирующих их сущностную основу. В частности, такие, как:

1) во-первых, прямо пропорциональная зависимость коллективного фонда оплаты труда персонала от результативности работы предприятия и рыночного спроса на выпускаемую им продукцию, то есть, от объема продукции, реализованной за расчетный период;

2) во-вторых, доленое, адекватное личному трудовому вкладу, распределение коллективного фонда оплаты труда между работниками предприятия (его структурных подразделений);

3) в-третьих, использование для оценки личного трудового вклада работника совокупности коэффициентов, учитывающих стаж, квалификацию, профессиональное мастерство, внутрифирменную значимость работника, его способность достичь определенных текущих и перспективных целей.

Несомненно, реалии экономического развития вносят коррективы в систему оценки персонала (оценки индивидуальной результативности труда) и, соответственно, в технологию распределения коллективного заработка персонала предприятия (структурных подразделений). Например, в условиях инновационной экономики важной составляющей конкурентоспособности работника выступает уровень его мотивации к инновационной деятельности [8]. В условиях пандемии коронавируса для комплексной оценки персонала предлагается использовать рычаги двух типов [9]: стимулирующие, отражающие уровни конкурентоспособности и лояльности работников, и регулирующие (маржинальные), обосновывающие ранг трудоустройства в зависимости от предпочтительности формы занятости и режима работы.

Безусловно, ключевой составляющей комплексной оценки любого наемного работника выступает уровень квалификации. Представляется, что в условиях широкомасштабного внедрения в практику персонал-менеджмента профессиональных стандартов методика оценки индивидуальной результативности работников должна опираться на технологию, используемую для оценки квалификационного уровня обобщенных трудовых функций (соответственно, трудовых функций и трудовых действий).

В соответствии с Постановлением РФ от 22 января 2013 г. № 23 (далее – Постановление) при разработке профессиональных стандартов возможно выделение 9 уровней квалификации по результатам критического анализа 4 критериальных показателей, таких как: полномочия; ответственность; характер умений; характер знаний. Поскольку 9-й уровень сопряжен с достижением квалификационных параметров на уровне отрасли (и/или крупных технических систем), на уровне хозяйствующего субъекта логично формировать восьмиуровневую сетку.

Очевидно, что выявленный интегральный уровень квалификации будет представлять результирующую величину частных уровней, идентичных отмеченным критериальным показателям.

Выявление достигнутых частных уровней сопряжено с последовательным выполнением ряда этапов, реализацию которых проиллюстрируем на соответствующих примерах.

1. Первый этап – выявление ключевых дифференциаторов анализируемого квалификационного параметра.

По результатам критического анализа Постановления можно выделить два дифференциатора полномочий:

- деятельность под руководством (ДР);
- самостоятельная деятельность (СР).

2. Второй этап – обоснование по каждому дифференциатору вариативного признака и, соответственно, его градаций.

Вариативным признаком деятельности под руководством выступает различная степень самостоятельности, обуславливающая 4 градации:

- ДРН – деятельность под руководством с нулевым уровнем самостоятельности;
- ДРС^М – деятельность под руководством с минимальным уровнем самостоятельности;
- ДРС^{СР} – деятельность под руководством со средним уровнем самостоятельности;
- ДРС^В – деятельность под руководством с высоким уровнем самостоятельности.

Вариативным признаком дифференциатора «самостоятельная деятельность» выступает характер решаемых задач, обуславливающий на уровне хозяйствующего субъекта следующие градации:

- СДРЗ^Т – самостоятельная деятельность, сопряженная с решением типовых задач;
- СДРЗ^{ПА^С} – самостоятельная деятельность, сопряженная с решением практических задач и анализом ситуации;
- СДРЗ^{ТУСП} – самостоятельная деятельность, сопряженная с решением текущих управленческих задач на уровне структурных подразделений;
- СДРЗ^{ТУВ} – самостоятельная деятельность, сопряженная с решением текущих управленческих задач по обеспечению взаимодействия сотрудников и смежных подразделений предприятия;
- СДРЗ^{ТУП} – самостоятельная деятельность, сопряженная с решением текущих управленческих задач на уровне предприятия;
- СДРЗ^{СУСП} – самостоятельная деятельность, сопряженная с решением задач по обоснованию стратегии управления структурными подразделениями;
- СДРЗ^{СУП} – самостоятельная деятельность, сопряженная с решением задач по обоснованию стратегии управления предприятием.

3. Третий этап – обоснование характера и темпа нарастания балльных оценок полномочий (B_i^{II}), определяющего соотношение в оплате труда по данному квалификационному признаку. Известно, что возможны следующие варианты:

- прогрессивный характер нарастания B_i^{II} ;
- регрессивный характер нарастания B_i^{II} ;
- постоянный характер нарастания B_i^{II} ;
- смешанный характер нарастания B_i^{II} .

Принципиальным моментом является однобалльная оценка любого параметра квалификации (полномочий, ответственности, умений, знаний), отнесенного к 1-му уровню.

Если, допустим, будет утверждена квалификационная сетка с постоянным, равным 10%, темпом нарастания балльных оценок полномочий, нетрудно подсчитать: $B_1^{II} = 1,00$; $B_2^{II} = 1,10$; $B_3^{II} = 1,21$; $B_4^{II} = 1,33$; $B_5^{II} = 1,46$; $B_6^{II} = 1,61$; $B_7^{II} = 1,77$; $B_8^{II} = 1,95$.

4. Четвертый этап – соотнесение обоснованных вариативных градаций с уровнями квалификации – формирование сетки дифференциации оплаты труда от уровня полномочий (табл. 1).

Безусловно, реализация третьего и четвертого этапов относится к прерогативе экспертной комиссии, в состав которой должны входить ведущие специалисты службы управления персоналом предприятия (организации), хорошо знакомые с должностным функционалом. Ориентируясь на составленную сетку (табл. 1), правомерно выделить несколько равноценных по квалификации градаций полномочий:

- 3-го уровня (ДРС^{СР} и СДРЗ^Т);
- 4-го уровня (ДРС^В и СДРЗ^{ПА^С});
- 6-го уровня (СДРЗ^{ТУВ} и СДРЗ^{ТУП}).

Таблица 1 – Сетка дифференциации оплаты труда от уровня полномочий (условный пример)

Table 1 - Wage differentiation grid from authorization level (conditional example)

Градации полномочий	Уровни квалификации (балльные оценки полномочий)							
	1 (1,00)	2 (1,10)	3 (1,21)	4 (1,33)	5 (1,46)	6 (1,61)	7 (1,77)	8 (1,95)
ДРН	X							
ДРС ^М		X						
ДРС ^{СР}			X					
ДРС ^В				X				
СДРЗ ^Т			X					
СДРЗ ^{ПАС}				X				
СДРЗ ^{ТУСП}					X			
СДРЗ ^{ТУВ}						X		
СДРЗ ^{ТУП}						X		
СДРЗ ^{СУСП}							X	
СДРЗ ^{СУП}								X

В качестве вариативного признака второго анализируемого параметра выступает уровень ответственности, обосновывающий на уровне хозяйствующего субъекта следующие градации, соотнесенные с уровнями квалификации:

- 1) ОТ^{ИД} – ответственность за индивидуальную деятельность;
- 2) ОТ^{КДГ} – косвенная ответственность за результаты деятельности группы;
- 3) ОТ^{ПДГ} – прямая ответственность за результаты деятельности группы;
- 4) ОТ^{НТК} – ответственность за результаты работы небольшого трудового коллектива;
- 5) ОТ^{СТК} – ответственность за результаты работы среднего трудового коллектива;
- 6) ОТ^{СМТК} – ответственность за результаты работы смежных трудовых коллективов;
- 7) ОТ^{СП} – ответственность за результаты работы структурных подразделений;
- 8) ОТ^П – ответственность за результаты работы предприятия.

Если эксперты сочтут квалификационные параметры «полномочий» и «ответственности» равнозначными, балльные оценки ответственности будут идентичны представленным ранее: $B_1^{OT} = 1,00$; $B_2^{OT} = 1,10$; $B_3^{OT} = 1,21$; $B_4^{OT} = 1,33$; $B_5^{OT} = 1,46$; $B_6^{OT} = 1,61$; $B_7^{OT} = 1,77$; $B_8^{OT} = 1,95$. Предположим, что экспертной комиссией была утверждена квалификационная сетка с постоянным, равным 15%, темпом нарастания балльных оценок ответственности, обосновавшая следующие параметры: $B_1^{OT} = 1,00$; $B_2^{OT} = 1,15$; $B_3^{OT} = 1,32$; $B_4^{OT} = 1,52$; $B_5^{OT} = 1,75$; $B_6^{OT} = 2,00$; $B_7^{OT} = 2,30$; $B_8^{OT} = 2,65$.

Критический анализ Постановления позволяет выделить два ключевых дифференциатора умений (табл. 2):

- выбор способа действия (ВСД);
- решение задач (РЗ).

Вариативные градации первого дифференциатора умений (на уровне хозяйствующего субъекта) правомерно представить следующим образом:

ВСД^{НЕТ} – выбор способа действия отсутствует, что предполагает выполнение стандартных заданий, как правило, в сфере физического труда;

ВСД^И – выбор способа действия по инструкции;

ВСД^{ПО} – выбор способа действия на основе практического опыта;

ВСД^{ЗН} – выбор способа действия на основе знаний;

ВСД^{ИУРС} – выбор способа действия в изменяющихся условиях рабочей ситуации.

Вариативными градациями второго дифференциатора умений выступают:

РЗ^{ТП} – решение типовых практических задач;

РЗ^{ЭП} – решение практических задач с элементами проектирования;

РЗ^{КОПД} – решение задач, сопряженных с контролем и оценкой профессиональной деятельности;

РЗ^{РПД} – решение задач в сфере развития профессиональной деятельности;

РЗ^{НМ} – решение задач, сопряженных с разработкой новых методов и технологий;

РЗ^{ПЭП} – решение задач исследовательского и проектного характера, связанных с повышением эффективности процессов.

Таблица 2 – Сетка дифференциации оплаты труда от уровня умений
(условный пример)

Table 2 – Wage differentiation grid from skill level (conditional example)

Градации умений	Уровни квалификации (балльные оценки умений)							
	1 (1,00)	2 (1,10)	3 (1,27)	4 (1,52)	5 (1,90)	6 (2,47)	7 (3,33)	8 (4,66)
ВСД _{НЕТ}	X							
ВСД _И		X						
ВСД _{ПО}			X					
ВСД _{ЗН}				X				
ВСД _{ИУРС}					X			
РЗ _{ТП}		X	X	X				
РЗ _{ЭП}					X			
РЗ _{КОПД}						X		
РЗ _{РПД}						X	X	
РЗ _{НМ}							X	X
РЗ _{ПЭП}								X

Если экспертной комиссией будет утвержден прогрессивный характер нарастания балльных оценок умений (10%; 15%; 20%; 25%; 30%; 35%; 40%), сетка дифференциации оплаты труда (таблица 2) будет аккумулировать следующие величины: $B_1^{VM} = 1,00$; $B_2^{VM} = 1,10$; $B_3^{VM} = 1,27$; $B_4^{VM} = 1,52$; $B_5^{VM} = 1,90$; $B_6^{OT} = 2,47$; $B_7^{OT} = 3,33$; $B_8^{OT} = 4,66$.

По результатам анализа Постановления правомерно выделить четыре дифференциатора знаний со следующими вариативными градациями на уровне хозяйствующего субъекта:

1. Применение знаний (ПЗ):

ПЗ^Э – применение элементарных знаний;

ПЗ^Ф – применение фактических знаний, обусловленных накопленным опытом;

ПЗ^С – применение специальных знаний.

2. Понимание основ (П):

П^{ТО} – понимание технологических основ решения практических задач;

П^{НТО} – понимание научно-технических основ решения практических задач;

П^{МОПЗ} – понимание методических основ решения практических задач;

П^{МОПД} – понимание методических основ профессиональной деятельности.

3. Самостоятельность в работе с информацией (С):

С^{РИ} – самостоятельная работа с предоставленной информацией;

С^{ППИ} – самостоятельный поиск профессиональной информации;

С^{АПИ} – самостоятельный анализ профессиональной информации;

С^{ОИ} – самостоятельный отбор и оценка информации, необходимой для развития области деятельности.

4. Создание новых знаний (СНЗ):

СНЗ^{ПХ} – создание новых знаний прикладного характера в определенной области;

СНЗ^{ДХ} – создание новых знаний дисциплинарного (профильного) характера;

СНЗ^{МД} – создание новых знаний междисциплинарного характера.

При утверждении прогрессивного характера нарастания балльных оценок знаний (допустим, 20%; 25%; 30%; 40%; 47%; 55%; 60%), сетка дифференциации оплаты труда, составленная по аналогии (таблицы 1-2), будет аккумулировать следующие значения: $B_1^{3H} = 1,00$; $B_2^{3H} = 1,20$; $B_3^{VM} = 1,50$; $B_4^{VM} = 1,95$; $B_5^{VM} = 2,73$; $B_6^{OT} = 4,00$; $B_7^{OT} = 6,20$; $B_8^{OT} = 9,92$.

Важный этап предлагаемой методики сопряжен с формированием сетки, аккумулирующей коэффициенты квалификационного уровня, обосновывающие итоговую (интегральную) дифференциацию заработной платы персонала предприятия (табл. 3).

Таблица 3 – Сетка коэффициентов квалификационного уровня (условный пример)

Table 3 – Qualification level coefficient grid (conditional example)

Параметры сетки	Уровни квалификации							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Оценка полномочий ($B_i^П$)	1,00	1,10	1,21	1,33	1,46	1,61	1,77	1,95
Оценка ответственности (B_i^{OT})	1,00	1,15	1,32	1,52	1,75	2,00	2,30	2,65
Оценка умений (B_i^{YM})	1,00	1,10	1,27	1,52	1,90	2,47	3,33	4,66
Оценка знаний (B_i^{ZH})	1,00	1,20	1,50	1,95	2,73	4,00	6,20	9,92
Оценка квалификации (B_i^{KB})	4,00	4,55	5,30	6,32	7,84	10,08	13,60	19,18
Доля полномочий ($d\Pi_i^П$), %	25,0	24,2	22,8	21,0	18,6	16,0	13,0	10,2
Доля ответственности, %	25,0	25,2	24,9	24,0	22,3	19,8	16,9	13,8
Доля умений ($d\Pi_i^{YM}$), %	25,0	24,2	24,0	24,0	24,3	24,5	24,5	24,3
Доля знаний ($d\Pi_i^{ZH}$), %	25,0	26,4	28,3	31,0	34,8	39,7	45,6	51,7
Коэффициент КУ (K_i^{KV})	1,00	1,14	1,33	1,58	1,96	2,52	3,40	4,80
Абсолютное увеличение K_i^{KV}	—	0,14	0,19	0,25	0,38	0,56	0,88	1,40
Относительное увеличение K_i^{KV}	—	14,0	16,7	18,8	24,1	28,6	34,9	41,2

Представляется, что балльная оценка квалификации, рассчитываемая в разрезе квалификационных уровней, определяется суммированием балльных оценок соответствующих параметров (полномочий, ответственности, умений, знаний): $B_i^{KB} = B_i^П + B_i^{OT} + B_i^{YM} + B_i^{ZH}$.

Коэффициент квалификационного уровня (K_i^{KV}), по сути, представляет нормированное значение балльной оценки квалификации (по отношению к 4,00 баллам, соответствующим 1-му уровню):

$$K_i^{KV} = \frac{B_i^{KB}}{B_1^{KB}} = \frac{B_i^{KB}}{4,00}.$$

Важным методическим аспектом является оценка структуры квалификации, выполняемая в разрезе уровней.

Доля параметра «полномочия»:

$$d\Pi_i^П = \frac{B_i^П}{B_i^{KB}} \times 100$$

Доля параметра «ответственность»:

$$d\Pi_i^{OT} = \frac{B_i^{OT}}{B_i^{KB}} \times 100$$

Доля параметра «умения»:

$$d\Pi_i^{YM} = \frac{B_i^{YM}}{B_i^{KB}} \times 100$$

Доля параметра «знания»:

$$d\Pi_i^{3H} = \frac{B_i^{3H}}{B_i^{KB}} \times 100$$

Очевидно, что совокупность долевых составляющих уровня квалификации составляет 100%.

Следующим этапом методики является составление комплексной характеристики сетки (табл. 3), базирующейся на анализе:

1. Структуры квалификации ($d\Pi_i^{\Pi}$; $d\Pi_i^{OT}$; $d\Pi_i^{VM}$; $d\Pi_i^{3H}$).

$$\frac{K_8^{KB}}{K_1^{KB}}$$

2. Длины сетки (K_1^{KB}), определяющей соотношение в оплате труда работника последнего (8-го)

и 1-го квалификационных уровней.

3. Характера нарастания коэффициентов квалификационного уровня абсолютного

$$\left(\Delta K_i^{KB} = K_i^{KB} - K_{i-1}^{KB} \right) \text{ и относительного } \left(\frac{\Delta K_i^{KB}}{K_{i-1}^{KB}} \times 100\% \right).$$

Комплексную характеристику квалификационной сетки целесообразно «проэкспертировать» путем проведения анкетирования респондентов – работников предприятия, выполняющих трудовые функции различного уровня квалификации.

Каждый респондент, уточнив свои параметрические характеристики (пол, возраст, должность и/или профессию, полномочия, ответственность, уровень умений и знаний), должен ответить на ряд вопросов Анкеты.

1. Оценить длину квалификационной сетки (по сути, соотношение максимального и минимального уровней заработной платы), отметив одну из градаций:

- а) полностью согласен;
- б) в большей степени согласен;
- в) наполовину согласен;
- г) в большей степени не согласен;
- д) полностью не согласен.

Безусловно, описательные характеристики градаций могут отличаться от предлагаемых. Принципиально, чтобы они отражали противоположные мнения респондентов (от полного одобрения до безусловного неприятия).

2. В случае выбора при ответе на первый вопрос любого варианта кроме первого («а»), обосновать справедливую, по мнению респондентов, длину квалификационной сетки.

3. Оценить в тех же градациях, что и при ответе на первый вопрос, структуру квалификации, а, по сути, вклад каждого квалификационного параметра (полномочий, ответственности, знаний и умений) в дифференциацию уровня заработной платы.

4. В случае выбора при ответе на третий вопрос любого варианта кроме первого («а»), обосновать справедливую, по мнению респондентов, структуру квалификации:

- долю полномочий ($d\Pi_i^{\Pi}$);
- долю ответственности ($d\Pi_i^{OT}$);
- долю умений ($d\Pi_i^{VM}$);
- долю знаний ($d\Pi_i^{3H}$).

5. Оценить в тех же градациях, что и при ответах на первый и третий вопросы, характер и темп абсолютного (в долях единицы) и относительного (в %) нарастания коэффициентов квалификационного уровня.

6. Аналогично, в случае выбора при ответе на пятый вопрос любого варианта кроме первого («а»), обосновать справедливые параметры (характер и темп нарастания) коэффициентов квалификационного уровня.

При обработке результатов анкетирования целесообразно использовать метод балльных оценок:

- 5 баллов (полностью согласен);
- 4 балла (в большей степени согласен);
- 3 балла (наполовину согласен);
- 2 балла (в большей степени не согласен);
- 1 балл (полностью не согласен).

Обработка материалов опросной статистики, выполняемая в разрезе квалификационных групп, проводится по двум направлениям, выделяемым по однородности вопросов: первое направление (вопросы № 1, 3, 5) и второе направление (вопросы № 2, 4, 6).

В рамках первого направления (по каждому вопросу):

1. Рассчитывается средняя балльная оценка (BO_i^{CP}).
2. Определяется уровень согласия респондента с экспертной оценкой:

$$Y_i^{COGL} = \frac{BO_i^{CP}}{BO^{MAX}} = \frac{BO_i^{CP}}{5}.$$

Уровень согласия гипотетически может находиться в нормированном интервале от 0,20 до 1,00, предполагающем выделение следующих градаций:

- полный (стоцентный) уровень, равный 1,00, не требующий корректировки результатов экспертных оценок;
- высокий уровень (от 1,00 до 0,80), требующий незначительной корректировки результатов экспертных оценок;
- средний уровень (от 0,79 до 0,60), требующий ощутимой корректировки результатов экспертных оценок по результатам выборочного глубокого интервьюирования респондентов;
- низкий уровень (от 0,59 до 0,20), требующий проведения критического анализа сложившейся ситуации, повторного анкетирования и интервьюирования, и, как следствие, новой экспертной оценки параметров квалификации.

В рамках второго направления (также по каждому вопросу):

1. Выявляется справедливое (по мнению респондентов) значение анализируемого параметра.
2. Устанавливается степень отклонения «справедливого» значения от «экспертного» с выделением градаций:
 - незначительное отклонение;
 - ощутимое, но не критическое отклонение;
 - критическое отклонение.

Представляется, что второе направление выступает как проверочное (контрольное) по отношению к первому. Логично, если высокому уровню согласия (результаты ответов на вопросы № 1, 3, 5) соответствует незначительное отклонение (результаты ответов на вопросы № 2, 4, 6); среднему уровню согласия – ощутимое, но не критическое отклонение; низкому уровню согласия – критическое отклонение. Но совершенно не логичны сочетания (ответы на вопросы 1-2, 3-4, 5-6):

- высокий уровень согласия и критическое отклонение;
- низкий уровень согласия и незначительное отклонение.

Итак, утвержденная (согласованная, откорректированная) сетка коэффициентов квалификационного уровня, допустим (таблица 3), является основой для расчета индивидуального заработка, представляющего при реализации гибких систем оплаты труда долевую часть коллективного фонда оплаты труда.

Между тем, практика реализации гибких систем оплаты труда (ГСОТ) выявила потребность в ежемесячной корректировке индивидуальных коэффициентов квалификационного уровня. В качестве уточняющих (корректирующих) показателей предлагается использовать два коэффициента:

1. Коэффициент отработанного времени, представляющий соотношение фактически отработанного за расчетный период рабочего времени и нормативного (планового):

$$K_i^{OB} = \frac{T_i^{\Phi}}{T^H} \leq 1.$$

2. Индивидуальный коэффициент качества труда (K_i^{KT}), ежемесячно выставляемый i-му работнику непосредственным начальником. Принципиально, что по аналогии с системой «РОСТ» [6], данный коэффициент не может быть больше единицы. Если за расчетный период работник не получил каких-либо нареканий, $K_i^{KT} = 1,00$; при противоположных обстоятельствах $K_i^{KT} < 1,00$.

Подчеркнем, K_i^{KT} не должен корректировать потенциальный заработок более, чем на 20% ($K_{\min}^{KT} = 0,80$).

С учетом отмеченных обстоятельств коэффициент индивидуальной результативности труда i -го работника рассчитывается по формуле:

$$K_i^{PE3} = K_i^{KV} \times K_i^{OB} \times K_i^{KT}.$$

Зарплату i -го работника ($ЗП_i$), представляющий долевую часть коллективного фонда оплаты труда (ΦOT_K), выделяемую ему в соответствии с достигнутой индивидуальной результативностью труда (K_i^{PE3}), составит:

$$ЗП_i = \frac{\Phi OT_K \times K_i^{KV} \times K_i^{OB} \times K_i^{KT}}{\sum_{i=1}^n K_i^{KV} \times K_i^{OB} \times K_i^{KT}} = \frac{\Phi OT_K \times K_i^{PE3}}{\sum_{i=1}^n K_i^{PE3}}.$$

Очевидно, если i -й работник по какой-то причине не отработал нормативное рабочее время ($K_i^{OB} < 1,00$) и/или получил за расчетный период определенное нарекание ($K_i^{KT} < 1,00$), коэффициент индивидуальной результативности (K_i^{PE3}) будет меньше гипотетически максимально возможного значения, равного обоснованной величине коэффициента квалификационного уровня (K_i^{KV}).

Подчеркнем, что по соотношению указанных коэффициентов можно судить об уровне использования трудового потенциала i -го работника:

$$У_i^{ТП} = \frac{K_i^{PE3}}{K_i^{KB}} \leq 1,00.$$

Представляется, что работники с уровнем использования трудового потенциала меньше единицы окажутся в относительном проигрыше, соответственно, работники, полностью использовавшие свой трудовой потенциал, получают относительный выигрыш.

Отмеченное обстоятельство целесообразно проиллюстрировать на условном примере. Допустим, что персонал анализируемого структурного подразделения модельного предприятия формируют пять работников, условно обозначенных буквенной символикой, имеющих квалификационный уровень от 4 до 8: А (4-й); Б (5-й); В (6-й); Г (7-й); Д (8-й). Согласно утвержденной сетке (таблица 3) коэффициенты квалификационных уровней равны:

$$K_A^{KV} = 1,58; K_B^{KV} = 1,96; K_C^{KV} = 2,52; K_D^{KB} = 3,40; K_E^{KB} = 4,80.$$

За расчетный месяц коллективный фонд оплаты труда персонала структурного подразделения (ΦOT_K) составил 213900 руб. Рассчитать индивидуальный заработок работников при реализации двух ситуаций:

1. Все работники полностью реализовали за расчетный период свой трудовой потенциал ($K_i^{PE3} = K_i^{KB}$).

2. Часть работников не полностью за расчетный период реализовали свой трудовой потенциал ($У_B^{ТП} = 0,90; У_G^{ТП} = 0,75$).

Индивидуальный заработок при реализации первой ситуации:

$$ЗП_A = \frac{213900 \times 1,58}{(1,58 + 1,96 + 2,52 + 3,40 + 4,80)} = \frac{213900 \times 1,58}{14,26} = 23700 \text{ (руб.)};$$

$$ЗП_B = \frac{213900 \times 1,96}{14,26} = 29400 \text{ (руб.)};$$

$$ЗП_B = \frac{213900 \times 2,52}{14,26} = 37800 \quad (\text{руб.});$$

$$ЗП_Г = \frac{213900 \times 3,40}{14,26} = 51000 \quad (\text{руб.});$$

$$ЗП_Д = \frac{213900 \times 4,80}{14,26} = 72000 \quad (\text{руб.}).$$

Индивидуальный заработок при реализации второй ситуации:

$$ЗП_A = \frac{213900 \times 1,58}{(1,58 + 1,96 + 2,52 \times 0,90 + 3,40 \times 0,75 + 4,80)} = \frac{213900 \times 1,58}{13,158} = 25685 \quad (\text{руб.});$$

$$ЗП_Б = \frac{213900 \times 1,96}{13,158} = 31862 \quad (\text{руб.});$$

$$ЗП_В = \frac{213900 \times 2,52 \times 0,90}{13,158} = 36869 \quad (\text{руб.});$$

$$ЗП_Г = \frac{213900 \times 3,40 \times 0,75}{13,158} = 41453 \quad (\text{руб.});$$

$$ЗП_Д = \frac{213900 \times 4,80}{13,158} = 78031 \quad (\text{руб.}).$$

Выигрыш в заработной плате получают работники А, Б, Д:

$$В_A^{ЗП} = 25685 - 23700 = 1985 \quad (\text{руб.});$$

$$В_Б^{ЗП} = 31862 - 29400 = 2462 \quad (\text{руб.});$$

$$В_Д^{ЗП} = 78031 - 72000 = 6031 \quad (\text{руб.}).$$

Соответственно, проигрыш в заработной плате получают работники В и Г, не сумевшие полностью реализовать свой трудовой потенциал:

$$П_В^{ЗП} = 36869 - 37800 = -931 \quad (\text{руб.});$$

$$П_Г^{ЗП} = 41453 - 51000 = -9547 \quad (\text{руб.}).$$

Итак, систематизировав представленный материал, представляется целесообразным структурировать основные этапы разработки гибкой системы оплаты труда в условиях реализации профессиональных стандартов:

1. Обоснование ключевых дифференциаторов и вариативных признаков заработной платы по параметрам, формирующим уровень квалификации персонала хозяйствующего субъекта.
2. Формирование сетки коэффициентов квалификационного уровня (таблица 3).
3. Критический анализ основных параметрических характеристик сетки коэффициентов квалификационного уровня.
4. Корректировка по результатам опросной статистики респондентов (работников предприятия) и повторной экспертной оценки основных параметрических характеристик сетки коэффициентов квалификационного уровня.
5. Утверждение сетки коэффициентов квалификационного уровня.
6. Расчет индивидуального заработка работников предприятия.
7. Выявление по итогам работы за расчетный период относительного проигрыша в заработной плате, обусловленного отклонением коэффициента результативности от коэффициента квалификационного уровня, то есть, недоиспользованием трудового потенциала работника.

Представляется, что типовой характер предложенной методики разработки гибкой системы оплаты труда, ориентированной на широкомасштабное внедрение профессиональных стандартов, учитывающей особенности текущего этапа развития экономики, обуславливает правомерность ее тиражирования в профильных изданиях.

Список источников

1. Антропов В. А., Зеленская Л. М. Заработная плата в системе мотивации труда персонала организации // Экономика региона. 2009. № 4 (20). С. 75-81.
2. Кирилина О. Н. Роль мотивации в управлении персоналом // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 3 (14), С. 51-56.
3. Гордеева Е. В., Севостьянова Ю. С. Мотивация как важнейший фактор повышения эффективности системы управления персоналом организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 11-1 (69). С.226-229.
4. Белкин В., Белкина Н. Внедряем новый механизм оценки и платы труда // Человек и труд. 1997. №6. С. 101-104.
5. Волгин Н., Валь Е. ВИЛАР: мотивационная основа эффективного труда // Человек и труд. 2000. № 4. С. 75-79.
6. Колотушкин В., Белкин В., Белкина Н. Система "РОСТ" в действии // Социальная защита. 2001. №3. С. 3-10.
7. Оганесян А.С., Оганесян И.А Оплата труда работников предприятий // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. №1. С. 23-32.
8. Миляева Л. Г., Фомина С. А. Стимулирующая модель оплаты труда персонала инновационных организаций // Инновации. 2007. № 7 (105). С.93-97.
9. Миляева Л. Г. Технология разработки эффективных систем оплаты труда, адекватных сложившейся реальности // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2021. № 4. С. 20-24.

References

1. Antropov V. A., Zelenskaya L. M. Wages in the organization's staff motivation system. *Ekonomika regiona = Economics of the region*. 2009;4(20):75-81. (In Russ.)
2. Kirilina O. N. Role of motivation in personnel management. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii = Business education in knowledge economics*. 2019;3(14):51-56. (In Russ.)
3. Gordeeva E. V., Sevostyanova Yu. S. Motivation as the most important factor in improving the efficiency of the organization's personnel management system. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and business: theory and practice*. 2020;11-1(69):226-229. (In Russ.)
4. Belkin V., Belkina N. We are introducing a new mechanism for assessing and paying labor. *Chelovek i trud = Man and labor*. 1997;(6):101-104. (In Russ.)
5. Volgin N., Val E. VILAR: the motivational basis for effective work. *Chelovek i trud = Man and labor*. 2000;(4):75-79. (In Russ.)
6. Kolotushkin V., Belkin V., Belkina N. The system "GROWTH" in action. *Sotsial'naya zashchita = Social protection*. 2001;(3):3-10. (In Russ.)
7. Hovhannisyanyan A. C., Hovhannisyanyan I. A. Remuneration of employees of enterprises. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom = Management in Russia and abroad*. 2002;(1):23-32. (In Russ.)
8. Milyaeva L. G., Fomina S. A. Stimulating model of remuneration of staff of innovative organizations. *Innovatsii = Innovations*. 2007;7(105):93-97. (In Russ.)
9. Milyaeva L. G. Technology for the development of effective wage systems that are adequate to the established reality. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii = Management of personnel and intellectual resources in Russia*. 2021;(4):20-24. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. Г. Миляева – докт. экон. наук, проф.

Information about the author

L. G. Milyaeva – Doctor of Economic Sciences, Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 27.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 27.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.

Научная статья

УДК 338.24.01

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-144-150

ОСОБАЯ РОЛЬ КОМИТЕТА ПО УПРАВЛЕНИЮ РИСКАМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Григорий Георгиевич Сидоренко¹, Дмитрий Сергеевич Термосесов²

^{1,2}Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ggsidorenko@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5174-1234>

²dtermosesov@gmail.com

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению аспектов создания и функционирования комитета по управлению рисками в организациях топливно-энергетического комплекса Российской Федерации на основе анализа их функций и фундаментальных принципов. Целью исследования является установление роли комитета по управлению рисками в российских компаниях и выявление существующих факторов, влияющих на их эффективность.

Ключевые слова: риск, управление рисками, система управления рисками, комитет по управлению рисками, деятельность организации

Для цитирования: Сидоренко Г. Г., Термосесов Д. С. Особая роль комитета по управлению рисками в организациях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 144–150. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-144-150>.

Problems of Economics

Original article

THE SPECIAL ROLE OF THE RISK COMMITTEE IN ORGANIZATIONS

Grigory G. Sidorenko¹, Dmitriy S. Termosesov²

^{1,2}Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ggsidorenko@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5174-1234>

²dtermosesov@gmail.com

Abstract. This study is devoted to the study of aspects of the creation and functioning of the risk committee in organizations of the fuel and energy complex of the Russian Federation based on an analysis of their functions and fundamental principles. The purpose of the study is to establish the role of the risk management committee in Russian companies and to identify existing factors that affect their effectiveness.

Keywords: risk, risk management, risk management system, risk committee, organization activity

For citation: Sidorenko G. G., Termosesov D. S. The special role of the risk committee in organizations. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):144–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-144-150>.

В настоящее время в мире сложилась ситуация полной неопределенности: финансовые рынки стали вести себя непредсказуемо, различные государства вводят новые локдауны, появляются новые штаммы коронавируса, постоянно напряженные отношения на мировой политической арене, цены на нефть в апреле 2020 года пересекли нулевой порог в первые в истории и другое.

Все эти события характеризуют сильную неопределенность в мире, в такой ситуации возникает множество новых рисков, которые компаниям нельзя не учитывать при принятии управленческих решений. Поэтому компаниям необходима эффективная система управления рисками, которая построена в соответствии с международными стандартами: ISO¹, COSO², FERMA³ и другими.

© Сидоренко Г. Г., Термосесов Д. С., 2022

¹ ГОСТ Р ИСО 31000-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Принципы и руководство

² Управление рисками: Правила игры меняются // Deloitte URL:

<https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/risk/russian/rules-of-game-changing.pdf> (дата обращения: 26.11.2021)

³ Стандарты управления рисками // Federation of European Risk Management Associations URL: <https://www.ferma.eu/app/uploads/2011/11/a-risk-management-standard-russian-version.pdf> (дата обращения: 26.11.2021)

Одной из ключевых функций системы управления рисками организации является информационное сопровождение принятия решений в компании, а в публичных акционерных обществах комитет по управлению рисками является связующим звеном между Советом директоров и системой управления рисками, поэтому данный комитет является необходимым для эффективной работы системы управления рисками.¹

Международная консалтинговая и аудиторская компания Deloitte в своем документе Risk Committee Resource Guide, разработанным в связи с повышенным интересом компаний США к созданию комитетов по управлению рисками при Совете директоров, представляет компоненты системы управления рисками, представленные на рис. 1.

Рис. 1. Компоненты системы управления рисками. Источник: составлено авторами
Fig. 1. Components of the risk management system. Source: compiled by the authors

Опираясь на схему, изображенную на рисунке, можно сделать вывод, что за всей системой управления рисками должен наблюдать надзорный орган. В компаниях им должен выступать комитет по управлению рисками.

Согласно данному документу, функции комитета по управлению рисками не ограничиваются лишь мониторингом, в его ведение должно быть утверждение общей структуры системы управления рисками, соизмеримой со структурной сложностью и направлением деятельности компании. Очень важно понимать факт того, что комитет по управлению рисками действует от имени Совета директоров, который в свою очередь является ответственным органом за утверждение политики управления рисками, а также окончательной структуры системы управления рисками.²

К функциям комитета по управлению рисками следует относить:

1. Мониторинг системы управления рисками: совет директоров может сам заниматься мониторингом систем управления рисками, но также может делегировать это комитету по управлению рисками или комитету по аудиту, которому обычно делегировалась данная функция. Например, Йоханнесбургская фондовая биржа предъявляет к эмитентам акций требования о делегировании данной функции именно комитету по управлению рисками, а не комитету по аудиту [0].

2. Обращение к риску и стратегии одновременно: оценка рисков является основополагающим фактором при разработке и утверждении стратегий, планов и управленческих решений в компании. Также принятие на себя риска и управление им вместо полного отказа от него для достижения целей по доходности компании.

¹ Информационное письмо Банка России от 01.10.2020 N ИН-06-28/143 "О рекомендациях по организации управления рисками, внутреннего контроля, внутреннего аудита, работы комитета совета директоров (наблюдательного совета) по аудиту в публичных акционерных обществах"

² Risk Committee Resource Guide // Deloitte URL:

https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiZ87CZitD0AhULCRAIHeRuDyIQFnoECAU-QAQ&url=https%3A%2F%2Fwww2.deloitte.com%2Fcontent%2Fdam%2FDeloitte%2Fza%2FDocuments%2Fgovernance-risk-compliance%2FZA_RiskCommitteeResourceGuideOnline2014_22052014.pdf&usg=AOvVaw1V-4kXovG3R04hCU1_NREC (дата обращения: 27.11.2021)

3. Утверждение политики и планов управления рисками: комитет по управлению рисками должен показывать, что он работает с рисками всесторонне. Это должно проявляться в разработке и применении политики и планов для систематического и дисциплинированного подхода к оценке и повышению эффективности деятельности системы по управлению рисками. Политика управления рисками должна быть разработана менеджментом хозяйствующего субъекта и утверждена комитетом по управлению рисками, так как данный документ является основным локальным нормативным актом в компании по управлению рисками.

4. Утверждение процесса выявления рисков: план по управлению рисками должен включать все подходы, применяемые в компании, для выявления рисков, а комитет по управлению рисками должен осуществлять мониторинг данного процесса.

5. Поддержание риск-аппетита и толерантности к риску: комитет по управлению рисками должен создавать, поддерживать и наблюдать за риск-культурой организации, риск-аппетитом, толерантностью к риску и использованием рисков на всех уровнях управления.

6. Мониторинг рисков: комитет по управлению рисками должен помогать с оценкой и мониторингом соответствия деятельности организации с установленными лимитами риска (риск-аппетитом).

7. Наблюдение за критическими рисками: комитет должен сам оценивать ключевые риски и уязвимости организации, а также стратегию менеджмента по управлению ими.

8. Оказание помощи Совету директоров со стратегией по рискам: комитет служит репозитарием информации и экспертов по вопросам, связанным с управлением рисками, в связи с чем в его функции должна входить помощь Совету директоров.

9. Создание риск-культуры в организации: комитет по управлению рисками должен выстраивать риск-культуру в организации на каждом уровне управления организацией.

10. Утверждение создания комитетов по управлению рисками в структурных подразделениях организации: иногда в некоторых структурных подразделениях необходимы собственные комитеты по управлению рисками, в таких случаях комитет при Совете директоров утверждает их создание, а также контролирует их деятельность.

11. Оказание помощи CEO (Chief Executive Officer – генеральный директор): в некоторых случаях CRO (Chief Risk Officer – риск-менеджер) оказывает содействие CEO в процессе управления рисками, однако вся ответственность за принятые управленческие решения лежит на CEO, а не CRO.

12. Консультирование с внешними экспертами: у комитета должен быть доступ к внешним экспертам в области риск-менеджмента в форме встреч, брифингов и тому подобное.

13. Мониторинг рисков информационных систем: комитету по управлению рисками может быть делегирована функция мониторинга рисков информационных систем. В этом случае именно комитет занимается оценкой соответствия информационных систем с целями и сложностью структуры организации.

14. Другие функции: в зависимости от специфики отрасли комитету могут быть делегированы дополнительные функции.

Помимо перечисленных выше функций комитет по управлению рисками может также заниматься некоторыми иными функциями, такими как:

1. Выявление недостатков системы управления рисками: так как комитет обладает возможностью всеобщего наблюдения за деятельностью системы управления рисками, у него больше возможности мониторинга, в рамках которого выявляются недостатки системы управления рисками, при выявлении которых разрабатываются мероприятия по их устранению и направляются нижестоящему менеджменту.

2. Требование отчетности по менеджменту рисков перед Советом директоров: комитет запрашивает у системы управления рисками отчетность в установленном комитетом порядке и предоставляет ее Совету директоров по их требованию.

3. Обеспечение системы управления рисками адекватным финансированием: комитет является единственным структурным подразделением, которое вправе влиять на финансирование системы управления рисками [2].

4. Рассмотрение планов антикризисного управления: комитет должен держать актуализированными планы по управлению кризисными ситуациями или рисками с высоким ущербом (черные лебеди) [3].

Комитет по управлению рисками должен обладать перечисленными выше функциями для эффективного построения взаимодействия между Советом директоров и системой управления рисками. Однако, помимо этого в организации должны реализоваться девять фундаментальных принципов.

Рассмотрим данные принципы более подробно:

1. установление единого определения понятия риска, которое включает как сохранение текущей стоимости бизнеса, так и создание новой стоимости;
2. создание единой системы управления рисками, которая построена в соответствии с международными стандартами и действует во всей организации;
3. четкое распределение как ответственности, так и полномочий по управлению рисками;
4. методологическая поддержка структурных подразделений при выполнении своих функций по управлению рисками;
5. объективная и полная оценка работы системы управления рисками для полной реализации их функций в этой сфере;
6. проектирование, создание и поддержание эффективной системы управления рисками топ-менеджментом;
7. ответственность за результаты своей деятельности, а также за риски, которые они берут на себя в соответствии с системой управления рисками, лежит на структурных подразделениях;
8. некоторые структурные подразделения, такие как финансовый отдел, бухгалтерия, IT-отдел, HR отдел и другие, влияют на деятельность всей организации в целом, поэтому они должны помогать другим подразделениям, для эффективной реализации программы по управлению рисками;
9. предоставление высшему менеджменту объективной оценки эффективности реализации программы по управлению рисками в организации компетентными подразделениями (риск-менеджмент, внутренний контроль и аудит, комплаенс).

Считается, что только при реализации данных девяти принципов в организации, а также при передаче перечисленных выше функций комитету по управлению рисками, может быть выстроена эффективная система управления рисками.

Рассмотрим функционирование комитетов по управлению рисками в организациях нефтегазовой отрасли Российской Федерации.

На практике, как было отмечено выше, зачастую функции комитета по управлению рисками передаются комитету по аудиту, что допускается, но не рекомендуется. Рассмотрим, как реализованы функции комитетов по управлению рисками в организациях нефтегазовой отрасли Российской Федерации.

Для начала рассмотрим компанию НОВАТЭК. Она является второй в России по добыче природного газа. Основную часть выручки (48%) получает именно от реализации природного газа. Ключевой особенностью данной компании является наличие огромного потенциала в производстве сниженного природного газа (СПГ).

Так как деятельность компании напрямую подвержена совершенно различным рискам (начиная техногенными, заканчивая санкционными), она выстроила систему управления рисками. Положение о системе управления рисками и внутреннем контроле (СУРиВК) содержит ссылки на многие международные стандарты, включая ГОСТ Р ИСО 31000-2019 Национальный стандарт Российской Федерации «Менеджмент риска. Принципы и руководство» и ГОСТ Р 58771-2019 Национальный стандарт Российской Федерации «Менеджмент риска. Технологии оценки риска»¹.

Однако, комитет по управлению рисками в организации отсутствует, его функции переданы комитету по аудиту. Согласно пункту 2.2 Положения о Комитете по аудиту, в области управления рисками комитет обладает следующими функциями:

1. контроль за надежностью и эффективностью системы управления рисками, включая оценку эффективности процедур управления рисками и подготовку предложений по их улучшению;
2. анализ и оценка исполнения политики в области управления рисками².

Данные функции хоть и являются верными, однако их недостаточно. Стоит отметить, что в компании создано управление контроля рисков, которое выполняет некоторые функции комитета по управлению рисками, в частности методологическое обеспечение деятельности по управлению рисками и формирование риск-культуры у сотрудников организации с помощью их обучения. Управление подотчетно комитету по аудиту.

¹ Положение о системе управления рисками и внутреннего контроля // Официальный сайт ПАО «НОВАТЭК» URL: https://www.novatek.ru/common/upload/doc/SUR_ru.pdf (дата обращения: 28.11.2021).

² Положение о Комитете по аудиту // Официальный сайт ПАО «НОВАТЭК» URL: [https://www.novatek.ru/common/upload/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B0%D1%83%D0%B4%D0%B8%D1%82%D1%83\(4\).pdf](https://www.novatek.ru/common/upload/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B0%D1%83%D0%B4%D0%B8%D1%82%D1%83(4).pdf) (дата обращения: 28.11.2021)

Компания выполняет большую часть рекомендаций по построению эффективной системы управления рисками, однако сама ее структура может быть изменена, что сделает систему более эффективной. На данный момент некоторые функции комитета по управлению рисками возложены на управление, а не комитет, что не дает возможности в полной мере реализовывать эффективную программу по управлению рисками.

Далее рассмотрим компанию Транснефть, основным видом деятельности которой является оказание услуг по транспортировке нефти и нефтепродуктов по системе магистральных трубопроводов.

Транснефть активно занимается управлением рисками, на сайте компания ссылается на Положение о Системе управления рисками, Регламент по управлению рисками, также говорится, что Совет директоров утверждает ключевые параметры системы управления рисками – риск-аппетит, толерантность к риску, шкалы оценки рисков и матрицу отнесения рисков к критическим¹.

Помимо этого, в компании создан Совет по управлению рисками при Правлении, который координирует деятельность системы управления рисками. Подразделением, обеспечивающим функционирование системы управления рисками, является отдел оценки рисков управления финансового обеспечения и оценки рисков департамента экономики.

Сравнивая построение системы управления рисками и распределение в ней полномочий, можно прийти к выводу, что они совсем не совпадают с теоретической структурой. Функции комитета по управлению рисками разбросаны между комитетом по аудиту, Советом директоров и Советом по управлению рисками. Причем комитет по аудиту, исходя из Положения о комитете по аудиту, является консультативно-совещательным органом и не действует на постоянной основе, что важно для комитета по управлению рисками, так как процесс управления рисками должен быть непрерывным для эффективного управления рисками [0].

К функциям комитета по аудиту в области управления рисками относятся:

1. рассмотрение внутренних нормативных документов, определяющих основные принципы организации деятельности компании в области управления рисками;
2. рассмотрение ключевых параметров системы управления рисками (риск-аппетит, толерантность к риску, шкалы оценки рисков и матрицу отнесения рисков к критическим);
3. рассмотрение критических рисков;
4. рассмотрение стратегии управления валютными и процентными рисками;
5. рассмотрение годовой отчетности по управлению рисками;
6. контроль надежности и эффективности системы управления рисками, включая контроль процедур управления рисками;
7. анализ и оценка исполнения внутренних нормативных документов, определяющих основные принципы организации деятельности компании в области управления рисками.

Компания основательно подошла к процессу управления рисками, но стоит отметить, что распределение полномочий по управлению рисками между структурными подразделениями, входящими в систему управления рисками, требует некоторой доработки для достижения более высокой эффективности ее деятельности.

Последней компанией, рассмотренной в данной работе, является НК Роснефть, являющейся лидером российской нефтяной отрасли и одной из крупнейших публичных нефтегазовых компаний мира. Доля в мировой добыче нефти за 2020 год составила 6%.

Так как компания является одним из лидеров отрасли, она активно управляет рисками, возникающими в процессе своей деятельности. В ней единственной из рассмотренных в данной работе существует комитет по управлению рисками, однако при Главном исполнительном директоре, а не при Совете директоров. Комитетом при Совете директоров регулирующим систему управления рисками относится комитет по аудиту².

Основными функциями комитета по аудиту в сфере управления рисками являются:

1. контролирование эффективности функционирования и надежности системы управления рисками;
2. рассмотрение предложений по совершенствованию системы управления рисками;

¹ Положение о Комитете по аудиту при Совете директоров ПАО «Транснефть» // Официальный сайт ПАО «Транснефть» URL:

https://www.transneft.ru/u/section_file/27724/1_polojenie_o_komitete_po_aydity_11.01.2017.pdf (дата обращения: 28.11.2021)

² Политика Компании «Система управления рисками и внутреннего контроля» // Официальный сайт ПАО «НК Роснефть» URL: https://www.rosneft.ru/upload/site1/document_file/P4-01_P-01_V-2-00.pdf (дата обращения: 28.11.2021)

3. предварительное рассмотрение и выработка рекомендаций Совету директоров по вопросам утверждения риск-аппетита;

4. организация проведения оценки эффективности функционирования системы управления рисками.

Стоит отметить, что функции комитета по аудиту крайне ограничены в рамках управления рисками, по большей части это связано с наличием комитета по управлению рисками при Главном исполнительном директоре. Функции данного комитета уже более широкие:

1. согласование материалов и формирование позиции с целью вынесения на согласование Главному исполнительному директору (основные направления развития СУР, риск-аппетит, рассмотрение отчетности по выявлению рисков финансово-хозяйственной деятельности);

2. рассмотрение материалов по вопросу мониторинга риск-аппетита;

3. рассмотрение отчетности по мониторингу рисков финансово-хозяйственной деятельности;

4. разрешение спорных ситуаций, возникающих при функционировании системы управления рисками;

5. рассмотрение и согласование предложений по управлению отдельными рисками.

Хочется отметить, что функции двух комитетов пересекаются в некоторых моментах, и компании стоит обратить на это непосредственное внимание. Ей стоит объединить данные комитеты и сделать один при Совете директоров. Таким образом компания достигнет эффективного контроля за деятельностью системы управления рисками.

Российские нефтегазовые компании активно внедряют системы управления рисками, однако им необходимо еще время для окончательного формирования эффективных систем, помимо этого, для этого необходимы высококвалифицированные специалисты, которых на рынке труда сейчас найти достаточно проблематично. [5]

Подводя итог, нельзя не отметить, что во всех рассмотренных компаниях (НОВАТЭК, Транснефть и Роснефть) отдельные функции комитета по управлению рисками распределены между разными структурными подразделениями системы управления рисками, однако далеко не все функции делегированы в принципе. Например, формирование риск-культуры как функция обозначена только у НОВАТЭКа.

Таким образом роль комитета по управлению рисками в рассмотренных компаниях является совершенно разной. В компаниях НОВАТЭК и Транснефть комитеты принимают непосредственное участие в процессе управления рисками, осуществляя мониторинг по большей части. В то же время в компании Роснефть комитет по большей части дублирует функции комитета по управлению рисками при Главном исполнительном директоре.

Анализ информации в рассмотренных компаниях показал, что в них отсутствуют комитеты по управлению рисками, однако их некоторые функции находятся у комитетов по аудиту и других структурных подразделений системы управления рисками.

Вместе с тем далеко не все функции, которые должны быть у комитета по управлению рисками даже представлены в рассмотренных компаниях. Также наблюдается неверное делегирование существующих функций среди структурных подразделений системы управления рисками.

Таким образом, стоит отметить, что российские компании нефтегазовой отрасли активно внедряют системы управления рисками в свою деятельность, но можно заметить, что на данный момент они находятся на стадии развития и еще не окончательно сформировались, однако прогресс есть и он колоссальный.

Список источников

1. Котельников А. С., Фарамазян Л. Г., Степанец Л. Ю. Сущность, особенности и риски системы корпоративного управления на предприятиях нефтегазовой отрасли // Инструменты и механизмы современного инновационного развития : сборник статей Международной научно-практической конференции, Казань, 05 марта 2018 года. Казань: ООО "Аэтерна", 2018. С. 108–111.

2. Гущина Ю. В., Коршунова Е. А., Шубегин Э. И. Методические подходы к управлению рисками инвестиционно-строительных проектов в нефтегазовой отрасли // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 7-1(54). С. 49–51.

3. Сидоренко Г. Г., Сидоренко О. Г., Термосесов Д. С. Управление и минимизация рисков ущерба, связанного с переносом или отменой крупных международных мероприятий // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11. № 6-1. С. 366–373. DOI 10.34670/AR.2021.44.15.032.

4. Авдийский В. И., Безденежных В. М. Риски хозяйствующих субъектов: теоретические основы, методологии анализа, прогнозирования и управления. М.: Альфа-М, 2018.

5. Дутиков А. В., Пупенцова С. В. Управление рисками в российских компаниях нефтегазовой отрасли // *Colloquium-journal*. 2019. № 26-9(50). С. 15–17.

References

1. Kotelnikov A. S., Faramazyan L. G., Stepanets L. Yu. Essence, features and risks of the corporate governance system at oil and gas industry enterprises. In: *Instruments and devices of modern innovative development: collection of articles of the international scientific and practical conference*. Kazan, March 05, 2018. Kazan: Aeterna Limited Liability Company; 2018:108–111. (In Russ.)

2. Gushchina Yu. V., Korshunova E. A., Shubegin E. I. Methodological approaches to risk management of investment and construction projects in the oil and gas industry. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in the global world: economics, science, technology*. 2017;7-1(54):49–51. (In Russ.)

3. Sidorenko G. G., Sidorenko O. G., Termosesov D. S. Management and minimization of risks of damage associated with the postponement or cancellation of major international events. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2021;11(6-1):366–373. DOI 10.34670/AR.2021.44.15.032. (In Russ.)

4. Avdiyskiy V. I., Bezdenezhnykh V. M. Risks of business entities: theoretical foundations, methodologies for analysis, forecasting and management. Moscow: Alfa-M; 2018. (In Russ.)

5. Dutikov A. V., Pupentsova S. V. Risk management in Russian oil and gas companies. *Colloquium-journal*. 2019;26-9(50):15–17. (In Russ.)

Информация об авторах

Г. Г. Сидоренко – канд. техн.наук, доц. департамента экономической безопасности и управления рисками факультета экономики и бизнеса;

Д. С. Термосесов – студ. 4 курса факультета экономики и бизнеса.

Information about the authors

G. G. Sidorenko – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Security and Risk Management, Faculty of Economics and Business;

D. S. Termosesov – 4th year student of the Faculty of Economics and Business.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.01.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 17.02.2022.

The article was submitted 27.01.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 17.02.2022.

Научная статья

УДК 331.5

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-151-157

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ РОССИИ НА РЫНОК ТРУДА

Наталья Михайловна Филимонова¹, Ольга Владимировна Лускатова²,
Виктория Дмитриевна Филимонова³

¹Всероссийский научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Москва, Россия, nmfilimonova@vcot.info, <https://orcid.org/0000-0002-4063-4388>

²Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Россия, oluskatova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4220-6491>

³Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия, filimonova.viktory@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль национальных проектов в социально-экономическом развитии Российской Федерации, оценивается эффективность их реализации. Особое внимание уделяется влиянию национальных проектов на рынок труда на основе заявленных целевых индикаторов. Логическая взаимосвязь между целевыми показателями национальных проектов и показателями развития была выстроена на основе паспортов национальных проектов. Как показало исследование, в настоящее время отсутствует выраженная тенденция влияния выделенных средств в рамках реализации национальных проектов на рынок труда и экономические показатели развития страны в целом. Для исправления текущей ситуации необходима корректировка целевых показателей и разработка системы мониторинга реализации национальных проектов.

Ключевые слова: национальные проекты, рынок труда, производительность труда, занятость, эффективность, бюджетные инвестиции, показатели развития, поддержка занятости, индекс рынка труда

Для цитирования: Филимонова Н. М., Лускатова О. В., Филимонова В. Д. Влияние национальных проектов России на рынок труда // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 151–157. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-151-157>.

Problems of Economics

Original article

IMPACT OF RUSSIAN NATIONAL PROJECTS ON THE LABOR MARKET

Natalia M. Filimonova¹, Olga V. Luskatova², Victoria D. Filimonova³

¹All-Russian Research Institute of Labor, Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, Moscow, Russia, nmfilimonova@vcot.info, <https://orcid.org/0000-0002-4063-4388>

²Vladimir Branch of Russian Academy of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia, oluskatova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4220-6491>

³Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov, Vladimir, Russia, filimonova.viktory@gmail.com

Abstract. The paper examines the role of the national projects in the socio-economic development of the Russian Federation and evaluates the effectiveness of their implementation. Particular attention is paid to the impact of the national projects on the labor market through the stated target indicators. The logical correlation between the target indicators of the national projects and development indicators was built on the passports of the national projects. As the study showed, at present there is no clear trend toward the impact of allocated funds within the framework of the National Projects on the labor market and economic indicators of the country as a whole. To correct the current situation, it is necessary to adjust the target indicators and develop a system for monitoring the National Projects.

Keywords: national projects, labor market, labor productivity, employment, efficiency, budget investments, development indicators, employment support, labor market index

For citation: Filimonova N. M., Luskatova O. V., Filimonova V. D. Impact of Russian national projects on the labor market. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):151–157. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-151-157>.

Национальные проекты России как инструмент социально-экономического развития государства и способ бюджетного финансирования приоритетных направлений деятельности официально нашли свое применение с 2019 г., и им уделяется значительное внимание в российской научной литературе в последнее время. Они рассматриваются как фактор ускорения российской экономики [1–2], обеспечения экономической и социальной безопасности [3], биологической безопасности [4], повышения качества жизни населения [5], формирования и развития единого образовательного пространства [6].

Первоначально было сформировано 13 национальных проектов (НП) по важнейшим сферам развития общества:

- повышение уровня и продолжительности жизни населения,
- поддержка прорывных направлений развития науки и техники для вхождения России в пятерку крупнейших экономик мира,
- создание условий для раскрытия талантов каждого человека.

Общее финансирование НП составит 25,7 трлн руб., которые распределены на три направления, отраженные на рис. 1¹.

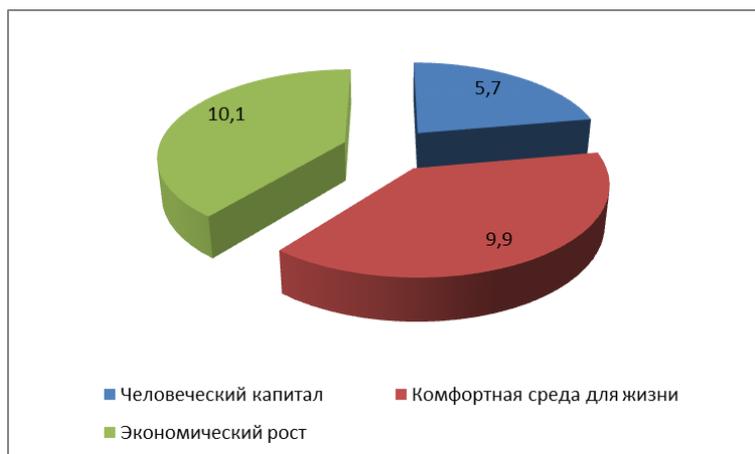

Рис. 1. Структура направлений финансирования национальных проектов, трлн руб.
Fig. 1. Structure of national projects financing, trillion rubles

В качестве источников финансирования НП предусмотрены:

- федеральный бюджет – 51,3%;
- региональные бюджеты – 29,1%;
- внебюджетные средства – 19,0%;
- государственные внебюджетные фонды – 0,6%.

К числу наиболее дорогостоящих НП относятся три проекта: «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры» (6,3 трлн руб.), «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (4,7 трлн руб.) и «Экология» (4 трлн руб.). Наименее емкими с точки зрения финансового обеспечения стали: развитие малого предпринимательства (481,5 млрд руб.), культуры (113,5 млрд руб.) и поддержка занятости (52,1 млрд руб.). Срок реализации НП рассматривался до 2024 г. Следует отметить иерархичность построения программы НП, которые в своей структуре выделяют федеральные и более мелкие региональные проекты, что позволяет перенести ответственность за их исполнение на субъекты РФ по отдельным мероприятиям (более 60 %). По нашему мнению, НП следует рассматривать как форму развития государственных программ, используемую ранее при финансовой поддержке наиболее востребованных направлений развития общества. В 2020 г. в национальные проекты были внесены коррективы, учитывающие влияние пандемии коронавирусной инфекции, а действие их продлено до 2030 г.

Учитывая важную роль национальных проектов, большое внимание экспертного и научного сообщества привлечено к оценке эффективности их реализации [7–10].

Первоначально по прогнозам Министерства экономического развития реализация НП должна была обеспечить прирост социально-экономических показателей страны на уровне 3% в год. Итоги 2019 гг. свидетельствуют, что практика показала значительно худшие результаты.

¹ Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты.

<http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ9800wAt2dzCIAietQih.pdf> (Дата обращения 12.12.2021).

Наилучшие результаты следует отметить при выполнении проектов, которые явились прямым продолжением бюджетного финансирования в 2018 г. Отсутствие бюрократических сложностей позволило по НП «Наука», «Здравоохранение», «Безопасные и качественные дороги», «Демография» исполнить запланированные расходы более, чем на 95%.

По мнению специалистов рейтингового агентства АО «Эксперт РА», «...в последнем квартале 2019 года расходы по отстающим нацпроектам были исполнены опережающими темпами – более 40 % запланированных расходов исполнено в последнем квартале по нацпроектам «Цифровая экономика», «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт», «Экология». При этом исполнение НП «Цифровая экономика» и «Экология» так и осталось на низком уровне – 73,3 и 66,3 % соответственно. Общий уровень исполнения нацпроектов составил 91,4 %, что приемлемо на фоне невысокого уровня исполнения бюджетных расходов (94,2 %)»¹.

Влияние пандемии на ход реализации НП оказался существенным и в 2020 г. В результате применения локдауна на 2 месяца и снижения цен на углеводородное сырье сменилась тенденция основных экономических показателей РФ. Падение ВВП составило 3,1%, что соответствует общемировому тренду -- снижение мировой экономики на 3,3%. Исполнение бюджета сопровождалось дефицитом – 4,099 трлн рублей, или 3,8 % ВВП, планируемые доходы были получены на 90,9% в размере 18,722 трлн рублей, расходная часть бюджета выполнена на 95,7 % (22,822 трлн руб.)².

Общее состояние экономики повлияло на особенности реализации НП. В сравнении с 2019 г. исполнение финансовых обязательств по НП происходило более равномерно. Наиболее полно и ритмично в условиях пандемии коронавируса осуществлялись расходы по НП «Здравоохранение», «Демография», «Жилье и городская среда».

Общая величина расходов на НП в 2020 г. была подвергнута корректировке на 3,11% (с 2,278 трлн руб. до 2,207 трлн руб.), но к уровню 2019 г. рост финансирования составил 26,1%. Повысилась финансовая дисциплина реализации НП, общий уровень исполнения составил 97,4%, что прослеживается и по отдельным проектам (табл. 1). Минимальное кассовое исполнение отмечено по НП «Образование» – 86,4%, а максимум соответствует НП «Жилье и городская среда» – 99,7%. Ниже среднего уровня использовались средства по НП «Здравоохранение», «Цифровая экономика Российской Федерации», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

Предварительные результаты 2021 года свидетельствуют о том, что изменения в структуре реализации НП не значительны. На 01.10.21 г. по информации Минфина кассовое исполнение составляет менее 1,6 трлн руб. (67,1%) к плановым показателям³. Как и в 2020 году результаты выше средних показывают НП «Демография», «Здравоохранение», «Безопасные качественные дороги». Самые низкие индикаторы отмечены по НП «Цифровая экономика», «Экология», «Образование». В этом году принят к реализации НП «Туризм и индустрия гостеприимства» с объемом финансирования до 2030 г. 2,176 трлн руб.⁴. Расходы на 2021 год предусмотрены в сумме 31,27 млрд руб., из которых 87,7% средства федерального бюджета. Первые 9 месяцев реализации показывают удовлетворительные результаты по использованию выделенных ресурсов на 65,2%.

Основной вопрос, возникающий при анализе исполнения НП: «Какова эффективность данных форм государственной поддержки перспективных направлений развития страны?» С позиции органов государственной власти используются методики, учитывающие кассовое исполнение бюджетов проектов и достижение результирующих показателей. Если с выполнением финансовых обязательств объективность оценок не вызывает сомнений, то неоднозначными являются установленные параметры, их качество и многозначность трактовок затрудняют анализ эффективности НП.

¹ Табах А., Подругина А. Национальные проекты: ожидания, результаты, перспективы. Электронный ресурс: https://www.raexpert.ru/researches/national_project_2020/#part1 (Дата обращения: 05.11.2021).

² Счетная палата РФ. Оперативный доклад за 2020 год. Электронный ресурс: <https://ach.gov.ru/audit/oper-2020>. (Дата обращения: 21.10.2021).

³ Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Январь – декабрь 2020 года. Электронный ресурс: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/e37/e371835371389756c2d319de62f0bd12.pdf>. (Дата обращения: 08.11.2021).

⁴ Официальный сайт ИА REGNUM. Минфин оценил исполнение расходов на нацпроекты на 1 октября. <https://regnum.ru/news/economy/3393342.html>. (Дата обращения: 17.11.2021).

Таблица 1 – Кассовое исполнение НП за 2020 год, млн руб.¹

Table 1 – National Projects cash execution in 2020, million rubles

Наименование НП	План на 2020 г.	Кассовое исполнение за 2020 г.	% исполнения
ВСЕГО:	2 206 698,2	2 149 112,6	97,39%
«Демография»	703 815,1	689 635,6	97,99%
«Здравоохранение»	307 601,4	295 747,0	96,15%
«Образование»	133 040,2	114 956,4	86,41%
«Жилье и городская среда»	169 213,3	168 660,1	99,67%
«Экология»	64 641,8	63 097,1	97,61%
«Безопасные и качественные автомобильные дороги»	157 693,5	155 719,3	98,75%
«Производительность труда и поддержка занятости»	4 110,7	4 058,1	98,72%
«Наука»	40 650,8	40 333,6	99,22%
«Цифровая экономика»	88 994,0	86 318,5	96,99%
«Культура»	16 079,0	15 830,4	98,45%
«Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»	63 688,9	61 693,7	96,87%
«Международная кооперация и экспорт»	72 192,7	70 426,7	97,55%
«Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры (транспортная часть)»	384 976,8	382 636,0	99,39%

Важной характеристикой эффективности бюджетного финансирования в форме НП является экономический рост, сопровождающий их реализацию. Но позиция экономистов по выявлению данной взаимосвязи неоднозначна. Специалисты ВШЭ совместно с аналитиками рейтингового агентства «Эксперт РА» говорят о структурном разновекторном влиянии дополнительных бюджетных инвестиций: «...эффективность государственных расходов для повышения темпов экономического роста зависит от типа самих затрат: мультипликативный эффект производительных расходов (на инфраструктуру, здравоохранение, образование и так далее) существенно больше, чем у непроизводительных (на национальную оборону, безопасность, социальную политику и так далее), а с учетом особенностей экономики РФ, расходы на национальную оборону и социальную политику влияют на экономический рост негативно»².

Так в структуре НП «Демография» более 85% составляют средства федеральной программы «Финансовая поддержка семей при рождении детей», которая имеет отложенный вариант целевого использования, а, следовательно, практически отрицательно влияет на экономический рост.

Особые сомнения аналитики отводят достаточности инвестиций в НП «Производительность труда и поддержка занятости», который имеет своей целью вывести на уровень 5% темпы роста производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики. Помимо того, что размер финансирования указанного НП является одним из наименьших в общем перечне, его реализации сопутствуют следующие недостатки. Отсутствие в нацпроекте важнейшего показателя — количества изготовленной продукции за единицу времени, что противоречит международной практике. Количество предприятий участвующих в проекте определено на уровне 10 тысяч, но установлена высокая доля компаний (40,8%), которые должны достигать этих целей самостоятельно. При формальном подходе к достижению поставленных целей по заявленной методике к участию в этом федеральном проекте допускаются и малые предприятия с годовым оборотом от 400 млн до 800 млн руб., а это делает проблематичным получение искомого результата стать участником топ-5 крупнейших экономик мира³.

¹ Составлено авторами по материалам: Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Январь – декабрь 2020 года. Электронный ресурс: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/e37/e371835371389756c2d319de62f0bd12.pdf>. (Дата обращения: 15.11.2021).

² Табах А., Подругина А. Национальные проекты: ожидания, результаты, перспективы. Электронный ресурс: https://www.raexpert.ru/researches/national_project_2020/#part1/ (Дата обращения: 17.10.2021).

³ Старостина Ю., Губернаторов Е., Ефимович Е., Подобедова Л., Бурмистрова С. Счетная палата указала недостатки и риски нацпроектов. // РБК. Экономика Электронный ресурс: <https://www.rbc.ru/economics/13/01/2020/5e184e2a9a79470bf49655c3> (Дата обращения: 07.10.2021).

По нашему мнению, наиболее реальный прогноз влияния НП на рост экономики государства приведен А. Табахом, А. Подругиной в своем обзоре. Эта оценка скорее оптимистична, но отражает влияние структурного фактора и применяемых в настоящее время инструментов денежно-кредитного регулирования.

Таблица 2 – Совокупное влияние нацпроектов на экономический рост РФ, %¹

Table 2 – Cumulative impact of national projects on economic growth in Russia, %

	2020 г.	2021 г.
Суммарный темп прироста ВВП	0,68	0,57

Как отмечалось, полученные данные носят скорее идеальный характер, так как аналитики высказывают мнение, что максимальный рост экономики страны под влиянием НП не превышает 0,2 % в год.

Неоднозначность оценок эффективности НП затрудняет и расчет влияния выполнения отдельных нацпроектов. Поставленная нами задача исследовать воздействие НП на характеристики рынка труда наталкивается на объективные затруднения. Логическую взаимосвязь между показателями рынка труда и содержанием НП мы пытались проследить по паспортам нацпроектов.

Теоретически на показатели занятости и баланса рабочей силы оказывает реализация НП «Демография», но почти все средства этого проекта расходуются на поддержку семей при рождении второго и следующих детей, что создает значительный лаг во взаимосвязи данного федерального проекта и количества занятых в регионах². Индикаторы паспорта рассматриваемого НП не содержат указателей, характеризующих потенциал работоспособного населения.

В НП «Образование» наиболее приближен к исследуемому вопросу Федеральный проект «Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования)», его характеристики учитывают модернизацию профессионального образования, на основе внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ. Но количественные индикаторы данного НП определяют охват регионов РФ программами профобучения на уровне стандартов Ворлдскиллс и число преподавателей, прошедших переподготовку для того, чтобы стать экспертами указанных программ, подобные целевые значения далеки от характеристик рынка труда³.

Особое место в выявлении взаимосвязи занимает НП «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»⁴. Среди его целевых показателей и задач отмечено увеличение численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей до 25 млн чел. к концу 2024 г. Рост числа занятых к уровню базового значения должен составить 30,2 %, что окажет значимое воздействие на состояние рынка труда. Сомнения в полной реализации указанных индикаторов вносит учет последствий пандемии коронавирусной инфекции. Именно на малый и средний бизнес пришлось максимальное количество банкротств, связанных с вводимыми ограничениями. Достижение целей, указанных в паспорте НП, скорее будет свидетельствовать, что малый и средний бизнес несырьевых отраслей экономики с помощью государственной поддержки смог преодолеть негативное воздействие пандемии.

Наиболее соответствующими по целевым ориентирам индикаторам рынка труда – создание новых рабочих мест и рост занятости – являются федеральные проекты, входящие в структуру рассматриваемого НП: «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации», «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства».

К сожалению, наименее увязаны с показателями рынка труда целевые ориентиры НП «Производительность труда и поддержка занятости»⁵. Логика реализации данного НП предполагает

¹ Табах А., Подругина А. Национальные проекты: ожидания, результаты, перспективы. Электронный ресурс: https://www.raexpert.ru/researches/national_project_2020/#part1/ (Дата обращения: 17.10.2021).

² Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/ (дата обращения: 4.11.2021).

³ Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319308/e65b5ee063584fbc54e7cb8c00006516abea67a2/ (дата обращения: 14.10.2021).

⁴ Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (утв. Минэкономразвития России) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382369/ (дата обращения: 14.09.2021).

⁵ Там же.

повышение производительности труда на предприятиях участниках на 5% в год к 2024 г., привлечением большего количества предприятий к участию в НП путем переобучения работников и реорганизацию службы занятости в регионах РФ. Как отмечалось выше именно к целевым индикаторам данного НП высказывают претензии, как аудиторы, так и аналитики-экономисты. Отсутствие конкретных показателей роста производительности труда по отраслям производства и регионам не позволяет выявить значимость хоть и малого финансирования на изменение характеристик рынка труда.

Рассматривая состояние рынка труда за время реализации НП, по нашему мнению, можно в качестве индикатора использовать индекс рынка труда в отдельных регионах РФ и его динамику. Расчет индекса рынка труда включает суммирование показателей, всесторонне оценивающих его состояние в регионе. В ходе анализа учитывают уровень оплаты труда, занятость, условия труда и емкость рынка труда. «Индекс рынка труда региона может изменяться в диапазоне от 1 до максимального значения – 100. Максимально возможное значение индекса субъект РФ может получить только в том случае, если у него значения всех анализируемых показателей лучше или равны верхним (лучшим) пороговым значениям. Минимально возможное значение индекса будет у субъекта РФ, у которого значения всех анализируемых показателей хуже или равны нижним (худшим) пороговым значениям»¹.

По данным Росстата за 2020 г. в сравнении с предшествующим «...регионы-лидеры по индексу рынка труда в основном сохранили свои места. ТОП-5 остался без изменений. Первые два места с большим отрывом по-прежнему занимают Москва и Санкт-Петербург, у которых значение индекса превышает 90 баллов из 100 возможных. Третье место занимает Московская область, где значение индекса составило 83,2 балла. В первую пятерку входят также Ханты-Мансийский автономный округ-Югра (78,2 балла) и Тюменская область (72,6 балла).

Самые низкие значения индекса по итогам 2020 года отмечаются в Республике Ингушетия, Республике Тыва, Чеченской Республике, Карачаево-Черкесской Республике и в Кабардино-Балкарской Республике. Во всех этих регионах значение индекса составило менее 15 баллов»².

В сравнении с 2019 г. индекс рынка труда увеличился в 34 регионах страны, но не более чем на 1 балл. Республики Северного Кавказа Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия показали существенное снижение показателя. Основные проблемы региона – это высокий уровень безработицы и низкие доходы населения. В целом ситуация на рынке труда осталась прежней, существенных положительных тенденций не отмечено.

Таким образом, за два года подведения итогов реализации национальных проектов в России следует отметить отсутствие выраженной тенденции влияния дополнительно выделенных средств на рынок труда и экономические показатели развития страны в целом. Возможно, сказывается воздействие форс-мажорных обстоятельств, вызванных пандемией, но требуется существенная корректировка целевых показателей проектов и усиление мониторинга их достижения.

Список источников

1. Вдовин И. А., Венглинский Д. Р. Проблема привлечения внебюджетных инвестиций в национальные проекты // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2-3. С. 74–86.
2. Ленчук Е. Б. Научно-технологическое развитие как фактор ускорения экономического роста в России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222. № 2. С. 18–37.
3. Колпакова И. А. Бюджетные факторы реализации государственных программ и национальных проектов в системе экономической и социальной безопасности России // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 5. С. 1521–1534.
4. Герцик Ю. Г. Национальные проекты как инструмент обеспечения экономической и биологической безопасности России (Часть 1) // В центре экономики. 2021. № 1. С. 33–42.
5. Белоусова И. А. Роль национальных проектов в повышении качества жизни населения Новосибирской области // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 4. С. 331–335.
6. Иванова С. В., Иванов О. Б. Национальные проекты – основной фактор формирования и развития единого образовательного пространства // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 4. С. 107–121.
7. Мещерякова Ж. В. Оценка эффективности реализации национальных проектов на основе статистических данных // Статистика в стратегическом развитии России. 2020. С. 371–375.
8. Мотылёва А. В., Никанорова К. В., Шалаев И. А. Методы оценки эффективности реализации национальных проектов в условиях инновационного развития экономики // Развитие системы стратегического планирования в Российской Федерации. 2020. С. 41–47.

¹ РИА Рейтинг. Регионы России. Индекс рынка труда увеличился во всех регионах, кроме одного. Электронный ресурс: <https://riarating.ru/regions/20190910/630133974.html/> (Дата обращения: 12.10.2021).

² РИА Рейтинг. Инфографика. Индекс рынка труда в регионах РФ – итоги 2020 года. Электронный ресурс: <https://riarating.ru/infografika/20210906/630207557.html>. (Дата обращения: 15.11.2021).

9. Пашихина Е. В. Оценка исполнения плановых показателей по реализации национальных проектов РФ // Международный журнал гражданского и торгового права. 2020. № 1. С. 126–131.

10. Тугушев Р. И. Расходы на национальные проекты в системе государственных расходов // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4 (125). С. 47–54.

References

1. Vdovin I. A., Venglinsky D. R. The problem of attracting extrabudgetary investment in national projects. *Biznes. Obshchestvo. Vlast' = Business. Society. Power*. 2020;2-3:74–86. (In Russ.)

2. Lenchuk E. B. Scientific and technological development as a factor accelerating economic growth in Russia. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Proceedings of the Free Economic Society of Russia*. 2020;222(2):18–37. (In Russ.)

3. Kolpakova I. A. Budgetary factors in the implementation of state programs and national projects in the system of economic and social security of Russia. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Economics, entrepreneurship and law*. 2020; 10(5):1521–1534. (In Russ.)

4. Herzik Y. G. National projects as a tool to ensure economic and biological security of Russia (Part 1). *V tsentre ekonomiki = In the center of the economy*. 2021;(1):33–42. (In Russ.)

5. Belousova I. A. The role of national projects in improving the quality of population life in the Novosibirsk region. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki = Actual issues of modern economics*. 2020;(4):331–335. (In Russ.)

6. Ivanova S. V., Ivanov O. B. National projects - the main factor in the formation and development of a unified educational space. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika = ETAP: economic theory, analysis, practice*. 2019;(4):107–121. (In Russ.)

7. Meshcheryakova Zh. V. Estimation of the National Projects Effectiveness on the Basis of Statistical Data. *Statistika v strategicheskom razvitii Rossii = Statistics in Strategic Development of Russia*. 2020:371–375. (In Russ.)

8. Motilyova A. V., Nikanorova K. V., Shalaev I. A. Methods for assessing the effectiveness of national projects in the context of innovative economic development. *Razvitie sistemy strategicheskogo planirovaniya v Rossiiskoi Federatsii = Development of Strategic Planning in the Russian Federation*. 2020:41–47. (In Russ.)

9. Pashikhina E. V. Evaluation of the planned indicators for the implementation of Russian Federation national projects. *Mezhdunarodnyi zhurnal grazhdanskogo i torgovogo prava = International Journal of Civil and Commercial Law*. 2020;(1):126–131. (In Russ.)

10. Tugushev R. I. Expenses for national projects in the system of state expenditures. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*. 2021;4(125):47–54. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. М. Филимонова – докт. экон. наук, проф., гл. научн. сотр.;

О. В. Лускатова – докт. экон. наук, проф.;

В. Д. Филимонова – преподаватель.

Information about the authors

N. M. Filimonova – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher;

O. V. Luskatova – Doctor of Economic Sciences, Professor;

V. D. Filimonova – lecturer.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 28.01.2022; принята к публикации 31.01.2022.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 28.01.2022; accepted for publication 31.01.2022

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 158–162
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(1):158–162

Политология и этнополитика

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-158-162

**МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПОЛИКУЛЬТУРАЛИЗМ
КАК МОДЕЛИ ОПТИМИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ**

Джульетта Бароновна Бязрова¹, Валерия Константиновна Тедеева²

^{1,2}Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

¹j.byazrowa@yandex.ru

²lerasub@list.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу сложных процессов становления и практической реализации государственной этнонациональной политики в полиэтничных социумах современного западного мира и России. Авторы рассматривают концепции и методы оптимизации межэтнического общения на примере политики мультикультурализма в странах Западной Европы и поликультурализма в Советском Союзе и современной России. Отмечается, что на сегодняшний день не выработана универсальная концепция, способная интегрировать самобытные культурные проявления в единую общечеловеческую систему ценностей. Однако сравнительный анализ двух идеологий, направленных на внутреннюю интеграцию полиэтничного общества, дает авторам понимание, что политика мультикультурализма в реалиях искусственно консервирует традиционно-общинные отношения, тем самым препятствуя индивидуальной интеграции их членов в гражданское сообщество. Наиболее эффективной этнополитической стратегией в деле гармонизации общественных отношений авторам представляется поликультурный подход.

Ключевые слова: мультикультурализм, поликультурное общество, культурный диалог, миграционный кризис, межнациональные отношения

Для цитирования: Бязрова Д. Б., Тедеева В. К. Мультикультурализм и поликультурализм как модели оптимизации межэтнического общения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 158–162. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-158-162>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

**MULTICULTURALISM AND POLYCULTURALISM
AS MODELS OF OPTIMIZING INTER-ETHNIC COMMUNICATION**

Juliet B. Byazrova¹, Valeria K. Tedeeva²

^{1,2}North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia

¹j.byazrowa@yandex.ru

²lerasub@list.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the complex processes of formation and practical implementation of the state ethno-national policy in multi-ethnic societies of the modern Western world and Russia. The authors consider the concepts and methods of optimizing interethnic communication on the example of the policy of multiculturalism in Western Europe and polyculturalism in the Soviet Union and modern Russia. It is noted that today a universal concept has not been developed that can integrate original cultural manifestations into a single universal system of values. However, a comparative analysis of two ideologies aimed at the internal integration of a multi-ethnic society gives the authors an understanding that the policy of multiculturalism in reality artificially preserves traditional community relations, thereby preventing the individual integration of their members into the civil society. The most effective ethnopolitical strategy in the harmonization of social relations seems to the authors to be a multicultural approach.

Keywords: multiculturalism, multicultural society, cultural dialogue, igration crisis, interethnic relations

For citation: Byazrova Ju. B., Tedeeva V. K. Multiculturalism and polyculturalism as models of optimizing inter-ethnic communication. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):158–162. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-158-162>.

В результате мощных глобализационных процессов, протекающих в современном мире, важнейшей структурной характеристикой большинства государств становится переход от культурной гомогенности к культурному плюрализму. В этой связи вопросы, касающиеся мультикультурного существования и культурного диалога, становятся чрезвычайно актуальными, и значимость их впредь будет только расти. Этому способствуют международный туризм, торговля, всевозможные международные конференции, обмен высококвалифицированными специалистами, большое число мигрантов и т.д. Глобализация общественной жизни приводит к росту межкультурных взаимодействий, усиливая контакты людей, проживающих на территории одной страны, но принадлежащих к разным цивилизационным парадигмам [1, с. 90].

Межкультурные коммуникации, как показывает многовековой опыт истории, несут благо народам, способствуют порождению феномена полиэтничности. Вместе с тем отметим, что феномен полиэтничности – сложный, противоречивый феномен, обладающий разновекторным потенциалом. Проявления этноцентризма и ксенофобии, межэтнической напряженности – все это есть подтверждение нерешенности проблемы межкультурных взаимодействий в современном социуме.

Политические процессы, происходящие в наше время на Ближнем Востоке, а соответственно массовая миграция жителей этих стран в Европу приводят к усилению культурного и национально-многообразия и вместе с тем еще более актуализируют вопросы безопасности и стабильности общества, его гармоничного развития в условиях полиэтничного мира. В свете этих событий идет поиск подходящей идеологии, способной стать объединяющим звеном для представителей различных этносов, а соответственно и культур [2, с. 63].

Ввиду этого, хотелось бы провести сравнительный анализ двух идеологий, направленных на внутреннюю интеграцию полиэтничного общества.

В новейшей истории наиболее ярким примером реализации концепции, способной интегрировать самобытные культурные проявления, выступил западноевропейский мультикультурализм, а также модель поликультурного общества, существовавшая в СССР.

В Большой российской энциклопедии дается следующее определение понятию «мультикультурализм»:

- мультикультурная ситуация, культурное многообразие, культурная, языковая и конфессиональная мозаичность населения государства;
- политика государства, направленная на поддержку и правовое обеспечение мультикультурной ситуации, а также теоретическое и идеологическое обоснование такой политики [3, с. 81].

Понятие «мультикультурализм» подразумевает существование различных культур в обществе, призванные на формирование совместной культурной основы общества.

Концепция мультикультурализма заключается в том, что все национальные группы проживающие в одной стране должны иметь одинаковые возможности для сохранения своей собственной культуры, при этом все культуры достойны уважения. На уровне государства должны предприниматься меры для поддержания культурного наследия всех народов проживающих в данном государстве.

Основоположником мультикультурной теории по праву считается Чарльз Тейлор. Согласно его теории – «мультикультурализм является инструментом не только для созидания общества нового типа, это еще инструмент для защиты собственного своеобразия» [4, с. 280].

В Европе до второй половины XX века проводилась политика ассимиляции, однако уже во второй половине прошлого века европейским странам пришлось отойти от данной стратегии. Связано это с волнами миграции, которые охватили Европу в 60-ые годы прошлого века в целях привлечения дешевой рабочей силы. Потребность в дополнительных людских ресурсах со временем снизилась. В свою очередь снизилось качество жизни мигрантов, что повлекло за собой рост преступности среди них. Для решения проблем безопасности внутри страны, а также учета интересов мигрантов, имеющих свои собственные различные культурные ценности, западные страны решили избрать политику мультикультурализма [5, с. 136].

Мультикультурализм может применяться двумя способами. Это «либеральный мультикультурализм» и «радикальный мультикультурализм». Для первого типа характерно поддержание

своей самобытности и с помощью инклюзивного подхода поощряется взаимодействие культур. Культурные различия рассматриваются как один из аспектов разнообразия в обществе. Для второго типа более характерен комплексный подход, при котором культурная политика одних групп обособляется от других, а свою принадлежность к обществу они проявляют через коллективные права.

Основное утверждение мультикультурализма заключается в том, что многие культуры должны жить вместе, не сливаясь в одну и не подпадая под влияние высшей, всеохватывающей культуры. Это означает признание культурного разнообразия, которое выгодно отличается от всех других якобы монокультурных взглядов, которые сопротивляются диверсификации национальных культур или, по крайней мере, сетуют на нее. Анализируя политику мультикультурализма в европейских странах можно сказать, что она потерпела крах и показала свою неэффективность, что признали и сами лидеры Европейских государств.

В 2010 году канцлер Германии Ангела Меркель заявила, что политика мультикультурализма была провалена. Данная политика приобщения людей, принадлежащих к разным религиозным конфессиям, в частности христиан и мусульман, продемонстрировала свою несостоятельность. Тем самым она вызвала протестные настроения у различных сторон и слоев населения. В результате наблюдается не мирное и гармоничное сосуществование народов, а усугубление противоречий и рост напряженности [6, с. 11].

Согласно логике мультикультурализма, для утверждения равного достоинства всех граждан государство должно идти на неравное обращение с различными социальными группами. Принцип равенства возможностей требует компенсационных и охранительных мер по отношению к разным социальным группам, предоставления различным меньшинствам льгот и преференций, даже более высокого статуса по сравнению с большинством.

По мнению британского политического ученого Бхикху Пареха, мультикультурные общества порождают проблемы, не имеющие аналогов в истории. Они должны найти способы примирить законные требования всех национальных меньшинств, уважая их культурную идентичность, не ослабляя в то же время свои культурные традиции. Это сложная политическая задача, и ни одному мультикультурному обществу до сих пор не удалось ее решить [7, с. 58].

Во второй половине XX века, в связи с разрастающимися межгосударственными контактами, монокультурализм претерпевает кризис и на смену ему приходит еще одна модель социоустройства с выраженной поликультурной политикой.

Поликультурализм является политикой, ориентированной на взаимосвязь культур и культурный плюрализм, для которого характерно свободное сосуществование различных этнических культур в обществе. Поликультурализм нацелен на создание подходящих условий для взаимодействия и взаимопонимания этносов, на их взаимодополнение. В то же время данная идеология не ставит перед собой задачу создания единой идентичности.

Положительной чертой поликультурного подхода является фиксация не на различиях между культурными группами, а на их обширных связях. Он подчеркивает, что культуру не следует использовать как способ разделения между группами. Наоборот, различные культуры являются следствиями взаимодействия между расовыми и этническими группами. Поликультурность отказывается от доминирования одного этноса над другим, опираясь на значимость и ценность любой культуры, что благоприятно сказывается на развитии межкультурных отношений.

Поликультурализм на практике можно было наблюдать в СССР, который стабилизировал межнациональные отношения через систему национальных автономий. Советская национальная политика представляла собой иной комплекс законов и политических практик, отличных от мультикультуральных технологий и формировала совсем иную национальную реальность. «В отличие от политики мультикультурализма, политики постнациональной, адаптированной к условиям уже сложившегося национального государства, не предполагающей его дробления или ликвидации, советская национальная политика сознательно направлена на создание новых наций. Данная особенность существенным образом отличает поликультурную модель общества от апробируемых технологий мультикультурализма. СССР виделся союзом национальных республик, а в РСФСР были созданы национальные автономии. Советский Союз представлял собой «фабрику наций», а не этнических общин. И это его свойство полностью унаследовала Российская Федерация» [8].

В отличие от Запада, для модели нашей страны не был свойственен индивидуальный подход и на первой позиции стояли права народа, а не конкретного человека. Россия всегда отличалась многонациональностью и поликонфессиональностью и, говоря о вопросе толерантности, придерживалась дружелюбного сотрудничества между народами. Территориальное и историческое единство обеспечивало мирное существование абсолютно всех национальных культур.

Сфера образования при поликультурной политике учитывает многонациональность страны и строится на взаимности. Такое обучение формирует большее понимание культур различных народностей, выявление общих черт и ценностей и, вследствие этого, укрепление отношений между этносами внутри страны [9, с. 111].

Оптимальная стратегия в данном вопросе на сегодняшний день все еще не выработана, однако проводя сравнение между мультикультурализмом и поликультурализмом, выясняется, что последний показал большую результативность, ведь для выстраивания гармоничного сосуществования различных народов и конфессий необходимо налаживание диалога между их представителями, т. к. это способствует развитию почтительности к религиозному и национальному плюрализму [10, с. 94]. При поликультурализме наблюдаются более гармоничные отношения между различными этносами, тогда как политика мультикультурализма показала себя несостоятельной и способной провоцировать политические конфликты внутри страны.

Полученные нами выводы относительно перспектив применения политики мультикультурализма в Западной Европе, безусловно, будут полезны при выборе вариантов решения проблемы поликультурности и в других регионах, где эта проблема только обостряется, в том числе и для сегодняшней России. История России – это история государства с традиционным полиэтничным, поликонфессиональным, поликультурным укладом и в современных исторических реалиях сталкивается с новыми поликультурными вызовами.

Классический мультикультурализм, как продукт западных политических технологий, предполагает наличие иммигрантского общества. Россия пока к таковым не относится. Однако уже сегодня нарастают процессы, которые её приближают к этому состоянию. Так, в новейшей истории России по-настоящему актуальной становится проблема мигрантов.

Следует отметить, что российская проблема от схожей проблемы на Западе отличается тем, что в России сегодня миграция носит преимущественно внутренний характер. «Миграционные потоки «внутреннего зарубежья» – это перемещения граждан одного и того же государства, представляющие российские регионы, отличные от основной части страны по этноконфессиональным характеристикам, но эти миграционные процессы влияют на ситуацию в межэтнических отношениях» [8].

Еще один значительный поток переселенцев представляют приезжие из стран ближнего зарубежья. Отметим, что с принимающей культурой переселенцев объединяет единое советское прошлое, причастность к созданию общей советской культуры, что отличает их от феномена современной западной миграции. Но в обозримом будущем ситуация может коренным образом поменяться. Новые поколения мигрантов в России все чаще представлены людьми, выросшими в постсоветское время, с несравнимо большим культурным отрывом, не владеющих русским языком, следовательно, и напряжённость межэтнических отношений в России может возрасти многократно.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в недалекой перспективе в России не исключается ситуация, схожая с той, которую можно наблюдать в странах, апробирующих мультикультуральную политику. Тем актуальнее становится задача, требующая от нынешних политических элит, в целях укрепления безопасности и стабильности общества, его гармоничного развития, проявлять величайшую осмотрительность и взвешенность при разработке и внедрении тех или иных этнополитических стратегий. Насколько успешной окажется российский вариант политических решений сложнейших проблем национальной идентичности проверит, как всегда, практика.

Список источников

1. Дмитриев А. В. Миграция: конфликтное измерение. М., 2007. 432 с.
2. Андреев Е. В. Проблемы современного западноевропейского мультикультурализма // Обозреватель. 2014. № 5. С. 61–74.
3. Погорельская С. В. Германия и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы. Сб. науч. тр. / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М., 2011. № 4. С. 79–117.
4. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. 350 с.
5. Васильева Т. А. Правовой статус этнических меньшинств в странах Западной Европы // Государство и право. 1992. № 8. С. 133–142.
6. Игнатенко А. А. Ислам в XXI веке: главные направления исследований // Полития. 2007. № 4. С. 7–34.
7. Волкова Т. П. Классические философские концепции мультикультурализма и толерантности // Вестник МГТУ. 2011. № 2. Т. 14. С. 254–259.

8. Неменский О. Б. Соблазн мультикультурализма // Вопросы национализма. 2011. № 4 (8). С. 50–65.
9. Ключев А. А. Проблема европейского миграционного кризиса в контексте концепции мультикультурализма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 1А. С. 107–113.
10. Кондратьева Т. С. Великобритания: Дискуссия по проблемам иммиграции // Актуальные проблемы Европы. Сб. науч. тр / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М., 2005. № 1. С. 88–114.

References

1. Dmitriev A. V. *Migration: a conflict dimension*. Moscow, 2007. 432 p. (In Russ.)
2. Andreev E. V. Problems of modern Western European multiculturalism. *Obozrevatel' = Obozrevatel*. 2014;(5):61–74. (In Russ.)
3. Pogorelskaya S. V. Germany and multiculturalism. In: *Actual problems of Europe*. Moscow, 2011;(4):79–117. (In Russ.)
4. Benhabib S. *Claims of culture. Equality and Diversity in a Global Era*. Moscow; 2003. 350 p. (In Russ.)
5. Vasilyeva T. A. Legal status of ethnic minorities in the countries of Western Europe. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 1992;(8):133–142. (In Russ.)
6. Ignatenko A. A. Islam in the 21st century: main lines of research. *Politiya = Politia*. 2007;(4):7–34. (In Russ.)
7. Volkova T. P. Classical philosophical concepts of multiculturalism and tolerance. *Vestnik MGTU = Bulletin of MSTU*. 2011;2(14):254–259. (In Russ.)
8. Nemensky O. B. The temptation of multiculturalism. *Voprosy natsionalizma = Issues of nationalism*. 2011. № 4 (8). С. 50–65. (In Russ.)
9. Klyuev A. A. The problem of the European migration crisis in the context of the concept of multiculturalism. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2018;7(1A):107–113. (In Russ.)
10. Kondratieva T. S. Great Britain: Discussion on Immigration Problems. In: *Actual Problems of Europe*. Moscow, 2005;(1):88–114. (In Russ.)

Информация об авторах

Д. Б. Бязрова – канд. филос. наук, доц.;
В. К. Тедеева – студ. исторического факультета.

Information about the authors

Ju. B. Byazrova – Associate Professor, Ph.D. philosopher. Sciences,
V. K. Tedeeva – student of the Faculty of History.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2022; одобрена после рецензирования 04.03.2022; принята к публикации 05.03.2022.

The article was submitted 16.02.2022; approved after reviewing 04.03.2022; accepted for publication 05.03.2022

Научная статья

УДК 32

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-163-173

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ В НЕТРАДИЦИОННЫХ СОВРЕМЕННЫХ ВОЙНАХ

Инна Александровна Ветренко¹, Андрей Андреевич Ковалев²

^{1,2}Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

¹vetrenko-ia@ranepa.ru

²kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Статья рассматривает основные проблемы применения современного международного гуманитарного права (права вооруженных конфликтов) в политическом аспекте, возникающие вследствие изменения природы войн. Из-за существенных пробелов в действующем законодательстве в реалиях современных войн отсутствует действенный механизм защиты гражданского населения, постоянно возникают политические риски, которые отражаются на системе дипломатических отношений. Возможности международных уголовных судов ограничены, ибо не за все военные преступления возможно призвать к ответу. Не всегда соблюдается чрезвычайно важный принцип различия комбатантов от гражданского населения, вовлеченного в межгосударственный или внутренний военный конфликт.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, политические вызовы, нетрадиционная война, Женевские конвенции, гражданское население, международные и немеждународные военные конфликты, комбатанты, оговорка Мартенса

Для цитирования: Ветренко И. А., Ковалев А. А. Политические вызовы международному гуманитарному праву в нетрадиционных современных войнах // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 163–173. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-163-173>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

POLITICAL CHALLENGES TO INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN NON-TRADITIONAL MODERN WARS

Inna Aleksandrovna Vetrenko¹, Andrej Andreevich Kovalev²

^{1,2}Northwest Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

¹vetrenko-ia@ranepa.ru

²kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. The article examines the main problems of the application of modern international humanitarian law (the law of armed conflicts) in the political aspect arising from the changing nature of wars. Due to significant gaps in the current legislation in the realities of modern wars, there is no effective mechanism for protecting civilians, political risks constantly arise that affect the system of diplomatic relations. The possibilities of international criminal courts are limited, because not all war crimes can be called to account. The extremely important principle of distinguishing combatants from the civilian population involved in an interstate or internal military conflict is not always respected.

Keywords: international humanitarian law, political challenges, unconventional war, Geneva Conventions, civilian population, international and non-international military conflicts, combatants, Martens clause

For citation: Vetrenko I. A., Kovalev A. A. Political challenges to international humanitarian law in non-traditional modern wars. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):163-173. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-163-173>

Политическая система современного международного гуманитарного права сложилось в бурном XX столетии с его двумя мировыми войнами и бесчисленными человеческими жертвами, будучи структурно оформленным после 1945 г. в Гаагских и Женевских конвенциях. Хотя генеалогия его восходит к войнам Нового времени – прежде всего, к Тридцатилетней войне 1618–1648 гг.,

которая с полным правом может быть названа мировой войной в пределах европейской ойкумены той эпохи. В политической науке современное международное гуманитарное право обычно понимают как совокупность международно-правовых норм и принципов, направленных на защиту жертв войны и регулирующих методы и средства ведения военных действий. В англоязычных странах для обозначения международного гуманитарного права используют термин *International humanitarian law*, а в немецкоязычных – *Humanitäres Völkerrecht*.

Цель данной статьи – выявить политические вызовы, порождаемые основными проблемами применения современного международного гуманитарного права, которые возникают вследствие изменения природы войн и их превращения в войны нетрадиционные.

Методология исследования включает методы общенаучного, сравнительного политического и правового анализа, историко-логический и конкретно-политологические методы (ситуационный анализ или кейс-стади, метод экспертной оценки).

Трактовка международным гуманитарным правом коллизий, связанных с нетрадиционными войнами, не может не привлекать внимание исследователей по причине политической, социокультурной и экзистенциальной актуальности данной проблематики. Некоторые исследователи порой подразделяют нетрадиционные войны на асимметричные и гибридные, а ряд ученых отличает гибридные войны от собственно нетрадиционных, полагая, что таковые включают в себя наряду с чертами обычной, ядерной и химической войн также элементы информационной войны. Нетрадиционные войны также отличаются широким применением оружия массового поражения, а также все более активным участием в них наемных боевиков и религиозных фанатиков.

Рассматриваемая нами проблема очень слабо исследована с позиций политологии, во многом это определило и наш интерес к ней. Следует отметить, что в политической науке чаще всего идет дискуссия о границах гуманитарной сферы права и, совсем редко, о месте этого права в международных отношениях. Последний аспект находит отражение в работах российских политологов П.А. Цыганкова [1], Г.И. Тункина [2].

К рассмотрению вызовов международному гуманитарному праву со стороны войн нового типа и возникающих вследствие этого проблем обращались в последнее время А.К. Бисултанов [3], П.Г. Зверев [4], А.Н. Смирнова [5], И.М. Котляров [6], Ю.В. Пузырева [7], В.Н. Русинова [8] и другие исследователи, работы которых цитируются в этой статье. В немецкоязычной литературе последних лет, доступной отечественному исследователю, обращают на себя внимание статья Вольфганга Шрайбера о сути гибридной войны и правовых аспектах ее регулирования [9], монография Яна Хасса, Эрвина Мюллера и Патриции Шнайдер [10] “Международное гуманитарное право в измерениях права, политики и судебного возмездия”, книга Якоба Келленбергера “Международное гуманитарное право” [11]. Среди англоязычной литературы интересны исследования Джона Кэри и Уильяма Данлэпа [12] и Хилер Маккоубри [13], анализирующие большое количество правовых источников, и работа М. Кицена, посвященная операциям в нетрадиционных войнах [14].

Нетрадиционная война как акт неконтролируемого насилия

Современное международное гуманитарное право довольно жестко регламентирует методы, которые можно использовать в войнах. Так, запрету подлежат те средства истребления живой силы противника, которые причиняют излишние страдания и продлевает агонию людей, или оружие, которое не является точным или легко контролируемым (например, газовые атаки). Тем не менее, в нетрадиционных войнах сдерживать развитие негуманных средств ведения войны очень сложно, поскольку такие войны – асимметричны, а для присутствующих в ней негосударственных группировок имплементация международного гуманитарного права не является приоритетом. «Часто это будет означать, что слабые будут использовать методы, лежащие вне “норм” ведения войны, методы, которые радикально отличаются. Именно этот элемент различия лежит в основе асимметричных подходов» [15, с. 98-99].

В статье “Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России” отечественный политолог И.В. Радиков отмечает: “...война и в XXI веке остается актом насилия. Меняющийся характер структуры насилия неминуемо влечет за собой изменение сущности войны. Новые качественные характеристики войны привносятся глобальными политическими, социальными, экономическими, культурологическими, этническими и религиозными факторами и явлениями; использованием принципиально новых и разнообразных видов оружия; более полным включением в нее окружающей и природной среды. Изменяющаяся в XXI веке среда безопасности требует непрерывного осмысления. Понимание этого необходимо для формирования адекватной политики обеспечения военной безопасности России” [16, с. 153].

Новые войны имеют такие особенности, которые могут напрямую привести к грубым нарушениям международного гуманитарного права: современная война чаще всего подразумевает преднамеренное прямое насилие против гражданского населения. Периодически также применяется

запрещенное международными конвенциями оружие. Многие нерегулярные боевики, религиозные фанатики и наемники сознательно применяют насилие в обход норм международного гуманитарного права.

Как предполагают ученые, одной из наиболее явных недоработок международного гуманитарного права является отсутствие в современных войнах действенной защиты гражданского населения. Исследователь отмечает, что “реальная слабость гуманитарного права заключается в другом: в настоящее время в многочисленных войнах, которые поражают планету, гражданские лица больше не защищены. Все войны, внутренние или международные, приводят к массовым убийствам” [17, с. 125].

Почему так происходит? Причина очень проста: та часть международного гуманитарного права, которая регулирует ведение военных действий, а именно использование средств войны (применяемого оружия) и методов войны (различных способов нападения на противника и борьбы с ним), имеет существенные пробелы.

Некоторые авторы утверждают, что причиной таких недоработок является изначальная неспособность действующих норм международного гуманитарного права эффективно сдерживать насилие, лежащее в основе большинства средств и методов войны [18–19]. Мы согласны с мнением исследователей в том, что средства и методы новых войн действительно имеют решающее значение для понимания причин неконтролируемых массовых зверств в отношении гражданского населения. В новых войнах как основной метод используется именно насилие, направленное против гражданских лиц. Причинение вреда гражданскому населению является основной целью нападения противника. Соответственно, потери или ранения среди гражданского населения не выступают лишь сопутствующим ущербом в нетрадиционных войнах, как это бывало в традиционных. Именно гражданское население несет основные потери в войнах нового типа.

Использование внеправовых методов в войне приводит к совершению военных преступлений. Отсюда возникает неразрывная связь между неадекватностью норм международного гуманитарного права (по крайней мере, тех, которые пытаются регулировать методы ведения войны) и международным уголовным правом, которое является не только последним средством наказания за уже совершенные военные преступления, но и инструментом их предотвращения.

Политические субъекты ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права

Ответственность за нарушения норм международного гуманитарного права, особенно тех, которые считаются серьезными нарушениями Женевских конвенций, является неотъемлемой частью усилий по соблюдению норм международного гуманитарного права и предотвращению нарушений его норм. Существуют различные виды международно-правовой ответственности. Самой очевидной является ответственность главного политического актора - государства. Тем не менее, в нетрадиционных войнах все более важной является роль негосударственных субъектов – наемников и боевиков. Часто возникает необходимость привлечения этих субъектов к ответственности за совершаемые ими нарушения международного гуманитарного права. Примечательно, что лица, официально входящие в состав военной организации, могут быть сравнительно легко привлечены к ответственности и наказаны за любые нарушения международного гуманитарного права через военные суды или любой другой вид дисциплинарного наказания. И это сделать гораздо труднее в случае с воюющими под псевдонимами наемниками и боевиками, в случае которых проблематично выявить сам состав преступления.

Необходимость международной уголовной ответственности за осуществление и обеспечение соблюдения норм международного гуманитарного права трудно переоценить. “Такие нарушения не означают, что международный правопорядок или международное гуманитарное право не являются законом; но это означает, что существует, как и в национальном правовом порядке, необходимость законного противодействия, чтобы показать, что нарушение определенной гуманитарной нормы является нарушением закона” [20, с. 58].

В негосударственных вооруженных формированиях, таких как повстанческие отряды или террористические организации, не всегда существует организованная цепочка командования. Это отсутствие иерархии и командования делает гораздо более трудной задачей определение индивидуальной ответственности. Поскольку нарушения правил ведения войны могут приравниваться к военным преступлениям, уголовное преследование является ключевым фактором обеспечения соблюдения норм международного гуманитарного права. Международное право эффективно только в том случае, если его фактически придерживаются все участвующие в военном конфликте стороны.

Международное гуманитарное право, которое применимо в ситуациях военных действий, то есть в ситуациях, которые уже являются экстраординарными и нарушающими принцип мирного сосуществования, требует, чтобы его нормы были как можно более ясными и четкими. В противном

случае, люди на поле боя не будут заботиться о соблюдении этих правовых норм, которые они даже не в состоянии идентифицировать и понять.

Представьте себе ситуацию, когда военнослужащий защищает свою позицию от вражеских сил. Скажем, эти вражеские силы состоят как из повстанцев из той же страны, что и сам военнослужащий, так и включают в себя вооруженные силы из третьей страны. Можете ли вы представить себе военнослужащего под сильным огнем противника, пытающегося выяснить, кто стреляет, а затем определить, какой именно набор международно-правовых норм должен применяться к тому конкретному человеку, который стреляет. Этот несколько утрированный пример приведен здесь только для того, чтобы подчеркнуть отсутствие правового приоритета, который враждующие стороны могли бы признать в ситуации продолжающихся ожесточенных военных действий.

Исследователи подчеркивают, что инициированная США «глобальная война с терроризмом» спровоцировала те нередкие ситуации, когда государство нападало на негосударственного субъекта на территории третьего государства (которое исследователи называют принимающим государством) [21, с. 124]. В таком случае классификация конфликта будет зависеть от действий принимающего государства: если оно будет сопротивляться военным операциям на своей территории, это приведет к межгосударственным военным действиям, но не обязательно изменит характер военных действий между «атакующим» государством и негосударственным субъектом [22, с. 63]. Что будет способствовать такому изменению характера войны или вооруженного конфликта, так это отношения между принимающим государством и негосударственным субъектом. Например, если принимающее государство поддерживает негосударственного субъекта. В таком случае нормы международного вооруженного конфликта будут применяться, когда негосударственный субъект может быть классифицирован как де-факто государственный агент.

Комментарий к Женевским конвенциям 1949 г., опубликованный Международным Комитетом Красного Креста, привел к изменению толкования ответственности государств в отношении негосударственных субъектов [23]. Во всем мире государства финансируют, вооружают, обучают и оказывают помощь негосударственным субъектам, участвующим в вооруженных конфликтах. Кроме того, негосударственные субъекты предпринимают такие действия, которые, безусловно, нарушили бы международное право, если бы они были предприняты непосредственно государством или его органами.

Новизна комментариев Международного Комитета Красного Креста заключается в том, что Общая статья 1 теперь интерпретируется как возлагающая на государства, участвующие в конфликте, прямую ответственность «обеспечивать уважение» международного гуманитарного права «при любых обстоятельствах», то есть принимать меры для обеспечения соблюдения международного гуманитарного права даже негосударственными субъектами в любом типе вооруженного конфликта (международного или немеждународного).

В комментариях Международного Комитета Красного Креста делается вывод о том, что Общая статья 1 налагает на государства не только негативные обязательства не поощрять нарушения права во время вооруженных конфликтов, но и позитивные обязательства третьих сторон, относящихся к государству, которое тесно координирует свою деятельность с негосударственными субъектами. Исследователи отмечают, что это положение может закрыть правовой пробел в отношении ответственности государств за нарушения со стороны негосударственных субъектов в войнах [24, с. 249].

Еще одна возможность в соблюдении правовых норм в военных действиях – хотя она и не является зафиксированной юридической нормой – это концепция «Ответственность за защиту». Совет Безопасности ООН мог бы сыграть важную роль в укреплении концепции «Ответственность за защиту», имея полномочия передавать ситуации, связанные с жестокими преступлениями, в Международный уголовный суд, с тем чтобы виновные могли быть привлечены к ответственности. Однако после трагических событий 2011 года в Ливии частота использования концепции «Ответственность за защиту» в системе ООН снизилась. Кроме того, «неспособность Совета Безопасности ООН передать современную ситуацию в Сирии на рассмотрение Международного уголовного суда свидетельствует об ограниченных возможностях Международного уголовного суда действительно поощрять концепцию «Ответственность за защиту» в государствах, не являющихся участниками, без поддержки держав, доминирующих в Совете Безопасности ООН»¹.

Одна из наиболее актуальных проблем, с которыми сталкивается международное уголовное право, заключается в том, что юрисдикция Международного уголовного суда слишком ограничена, а это сужает круг преступлений и ситуаций, которые фактически могут быть преследуемы Международным уголовным судом.

¹ Россия и Китай проголосовали против передачи ситуации в Сирии в Международный уголовный суд // Организация Объединенных Наций /URL: <https://news.un.org/ru/story/2014/05/1243271> (дата обращения: 28.01.2022)

Юрисдикция Международного уголовного суда, согласно статье 1 Римского статута, лишь дополняет национальную уголовную юрисдикцию. Концепция “Ответственность за защиту” может быть применена по отношению к правительствам. Исследователи так поясняют эту ситуацию: «Но комплементарность также позволяет Международному уголовному суду косвенно поощрять ответственность, возлагая применение концепции “Ответственность за защиту” на правительства и оказывая на них давление с целью проведения судебных разбирательств, если они хотят избежать вмешательства Международного уголовного суда» [25, с. 397].

Существует научная литература, доказывающая, что эффект сдерживания минимален для многих видов преступного поведения и усиливается только тогда, когда существует высокая вероятность наказания. Однако такие исследования проводятся в основном в национальном контексте, что оставляет мало уверенности в реальном воздействии страха наказания применительно к международному уголовному праву [26].

Соответственно, еще слишком рано непосредственно оценивать потенциал Международного уголовного суда как инструмента сдерживания. Кроме того, тот факт, что угроза наказания не может сдерживать многие преступления внутри стран, не обязательно означает, что потенциальная ответственность перед Международным уголовным судом не повлияет на высокопоставленных политических лидеров. Именно их деятельность может быть при необходимости рассмотрена Международным уголовным судом. И именно политики могут быть намного более расчетливыми, рациональными и бессовестными преступниками, нежели простые смертные, о чем свидетельствует не только опыт истории, но и наполненная трагизмом современность.

С другой стороны, исследователи утверждают, что создание и развитие международных уголовных судов способствует реализации норм международного гуманитарного права, когда государства не желают или не могут преследовать военных преступников, и что последовательное и твердое наказание может иметь сдерживающий эффект: “Страх перед уголовным или дисциплинарным наказанием, в дополнение к сдерживающему эффекту прошлых обвинительных приговоров, является еще одним средством, с помощью которого можно гарантировать соблюдение гуманитарного права” [18, с. 634].

Тем не менее, обеспечение соблюдения норм международного уголовного права и последовательное судебное преследование и суровое наказание за преступления, совершенные в нарушение норм международного гуманитарного права, способны усилить общую защиту, предусмотренную гуманитарным правом. По этой причине международное уголовное право, подкрепленное концепцией “Ответственность за защиту”, может стать одним из путей, по которым следует двигаться в стремлении обеспечить соблюдение норм международного гуманитарного права.

Политика соблюдение прав человека в условиях войны

Принимая во внимание, что международное гуманитарное право было создано для эвентуального применения к государствам и их регулярным вооруженным силам и комбатантам и призвано также рассматривать возможные преступные деяния нерегулярных боевиков или других негосударственных субъектов, вовлеченных в конфликт, то встает вопрос об обеспечении соблюдения прав человека во время войны. Реализация принципа различия там, где воюют негосударственные вооруженные группы, крайне затруднительно, поскольку для нерегулярных боевиков нет статуса комбатанта. Каким образом международное гуманитарное право может быть применено к новым участникам современных войн?

Принцип различия является одним из основных принципов международного гуманитарного права и имеет решающее значение в рамках правовой защиты. Этот принцип определяет, что комбатантов следует четко отличать от гражданского населения. Цель такого различия состоит, во-первых, в том, чтобы помочь защитить гражданских лиц от нападения. Это делается для того, чтобы обосновать гарантии защиты для военнослужащих, которые, например, захвачены вражескими войсками. Принцип различия позволяет легко идентифицировать бойца как такового. Принцип различия служит также цели защиты гражданских объектов путем определения именно военных целей.

Принцип различия имеет первостепенное значение на поле боя, поскольку он действует как защитный барьер от массированных атак на гражданское население, когда не делается различий между военными и гражданскими лицами. При постоянном соблюдении этот принцип может эффективно свести к минимуму потери среди гражданского населения, которые будут ограничиваться сопутствующими потерями, допускаемыми при соблюдении принципа соразмерности. Жертвами войны в начале XX века были в основном военные, в течение ушедшего столетия росли жертвы среди мирного населения (особенно в двух мировых войнах), а с 1990-х годов гибнет, в основном, гражданское население. Это – результат несоблюдения принципа различия.

Однако в нетрадиционных войнах многие негосударственные субъекты не берут на себя обязательства соблюдать нормы международного гуманитарного права, включая принцип различия.

Поскольку наемники и боевики чаще всего не получают статуса участников боевых действий, поэтому нет оснований принимать во внимание принцип различия. “Такие иррегулярные бойцы, то есть бойцы, не принадлежащие к субъекту международного права, участвующему в конфликте, если они захвачены противником, преследуются как преступники и осуждаются за их непосредственное участие в боевых действиях” [27, с. 156].

Более того, нападения на гражданских лиц являются предпочтительным методом ведения боевых действий для многих нерегулярных боевиков. Можно также отметить, что у нерегулярного участника боевых действий имеется мало стимулов соблюдать международное гуманитарное право, учитывая, что лидеры воюющих сторон часто утверждают, что законно наносить противнику удары не только на театре военных действий, но и везде, где он находится [28, с. 58]. Кроме того, военные державы больше не проводят различий между политическими противниками (к которым следует относиться как к гражданским лицам) и вооруженными людьми.

Ученые отмечают, что в 1977 году страны не смогли договориться об определении статуса “гражданского лица” в немеждународных вооруженных конфликтах из-за двух “конфликтующих философий” [29, с. 257]. Одни исследователи отстаивают широкое определение, чтобы максимально повысить степень защиты гражданских лиц, в то время как другие считают, что гражданские лица, участвующие в боевых действиях, представляют такую же большую угрозу, если даже не большую, как и любой другой военнослужащий.

Причина серьезности угрозы, исходящей от нерегулярных боевиков, может быть объяснена отсутствием командования и самой возможности применить международное гуманитарное право в некоторых ситуациях. Члены вооруженной группы, выходящие за рамки определения регулярных вооруженных сил государства, по меньшей мере, так же опасны, если не более, чем члены регулярных вооруженных сил, подчиняющиеся, по крайней мере теоретически, командно-дисциплинарной цепи, которая может обеспечить соблюдение права вооруженного конфликта [30, с. 448]. Боевики или наемники, особенно относящие себя к радикальным исламистам, чаще всего находятся под воздействием наркотических веществ – помимо религиозного дурмана, накрепко засевшего в их головах.

Значительная трудность связана с немеждународными вооруженными конфликтами, поскольку статус участника боевых действий, применимый в международных конфликтах, не распространяется на немеждународные конфликты. Статья 50 Дополнительного протокола I дает следующее определение гражданских лиц и гражданского населения: 1) Гражданским лицом является любое лицо, не принадлежащее к одной из категорий лиц, указанных в статье 4 А (1), (2), (3) и (6) Третьей Конвенции и в статье 43 настоящего Протокола. В случае сомнения в том, является ли лицо гражданским лицом, это лицо считается гражданским лицом; 2) Гражданское население включает всех лиц, являющихся гражданскими лицами; 3) Наличие в составе гражданского населения лиц, не подпадающих под определение гражданских лиц, не лишает население его гражданского характера.

Это определение дополняется определением вооруженных сил, приведенным в статье 43 того же Протокола. Статья 43 “Вооруженные силы” гласит:

1) Вооруженные силы стороны конфликта состоят из всех организованных вооруженных сил, групп и подразделений, находящихся в подчинении командования, ответственным перед этой стороной за поведение своих подчиненных, даже если эта сторона представлена правительством или органом власти, не признанным стороной противника. Такие вооруженные силы подчиняются внутренней дисциплинарной системе, которая, в частности, обеспечивает соблюдение норм международного права, применимых в вооруженном конфликте;

2) Военнослужащие вооруженных сил стороны конфликта (за исключением медицинского персонала и капелланов, подпадающих под действие статьи 33 Третьей Конвенции) являются комбатантами, то есть имеют право непосредственно участвовать в боевых действиях;

3) Всякий раз, когда сторона конфликта включает военизированное или вооруженное подразделение, подлежащее правовой защите, в свои вооруженные силы, она уведомляет об этом другие стороны конфликта.

Статья 4 Третьей Женевской конвенции добавляет:

Военнопленными по смыслу настоящей Конвенции являются лица, принадлежащие к одной из следующих категорий, попавшие во власть врага:

1) Военнослужащие вооруженных сил одной из сторон конфликта, а также ополченцы или добровольческие отряды, входящие в состав таких вооруженных сил;

2) Члены других ополчений и члены других добровольческих корпусов, в том числе организованных движений сопротивления, принадлежащие к стороне конфликта и действующие на своей территории или за ее пределами, даже если эта территория оккупирована;

3) Военнослужащие регулярных вооруженных сил, которые заявляют о своей преданности правительству или власти, не признанной удерживающей стороной;

4) Жители неоккупированной территории, которые при приближении противника спонтанно берутся за оружие для сопротивления вторгшимся силам, не успев сгруппироваться в регулярные вооруженные формирования, при условии, что эти жители открыто носят оружие и соблюдают законы и обычаи войны.

По мнению исследователей, проблема заключается в том, что положение, предоставляющее статус участника боевых действий определенным лицам в международных конфликтах, не фигурирует в Протоколе II как применимое к немеждународным конфликтам [31, с. 39]. Отсутствие статуса комбатанта может нанести ущерб соблюдению международного гуманитарного права, поскольку субъекты, которым не предоставлен статус комбатанта и связанные с ним привилегии, не имеют никакого стимула соблюдать международное гуманитарное право. Другими словами, им нечего терять, даже если они не следуют правилам.

Аналогично тому, как Международный Комитет Красного Креста обновил свой комментарий об ответственности государств в отношении негосударственных субъектов, можно было бы пересмотреть толкование статуса воюющих сторон, чтобы попытаться решить актуальные вопросы, вызванные отсутствием статуса у нерегулярных боевиков.

По крайней мере в теории, действия комбатантов легче сдерживать из-за субординации в войсках, в которые они входят. Если обычный боец нарушает законы войны, он может быть немедленно подвергнут дисциплинарному наказанию. «Это “наказание” должно начаться немедленно, когда такой участник боевых действий захвачен: он или она должны немедленно предстать перед военным трибуналом и, если они будут признаны виновными, подвергнуться серьезным наказаниям. Возможных злоупотреблений со стороны военной силы, захватившей нерегулярного участника боевых действий, можно избежать, прибегнув к определенным механизмам контроля» [32, с. 115].

Интересный вариант применения международного гуманитарного права в отношении негосударственных субъектов связан с возможностью использования концепции “Ответственность за защиту” в качестве формы давления на государства с целью прекращения действий негосударственных субъектов, нарушающих международное гуманитарное право: ведь на практике государства все равно будут нести ответственность за предотвращение или прекращение массовых зверств, происходящих на их территории. Если такие зверства совершаются вооруженными группами на какой-либо части их территории, государства должны реагировать и стремиться остановить их, а если они этого не делают, просить или принимать помощь внешних субъектов.

В противном случае, если они не попросят или не согласятся на такую внешнюю помощь, они могут подвергнуться своевременным и решительным мерам, принятым международным сообществом.

Адаптация норм международного гуманитарного права в условиях новых войн

Другой взгляд на эти актуальные проблемы международного гуманитарного права представляют некоторые авторы, для которых традиционное предположение о том, что нормы международного гуманитарного права разрабатывались с учетом симметричных войн, является неверным [33]. Это предположение приводит к также неуместному представлению о том, что международное гуманитарное право нуждается в замене или пересмотре, чтобы идти в ногу с современными конфликтами [34, с. 355].

Вооруженные негосударственные субъекты затрудняют применение нормативных актов, поскольку, в отличие от государств, они не связаны международным правом, что очень затрудняет обеспечение соблюдения норм международного гуманитарного права. Ведутся дебаты о предоставлении статуса комбатанта вооруженным негосударственным субъектам, являющимся нерегулярными боевиками [35, с. 89].

С одной стороны, они получают особую защиту благодаря этому статусу, но для того, чтобы пользоваться такой защитой, они должны будут соблюдать нормы международного гуманитарного права. Этот стимул для вооруженных негосударственных субъектов соблюдать нормы международного гуманитарного права мог бы положительно сказаться на том, как протекают конфликты, предотвращая, например, грубые нарушения прав человека и зверские преступления. Однако это вовсе не представляется вероятным результатом. С другой стороны, существует опасение, что предоставление вооруженным негосударственным субъектам статуса комбатантов может представлять собой легитимизацию действий нерегулярных боевиков.

Мы считаем, что одна из проблем нынешней дискуссии об адекватности международного гуманитарного права и законов, касающихся войны, заключается в том, что она исходит из предположения, что война коренным образом изменилась и что любой вид насилия, такой как терроризм, является новым видом войны. Поэтому существующие правила, якобы, устарели. Но это не обязательно так. Война носит динамичный характер, и каждый вооруженный конфликт уникален. Это означает, что война не может быть определена неким статичным и неизменным образом,

но это также означает, что даже нетрадиционные войны не являются абсолютной новинкой именно нашего времени. Скажем, элементы информационной войны применялись даже в XIX столетии, не говоря уже о первой половине XX века.

Так что, в конце концов, возможно, дело не в том, что современная международно-правовая база устарела из-за появления новых видов военных действий, а в том, что, когда разрабатывались нынешние правила ведения войны, более насущной проблемой в реальном международно-правовом контексте была организованная война между национальными государствами. В то конкретное время люди, которые разрабатывали правила, были гораздо больше озабочены именно этим видом войны, поэтому установили правила, эффективные для "обычной войны". Впоследствии, когда число традиционных войн стало снижаться и войны постепенно трансформировались в нетрадиционные, отсутствие конкретных правовых норм, касающихся нетрадиционных войн, стало более очевидным.

Это заставляет нас задуматься о том, что было бы желательным исправить ситуацию, сделав нормы международного гуманитарного права более детальными и конкретными или, напротив, более общими и ориентированными на основополагающие принципы (например, принцип гуманизма), с тем чтобы иметь меньший набор правовых норм, которые, наоборот, будут применимы ко всем видам вооруженных конфликтов.

Вместо того чтобы пытаться создавать новые правила каждый раз, когда возникает новая ситуация, одним из возможных решений для преодоления этих пробелов и недостатков в нынешних нормах международного гуманитарного права является использование основополагающих принципов международного права.

Исследователи объясняют трудность создания новых правил, позволяющих идти в ногу со временем, и защищают подход, основанный на использовании базисных правовых принципов для решения этой проблемы [36, с. 139]. Эти недостатки гуманитарного права в некоторой степени неустранимы: иллюзорно думать, что закон может идти в ногу с эволюционирующей реальностью, которая становится все более сложной и имеет тенденцию проскальзывать мимо правовых ограничений. Жизнь всегда богаче наших представлений о ней. Тем не менее, даже если государства не выполняют своего морального обязательства обеспечить надлежащую адаптацию права к реальности, правовые нормы, тем не менее, содержат, по крайней мере, общие принципы, способные регулировать новые явления, принципы, которые должны быть извлечены из этих правил юристами.

Во-первых, закон всегда создается задним числом, исходя из наличной реальности и новизны событий, происходящих в обществе, и в результате закон всегда устаревает, то есть правовые нормы рождаются слишком поздно для той ситуации, которую они должны были регулировать. Во-вторых, из-за этой ретроспективной черты права трудно поддерживать его нормы в актуальном состоянии, особенно в очень динамичных ситуациях, таких как войны, что делает обращение к базисным правовым принципам гораздо более разумным и эффективным. Применение всеобъемлющих принципов международного гуманитарного права для ограничения методов ведения войны не является ни простым, ни прямолинейным. Для того чтобы сделать этот подход эффективным, необходимы ведущие декларационные принципы.

Разумеется, чрезмерное регулирование приносит столько же трудностей (или даже больше), как и недостаточное регулирование. Мы твердо верим, что принципы международного гуманитарного права – особенно принцип гуманности – могут оказать огромную помощь в принятии решения о том, какую правовую норму следует применять. Использование этих принципов в процессе выбора применимых норм, а также в процессе обновления смысла и толкования положений имеет то преимущество, что позволяет позитивному праву адаптироваться к изменениям в обществе.

Например, оговорка Мартенса является эффективным инструментом, позволяющим осуществлять такое обновление правовых норм именно за счет использования основных принципов международного гуманитарного права, в частности гуманности, в качестве фактора трансформации или актуализации правовых смыслов. Ученые проливают свет на постоянный процесс многоуровневых изменений, которые происходят в войне: "...каждое поколение [современной войны] эволюционировало с течением времени" [37, с. 198].

Подведем итоги. Современная геополитическая и международно-правовая реальность бросает ряд вызовов международному гуманитарному праву, которые оформляются и осознаются в правовом и политическом сознании как ряд взаимосвязанных проблем. Во-первых, в реалиях современных войн отсутствует действенный механизм защиты гражданского населения – прежде всего, из-за существенных пробелов в действующем международном праве, ориентированном на решение гуманитарных проблем. В войнах неклассического типа страдает, по большей части, именно гражданское население стран-участниц конфликта. Именно гражданское население несет основные потери вследствие применения оружия массового поражения.

Во-вторых, несмотря на имеющийся опыт проведения международных трибуналов, возможности международных уголовных судов ограничены, ибо не за все военные преступления возможно призвать к ответу виновных политиков и военных.

В-третьих, не всегда соблюдается чрезвычайно важный принцип различия комбатантов от гражданского населения, вовлеченного в межгосударственный или внутренний военный конфликт. Главная трудность состоит в том, что при протекании немеждународных военных конфликтов статус участника боевых действий не распространяется на лиц, вовлеченных в такого рода конфликты.

Политика, а тем более право никогда не было статичной и окаменевшей данностью. Адаптация – это особенность любой правовой системы, которая становится эффективной и последовательной лишь в динамике. Таким образом, возникает вопрос о том, как должна быть осуществлена адаптация правового регулирования войны? На наш взгляд, принципиальный подход, обеспечивающий гибкость и самоадаптацию к нормам международного гуманитарного права, – это путь вперед, поскольку такой подход устойчив даже перед лицом постоянных изменений и позволяет своевременно реагировать на новые вызовы, которые ставит международному гуманитарному праву стремительно изменяющаяся реальность.

Список источников

1. Цыганков П.А. Гуманизация международных отношений: проблемы и противоречия // *Общественные науки и современность*. 1997. № 6. С. 51-59.
2. Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Зерцало-М, 2016. 416 с.
3. Бисултанов А.К. Развитие международного гуманитарного права в условиях изменяющейся природы современных вооруженных конфликтов. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2016. 207 с.
4. Зверев П.Г. Правовой статус законных участников вооруженных конфликтов. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2005. 197 с.
5. Смирнова А.Н. Прогрессивное развитие норм международного гуманитарного права о запрещенных методах и средствах ведения войны. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2017. 186 с.
6. Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов: основные теоретические проблемы и практика. Дисс. докт. юрид. наук. М., 2008. 475 с.
7. Пузырева Ю.В. Международно-правовое регулирование защиты гражданских объектов в период вооруженных конфликтов. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2007. 178 с.
8. Русинова В.Н. Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2005. 210 с.
9. Schreiber W. Der neue unsichtbare Krieg? Zum Begriff der „hybriden“ Kriegsführung. *Aus Politik und Zeitgeschichte*. Ausgabe 35-36. 2016. S. 11-15.
10. Hasse J., Müller E., Schneider P. *Humanitäres Völkerrecht: politische, rechtliche und strafgerichtliche Dimensionen*. Nomos-Verlagsgesellschaft, Baden-Baden 2001. 597 p.
11. Kellenberger J. *Humanitäres Völkerrecht*. Huber-Verlag, Frauenfeld, Stuttgart, Wien, 2010. 359 p.
12. Carey J., Dunlap W. *International Humanitarian Law: Origins*. Dobbs Ferry, N.Y, Transnational Pub, 2003. 300 p.
13. McCoubrey H. *International Humanitarian Law*. Aldershot, UK: Ashgate Publishing, 1999. 227 p.
14. Kitzen M. *Operations in Irregular Warfare*. In: Sookermany A. (eds) *Handbook of Military Sciences*, Springer, Cham, 2020. P. 1-21.
15. Воронова О.Е. Современные информационные войны: типология и технологии. Рязань, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2018. 187 с.
16. Радиков И.В. Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. I. С. 150-153.
17. Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 225 с.
18. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы: очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле, 2016. 831 с.
19. Попов Ю.П. Будни войны: философско-критические этюды о войне. М.: Перо, 2014. 123 с.
20. Мовчан А.П. Международный правопорядок. М.: ИГПАН, 1996. 101 с.
21. Щегловин Ю.Б. Размышления о борьбе с терроризмом. М.: Институт Ближнего Востока, 2015. 227 с.
22. Бутков П.П., Зайцев А.И. Терроризм и проблема безопасности в современном мире. СПб: Изд-во Политехнического университета, 2015. 325 с.
23. Комментарий к Дополнительному протоколу II от 8 июня 1977 года к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера. Москва, Междунар. Ком. Красного Креста, 2019. 303 с.
24. Тюшкевич С.А. О законах войны: вопросы военной теории и методологии. М.: Проспект, 2017. 349 с.

25. Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве. Казань: Центр инновационных технологий, 2016. 487 с.
26. Трикоз Е.Н. Систематизация международного уголовного права: история и практика. М.: Российский университет дружбы народов, 2019. 150 с.
27. Арзуманян Р.В. Стратегия иррегулярной войны: теория и практика применения: теоретические и стратегические проблемы концептуализации, религиозные и военно-политические отношения в операционной среде иррегулярных военных действий. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов, 2015. 333 с.
28. Гриняев С.Н. Военное противоборство в современных условиях: новейший опыт, оценки, тенденции. Москва, Центр стратегических оценок и прогнозов, 2014. 135 с.
29. Карякин В.В., Козин В.П. Военная политика и стратегия США в геополитической динамике XXI века. М.: Граница, 2014. 364 с.
30. Леншин С.И. Международное гуманитарное право о законах и обычаях современных вооруженных конфликтов. М.: Издательский дом ФГБОУВО "ГУУ", 2018. 513 с.
31. Мишуткин И.В., Леншин С.И. Соблюдение норм международного гуманитарного права: пособие военнослужащему Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. 144 с.
32. Русинова В.Н. Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование. М.: Юрлитинформ, 2006. 189 с.
33. Моррис Я. Война! Для чего она нужна? Конфликт и прогресс цивилизации – от приматов до роботов. М.: Кучково Поле, 2016. 589 с.
34. Зверев П.Г. Применимость международного гуманитарного права во время миротворческих операций Организации Объединенных Наций. М.: Юрлитинформ, 2018. 525 с.
35. Гончаренко В.Д. Институт гуманитарного вмешательства в современных международных отношениях. Екатеринбург: Издательские решения, 2016. 138 с.
36. Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека. М.: Статут, 2015. 382 с.
37. Тюшкевич С.А. Законы войны: сущность, механизм действия, факторы использования. М.: Кн. и бизнес, 2002. 357 с.

References

1. Tsygankov P.A. Humanization of international relations: problems and contradictions // *Obschestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 1997; 6; 51-59. (In Russ.)
2. Tunkin G.I. *Theory of international law*. Moscow: Zertsalo-M, 2016. 416 p. (In Russ.)
3. Bisultanov A.K. *The development of international humanitarian law in the changing nature of modern armed conflicts*. Diss. cand. jurid. M., 2016. 207 p. (In Russ.)
4. Zverev P.G. *The legal status of legitimate participants in armed conflicts*. Diss. cand. jurid. M., 2005. 197 p. (In Russ.)
5. Smirnova A.N. *Progressive development of the norms of international humanitarian law on prohibited methods and means of warfare*. Diss. cand. jurid. M., 2017. 186 p. (In Russ.)
6. Kotlyarov I.I. *International legal regulation of armed conflicts: the main theoretical problems and practice*. Diss. doct. jurid. M., 2008. 475 p. (In Russ.)
7. Puzyreva Yu.V. *International legal regulation of the protection of civilian objects during armed conflicts*. Diss. cand. jurid. M., 2007. 178 p. (In Russ.)
8. Rusinova V.N. *Violations of international humanitarian law: individual criminal responsibility and prosecution*. Diss. cand. jurid. M., 2005. 210 p. (In Russ.)
9. Schreiber W. *Der neue unsichtbare Krieg? Zum Begriff der „hybriden“ Kriegsführung*. Aus Politik und Zeitgeschichte. Ausgabe 35-36. 2016. S. 11-15. (In Germ.)
10. Hasse J., Müller E., Schneider P. *Humanitäres Völkerrecht: politische, rechtliche und strafgerichtliche Dimensionen*. Nomos-Verlagsgesellschaft, Baden-Baden 2001. 597 p. (In Germ.)
11. Kellenberger J. *Humanitäres Völkerrecht*. Huber-Verlag, Frauenfeld, Stuttgart. Wien, 2010. 359 p. (In Germ.)
12. Carey J., Dunlap W. *International Humanitarian Law: Origins. Dobbs Ferry*. N.Y, Transnational Pub, 2003. 300 p. (In Eng.)
13. McCoubrey H. *International Humanitarian Law*. Aldershot. UK: Ashgate Publishing, 1999. 227 p. (In Eng.)
14. Kitzen M. *Operations in Irregular Warfare*. In: Sookermany A. (eds) *Handbook of Military Sciences*, Springer, Cham, 2020. P. 1-21. (In Eng.)
15. Voronova O.E. *Modern information wars: typology and technologies*. Ryazan, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, 2018. 187 p. (In Russ.)
16. Radikov I.V. War in the XXI century and the new semantics of the military doctrine of Russia. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2015:5(55): in 2 h. Ch. I; 150-153. (In Russ.)

17. Kokoshin A.A. *Questions of applied theory of war*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. 225 p. (In Russ.)
18. Popov I.M., Khamzatov M.M. *The war of the future: conceptual foundations and practical conclusions: essays of strategic thought*. Moscow: Kuchkovo field, 2016. 831 p. (In Russ.)
19. Popov Yu.P. *Everyday life of war: philosophical and critical studies about the war*. Moscow: Pero, 2014. 123 p. (In Russ.)
20. Movchan A.P. *International law and order*. Moscow: IGPAN, 1996. 101 p. (In Russ.)
21. Shcheglovina Yu.B. *Reflections on the fight against terrorism*. Moscow: Institute of the Middle East, 2015. 227 p. (In Russ.)
22. Butkov P.P., Zaitsev A.I. *Terrorism and the problem of security in the modern world*. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic University, 2015. 325 p. (In Russ.)
23. *Commentary to Additional Protocol II of June 8, 1977 to the Geneva Conventions of August 12, 1949, concerning the protection of victims of non-international armed conflicts*. Moscow, International Com. Red Cross, 2019. 303 p. (In Russ.)
24. Tyushkevich S.A. *On the laws of war: questions of military theory and methodology*. Moscow: Prospect, 2017. 349 p. (In Russ.)
25. Kayumova A.R. *Criminal jurisdiction in international law*. Kazan: Center of Innovative Technologies, 2016. 487 p. (In Russ.)
26. Trikoz E.N. *Systematization of international criminal law: history and practice*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2019. 150 p. (In Russ.)
27. Arzumanyan R.V. *Strategy of irregular warfare: theory and practice of application: theoretical and strategic problems of conceptualization, religious and military-political relations in the operational environment of irregular warfare*. Moscow: Center for Strategic Assessments and Forecasts, 2015. 333 p. (In Russ.)
28. Grinyaev S.N. *Military confrontation in modern conditions: the latest experience, estimates, trends*. Moscow, Center for Strategic Assessments and Forecasts, 2014. 135 p. (In Russ.)
29. Karyakin V.V., Kozin V.P. *U.S. military policy and strategy in the geopolitical dynamics of the XXI century*. Moscow: Border, 2014. 364 p. (In Russ.)
30. Lenshin S.I. *International humanitarian law on the laws and customs of modern armed conflicts*. Moscow: Publishing house of FGBOUVO "GUU", 2018. 513 p. (In Russ.)
31. Mishutkin I.V., Lenshin S.I. *Compliance with the norms of international humanitarian law: a manual for a serviceman of the Armed Forces of the Russian Federation*. Moscow: GUU Publishing House, 2017. 144 p. (In Russ.)
32. Rusinova V.N. *Violations of international humanitarian law: individual criminal responsibility and prosecution*. Moscow: Yurlitinform, 2006. 189 p. (In Russ.)
33. Morris Ya. *The war! What is it for? Conflict and the progress of civilization - from primates to robots*. Moscow: Kuchkovo Field, 2016. 589 p. (In Russ.)
34. Zverev P.G. *Applicability of international humanitarian law during United Nations peacekeeping operations*. Moscow: Yurlitinform, 2018. 525 p. (In Russ.)
35. Goncharenko V.D. *Institute of Humanitarian Intervention in Modern International Relations*. Yekaterinburg: Publishing Solutions, 2016. 138 p. (In Russ.)
36. Rusinova V.N. *Human rights in armed conflicts: problems of correlation between the norms of international humanitarian law and international human rights law*. Moscow: Statute, 2015. 382 p. (In Russ.)
37. Tyushkevich S.A. *Laws of war: essence, mechanism of action, factors of use*. M.: Book and business, 2002. 357 p. (In Russ.)

Информация об авторах

И. А. Ветренко – докт. полит. наук, проф., зав. кафедрой социальных технологий;

А. А. Ковалев – канд. полит. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления.

Information about the authors

I. A. Vetrenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Social Technologies;

A. A. Kovalev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 17.02.2022.

The article was submitted 28.01.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 17.02.2022.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-174-178

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ УРОКИ И ПОЛИТИКА ОБРЕТЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

Лев Николаевич Гончаренко¹, Элина Борисовна Авакова², Артем Александрович Кузнецов³

¹Балтийский гуманитарный институт, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

^{2,3}Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия

¹lngksp@rambler.ru

²elina_avakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5305-5748>

³artsmith@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0995-8405>

Аннотация. В статье обосновывается необходимость анализа и переосмысления восприятия итогов Гражданской войны в массовом сознании населения современной России с целью восстановления общенационального согласия по вопросам политического, экономического и духовного развития страны. Современное российское общество находится достаточно далеко от выработки консолидированного исторического сознания и общенационального консенсуса по важнейшим вопросам недавнего прошлого страны, что препятствует становлению социально-политического единства российского общества.

Ключевые слова: внутренняя политика России, Гражданская война, российское общество, социальные уроки, политические противоречия, политика компромисса, историческое единство, социально-политическое единство, общенациональный консенсус

Для цитирования: Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б., Кузнецов А. А. Гражданская война и современная Россия: социальные уроки и политика обретения исторического единства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 174–178. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-174-178>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE CIVIL WAR AND MODERN RUSSIA: SOCIAL LESSONS AND THE POLITICS OF FINDING HISTORICAL UNITY

Lev N. Goncharenko¹, Elina B. Avakova², Artem A. Kuznetsov³

¹Baltic Institute of Humanities, Saint Petersburg, Russia

²Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

²Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI", Saint-Petersburg, Russia

^{2,3}Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia

¹lngksp@rambler.ru

²elina_avakova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5305-5748>

³artsmith@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0995-8405>

Abstract. The article substantiates the need to analyze and rethink the perception of the results of The Civil War in the mass consciousness of the population of modern Russia in order to restore national consensus on the issues of the political, economic and spiritual development of the country. Modern Russian society has not yet completely overcome the former split and it's far enough away from developing a consolidated historical consciousness and national consensus on the most important issues of the country's recent past, which hinders the formation of socio-political unity of Russian society.

Keywords: domestic policy of Russia, The Civil War, Russian society, social lessons, political controversies, policy of compromise, historical unity, socio-political unity, national consensus.

For citation: Goncharenko L. N., Avakova E. B., Kuznetsov A. A. The Civil War and modern Russia: social lessons and the politics of finding historical unity. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):174–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-174-178>.

Установление Советской власти в России в конце октября 1917 г. было ознаменовано началом Гражданской войны. Ее первыми всполохами стал сам вооруженный захват власти в Петрограде и ожесточенные бои в Москве. После этих событий гражданское противостояние стало распространяться во все больших масштабах по огромным пространствам российского государства, становясь все более ожесточенным и бескомпромиссным. В конечном счете, это противостояние приобрело масштабы Великой Российской Смуты, в которой участвовали Красные и Белые, формирования вновь создаваемых этнократических квазигосударств, крестьянские и бандитские анархистствующие формирования, а также иностранные интервенты, представлявшие самые разные государства и народы. Это была самая масштабная и кровопролитная Гражданская война за всю более чем 1000-летнюю историю России. Недопущение такого рода событий в будущем актуализирует данную тему и предопределяет ее научную значимость.

Тема гражданской войны в литературе освещена весьма широко. Свой вклад в изучение проблематики и событий Гражданской войны, хотя и с диаметрально разных позиций, внесли советские [См., напр.: 1-3] и эмигрантские исследователи [См., напр.: 4-6], а также непосредственные участники этой трагедии [См., напр.: 7-10] и зарубежные ученые [См., напр.: 11-14]. Изучение Гражданской войны очень интенсивно продолжается и в современной России [См., напр.: 15-18]. Однако, сосредотачивая свое внимание на конкретных событиях и судьбах участников Гражданской войны, исследователи недостаточно уделяют внимание последствиям и урокам этого трагического противостояния для современного российского государства и общества [19; 20]. Дискуссионными до сегодняшнего дня остаются вопросы о сроках начала и окончания Гражданской войны в России, ее виновниках, а также в какой степени современному российскому обществу удалось преодолеть вызванный ею общественный раскол.

Цель данной работы попытаться осмыслить некоторые наиболее очевидные последствия и уроки Гражданской войны для современной российской государственности и общества. Все это имеет не только научное, но и практическое значение, особенно в контексте тех кардинальных изменений, которые произошли в России за последние 30 лет ее истории. Объем данной работы не позволяет всесторонне и подробно осветить данную проблематику, а лишь ставит цель обозначить некоторые основные направления научного дискурса в этом вопросе.

Гражданская война привела к крушению того хрупкого общенационального согласия, благодаря которому Россия в 1917 г., пусть с запозданием, через кризисы и отставки Временного правительства продвигалась к созыву нового «хозяина земли русской» – Учредительного собрания. Гражданская война началась в момент, когда Россия, участвовавшая в Первой мировой войне, переживала огромные трудности, однако шла к победе в этой войне в составе блока Антанты и могла, как страна победительница, рассчитывать на ряд территориальных приобретений и получение репараций с поверженных противников. Начавшаяся Гражданская война круто поменяла ситуацию, как внутри страны, так и ее позиционирование на международной арене. Развязанный гражданский конфликт окончательно разрушил все надежды на компромисс между различными политическими силами внутри страны и сохранение за ней статуса великой державы. Патриотические силы России, участвовавшие в Гражданской войне и представленные Белым движением, при всей их политической разнородности (от монархистов до правых социалистов) исходили из примата самоценности российской государственности для существования народов России, православия как основы русской идентичности, сохранения русского языка как языка государствообразующего народа и единой общероссийской культуры. Все эти цели выражались в формуле «Единая, Неделимая и Великая Россия».

Другая, утверждавшаяся в ходе Гражданской войны большевиками-интернационалистами, парадигма строилась на марксистской глобалистской утопии о всемирно-исторической миссии пролетариата, неизбежности мировой революции и построении, в конечном счете, на планете Земля нового, справедливого общества под названием коммунизм. Революция в России рассматривалась ими лишь как толчок к началу этой революции, как составная часть этой революции, в результате которой должно было возникнуть мировое братство трудящихся всего мира. С самого начала и практически до конца существования Красного проекта все эти догматы оспаривались, как отдельными мыслителями, так и разными научными сообществами, общественными движениями и государствами. Все они рассматривались большевиками как враги революции, «агенты буржуазии», не понимавшие научных закономерностей развития исторического процесса и отстаивавшие свои эгоистические интересы, а поэтому подлежали безжалостному уничтожению.

Большевицкая революция представляла собой волевое вмешательство в естественно-исторический процесс в целях создания совершенного человеческого общества. Гражданская война в этой ситуации рассматривалась лидерами большевизма в качестве средства достижения этой цели.

Как показали дальнейшие события, они оказались столь же губительными для страны, как и попытки человека вмешиваться в природные процессы. В настоящее время очевидно, что красно-белый дискурс, разрешавшийся в годы Гражданской войны методами прямого военного столкновения, не только привел страну к национальной трагедии, но и нес в себе угрозу ее полного уничтожения, а также продолжает оказывать огромное влияние на положение современной российской государственности и российского общества.

В годы Гражданской войны было окончательно утеряно, и не восстановлено до настоящего времени, общенациональное согласие по важнейшим вопросам политического, экономического и духовного развития страны. Этот раскол дал свои ядовитые всходы в годы Великой Отечественной войны (РОА, нацистские формирования в Прибалтике и на Украине из представителей других российских этносов). Насилие по отношению к идейным противникам в годы Гражданской войны и впоследствии достигло огромных масштабов, что продолжает отягощать сознание новых поколений российских граждан. Восстановление общенационального согласия по важнейшим вопросам внутреннего развития страны – ключевая задача, стоящая перед российским обществом. Открывая памятник Примирения Белых и Красных в Севастополе 4 ноября 2021 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркивал, «что Россия помнит и любит всех преданных ей сынов и дочерей с какой бы стороны баррикад они когда-то ни находились, что наша страна вновь обрела историческое единство»¹.

Гражданская война привела не только к массовой гибели людей, но спровоцировала массовый исход из страны миллионов ее граждан, представлявших политическую, экономическую и духовную элиту России. Огромный урон был нанесен российскому крестьянству. Гражданская война положила начало процессу дезинтеграции России. Аргумент, выдвигаемый некоторыми историками, что большевики воссоздали в новом качестве Российскую империю, не выдерживает критики. Их главная цель заключалась в сохранении своей власти во имя воплощения в жизнь революционных идеалов. Сдача (Финляндия, Польша, запад Карелии, Украины, Белоруссии и Молдавии) и раздел территорий исторической России на множество национально-государственных образований разного уровня (союзные и автономные республики, национальные округа и даже районы) рассматривались ими как сугубо тактические и временные уступки во имя достижения поставленной глобальной цели. В реальности все сложилось иначе, мировая революция так и не произошла. Правда при Сталине, занявшем патриотические позиции, многие территории исторической России, потерянные в Гражданскую войну, были возвращены. Однако, большая их часть была присоединена не к РСФСР, а к Украине, Белоруссии, Молдавии, а также стала основой для образования советских республик в Прибалтике. Это предопределило их новую утрату в результате распада СССР.

Важнейшим уроком этой войны является необходимость осознания всеми политическими силами страны недопустимости скатывания общества в состояние военного гражданского противостояния, а также безальтернативность осуществления политики компромисса между соперничающими политическими силами в борьбе за власть.

Сегодня совершенно ясно, что Гражданская война не только разделила нацию, но и исказила глубинные смыслы существования российской цивилизации. Недаром возвращение к ним накануне Великой Отечественной войны стало необходимым и неизбежным шагом сталинского руководства. Физическое уничтожение социальных конструкторов и революционных радикалов в предвоенный период, проведенное в соответствии с методами Гражданской войны, тем не менее, позволило избавить страну от попыток новых революционных экспериментов и консолидировать нацию (Советский народ) на созидательной патриотической основе. В дальнейшем Красный проект неуклонно трансформировался в направлении традиционных ценностей Российской государственности и возрождения идеалов соборности. К сожалению, бездумная попытка трансформации советского общества в период, так называемой, Перестройки на основе ценностей западной цивилизации привела к отходу от этой тенденции и последующему разрушению исторического пространства России.

В современных условиях необходим новый, консолидированный взгляд российской нации на события Гражданской войны, основанный на абсолютном приоритете самоценности российской государственности как основной формы выживания народа и особой миссии уникальной российской цивилизации в формирующемся многополярном мире. Необходимо продолжить формирование устойчивого неприятия всеми слоями российского социума насильственных способов разрешения общественных проблем и противоречий, бесперспективности волюнтаристских методов преобразования различных сфер общественной жизни, несущих в себе угрозу перерастания в полномасштабную гражданскую войну.

¹ Поздравление с Днем народного единства: официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67065> (дата обращения: 01.02.2022).

Произошедшие на рубеже XX–XXI вв. изменения в стране и в мире требуют серьезного переосмысления событий Гражданской войны, создания эффективного государственно-правового механизма на основе выработки общенационального консенсуса, позволяющего полностью исключить повторения такого рода трагедий в будущем. Такого рода переосмысление и выработка общенационального консенсуса строится на основе глубинных народных ценностей российской цивилизации [21]. «Добросовестный труд, частная собственность, свобода предпринимательства – подчеркивал в одном из своих выступлений Президент РФ В.В. Путин, – это такие же базовые, консервативные, подчеркнутые ценности, как и патриотизм, уважение к истории, традициям и культуре своей страны» [22, с. 345].

На страже нового облика российского общества и его социальной стабильности стоит Конституция Российской Федерации. Она гарантирует права и свободы личности, не допускает пропаганду и агитацию, возбуждающую «социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду». Конституция запрещает «пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства»¹. Реализация данной нормы на практике требует постоянного внимания и усилий со стороны государства и всех граждан страны. Это предполагает новое качество Исторической Памяти и извлечение самых серьезных уроков из прошлого. Только такой подход позволяет навсегда исключить возможность повторения такого рода событий в будущем, обеспечить достойную жизнь новых поколений российских граждан и процветание их Родины.

Список источников

1. История гражданской войны в СССР: в 5 т. / Ред. А. М. Горький, И. В. Сталин, С. М. Буденный. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1935-1960.
2. Антисоветская интервенция и ее крах. 1917–1922. М.: Политиздат, 1987.
3. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. М.: Мысль, 1987.
4. Лехович Д. В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992.
5. Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: в 3-х т. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001.
6. Мельгунов С. П. «Красный террор» в России, 1918-1923. Изд. 2-ое доп. Берлин, 1924.
7. Якир И. Э. Воспоминания о гражданской войне. М.: Воениздат, 1957.
8. Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991.
9. Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.): в 2-х кн. М.: Менеджер; Пенза: Космос, 1991.
10. Махно Н. И. Воспоминания. М.: Республика, 1992.
11. Party, state, and society in The Russian Civil War: explorations in social history / ed. by Diane P. Koenker, William G. Rosenberg, a. Ronald Grigor Suny. Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, cop. 1989.
12. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.
13. Figes O. The Red Army and Mass Mobilization during The Russian Civil War 1918-1920. Past & Present. (129). 1990. P. 168–211.
14. Kenez P. The Ideology of the White Movement. Soviet Studies. 32(1). 1980. P. 58–83.
15. Бутаков Я.А. Белое движение на юге России: Концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 гг.). М., 2000.
16. Шишов А.В. Юденич. Генерал суворовской школы. М.: Вече, 2004.
17. Мультатули П.В. Николай II. Дорога на Голгофу: свидетельства о Христе до смерти... М.: АСТ: Астрель, 2010.
18. Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011.
19. Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б. К 100-летию окончания Гражданской войны в России: уроки социального раскола и задачи национального примирения // Морская стратегия и политика России в контексте обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития в XXI веке: сборник научных трудов. Севастополь: ЧВВМУ имени П.С. Нахимова, 2021. С. 28–35.
20. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б., Кузнецов А.А. Гражданская война и современная Россия: восстановление общенационального согласия // Информация – Коммуникация – Общество (ИКО–2022): Труды XIX Всероссийской научной конференции / Санкт-Петербург, 2–3 февраля 2022 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ, 2022. С. 58–62.
21. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. К вопросу о государственной идеологии современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 31. С. 6–20. DOI 10.26516/2073-3380.2020.31.6.
22. Путин В.В. Прямая речь: в 3 т. М.: Звонница-МГ: Новый ключ, Т. 1. 2016.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.01.2021).

References

1. *The history of the Civil War in the USSR*: in 5 vol. / Ed. A.M. Gorky, I.V. Stalin, S.M. Budyonny. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1935-1960. (In Russ.)
2. *Anti-Soviet intervention and its collapse. 1917-1922*. Moscow: Politizdat, 1987. (In Russ.)
3. Shkarenkov L.K. *The agony of white emigration*. 3rd ed. Moscow: Mysl, 1987. (In Russ.)
4. Likhovitch D.V. *White vs. Red. The fate of General Anton Denikin*. Moscow: Sunday, 1992. (In Russ.)
5. Gul R.B. *I carried away Russia: The Apology of emigration*: in 3 vol. Moscow: B.S.G.-Press, 2001. (In Russ.)
6. Melgunov S.P. *"Red Terror" in Russia, 1918-1923*. Ed. 2nd add. Berlin, 1924. (In Russ.)
7. Yakir I.E. *Memories of The Civil War*. Moscow: Voenizdat, 1957. (In Russ.)
8. Trotsky L.D. *My life: The experience of autobiography*. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House, 1991. (In Russ.)
9. Wrangel P.N. *Notes (November 1916 - November 1920)*: in 2 books. Moscow: Manager; Penza: Cosmos, 1991. (In Russ.)
10. Makhno N.I. *Memories*. Moscow: Republic, 1992. (In Russ.)
11. *Party, state, and society in The Russian Civil War: explorations in social history* / ed. by Diane P. Koenker, William G. Rosenberg, a. Ronald Grigor Suny. Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, cop. 1989.
12. *Behind the Front Lines of The Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918-1922*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.
13. Figes O. *The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918-1920. Past & Present*, (129), 1990:168-211.
14. Kenez P. *The Ideology of the White Movement. Soviet Studies*. 1980;32(1):58-83.
15. Butakov Ya.A. *White Movement in the South of Russia: The concept and practice of state construction (late 1917 - early 1920)*. Moscow, 2000. (In Russ.)
16. Shishov A.V. *Yudenich. General of the Suvorov school*. Moscow: Veche, 2004. (In Russ.)
17. Multatuli P.V. *Nicholas II. The Road to Golgotha: bearing witness to Christ before death...* Moscow: AST: Astrel, 2010. (In Russ.)
18. Kruchinin A.S. *Admiral Kolchak: life, feat, memory*. Moscow: AST: Astrel: Polygraphizdat, 2011. (In Russ.)
19. Goncharenko L.N., Avakova E.B. *On the 100th anniversary of the end of The Civil War in Russia: the lessons of social division and the tasks of national reconciliation // Maritime strategy and policy of Russia in the context of ensuring national security and sustainable development in the XXI century: a collection of scientific papers*. Sevastopol: ChVVMU named after P.S. Nakhimov, 2021:28-35. (In Russ.)
20. Goncharenko L.N., Avakova E.B., Kuznetsov A.A. *The Civil War and modern Russia: the restoration of national accord // Information – Communication – Society (ICOS-2022): Proceedings of the XIX All-Russian Scientific Conference / St. Petersburg, 2-3 February 2022 SPb.: Izd-vo Etu, 2022:58-62. (In Russ.)*
21. Goncharenko, L. N., Avakov, E. B. the question of the state ideology of modern Russia // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Irkutsk state University. Series: Political Science. Religious studies*. 2020(31):6-20. DOI 10.26516/2073-3380.2020.31.6. (In Russ.)
22. Putin V.V. *Direct speech*: in 3 t. Moscow: Zvonnic-MG: Novy klyuch, 2016(1) (In Russ.)

Информация об авторах

Л. Н. Гончаренко – докт. ист. наук, проф. кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин;

Э. Б. Авакова – канд. социол. наук, доц. Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью; доц. кафедры социологии и политологии; доц. кафедры рекламы и связей с общественностью.

А. А. Кузнецов – преп. кафедры рекламы и связей с общественностью.

Information about the authors

L. N. Goncharenko – Doctor of History, Professor at the Department of Humanities and Socio-economic Disciplines;

E. B. Avakova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Graduate School of Media Communications and Public Relations; Associate Professor of Department of Sociology and Political Science; Associate Professor of Department of Advertising and Public Relations;

A. A. Kuznetsov – Lecturer at the Department of Advertising and Public Relations.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 11.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 327.51

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-179-185

СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ – ГЛАВНЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИГРОКОВ НА КАРТЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Давид Кромвелович Григорян¹, Евгения Николаевна Кондратенко²,
Даниил Михайлович Бекленищев³

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, davo-davo23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

²zen2710@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0286-5131>

³beklenishhev.danya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5475-6557>

Аннотация. В статье проведен анализ экономических и политических элит – главных геополитических игроков на карте Ближнего Востока. На конкретных примерах демонстрируется связь финансовых интересов владельцев крупных капиталов и политического руководства различных государств. Выявлено, что Ближний Восток является важнейшим географическим пространством, на территории которого сталкиваются интересы политических и экономических элит основных региональных и мировых геополитических держав.

Ключевые слова: политическая элита, экономическая элита, Ближний Восток, Россия, США, конкуренция, военно-промышленные комплексы, террористические организации, российско-сирийские отношения

Для цитирования: Григорян Д. К., Кондратенко Е. Н., Бекленищев Д. М. Столкновение интересов экономических и политических элит – главных геополитических игроков на карте Ближнего Востока // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 179–185. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-179-185>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

COLLISION OF INTERESTS OF ECONOMIC AND POLITICAL ELITES – THE MAIN GEOPOLITICAL PLAYERS ON THE MAP OF THE MIDDLE EAST

David K. Grigoryan¹, Evgenia N. Kondratenko², Daniil M. Beklenishchev³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia, davo-davo23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

²zen2710@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0286-5131>

³beklenishhev.danya@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5475-6557>

Abstract. The article analyzes the economic and political elites - the main geopolitical players on the map of the Middle East. Not specific examples demonstrate the connection between the financial interests of the owners of large capitals and the political leadership of various states. It has been revealed that the Middle East is the most important geographical space, on the territory of which the interests of political and economic elites of the main regional and world geopolitical powers collide.

Keywords: political elite, economic elite, Middle East, Russia, USA, competition, military-industrial complexes, terrorist organizations, Russian-Syrian relations

For citation: Grigoryan D. K., Kondratenko E. N., Beklenishchev D. M. Collision of interests of economic and political elites – the main geopolitical players on the map of the Middle East. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):179–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-179-185>.

Начиная с древних времен в человеческом обществе стали формироваться лидерские группы, на которых ориентировалась вся социальная общность какого-либо государственного образования. Эти лидерские общности решали разнообразные внутригосударственные вопросы и проблемы, но также решались и вопросы внешней политики, а именно, взаимоотношения с соседними государствами, дела мира и войны. Тем самым, были сформированы политические элиты – совокупность лиц, обладающих политическим влиянием и привилегированным положением в обществе и непосредственно участвующих в принятии важных политических решений.

Помимо политических элит стали формироваться экономически сильные общности – экономические элиты, наиболее богатые члены общества: крупные собственники, банкиры, руководители финансово-промышленных групп, главы ведущих корпораций, владельцы крупных капиталов. Они обладали очень важным инструментом политического давления – крупным финансовым капиталом. Именно благодаря ему интересы экономической элиты прямо или косвенно оказывают определенное влияние на характер решений, принимаемых политической элитой. В истории немало примеров, когда из-за финансовых интересов экономических элит, политическое руководство государства было вынуждено вмешиваться в внутригосударственные дела другого государства или даже развязывать войну, что вызывало ряд последствий, главным из которых является столкновение политических и экономических элит государств [1, с. 236]. Одним из таких примеров является гражданская война в Японии во второй половине 19 века во время «Революции Мэйдзи» [2, с. 15]. Императорский двор Муцухито, нацеленный на внедрение в японское общество западных ценностей и технологий, противостоял самураям сегуната Токугавы. Политические представители и промышленники европейских стран, а также США стали прибывать в Японию, чтобы заключать важные «кабальные» экономические договоры, которые были особенно выгодны западным странам. В частности, из-за давления экономической элиты США, американское правительство было вынуждено послать в Японию своих военных специалистов, а также небольшое количество элитных армейских подразделений, чтобы на деле показать, каким образом работает американское вооружение. Именно во время «Революции Мэйдзи» произошло крупнейшее за всю вторую половину 19 века противостояние западных экономических элит. Послы стран, а также представители корпораций конкурировали в борьбе за обладание жизненно-важными торговыми контрактами, еще более разжигая гражданскую войну.

Подобным примером является нападение ВВС Японии на базу ВМС США «Перл-Харбор» 7 декабря 1941 года, после которого США официально объявило войну Японии. Многие политологи, в том числе и известный американский политический ученый Збигнев Бжезинский в интервью каналу «ВВС» утверждали, что вступление США в войну с Японией было выгодно американской экономической элите, которая в Южно-Азиатском регионе столкнулось с сильнейшим противодействием японской экономической и политической элит. Велась экономическая борьба за рынки сбыта продукции разного назначения, а также жизненно-важных ресурсов. Нападение на базу «Перл-Харбор» было спровоцировано действиями американской политической элиты. После объявления военных действий, военно-промышленный комплекс США получил небывалые, со времен первой мировой войны, заказы на производство военной техники и вооружения. Более того, американские корпорации организовали широкомасштабные поставки вооружения, техники, обмундирования, а также продуктов питания в страны-союзницы по антигитлеровской коалиции. После второй мировой войны авторитет правительства США в лице стран Западной Европы был заметно высок, также как и американской экономической элиты, в виде банкиров, промышленников и глав корпораций. Не следует забывать о террористическом акте в США 11.09.2001 г. «Трагедия Башен-Близнецов». Данное событие очень схоже с вышеуказанным нападением на базу ВМС «Перл-Харбор».

На начало 2000-х годов такие страны, как Ирак, Сирия, Ливия, а также Иран и Саудовская Аравия очень активно развивали свою внутреннюю и внешнюю политику. В частности, в Ираке была продуктивно налажена работа экономической системы страны, в основном, благодаря добыче и продаже нефти. Президент страны Саддам Хусейн сосредоточил в своих руках большие экономические и политические полномочия. Фактически в стране было сформировано единоличное правление, где политическая и экономическая элита были непосредственно связаны между собой. Большинство родственников, родных и приближенных к себе людей Саддам Хусейн назначал на правительственные должности, а также на должности глав нефтедобывающих компаний.

Ливия, Сирия и Иран также достигали важные для этих стран экономические показатели. Фактически на Ближнем Востоке стал формироваться «Ближневосточный альянс» вышеуказанных стран-нефтедобытчиков, за исключением Саудовской Аравии. В них были сформированы свои политические и экономические элиты. Политические элиты брали курс на ближневосточное

сотрудничество арабского мира, а также экономическая интеграция, которая была выгодна местным корпорациям, банкам и компаниям. Дальнейшая политическая и экономическая интеграция вышеуказанных стран противоречила геополитическим интересам Соединенных Штатов Америки, которые имели высокие риски утратить не только свое военное присутствие на Ближнем Востоке, но также потерять жизненно-важные для американских международных корпораций рынки. Стоит отметить, что более 60% нефти на 2000 год производилось в мусульманском мире (на Ближнем Востоке), им же принадлежало 95% ее экспорта. А США являлось на тот момент крупнейшим в мире потребителем нефти – 26%. На 2021 год данные процентные показатели увеличились вдвое¹.

К 2000 году в Афганистане активность проявляла международная террористическая организация «Аль-Каида», которая распространила свое влияние на Сирию и Ирак, где существовали не только подпольные вооруженные ячейки боевиков, но также и представители крупных нефтяных компаний и банков, которые являлись негласными спонсорами, через которых шло финансирование данной организации, а также боевых операций. США было официально объявлено «Аль-Каидой» врагом исламского мира.

Уже в 1999 году израильская разведка МОССАД активно оповещала американские власти о том, что в США готовится крупномасштабный террористический акт, но на данные предупреждения никакой официальной реакции не последовало. 11.09.2001 года произошел самый крупный и масштабный террористический акт за всю историю США, который повлек большое количество жертв. Самолеты со смертниками атаковали две башни Всемирного торгового центра в центре Нью-Йорка, а также здание Пентагона в Вашингтоне.

Американская общественность, а также средства массовой коммуникации обвиняли в совершении теракта лидера арабских террористов Усама Бен Ладена. В интервью арабскому телеканалу Аль-Джазира 12 сентября Бен Ладен утверждал: «Это акция американской группировки, я не имею к ней никакого отношения»². В 2004 году в результате прямой военной агрессии в Ираке был свергнут Саддам Хусейн, а вся его политическая (правительство) и экономическая (нефтяные корпорации) элиты были уничтожены. На территории Ирака, на данный момент, постоянно присутствуют американские вооруженные силы, фактически было установлено марионеточное правительство Ирака. Политическая элита США задает тон современной внешней и внутренней политике Ирака, а американские нефтяные корпорации активно занимаются добычей и транзитом иракской нефти. Военные базы США на постоянной основе находятся на территории Саудовской Аравии и Кувейта.

Благодаря проведенному историческому анализу, мы можем утверждать, что «второй золотой эрой американских экономических элит», сравнимой со второй мировой войной, является, так называемая, «Арабская весна», которая проявлялась в волнах восстаний, протестов и смен правительств. Одним из таких примеров является Сирия, ее президент Башар Асад продолжил стратегическую линию своего отца по сближению с Россией. В 2011-2012 гг. в стране произошла попытка цветной революции, за которой стояло ЦРУ и Госдеп США, они открыто поддерживали повстанцев. Страна оказалась расколотой на два враждующих фронта – ССА (Сирийская Свободная Армия) и САА (Сирийская Армия Асада).

Спустя год после начала широкомасштабных боевых действий между повстанцами и правительственными войсками, американское и турецкое правительства объявили о том, что будут поставлять свое оружие сирийской оппозиции. В свою очередь, Россия и Иран, поддержавшие легитимное правительство Сирийской Арабской Республики, объявили о поставках вооружения разного назначения сирийской правительственной армии.

Каждая страна, являющаяся мировым (США и Россия) и региональным (Турция и Иран) игроком преследовала свои политические и экономические интересы в Гражданской войне в Сирии. Фактически произошло столкновение двух блоков политических элит, каждый из которых делал все возможное, ради достижения поставленной политической цели. Но также присутствовала конкуренция и между экономическими элитами (оружейными корпорациями) США, Турции и России. На фоне продолжающейся кровопролитной гражданской войны и постоянно нарастающей конфронтации в Сирию стали проникать радикальные террористические ячейки исламского толка – Аль-Каида и ИГИЛ. Последняя ячейка боевиков постепенно стала набирать силу и в 2014 году

¹ ОПЕК против США: кто контролирует цены на нефть? – Финансовая энциклопедия. - <https://nesrakonk.ru/opec-vs-us-who-controls-oil-prices/> (дата обращения: 01.02.2022).

² 11.09 - Великий обман продолжается. - <https://vizitnlo.ru/11-09-velikij-obman-prodolzhaetsya/>. (дата обращения: 03.02.2022).

превратилась в боеспособную, технически оснащенную армию. К сентябрю 2015 года ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) стала контролировать 65% территории Сирии¹.

Стоит отметить, что в этом ближневосточном государстве присутствуют колоссальные запасы стратегически важного сырья, а именно, нефти и газа. Российские нефтегазовые компании начиная с 2010 года стали предпринимать усилия для того, чтобы добиться разрешения на добычу нефти и газа на сирийской территории. Американские нефтегазовые компании также имели большой интерес к сирийским природным богатствам, и именно поэтому крушение сирийского государственного строя было выгодно американским корпорациям. На тот момент между Россией и Сирией сложились дружественные политические отношения. В связи с этим президент Башар Асад на официальном уровне обратился за военной помощью к России. Начиная с сентября 2015 года, российские ВКС стали наносить ежедневные ракетно-бомбовые удары по террористам, которым, по официальным заявлениям Министерства обороны РФ, активно помогали американцы. На сирийской земле, как мы и указывали выше, столкнулись интересы российских и американских политических и экономических элит. США было выгодно продолжение сирийской гражданской войны с целью реализации интересов американских оружейных корпораций, а также политической элиты, которая ставила своей целью свержение президента Сирии Башара Асада.

В 2018 г. все земли, занятые террористами ИГИЛ были освобождены. Благодаря данному уже историческому событию российско-сирийские отношения были укреплены. Россия не только смогла победить террористическое квазигосударство, но также и добиться большой геополитической и экономической победы, а именно иметь на сирийской земле базу ВМФ в Тартусе и базу ВКС в Хмеймим. Авторитет политической элиты РФ в лице международного сообщества был укреплен. Экономическая элита РФ также смогла укрепить свои позиции на сирийской земле. Российские оружейные концерны получили миллиардные контракты на поставки вооружения и обмундирования сирийской армии. Новые разработки российского вооружения, которые были испытаны в ходе сирийского конфликта, показали свою эффективность и позволили частично перевооружить российские вооруженные силы. Российским нефтегазовым компаниям было разрешено добывать сирийскую нефть и газ на особых, выгодных для компаний условиях. На данный момент в Сирии проводят разведку и добычу нефтегазовых месторождений компании «Роснефть», «Меркурий» и «Виллада».

На карте Ближнего Востока геополитические сферы влияния делят не только мировые державы, но также и такие региональные игроки как Израиль и Иран. Последний является важной региональной геополитической силой на Ближнем Востоке, которая распространяет свое влияние на Сирию, Ливан, Палестинскую автономию, а также правительство повстанцев-хуситов в Йемене. Иранцы активно поддерживают сирийское легитимное правительство и оказывают ему всяческую поддержку, в том числе и военную. Шиитские КСИР (Корпус Стражей Исламской Революции) и лояльные Ирану вооруженные группировки (Хашд аш-Шааби) совместно с сирийской армией принимали активное участие в боях с ИГИЛ, Аль-Каидой и Умеренной Оппозицией. На 2021 год иранские КСИР имеют большое количество постоянных военных баз на территории Сирийской Арабской Республики.

Данная расстановка сил в регионе крайне не устраивает израильское националистское правительство, которое на официальном уровне называет Иран террористическим государством. В свою очередь, иранский лидер – Али Хаменеи делает постоянные заявления о том, что цель иранского присутствия в Сирии – противостоять израильской военной угрозе. Поддерживаемая Ираном палестинская исламская вооруженная группировка ХАМАС постоянно проводит террористические акты на территории Израиля и Палестинской автономии. Истории также известны случаи полномасштабных боевых действий между Армией Обороны Израиля и ХАМАС. Израильские ВВС на постоянной основе проводят ракетно-бомбовые удары по силам КСИР и лояльных группировок на сирийской территории, что является грубым нарушением государственного суверенитета и противоречит всем международным нормам. Тем самым, мы видим, что на территории Сирии происходит геополитическое противостояние иранской и израильской политических элит, которое будет продолжаться, по нашим прогнозам, еще не одно десятилетие.

Также стоит отметить яркий пример противостояния политических элит Турции и США на Ближнем Востоке. Когда огонь сирийской гражданской войны только разгорался, в политических отношениях между Турцией и США наблюдалось заметное охлаждение.

¹ Откуда появился ИГИЛ: как террористы смогли добиться могущества на Ближнем Востоке - ТРК Звезда Новости, 19.12.2017. - <https://tvzvezda.ru/news/201712191049-w5o1.htm>. (дата обращения: 02.02.2022).

10 августа 2014 года на президентских выборах в Турции победил ярый националист-османист Реджеп Тайип Эрдоган. Он стал проводить самостоятельную политику и сделал Турцию одним из влиятельных геополитических игроков на Ближнем Востоке и Средиземноморье. Турция стала распространять свое политическое и экономическое влияние на такие ближневосточные страны как Катар, Йемен, Республика Северный Кипр, Иордания, а также на Революционное Правительство Сирии. Последним стали оказывать прямую военную поддержку уже в 2019 году, когда турецкая армия под предлогом «решения курдского вопроса» вторглась на территорию северных сирийских провинций.

В 2021 году на постоянной основе ударная турецкая группировка находится в сирийской провинции Идлиб, которую контролируют международная террористическая группировка Хайят-Тахрир аш-Шам (запрещенная в РФ террористическая группировка). Фактически Эрдоган вышел из-под американского политического и экономического контроля. Самым главным разногласием в политических отношениях этих двух стран являются Курды, которые на протяжении десятилетий пытаются создать свое национальное государство. Населенные ими южные турецкие, а также северо-западные территории Сирии и Ирака, по мнению Эрдогана, представляют террористическую угрозу для Турции. Мы, проведя исторический и межнациональный анализ, с полной уверенностью можем утверждать, что мнимая «курдская террористическая угроза» – это предлог для реализации геополитических амбиций президента Турции, который пытается распространить свое влияние практически на все страны региона.

Официальная позиция американской администрации по поводу курдского вопроса является однозначной – это полная политическая, военная и экономическая поддержка курдского народа. Так как американские нефтегазовые корпорации, под постоянной охраной американских войск на северо-западе Сирии активно добывают природные ресурсы на подконтрольной курдам территории. В результате происходит серьезное столкновение политических, в том числе и экономических интересов двух стран. Также интересны и экономические проекты, которые турецкая экономическая элита реализует без учета интересов компаний США, а именно, разведка и добыча природного газа на шлейфе Средиземного моря, активная добыча нефти в северных провинциях Сирии, практически полное импортозамещение вооружения, заключение стратегически важных контрактов с российской стороной (покупка комплексов ПВО С-300).

Стоит отметить, что в 2016 году была предпринята попытка государственного переворота в Турции, так называемый «Военный путч», который оказался неудачным. Организатором переворота, по утверждениям турецких властей был проамериканский политик Фетхуллах Гюлен, который выступал против политических и экономических шагов Эрдогана. Гюлен выступал за такие политические и экономические реформы в Турции как создание многопартийности, вхождение в ЕС, открытая и дружественная политика в отношении России и США. После неудачной попытки переворота Гюлен добровольно эмигрировал в США. Ни у кого не остается сомнений, что данная революционная попытка была организована и поддержана американской администрацией, которой нужен был президент и правительство не просто лояльные США, но также и полностью ориентирующиеся на их политические действия и геополитические амбиции на Ближнем Востоке, подобно иракскому. Тем самым мы видим, что политика, проводимая нынешним президентом Турции Эрдоганом, который ставит своей целью объединение тюркоязычных народов под флагом новой Османской Империи, идет вразрез с политикой, которую проводит американская администрация на Ближнем Востоке. США нужна «послушная Турция», а не геополитическая сила, которая все больше распространяет свое экономическое и политическое влияние на ближневосточные страны, а также оказывает политическое давление на ЕС.

Также мы не можем не отметить события, которые стали поворотными в геополитике в 2022 г. В Казахстане 2-7 января произошли «Газовые протесты»¹, которые обернулись для государства потерей 225 человеческих жизней, миллионов долларов ущерба для экономики, а также проникновение террористических ячеек на территорию страны. Стоит отметить, что в Казахстане произошла очередная попытка, так называемой, цветной революции. Подобно Сирии, данное азиатское государство пытались свергнуть в хаос, распад государственности и полную дестабилизацию. Уже 6 января 2022 г. президент Казахстана на официальном уровне признал, что на государство была совершена террористическая атака. Была запрошена помощь стран ОДКБ (Организации Договора о Коллективной Безопасности). К 8 января 2022 г. с прибытием в страну миротворцев ситуацию удалось

¹ Газовые протесты в Казахстане. Главное - Новости – Мир – Коммерсантъ. - <https://www.kommersant.ru/doc/5155777>. (дата обращения: 02.02.2022).

урегулировать. Можно заключить, что в дестабилизации обстановки в Казахстане, одного из основных союзников России в азиатском регионе, были заинтересованы ряд политических и экономических элит государств, региональных и мировых геополитических игроков в этом регионе, например, таких как Турция и США.

На основании собранных нами данных (видео новостных каналов, печатных изданий), можно сказать, что в Казахстан заранее проникали террористические элементы радикального исламского толка. В частности, можно предполагать, что в операции по дестабилизации обстановки в Казахстане, турецкие спецслужбы могли использовать протурецких боевиков из Ливии, Сирии, а также некоторых регионов Ближнего Востока, как это было сделано в Карабахе. Турецкая политическая и экономическая элиты видят свою геостратегию будущего в освоении геополитического пространства среднеазиатского региона, который граничит непосредственно с Ближним Востоком, что в стратегическом и военном плане связывает два геополитических территориально-географических пространства между собой. Это очень выгодно (быстрая переброска боевиков, размещение военных баз, наличие протурецких ячеек). Регион очень богат природными ископаемыми, которые в 70% соотношении остаются неосвоенными. Турецкие нефтяные и газовые компании, предпринимали большое количество попыток за предыдущее десятилетие проникнуть на нефтегазовый рынок Казахстана, но пророссийский политический режим Назарбаева, а теперь и Токаева, ставит своей целью недопущение турецких экономических элит на свой рынок минералов. Турецкая политическая элита, в лице президента Эрдогана и его соратников, националистов-османистов, видит интеграцию тюркоязычных народов Азии как приоритетную геостратегическую цель, которую уже начали реализовывать. Недавние события в Казахстане явный тому пример. Попытка турецких спецслужб при помощи ближневосточных боевиков разжечь националистические настроения в казахском обществе, дестабилизировать политическую и экономическую обстановку в стране, провалилась.

Еще одной заинтересованной стороной в данном конфликте была политическая элита США. Был подан явный скрытый сигнал того, что после ухода американских военных из Афганистана, их влияние на политические и экономические процессы в среднеазиатском регионе продолжает поддерживаться на прежнем уровне. Казахстан, несмотря на свои экономические связи с европейскими и американскими корпорациями, продолжает оставаться пророссийским плацдармом на геополитической доске Средней Азии. Это идет в разрез со стратегией Збигнева Бжезинского «Петля Анаконды» [3] по окружению России с Запада, Юга, Севера и Востока военными базами НАТО.

Таким образом, на конкретных исторических и актуальных геополитических примерах мы видим, что Ближний Восток является важнейшим географическим пространством, на территории которого сталкиваются интересы политических и экономических элит основных региональных и мировых геополитических держав. Также на примере последних событий в Казахстане, можно заключить, что геополитическое территориально-географическое пространство Ближнего Востока неразрывно связано со Средней Азией, которая не только богата природными ископаемыми, но также является очень важным геополитическим образованием, подобно шахматной доске. По нашим прогнозам в ближайшем будущем на данной территории будут разворачиваться не менее важные процессы по столкновению политических и экономических элит основных мировых и региональных геополитических игроков.

Стоит отметить, что многие региональные геополитические державы, такие как Турция и Иран, являются важными сторонами разнообразных межнациональных, межгосударственных и экономических конфликтов стран региона. Турецкая и иранская стороны все больше расширяют зону своих экономических и политических интересов и в дальнейшем можно предположить, что их политические и экономические элиты смогут составить реальную конкуренцию российским и американским элитам в рамках многополярных геополитических моделей современности.

Список источников

1. Григорян Д. К., Кондратенко Е. Н., Фарапонова Т. К., Веренич И. Г. Палестино-израильский конфликт в ретроспективе: роль мировых элит в процессе мирного урегулирования // *Власть*. 2020. Т. 28. № 4. С. 235–240.
2. Мазуров И. В. Япония на пути модернизации. Хабаровск: Изд-во Дальневосточного государственного гуманитарного университета, 2006. 48 с.
3. Бжезинский З. «Петля анаконды». Как заставить Евразию сдаться. Перевод с английского М. Тимофеева, В. Цымбурского, С. Барнинова, В. Куршакова, И. Окунева. М.: ООО «Издательство Родина», 2018. - <https://iknigi.net/avtor-zbignev-kazimezh-bzhezinskiy/187846-petlya-anakondy-kak-zastavit-evraziyu-sdatsya-zbignev-bzhezinskiy/read/page-1.html>. (дата обращения: 03.02.2022).

References

1. Grigoryan D. K., Kondratenko E. N., Faraponova T. K., Verenich I. G. The Palestinian-Israeli conflict in retrospect: the role of world elites in the peace process. *Vlast' = The Authority*. 2020;28(4):235–240. (In Russ.).
2. Mazurov I. V. *Japan on the way of modernization*. Khabarovsk: Publishing House of the Far Eastern State University for the Humanities; 2006. 48 p. (In Russ.)
3. Brzezinski Z. *"Anaconda Loop". How to force Eurasia to surrender*. Translation from English by M. Timofeev, V. Tsymbursky, S. Barinov, V. Kurshakov, I. Okunev. Moscow: Rodina Publishing House LLC; 2018. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. К. Григорян – канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и этнополитики; доц. кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности;

Е. Н. Кондратенко – канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и этнополитики;

Д. М. Бекленищев – магистрант факультета политологии.

Information about the authors

D. K. Grigoryan – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics; Associate Professor of the Department of Criminalistics and Investigative Activities.

E. N. Kondratenko – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics;

D. M. Beklenishchev – Master's student at the Faculty of Political Science.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2022; одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 13.02.2022; approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 378.095

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-186-191

SCIENCES PO – УСПЕШНАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ЛИДЕРСТВА НА РЫНКЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (К 150-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ)

Павел Всеволодович Заяц¹, Ярослава Геннадиевна Зинченко²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹pavelzajats@gmail.com

²yazinchenko@uriu.ranepa.ru

Аннотация. В статье представлен исторический обзор становления и 150-летнего развития международного исследовательского университета Paris Institute of Political Science (Sciences Po). Выделены критерии периодизации и проанализированы этапы развития образовательной и научно-исследовательской деятельности Sciences Po в контексте исторических событий во Французской Республике. Охарактеризованы стратегические направления развития учебного заведения в XXI веке. Описана трансформация архитектуры оригинальной инновационной образовательной модели. Даны рекомендации по усовершенствованию магистерской подготовки по направлению «Политология» в Российской Федерации.

Ключевые слова: Sciences Po, политологическое образование, инновационная образовательная модель, магистерская подготовка

Для цитирования: Заяц П. В., Зинченко Я. Г. Sciences Po – успешная интеллектуальная рефлексия лидерства на рынке политологического образования (к 150-летию создания) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 186–191. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-186-191>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

SCIENCES PO IS A SUCCESSFUL INTELLECTUAL REFLECTION OF LEADERSHIP IN THE MARKET OF POLITICAL SCIENCE EDUCATION (ON THE 150TH ANNIVERSARY OF CREATION)

Pavel V. Zayats¹, Yaroslava G. Zinchenko²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹pavelzajats@gmail.com

²yazinchenko@uriu.ranepa.ru

Abstract. The article presents a historical overview of the formation and 150-year development of the international research university Paris Institute of Political Science (Sciences Po). The criteria for periodization are identified and the stages of development of the educational and research activities of Sciences Po are analyzed in the context of historical events in the French Republic. The strategic directions of the development of an educational institution in the 21st century are characterized. The transformation of the architecture of the original innovative educational model is described. Recommendations are given for the improvement of master's training in the direction of «Political Science» in the Russian Federation.

Keywords: Sciences Po, political science education, innovative educational model, master's degree

For citation: Zayats P. V., Zinchenko Ya. G. Sciences Po is a successful intellectual reflection of leadership in the political science education market (on the occasion of the 150th anniversary of its creation). *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):186–191. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-186-191>.

В 1872 году в Париже была основана Вольная школа политических наук (L'École libre des sciences politiques (ELSP)) как необходимая объективная реакция части французской элиты на предшествующие политические события (низложение императора Наполеона III, неутешительные

итоги Франко-прусской войны, отречение политической элиты от престола, эмоциональные потрясения и разбалансировка социальных устоев французского общества из-за Парижской коммуны). Основание ELSP рассматривалось как ответ на национальный кризис и как вклад в политическую, интеллектуальную и моральную реформу.

Именно с этой даты принято вести отчет академической деятельности учебного заведения по подготовке премиальных кадров в политической сфере жизни общества – нового класса французских политиков.

Первым директором стал известный общественвед (правовед-политолог-социолог) Эмиль Бутми, сумевший привлечь частный капитал представителей богатейших аристократических и буржуазных фамилий в качестве спонсоров интеллектуального образовательного проекта, в который были вовлечены известные профессора, представители политической прессы, высокопоставленные чиновники.

Это были носители новых идей и знаний о промышленной конкуренции, рыночной экономической системе и социальной динамике общества, которые и были переложены в образовательные планы и стратегии нового учебного заведения, позволившие со временем выйти на путь создания инновационного политологического знания, которое никто кроме Школы предложить не мог.

Основатель, организатор, администратор, изобретатель людей, методов, пробуждающий идеи и таланты [1], – Эмиль Бутми видел основные задачи нового учебного заведения следующим образом: «Не должны ли мы создать элиту, которая шаг за шагом будет задавать тон всей нации? Переделать главу народа [2, с. 5-6]». ELSP должна решить и вторую задачу: помочь установить неизбежное «правительство лучших» [2, с. 14]».

Наряду с Эмилем Бутми, большое значение в период становления имеет для Вольной школы деятельность историка, философа, искусствоведа и психолога Ипполита Тэна. «Руководитель школы», «способствовавший изменению интеллектуального темпа века» и который «ни в одной области интеллектуальной деятельности не оставил вещи на том же месте, где он их взял [3]», разрабатывал учебные программы, поддерживал проект информационно – в *Journal des Débats*, помогал Бутми в совете директоров и нанимал преподавателей. Школа служила испытательным полигоном и площадкой для него как для историка, он представит там свой капитальный труд «Истоки Французской революции». Там он закладывает основы неоспоримого морального магистериума: «Машина для мышления и рассуждений, которую он построил, является той, которой пользовались два поколения подряд [3]», скажет о его вкладе в основание школы известный историк, член Французской академии наук Альбер Сорель. И охарактеризует Тэна: «Один из признанных лидеров нового поколения, он был их интеллектуальной совестью, их мастером мысли и их мастером письма» [3].

Был заявлен подход, который до этого в континентальном образовании не применялся – акцент делался на гуманитарное практико-применительное знание, которое должно было быть смежным (междисциплинарным). Студентам предлагалось качественное знание по политическим коммуникациям, конституционному строительству и теории политологии. Сам Эмиль Бутми, занимаясь сравнительным конституционным правом, отстаивал самобытность французского политического пути и уникальный вклад в мировое социальное движение Революции 1789 года. Школа постепенно заявила авторский путь интеллектуального становления студента, отличный от англосаксонской модели обучения политическому анализу (Гарвард, Принстон и Оксфорд) и цель – выиграть конкуренцию среди аналогичных учебных заведений.

По идее Эмиля Бутми и его соратников весь учебный процесс необходимо было выстроить по четкой схеме: прививание навыков критической работы с политическими источниками, умений моделирования информационных потоков и вычленения интеллектуального самобытного продукта как лучшего полезного знания для практической работы в области политической науки.

Преобладали ли интересы учреждения перед его научной целью? Изменил ли Бутми свои планы, сделав Школу «профессиональной»? Оттеснила ли утилитарная функция научную функцию? Может быть, но лишь частично. Уже в 1872 г. были введены ревизионные конференции («методические конференции») проводившиеся, в целях подготовки к административным конкурсам. Также были обозначены разделы подготовки слушателей: административный, дипломатический, экономический и финансовый, что придавало занятиям практический и прикладной характер.

Инновационная педагогика следовала девизу: «пробовать предметы, пробовать людей [4]». Вольная школа политических наук, свободная в выборе программ обучения и наборе педагогов, стала образовательной экспериментальной лабораторией. Введение бесплатных и дополнительных курсов позволило адаптировать преподавание к самым животрепещущим новшествам того времени. «Конференции», стали альтернативой лекции, этому «обучению монологом» [5] и испытательным

полем интерактивной педагогики. Наконец, «рабочие группы», объединяющие педагогов, выпускников и студентов вокруг вопросов, которые необходимо изучить здесь и сейчас, играли роль «исследовательских семинаров» немецких университетов.

В феврале 2022 года отмечается 150-летие учебного заведения.

Можно выделить три этапа в истории Школы, заложив в основу два критерия периодизации: «персонифицированный» (приход на должность очередного руководителя Школы: Эмиля Бутми, Мишеля Дебре и Ришара Декуэна) и «рубежный» – исторические события, в том числе, окончание Второй мировой войны (неоднозначность фактора влияния политических элит республики Виши на образовательные процессы, проблема социальной ответственности и покаяния за коллаборационизм французского истеблишмента).

Соответственно, первый период 1872-1945 гг., второй период 1945-1997 гг., третий период 1997-по настоящее время.

Первый период – период накопления репутации образовательного центра.

Вместе с Эмилем Бутми работать в Школу пришли политические историки Альбер Сорель и Франсуа Гизо, теоретик культуры Ипполит Тэн, философ-семитолог Жозеф Эрнест Ренан и экономист Пьер Поль Леруа-Болье.

Каждый – один из лучших в профессиональной области, признанный научным и педагогическим сообществом. Вместе – создатели нового метода образования французской политической элиты («континентальной»): междисциплинарного и практикоориентированного, который мгновенно завоевал своих сторонников-адептов.

Создание частного учебного заведения «для своих» было связано с опасением, что к третьей четверти XIX века политическая элита потеряла свою национальную характеристику и её политическая неадекватность могла привести к развалу французской государственности. Необходимо было возвращать новые кадры для политического управления страной. Плюс, авторитет французских политиков пошатнулся не только внутри, но и вовне, а также мог бы значительно снизить международное влияние Республики.

Второй период – период рефлексии репутационных потерь образовательного центра.

Парадоксальность в том что, блестяще подготовленная политическая элита Франции в большинстве своем оказалась социально униженной, пассивно готовой поддержать оккупацию страны Германией. И обвинена в этом была та самая Школа, где готовились высшие управленческие кадры.

Правительство де Голля трансформировало эту Школу, раздробив ее на две части, изменив старое название. Проводником этого непростого мероприятия был выбран Мишель Дебре, ближайший политический советник де Голля, впоследствии автор Конституции 1958 года и первый Премьер-министр Пятой республики. Только такая политическая фигура могла реформировать эту Школу. Он знал все проблемы изнутри, так был выпускником 1932 года.

Свободная школа политических наук была заменена на Национальный фонд политических наук и Парижский институт политических исследований, именно в нем остался образовательный кластер подготовки политической элиты Франции.

Итак, в 1945 году изменились название и устав, миссия эволюционировала, но идентичность Sciences Po после войны, тем не менее, была продуктом реформ, разработанных École libre. Удивительна долговечность реформ, проведенных в жизнь в разгар смуты, удивительна и преемственность проектов и акторов до и после 1945 года.

Лидеры ELSP не остались глухи к критике элитаризма и дилетантства, высказанной против них после войны. Комитет по улучшению [6] сначала решает сложный вопрос отбора и уровня студентов. Ранее ни имеющийся диплом, ни предварительный экзамен не препятствовали доступу. Двухлетний курс, предназначенный для выпускников и студентов grandes écoles, был упразднен, дабы прекратить практику «школьного туризма», трехлетний цикл, согласованный с режимом факультетов, вводился теперь для всех. Методические конференции становятся обязательными на протяжении всего обучения. Наконец, что не менее важно, архитектура диплома была полностью переработана. Основное нововведение, подготовительный год, подвергал молодых выпускников общему посвящению и служил входными воротами в высшее образование. Своего рода пропедевтика, его программа была предназначена для того, чтобы заложить общие основы, на которых будут основываться специализированные курсы секций: история, экономика и публичное право образуют теперь основной триптих, освоение которого ведет к получению диплома в области политических наук.

Рост числа студентов и новые требования к совершенству будущих профессионалов требуют более строгого отбора. Первый барьер воздвигается в конце первого года обучения: настоящий вступительный экзамен, состоящий из письменного, трех устных и конспекта лекций, позволяет

отсеять тех студентов, которые были пропущены из-за возможной слабости системы приема. Уровень диплома, который санкционирует третий год обучения, окончательно повышается устным испытанием перед большим жюри.

Поворотный момент 1940-х годов был моментом педагогической и интеллектуальной рефлексии, отражающей изменения в общественных науках и дисциплинах. Институт послужил лабораторией, где были запущены основные курсы, которые доминировали в послевоенный период: всеобщая история Пьера Ренувена, экономическая и социальная история Шарля Моразе, история политических идей Жан-Жака Шевалье, экономическая география и международная обмены Андре Зигфрида. Также в этот период начинается сотрудничество Института с Парижским университетом.

В 1971–1974 годах проводится еще одна крупная образовательная реформа, направленная, прежде всего, на восстановление согласованности курсов. Учебные группы делятся на три уровня (1 – начальный, 2 – средний, 3 – продвинутый), что позволяет проводить обучение на нескольких скоростях. Усиливается профессионализация курсов, благодаря новым «группам специализации» третьего года обучения, обеспечивающим «подготовку к четко определенной карьере [7]» (планирование и градостроительство, документация, исследования рынка, журналистика). Также увеличивается число методических конференций (три обязательных еженедельных конференции) и увеличивается практическая групповая работа. Также усиливается языковая подготовка, большое внимание уделяется информационным технологиям, статистике, бухгалтерскому учету и математике, которым обучают на практике.

Прирост качества образования, методики института стали шаблонами для открытия центров политологического образования в крупнейших французских университетах. Огромное влияние на методическое сопровождение учебного процесса оказал Фонд Рокфеллера – одна из крупнейших частных благотворительных организаций в современном мире.

Периодические издания «Французская научная политика», «Бюллетень аналитической документации», «Африканская политическая хронология» и «Фонд международных исследований» позволяют влиять на мировые политические глобальные задачи.

Превращению Школы в кузницу политической элиты французской республики способствовала в том числе подготовка в ней будущих трех французских президентов Жака Ширака, Франсуа Олланда и Эммануэля Макрона.

Третий период – проведение глубокой институциональной реформы образовательного центра, обновление образовательной миссии – воспитание непредвзятых профессионалов в области политического знания, которые, поняв меняющийся мир, смогут им управлять.

Была заявлена стратегическая цель – пропаганда национального политологического образования с междисциплинарным уклоном (современность, коммуникации и языки), которая успешно была достигнута увеличением студентов с 4500 до 16000 человек, представленных более 150-ю странами.

В этот период создается единая экосистема из семи элементов: головного парижского кампуса и шести филиалов по стране (в Гавре, Дижоне, Нанси, Ментоне, Реймсе и Пуатье). Учебное заведение открывает двери представителям бедных слоев общества и выпускникам школ из неблагополучных пригородов.

Вместо конкурсного вступительного экзамена, – как модели привилегированного отбора студентов из числа выпускников престижных подготовительных средних школ, была введена программа равных возможностей. Эта программа позволила учебному заведению брать абитуриентов с высоким потенциалом в партнерских средних школах.

Была разработана серьезная программа привлечения иностранных студентов с решенной целью – доведение до 40% численности иностранных студентов. 1600 преподавателей, из них достаточно большая часть визит-профессора из зарубежных стран.

Институт поставил задачу добиться для каждого своего студента как минимум годовой стажировки в процессе обучения, способствуя формированию карьерного вектора уже в стенах Школы.

В 2013-2021 гг. институт возглавлял Фредерик Мион.

Под его руководством была разработана стратегическая программа образовательной реновации – «Sciences Po 2022» для вывода института в тройку главных центров политологического образования в мире и на первое место в Европе. Были реструктуризированы магистерские программы, созданы три новых обособленных образовательных центра – Школы по связям с общественностью, Городской школы, Школы управления и инноваций. В 2016 году были приняты новые Уставы и для Национального фонда политических наук, и для Парижского института политических исследований, серьезно обновилась модель и структура управленческих органов.

В 2022 году Sciences Po будет аккумулировать большое количество действий вокруг трех векторов, названных следующим образом: открыть, сблизить, трансформировать.

Кампания изменений, посвященная 150-летию, должна расширить механизмы, позволяющие принимать людей, традиционно далеких от вузов, с помощью грантов и специальных программ поддержки (соглашения о приоритетном образовании, инклюзивные инструменты для инвалидов и т.д.).

Sciences Po намерена еще больше усилить свое глобальное присутствие, поставив международное измерение в основу всей подготовки и осуществляя амбициозные проекты, особенно на африканском континенте, посредством введения стипендий для повышения квалификации и новых схем академической мобильности. Укрепление сотрудничества университетов в ведущих дисциплинах будет достигаться посредством заключения новых стратегических партнерств и развитием программ международных двойных степеней.

Еще одно новшество – декомпартиментализация знаний, пересечение точек зрения для более глубокого понимания того, что происходит в мире, претерпевающим глубокие изменения, внедрение степени бакалавра искусств и наук, а также магистра политических искусств, – обучение политической науке через междисциплинарность (политология, лингвистика, правоведение, цифровизация, культурология и др.) и региональную концентрацию студентов (Азия, Африка, Европа, Ближний восток-Средиземноморье, Северная и Южная Америка).

Особый интерес для российского политологического образования представляет практика годичной программы полного дня Sciences Po. Программа сочетает научные методы и художественные практики, которые одновременно мобилизуются для анализа социальных проблем и, таким образом, обогащают политические решения. Эта программа предназначена для молодых специалистов из самых разных сфер: художников, архитекторов, дизайнеров, ученых, государственных служащих, руководителей предприятий, некоммерческих организаций, исследователей, администраторов, и т. д. – которые хотят развивать свои профессиональные навыки, завершить свое обучение в высшей школе или переориентировать свой карьерный вектор.

Их обучение строится вокруг конкретных и эффективно реализованных проектов в постоянном сотрудничестве с государственными и частными заказчиками, непосредственно вовлеченными в изучаемые дисциплины.

Принцип обучения состоит в том, чтобы предложить комбинацию образовательного и профессионального опыта, связанного как с социальными науками, так и с искусством, которые осваиваются не параллельно, а вместе. Таким образом, магистратура политических искусств – это уникальная программа обучения, которая сочетает искусство, социальные науки, политику, и предлагает учащимся сопоставить свои знания с конкретными общественными проблемами.

Основные концептуальные вклады принадлежат общественным и гуманитарным наукам (философия, социология, история, естествознание). Программа сочетает теоретическое обучение с практическим: групповая работа и семинары по конкретным проектам, сосредоточенным на конкретной проблеме. Методы обучения – научные, художественные, цифровые – лежат в основе образовательного проекта.

Многолетняя успешная, регулярно получающая мировое признание (в рейтинге лучших университетов по дисциплинам QS 2021 Sciences Po занимает 2-е место в мире по политологии и международным отношениям и 1-е место в Европе по этой дисциплине) деятельность Sciences Po, несомненно, достойна внимания и изучения российскими разработчиками государственных образовательных и профессиональных стандартов, вузовских образовательных программ. Именно междисциплинарные, наполненные серьезным проективным практикоориентированным компонентом образовательные программы, создают условия для конкурентоспособности и адекватности современным реалиям национального высшего образования, и генерируют столь необходимую сегодня критическую массу квалифицированных и образованных людей, способных обеспечить устойчивое развитие российской государственности и гражданского общества.

Список источников

1. E. d'Eichthal, «Nécrologie de Boutmy», *L'Économiste français*, 3/02/1906.
2. É. Boutmy, *Quelques idées sur la création d'une Faculté libre d'enseignement supérieur*, février 1871.
3. A. Sorel, *Discours de réception à l'Académie française*, reproduit dans. *Le temps*, 08/02/1895.
4. Boutmy, É. Vinet, *Projet d'une Faculté libre des sciences politiques*, Juillet 1871, p. 10.
5. É. Levasseur, « Boutmy et l'École », *Annales des sciences politiques*, 15/03/1906.

6. André Siegfried est entouré d'une demi-douzaine de membres de l'ELSP dont Roger Seydoux, Jacques Chapsal, Pierre Rain, Pierre Renouvin, Jacques Belin, le conseiller d'État Hervé Detton, l'inspecteur des finances Louis Formery et Jacques Berthoud de la Cour des Comptes.

7. J. Chapsal, BAAEE 1970.

References

1. E. d'Eichthal. «Nécrologie de Boutmy». *L'Économiste français*. 3/02/1906. (In French)

2. É. Boutmy. *Quelques idées sur la création d'une Faculté libre d'enseignement supérieur, février 1871*. (In French)

3. A. Sorel, Discours de réception à l'Académie française, reproduit dans. *Le temps*, 08/02/1895. (In French)

4. Boutmy É. *Vinet, Projet d'une Faculté libre des sciences politiques*. Juillet 1871, p. 10. (In French)

5. É. Levasseur. «Boutmy et l'École». *Annales des sciences politiques*. 15/03/1906. (In French)

6. André Siegfried est entouré d'une demi-douzaine de membres de l'ELSP dont Roger Seydoux, Jacques Chapsal, Pierre Rain, Pierre Renouvin, Jacques Belin, le conseiller d'État Hervé Detton, l'inspecteur des finances Louis Formery et Jacques Berthoud de la Cour des Comptes. (In French)

7. J. Chapsal. BAAEE 1970. (In French)

Информация об авторах

П. В. Заяц – канд. ист. наук, проф. кафедры политологии и этнополитики;

Я. Г. Зинченко – канд. социолог. наук, доц. кафедры социологии;

Information about the authors

P. V. Zayats – Candidate of Historical Sciences, Professor of Department of Political Science and Ethnopolitics;

Ya. G. Zinchenko – Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor of the Department of Sociology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2022; одобрена после рецензирования 03.03.2022; принята к публикации 04.03.2022.

The article was submitted 16.02.2022; approved after reviewing 03.03.2022; accepted for publication 04.03.2022.

Научная статья

УДК 324

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-192-196

СИСТЕМА ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Светлана Владиславовна Петрова¹, Анна Вячеславовна Сидорова²

^{1,2}Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

¹solus46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4626-3116>

²restless-spirit2015@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается современная процедура проведения дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в Российской Федерации, а также инфраструктурная схема функционирования программно-технического комплекса дистанционного электронного голосования. Рассмотрен опыт онлайн-голосования в зарубежных странах, предложены пути совершенствования системы онлайн-голосования.

Ключевые слова: онлайн-голосование, система, избирательный процесс, избиратель, блокчейн, анонимизация, идентификация, аутентификация, тайна голосования.

Для цитирования: Петрова С. В., Сидорова А. В. Система дистанционного электронного голосования в Российской Федерации и пути совершенствования электронной демократии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 192–196. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-192-196>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE SYSTEM OF REMOTE ELECTRONIC VOTING IN THE RUSSIAN FEDERATION AND WAYS TO IMPROVE ELECTRONIC DEMOCRACY

Svetlana V. Petrova¹, Anna V. Sidorova²

^{1,2}Sochi State University, Sochi, Russia

¹solus46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4626-3116>

²restless-spirit2015@yandex.ru

Abstract. This article discusses the modern procedure for conducting remote electronic voting (DEV) in the Russian Federation, as well as the infrastructure scheme for the functioning of the software and hardware complex for remote electronic voting. The experience of online voting in foreign countries is considered, ways to improve the online voting system are proposed.

Keywords: online voting, system, electoral process, voter, blockchain, anonymization, identification, authentication, secrecy of voting

For citation: Petrova S. V., Sidorova A. V. The system of remote electronic voting in the Russian Federation and ways to improve electronic democracy. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):192-196. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-192-196>.

В современном мире электронная демократия и интерактивное голосование создают много новых возможностей как для государства, так и для граждан. Разрабатываются различные новые технологии взаимодействия между обществом и государством. Сегодня Российская Федерация активно интегрирована в демократизацию избирательного процесса через систему электронного голосования.

Электронное участие – обязательный механизм для демократии. Малик Е.Н. считает, что электронное участие увеличивает участие граждан в политической жизни и добавляет новые каналы, с помощью которых люди выражают свое недовольство или поддержку. Другим потенциальным преимуществом электронного участия является увеличение прозрачности системы и подотчетности, что, как следствие, косвенно способствует росту вовлеченности [1, с. 169–170].

Анализируя практику проведения ДЭГ в Российской Федерации в 2020–2021 гг., представляется важным рассмотреть такой аспект, как направления совершенствования данного института.

Как известно, дистанционное электронное голосование (ДЭГ) – это процедура участия в голосовании без использования бумажного бюллетеня, а с применением специального программного обеспечения¹.

Непосредственно процедура электронного голосования была организована следующим образом. В день голосования избиратель имеет право выбрать, каким образом он примет участие в выборах: дистанционно (электронно) или традиционно (посещение избирательного участка), для чего требовалось подать соответствующее заявление на портале «Госуслуги». Далее в день проведения голосования, избиратель должен пройти процедуру аутентификации и подтверждения личности на официальном портале дистанционного электронного голосования², используя подтвержденную учетную запись на «Госуслугах». Последующие действия избиратель осуществляет аналогично традиционному голосованию, а именно, на экране открывается электронный бюллетень, в котором ставится отметка напротив фамилии выбранного кандидата.

При этом, Дроздова В.Г. отмечает, что результат голосования сразу отправлялся в блокчейн-систему, считающейся одной из самых прозрачных и безопасных технологий для ДЭГ во всем мире [2, с. 2–4].

Блокчейн представляет собой технологию распределенного реестра, т.е. это непрерывная цепочка блоков, содержащих в себе информацию. Стоит обратить внимание на то, что появление нового блока в цепочке ведет к автоматической записи содержащейся на нем информации на все остальные блоки цепочки, и наоборот, вся информация, записанная на существующих блоках, дублируется на созданный блок. Все данные не содержатся на общем сервере, а распределены между множеством устройств. Что касается безопасности системы, то любая попытка взлома будет отображаться в системе, т.к. невозможно взломать один блок, не затронув другие [3, с. 181].

Программно-технический комплекс ДЭГ в России, как федеральная платформа для онлайн-голосования, в соответствии с поручением Президента РФ по цифровизации избирательного процесса, предоставлению цифровых сервисов для участников избирательного процесса и созданию цифровой платформы реализации основных гарантий избирательных прав граждан РФ, разрабатывается Ростелекомом, в задачи которого входят выполнение работ по созданию ПТК ДЭГ, в т.ч. по технической эксплуатации и сопровождению при проведении тренировок и публичного тестирования.

В целом инфраструктурную схему ПТК ДЭГ можно описать следующим образом. Система включает в себя 4 центра обработки данных (площадки Ростелекома), а также два дополнительных дата-центра. Данная система предусматривает возможность масштабирования, т.е. 3 центра обработки данных разворачивались на период проведения голосования, а 1 центр – оставался в ведении ЦИК РФ, сохранившийся и после проведения голосования. Таким образом, у ЦИК РФ остаются все данные по итогу проведенного голосования. Помимо этого, в состав входят магистральные сети связи, ИТ-оборудование и т.п. В основе системы используется отечественная блокчейн-платформа «Waves Enterprise», в которой применяются российские криптографические алгоритмы и средства защиты.

Схематично инфраструктура ПТК ДЭГ представлена на рис. 1.

По мнению Закускина А.А., самой развитой страной в вопросе внедрения системы электронного голосования на выборах является Эстония [4, с. 278]. Помимо проведения выборов в сети «Интернет», в стране существует практика проведения досрочных выборов с применением электронных технологий [5, с. 55–56].

Интересной с точки зрения организации электронного голосования представляется практика других стран, в которых используются различные технологии электронной демократии. Так, в Швеции граждане имеют возможность использовать специальные карты идентификации избирателей. Эти карты избиратели получают по почте. А в Швейцарии создан и функционирует отдельный специализированный сайт, на котором избиратель вводит уникальный идентификационный номер (УИН), а также пин-код и данные своего паспорта. В Великобритании используют несколько упрощенные технологии электронного голосования, такие как смс-сообщения, Интернет, а также возможности цифрового телевидения [6, с. 39–40].

¹ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Официальный портал дистанционного электронного голосования // <https://deg.rt.ru/#>

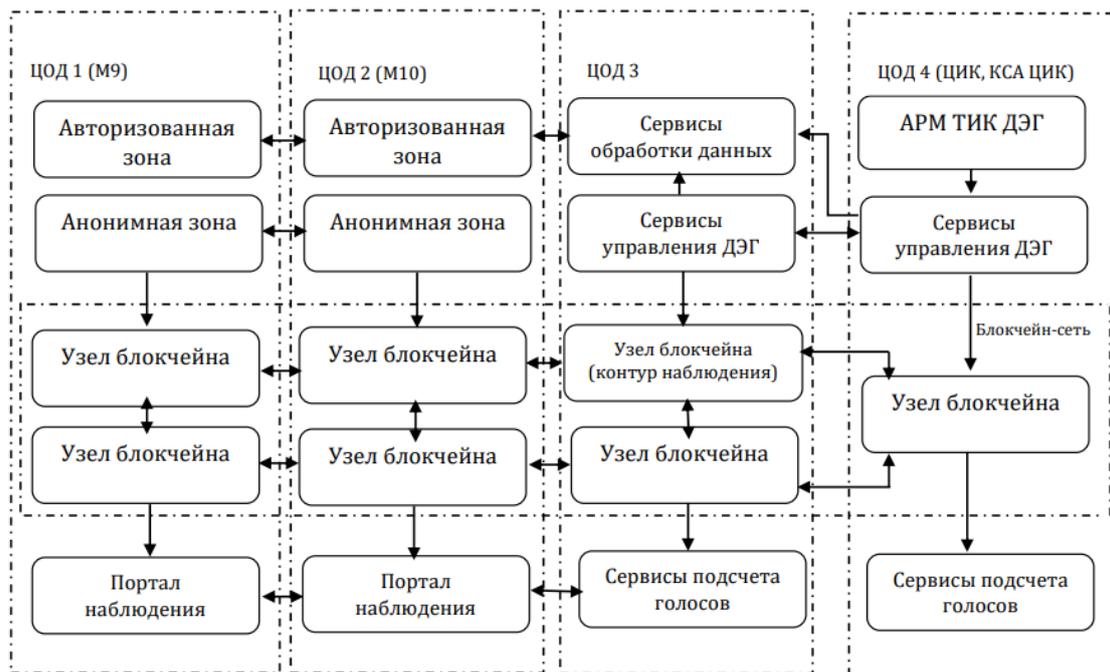

Рис. 1. Инфраструктурная схема ПТК ДЭГ в РФ
 Fig.1. Infrastructural scheme of PTK DEG in the Russian Federation

Известно, что на сегодняшний день в Государственную Думу был внесен и принят в первом чтении законопроект о единых правилах проведения онлайн-голосования в России. Данный документ устанавливает, что ДЭГ на выборах всех уровней будет проходить исключительно с использованием ГАС «Выборы» либо других сертифицированных государственных информационных систем. Законопроект устанавливает требования к этим информационным системам, а также предусматривается обязательное прохождение процедур идентификации, аутентификации и подтверждения личности, анонимизации результатов¹.

По мнению некоторых экспертов (Григорий Мельяконыханц, электоральный эксперт; Виктор Толстогузов, начальник отдела систем электронного голосования МГТУ им. Н.Э. Баумана, Александр Исавин, член группы общественного аудита ДЭГ и др.²), убеждены, что данный законопроект закладывает основу для непрозрачности и недоступности для проверок внедрения и применения систем ДЭГ. Главными недоработками считают:

- отсутствие гарантий правовой определенности и стабильности системы голосования;
- отсутствие гарантий членов избиркомов по проведению и контролю ДЭГ;
- отсутствует регламентация системы наблюдения;
- вероятность сбоев и, как следствие, уязвимость избирательных прав;
- отсутствие гарантии контрольного подсчета голосов;
- возможность неоднозначной трактовки.

Ростелеком и ЦИК РФ, напротив, уверяют, что система онлайн-голосования на данный момент хорошо защищена от различных кибератак, а также надежно обеспечивает реализацию принципа тайны голосования. А избиратель, который хоть немного разбирается в технической стороне вопроса, может спокойно проверить наличие своего голоса в блокчейне. Помимо этого, в системе предусмотрен ряд инструментов для наблюдения за голосованием. Однако сами зашифрованные бюллетени с информацией о сделанном выборе посмотреть нельзя.

Самым главным преимуществом ДЭГ является высокая явка на выборах, что, в свою очередь, способствует обеспечению активного избирательного права, особенно для граждан с ограниченными возможностями здоровья и молодежи. Исключение из цепочки процедуры проведения ДЭГ посеще-

¹ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ // <http://duma.gov.ru/news/53303/>

² Эксперты назвали главные недостатки проекта о дистанционном голосовании // <https://www.rbc.ru/politics/22/01/2022/61eac2709a79479dcd24f0df>

ние избирательного участка позволит преодолеть низкую электоральную активности среди молодежи. Закускин А.А. предлагает несколько вариантов организации ДЭГ с помощью мобильного приложения или сайта избирательной комиссии с присвоением уникального идентификационного кода каждому избирателю.

Помимо этого, открывается возможность для участия в выборах из любой точки России вне зависимости от места постоянной регистрации. Также немаловажным является существенное снижение финансовых расходов на организацию и проведение выборов, упрощение процедуры подсчета голосов, ускорение и автоматизация их обработки и определения результатов [7, с. 86–87].

Самыми главными преимуществами дистанционного электронного голосования, по мнению россиян, являются: дистанционность (отсутствие необходимости выходить из дома) – 28%, быстрота – 16%, а также удобство – 12%¹.

В качестве мер совершенствования Стратотерцев К.Д., в первую очередь, предлагает определение самых эффективных технологий аутентификации и идентификации отдельного избирателя (принцип личного голосования) [8, с. 31]. По примеру Эстонии можно выстроить систему подтверждения личности с использованием ID-карт, содержащих персональную информацию избирателя, защищенную шифрованием.

Таким образом, в России развитие ДЭГ продвигается вперед, и, вероятно, в скором будущем интернет-технологии и онлайн-голосование изменят формат волеизъявления народа. Бесспорно, что большинство граждан с недоверием относятся к онлайн-голосованию, поэтому для его внедрения потребуется больше времени и ресурсов, а также вероятное обращение к опыту организации электронного голосования в зарубежных странах.

Список источников

1. Малик Е. Н. Электронная демократия как механизм политической интеграции граждан // Вестник Прикамского социального института. 2020. №3 (87). С. 168–172.
2. Дроздова В. Г. Использование современных избирательных технологий для обеспечения реализации активного избирательного права граждан Российской Федерации // Избирательное право. 2019. № 2 (40). С. 2–4.
3. Зворыкина Е. В. Перспективы применения технологии блокчейн на выборах в России // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4. С. 179–183.
4. Закускин А. А. Внедрение электронных технологий в российский избирательный процесс // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5, №. 3. С. 277–281.
5. Ручкин А. В., Чижов А. А. Электронное голосование на выборах в органы государственной власти и местного самоуправления: опыт Эстонии // Вопросы управления. 2018. № 5 (54). С. 54–60.
6. Горностаева Е. О. Зарубежный опыт электронного голосования на выборах // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 21. С. 39–40.
7. Трыканова С. А. Направления развития организационно-правовых условий цифрового дистанционного голосования в России // Образование. Наука. Научные доклады. 2021. № 1. С. 85–87.
8. Стратотерцев К. Д. К вопросу о направлениях развития электронного голосования в России // Развитие общественных наук российскими студентками. 2017. № 2. С. 31.

References

1. Malik E. N. Electronic democracy as a mechanism for the political integration of citizens. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta = Bulletin of the Kama Social Institute*. 2020; 3 (87):168-172. (In Russ.)
2. Drozdova V.G. The use of modern electoral technologies to ensure the implementation of the active electoral right of citizens of the Russian Federation. *Izбирatel'noye pravo = Electoral Law*. 2019; 2 (40):2-4. (In Russ.)
3. Zvorykina E.V. Prospects for the use of blockchain technology in elections in Russia. *Grazhdanin. Vyborny. Vlast' = Citizen. Elections. Power*. 2018;(4):179–183. (In Russ.)
4. Zakuskin A. A. The introduction of electronic technologies in the Russian electoral process. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki. Yuridicheskiye nauki = Bulletin of the Mari State University. Series «Historical Sciences. Legal Sciences»*. 2019;5(3):277-281. (In Russ.)

¹ Официальный сайт ВЦИОМ // <http://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pioneryinternet-vyborov>

5. Ruchkin A. V., Chizhov A. A. Electronic voting in elections to state authorities and local self-government: the experience of Estonia. *Voprosy upravleniya = Management Issues*. 2018;5(54):54-60. (In Russ.)

6. Gornostaeva E. O. Foreign experience of electronic voting in elections. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo = Constitutional and municipal law*. 2008;(21):39-40. (In Russ.)

7. Trykanova S.A. Directions for the development of organizational and legal conditions for digital remote voting in Russia. *Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye doklady = Education. The science. Scientific reports*. 2021;(1):85-87. (In Russ.)

8. Strastothertsev K.D. To the question of the directions of development of electronic voting in Russia. *Razvitiye obshchestvennykh nauk rossiyskimi studentkami = Development of social sciences by Russian students*. 2017;(2):31. (In Russ.)

Информация об авторах

С. В. Петрова – декан юридического факультета, докт. полит. наук, проф. кафедры теории права и государства, истории и философии;

А. В. Сидорова – магистрант факультета экономики и процессов управления.

Information about the authors

S. V. Petrova – Dean of the Faculty of Law, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Theory of Law and State, History and Philosophy;

A. V. Sidorova – master student of the Faculty of Economics and Management Processes.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2022; одобрена после рецензирования 03.03.2022; принята к публикации 04.03.2022.

The article was submitted 16.02.2022; approved after reviewing 03.03.2022; accepted for publication 04.03.2022.

Научная статья
УДК 32:338.001.36
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-197-203

ВЫЗОВЫ ВЛАСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО И РОССИЙСКОГО КЕЙСОВ

Роман Александрович Пупыкин

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, rapupykin@sfedu.ru

Аннотация. В статье анализируются социально-экономические последствия пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на примере российского и латиноамериканского кейсов. Выбор этих регионов для компаративного анализа обусловлен схожей экономической системой и структурой органов государственной власти. Рассмотрены политические ошибки в реакционных действиях власти на требующую оперативных действий пандемию, их причины и последствия в странах Бразилии, Эквадора, Боливии, Чили и России. Проанализированы последствия для пенитенциарной системы сравниваемых регионов: Латинская Америка последовала мировым рекомендациям и снизила количество задержаний, увеличила число условно-досрочных освобождений, в российских тюрьмах вводилась изоляция и строгие ограничения, касающиеся свиданий. Автором выделены риски и уязвимости для развития российского и латиноамериканского регионов, которые вызваны пандемией, в том числе и в международном пространстве. Следствием пандемии стало изменение структуры органов государственной власти в сравниваемых регионах, повышение цен на сырье, кризис мигрантов, личностные психологические проблемы и т.п. Сделан вывод о том, что в странах Латинской Америки и в России пандемия COVID-19 привела к усугублению до этого существовавших проблем в социальной, экономической и политической сферах государств.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, Латинская Америка, Россия, социально-экономический кризис, кризис государственной власти, пенитенциарная система, международное пространство

Для цитирования: Пупыкин Р. А. Вызовы власти в период пандемии COVID-19: сравнительный анализ латиноамериканского и российского кейсов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 197–203. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-197-203>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

CHALLENGES TO POWER DURING THE COVID-19 PANDEMIC: COMPARATIVE ANALYSIS OF LATIN AMERICAN AND RUSSIAN CASES

Roman A. Pupykin

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, rapupykin@sfedu.ru

Abstract. The article analyzes the social and economic consequences of the new coronavirus (COVID-19) pandemic based on Russian and Latin American cases. The choice is made due to the similarities of economic systems and the structure of state authorities. Political errors of the authorities, their causes, and effects for the countries of Brazil, Ecuador, Bolivia, Chile, and Russia are under consideration. The implications for the penitentiary systems of the countries are compared and analyzed: Latin America followed global recommendations and reduced the number of detentions, increased the number of paroles; isolation and strict restrictions on visits were introduced in Russian prisons. The author highlighted the risks and vulnerabilities for the development of the Russian and Latin American regions, which are caused by the pandemic, including the ones on the international scale. The consequence of the pandemic was a change in the structure of government bodies in the compared regions, an increase in prices for raw materials, a crisis of migrants, personal psychological problems, etc. It is concluded that the COVID-19 pandemic in Latin America and Russia has led to the aggravation of previously existing problems in the social, economic, and political spheres of states.

Keywords: pandemic, COVID-19, Latin America, Russia, socio-economic crisis, crisis of state power, penitentiary system, international space

For citation: Pupykin R. A. Challenges to power during the COVID-19 pandemic: comparative analysis of Latin American and Russian cases. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):197–203. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-197-203>

Пандемия COVID-19 заставила по-другому взглянуть на сложившийся порядок вещей и систему мировоззрения в целом. С целью составления сценариев дальнейшего развития событий и выхода из сложившегося кризиса возникает потребность в изучении социальных и экономических составляющих жизни и проведении эффективной политики государства. Но необходимо применять комплексный подход, построенный на сравнительном методе. С этой целью в данной работе анализируются вызовы, вставшие перед властью в пандемию, и рассмотрены ее последствия с различных сторон. Сравнение российской и латиноамериканской практики обусловлено некоторой экономической схожестью данных регионов и их опорой на сырьевую экономику, а также схожую структуру государственной власти.

Работа органов государственной власти в условиях пандемии

Пандемия COVID-19 не просто усугубила кризисные явления в политике многих государств, но и во многом стала причиной изменений в деятельности органов государственной власти. Но все государства реагировали по-разному на вставшие перед ними вызовы. И далеко не везде власти оказались в состоянии преодолеть возникшие перед ними трудности. Пандемия оказалась серьезным фактором, оказавшим влияние на принимаемые решения. Встречались случаи принятия неправильных политических решений, которые не просто не разрешали возникшие проблемы, а наоборот их только усугубляли и стимулировали нарастание социальной напряженности в обществе и падению уровня доверия к власти в целом [1, с. 21].

Прежде всего, это было вызвано отсутствием на государственном уровне в странах Латинской Америки единого мнения и четкого плана относительно действий в условиях пандемии. Самым большим провалом можно считать позднее реагирование на проблему и нежелание ее признавать. Предупреждающие действия по борьбе с пандемией и наращивание медицинской мощности могли коренным образом повлиять на ситуацию и сократить последующее нарастание недовольство населения. В этих условиях стал подниматься вопрос о несостоятельности государства в области обеспечения безопасности населения, и произошел пересмотр всех жизненных ценностей.

Наиболее ярко это проявилось в Бразилии, где угроза пандемии долгое время не признавалась, а в итоге вылилась в государственный кризис. Несмотря на то, что конгресс Бразилии быстро адаптировался к удаленной работе, и сформировалась высококвалифицированная внутренняя цифровая команда, обладающая полномочиями и ресурсами для разработки и перепроектирования систем, внутренние разногласия не позволяли ей эффективно функционировать. Обострение конфликта власти произошло из-за ситуации 16 марта, когда на виртуальном заседании Конгресс одобрил указ об общественном бедствии и создал смешанный комитет, чтобы следить за действиями правительства. Неясный ответ исполнительной власти означал, что Национальный конгресс быстро принял законы по многочисленным вопросам, включая распределение школьных обедов и использование телемедицины. При этом конгресс отменил несколько вето, наложенных президентом Болсонару, например, проголосовав за обязательное ношение масок в закрытых помещениях, что Болсонару не поддержал.

Другим препятствием на пути к эффективному законодательному контролю в Бразилии во время COVID-19 является тот факт, что обычные комитеты не функционировали. Таким образом, ответственность за проверку была возложена на гораздо меньшую группу законодателей, что оставляет большой пробел в проверке других областей. Также произошло сокращение участия общественности в этих процессах, в результате перехода на виртуальную работу, что сокращает объем информации, предоставляемой тем, кто внимательно следит за действиями исполнительной власти, и означает меньшую подотчетность. В целом, в Бразилии контроль стал сосредоточен в руках меньшего числа законодателей, актуализировались опасения по поводу прозрачности и взаимодействия с внешними субъектами, а также ограниченного надзора со стороны законодательного органа над вопросами, не связанными с пандемией¹.

¹ Gordon R., Cheeseman N. Legislative leadership in the time of COVID-19. Режим доступа: <https://www.wfd.org/wp-content/uploads/2021/01/Covid-19-legislative-leadership-V5.pdf>

В Эквадоре же отдельные регионы оказались в полной политической апатии из-за отсутствия руководства. Такая ситуация наблюдалась в городе Гаякиле, где отсутствие мэра (по причине болезни) привело к расхождению во мнениях и действиях его заместителей. А в городе Кито региональные власти попросту отказались исполнять рекомендации центрального правительства.

Необходимо подчеркнуть, что социальный кризис в Латиноамериканском регионе возник еще до пандемии, и она лишь усилила его. Это было вызвано «правым поворотом» в политике многих государств региона и изменением действующего до этого курса, сформированного левыми. Регион столкнулся с пандемией в условиях сворачивания инновационных программ, в том числе в сфере здравоохранения и поддержки незащищенных слоев населения. Карантинные меры закономерным образом привели к эскалации напряженности. В Боливии это активно проявилось в увеличении числа забастовок и протестов, а в Чили в повсеместном росте преступности.

Реакция на пандемию в России была обусловлена несколькими причинами. Прежде всего, обширной территорией государства и необходимостью реагирования на уровне отдельных субъектов, сценарий централизованных решений здесь был малоприменим, именно поэтому разработка мер по борьбе с пандемией во многом была передана региональным властям. Во-вторых, близость с Китаем способствовала предупреждающим шагам и закрытию границ, что немного сократило темпы роста заболеваемости. И наконец, вся политика была направлена не на моментальное устранение проблем, вызванных пандемией, а на поступательное их разрешение [2, с. 86].

В России пандемия вызвала необходимость принятия решений в ответ на возникающие вызовы в оперативном режиме. Президент страны постоянно выходил на видеосвязь с представителями регионов и давал им поручения, а также озвучивал поддерживающие мероприятия в отношении всего населения и бизнеса, в частности. При этом проводился постоянный мониторинг исполнения этих поручений. Централизованное управление во многом помогло стабилизировать ситуацию в стране, а умная (ограниченная) изоляция, учитывающая в каждом конкретном случае сложившиеся условия, сократила социальную напряженность.

Социально-экономические последствия пандемии

Последствия пандемии выходят далеко за рамки самих вирусных инфекций. Введение локдауна имеет социально-экономические последствия, которые накладываются на крайне несправедливые социальные условия: резкий рост безработицы, снижение доходов; потеря налоговых поступлений и сокращение и без того ограниченных социальных услуг; несвоевременное оказание медицинской помощи по причинам, не связанным с COVID, включая профилактические услуги; пропуски занятий в школе; последствия для социального и психического здоровья, вызванные ощущением тесноты и некачественным жильем.

С другой стороны, снижение мобильности и экономической активности в городах привело к значительному сокращению загрязнения воздуха и автомобильного движения с возможными последствиями для здоровья и травм (хотя увеличение скорости, связанное с меньшим количеством пробок, может компенсировать некоторое сокращение травм, связанных с дорожным движением). Необходимость физического дистанцирования в транспорте побуждает к созданию инфраструктуры для таких видов транспорта, как езда на велосипеде и пешие прогулки. Некоторые исследования продемонстрировали снижение насильственной смерти в городах Латинской Америки, вызванное введением локдауна, хотя количество случаев домашнего насилия при этом могло увеличиться [3]. В России же введение локдауна совпало с общеполитической напряженностью в обществе и распространению протестных настроений по всей территории.

Организация здравоохранения в разных странах Латинской Америки неодинакова, но общие черты включают неполный и несправедливый доступ и неодинаковое качество. Это повлияло не только на реакцию на COVID-19, но и на заболеваемость и смертность от других причин, связанных со здоровьем. Еще одна проблема, существующая в регионе, – отсутствие надежной инфраструктуры общественного здравоохранения, необходимой для характеристики угроз общественному здоровью, мониторинга их воздействия и выработки политики. Во многих городах системы эпиднадзора за общественным здоровьем развиты недостаточно, а ресурсы и опыт общественного здравоохранения не имеют приоритетного значения. Социальная среда в городах Латинской Америки, отсутствие общественного здравоохранения и инфраструктуры здравоохранения, а также явное социальное неравенство и неравенство в отношении здоровья делают эти города особенно уязвимыми для COVID-19.

Социальный аспект напрямую связан с экономическим состоянием населения. Но выплаты от государства не всегда являются решением проблем: так, в Эквадоре государство выплатило незащищенным слоям населения по 60 долларов при том, что минимальная зарплата в стране свыше 390 долларов. Такая помощь не смогла обеспечить соблюдение населением режима самоизоляции.

В России пошли другим путем. Государство всячески помогало малому и среднему бизнесу путем предоставления налоговых каникул, предоставления льгот и прочих мероприятий, а также осуществления выплат на несовершеннолетних детей. Позиция России по этому вопросу заключалась не в слепом сбрасывании «вертолетных денег», а в адресной поддержке отдельных групп населения.

Пенитенциарная система в условиях пандемии

Всемирная организация здравоохранения выпустила руководящие принципы по борьбе с COVID-19, предупреждению и контролю в тюрьмах и других центрах содержания под стражей¹. Кроме того, несколько агентств системы Организации Объединенных Наций опубликовали совместные заявления и инструкции по влиянию COVID-19 на права человека². Эти документы призывают правительства стран принять меры для сведения к минимуму риска заражения в тюрьмах и защиты прав заключенных. В частности, они рекомендуют правительствам принимать меры по сокращению перенаселенности, гарантировать здоровье, безопасность и достоинство заключенных, обеспечивать непрерывный доступ к медицинским услугам и уважать права человека. Большинство этих рекомендаций можно разделить на три большие категории. Первая категория включает освобождение из тюрем для сокращения численности заключенных, а также предотвращения и контроля распространения COVID-19. Примеры включают в себя условно-досрочное освобождение людей, которые почти закончили отбытие наказания, которые совершили мелкие правонарушения, досрочное освобождение лиц. Кроме того, они рекомендовали предоставить альтернативы содержанию под стражей для людей, ожидающих суда, и внедрить специальные механизмы, такие как смягчение приговора, помилование или отсрочка приговора. Во-вторых, международные организации предлагают ограничить прием новых тюрем. Системам уголовного правосудия рекомендуется рассмотреть возможность сокращения количества арестов, особенно за мелкие правонарушения, установить более низкие суммы залога, отложить исполнение приговоров на срок до 6 месяцев и преобразовать приговоры в штрафы. Третий тип рекомендаций относится к действиям по предотвращению и смягчению последствий внутри тюрем для управления распространением COVID-19. Эти действия включают временные ограничения на передвижение или посещения, усиление уборки, инфекционный контроль, тестирование, доступ к средствам гигиены, средствам индивидуальной защиты, здоровью, уход и медицинская изоляция подозреваемого случая.

Пандемия COVID-19 поразила тюрьмы Латинской Америки в разгар продолжавшегося десятилетия кризиса массовых тюрем, эндемической переполненности, насилия и отсутствия доступа к основным потребностям и услугам, включая здравоохранение. В Латинской Америке как в регионе проживает 12% от общего числа заключенных в мире. При этом отличительной особенностью стран Латинской Америки по вопросу пенитенциарной системы является то, что она полностью строится на выпущенных рекомендациях. В регионе наблюдается сокращение количества заключенных и применение иных форм заключения [4].

В России же к данным рекомендациям отнеслись скептически и сокращения количества заключенных не произошло. Вместо этого был выбран другой путь – ограничить доступ и контакты в самих тюрьмах и ввести строгую изоляцию. ФСИН ограничил свидания с родственниками и передачу посылок, сократив тем самым все контакты. Но данный путь не решает проблему этапирования новых заключенных, которые выступают потенциальными носителями инфекции.

Экономические последствия COVID-19 для сырьевых экономик

Когда разразилась пандемия, цены на сырьевые товары уже испытывали потрясения. Возрастающая торговая напряженность между США и Китаем, замедление роста в Китае и крах соглашения о добыче между ОПЕК и ее партнерами ухудшили перспективы товарных рынков на 2020 год. Из-за вспышки COVID-19 и одновременных серьезных потрясений спроса и предложения цены на сырьевые товары упали в беспрецедентных масштабах. Практически остановка мирового производства и международных перевозок, а также крах цепочек поставок и грузовых перевозок снизили спрос на энергоносители и оказали огромное давление на цены на сырьевые товары, особенно на нефть.

¹ World Health Organization (WHO): Preparedness, prevention and control of COVID-19 in prisons and other places of detention. Режим доступа: https://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0019/434026/Preparedness-prevention-and-control-of-COVID-19-in-prisons.pdf?ua=1

² World Health Organization (WHO): UNODC, WHO, UNAIDS and OHCHR joint statement on COVID-19 in prisons and other closed settings. Режим доступа: <https://www.who.int/news-room/detail/13-05-2020-unodc-who-unaid-and-ohchr-joint-statement-on-covid-19-in-prisons-and-other-closed-settings>

Как непосредственное следствие, резкое падение цен на сырьевые товары по разным причинам ударило по семи латиноамериканским странам. Эквадор, Колумбия, Бразилия, Боливия и Мексика сильно зависят от доходов от нефти и ее производных, которые составляют 41, 38, 12, 7 и 5 процентов их экспорта соответственно. Колумбия, являющаяся пятым по величине экспортером угля в мире, и Чили, являющаяся мировым лидером по экспорту меди, также серьезно пострадают. Зависимость Перу от экспорта меди, цинка и железной руды приведет к серьезному экономическому спаду в стране. Падение доходов от экспорта сырьевых товаров окажет еще большее давление на баланс текущих операций в регионе.

Помимо прямых медицинских и экономических последствий COVID-19, семь стран-производителей сырьевых товаров в Латинской Америке в настоящее время сталкиваются с тройным кризисом: приток капитала внезапно прекратился и даже повернулся вспять, цены на сырьевые товары резко упали из-за падения спроса (особенно на нефть) и местные валюты резко обесценились. Это уже привело к значительному сокращению роста ВВП. В краткосрочной перспективе возросшая трудность доступа к внешним финансам в результате пандемии ослабила попытки правительств финансировать финансовые пакеты для смягчения немедленных последствий пандемии для здоровья и экономики. В среднесрочной перспективе эти взаимосвязанные шоки вызовут серьезные кризисы платежного баланса как для государственного, так и для частного сектора. В долгосрочной перспективе возникнут серьезные кризисы переключения [5]. Эти кризисы проявляются либо в обесценивании капитала на территориях, где он не может избавиться от основных проблем реализации фиксированных инвестиций, либо в переводе денежного капитала из Латинской Америки и России в пространства, которые предлагают более прибыльные и надежные инвестиционные выплаты.

Падение цены на сырье и общее сокращение спроса на нефть, газ и уголь создало непростую ситуацию для российских экспортеров. Низкие темпы рецессии, наблюдаемые в России с 2020 года, а также недиверсифицированная структура сырьевой экономики наглядным образом демонстрируют ситуацию небыстрого восстановления этой самой экономики [6, с. 32]. Увеличение цен на сырье малоэффективно в сложившихся условиях и носит лишь кратковременный эффект.

В среднесрочной перспективе эксперты прогнозируют незначительный рост сырьевой экономики России, обусловленный восстановлением производственных мощностей и ростом спроса на сырье в постпандемийный период [7, с. 108]. При этом отказ от топливно-сырьевой направленности экспорта не предвидится.

COVID-19 как переломный момент в достижении целей устойчивого развития

Пандемия значительно усугубила социально-экономическое, социально-политическое и социально-экологическое давление, а также усилила многочисленные угрозы экономическому, социальному, человеческому и устойчивому развитию в Латинской Америке. Учитывая хрупкость развития данного региона, вполне вероятно, что COVID-19 может стать решающим переломным моментом, который может иметь катастрофические последствия.

Пандемия может запустить «усиливающую петлю обратной связи», которая может сорвать и обратить вспять большую часть прогресса, достигнутого в развитии Латинской Америки за десятилетия [8]. Заметны успехи, когда страны Латинской Америки первоначально реализовали ключевые элементы целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, а в последнее время приняли, инвестировали и начали реализовывать цели в области устойчивого развития вместе с всеобъемлющей рамочной политикой, воплощенной в Соединенных Штатах. Кроме того, ряд стран региона участвовали в других важных двусторонних и многосторонних программах и механизмах развития и устойчивости, таких как Региональная программа Организации экономического сотрудничества и развития для Латинской Америки и Карибского бассейна, Международный банк реконструкции, Кредитные программы развития и региональные программы и проекты Агентства США по международному развитию.

Одним из условий, при котором COVID-19 может стать решающим поворотным моментом в создании пагубных последствий, является то, что Колумбия приняла 1,8 миллиона венесуэльских мигрантов. COVID-19 и разрушающаяся инфраструктура здравоохранения Венесуэлы объединились, чтобы создать взрывоопасную смесь пандемических заболеваний и интенсивной и отчаянной миграции. Венесуэльские мигранты, въезжающие, проживающие в Колумбии или проезжающие транзитом через Колумбию, представляют собой убедительный пример сложности взаимосвязанных уязвимостей и рисков, усиливаемых COVID-19, в контексте международного развития.

Множество проблем, связанных с личной и общественной безопасностью, усложняют жизнь в Венесуэле и являются сильным стимулом для эмиграции. Быстрое распространение COVID-19

в стране действует как «кризис внутри кризиса», вызывая еще большую миграцию. Хотя правительство Мадуро хвастается тем, что контролирует коронавирус, количество случаев заболевания, похоже, увеличивается. Резкий социально-экономический спад Венесуэлы – крупнейший экономический спад в мирное время в истории – в сочетании с распадом государственности и полностью нефункциональной политической системой вынудил более 5,2 миллиона мигрантов покинуть свои дома.

Латинская Америка также является высоко урбанизированным регионом мира, и многие люди, скученные вместе в маргинализированных и периферийных сообществах, сталкиваются с проблемами водоснабжения, санитарии и гигиены и не могут соблюдать надлежащее социальное дистанцирование. Неспособность придерживаться правил не выходить из дома, сознательно мыть руки, очищать поверхности, вызывающие сильное прикосновение, и скрупулезно практиковать физическое дистанцирование – обычное дело среди венесуэльских мигрантов, которые собираются в густонаселенных неформальных поселениях в Колумбии, находят жилье во временных убежищах или вынуждены ночевать на улице. Венесуэльские мигранты часто прибывают без медицинских карт или документов, необходимых для получения официального статуса в Колумбии. Для большинства из-за запутанной бюрократии и непостижимой коррупции получение паспорта становится невыполнимым. Последствия отсутствия документов могут быть особенно суровыми в эпоху COVID-19: без так называемых специальных разрешений на пребывание венесуэльские мигранты часто испытывают затруднения при получении доступа к медицинскому обслуживанию.

В качестве доминирующих негативных факторов, оказывающих деструктивное воздействие на процесс восстановления российской экономики, выступают факторы максимальной неопределенности и падения потребительской активности [7, с. 109]. В этих условиях рост инфляции в России неизбежен. Также пандемия привела к сокращению многих программ развития и национальных проектов, вынудив перенаправить финансы на систему здравоохранения. Все это в совокупности приостановило политику, направленную на достижение устойчивого развития.

Таким образом, пандемия значительно усугубила существовавшие до этого структурные проблемы как в латиноамериканских странах, так и в России. Им предстоит разрешить возникшие трудности, которые требуют четкого политического руководства и продуманной политики, а также создания стратегии по выходу из экономического, политического и социального кризиса.

Список источников

1. Еремин А., Гонзалес М. В. Латинская Америка в условиях пандемии COVID-19 в 2020 г. Социальный и политический аспекты. На примере Эквадора // Латинская Америка. 2021. Вып. № 3. С. 20–32.
2. Чубарова Т. В., Шарова М. А. Государственная политика как фактор, влияющий на развитие пандемии COVID-19: выводы для России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 84–107.
3. Diez Roux A. V., Barrientos-Gutierrez T., Caiaffa W. T., Miranda J. J., Rodriguez D., Sarmiento O. L., Slesinski S. C. & Vergara A. V. Urban health and health equity in Latin American cities: what COVID-19 is teaching us // Cities & Health. 2020.
4. Marmolejo L., Barberi D., Bergman M., Espinoza O., Fondevila G. Responding to COVID-19 in Latin American Prisons: The Cases of Argentina, Chile, Colombia, and Mexico // Victims & Offenders. 2020. № 15. С. 1062–1085.
5. Franz T. Spatial fixes and switching crises in the times of COVID-19: implications for commodity-producing economies in Latin America // Canadian Journal of Development Studies (Revue canadienne d'études du développement). 2021. № 42. С. 109–121.
6. Бобылева А. З., Аньшин В. М., Птицын А. В. Новые вызовы: сравнительный анализ международных реактивных антикризисных мер в связи с пандемией COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 24–48.
7. Волков Г. Ю. Перспективы восстановления мировой экономики в постпандемийный период в рамках разносрочных сценариев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 3. С. 103–109.
8. Berg R. C., Rechkemmer A., Espinel Z., Shultz J. M. COVID-19 as a tipping point for Latin America's sustainable development goals: the case of Venezuelan migrants in Colombia. Migration and Development. 2021. № 1 (10) С. 1–10.

References

1. Eremin A., Medina Gonzalez V. Latin America in the first wave of the COVID-19 pandemic in 2020. Social and political aspects. Case of Ecuador. *Latinskaia Amerika = Latin America*. 2021;(3):20-32. (In Russ.)
2. Chubarova T. V., Sharova M. A. State policy as a factor influencing the development of the COVID-19 pandemic: implications for Russia. *Gosudarstvennoe upravlenie. Electronniy vestnik = Public administration. Electronic Bulletin*. 2020;(83):84-107. (In Russ.)
3. Diez Roux A. V., Barrientos-Gutierrez T., Caiaffa W. T., Miranda J. J., Rodriguez D., Sarmiento O. L., Slesinski S. C. & Vergara A. V. Urban health and health equity in Latin American cities: what COVID-19 is teaching us. *Cities & Health*, 2020.
4. Marmolejo L., Barberi D., Bergman M., Espinoza O., Fondevila G. Responding to COVID-19 in Latin American Prisons: The Cases of Argentina, Chile, Colombia, and Mexico. *Victims & Offenders*. 2020;(15):1062-1085.
5. Franz T. Spatial fixes and switching crises in the times of COVID-19: implications for commodity-producing economies in Latin America. *Canadian Journal of Development Studies = Revue canadienne d'études du développement*. 2021;(42):109-121.
6. Bobyleva A. Z., Anshin V. M., Ptitsyn A. V. New challenges: a comparative analysis of international reactive anti-crisis measures in connection with the COVID-19 pandemic. *Gosudarstvennoe upravlenie. Electronniy vestnik = Public administration. Electronic Bulletin*. 2020;(81):24-48. (In Russ.)
7. Volkov G. Yu. Prospects for the recovery of the world economy in the post-pandemic period in the framework of multi-term scenarios. *Gosudarstvennoe i municipalnoe upravlenie. Uchenie zapiski = State and municipal management. Scientific notes*. 2020;(3):103-109. (In Russ.)
8. Berg R. C., Rechkemmer A., Espinel Z., Shultz J. M. COVID-19 as a tipping point for Latin America's sustainable development goals: the case of Venezuelan migrants in Colombia. *Migration and Development*. 2021;1(10):1-10.

Информация об авторе

Р. А. Пупыкин – канд. полит. наук, доц., зав. кафедрой теоретической и прикладной политологии.

Information about the author

R. A. Pupykin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Political Science.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 09.01.2022; принята к публикации 11.01.2022.

The article was submitted 13.12.2021; approved after reviewing 09.01.2022; accepted for publication 11.01.2022.

Научная статья

УДК 32

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-204-208

МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Елена Николаевна Тованчова¹, Александр Александрович Безвербный²,
Лариса Александровна Лобова³

¹Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, just_ien@mail.ru

^{2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, lora.lobova2009@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен анализ специфики международных отношений в контексте метатеоретического анализа (философский аспект), а также обозначен предмет и проблематика данного научного направления. Также рассмотрены основные позиции развития международных отношений в контексте глобализации. Именно междисциплинарные методики ориентированы на решение сложных, многоаспектных проблем, где необходим инновационный инструментарий, позволяющий осуществить синтез различных междисциплинарных отраслей, разработку стратегий на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, философия, международные отношения, политология, государство, глобалистика

Для цитирования. Тованчова Е. Н., Безвербный А. А., Лобова Л. А. Метатеоретический аспект анализа современных международных и межгосударственных отношений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 204–208. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-204-208>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

METATHEORETICAL ASPECT OF THE ANALYSIS OF MODERN INTERNATIONAL AND INTERSTATE RELATIONS

Elena N. Tovanchova¹, Alexandr A. Bezverbniy², Larisa A. Lobova³

¹Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don, Russia, just_ien@mail.ru

^{2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, lora.lobova2009@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the specifics of international relations in the context of metatheoretical analysis (philosophical aspect), and also identifies the subject and problems of this scientific direction. The main positions of the development of international relations in the context of globalization are also considered. It is interdisciplinary methods that are focused on solving complex, multidimensional problems, where innovative tools are needed that allow for the synthesis of various interdisciplinary industries, the development of strategies for the long term.

Keywords: globalization, philosophy, international relations, political science, state, globalism

For citation: Tovanchova E. N., Bezverbniy A. A., Lobova L. A. Metatheoretical aspect of the analysis of modern international and interstate relations. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):204–208. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-204-208>.

Исследования глобальной динамики, проблематики глобальных перемен в настоящее время активно проводятся учеными-теоретиками, а вот надстройка философии международных отношений, которая является базисом теорий данного направления в процессе системных изменений и становления нового формата глобализации пока даже не сформирована.

Специфика философии международных отношений, в первую очередь, связана с ускоренной динамикой трансформаций в системе международных отношений, которые перестраиваются, находятся в кризисе, зачастую в прострации. Основным источником такой ситуации – процесс глобализации, который находится на этапе обновления, а также обстоятельства пандемии внесли существенные коррективы во взаимоотношения между государствами, в связи с чем сложилась целая какофония подходов, мнений определяющих вектор развития международных отношений. В настоящее время возникла необходимость обособленного анализа происходящей международной ситуации, поиска новых подходов взаимодействия государств.

В конце 40-х годов, начале 50-х годов параллельно с философией войны, которая формулировала мега цель для одной группы государств, во главе с США, прийти к политической монополии, развивались силы, стремящиеся к мировому господству, однако осознавали всю опасность шагов к мировой гегемонии формулировали устойчивой философии мира (Пагуошское движение ученых во главе с А. Эйнштейном, Движение борцов за мир и др.). Советские ученые, такие как Чартов и его знаменитый доклад в Великобритании в середине 50-х годов о мирном атоме, осознавая угрозу военных достижений и последствия применения нового в тот период оружия, призывали к мирному формату взаимоотношений между сверхдержавами.

Современные межгосударственные отношения постепенно включаются в систему глобальных отношений, но для этого нужны особые условия. Процессу развития декларированной философии международных отношений необходим высокий междисциплинарный уровень, новые техники анализа определения потребности в партерах в контексте международных отношений, развитая рефлексия, которая является базисом философии.

Инновационные подходы в теории международных отношений, в политологии, инновации в образовании и проблематика в исследуемой сфере расслаивается, при этом формируется слой, который дистанцируется, в котором межгосударственные субъекты и союзы выступают конкурентами по отношению к глобальным объектам, так как глобализация прерывает границы и это выражается в первую очередь потерей государственного суверенитета. Подобная конкуренция подтверждается тенденцией государствообразования, которая активно происходит в современном мире и имеет волнообразную форму. Сейчас наблюдается обострение процесса создания новых государств посредством сецессии (например, частично признанные Республики ЛНР, ДНР, ранее входившие в состав Украины). После распада Советского Союза, Югославии сохранение единого государственного пространства сложно удержать, целый ряд членов ЕС выбрали курс суверенного подхода в государственном устройстве (например, brexit). Современные формы государствообразования претерпели изменения внутри своих форм, различают: аннексию, ирредентизм, сецессия.

Результат сепаратизма, сецессия (выход из состава государства какой-либо ее части (субъекта или адм.-терр. единицы) является наиболее распространенной формой государствообразующего процесса.

Сецессионный политический процесс представляет собой политическую деятельность на территории неоднородных (этнически, конфессионально, культурно, экономически) государствах, направленную на отделение от данного государственного образования. Основная цель сецессии – создать новое независимое государство (например, Фронт освобождения Джамму и Кашмира в Индии, Фронт национального освобождения Кабинды в Анголе, Фламандское Движение в Бельгии, Фронт национального освобождения Корсики во Франции, движения за независимость Шотландии в Великобритании, Организация «ЭТА» в Испании, движения за суверенитет Квебека в Канаде и другие).

Современное геополитическое и геоэкономическое пространство представляют собой сложное переплетение как конфликтов, противоречий, так и сотрудничества и коопераций, основными акторами которых, в глобальном масштабе выступают ТНК, действующих в своих интересах, а не интересах национальных государств.

Основу государственных интересов составляют целостность и политическая независимость страны, способность обеспечить безопасность и благосостояние граждан. Вообще категория «интересы» – это одна из основных категорий геополитики, которые условно делятся на национальные, государственные и межгосударственные (коалиционные). И существует некоторая проблема объективной оценки места государства, группы стран в системе международных координат, со стороны географов, политологов, занимающихся геополитикой. Поскольку многие из них явно проявляли национальные и идеологические предрасположения, продуцируя субъективные суждения.

Основные позиции развития философии международных отношений:

1. Развитие надстройки глобального уровня отношений. Уже сформированы институты, которые являются носителями надгосударственного статуса в области экономики, политики (международные корпорации, военные частные организации без государственной принадлежности, террористические формирования и др.).

2. Стремительный процесс социальных изменений, которые выходят за рамки государственных границ. Например, миграционный взрыв, перемещение большой группы людей из слаборазвитых регионов в высокоразвитые государства, с социальным, страховым обеспечением. Такой процесс связан не столько с потребностью более высокого уровня жизни мигрантов, сколько с востребованностью дешевой рабочей силы на рынке труда принимающих стран.

Расово-этнический взрыв – в основе государствообразования лежит этнический фактор, стремление к самоопределению, суверенизации, десятки новых государств появились за последнее столетие.

Цветные революции как итог активизации некоей оппозиционной части общества включаются в процесс дестабилизации действующей власти с целью смены правящей элиты.

Информационный взрыв – стремительный процесс преобразования современных коммуникаций, влекущий в своем развитии не только новые возможности, но и колоссальные риски (кибертерроризм, гибридные войны и др.)

Вышеописанные процессы дестабилизируют международные отношения и носят глобальный характер, что подтверждает необходимость развития философии международных отношений.

Для минимизации негативных последствий от таких процессов были созданы надгосударственные институты, контролирующие девиации в глобальном пространстве (Римский клуб и др.). В связи со сложившейся обстановкой, прогнозируемый результат международных отношений не определен.

3. Future Shock. В связи с ускорением темпов развития и обновлением технологий (Кондратьевские волны являются показателем ускорения темпов прохождения циклов развития государств в разных сферах) мы можем наблюдать стремительные инновационные скачки на протяжении не сотни лет, а на протяжении одного поколения.

4. Дестабилизация системы поддержания мира (кризис Ялтинско-Потсдамской системы) и как следствие, уход от однополюсной глобализации.

5. Становление многополярного мира и создание глобальной демократии, суть которой в отходе от монополии одной сверхдержавы, пытающейся удержать глобальное управление, и переход в плоскость полиархии, при этом существует несколько центров – крупнейшие государства или союзы государств.

Особенностью развития философии международных отношений является попытка поиска в период угроз и кризисов доктрин и стратегий, помогающих интеграции. Стратегии по направлениям международных отношений довольно часто редактируются, в связи с отсутствием обобщающего уровня, и только с помощью калейдоскопического способа выхода из кризисных ситуаций, все это привело к необходимости создания единой базовой основы на мета уровне.

В современном мире назрела проблема когнитивного диссонанса, неких неразрешимых парадоксов. Когда крупные игроки, крупные государства-лидеры не могут прийти на практике к кому-то согласию, к единой платформе, согласованной всеми участниками. Такие обстоятельства указывают на необходимость детального изучения глобальной динамики, глобальных процессов, надвигающихся рисков и осознанием, что временные рамки для перехода от теоретических поисков к практике становятся короче [1, с. 17-26].

Структура философии международных отношений

Возможно применить (навязать) в контексте международных отношений общеполитические подходы (гносеология, антропология и т.д.), но это поверхностный путь развития философии международных отношений. Результативней применить иной подход – междисциплинарный синтез философии и предметной области, используя метод философской рефлексии и потребности [2, с. 5-16].

Предмет философии международных отношений – это прикладной уровень фундаментальной философии, который касается мира реалий современных международных отношений, и знания о когнитивных процедурах, технологиях, с помощью которых формируется эта картина. Таким образом, это обозначение многообразия, не придерживаясь только одной конкретной философской системы или направления. Важно обозначить и аксиологические ценностные ориентации, которые отсюда вытекают.

Проблематика философии международных отношений. Философия международных отношений в процессе становления, развития заимствует многие подходы и проблемы из смежных прикладных философских областей, философии политики, философии геополитики и т. д., но также есть и своя уникальная проблематика, которая наполняется аксиологическим, ценностным аспектом политико-идеологические системы. Проблематика когнитивная, аксиологическая прежде всего связана с той или иной трактовкой основных концептов, таких как свобода, справедливость, насилие, развитие общества, будущее государств и др. Центральной проблемой философии международных отношений выступает взаимоотношение уровней глобального и межгосударственного, причем ключевым вопросом выступает как совместить в одном пространстве два разных уровня (глобальный уровень и государственный уровень), как сделать так, чтобы глобальный мир был терпим к такому же равноправному для мира отдельному элементу.

Основной круг проблем в рамках эпицентра взаимодействия субъектов глобального мира:

1. Прежде всего это альтернативы в глобальном развитии, особенности и пути их сочетания с учетом глобальной конъюнктуры, а также векторы формирования реального глобального мира.

Первая альтернатива – секторный путь развития, который делится на несколько десятков глобальных проблем, и круг таких проблем со временем расширяется, но в них не просматривается общий целостный сценарий.

Другая альтернатива – движение по пути выстраивания нового человека, раскрытие потенциала, но это не сводится к тому, что этот будущий человек отчуждается сам от себя, переводя свои ресурсы на уровень автоматизированных систем управления, искусственного интеллекта и т.д. Здесь центральной целью развития инновационных технологий является не облегчить жизнь человечества, а раскрывать потенциал каждого индивида (развитие человеческого капитала) [3].

Следующий альтернатива – путь к космической цивилизации. Человечество развивается только в рамках земного пространства, между тем угрозы биологического, экологического и т.д. характера нарастают, и один из способов их минимизации – освоение близлежащей к Земле области. Ряд стран определили основные направления освоения различных космических пространств с перспективой человеческой миграции.

2. Глобальная иерархия как оппозиция возможной полиархии, которая выстраивает глобальный мир по вертикали, и где властвует одно государство, один полис или союз государств, противостоящий формату «плоского» мира (иначе глобальная демократия), функционирующего по принципу коллективного определения дальнейшего вектора глобального развития.

3. Проблема глобальной субсидиарности – взаимосвязь институтов и отношений над государственным и государственным уровнями (непрерывный процесс государствообразования) в процессе разделения полномочий, ответственности, признания границ взаимодействия с глобальным уровнем. Межгосударственная субсидиарность надстроена над государственной субсидиарностью, что приводит к возникновению философской проблеме учета ценностей, традиций новых народов и культур. К этой проблематике можно отнести вопрос будущего государств, а именно возможности вечного существования государств или глобальный уровень заменит форму государственного устройства, путем объединения всего человечества.

4. Проблема глобальной связанности. При возникновении угроз, затрагивающих большую часть мирового пространства (COVID-19) прослеживается разный уровень субсидиарности, при которой страны могут не взаимодействовать между собой для решения проблем мирового масштаба (государственная тотальная рестриктивность) или наоборот, наращивать сферы сотрудничества с целью минимизации рисков и потерь [4].

5. Проблема постчеловеческого мира. В первую очередь речь идет об искусственной эволюции, постглобальной перспективе. Данная проблема альтернативна проблеме развития человеческого потенциала, исключительности его способностей.

Основной смысловой посыл макрорегиональной проекции глобальных процессов должен быть прежде всего связан с сотрудничеством. Естественно, что конкурентные начала в экономическом и политическом взаимодействии государств, отдельных регионов и крупных корпораций никто не отменял. Но они должны развиваться в русле цивилизованных отношений, основанных на правовых и договорных началах [2].

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что для сохранения и развития человечеству необходим, переход на более инновационный путь развития всех в мировом сообществе, который обеспечит стабильность и новый уровень качества жизни людей. Для осуществления этого перехода нужно форсированное научное развитие фундаментальных философских теории и

технологии в сфере международных отношений, которые позволяют расширить предметный подход к объекту, а говоря конкретнее, философский подход, дополняющий и обогащающий традиционные подходы и открывающий новые измерения такого сложного и вместе с тем интересного феномена, как международные отношения.

Список источников

1. Ильин И. В., Леонова О. Г. Политическая глобалистика как новый инструмент междисциплинарных исследований современных международных событий / Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте: моногр. / науч.ред.: А. У. Альбеков, А. М. Старостин. Ростов-на-Дону, 2019. С. 17–26.
2. Старостин А. М. Философия международных отношений в контексте современной глобальной динамики / Междисциплинарные проблемы международных отношений в глобальном контексте: моногр. / Науч.ред.: А. У. Альбеков, А. М. Старостин. Ростов-на-Дону, 2019. С. 5–16.
3. Starostin A. M., Tovanchova E. N., Shepeleva Y. L. An individual in the contemporary public administration / В сб.: *The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. Ser. "Lecture Notes in Networks and Systems"*. Cham, Switzerland, 2019. С. 649–656.
4. Тованчова Е. Н., Лобова Л. А. Проблема оптимальных балансов прозрачности и рестриктивности в системе глобального управления: состояние и перспективы / В сборнике: *Онтологические и социокультурные основания альтернативного проекта глобализации. Сб. материалов I международной научной онлайн-конференции. Екатеринбург, 2021. С. 303–308.*

References

1. Ilyin I. V., Leonova O. G. Political globalist as a new tool for interdisciplinary research of modern international events. In: *Interdisciplinary problems of international relations in a global context*. A. U. Albekov, A. M. Starostin (eds.). Rostov-on-Don; 2019:17-26. (In Russ.)
2. Starostin A. M. Philosophy of international relations in the context of modern global dynamics. In: *Interdisciplinary problems of international relations in a global context*. A. U. Albekov, A. M. Starostin (eds.). Rostov-on-Don; 2019:5-16. (In Russ.)
3. Starostin A. M., Tovanchova E. N., Shepeleva Y. L. An individual in the contemporary public administration. In: *The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. Ser. "Lecture Notes in Networks and Systems"* Cham, Switzerland; 2019:649–656. (In Russ.)
4. Tovanchova E. N., Lobova L. A. The problem of optimal balances of transparency and restrictiveness in the system of global governance: state and prospects. In: *Ontological and socio-cultural foundations of the alternative project of globalization. Collection of materials of the I International scientific online conference*. Yekaterinburg; 2021:303–308. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. Н. Тованчова – канд. полит. наук, доц.;
А. А. Безвербный – канд. социол. наук, доц.;
Л. А. Лобова – ст. преп.

Information about the authors

E. N. Tovanchova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor;
A. A. Bezverbniy – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor;
L. A. Lobova – Senior Lecturer.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.02.2022; одобрена после рецензирования 19.02.2022; принята к публикации 20.02.2022.

The article was submitted 04.02.2022; approved after reviewing 19.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 209–215
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(1):209–215

Проблемы социологии

Научная статья

УДК 172:34

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-209-215

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФЕНОМЕНУ МОРАЛЬНОГО БЕЗРАЗЛИЧИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Чу Дефон

Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, КНР, chdfeng1208@163.com

Аннотация. Феномен морального безразличия, как разновидность недостатка «добра», проявляется в реальной жизни как разделение и одиночество человеческих моральных отношений, а также возникающее в результате взаимное безразличие, взаимное безразличие и даже взаимное исключение и отрицание морального поведения. Находясь в начальной точке быстрой и глубокой трансформации современного китайского общества, первопричина морального безразличия кроется в «хрупкости межличностных моральных эмоций в обществе незнакомцев», «усвоении рыночной экономикой моральных убеждений в плановой экономике и обществе» и «отсутствии механизма морального вознаграждения». Поэтому управление феноменом морального безразличия в современном Китае должно, во-первых, укрепить субъективное представление граждан о добре посредством инновационного образования в области гражданской этики и решить хрупкую проблему «моральных эмоций» между людьми в обществе; во-вторых, культивировать хорошую этику общественной жизни и устранить негативное влияние рыночной экономики на устранение моральных убеждений в плановой экономике и обществе; и в-третьих, создать и усовершенствовать механизм морального возврата для содействия формированию социальной атмосферы, в которой каждый уважает добродетель и добр.

Ключевые слова: современный Китай, моральное безразличие, управленческие контрмеры, моральные убеждения, гражданская этика

Финансирование: статья написана при поддержке государственного гранта для гуманитарных и социальных наук Китая «Исследование инновационных институциональных механизмов для содействия формированию гражданской этики в новую эпоху» (20BKS111); при поддержке гранта для гуманитарных и социальных наук Шанхая «Исследование управления социальной этикой в рамках комбинированной перспективы управления страной по закону и управления страной в силу» (2019BKS002).

Для цитирования: Чу Дефон. Меры противодействия феномену морального безразличия в современном Китае // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 209–215. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-209-215>.

Sociology Problems

Original article

MEASURES TO COUNTER THE PHENOMENON OF MORAL INDIFFERENCE IN CONTEMPORARY CHINA

Chu Defeng

Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, People's Republic of China, chdfeng1208@163.com

Abstract. The phenomenon of moral indifference, as a lack of "goodness", is manifested in real life as the isolation and loneliness of interpersonal moral relations, and the resulting indifference, indifference, and even mutual exclusion of moral behaviors. and negation. Standing at the starting point of the rapid and profound transformation of contemporary Chinese society, the root causes of moral indifference are "the fragility of interpersonal moral emotions in strangers' society", "the dissolution of the moral beliefs of the planned economy by the market economy", and the "lack of moral reward mechanism". Therefore,

in the governance of the phenomenon of moral indifference in contemporary China, firstly, through reforming citizen moral education, we should enhance citizens' subjective good concept, and solve the fragile problem of "moral emotion" between strangers in society; secondly, we should cultivate a good public life ethic, Eliminate the negative impact of the market economy on the disintegration of moral beliefs in the planned economy society; thirdly, establish and improve the moral reward mechanism to promote the formation of a social atmosphere in which everyone respects morality and seeks kindness.

Keywords: contemporary China, moral indifference, governance countermeasures, moral beliefs, civic ethics

Financial Support: the article was written with the support of the state grant for the humanities and social sciences of China "Research on innovative institutional mechanisms to promote the formation of civic ethics in the new era" (20BKS111); with the support of the grant for the humanities and social sciences of Shanghai "Research on the management of social ethics in the framework of the combined perspective of governing the country by law and governing the country by force" (2019BKS002).

For citation: Chu Defeng. Measures to counteract the phenomenon of moral indifference in modern China. *State and municipal management. Scientific notes*. 2022;(1):209–215. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-209-215>.

Моральное безразличие – и старая и постоянно новая тематика. Это старая тематика, потому что с момента зарождения человеческого общества феномен моральной апатии был одной из главных социальных проблем, привлекавших большое внимание; Это и постоянно новая тематика, потому что люди никогда не прерывали обсуждение моральной апатии в истории. С превращением "традиционного общества знакомых" в "современное общество знакомых" и "плановой экономики" в "рыночную экономику" моральное строение современных китайских граждан подвергается серьезному испытанию. В условиях двойного господства современного общества и системы рыночной экономики, если с феноменом морального безразличия не удастся своевременно справиться, это не только будет способствовать развитию плохой культуры, такой как "нечего делать с самим собой", и породит еще большее моральное безразличие, но и продолжит снижать моральный энтузиазм людей, притуплять моральную совесть людей, а затем разрушит фундамент доверия во всем обществе. Поэтому имеет очень важное теоретическое и практическое значение проанализировать нынешний объективно существующий феномен моральной апатии и его первопричины, а также обсудить меры противодействия феномену моральной апатии.

Как разновидность недостатка добра, моральное безразличие проявляется в реальной жизни как "разделение и одиночество межличностных моральных отношений, а также возникающее в результате взаимное безразличие, взаимное безразличие и даже взаимное исключение и отрицание морального поведения" [1]. В современном Китае существуют три основные первопричины моральной апатии: во-первых, хрупкость межличностных моральных эмоций в современном обществе; во-вторых, усвоение рыночной экономикой моральных убеждений в плановой экономике и обществе; и в-третьих, отсутствие механизма морального вознаграждения.

С быстрой и глубокой трансформацией современного китайского общества традиционное общество знакомств, построенное на узах "крови", "географии" и "обучения", было заменено современным обществом незнакомцев. В современном обществе люди существуют как "социальные люди", подчеркивая стандарт компетентности, и индивиды несут ответственность перед самими собой в соответствии с принципом симметричного баланса "прав, обязанностей, интересов и рисков" в рамках своей собственной жизни. Без ограничений и оков особых "моральных эмоций" среди знакомых в традиционном обществе знакомых личность граждан в современном обществе незнакомцев, особенно их личные интересы, будут намеренно или непреднамеренно увеличиваться или даже расширяться, и так называемые "социальные обязанности", "Социальные и общественные интересы" и "интересы незнакомцев" естественным образом отступят относительно. "Ориентированный на выгоду" также стал главной движущей силой для решения межличностных отношений в современном обществе незнакомцев, а игра "затраты-выгоды" является основной стратегией действий для решения межличностных отношений в современном обществе незнакомцев. Такого рода "моральные эмоции" между незнакомыми людьми, которые опираются на игровые стратегии "ориентированные на выгоду" и "затраты-выгоды", несомненно, хрупки, и межличностные отношения естественным образом демонстрируют тенденцию и закономерность усиления изоляции и одиночества. Это одна из важных причин частого возникновения моральной апатии, такой как "видение опасности без помощи", "видение праведности без мужества" и даже "видение смерти без спасения" в современном обществе незнакомцев.

В то время как переход современного Китая от плановой экономики к рыночной экономике сопровождается ликвидацией моральных убеждений плановой экономики. Плановая экономика продвигает коллективистские ценности. Граждане существуют как “единые люди”, с приоритетными “едиными интересами” и “коллективными интересами”. Люди являются братьями по классу, и основным моральным консенсусом граждан является наблюдение и помощь друг другу. В рыночной экономике, с установлением ориентированной на ценности рыночной этики “эффективность превыше всего, с учетом справедливости” и “взаимной выгоды и взаимной любви”, первоначальный образ жизни граждан “люди единицы” и “классовое братство” были разрушены и заменены “социальными людьми” и “эффективность превыше всего” и “взаимная выгода”. Сопровождаемое расчленением моральных убеждений, таких как “между четырьмя морями все люди – братья” и “взаимопомощь в охране территории (в сторожевой службе) и в наблюдении за врагом”, а также “этикой обогащения” в обществе социалистической рыночной экономики, которое еще не было полностью построено, в сочетании с эрозией плохих тенденций мысли, таких как западный моральный либерализм и моральный релятивизм, это еще больше развеяло первоначальные моральные убеждения людей и усугубило моральное безразличие общества.

Моральное безразличие, с институциональной точки зрения, коренится в отсутствии существующего механизма социального морального вознаграждения¹. Поэтому устранение морального безразличия требует не только опоры на “эмоции” и “моральные убеждения” для поддержания, но и “механизма морального вознаграждения”, который демонстрирует ценность и справедливость, чтобы гарантировать это. В настоящее время исправление морального безразличия в основном опирается на “моральное осуждение” и “публичное обращение”. Хотя “моральное осуждение” и “призыв” к моральному безразличию способствуют пробуждению нравственной совести граждан, их сила явно слаба для исправления или устранения морального безразличия. Главной причиной морального безразличия является не столько оцепенение нравственной совести людей, сколько подозрение в том, что “Хорошие люди получают хорошие награды” и страх, что за добрые дела может быть заплачена невыносимая цена. Это правда, что “сострадание есть у каждого”, но если “приходить на помощь обиженному, когда видеть несправедливость”, “помогать тому, кого вы видите в падении” и “помогать тому, кого вы видите в трудностях” просто означают самоотверженность или даже самопожертвование, не только нет морального удовлетворения, но есть моральное бремя, и видимость морального безразличия кажется простительной. Поэтому особенно важно создать и усовершенствовать механизм морального вознаграждения, установить разумные вознаграждения за “справедливость и храбрость”, “помогать тому, кого вы видите в падении” и “помогать тому, кого вы видите в трудностях”, и ввести соответствующие наказания за “бездействие, когда видеть несправедливость”.

В настоящее время дискуссию в китайском академическом сообществе об управлении моральным безразличием можно охарактеризовать как имеющую разные мнения, и до сих пор не было достигнуто никакого вывода. Автор считает, что управление феноменом морального безразличия в современном Китае должно, во-первых, внедрять инновации в гражданское нравственное воспитание, то есть посредством эффективного нравственного воспитания, чтобы улучшить субъективное представление граждан о добре и решить хрупкую проблему “моральных эмоций” между людьми в обществе; во-вторых, необходимо культивировать хорошую этику общественной жизни, устанавливать концепцию сообщества моральной жизни и снижать негативное влияние рыночной экономики на устранение моральных убеждений в плановой экономике и обществе; наконец, необходимо внедрять институциональные механизмы и создавать и совершенствовать механизм морального вознаграждения, а не только наказывать моральное безразличие с помощью системы продемонстрировать моральное возмездие и справедливость, но также использовать систему для мотивации добрых дел, таких как праведность и храбрость, и для поощрения добрых дел, таких как праведность и справедливость. Способствовать формированию социальной атмосферы, в которой все уважают добродетель и доброту.

¹ Так называемый “механизм морального вознаграждения” относится к набору систем правил, которые используют “теорию справедливости ценностей” в качестве руководства, используют преимущества в качестве носителя и используют “вознаграждение за добро” и “наказание за зло” в качестве средств перераспределения моральных ресурсов в соответствии с поведением моральных субъектов, добра и зла и уровня добродетели, посредством стимулов для совершения большего количества добрых дел и уменьшения случаев неэтичного поведения посредством наказания

Теория добродетели считает, что “только нравственный человек может вести себя нравственно” [2]. Хрупкость “моральных эмоций” между людьми в современном обществе коренится в субъективном отсутствии хороших концепций у граждан. Поэтому управление феноменом морального безразличия должно в первую очередь культивировать и укреплять субъективное представление граждан о добре посредством гражданского нравственного воспитания и превращать “невидимую духовную силу” концепции добра в “реальную силу” [3]. Фактически, с момента формирования человеческого общества нравственное воспитание граждан никогда не прерывалось, но феномен морального безразличия все еще существует в современном обществе, отражая тот факт, что нынешнее нравственное воспитание граждан в моей стране неэффективно. В конечном счете, это связано с тем фактом, что образование в области гражданской этики игнорирует эпоху, в которой живут граждане, их реальную жизнь и статус индивидуального развития. Важно спрашивать граждан исключительно с точки зрения социальной этики и отделять социальную этику от времени, жизни и внутренних потребностей социальных субъектов и обсуждать мораль с точки зрения морали. Поэтому, чтобы внедрять инновации в современное образование по гражданской этике, необходимо придерживаться принципа “ближе к реальности, ближе к жизни и ближе к массам”¹, основанного на жизненной практике граждан, и интегрироваться с жизнью, с основной ориентацией на содействие лучшей жизни для граждан, а также культивирование и укрепление субъективной концепции граждан “доброта”.

Так называемая “близость к реальности” означает, что все методы работы должны основываться на самой большой реальности, что наша страна находится и будет находиться на начальной стадии социализма и новой эры социализма с китайскими особенностями в течение длительного времени. Для воспитания гражданской этики необходимо не только освободить разум, искать истину в фактах, но и идти в ногу со временем, искать истину и быть прагматичным, а также упорно трудиться, чтобы по-настоящему понять начальную стадию социализма и реальные потребности и существующие реальные проблемы гражданской этики в новую эпоху социализма с китайскими особенностями. Начиная с практических проблем и реальных потребностей, воспитание гражданской этики должно проводиться планомерно и целенаправленно, не оставаясь на общем уровне популяризации моральных знаний, ни намеренно повышая его, чтобы сделать воспитание гражданской этики слишком идеализированным.

Так называемое “близость к жизни” означает, что воспитание гражданской этики должно вернуться в мир жизни². Концепция “живого мира” впервые была замечена в книге феноменологического мастера Гуссерля “Кризис европейской науки и феноменология трансцендентности”. “Формы жизни” после Витгенштейна последовательно излагались “повседневное сосуществование в мире Хайдеггера” и “жизненное мировоззрение” Хабермаса, основанное на взаимодействии, и им был придан онтологический смысл – “реальная жизнь является источником ценности и смысла для всех других видов деятельности, и другие проблемы социальной жизни должны быть найдены в живом мире. Ответы” [4]. “Живой мир – это мир, в котором люди сливаются, живут и доказывают свое собственное существование” [4]. Реальная жизнь – это одновременно источник проблем и ответ. Поэтому образование в области гражданской этики должно следовать принципу “ближе к жизни” и возвращаться в мир жизни. Во-первых, необходимо основываться на реальной жизни людей, обращать внимание на простые и обычные детали жизни людей, извлекать полезные вещества из реальных и ярких примеров и изображать прекрасное видение, сформированное соблюдением всеми общественной морали, и стимулировать внутреннюю силу граждан соблюдать мораль; во-вторых, необходимо руководствоваться решением конкретных социальных моральных противоречий, чтобы образование в области гражданской этики могло быть лучше интегрировано в жизнь граждан, служить жизни граждан и направлять жизнь граждан, чтобы что образование в области гражданской этики более разумно, полно жизненных красок, наполнено жизненной атмосферой и больше проникает в уши, мозг и сердце.

¹ Принцип “ближе к реальности, ближе к жизни и ближе к массам”, то есть принцип “трех близостей”, является важным требованием, выдвинутым Центральным комитетом партии с товарищем Ху Цзиньтао в качестве Генерального секретаря. В основном он используется для рекламы и руководства. эта статья используется для обсуждения образования в области социальной этики, что также имеет большое значение.

² Концепция “живого мира” впервые была рассмотрена в книге “Кризис европейской науки и феноменология трансцендентности” магистра феноменологии Гуссерля. По мнению Гуссерля, “живой мир” - это мир, который противостоит “свободному реальному миру”, то есть “научному миру”, и это путь и основа для его трансцендентной феноменологии.

Так называемое “близость к массам” воспитание гражданской этики означает, что воспитание гражданской этики должно рассматриваться с точки зрения народа, обращать внимание на разумные требования народа и принимать защиту основных интересов народа в качестве отправной точки и пункта назначения. Это фундаментальный вопрос о том, “кому верить, на кого полагаться”, и это также простое выражение массовой линии нашей партии и цели “ставить людей на первое место”. Воспитание гражданской этики, в конечном счете, предназначено для того, чтобы граждане могли лучше адаптироваться к современной жизни. необходимо в полной мере использовать простые примеры, которые встречаются среди обычных людей, чтобы объяснить ценность и значение морали, принять популярные формы и массовый язык или описать или объяснить моральные нормы и требования, а также повысить близость и привлекательность образования в области гражданской этики, чтобы улучшить понимание и признание гражданами “добра”.

В обществе с рыночной экономикой, хотя граждане существуют как “социальные люди”, подчеркивая уровень компетентности и отвечая за себя в течение своей жизни в соответствии с принципом “симметричного баланса прав, обязанностей, интересов и рисков”, индивиды всегда выживают и развиваются в определенных социальных отношениях и формируют большое или малое общество нравственной жизни с другими. Этот вид этического сообщества относится к сфере общественной жизни и обладает общественными характеристиками. “В отличие от этических требований в области частной жизни, этические правила общественной жизни прибегают к общественным концепциям и общественной рациональности, поскольку в них участвуют многие заинтересованные стороны. Равные и открытые дебаты и консультации необходимы для достижения максимально широкого диапазона базового этического консенсуса, эффективного для всех членов сообщества, и для формирования правил поведения, которые заинтересованные стороны готовы соблюдать” [5]. И как только этот вид базового морального консенсуса и правил поведения формируется, с одной стороны, он оказывает общее законодательное воздействие на поведение граждан в социальных и общественных обменах и участие в социальной и общественной жизни; с другой стороны, он также оказывает определенное влияние на моральные убеждения граждан, особенно в межличностных отношениях. Поэтому, чтобы справиться с трудной проблемой разочарования рыночной экономики в моральных убеждениях плановой экономики и морального безразличия, вызванного тем фактом, что этика обогащения в обществе социалистической рыночной экономики еще не сформировалась полностью, необходимо культивировать хорошую этику общественной жизни. этика.

Справедливые социальные обмены и социальная общественная жизнь являются важными платформами для развития и укрепления осведомленности граждан о правах и обязанностях, в то время как хорошая этика в общественной жизни является важной этической основой для развития “хороших” моральных концепций граждан и поддержания социальных обменов, справедливости и справедливости в социальной и общественной жизни [5]. Хорошая этика общественной жизни характеризуется поиском точек соприкосновения при сохранении различий, уважении других и оказании помощи друг другу. Поэтому культивирование хорошей этики общественной жизни в первую очередь требует, чтобы заинтересованные стороны “освободились от субъективных и частных условий и характеристик, то есть человек должен преодолеть свои индивидуальные ограничения, чтобы учитывать позиции других” [6].

Для современного китайского общества, которое находится на переходе от плановой экономики к рыночной экономике, необходимо культивировать хорошую этику общественной жизни, которая выходит за рамки индивидуальных ограничений и индивидуальных расчетов личных интересов, чтобы преодолеть присущую инерцию игрового мышления “затраты—выгоды”, уникального для “социальных людей”, и сформировать концепцию сообщества моральной жизни “все для меня, и я для всех”, и способствовать формированию социальной атмосферы почитания добродетели и добра с моральной теплотой взаимной любви и моральной верой в помощь друг другу, и решить проблему морального безразличия.

Объективно говоря, существует два типа морального безразличия среди граждан: один – моральное безразличие из-за отсутствия у граждан сострадания, а другой – моральное безразличие из-за сострадания, но без конкретных моральных действий [7]. Для первых основная первопричина кроется в отсутствии моральной совести на психологическом и эмоциональном уровне граждан, что относится к содержанию социального нравственного воспитания, которое должно быть исправлено. Система этического вознаграждения в основном включает последнее. Поскольку граждане сострадательны и не были воплощены в конкретные моральные действия, помимо некоторых так называемых “слабой воли”, “недостаточных способностей” и других неразличимых и непровержимых причин, основная причина кроется в страхе перед невыносимыми “издержками”, такими

как “быть неправильно понятым” и “подвергнуться шантажу”. Другими словами, именно из-за подозрения, что “хорошие люди получают хорошие награды”, граждане колеблются или бездействуют, сталкиваясь с ситуацией, когда другим срочно необходимо протянуть руку помощи. Поэтому для широко распространенного явления морального безразличия в обществе существует настоятельная необходимость в создании и совершенствовании “системы морального вознаграждения”. С одной стороны, необходимо создать и усовершенствовать “систему морального вознаграждения за добрые дела”, такую как “Правила особой экономической зоны Шэньчжэня о защите прав и интересов спасателей”, которые начались в 2013 году, и “Правила службы неотложной медицинской помощи Шанхая” (“Шанхайский закон о хороших людях”), который начался в ноябре 2016 года и т. д., чтобы избежать забот тех, кто совершает добрые дела, например, в таких случаях, когда “приходить на помощь обиженному, встречая несправедливость”, “помогать тому, кого вы видите в падении” и в корне устранить общие сомнения граждан в отношении “хороших людей и хороших вознаграждений”, чтобы, сталкиваясь с ситуациями, когда срочно требуется срочная помощь, граждане больше не должны запутываться в учете “затрат и выгод” и больше не выбирать быть морально безразличными и держаться подальше от этого вопроса; с другой стороны, необходимо создать и усовершенствовать “систему наказаний за отказ от помощи в случае опасности”. Те, кто морально равнодушен, кто способен видеть опасность, но не протягивает руку помощи, должны быть соответственно наказаны.

Статья 118 “Положения о дисциплинарных мерах Коммунистической партии Китая”, вступившего в силу 1 октября 2018 года, пересмотренного в 2018 году, гласит: “Когда государственному имуществу, жизни и имуществу масс серьезно угрожают, их можно спасти, но не спасти. Если обстоятельства более серьезны, им должно быть вынесено предупреждение, серьезное предупреждение или отстранение от партийных должностей; если обстоятельства серьезные, они должны быть наказаны пребыванием в партии для проверки или исключения из партии” [8]. Хотя Правила предназначены только для членов партии, особенно руководящих кадров, это означает, что важность “системы наказания за неспособность помочь при виде опасности” начала оцениваться.

“Система морального вознаграждения”, как своего рода институциональное устройство справедливости ценностей, с одной стороны, направлена на стандартизацию распределения “прав и обязанностей”, обеспечение жесткой гарантии системы “добрые добродетели должны вознаграждаться за добрые дела” и развенчание реалистичной основы игры “затраты—выгоды” в “добродетели и добрые дела” в обществе; с другой стороны, система “недостающая добродетель должна быть наказана” обеспечивает необходимое наказание за моральное безразличие, которое способно, но не протягивает руку помощи для увеличения стоимости морального безразличия. В двух словах, создание и совершенствование “системы морального вознаграждения” означает, что благодаря инновационным институциональным механизмам “добрые добродетели и добрые дела” и “моральное безразличие” получают положительные стимулы (вознаграждение за добро) и отрицательные стимулы (наказание за зло), соответственно, посредством “добрых добродетелей и справедливости добрых вознаграждений” и “побежденной морали и справедливости мести”, то есть проявление справедливости ценностей, побуждает граждан сознательно корректировать свои психологические ожидания поведения, направлять граждан к установлению моральной веры в почитание добродетели и добра и порождать больше “добрых добродетелей и добрых дел”, чтобы взломать социальное моральное безразличие.

Моральное безразличие, как разновидность отсутствия “добра”, является разновидностью “посредственного зла” [9]. Если этот вид посредственного “зла” не будет эффективно управляться, это не только усугубит разделение межличностных отношений и склонность к одиночеству, а также будет способствовать развитию плохой культуры “зависания высоко независимо от самого себя”, но также разрушит фундамент доверия всего общества, что приведет к краху всей системы социальной цивилизации.

Объективно говоря, моральное безразличие – это не уникальное явление быстрой и глубокой трансформации современного китайского общества, а важная проблема, с которой должны столкнуться все страны мира и которую необходимо срочно решить. Управленческие контрмеры, предложенные в этой статье, такие как “инновационное образование в области гражданской этики”, “Активное культивирование хорошей общественной этики” и “создание и совершенствование механизма морального возврата”, хотя они являются рецептом управления феноменом морального безразличия в современном Китае, с более широкой точки зрения растущей интеграции мира, это имеет не только китайское значение, но и мировое значение.

Список источников

1. Ван Чжунрен. О "моральном безразличии". Шэньян: Народное издательство Ляонина, 1998. С. 86-87.
2. Цуй Имин. Моральная теория и нормативная теория // Журнал Восточно-Китайского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). 2002. № 5.
3. Чу Дефон. Практическая дилемма и превосходство правового образования в колледжах и университетах моей страны в соответствии с видением управления страной в соответствии с законом // Социологи. 2017. № 9.
4. Чу Дефон. Двойные измерения образовательных исследований социалистической основной системы ценностей студентов колледжей // Высшее образование в Китае. 2014. № 8.
5. Чэнь Вэйхун. О моральном безразличии и способах его решения // Философская динамика. 2017. № 11.
6. Серена Панлин. Арендт и вызов современности: Феноменология прав человека. Чжан Юньлун, перевод. Нанкин: Народное издательство Цзянсу, 2012: 109.
7. Ни Вэй. Рациональность и эффективные принципы этической системы вознаграждения // Журнал Харбинского технологического института. 2015. №2.
8. Положение о дисциплинарных мерах Коммунистической партии Китая. Пекин: China Legal System Press, 2018. С. 63.
9. Лю Шухуэй. О моральном безразличии // Этика и цивилизация. 2008. № 4.

References

1. Van Chzhunren. *On "moral indifference"*. Shjen'jan: Narodnoe izdatel'stvo Ljaonina. 1998: 86-87. (In Chinese)
2. Cuj Imin. Moral theory and normative theory. *Zhurnal Vostochno-Kitajskogo pedagogicheskogo universiteta (izdanie po filosofii i social'nyh naukam) = Journal of East China Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, 2002; (05). (In Chinese)
3. Chu Defeng. Practical dilemma and superiority of legal education in the colleges and universities of my country in accordance with the vision of governing the country in accordance with the law. *Sociologi*. 2017;(9). (In Chinese)
4. Chu Defeng. Dual dimensions of educational research on the socialist core value system of college students. *Vysshee obrazovanie v Kitae = Higher Education in China*. 2014;(8). (In Chinese)
5. Chjen' Vjejhun. On moral indifference and how to solve it. *Filosofskaja dinamika = Philosophical Dynamics*. 2017; (11). (In Chinese)
6. Serena Panlin. *Arendt and the Challenge of Modernity: The Phenomenology of Human Rights*. Chzhan Jun'lun, perevod. Nankin: Narodnoe izdatel'stvo Czjansu, 2012:109. (In Chinese)
7. Ni Vjej. Rationality and effective principles of the ethical reward system. *Zhurnal Harbinskogo tehnologicheskogo instituta = Journal of Harbin Institute of Technology*. 2015; (2). (In Chinese)
8. *Regulations on disciplinary measures of the Communist Party of China*. Pekin: China Legal System Press, 2018:63. (In Chinese)
9. Lju Shuhuej. About moral indifference. *Jetika i civilizacija = Ethics and Civilization*. 2008;(4). (In Chinese)

Информация об авторе

Чу Дефон – доктор юридических наук, директор Китайской ассоциации по исследованию диалектического материализма, доцент, научный руководитель магистров и заместитель генерального секретаря Института марксизма Шанхайского политико-юридического университета.

Information about the author

Chu Defeng – Doctor of Laws, Director of the China Association for the Study of Dialectical Materialism, Associate Professor, Supervisor of Masters and Deputy Secretary General of the Institute of Marxism, Shanghai University of Politics and Law.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.01.2022; одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 15.02.2022.

The article was submitted 26.01.2022; approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication 15.02.2022.

Научная статья
УДК 316:343.34
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-216-222

РОЛЬ СУБКУЛЬТУРЫ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ НАСТРОЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Яна Викторовна Артамонова¹, Сергей Сергеевич Барсуков²

¹Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения, Ростов-на-Дону, Россия, janaserduchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, barsukov1982@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6043-4124>

Аннотация. В связи с тем, что молодежный экстремизм в настоящее время выступает в качестве одной из наиболее опасных проблем российского современного общества, авторы работы обращаются к субкультуре футбольных фанатов, влияющих на формирование экстремистских настроений в молодежной среде. В данной статье авторы работы касаются исторических аспектов зарождения субкультуры российского футбольного фанатизма, дают характеристику фанатских организаций, рассматривают их субкультуру, проводят анализ причин присутствия экстремистских и расистских проявлений среди фанатов, предлагают методы борьбы с указанными явлениями, в том числе за счет организации грамотного взаимодействия и совместных усилий правоохранительных органов, футбольных клубов и самих болельщиков.

Ключевые слова: футбольные фанаты, болельщик, футбольная субкультура, ультрас, экстремизм, вандализм, экстремистские установки, диссоциальная психопатия, девиантное поведение, «феномен толпы», агрессия

Для цитирования: Артамонова Я. В., Барсуков С. С. Роль субкультуры футбольных фанатов в формировании экстремистских настроений в молодежной среде // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 216–222. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-216-222>.

Sociology Problems

Original article

THE ROLE OF THE SUBCULTURE OF FOOTBALL FANS IN THE FORMATION OF EXTREMIST ATTITUDES AMONG YOUNG PEOPLE

Yana V. Artamonova¹, Sergey S. Barsukov²

¹Southern Federal University, Institute of Sociology and Regional Studies, Rostov-on-Don, Russia, janaserduchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9618-0960>

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia, barsukov1982@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6043-4124>

Abstract. Due to the fact that youth extremism is currently one of the most dangerous problems of modern Russian society, the authors of the work turn to the subculture of football fans, which influences the formation of extremist sentiments in the youth environment. In this article, the authors of the work relate to the historical aspects of the emergence of the subculture of Russian football fanaticism, characterize fan organizations, consider their subculture, analyze the reasons for the presence of extremist and racist manifestations among fans, propose methods to combat these phenomena, including by organizing competent interaction and joint efforts of law enforcement agencies, football clubs and the fans themselves.

Keywords: football fans, fan, football subculture, ultras, extremism, vandalism, extremist attitudes, dissocial psychopathy, deviant behavior, «crowd phenomenon», aggression

For citation: Artamonova Ya. V., Barsukov S. S. The role of the subculture of football fans in the formation of extremist attitudes among young people. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):216–222. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-216-222>.

Научно-исследовательский и общественный интерес к проблемам молодежи был и остается актуальным по сей день. Связан данный интерес с тем, что окружающая действительность настолько изменчива, что представления молодых людей о социальной реальности не могут оставаться статичными, они также трансформируются и влияют на изменения социального поведения молодежи.

Обращаясь к научной литературе по проблемам молодежи, мы зафиксировали, что в течение последних десятилетий интерес современных исследователей обращен к таким направлениям, как ценностные ориентации молодежи [1; 2], жизненные позиции молодежи [3], социальное здоровье молодежи [4; 5], молодежный экстремизм [6; 7]. Особую значимость исследователи придают вопросам распространения экстремизма в молодежной среде, поскольку данное явление выступает серьезной угрозой национальной безопасности России: «В его масштабах, формах и последствиях все чаще угадывается не только криминальная, но и социально-политическая сущность, придающая этому явлению черты национального бедствия» [8].

В связи с тем, что молодежный экстремизм в настоящее время выступает в качестве одной из наиболее опасных проблем российского современного общества, мы решили обратиться к факторам, которые оказывают влияние на формирование экстремистских настроений в молодежной среде. В рамках данной статьи мы рассмотрим один из таких факторов – субкультуру футбольных фанатов.

Отметим, что молодые люди вследствие психических, физиологических, социально-экономических особенностей крайне восприимчивы к деструктивным взглядам, которые вызывают дезориентацию, а также нарушают процесс социальной адаптации и значительно искажают систему ценностей [9]. В России отмечается ежегодный рост количества неформальных молодежных объединений экстремистского характера, члены этих групп часто совершают противоправные деяния. Широкое распространение в настоящее время имеет спортивный экстремизм, что особенно ярко проявляется в деятельности футбольных фанатских группировок [10].

Фанатское спортивное движение – одна из форм самоутверждения для молодых людей, склонных к экстремальному поведению, желающих заявить о себе особым образом. Футбольный фанатизм для многих из них крайне привлекателен, так как связан с особым образом жизни, регулярными поездками в другие города и страны. При этом радикализм, использование экстремистских лозунгов, а также прямые насильственные действия также являются непосредственными составными элементами фанатской субкультуры [11].

В последние годы популярность футбола в России значительно выросла. Немаловажную роль в этом сыграл проведенный на высоком уровне Чемпионат Мира летом 2018 года. При подготовке к турниру в городах-участниках происходило строительство новых стадионов, а также различных инфраструктурных объектов, необходимых для принятия большого числа болельщиков из разных стран (гостиниц, аэропортов, автомобильных дорог). Обустраивалась и облагораживалась территория вокруг футбольных арен (еще совсем недавно игры вынужденно проводились на устаревших стадионах). Современные арены способны предложить зрителям высокий уровень комфорта: удобные сидения, кафе и рестораны в чаше стадиона, магазины с клубной атрибутикой, различные развлекательные мероприятия перед матчами. Таким образом, поход на футбол превратился в один из распространенных видов проведения досуга большого количества российского населения.

Спортивный дух, поддержка команды, сопереживание любимым спортсменам или клубу должны быть направлены на воспитание в личности таких качеств, как патриотизм и верность, учить человека оказывать поддержку не только в момент успеха, но и в периоды неудач. Но довольно часто в России стали происходить события, связанные с беспорядками в среде футбольных болельщиков. Как приумножить положительный эффект футбола на общество, но одновременно с этим искоренить с трибун случаи проявления противоправных действий? Попробуем ответить на данный вопрос, обратившись к истории возникновения фанатских движений и причины пагубного присутствия признаков экстремизма на стадионах.

С тридцатых годов XX века в Советском Союзе стала складываться традиция поддержки любимых клубов. В семидесятых болельщики «Спартака» первыми в стране осуществляли организованные выезды в другие города. Позже традицию поддержали поклонники иных московских клубов, а также ленинградского «Зенита». Со временем фанаты получили больше свободы, выезды на гостевые матчи стали массовыми и практически повсеместными. За основу была принята британская культура поддержки команд. На стадионах появились шарфы, речевки, песни.

Рассмотрим традиционную классификацию футбольных болельщиков.

Первая группа – это так называемые «тапочники». Они болеют за любимый клуб в основном перед экранами телевизоров, на стадион выбирают редко, в зависимости от погоды, текущих успехов клуба, статуса гостевой команды.

Вторая группа – «Кузьмичи». Эта группа лиц регулярно посещает домашние матчи, иногда выбирается на гостевые игры в другие города. Обычно «Кузьмичи» не проявляют желания участвовать в фанатских движениях и посещать активные сектора трибун (за воротами), так как их интересует исключительно футбольная составляющая.

Обе перечисленные категории практически полностью исключены из околофутбольного движения, поэтому для нашего исследования не представляют практического интереса.

«Ультрас» – группа активных фанатов, которых помимо самого футбола интересует создание особой атмосферы во время футбольных встреч. Они готовятся к матчам, создают баннеры, репетируют специально подготовленные кричалки и песни, которые затем исполняют в процессе игры, таким образом, выражая собственную поддержку любимому футбольному клубу. У них имеется «заводящий», который регулирует исполнение шумовой поддержки. «Ультрас» зачастую проносят на территорию стадионов «файеры». Использование зажигательных шашек является давней традицией футбольных фанатов по всему миру, однако их неправомерное применение (бросание на поле, чрезмерное задымление, порча имущества, нанесение вреда здоровью других граждан) стало причиной запрета «файеров» на трибунах в ряде стран, в том числе и в России. «Ультрас» поддерживают команду вне зависимости от исхода поединка, они посещают все игры, во время матча никогда не присаживаются. Как правило, облачены в клубные цвета, имеют при себе «розу», то есть шарф определенной расцветки с нанесенной на нем клубной атрибутикой.

«Хулиганы» («hools») – представители фанатских «фирм». Эта категория болельщиков участвует в драках с представителями «фирм» вражеских клубов на заранее выбранных площадках вдали от стадионов. Теоретически существует «кодекс фанатских войн». Он подразумевает, что в драки не должны втягиваться простые болельщики (они также не должны подвергаться какой-либо дискриминации со стороны «хулиганов», у них нельзя отнимать клубную атрибутику).

Популяризация футбола среди широких слоев населения привела к смешению границ между перечисленными категориями болельщиков. Если в прошлые времена «розы» можно было увидеть только на представителях «ультрас» и «хулиганов», то сейчас практически каждый любитель спорта стремится облачиться в шарф клубных цветов. Также на сектора активной поддержки с удовольствием приобретают абонементы и билеты зрители разных возрастных категорий и социального статуса. В том числе целые семьи, родители вместе с детьми, готовы поддерживать любимый клуб в одном секторе с «Ультрас».

Отметим, что вовсе небезосновательно футбольные фанаты занимают одно из первых мест в списке опасных групп у правоохранительных органов. Некоторые представители фанатских движений отличаются крайне высокой агрессивностью, склонностью к совершению преступлений, таких как хулиганские действия, нанесение вреда здоровью, грабежи, участие в массовых беспорядках, вандализм, нанесение ущерба общественному и частному транспорту, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, возбуждение ненависти или вражды, унижение человеческого достоинства. Данные правонарушения обычно имеют большой общественный резонанс.

Среди российских «ультрас» традиционно ярко выражены идеи русского национализма. Кроме того, расистские и экстремистские настроения также широко и прочно укоренились в субкультуре российских футбольных фанатов. Таким образом, футбольный фанатизм, необходимый для эмоциональной разгрузки, переходит в негативное русло.

Обращаясь к понятию экстремизм, мы можем отметить, что данное понятие отражает приверженность группы к радикальным взглядам. Экстремизм – это агрессивное поведение людей, полное отрицание мнения оппонента, имеет свойство отрицания законных прав личности. Агрессия проявляется через агрессивность как одну из черт личности (в индивидуальном плане) и групповое сознание (в коллективном поведении) [12]. Также экстремизм обычно проявляется в отрицании существующих политических и правовых норм, ценностей, процедур, основополагающих принципов организации политических систем. Приверженность радикальным взглядам, совершение преступлений являются формами более широкого социального явления, которое можно назвать экстремальностью. Ее наиболее распространенными формами являются индивидуальные и групповые настроения. Экстремальность также может лежать в основе девиантного поведения [13].

Среда футбольных болельщиков изначально поляризована: существует пристрастное отношение к своей команде и, соответственно, резкое неприятие игроков и болельщиков соперников. Борьба за победу требует высокой степени напряжения от всех участников действия. Болельщики поддерживают своих и стараются снизить командный дух соперников, при этом зачастую позволяют себе оскорбительные выкрики, жесты, групповое скандирование расистских речевок, использование плакатов с изображенными на них экстремистскими символами и надписями.

Между тем футбольные матчи широко освещаются всеми средствами массовой информации, что значительно расширяет круг лиц, испытывающих негативное воздействие противоправных проявлений экстремизма.

Среди футбольных фанатов очень много молодежи, которая наиболее подвержена негативному влиянию экстремистских настроений. Среди причин таких настроений можно выделить социально-экономические, идеологические и миграционные. К первым относится высокий уровень безработицы среди молодежи, а также расслоение общества по уровню достатка, что формирует чувство социальной несправедливости. Ко вторым – современное состояние идеологического вакуума и заполнение идеологического пространства радикальными идеями. К третьим – увеличение миграционных потоков, проблемы адаптации мигрантов в новой среде, изменение этнического состава населения, особенно в крупных городах, что приводит к различным межнациональным конфликтам [14].

Также некоторые молодые люди из-за недостатка воспитания и образования уподобляются другим фанатам и участвуют в скандировании расистских и экстремистских речевок, зачастую не осознавая всей пагубности происходящего. Участие в подобных массовых действиях является следствием «феномена толпы», когда человек совершает действия, которые противоречат его собственным убеждениям и нравственным качествам, и в результате испытывает ложные ощущения независимости от социально значимых взаимосвязей [15].

Членами футбольных фанатских группировок зачастую становятся личности дисгармоничного склада, обладающие различными аномалиями характера. Диссоциальная психопатия сопровождается игнорированием общепринятых норм и правил поведения в обществе [16]. Такие личности склонны к риску, проявлениям агрессии, всегда уверены в своей правоте, склонны винить во всем окружающих. У них отсутствует самокритика, чувство стыда, отмечается равнодушие к переживаниям других. Они не считают с законом, так как не видят в нем смысла, вспыльчивы, раздражительны, не умеют справляться с гневом и контролировать себя, могут нанести физический урон окружающим людям, в том числе используя любые предметы, которые оказались под рукой. Обычно именно люди с диссоциальной психопатией являются зачинщиками драк. Они живут настоящим моментом, не способны подумать о последствиях своих деяний.

Многие личности с диссоциальной психопатией совершают противоправные действия, виновность за которые доказать сложно. Также они с готовностью идут на поступки, неприемлемые в обществе, но при этом никак не наказуемые законом. Таким людям очень сложно реализоваться в обычном обществе, но им отлично подходит фанатская среда с ее разделением на «своих» и «чужих» и с предоставленной возможностью регулярно выплескивать гнев и отрицательные эмоции во время спортивных мероприятий, поскольку большое скопление людей на трибунах, закрытие лиц масками или шарфами создает условия анонимности и снижает степень ответственности за совершенные проступки.

Фанатское движение – это значимое социальное явление настоящего времени, которое в большинстве случаев представляет собой значительную группу людей с преимущественно ультраправыми взглядами, что в определенной степени оказывает влияние на социальную жизнь общества во многих странах.

Отдельного упоминания заслуживает ситуация, произошедшая в Риме, где на одном стадионе проводят свои домашние игры два местных клуба «Рома» и «Лацио», болельщики которых относятся друг к другу с неприязнью. После одного из очередных матчей фанаты «Лацио», среди которых имеются радикально настроенные группы антисемитов, оставили на стадионе стикеры с кощунственным изображением Анны Франк в форме «Ромы», болельщиков которой в оскорбительном ключе они называют евреями, потому что этот клуб активно поддерживают в еврейском квартале Рима. Нарушители в количестве пятнадцати человек были идентифицированы и незамедлительно наказаны правоохранительными органами. Игроки «Лацио» перед следующей игрой вышли на разминку в футболках с портретами Анны Франк, а каждый футболист подарил ребенку, выводящему его на поле, по книге о борьбе с евреями. Кроме того, клуб на постоянной основе стал организовывать в воспитательных и просветительских целях экскурсии для своих молодых болельщиков и фанатов в Освенцим. Своими действиями «Лацио» продемонстрировал готовность вести борьбу со всеми формами антисемитизма и расизма. На данное событие также осуждающе отреагировали все средства массовой информации Италии, а также политические деятели.

Проанализированные данные по проблемному полю исследования свидетельствуют о том, что проявления экстремизма на футбольных трибунах в настоящее время нельзя назвать исключительно стихийными, так как часто они являются результатом противозаконной деятельности

различных экстремистских организаций и группировок, эксплуатирующих футбол для реализации собственных целей [19].

Для эффективного решения данной проблемы необходимо грамотно организованное взаимодействие между сотрудниками правоохранительных органов, представителями футбольных клубов и самими болельщиками. В частности, необходимо установить единые правила поведения болельщиков для четкого определения допустимых способов поддержки клуба. К примеру – размещение баннеров с остроумным «перфомансом» на трибуне не должно считаться оскорблением. С другой стороны, расистские и экстремистские выкрики, матерные скандирования должны находиться под строжайшим запретом.

Крайне важна системность характера мероприятий по выявлению и устранению со стадионов нарушителей. Эти меры не должны быть стихийными и одиночными, когда за какие-то нарушения наказание выносится, а за другие (такие же) – нет. При этом не должно иметь значения, против кого именно было направлено оскорбление: против футболиста, судьи, тренера, руководителя клуба, других болельщиков. Наоборот, люди, активно поддерживающие свою команду, при этом, не нарушающие закон, не должны нести ответственность за действия других людей.

Особо следует отметить необходимость наличия четкой бескомпромиссной позиции по отношению к нарушителям со стороны самих футбольных клубов, которые, должны регулярно проводить воспитательную и просветительскую работу со своими болельщиками, особенно с категорией молодых лиц, рискующих попасть под негативное влияние старших товарищей.

Итак, субкультура российского футбольного фанатизма зачастую может таить в себе приверженность к крайним взглядам и радикальным мерам. Проявления экстремизма на футбольных трибунах в настоящее время нельзя назвать исключительно стихийными, так как часто они являются результатом противозаконной деятельности различных экстремистских организаций и группировок, эксплуатирующих футбол для реализации собственных целей. В связи с чем с данным явлением необходимо бороться посредством организации мероприятий по выявлению и устранению со стадионов нарушителей, а также грамотно организовывать взаимодействие между сотрудниками правоохранительных органов, представителями футбольных клубов и самими болельщиками.

Список источников

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография]. М: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
2. Макарин А.И., Ветвицкая С.М. Молодежь в России сегодня: ценностные установки и проблемы // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 6. URL: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=17862> (дата обращения: 16.12.2021)
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. № 38, С. 79-98.
4. Самыгин С.И., Любецкий Н.П., Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье российской молодежи в эпоху глобализации. Москва: РУСАЙНС, 2020. 235 с.
5. Касьянов В.В., Латышева А.Т., Гафиатулина Н.Х. Волонтерская деятельность как ресурс повышения социального здоровья российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 61-66.
6. Глуховская Д.М., Юшина С.В. Факторы-детерминанты привлечения студенческой молодежи в ряды экстремистско-террористических организаций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 237-241.
7. Расторгуев С.В. Экстремизм в молодежной среде современной России: виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики // Полит. наука. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-v-molodezhnoy-srede-sovremennoy-rossii-vidy-factory-rasprostraneniya-myagkie-tehnologii-profilaktiki> (дата обращения: 16.12.2021).
8. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. Второе издание. М.: Наука, 2003. 229 с.
9. Панченко К.С. Экстремизм в молодежной среде: предпосылки и социальные последствия // Проблемы обеспечения безопасности преодоления ксенофобии и предупреждения правонарушений на межэтнической и межрелигиозной почве в высших заведениях Воронежской области: материалы научно-практической конференции. Воронеж, 2010. С. 96-102.

10. Панченко К.С., Ситников К.А. Дискриминационные инциденты в российском футболе как одно из проявлений молодежного экстремизма // Вестник ВИ МВД России. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskriminatsionnye-intsidenty-v-rossiyskom-futbole-kak-odno-iz-proyavleniy-molodezhnogo-ekstremizma> (дата обращения: 16.12.2021).
11. Кирнос А.В., Колесников В.А., Ситников К.А. Радикальные футбольные фанатские движения и основные направления противодействия экстремизму в их среде: учебное пособие. Воронеж, 2019. 142 с.
12. Кудрин В. С., Юдина А.И. Молодежный экстремизм: причины возникновения, технологии предупреждения. Кемеровский государственный институт культуры, 2016. 160 с.
13. Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины. Логос, 2013. 288 с.
14. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И., Гаязова Э.Б., Алексеев С.А. Социокультурные особенности молодежного экстремизма: монография. Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2015. 188 с.
15. Спиридонов С.А. Некоторые аспекты противодействия вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность, совершаемую участниками спортивных фанатских движений. Право. Экономика. Безопасность. №3 (11), 2017. С. 86-90.
16. Попов В.В. Судебная медицина и судебная психиатрия. Учебно-методическое пособие. ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2020. 63 с.
17. Ситников К.А. Специфика экстремизма в среде футбольных фанатов // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке. Сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей. ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2017. С. 489-495.

References

1. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Youth of Russia in the mirror of sociology. By the results of many years of research*: [monograph]. Moscow: FNISTS RAN. 2020: 688. (In Rus.)
2. Makarin A.I., Vetvitskaya S.M. Youth in Russia today: values and problems. *Mezhdunarodnyj studentcheskij nauchnyj vestnik=International student scientific bulletin*. 2017; 6. Available from: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=17862> [Accessed: 16.12.2021] (In Rus.)
3. Zubok Yu.A., Chuprov V.I., Lyubutov A.S., Sorokin O.V. Life attitudes of youth: semantic foundations of formation. *Vestnik Instituta sociologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2021; 38:79-98. (In Rus.)
4. Samygin S.I., Lyubetsky N.P., Gafiatulina N.Kh. *Social health of Russian youth in the era of globalization*. Moscow: RUSAYNS, 2020:235 (In Rus.)
5. Kasyanov V.V., Latysheva A.T., Gafiatulina N.Kh. Volunteering as a resource for improving the social health of Russian youth. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki=Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2020; 2:61-66. (In Rus.)
6. Glukhovskaya D.M., Yushina S.V. Factors-determinants of attracting students to the ranks of extremist-terrorist organizations. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski=State and municipal administration. Scholarly notes*. 2020; 4:237-241. (In Rus.)
7. Rastorguev S.V. Extremism in the youth environment of modern Russia: types, factors of distribution, soft technologies of prevention. *Polit. nauka=Polit. the science*. 2018; 4. (In Rus.)
8. Chuprov VI, Zubok Yu.A., Williams K. *Youth in a risk society. Second edition*. Moscow: Nauka, 2003:229 (In Rus.)
9. Panchenko K.S. Extremism in the youth environment: preconditions and social consequences. *Problemy obespecheniya bezopasnosti preodoleniya ksenofobii i preduprezhdeniya pravonarushenij na mezhetnicheskoy i mezhrefigioznoj pochve v vysshih zavedeniyah Voronezhskoj oblasti: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii=Problems of ensuring the safety of overcoming xenophobia and preventing delinquency on interethnic and interreligious grounds in higher institutions of the Voronezh region: materials of a scientific and practical conference*. Voronezh. 2010: 96-102. (In Rus.)
10. Panchenko K.S., Sitnikov K.A. Discriminatory incidents in Russian football as one of the manifestations of youth extremism. *Vestnik VI MVD Rossii=Bulletin of the VI Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020; 3 (In Rus.)
11. Kirnos A.V., Kolesnikov V.A., Sitnikov K.A. *Radical football fan movements and the main directions of countering extremism in their midst: a study guide*. Voronezh. 2019:142 (In Rus.)

Sociology Problems

Artamonova Ya. V., Barsukov S. S. The role of the subculture of football fans in the formation of extremist attitudes among young people

12. Kudrin V.S., Yudina A.I. *Youth extremism: causes, prevention technologies. Kemerovo State Institute of Culture*. 2016:160 (In Rus.)

13. Antonyan Yu.M. *Extremism and its causes*. Logos. 2013: 288 (In Rus.)

14. Tuzikov A.R., Zinurova R.I., Gayazova E.B., Alekseev S.A. *Sociocultural features of youth extremism: monograph*. Kazan National Research Technological University. 2015:188 (In Rus.)

15. Spiridonov S.A. Some aspects of counteracting the involvement of young people in extremist activities committed by members of sports fan movements. *Pravo. Ekonomika. Bezopasnost'=Right. Economy. Safety*. 2017; (3): 86-90. (In Rus.)

16. Popov V.V. *Forensic medicine and forensic psychiatry*. Study guide. FGKOU VO RUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020:63. (In Rus.)

17. Sitnikov K.A. *The specifics of extremism among football fans*. Prospects for the state and legal development of Russia in the XXI century. Collection of materials of the All-Russian scientific-theoretical conference of cadets and students of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, students of humanitarian universities, adjuncts, graduate students and applicants. FGKOU VO RUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017: 489-495. (In Rus.)

Информация об авторах

Я. В. Артамонова – канд. социол. наук, ст. преп.;

С. С. Барсуков – ст. преп. кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности, подполковник полиции.

Information about the authors

Y. V. Artamonova – Candidate of Sociological Sciences, senior lecturer;

S. S. Barsukov – Senior lecturer of Department of Criminalistics and Operational-Investigative Activities, Police Lieutenant Colonel.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.12.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 13.01.2022.

The article was submitted 23.12.2021; approved after reviewing 11.01.2022; accepted for publication 13.01.2022.

Научная статья

УДК 316

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-223-228

НОВОЕ ОДИНОЧЕСТВО КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Наталья Халиловна Гафиатулина¹, Геннадий Александрович Воробьев²,
Александр Михайлович Шевченко³

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, gafiatulina@yandex.ru,
<https://orcid.org/orcid/0000-0002-7548-1350>

²Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, vorobyev@pgu.ru,
<https://orcid.org/orcid/0000-0003-1888-9816>

³Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
xutorniva@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена социологическому осмыслению нового одиночества, актуализировавшегося в период пандемии и ставшего одним из факторов, влияющих на социальное самочувствие российского общества в условиях введения целого ряда ограничительных мер. Новое одиночество связано с ощущением утраты социальных связей и отношений, а также с дискриминацией различных групп населения во многих социально значимых сферах жизнедеятельности в условиях пандемии. В целях преодоления нового одиночества и улучшения социального самочувствия российского общества в период введения ограничительных мер, необходимо дальнейшее развитие и распространение института волонтерства, а также разработка механизмов, внедряющих элементы социальной солидарности в обществе.

Ключевые слова: социальное самочувствие, российское общество, население, новое одиночество, социальное одиночество, социальные ограничения, ограничительные меры, дискриминация, пандемия

Для цитирования: Гафиатулина Н. Х., Воробьев Г. А., Шевченко А. М. Новое одиночество как фактор влияния на социальное самочувствие российского общества в условиях ограничительных мер в период пандемии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 223–228. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-223-228>.

Sociology Problems

Original article

NEW LONELINESS AS A FACTOR OF INFLUENCE ON THE SOCIAL WELL-BEING OF THE RUSSIAN SOCIETY UNDER CONDITIONS OF RESTRICTORY MEASURES DURING THE PANDEMIC PERIOD

Natalya Kh. Gafiatulina¹, Gennady A. Vorobyev², Alexander M. Shevchenko³

¹Southern federal university, Rostov-on-Don, Russia, gafiatulina@yandex.ru,
<https://orcid.org/orcid/0000-0002-7548-1350>

²Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, vorobyev@pgu.ru, <https://orcid.org/orcid/0000-0003-1888-9816>

³Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, xutorniva@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the sociological understanding of the new loneliness, which became actual during the pandemic and became one of the factors affecting the social well-being of Russian society in the context of the introduction of a number of restrictive measures. New loneliness is associated with a sense of loss of social ties and relationships, as well as discrimination against various groups of the population in many socially significant areas of life in a pandemic. In order to overcome the new loneliness and improve the social well-being of Russian society during the period of the introduction of restrictive measures, it is necessary to further develop and spread the institution of volunteering, as well as develop mechanisms that introduce elements of social solidarity in society.

Keywords: social well-being, Russian society, population, new loneliness, social loneliness, social restrictions, restrictive measures, discrimination, pandemic

For citation: Gafiatulina N. Kh., Vorobyev G. A., Shevchenko A. M. New loneliness as a factor of influence on the social well-being of the Russian society under conditions of restrictory measures during the pandemic period. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):223–228. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-223-228>.

В ряду многочисленных и разнообразных жизненных проблем человека (семейно-бытовых, экономических, медико-социальных и др.) все чаще встречаются новые проблемы, лежащие в сфере социальной и психической жизнедеятельности и оказывающие влияние на социальное самочувствие российского населения [1]. Данные проблемы детерминированы возникающими социально-травмирующими и стресс продуцирующими вызовами, брошенными современному российскому обществу, к числу которых сегодня относятся новые вызовы, связанные с социальными ограничительными мерами, введенными в обществе в период пандемии. Данные ограничительные меры несут за собой определенные риски и становятся благодатной почвой, оказывающей негативное влияние на социальное самочувствие населения и культивирующей появление новых социально-психологических состояний в качестве реакции на такой серьезный вызов как пандемия.

И одной из таких серьезных и распространенных общесоциальных проблем человечества является дающее о себе знать т.н. «новое одиночество», вызванное раздроблением внутри общества и воспринимаемое индивидом как угроза, т.к. «человечество развивалось таким образом, что социальные связи очень важны для социального благополучия»¹. Это новое одиночество может быть вызвано противоречиями между коллективным началом человека и усилением индивидуализма; потребностями индивида и его возможностями; необходимостью реализовать свой личностный потенциал как субъекта социальных отношений и барьерами к его реализации, что обуславливается императивными требованиями, связанными с социальными ограничениями.

Проблема одиночества как особого социально-психологического явления выступает в качестве объекта исследования ряда гуманитарных и общественных наук, изучающих индивида, социальные группы и общество в целом. На сегодняшний день одиночество, будучи многомерным и сложным социально-психологическим явлением, имеет достаточно длительную историю и множество научных интерпретаций исходя из разных подходов.

Однако в свете социальных ограничений, продиктованных условиями пандемии, вырисовывается несколько иное понимание одиночества, т.н. новый формат одиночества, в определенной степени отличный от его традиционного семантического наполнения. Этот формат нового одиночества, с одной стороны, связан с ощущением минимизации, утраты социальных связей и отношений; с другой – с дискриминацией различных групп населения во многих социально значимых сферах жизнедеятельности (образовании, здравоохранении, трудовой занятости, социальной поддержке и пр.).

Как показало исследование смыслового поля понятия «одиночество» в современной научной литературе, актуальной в рамках данной работы, его новая форма сопряжена с вопросами:

- вынужденной изоляции, связанной с новыми условиями жизнедеятельности пандемийного социума и детерминированной внешними факторами, связанными с прекращением привычных социальных отношений человека с окружающими и дефицитом качественных (значимых) связей и социальной коммуникации [2; 3; 4];

- редуцирования или замены непосредственной социальной коммуникации, в условиях тотальной информатизации и компьютеризации, на сетевые Интернет-коммуникации, в которых депривируются когнитивная («актуальное знание»), эмоционально-чувственная и психосоциальная составляющие социального самочувствия [5; 6; 7];

- неудовлетворенности существующими условиями жизни, связанными с «быстрой переориентацией общества на новые ценности», а также исключением индивида из определенного сообщества или ограниченными возможностями взаимодействия (невозможность удовлетворить мотив социальной аффилиации), дискриминацией различных групп населения российского общества, что вызывает тягостное состояние одиночества и отрицательно сказывается на социальном самочувствии [3; 8; 9].

А каким образом характеризуется социальное самочувствие населения?

Согласно исследованиям М.К. Горшкова, СС общества «проявляется в ряде общих закономерностей: оно всегда социально по содержанию, имеет своих конкретных носителей, а также зависит от степени разрешимости социальных проблем и противоречий, удовлетворения социальных интересов, преломляющихся через психику, сознание и определяющих действие индивидов» [10, с. 305-306].

Социальное самочувствие проявляется в особенностях психосоциального, чувственно-эмоционального отклика личности на те или иные воздействия, трансформационные изменения, общественные события любого характера. И в данном контексте пандемия, повлиявшая и на общественный

¹ Новое одиночество: как коронавирус меняет наши отношения [Электронный ресурс] <https://www.wonderzine.com/wonderzine/life/life/249227-social-distancing-in-times-of-coronavirus?from=readmore>

порядок в целом, а также связанные с ней ограничения, имеют непосредственное отношение к трансформационным изменениям уклада и образа жизни; снижению уровня и качества жизни российского населения.

Прежде чем вести речь о новой форме одиночества как факторе влияния на социальное самочувствие российского общества в условиях введения ограничительных мер, необходимо обратить взор на саму систему ограничений.

Система социальных ограничительных мер, сопряженных с противодействием распространению COVID-19, была учреждена Указом Президента РФ, который делегировал полномочия и вменил в обязанности высшего руководства каждого регионального сообщества решать задачи, связанные с разработкой, обеспечением и реализацией целого комплекса мероприятий, носящих ограничительный характер. В числе данных мероприятий: положения о повышенной готовности и самоизоляции населения; запреты на проведение массовых мероприятий; ограничения по времени посещения мест общественного питания; запрет или ограничения в отношении посещения культурных и просветительских мероприятий; ограничения на перемещение различных слоев российского населения вне места жительства; перевод на удаленный формат работы; обязательное ношение лицевых масок в общественных местах; ограничение личных контактов; соблюдение социального дистанцирования населения и пр.¹ В отношении последнего ограничения, призывающего к соблюдению «социальной дистанции», стоит отметить, что данный термин выбран неудачно, как подчеркивает А.В. Торкунов, термин «фактически обосновывает идею разобщения людей и разделения общества, дает возможность для дискриминации» [11].

Все эти ограничительные меры указывают на тот факт, что в сфере глобального пандемийного социального пространства, межличностные взаимоотношения отдельных индивидуумов, их субъективное мировосприятие и социальное самочувствие утрачивают свое первостепенное значение по сравнению с государственными и общественными интересами «по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения».

Помимо «отображения негативной тенденции к увеличению числа ощущающих себя одинокими людьми вследствие ограничений», исследователи обнаружили корреляцию одиночества и появление суицидальных мыслей, сопряженных с утратой привычного уклада жизни в условиях анонимного общества [2].

В более ранних социологических и психологических очерках одиночества Н.Е. Покровский и Г.В. Иванченко обратили пристальное внимание на аномию, представляющую собой «ценностно-нормативный вакуум» и составляющую типичный фон одиночества современной социальной реальности. Авторы подчеркивают, что «аномия позволяет подвести под категорию одиночества прочную основу современной социальной теории» [3, с. 191].

А само явление одиночества «представляет собой широкую социокультурную категорию, которая в самом общем виде отражает присущий личности страх перед социально-психологической изоляцией и разрывом общественных связей, составляющих суть жизненного мира» [3, с. 11]. Именно социальная изоляция, карантинные мероприятия и иные ограничения в период пандемии как императивные требования со стороны мер, предпринимаемых на государственном и региональном уровнях, по нашим представлениям, стали триггерным механизмом, запустившим изменения в социальном самочувствии российского населения и повлекшим возникновение нового одиночества.

На возникновение чувства одиночества и неудовлетворенности среди российского населения, согласно социологическим опросам, проведенным РАН, существенное влияние, среди прочих, оказали в первую очередь такие ограничения, как дистанционное образование и самоизоляция [9, с. 750].

И.Н. Конарева и М.И. Сергиенко, находя взаимосвязь между социальным самочувствием и одиночеством, подчеркивают, что переживание одиночества имеет две стороны медали: это чувство (самочувствие), «выражающее определенную форму самосознания, показывающее раскол основной сети отношений» и связей внутреннего мира личности «в ситуации эмоциональной и социальной изоляции»; при этом «первая ситуация определяется дефицитом эмоциональных отношений, а вторая – отсутствием доступного круга социальных связей для общения» [12, с. 182–183].

Новейший философский словарь рассматривает и объясняет одиночество как «состояние и ощущение человека, находящегося в условиях реальной или мнимой коммуникативной депривации» [13], иными словами, в ситуации лишения и утраты социальных связей, или в состоянии

¹ Указ Президента РФ от 02.04.2020. №239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории РФ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СЗ РФ, №14 (ч.1). Ст. 2082.

изоляции от общества. Требования, связанные с социальными ограничениями, отражаясь на социальном самочувствии населения, вызывают чувство одиночества и изолированности от общества и интерпретируются как форма «деструктивного самовосприятия», ибо «одиноким человеком чувствует себя заброшенным, забытым, ненужным», расценивает «свое существующее положение как катастрофу» [14, с. 179] и испытывает признаки тревоги, депрессии и дискриминации в отношении самореализации себя в обществе.

Так, например, в результате проведенных опросов, зарубежные исследователи Дж. Хьонг, О. Липсиц и др. в 2020 г. констатировали значительное ухудшение психосоциального самочувствия по гендерному признаку (у большинства представительниц женского пола) и социально-групповому основанию (среди молодежи) [15]. Они указали на относительно высокие показатели признаков тревоги у этих групп населения (от 6,33% до 50,9%), депрессии (от 14,6% до 48,3%), дистресса (от 34,43% до 38%) и ощущения чувства одиночества, вызванными множеством социальных ограничений, а также частыми и длительными по времени пребываниями в социальных сетях/новостных каналах, в т.ч. касающихся пандемии [15].

А ведь еще более 10 лет назад российский исследователь А.О. Смирнова писала о социальном одиночестве как все более распространенном феномене современной жизни в свете информатизации и компьютеризации в условиях социально-экономических и политических трансформаций, протекающих в обществе. Автор указала на парадоксальность все большего расширения круга одиноких людей среди разных слоев населения, «несмотря на стремительные темпы развития всех без исключения коммуникационных сетей (телефонизация, мобильная связь, СМИ, Интернет и т.п.)» [5, с. 161]. И с этим трудно не согласиться, поскольку сегодня многие индивиды чувствуют, что они как одинокие «винтики» в механизме глобального мирового сообщества и пандемии, изменившей их жизненный уклад и повлиявших на социальное самочувствие. Даже частичный перенос образовательного процесса отражается на СС детей и молодежи, о чем свидетельствуют исследования. Так, О.А. Кислицына, делая выводы относительно результатов проведенного исследования, касающегося негативных последствий пандемии для здоровья населения, выразила особую обеспокоенность в отношении социально-психологического самочувствия детей и молодежи, вынужденных обучаться в удаленном формате посредством ИКТ. Так, О.А. Кислицыной отмечено, что у ¼ части детей появились новые страхи; у обучающихся обнаружилась «потеря работоспособности к обучению; изоляция от социальной поддержки, снижение социального взаимодействия» и пр. [6].

Согласно социологическим опросам 2021 г., проведенным М.К. Горшковым и И.О. Тюриной, обнаружена тенденция, свидетельствующая в пользу «усиления ощущения непреодолимости структурных ограничений, препятствующих реализации индивидуальных устремлений, а также о накоплении социального недовольства» [10, с. 745]. При этом «соотношение позитивного и негативного в психоэмоциональном состоянии общества – свидетельство неопределенности и противоречивости социального самочувствия россиян» [9, с. 745].

Серьезной детерминантой противоречивости СС и наряду с ним переживания нового одиночества, является отсутствие удовлетворенности социальными связями в период пандемии, невзирая на насущную потребность в социальной коммуникации. Так, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные опроса о социальном самочувствии российского населения в 2020–2021 гг., согласно которому: «к концу 2020 года россияне чаще удовлетворены или частично удовлетворены жизнью, которую они ведут – 47%»; отчасти не удовлетворены «своей жизнью 25% россиян»; «не устраивает актуальная ситуация в их жизни 26% опрошенных». В целом, «индекс удовлетворенности жизнью составил 46 пунктов, что на 6 пунктов ниже, чем в прошлом декабре», т.е. в декабре 2020¹.

Согласно социологическим исследованиям Н.В. Латовой, большая часть опрошенных (60%) полагала, что общество далеко от социального благополучия, причем в сравнении с 2020-м годом «наблюдается снижение позитивных оценок и рост суждений, определяющих ситуацию как напряженную и кризисную» [16, с. 40], отражающуюся на социальных настроениях и самочувствии российского населения. Наиболее мрачные «оценки (преобладание ответов «ухудшилось») россияне дали четырем сферам: уровень жизни населения (68%), состояние экономики страны (62%), моральное состояние общества (56%) и ситуация в социальной сфере (49%)». Отрицательные оценки первых двух сфер, по мнению Н.В. Латовой, «более чем ожидаемы после падения занятости» по причине локдаунов, сокращений, переводов на неполный рабочий день и увольнений.

¹ Социальные настроения: мониторинг // ВЦИОМ. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-nastroeniya-monitoring>

«Именно социальная сфера», по справедливому замечанию автора, «оказалась под ударом в новой коронавирусной реальности: здравоохранение столкнулось с проблемой дефицита койко-мест, врачей и поиска новых форм лечения, образование – с трудностями образовательного процесса в дистанционном формате. Почти половина россиян отметила ухудшение в этой сфере». Что же касается ухудшения социального самочувствия и «морального состояния общества, то данное явление», как подчеркивает Н.В. Латова, «оценивалось россиянами как некая негативная тенденция предыдущего развития отечественного социума» [16, с. 44] и, по нашему мнению, усугубилось социальным кризисом в условиях введения ограничительных мер в период пандемии. Этот факт констатируют и зарубежные исследователи М. Дэйли, А. Сатин и Е. Робинсон, чей дополнительный анализ показал, что рост проблем с психическим и социальным здоровьем, наблюдаемый во время пандемии, никак не связан с сезонностью или ежегодными колебаниями – это результат массовых ограничений [17].

Таким образом, исходя из всего, сказанного выше, можно умозаключить, что «живая», непосредственная социальная коммуникация – важнейший фактор и залог хорошего социального самочувствия, а также фактор, профилирующий возникновение нового одиночества.

Новое одиночество, будучи суровой реальностью современного пандемийного общества, оказывает пагубное влияние на социальное самочувствие населения, поскольку от изоляции, социального дистанцирования, дефицита социально значимых связей, замены непосредственной социальной коммуникации сетевыми Интернет-коммуникациями, дискриминацией в социально значимых сферах жизнедеятельности – страдают различные группы населения и общество в целом. Для преодоления нового одиночества и улучшения СС российского общества в период введения ограничительных мер, необходимо «формирование института социальных контактов» [3, с. 910], дальнейшее развитие и распространение института волонтерства, а также разработка механизмов, внедряющих элементы социальной солидарности в обществе.

Список источников

1. Karapetyan E.A., et al. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society // Revista Género e Direito. 2020. Т. 9. № 4. С. 830-845.
2. Иоселиани А.Д., Анисимов Е.С. Одиночество в пандемии COVID-19 // Манускрипт. 2021. Т.14. Вып. 5. С. 908-911.
3. Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества: социологические и психологические очерки. М.: Логос, 2008. 424 с.
4. Касьянов В.А. Российское население в условиях режима самоизоляции: анализ депривационного влияния на социальное здоровье // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. №2. С. 204-208.
5. Смирнова А.О. Социальное одиночество: сущность, типы, причины, методы преодоления // Вестник РГГУ. 2010. №3 (46). С. 161-175.
6. Кислицына О.А. Долгосрочные негативные последствия пандемии covid-19 для здоровья населения // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. №67 (4) С. 1-42.
7. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2009. 487 с.
8. Сороцкий М.С. Виртуальное общение: социальные сети – одиночество или исповедальность? // Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого. 2012. №14 (133). С. 227-132.
9. Горшков М.К., Тюрина И.О. Состояние и динамика массового сознания и поведенческих практик россиян в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4. С. 739-754.
10. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. 672 с.
11. Пандемия covid-19: Вызовы, последствия, противодействие / под ред. А.В. Торкунова. М., 2021.
12. Конарева И.Н., Сергиенко М.И. Особенности одиночества и удовлетворенности жизнью в позднем возрасте // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. 2015. Т.1(67). №4. С.181-193.
13. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 2019. 1280 с.
14. Краткий психологический словарь / авт.-сост. С.Я. Подопратора. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 318 с.
15. Xiong J., Lipsitz O., et al. (2020) Impact of COVID-19 Pandemic on Mental Health in the General Population: A Systematic Review. Journal of Affective Disorders. Vol. 277. P. 55–64. DOI: 10.1016/j.jad.2020.08.001
16. Латова Н.В. Ситуация в стране и перспективы ее развития через призму общественного мнения в период пандемии // Социологические исследования. 2021. №4. С. 37-49.
17. Daly M., Sutin A., Robinson E. (2020) Longitudinal Changes in Mental Health and the COVID-19 Pandemic: Evidence from the UK Household Longitudinal Study. Psychological Medicine: 1–10. DOI: 10.1017/S0033291720004432

References

1. Karapetyan E.A., et al. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society. *Revista Gênero e Direito*. 2020; Vol 9(4): 830-845.
2. Ioseliani A.D., Anisimov E.S. Loneliness in the COVID-19 pandemic. *Manuskript=Manuscript*. 2021; V.14. Issue. 5: 908-911. (In Rus.)
3. Pokrovsky N.E., Ivanchenko G.V. *The universe of loneliness: sociological and psychological essays*. M.; 2008. 424 p. (In Rus.)
4. Kasyanov V.A. Russian population in conditions of self-isolation regime: analysis of deprivation impact on social health. *Gosydarstvennoe b mynicipalnoe upravlenie. Ychenie zapiski=State and municipal management. Scientific notes*. 2020; (2): 204-208. (In Rus.)
5. Smirnova A.O. Social loneliness: essence, types, causes, methods of overcoming. *RGY=Bulletin of the Russian State University for the Humanities*. 2010; 3 (46): 161-175. (In Rus.)
6. Kislytsyna O.A. Long-term negative consequences of the covid-19 pandemic for public health. *Socialnie aspektyi naseleniya=Social aspects of public health*. 2021; 67 (4): 1-42. (In Rus.)
7. *Thesaurus of sociology: topic. words.-ref.* / ed. J.T. Toshchenko. M., 2009. 487 p. (In Rus.)
8. Sorotsky M.S. Virtual communication: social networks - loneliness or confession? *Tylskii gosydarstvennii pedagogicheskii yниверситет=Tula State Pedagogical University. L.N. Tolstoy*. 2012;14(133): 227-132. (In Rus.)
9. Gorshkov M.K., Tyurina I.O. State and dynamics of mass consciousness and behavioral practices of Russians in the context of the COVID-19 pandemic. *Vestnik Rossiiskogo yниверситета dryzhbi narodov=Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: Sociology. 2021; V.21(4): 739-754. (In Rus.)
10. Gorshkov M.K. *Russian society as it is (the experience of sociological diagnostics)*. M.: New Chronograph, 2011. 672 p. (In Rus.)
11. *Pandemic covid-19: Challenges, consequences, counteraction* / ed. A.V. Torkunov. M., 2021. (In Rus.)
12. Konareva I.N., Sergienko M.I. Peculiarities of loneliness and satisfaction with life at a later age. *Ychenye zapiski Krimskogo federalnogo yниверситета=Uchenye zapiski of the Crimean Federal University.by I.V. Vernadsky*. 2015; V.1 (4): 181-193. (In Rus.)
13. *The latest philosophical dictionary* / comp. A.A. Gritsanov. Minsk, 2019. 1280 p. (In Rus.)
14. *Brief psychological dictionary* / ed. S.Ya. Podopigora. Rostov n/D.: Feniks, 2010. 318 p. (In Rus.)
15. Xiong J., Lipsitz O., et al. Impact of COVID-19 Pandemic on Mental Health in the General Population: A Systematic Review. *Journal of Affective Disorders*. 2020; V.277: 55-64. DOI: 10.1016/j.jad.2020.08.001
16. Latova N.V. The situation in the country and the prospects for its development through the prism of public opinion during the pandemic. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological research*. 2021(4): 37-49. (In Rus.)
17. Daly M., Sutin A., Robinson E. Longitudinal Changes in Mental Health and the COVID-19 Pandemic: Evidence from the UK Household Longitudinal Study. *Psychological Medicine*. 2020: 1-10. DOI: 10.1017/S0033291720004432

Информация об авторах

Н. Х. Гафиатулина – канд. социолог. наук, доц., докторант;
Г. А. Воробьев – докт. философ. наук, доц.;
А. М. Шевченко – докт. социол. наук, проф.

Information about the authors

N. Kh. Gafiatulina – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Doctoral;
G. A. Vorobyev – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor;
A. M. Shevchenko – Doctor of Sociological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 27.02.2022.

The article was submitted 09.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 27.02.2022.

Научная статья
УДК 316.356.2(470.67):314.146(470.67)
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-229-233

ИНСТИТУТ ПОЛИГАМИИ И ГЕНДЕРНАЯ ОЦЕНКА МОДЕЛИ БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Эльвира Махачевна Загирова

Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия, elvira.2005@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5586-7440>

Аннотация. В рамках исследования дагестанской семьи и протекающих в ней деструктивных процессов, среди которых появление института многоженства ключевым является установление отношения «первой жены» к решению своего супруга иметь «вторую жену». Выдвинута гипотеза, что на решение мужчины иметь «вторую жену» и «вторую семью» влияет его статус и уровень доходов. Результаты авторского исследования показывают, что подавляющая часть опрошенного населения главой семьи считают мужчину. При оценке брачного поведения супруга респондентки готовы на кардинальные меры при решении супруга иметь «вторую жену». Однако чаще всего первая жена бывает вынуждена смириться с решением мужа иметь «вторую жену» по самым разным причинам, среди которых материальная зависимость от супруга, стремление растить и воспитывать детей в полной семье, а также нежелание менять сложившийся уклад семейной жизни.

Ключевые слова: институт многоженства, полигамия, семья, семейно-брачная сфера, семейные отношения, семейные ценности, «вторая жена», глава семьи

Для цитирования: Загирова Э. М. Институт полигамии и гендерная оценка модели брачного поведения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 229–233. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-229-233>.

Sociology Problems

Original article

INSTITUTE OF POLYGAMY AND GENDER ASSESSMENT OF THE MODEL OF MARRIAGE BEHAVIOR

Elvira M. Zagirova

Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, elvira.2005@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5586-7440>

Abstract. Within the framework of the study of the Dagestan family and the destructive processes taking place in it, among which the emergence of the institution of polygamy, the key is to establish the attitude of the “first wife” to the decision of his spouse to have a “second wife”. It is hypothesized that a man's decision to have a “second wife” and “second family” is influenced by his status and income level. The results of the author's research show that the overwhelming majority of the surveyed population considers a man to be the head of the family. When assessing the marriage behavior of a spouse, the respondents are ready to take drastic measures when the spouse decides to have a “second wife”. However, most often the first wife is forced to come to terms with the husband's decision to have a “second wife” for a variety of reasons, including material dependence on the spouse, the desire to raise and educate children in a complete family, as well as unwillingness to change the established way of family life.

Keywords: institution of polygamy, polygamy, family, family and marriage sphere, “second wife”, head of the family

For citation: Zagirova E. M. Institute of polygamy and gender assessment of the model of marriage behavior. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):229–233. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-229-233>.

Введение

С исламским возрождением в семейно-брачной сфере народов исповедующих мусульманство появилось многоженство, которое в рамках данного вероучения является допустимым. За время существования социалистической системы сложилась форма семейных отношений и брачного поведения, которая в корне не допускала возможность наличия «вторых жен», с которыми брачные

отношения заключались по правилам ислама. Разумеется, появление или возрождение (сложно приписать какой-либо из терминов, потому что в дореволюционном Дагестане полигамия не имела широкого распространения, несмотря на то, что позиции ислама были намного крепче) многоженства имеет свои последствия для традиционной дагестанской семьи. Явление многоженства можно рассматривать с разных ракурсов, в зависимости от того, кто будет оценивать его: мужчины или женщины состоящие в браке, которые закономерно могут в нем усматривать исключительно негатив, разведенная когорта женщин, женщины, которые по тем или иным причинам не могли создать семью, но хотят познать радость материнства, иными словами, у каждой социальной группы могут быть свои аргументы «за» и «против» полигамии.

Если обратиться к постулатам ислама, то процесс полигамии в нем очень подробно описан и доводом в пользу ее является недопущение внебрачных отношений, внебрачных детей и совершения греха. Так, единственный аят в Коране, открыто обращающийся к вопросу полигамии и ограничивающий его практику в плане установления наибольшего числа супругов и требования об одинаковом к ним отношении, был издан после битвы на горе Ухуд (625 г.), в которой умерло большое количество мусульман, оставивших после себя множество вдов: «и если боитесь, что не сможете быть справедливыми с сиротами [находящимися на вашем попечении], то женитесь на [других] женщинах, которые нравятся вам, – на двух, трех, четырех. Если же вы опасаетесь, что не сможете заботиться о них одинаково, то женитесь на одной...» [1, 4:3].

История многоженства и отношение к данному явлению рассмотрено исследователями, например, А.А. Миримова придерживается мнения, что «единственной из мировых религий, последовательно поддерживающей полигамию, является ислам. Христианство и другие религии мира этот институт не приняли, они освятили единобрачие» [2, с. 100]. Позицию А.А. Миримовой, что «именно ислам среди прочих мировых религий узаконивает полигамию как норму шариата и морали мусульманского образа жизни» [3, с. 16] критикует С.Т. Хапчаев; «во-первых, Коран – это, по сути, единственное религиозное писание, формулирующее принцип "женитесь только на одной" в качестве общего правила поведения. Во-вторых, ... многоженство допускается лишь в виде крайней меры, но не канонизируется и не запрещается. В-третьих, Коран и сунна не содержат положений, рассматривающих моно- или полигамию в качестве обязательного правила поведения» [4, с. 26]. Иными словами, многоженство рассматривают как один из наиболее нежелательных брачных институтов исламского права, как частноправовой аспект полового неравенства, порождающий большой общественный резонанс. Г. Спенсер считал, что «многоженство является необходимым для тех народов, в которых погибают мужчины на войне, и на выжившего мужчину была только одна жена. Если же поражает общину война, уничтожая их мужчин, то остаётся много женщин без мужей, и в итоге от этого уменьшается рождаемость в народе. Когда сражаются две группы друг с другом, то война не приносит пользу тому народу, в котором не требуется от женщин, чтобы они рожали, так как народ не в состоянии сопротивляться народу, в котором требуется от женщин, чтобы они рожали им мужчин, посредством многоженства» [5, с. 31].

Таким образом, в данной статье рассматривается институт полигамии через призму оценки первой законной супруги к брачному поведению мужчины, ибо оно (отношение) определяет, во-первых, семейный климат, во-вторых, психоэмоциональное состояние женщины. Надо признать, что вряд ли найдется женщина, которая будет равнодушно относиться к решению своего супруга взять «вторую жену». Даже, можно предположить, что отношение к религии (верующая) не отразится на установке, предполагаемой негативной, к данному поступку. Видимо, причина здесь кроется в уязвленном самолюбии женщины, которую «променяли» на другую, ситуация еще более усугубляется если в первой семье есть дети, поэтому желание мужчины иметь параллельно еще одну жену и семью, разумеется, не будет положительно воспринято женщиной.

Эмпирическую базу составляет социологическое исследование, проведенное в 2021 г. в рамках изучения отношения дагестанских мужчин и женщин к институту многоженства. Опрос проведен в городах (Дербент, Махачкала, Хасавюрт) и районах (Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский, Кизилюртовский, Левашинский) Республики Дагестан N = 507.

Результаты исследования

Можно предположить, что неравноправные отношения в семье, а они вряд ли будут равноправными при доминировании маскулинности мужской культуры и поведения в традиционном дагестанском обществе, изначально дает мужчинам больше «свободы» в брачном поведении. Поэтому положение мужа и жены в семье является важным критерием брачных установок. Результаты на вопрос «Кто в Вашей семье является главой?» показывает, что 65,9 % опрошенных по всему массиву главой семьи считают мужчину, среди них 69,3 % мужчин, 63,4 % женщин, 53,2 % в возрасте 0 – 19 лет, 69,4 % 20 – 35 лет, 63,9 % 36 – 50 лет, 66,0 % старше 50 лет, 71,5 % находящихся в браке, 63,6 % холостых/не замужних, 68,2 % верующих и 47,4 % неверующих. Далее 16,2 % опрошенных придерживаются

позиции о равноправии в своей семье и разделяющих эту точку зрения больше в группе женщин (18,8 %), по сравнению с мужчинами (12,6 %), в возрастном разрезе 36 – 50 лет (19,9 %), связанных узами брака (18,2 %), а также 38,5 % самоидентифицирующихся как колеблющиеся, по сравнению с подгруппой верующих (15,1 %) и неверующих (10,5 %). Статистически небольшая часть (5,3 %) указала на главенствующую роль женщины в семье, и здесь выделяются подмассивы неверующих (26,3 %) и колеблющихся (38,5 %); по гендерной принадлежности почти равная часть подчеркнула главенство супруги – 5,6 % и 5,1 % мужчин и женщин, соответственно. Таким образом, данные опроса констатируют статус мужчины как главы семьи, следовательно, по мнению автора, за ним будет и «решающее слово» при принятии того или иного решения. И при таком положении, мужчина вряд ли будет ориентироваться на мнение своей супруги, если он захочет иметь «вторую жену» и «вторую семью», тем более, если в материальном плане будет иметь достаток.

При изучении института многоженства в современном дагестанском обществе важным является выявление отношения «первых» жен в отношении полигамии в целом, а также поведенческих установок в личном семейном опыте. Чтобы получить ответы на эти аспекты семейных отношений в рамках исследования респондентам был задан следующий вопрос «Есть ли среди Ваших близких родственников примеры многоженства?». Утвердительно на него ответили 22,5 % опрошенных по всему массиву, среди них существенно большая доля женского населения (37,4 %) против статистически незначимой части мужчин (1,9 %); по семейному положению на примеры полигамии в своем ближнем окружении указали респонденты состоящие в браке (24,5 %), разведенные и возрастной интервал 20 – 35 лет (по 27,5 %). Чуть меньшая часть опрошенных отрицательно ответила на это вопрос (24,3 %) и затруднились выразить свою позицию 7,2 % респондентов по всему массиву.

Установление характерного первой жене отношения к институту многоженства является важным при его исследовании, потому что научную ценность представляет выявление поведения женщины, которая лично столкнулась с существованием параллельно другой женщины, находящейся в брачных отношениях с человеком, уже связанным брачными узами. Для пояснения ситуации в исследовании был задан вопрос «Если бы Вы узнали, что Ваш муж завел себе "вторую жену", как бы Вы поступили?», который показывает, что в массовом сознании опрошенного женского населения с небольшой разницей существуют две противоположные суждения – «разошлась бы со своим мужем, это предательство» (43,2 %) и «нормально, ислам допускает многоженство и все осталось бы по-прежнему» (26,7 %).

Анализ по социально-демографическим параметрам показывает, что 28,0 % опрошенных в возрастном разрезе 20 – 35 лет, 27,7 % 36 – 50 лет, 22,7 % старше 50 лет и 25,4 % женщин состоящих в браке готовы на развод, если муж решится взять «вторую жену». В рамках изучения отношения к многоженству важным является выявление модели поведения женщины через отношение к религии: так, 26,3 % неверующих, что вполне закономерно, не готовы смириться с таким поступком своего супруга, впрочем, как и 24,7 % из подгруппы верующих и 34,6 % колеблющихся. Хотя исламское вероучение допускает многоженство, но, как показывают данные исследования, в реальной жизни респондентки не готовы принять существование «второй жены» и полигамность своего супруга. Также обращает на себя внимание позиция женщин, которые имели опыт семейной жизни – одна треть допускает развод (37,1 %) и их больше в сравнении с подгруппой замужних (25,4 %) и не состоящих в браке (20,6 %), впрочем, как и женщины находящиеся в разводе (37,1 %).

С повышением уровня образования респонденток растет и процентный показатель выбравших вариант ответа «разошлась бы со своим мужем, это предательство» с 13,3 % со средним до 32,6 % высшим образованием. Видимо, та часть женщин, которая в материальном плане независима от мужчины и имеет высокооплачиваемую работу, не готова смириться с тем, что супруг имеет вторую, параллельную первую семью. Вместе с тем, позитивно к поступку мужа иметь «вторую жену» относятся 26,7 % женщин и здесь по возрасту выделяются подгруппы в разрезе 20 – 35 лет, находящиеся в разводе (21,0 %), имеющие среднее (20,0 %) и среднее специальное образование (21,4 %). По отношению к религии позитивно к поступку своего супруга относятся 18,5 % верующих, 10,5 % из подгруппы неверующих и существенно меньшая часть колеблющихся (7,7 %). При этом предположение, что женщина будет готова бороться за свой брак и семью, используя различные модели поведения, данными исследования не подтверждается и суждения «постаралась бы убедить мужа развестись со "второй женой"» и «приложила бы все усилия, чтобы их развести» отмечена статистически незначимой частью опрошенного женского населения – 5,4 % и 5,2 %, соответственно. Можно сказать, что более активную позицию демонстрируют возрастные подмассивы 0 – 19 лет (6,4 %) и старше 50 лет (9,3 %), а также имеющие среднее специальное образование (9,8 %) и неверующие (10,5 %), которые предприняли бы какие-то действия, чтобы разрушить брак своего супруга со «второй женой». Метод «убеждения» готовы использовать опрошенные женщины старше 50 лет (9,3 %), не состоящие в браке (6,5 %) и имеющие среднее образование (6,7 %). Можно утверждать, что дагестанским женщинам

нехарактерно пассивное семейное поведение, они не готовы смириться с существованием «второй жены», соответственно, и «второй семьи». В случае обнаружения на стороне «второй жены», первая супруга готова на решительные действия – развод с аргументацией «предательства» со стороны своего супруга. На такую позицию первых жен, как показывает эмпирический материал, не влияет отношение к религии (верующая/неверующая), хотя исламская религия допускает многоженство. Далее возраст и уровень образования оказывают самое непосредственное влияние на поведение женщины, при этом обращает на себя внимание установка женщин из когорты разведенных, которая по идее должна позитивно относиться к многоженству, но среди них больше процентный показатель готовых развестись при обнаружении «второй жены». Можно допустить, что первый брак этих женщин мог распасться из-за неверности супруга, что и формирует в их брачном поведении такие установки.

Далее в исследовании был задан вопрос «Вы лично сталкивались с тем, что у Вашего мужа была или есть "вторая жена"?», на который 67,8 % опрошенных женщин ответили, что у ее супруга нет «второй жены», 7,3 % выбрали вариант ответа «я думаю, что нет, но не всегда жены знают о "второй жене" (некоторые мужья скрывают это от своих "первых жен. При этом утвердительно ответили 2,8 %, среди них 2,6 % женщин в возрасте 20 – 35 лет, 2,4 % 36 – 50 лет, 5,2 % старше 50 лет, 2,5 % состоящих в браке и 6,5 % разведенных. Вариант ответа «да, она и сейчас есть» отметили 3,4 % опрошенных женщин, среди них 2,8 % замужних, 1,6 % в интервале 20 – 35 лет, 2,4 % 36 – 50 лет, 2,1 % старше 50 лет. Эти на первый взгляд небольшие процентные показатели свидетельствуют об изменении брачного поведения современного дагестанского мужчины, кроме того, не каждая женщина признается в том, что у ее супруга на стороне есть другая женщина, с которой он создал «вторую семью». Во-первых, такое решение супруга очень болезненный фактор для любой женщины, во-вторых, хотя жены и могут знать о существовании «второй жены», но данный факт пытаются скрыть по самым разным причинам, среди которых чувство униженности, стыда, а также стремление оградить свою семью, в данном случае детей, от негативной информации. Кроме того, при определении в будущем семейного положения детей, супруга может столкнуться с тем, что не захотят породниться с ее семьей с доводом, что «сын поступит так же и заведет "вторую жену"».

Владение информацией о существовании «второй жены» предполагает установление поведения первой законной жены, поэтому им был задан следующий вопрос «Если у Вашего мужа есть "вторая жена", знакомы ли Вы лично с ней?». Опрос показывает отсутствие «второй жены» у 37,7 % опрошенных женщин, 11,8 % незнакомы со «второй женой» своего мужа и 3,2 % ответили утвердительно. Среди выбравших последний вариант выделяется поколение старше 50 лет (6,2 %) и состоящие в браке (4,1 %). Вариант ответа «нет» подчеркнули 11,4 % опрошенных в возрасте 20 – 35 лет, 13,3 % 36 – 50 лет, 12,4 % старше 50 лет, что свидетельствует об неискренности опрошенных женщин, потому что, ранее в вопросе «Вы лично сталкивались с тем, что у Вашего мужа была или есть "вторая жена"?» больше половины респонденток отрицательно ответили на него, а вопрос знакомства показывает иные результаты, то есть можно предположить, что одна восьмая часть женщин столкнулась с этим, но не афиширует подобное поведение своего супруга.

А какое поведение демонстрируют первые жены в отношении «вторых жен»? Ответ на него дают результаты на вопрос «Если у Вашего мужа есть "вторая жена", как бы Вы охарактеризовали свои отношения с ней?». Так, 58,2 % опрошенных женщин указали на отсутствие у своего мужа «второй жены», а 3,4 % называют свои отношения хорошими («мы общаемся, встречаемся/живем вместе, помогаем друг другу и т.д.»), среди них возрастная группа 20 – 35 лет (3,6 %), замужние (3,0 %) и верующие (3,2 %). Вариант ответа «не поддерживаю отношения со "второй женой" своего мужа отмечена 7,9 %, а 4,1 % респонденток назвали их конфликтными, потому что не могут смириться с фактом наличия «второй жены» у своего мужа и здесь выделяется поколение старше 50 лет (7,2 %), неверующие (15,8 %) и колеблющиеся (15,4 %). Далее у 3,1 % респонденток поддерживают отношения со «второй женой» своего мужа, потому что «она не знает о том, что я о ней знаю (они скрывают свои отношения, но я о них знаю)», а 5,5 % поступили кардинально: «отношений нет, так как я рассталась со своим мужем (развелась), узнав, что мой супруг имеет "вторую жену"». На решение развестись указали 3,1 % в возрастном разрезе 20 – 35 лет, 2,4 % 36 – 50 лет, 3,1 % старше 50 лет, 4,3 % имеющие высшее образование, 3,4 % верующих, 5,3 % неверующих и 3,8 % колеблющихся.

Далее в нашем исследовании респондентам был задан «контрольный вопрос» «Если у Вашего мужа есть "вторая жена", случалось ли Вам испытывать чувство неловкости, дискомфорта от этого?», который показывает, что 64,4 % опрошенных женщин заявила об отсутствии у своего супруга «второй жены». Статистически незначимые процентные показатели получены по вариантам ответов «да, это происходит постоянно» (1,8 %), «да, изредка» (2,1 %), «нет, я не испытываю неловкости от этого» (3,1 %), «нет, я скрываю, что у него есть "вторая жена"» (2,1 %). При этом 4,1 % опрошенных женщин скрывают существование у своего супруга «второй жены», видимо, из-за чувства стыда и нежелания

быть объектом осуждения среди ближнего круга родственников, друзей и знакомых. Среди тех, кто испытывает дискомфорт выделяется возрастная подгруппа 20 – 35 лет (3,1 %), категория разведенных женщин (4,8 %), неверующие (5,3 %) и колеблющиеся (7,7 %). По мнению автора, такая позиция женщин обусловлена тем, что поступок мужа, который, как правило, скрытно от первой супруги на стороне имеет «вторую жену» в эмоциональном плане сильно бьет по самолюбию женщины: однозначно она воспринимает такой шаг мужчины как «предательство», при этом в основном материальная зависимость, порой и нежелание менять устоявшийся образ жизни, особенно при наличии детей, вынуждает женщину «принять» и смириться с тем, что есть «вторая жена». Также встречается апеллирование к исламу, который допускает многоженство, но в реальности, как показывают глубинные интервью, женщины не принимают и вряд ли примут наличие у мужа «второй жены».

Заключение

Таким образом, проведенное исследование является основанием для утверждения, что, несмотря на допустимость исламской религией мужчине иметь 4-х жен, не каждая женщина сможет в эмоциональном плане спокойно принять такое решение своего супруга. Более того, первая законная жена не готова смириться с существованием на стороне «второй жены» и может принять кардинальное решение, рассматривая такой поступок как «предательство». Результаты исследования констатируют, что опрошенные женщины готовы подать на развод, несмотря на существующее к нему в общественном сознании отрицательное отношение. Анализ через отношение опрошенных женщин к религии констатирует, что на данную позицию не влияет религиозная самоидентификация (верующая/неверующая), хотя исламское вероучение позволяет иметь до 4-х жен. Отрицательное отношение к многоженству проявила категория разведенных, хотя, по мнению автора, должно быть наоборот. Можно предположить, что они оказались в когорте тех женщин, чьи супруги приняли решение иметь «вторую жену». Можно утверждать, что мужчина при главенствующей патриархальной роли не будет интересоваться мнением первой жены и тем более детей, если он примет решение взять «вторую жену»; а если мужчина еще и будет материально обеспечен, то вряд ли его может что-то остановить.

Список источников

1. Коран. Сура 4 «Ан-Ниса» (Женщины), аят 3.
2. Миримова А. А. Объективные и субъективные факторы возникновения полигамии в обществе // Исламоведение. 2010. № 4. С. 96–106.
3. Миримова А. А. Полигамия в мировых религиях и ее канонизация в исламе: автореферат дис. ... канд. филос. наук. Махачкала, 2005. 24 с.
4. Хапчаев С. Т. Полигамия в мусульманском праве: сравнительно-исторический анализ // Современный ученый. 2018. №3. С. 25–34.
5. Спенсер Г. Многомужество и многоженство. М.: URSS, 2019. 61 с.

References

1. Koran. Sura 4 "An-Nisa" (Women), verse 3. (In Russ.)
2. Mirimova A. A. Objective and subjective factors of the emergence of polygamy in society. *Islamovedenie = Islamic Studies*. 2010;(4):96–106. (In Russ.)
3. Mirimova A. A. Polygamy in world religions and its canonization in Islam: abstract of thesis. ... Cand. Philos. sciences. Makhachkala, 2005. – 24 p. (In Russ.)
4. Khapchaev S. T. Polygamy in Islamic law: a comparative historical analysis. *Sovremennyj uchenyj=Modern scientist*. 2018;(3):25–34. (In Russ.)
5. Spencer G. Polygamy and polygamy. M.: URSS, 2019. 61 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Э. М. Загирова – канд. социол. наук, мл. научн. сотр.

Information about the author

E. M. Zagirova – Candidate of Sociological Sciences, Jr. Researcher.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 26.01.2022.

Научная статья

УДК 303.4.025

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-234-239

РЕЛЕВАНТНОСТЬ ПРИКЛАДНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Анастасия Александровна Иванова¹, Елизавета Александровна Гринченко²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹a.ivanova2013@rambler.ru

²grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

Аннотация. В статье авторами, посредством структурно-функционального подхода, рассмотрена релевантность и валидация практик программы прикладного социологического исследования. Актуализирован аподиктический вклад этапов институционализации прикладной социологии как специальной отраслевой науки. Определено проблемное поле онтогенеза эвристических функций эмпирической науки на протяжении представленного временного континуума. Проведен методологический анализ обоснования каждого раздела прикладного социологического исследования, а также концептов его погрешностных форм: субъективизм и исследовательская относительность, индуцированная программой методик изучения социального явления.

Ключевые слова: прикладная социология, структурно-функциональный подход, валидация практик, релевантность, прикладное социологическое исследование, временной континуум, эвристические функции, онтогенез эмпирической науки, методологический анализ, концепты погрешностных форм, исследовательская относительность, социальное явление

Для цитирования: Иванова А. А., Гринченко Е. А. Релевантность прикладного социологического исследования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 234–239. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-234-239>.

Sociology Problems

Original article

RELEVANCE OF APPLIED SOCIOLOGICAL RESEARCH

Anastasia A. Ivanova¹, Elizaveta A. Grinchenko²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹a.ivanova2013@rambler.ru

²grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

Abstract. In the article, the authors, through a structural and functional approach, considered the relevance and validation of the practices of the program of applied sociological research. The apodictic contribution of the stages of institutionalization of applied sociology as a special branch of science is actualized. The problem field of ontogenesis of heuristic functions of empirical science during the presented time continuum is determined. The methodological analysis of the substantiation of each section of applied sociological research, as well as the concepts of its error forms: subjectivism and research relativity, induced by the program of methods for studying social phenomena, is carried out.

Keywords: applied sociology, structural and functional approach, validation of practices, relevance, applied sociological research, time continuum, heuristic functions, ontogenesis of empirical science, methodological analysis, concepts of error forms, research relativity, social phenomenon

For citation: Ivanova A. A., Grinchenko E. A. Relevance of applied sociological research. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):234–239. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-234-239>.

Прикладная социология как наука была сформулирована на рубеже 19-20 веков в США на базе Чикагской школы. Воспроизводя смысловую трактовку места и роли прикладной социологии в структуре научного социологического знания, мы вербализуем базис концептуальных социальных технологий, которые первостепенное значение отдают применению практического инструментария. Прикладная социология – это квинтэссенция методологических, методических и процедурных

правил и приемов, ориентированных на изучение социетальных микро и макро явлений, изучение событийной повседневности, ментальности, мотивации и поведения индивидуумов, их интересов и ценностных ориентаций, требующих верификацию, т.е. проверку и подтверждение, и нацеленных на эмпирический эффект. Объект прикладной социологии – конкретные социальные процессы, системы и институты, общность людей. Предмет – социальная проблема, которая присуща объекту исследования.

Отражая информационную компоненту состояния социальных систем и институтов, прикладная социология позволяет точно установить признаки и феноменологические редукции диаметральных социальных явлений, проанализировать причинно-следственный ряд социальных фактов, найти оптимальные пути решения общественных проблем, преобразуя и оптимизируя фреймворки социальной реальности посредством методик социальной инженерии [1, с. 352]. Пол Лазарсфельд полагал, что главная субстанция прикладного социолога заключается в интуитивной интерпретации социальных фактов и широком исторический кругозоре. Процесс институционализации прикладной социологии включает в себя следующие этапы:

1) **XVII–XVIII век.** Джон Граунт в 1645 г. впервые сконструировал таблицу смертности. Эмпирический анализ социальной жизни показал сальдо рождаемости и смертности возрастной когорты людей. Это констатировало закономерное прогрессирующее увеличение вероятности смерти по мере старения людей. Нерелевантность конечных социологических исследований данного периода характеризуется ограниченностью и недостаточной методологической изученностью, гетерогенностью использования методов изучения социальных процессов.

2) **XIX–XX век.** Адольф Кетле заложил фундамент социальной статистики, предложил использовать математические методы (абсолютные величины - модули) в статистике, измеряя стандартность больших величин социальных явлений, а также ввел понятие «среднего человека», стандартизированным носителем качеств определенной социальной группы. Чарльз Бут разработал основы такого собственно-социологического метода, как включенное наблюдение, которое помогло исследователю оптимизировать изучение демографических характеристик социума [1, с. 354]. Новый подход к измерению предложила Кэмпбелл Рассел, допустившая возможность приписывания чисел объектам по фиксированным математическим правилам, не связанных с использованием единицы измерения. Удалось сопоставить каждому респонденту некую числовую матрицу. Аподиктический вклад этого периода – изучение методологии анкетирования. Однако отсутствие симбиотической целостности и субстанциальности конструктивности применения собственно-социологических методов нивелировало релевантность социологических исследований [2, с. 8]. В системе определения выборочной совокупности в данный период становления науки активную аккомодацию центрально занимает невероятностная выборка. В связи с этим фактом, такие способы формирования невероятностной выборки как: квотная выборка, метод снежного кома, метод основного массива и стихийного отбора претерпевают крайний высокий потенциал аберрации определения выборки. В отличие от вероятностной выборки, которая более трудоемка, соответственно, более валидна и лапидарна, структурность невероятностной выборки проявляется в неточности способа отбора совокупных единиц исследования [2, с. 17].

3) **XX век.** Институционализация эмпирической («понимающей») социологии. С 1920 года плацдармом для развития новой отрасли социологического знания становится Чикагская школа. Формулируется потребность в создании узкопрофильного фокусированного инструментария для конкретного заказного социологического исследования. Начинают активно применяться новые диалектические собственно-социологические методы: контент-анализ, социометрия, социальный эксперимент. Широким публичным спросом начинает пользоваться критический анализ социального статуса или социального престижа, исследуются каналы социальной мобильности, процессы саморекрутирования и самовоспроизводства "беловоротничковых" специалистов, природа и дистинктивность устремлений и идеалов среднего класса (прекариата). В изучении социальных процессов применяется методика «соломенного опроса», применяемая для импровизации поддержки той или иной идеологизированной идеи для того, чтобы исследователь смог увидеть какое процентное соотношение из респондентов на какой мировоззренческой стороне ангажированного вопроса. Идиома указывает на соломинку, поднятую, чтобы увидеть, в каком направлении дует ветер, т.е. коррелята группового мнения. Однако такой вид изучения общественного мнения социальных групп не исключает погрешность, эфемерность и неабсолютность полученных числовых значений, образуя неустойчивый альянс взглядов отдельного представителя социальной группы в зеркале общественного мнения.

4) XXI век. Востребованность обретают методы качественного исследования: фокус-группа, биографический метод, глубинное интервью, метод Дельфи, case-study. Активно развивается и культивируется в сознании масс феномен «социобильность» - индивидуальная аддикция быть включенным и отождествленным в общности или группе. Балансируется и повышается применимость качественного методологического и методического инструментария, однако минимизируется состоятельность и доказательность процедурного этапа исследования. Трудоемко и финансово затратно становится проведение полноценного прикладного социологического исследования и получения релевантности данных, что на выходе существенно снижает валидацию, т.е. удовлетворенность требований заказчика предоставленной услугой [3, с. 567]. Деформируется аксиома того, что лишь то, что может быть опровергнуто, по-настоящему, научно.

Рассматривая пирамиду иерархизированности научного знания, А. И. Кравченко, констатирует факт того, что если общая теория характеризуется абстрактностью и трансцендентностью, то прикладная социология – проверкой всех слоев гуманитарного знания: строгостью, логичностью процедур, эмпирическими знаниями, индуцирующими прирост нового научного фундаментального знания. Интерпретируя понятийно-категориальный аппарат, определим прикладное социологическое исследование как систему логически последовательных методологических, методических и организационно-финансовых процедур, удовлетворяющих единую цель и потребность, а именно получение релевантных данных об изучаемом социальном явлении для последующего использования их на практике для оптимизации общественного модуса жизни. Традиционная природа прикладного социологического исследования начинается с прикладной концептуализации объекта. Вместе с тем, изучаемый объект необходимо включить в систему различий, которая позволит сделать из него предмет, некоторый язык описания (семантическое поле), который позволит сделать его доступным нашему когнитивному атрибутивному познанию. Семантическое поле детерминирует все последующие действия и операции различения, которыми предстоит оперировать в исследовании. За прикладной концептуализацией стоит фундаментальная, которая взаимообуславливает сопряженность того, что сделали предшественники.

Методологический уровень это теоретическая и концептуальная модель, основанная на определенной гносеологической парадигме, которая лежит в основе изучения и интерпретации предмета и конечных результатов исследования. Данный теоретический раздел включает в себя формулировку и обоснование социальной проблемы: объект и предмет исследования; цель и градиенту задач; операционализацию и интерпретацию ключевых дефиниций и категорий; верификацию гипотез или же рассмотрению и последующему нивелированию возникших противоречий, нарушающих законы формальной логики социологических фактов. Цель – сопряжение теоретического понятия с эмпирическими наблюдениями, т.е. объяснение через какие наблюдаемые признаки в социальной реальности фонтанирует теоретическое понятие. Интеграция теоретического и эмпирического массива позволяет с точностью определить потребность заказчика социологического исследования. Объект социологического исследования – носитель проблемы, которая имеет практический интерес и социальное значение для общества. Каждому объекту присущи концепты первой орбиты – это так называемые конститутивные признаки, то, что конституирует данный объект как объект в нашей системе различий. Носителем проблемы могут выступать конкретные социальные группы, этнические общности, управленческие организации, социальные страты, профессиональные коллективы. Предмет – аспект объекта, концептуальная рамка изучения, все то, с помощью чего исследуется объект. Объект – вещь в себе, а то, что мы можем знать об объекте – предмет. Проблема исследования – это несоответствие желаемого состояния социальной развитости агрегата действительности, характеризующаяся неустойчивостью и лабильностью, некому несоответствию его функционирования последующему качественному онтогенезу. Носитель проблемы переживает бифуркационное состояние, где точка развития претерпевает вероятностное состояние: перейти от хаоса к порядку или же отклонения от основного направления сменяются неустойчивостью социальной системы, что приведет к исследовательскому декадансу [4, с. 320].

Перевод объекта на применяемый научный язык, осуществление теоретического импорта – процедура концептуализации. Все то, что используется для предварительного прояснения природы предмета, обычно интерпретируется ресурсами концептуализации. Концепция должна быть подобна системам наведения на цель исследования, закладывая некую совокупность различий, т.е. основополагающее различие – граница между предметом исследования и идентификацией движущегося объекта, и теми предикатами, которые остаются второстепенными – за скобками различий.

Осуществляя операционализацию ключевых понятий исследования, рассмотрению и поиску подвергается система эмпирических индикаторов, где признак как переменная отражает параметр, величину, свойство предмета, изучаемого явления. Они подвергаются наблюдению и измерению. Каждому концепту – отдельный операнд. Например: возраст объекта, пол, место проживания, род занятий и т.д. Размерность признака принято отождествлять как отображение в системе показателей, т.е. их достаточность для наиболее полного представления свойства объекта. Затем формулируются рабочие гипотезы социологического исследования. Гипотезы могут быть сформулированы системой знаний, положением конкретной научной отрасли, гипотетической закономерностью или тенденцией о характере общественных социальных фактов и явлений.

Источниками гипотез предстают: обыденное знание (собственный жизненный чувственный опыт, имплицитные метафоры); формулировка гипотез с помощью метода аналогии; выдвижение гипотез в форме цитирования научных трудов, монографий, диссертаций (подтверждение / опровержение). К тому же, высокую частотность погрешности отражает верификация бездоказательных рабочих гипотез исследования, которые фиксируют искажение выдвинутого предположения о характере общественных объектов, их содержание и взаимодействие. Форма предположения или допущения гипотезы становится непригодной для рассуждения о предмете исследования: 1) содержит неинтерпретированные понятия; 2) взята из недостоверного источника; 3) противоречит социальным фактам; 4) претерпевает неактуальность сформулированного научного предположения; 5) гипотеза априори принципиально непроверяема; 6) не тождественна выбранной проблематике исследования. Проблемным полем методологического раздела является неправильное диагностирование социального противоречия на начальных этапах, где неверно определены обстоятельства, факторы и причины, которые способствовали возникновению проблемной ситуации. Зачастую иррационально и паллиативно осуществляется подбор индикаторов, происходит эффект «матурации», т.е. модификация естественных изменений в самом объекте экспериментирования [4, с. 325]. Такие систематические смещения или «смещения релевантности» нивелируют измеритель к самому измеряемому признаку. Ошибки релевантности возникают еще до процедуры измерения, и, даже если инструмент обладает высокой степенью совершенства, он может быть нерелевантен для определенного признака.

Методический уровень исследования компилирует целостность в выделении объема и структуры исследуемой совокупности (генеральной совокупности); характеристикой методического инструментария сбора информации (социологическими методами); построением логических схем обработки полученной количественной информации и логической схемой сопряженностей. Посредством определения выборочной совокупности, т.е. отбора объектов генеральной совокупности, происходит отбор единиц наблюдения, тех элементов выборочной совокупности, которые подлежат изучению. Выборка – определенное числовое значение элементов генеральной совокупности, отбираемых строго по запрограммированному правилу.

Структура выборочной совокупности должна максимально совпадать со структурой генеральной совокупности по контрольным признакам, отражать ее моделированный конструкт. В репрезентативном исследовании отклонение от выборочной совокупности, по контрольным признакам, не должно превышать погрешность в 5 % [5, с. 330]. Необходимое число единиц наблюдения из генеральной совокупности в выборочную обеспечивают качество объема выборки. Единицы наблюдения или единицы отбора (элементы закономерно отбираемые на пути выборки) допускаются логическому анализу основных понятий в два очерченных этапа: построение эмпирической системы и построение математической модели системы.

Количественно представить избранные и обоснованные теоретические понятия нацелено прямое измерение, где достижимым является непосредственно получение значений наблюдаемой переменной. Его средством является шкала, которая выступает измерительным инструментом. Шкала – система показателей, присваиваемых изучаемому объекту, т.е. это переменная с вариантами ответов. Это правило измерения, где каждому изучаемому объекту ставится в соответствие математический конструкт (числовая величина). Шкала-варианты одного класса ответов на вопросы анкеты, где вопрос представляет собой линейку. Проблемным полем данного раздела является неточное определение объема исследуемой выборки, отсутствие ее разнообразия и тождественности генеральной совокупности. В выборку призваны включаться те группы респондентов, которые способны реагировать на инструментальный по-разному. Цепной реакцией эпизодически неверно определяется качественный состав респондентов, который не отражает наиболее значимые для темы опроса социально-демографические признаки. Турбулентно определены методы сбора информации, где не учитывается оперативность и экономичность процедуры исследования, происходит ущерб качества данных.

Зачастую выбранный метод не отражает поставленную исследовательскую задачу или же отсутствует обоснованность и соблюдение правил применения. К тому же, высокой степенью дифференцированности характеризуются эпистемологические альтернативы количественных и качественных методов исследования.

Дискуссия о конкурирующих парадигмах в преимущественных значениях подхода бессмысленна, так как обеспечить релевантность исследования можно только при симбиотической взаимодополняемости количественных и качественных методов, в процентном соотношении 1:1. Другой, часто встречаемой ошибкой, является не соответствие выбранной шкалы исследования таким требованиям как: валидность (соответствие выбранных индикаторов изучаемым свойствам и качествам); полнота (учет всех значений индикатора); чувствительность (наличие достаточного числа значений в шкале для измерения свойств с точностью); надежность шкалы (устойчивость показателей и свойств объекта исследования при повторном использовании данной шкалы). Тем самым, критерии социологического измерения в равновесных шкалах нарушаются, так как помимо положительных и отрицательных полюсов оценок, должны быть представлены нейтральные (нулевые) значения [6; с.224]. Это приводит к деформации триангуляции данных, т.е. сопоставление полученной эмпирики качественным и количественным методическим каналам для их взаимной проверки и создания консистентной картины объекта. Составителю необходимо оценить логическое соответствие между смыслом формулировки вопроса и характером шкалы, по которой будут измеряться ответы. Важным видится учитывать, что некоторые вопросы ориентированы не на всех респондентов, а лишь на определенную категорию опрашиваемых, что требует от составителя предусмотреть фильтр отбора. Необходимо проводить процедуру контроля устойчивости шкалы посредством повторного измерения, использования нескольких акторов для измерения свойств шкальных значений, диагностировать чувствительность эталона измерения.

Процедурный уровень исследования представляет собой совокупность организационных, технических и финансовых мероприятий, необходимых для реализации всей технологии социологического исследования. Процедурный этап фокусируется на сборе первичных эмпирических данных посредством четырех собственно-социологических методов: опрос (интервьюирование / анкетирование), наблюдение (включенное/невключенное), эксперимент (практический/научный), анализ документов (качественный/количественный). Проводится дескриптивная работа с цифровыми массивами, регистрируются и анализируются взгляды респондентов о состоянии социологического объекта, посредством конструирования таблицы линейных распределений, проводится верификация данных, подкрепленная числовыми значениями, процентным соотношением данных. Обработка полученных данных обладает некоторой стадийностью: редактирование информации, кодирование, статистический и дисперсионный анализ и экспликация интерпретационных значений. В результате полевого этапа работы с социологическим объектом, информация фиксируется в итоговых аналитических документах (научный доклад; аналитическая записка; аналитический отчет).

Описанные документы должны обладать обзорностью, сжатостью, наглядностью, беспристрастностью и аналитическим аспектом, который связан с анализом и сопоставлением различных, зачастую полярных точек зрения, и формированием обоснованных научных оценок. Проблемное поле процедурного раздела заточено в проблеме самоописания. Такой «эффект бортового самописца» индуцирует ситуацию, когда исследователь в силу субъективности своей призмы познания или избыточного доверия объекту (линзы идеализации/деструктуризации), пользуется его самописанием и интерпретацией при обработке аналитических данных некритично. Полученный результат будет иметь вполне вероятностный характер, а его качественная составляющая будет определяться лишь интерпретационными способностями исследователя. Такая эвристическая методика факторного и кластерного анализа, состоит в том, что качество получаемых результатов верифицируется лишь критерием правдоподобности, что целиком относится к интерпретации исследователя.

Резюмируя концепты проведенного в статье корреляционного анализа, отметим ряд актуальных проблем, стоящих перед прикладной социологией в настоящее время:

- 1) Этические дилеммы. Обоснованное согласие респондентов и следование чувству долга в участии прикладного проекта, отсутствие процедуры дебрифинга;
- 2) Компромисс между внешней и внутренней валидностью;
- 3) Проблемы, свойственные межсубъектным/внутрисубъектным факторам (дисбаланс позиционного сравнения эквивалентных групп) [6, с. 227];
- 4) Концентрация на практическом решении точечных проблем при минимизации глубинной эндогенной теоретической рефлексии и методологического обоснования в собственно научных категориях;

5) Дефицитарность финансового обеспечения и стимулирования в лице заказчика исследования, низкоукладное материально-техническое оснащение акторов прикладного социологического исследования;

6) Методические и инструментальные погрешности исследования, отклонение результата измерений от реального значения измеряемой величины в связи с несовершенством выбранного социологического метода или систематической погрешности применяемого средства измерительных процедур;

7) Субъективная погрешность (личная погрешность), обусловленная индивидуальными характеристиками и субъективацией восприятия и издержками каузальной атрибуции исследователя.

Список источников

1. Качественные методы. Полевые социологические исследования (2014) / И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев, А. Левинсон ; под. ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетейя. 354 с.
2. Луков В. А. Тезаурусный подход и теория функциональных систем // Управление мегаполисом. 2014. № 5 (41). С. 7–17.
3. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности : учеб. пособие. М.: Омега-Л, 2011. 567 с.
4. Подмарков В. Г. Введение в промышленную социологию. М.: Мысль, 2019. 325с.
5. Компаративистика-II. Альманах сравнительных социогуманитарных исследований. М.: Социологическое общество им. М.М.Ковалевского, 2018. 330 с.
6. Шутов, В. Основы современной социологии. 15 фундаментальных законов. М.: Этерна, 2015. 227 с.

References

1. Steinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. *Qualitative methods. Field sociological research*. Edited by I. Steinberg. St. Petersburg: Aleteya. 2014: 354 p. (In Russ.)
2. Lukov V. A. Thesaurus approach and theory of functional systems. *Upravlenie megapolisom = Megapolis management*. 2014;5(41):7–17. (In Russ.)
3. Yadov V. A. *Strategy of sociological research: description, explanation, understanding of social reality: textbook. manual*. Moscow: Omega-L;2011. 567 p. (In Russ.)
4. Podmarkov V. G. *Introduction to industrial sociology*. Moscow: Mysl; 2019. 325 p. (In Russ.)
5. *Comparative Studies-II. Almanac of Comparative socio-humanitarian studies*. Moscow: M. M. Kovalevsky Sociological Society; 2018. 330 p. (In Russ.)
6. Shutov V. Fundamentals of modern sociology. 15 fundamental laws. Moscow: Eterna; 2015. 227 p. (In Russ.)

Информация об авторах

А. А. Иванова – канд. полит. наук, доц.;

Е. А. Гринченко – студ. 4 курса факультета политологии.

Information about the authors

A. A. Ivanova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor;

E. A. Grinchenko – Student of the 4th year of the Faculty of Political Science.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 27.02.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 27.02.2022.

Научная статья

УДК 351

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-240-245

РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ: РЕСУРСЫ ИСЧЕРПАНЫ ИЛИ «ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ»?

Роман Константинович Овчаренко¹, Ирина Александровна Лунева²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

¹alfa999@inbox.ru

²luneva-ia@ranepa.ru

Аннотация. Основное внимание исследователей в 2021 году было приковано к вопросам функционирования властно-управленческого аппарата в условиях санитарных ограничений, трансформации управленческих отношений в цифровой среде, под воздействием цифровизации, которая оказала существенное влияние на процессы управления и местного самоуправления. Такую гипотезу выдвинули авторы перед началом этого небольшого библиографического исследования. И в целях ее проверки авторами проведен контент анализ содержания номеров ведущих научных журналов за 2021 год, специализирующихся в том числе на управленческой проблематике. В то же время, авторы принимают во внимание тот факт, что реформу государственной и муниципальной службы «никто не отменял», более того, объективным условием для нового этапа этой реформы является трансформация властно-управленческой вертикали в связи с формированием института публичной власти. В связи с чем некоторые размышления на этот счет также нашли свое отражение в предлагаемой статье.

Ключевые слова: публичная власть, реформа, государственная служба, муниципальная служба, публичная служба, система публичной службы

Для цитирования: Овчаренко Р. К., Лунева И. А. Реформа государственной и муниципальной службы: ресурсы исчерпаны или «затишье перед бурей»? // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 240–245. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-240-245>.

Sociology Problems

Original article

PUBLIC AND MUNICIPAL SERVICE REFORM: ARE RESOURCES EXHAUSTED OR «THE CALM BEFORE THE STORM»?

Roman K. Ovcharenko¹, Irina A. Luneva²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹alfa999@inbox.ru

²luneva-ia@ranepa.ru

Abstract. The main attention of researchers in 2021 was devoted to the issues of functioning of the power and administrative apparatus in the conditions of sanitary restrictions, transformation of managerial relations in the digital environment, under the influence of digitalization, which had a significant impact on the processes of governance and local self-government. This is the hypothesis put forward by the authors before starting this small bibliographic study. And in order to test it, the authors conducted a content analysis of the content of the issues of the leading scientific journals for 2021, including those specializing in management problems. At the same time, the authors take into account the fact that the reform of state and municipal service "nobody cancelled", moreover, objective conditions for a new stage of this reform is the transformation of the power and management vertical in connection with the formation of the institution of public authority. In this regard, some reflections on this subject are also reflected in the proposed article.

Keywords: public authority, reform, state service, municipal service, public service, public service system

For citation: Ovcharenko R. K., Luneva I. A. Public and municipal service reform: are resources exhausted or «the calm before the storm»? *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):240–245. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-240-245>.

Как известно, начало двадцать первого века и третьего тысячелетия вообще в России ознаменовалось масштабной реформой государственного и муниципального управления, а также государственной и муниципальной службы в частности.

Сейчас мы не станем описывать все те изменения, которые прошла публичная служба (государственная и муниципальная) на пути своей институционализации в течение предыдущих 21 года. Не ставим мы перед собой и задачу сделать обзор научной литературы, в которой освещался ход этой реформы, поскольку это не имеет сейчас особого смысла, да и весьма затруднительно в виду огромного количества как научных журналов, так и самих статей, опубликованных в этих журналах.

Тем не менее, основное внимание исследователей в 2021 году было приковано не к вопросам реформирования государственной и муниципальной службы, а к проблематике функционирования властно-управленческого аппарата в условиях санитарных ограничений, трансформации управленческих отношений в цифровой среде, под воздействием цифровизации, которая оказала существенное влияние на процессы управления и местного самоуправления. Такую гипотезу выдвинули авторы перед началом этого небольшого библиографического исследования. И гипотеза эта несомненно связана с теми объективными процессами, протекающими на наших глазах: людей беспокоит больше всего то, что связано в цифровизацией и пандемией. Так ли это на самом деле?

Начало нового, 2022 года дает возможность увидеть предпочтения авторов, научную проблематику, которая разрабатывалась в течение 2021 года. Для проверки выдвинутой гипотезы проведен контент анализ содержания номеров ведущих научных журналов за 2021 год. Причем поле исследования мы ограничим наиболее известными центральными журналами, публикующими статьи в том числе по поднимаемой нами проблематике, журналом нашего Института – «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки», а также рядом специализированных журналов, которые мы держим в поле нашего зрения.

Итак, прежде всего отметим, что в течение всего 2021 года в журнале «Социологические исследования» не опубликовано ни одной статьи, посвященной проблемам реформирования государственной и муниципальной службы (статью Дятлова А.В. и Ковалева В.В. «Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении Юга России» [1] мы не принимаем во внимание, поскольку она все же посвящена проблематике совершенного иного института, нежели муниципальная служба).

Анализ содержания номеров журнала «Власть» за 2021 год показал, что в тот год ни одной статьи, посвященной проблематике реформирования государственной и муниципальной службы в этом журнале не опубликовано. Однако, справедливости ради, необходимо обратить внимание на статьи Дахина А.В., Иванова О.Б., поскольку уже в этих статьях поднимаются проблемы, рассматриваются проблемные вопросы, которые, вполне вероятно, станут трендами 2022 года – формирование системы публичной власти, встраивание местного самоуправления в эту систему [2, 3].

Отметим, что в одном из центральных журналов РАНХиГС «Социум и власть» за 2021 год также не было опубликовано ни одной статьи, посвященной проблематике реформирования государственной и муниципальной (публичной) службы (Public Service).

При этом следует учитывать, что указанные выше журналы, по нашему мнению, не являются специализированными изданиями в области проблематики государственной и муниципальной службы.

В связи с чем, представляет особый интерес изучение материалов журналов управленческой направленности.

В журнале Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова «Государственное управление. Электронный вестник» за 2021 годы было размещено всего две статьи по проблематике повышения квалификации в условиях цифровизации и развития компетенций, в том числе цифровых, государственных гражданских служащих [4, 5], как видно из названий этих статей, речь о муниципальных служащих здесь не идет. Причем опять-таки, статьи Григорьевой Н.С., Никитиной А.А. и Разумовского В.Ю., Телина К.О. и Филимонова К.Г. мы не будем принимать во внимание, поскольку они, конечно же, являясь весьма яркими и достаточно интересными в рамках управленческой

тематики, напрямую не рассматривают проблемы реформирования государственной и муниципальной (публичной) службы [6, 7, 8, 9].

По итогам изучения номеров журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки» за 2021 год мы пришли к выводу о том, что несмотря на обилие статей управленческой тематики, в части проблематики, касаемой государственной службы, мы условно выделим одну основную группу поднимаемых проблем – проблем профессионального развития государственных служащих в условиях пандемии, цифровой компетентности госслужащих, новых подходов к реализации кадровой политики (Баранов А.В., Котлярова О.В., Тагаев А.В., Ивлева О.А., Попова Е.А., Медякова Е.М., Морозова А.И.). И лишь одна статья Фаттахова Р.В. и Пивоваровой О.В. посвящена собственно проблеме реформирования муниципальной службы в Российской Федерации.

Далее, следует отметить довольно существенный блок статей, посвященных проблемам совершенствования государственного управления в связи с процессами цифровизации и местного самоуправления (Брюхановой Н.В., Уваровой Г.Г., Скидан А.В., Дятлова А.В.), однако ж, если они и связаны с реформированием государственной и муниципальной службы, то весьма отдаленно и лишь отчасти.

С особым вниманием нами изучено содержание номеров журнала «Государственная служба» за 2021 год.

Периодичность этого журнала составляет четыре номера в год. Исследовав содержание которых, мы увидели, что непосредственно вопросам реформирования, развития, совершенствования госслужбы в правовом аспекте, посвящено всего две статьи [10, 11]. Это, конечно, больше, чем ничего, однако нельзя констатировать наличие высокой активности авторов по данной проблематике и в этом журнале.

Итак, исходя из проведенного исследования, мы видим, что основным трендом прошлого, 2021 года, в части проблематики государственной и муниципальной службы стало рассмотрение вопросов профкомпетенций, профразвития, кадровой политики, естественно через призму ограничительных мер и внедрения цифровых технологий, если не считать второго важного направления (которое в рамках данной статьи мы не принимаем во внимание) – совершенствование государственного управления в цифровой среде, под воздействием цифровизации, посредством цифровых технологий.

И тут возникает закономерный вопрос: связан ли этот слабый интерес авторов к проблеме реформы государственной и муниципальной службы с отсутствием фактических изменений в государственной, муниципальной службе?

Тогда мы приняли решение исследовать вопрос, были ли какие-либо изменения в законодательстве о государственной и муниципальной службе за 2021 год?

Мы увидели, что в 2021 году в Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» было внесено только одно изменение и связано оно с уточнением понятий «государственная служба», «федеральная государственная гражданская служба» в связи с появлением таких терминов как – «органы публичной власти федеральной территории», «полномочия органов публичной власти федеральной территории».

В Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» было внесено шесть изменений, в частности (не претендуя на полный обзор) укажем на следующие: были внесены поправки в ограничения связанные с гражданской службой; также уточнено понятие гражданской службы в связи с новым термином «органы публичной власти федеральной территории»; уточнены моменты, связанные со сроками замещения гражданским служащим должности гражданской службы в порядке ротации, а также некоторых вопросов формирования денежного содержания госслужащих.

Причем из всех этих, кажущихся точечными, техническими и процедурными, поправок обратим внимание на появления термина «публичная власть» уже и в законодательстве о государственной службе.

А что же в течение 2021 года произошло с законом о муниципальной службе?

В течение 2021 года в него были внесены изменения дважды: отредактировали пункт 9 и ввели дополнительно пункт 9.1 части 1 статьи 12 об основных обязанностях муниципального служащего, а также пункты 6, 7 части 1 статьи 13 об ограничениях, связанных с муниципальной службой (в части вопросов гражданства муниципального служащего), внесены изменения в часть 3 статьи 9 (о доптребованиях к кандидату на должность главы местной администрации).

Таким образом, мы видим, что каких-либо значительных изменений в законодательстве о государственной и муниципальной службе в 2021 году не произошло.

Но тут же возникает контрвопрос, если отсутствие статей по проблематике развития государственной и муниципальной службе связано с отсутствием кардинальных изменений в этих институтах, то значит ли это, что авторы способны лишь рефлексировать, описывать фактические новеллы законодательства, но не смотрят вперед, недальновидны, не способны прогнозировать такие изменения, готовить теоретико-методологическую почву для таких изменений?

Или же авторы на методологическом уровне полагают, что ресурсы реформы государственной и муниципальной службы исчерпаны и не видят смысла в дальнейших преобразованиях, в виду чего и не обращаются к этой проблеме?

Или же тренд формирования публичной власти проявился лишь в конце года, и авторы не успели обратить на него внимание?

Тем не менее отметим, что в 2021 году принят Федеральный закон о публичной власти¹, прошел в первом чтении проект федерального закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Учитывая, что собственно говоря само понятие публичной власти было, скажем так, узаконено в новой редакции Конституции РФ, посредством произведенных в нее поправок, чем и была укреплена властная вертикаль без нарушения установленной изначально автономии местного самоуправления, мы можем предположить, что дальнейшее проникновение «публичности» вполне логично и в сферу государственной и муниципальной службы, что позволит обеспечить еще более тесную спайку этих направлений профессиональной деятельности современных российских чиновников.

И действительно, на сегодняшний день между государственной гражданской службой и муниципальной службой общего гораздо больше, чем различий. И мы сейчас не говорим только о тех моментах взаимосвязи государственной службы и муниципальной службы, отраженных в соответствующих статьях Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», «О муниципальной службе в Российской Федерации»:

- 1) соотносительности основных условий и размеров оплаты труда, основных государственных социальных гарантий;
- 2) установления ограничений и обязательств при прохождении государственной службы Российской Федерации различных видов;
- 3) учета стажа государственной службы Российской Федерации иных видов при исчислении стажа гражданской службы;
- 4) соотносительности основных условий государственного пенсионного обеспечения граждан, проходивших государственную службу Российской Федерации.

Между гражданской службой и муниципальной службой общего гораздо больше, чем отражено в законах. Практически идентичные виды службы по своему характеру и содержанию и зачастую самими чиновниками воспринимаются фактически как разные уровни единой системы.

Тем не менее, необходимо учитывать и определенные нюансы, которые отделят государственную службу от службы муниципальной – например, разные наниматели для государственных и муниципальных служащих и прочее. Таким образом, видится, что в настоящее время уже фактически вызрела единая система государственной и муниципальной (публичной) службы, но с другой стороны-де юре это разные виды профессиональной деятельности, причем, согласно закону, муниципальная служба не относится к служебной деятельности, в отличие от гражданской.

Авторам видится, что введение термина публичная служба, или же, скорее всего, «система публичной службы», позволит перевести ситуацию единства государственной и муниципальной службы из состояния де-факто, в состояние де-юре, причем без изменения существующих норм действующего законодательства, параллельно с «обезличиванием» властно-бюрократического аппарата.

Итак, мы видим, что прошлый, 2021 год, был посвящен в основном исследованиям цифровизации в сфере государственного управления, государственной службы.

И, конечно же, этому во многом способствовали объективные факторы, прежде всего ограничительные меры, принимаемые по санитарным соображениям.

В то же время, помимо плюсов цифровизации, а также некоторых выделенных уже в статьях других авторов угроз, которые с ней связаны, мы хотели бы обратить особое внимание на немаловажную угрозу-угрозу импортозависимости от «зарубежных поставок» программного обеспечения, его обслуживания (регулярного обновления), информационных технологий, технических средств,

¹Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об Общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»

используемых в цифровом управлении, которое опять таки, по большей мере иностранного производства.

И это очень важный аспект цифровизации – информационная зависимость, информационная безопасность государства. И очень важной проблемой цифровой экономики, цифрового управления в России будет являться вопрос «цифрового импортозамещения», предотвращения или хотя бы минимизации зависимости от зарубежных компаний в IT сфере, создания всех условий для разработок отечественного программного обеспечения и развития отечественных IT компаний.

При этом, вернемся к основной идее статьи – что же станет новым этапом реформирования госслужбы, будет ли он, и когда он будет?

Думается, что формирование системы публичной службы и может по всей вероятности стать новым этапом реформы государственной и муниципальной службы, который приведет «обслуживающий» власть бюрократически-административный аппарат, институт государственной и муниципальной службы в форму, соответствующую форме самой власти, которая де юре становится «публичной».

Не исключено, что 2022 год ознаменуется появлением совершенно новых тенденций в системе государственной службы, прогнозирование появления которых путем простой экстраполяции предположить затруднительно, в силу того, что события не всегда разворачиваются линейно.

Возможно, мы несколько гиперболизировали название статьи, предположив, что 2021 год стал «затишьем перед бурей», но то, что мы стоим на пороге очередного этапа мощных преобразований в системе госслужбы, которые «потянут» за собой изменения, касаемые формирования института публичной власти, это, по нашему мнению, весьма и весьма вероятно.

Список источников

1. Дятлов А. В., Ковалев В. В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 66–77.

2. Дахин А. В., Балужева И. В., Давыдов С. В., Щетинина О. В. Система публичной власти и региональная стратификация политического пространства России: институты в поиске социального субъекта // Власть. 2021. Том 29. № 4. С. 9–21.

3. Иванов О. Б. Местное самоуправление после принятия поправок к Конституции Российской Федерации: перспективы развития, правовое регулирование // Власть. 2021. Том 29. № 2. С. 118–122.

4. Авилкина С. В. Повышение квалификации государственных гражданских служащих субъектов РФ в условиях цифровизации // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 84. Февраль 2021. С. 187–206.

5. Кайсарова В. П., Винокурова М. Ю. Профессиональное развитие цифровых компетенций современных государственных служащих: российский и зарубежный опыт // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 88. Октябрь 2021. С. 216–232.

6. Григорьева Н. С. Совершенствования контроля и регламента органов государственной власти как условие эффективной законотворческой деятельности // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 87. Август 2021. С. 151–157.

7. Никитина А. А. Формы непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления в Ростовской области: правовое регулирование и практика // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 88. Октябрь 2021. С. 119–133.

8. Разумовский В. Ю. Региональные режимы правления в контексте генезиса российского федерализма: сущность, противоречия, результаты деятельности // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 88. Октябрь 2021. С. 146–160.

9. Телин К. О., Филимонов К. Г. О политике управляемости в современной России // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 88. Октябрь 2021. С. 161–172.

10. Гончарова Е. А. Инновации в правовом регулировании государственной гражданской службы Липецкой области // Государственная служба. 2021. № 4 (132), С. 29–35.

11. Дегтярев М. В. Экспериментальное законодательство: некоторые концептуальные подходы к объяснению // Государственная служба. 2021. № 2. (130). С. 16–23.

References

1. Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Transformation of the Institute of City Management in the municipal administration of the South of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2021;(3):66–77. (In Russ.)

2. Daxin A.V., Balueva I.V., Davydov S.V., Shhetinina O.V. The system of Public Power and the regional Stratification of Russia's Political Space: institutions in search of a social subject. *Vlast' = The Authority*. 2021; (4): 9–21. (In Russ.)
3. Ivanov O.B. Local self-government after the adoption of amendments to the Constitution of the Russian Federation: prospects for development, legal regulation. *Vlast' = The Authority*. 2021; (2): 118–122. (In Russ.)
4. Avilkina S.V. Professional development of state civil servants of the subjects of the Russian Federation in the conditions of digitalization. *Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronnyj vestnik = E-journal. Public Administration (Russia)*. 2021; (84): 187–206. (In Russ.)
5. Kajsarova V.P., Vinokurova M.Yu. Professional development of digital competencies of modern civil servants: Russian and foreign experience. *Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronnyj vestnik = E-journal. Public Administration (Russia)*. 2021; (88): 216–232. (In Russ.)
6. Grigor'eva N.S. Improving the control and regulation of public authorities as a condition for effective legislative activity. *Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronnyj vestnik = E-journal. Public Administration (Russia)*. 2021; (87): 151–157. (In Russ.)
7. Nikitina A.A. Forms of direct participation of the population in the implementation of local self-government in the Rostov region: legal regulation and practice. *Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronnyj vestnik = E-journal. Public Administration (Russia)*. 2021; (88): 119–133. (In Russ.)
8. Razumovskij V.Yu. Regional regimes of Government in the context of the Genesis of Russian Federalism: essence, contradictions, results of activity *Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronnyj vestnik = Public administration. Electronic Bulletin*. 2021; (88): 146–160. (In Russ.)
9. Telin K.O., Filimonov K.G. On the Politics of Governability in Contemporary Russia. *Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronnyj vestnik = Public administration. Electronic Bulletin*. 2021; (88): 161–172. (In Russ.)
10. Goncharova E.A. Innovations in legal regulation of the state civil service of the Lipetsk region. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration*. 2021; (4): 29–35. (In Russ.)
11. Degtyarev M.V. Experimental legislation: some conceptual approaches to explanation. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration*. 2021; (2): 16–23. (In Russ.)

Информация об авторах

Р. К. Овчаренко – докт. социол. наук, доц., зав. кафедрой социологии;
И. А. Лунева – ст. преп. кафедры социологии;

Information about the authors

R. K. Ovcharenko – Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology;
I. A. Luneva – Senior Lecturer of of the Department of Sociology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.02.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 11.03.2022.
The article was submitted 25.02.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 11.03.2022.

Научная статья

УДК 316

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-246-250

**ОБОСНОВАНИЕ МУЛЬТИ-, МЕЖ- И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДОВ
ДЛЯ АНАЛИЗА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
В УСЛОВИЯХ УСЛОЖНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ**

Наталья Борисовна Помозова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, npomozova@mail.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка обосновать востребованность мульти-, меж- и трансдисциплинарного подхода к исследованию социального феномена международных отношений и внешней политики как их составляющей. Ввиду многомерного характера объекта исследования в условиях усложняющейся социокультурной динамики инструментарий одной дисциплины оказывается недостаточным для глубокого анализа. В то время как результаты, полученные на стыке нескольких наук, а также при помощи гибридных дисциплин или с применением трансдисциплинарного подхода, предполагающего их интерактивное и рефлексивное взаимодействие, могут лучшим образом удовлетворять современный научный запрос.

Ключевые слова: социология политики, мультидисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность, внешняя политика

Для цитирования: Помозова Н. Б. Обоснование мульти-, меж- и трансдисциплинарного подходов для анализа внешней политики в условиях усложняющейся социокультурной динамики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 246–250. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-246-250>.

Sociology Problems

Original article

**SUBSTANTIATION OF MULTI-, INTER- AND TRANSDISCIPLINARY APPROACHES
FOR THE ANALYSIS OF FOREIGN POLICY IN THE CONTEXT
OF INCREASINGLY COMPLEX SOCIOCULTURAL DYNAMICS**

Natalia B. Pomozova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, npomozova@mail.ru

Abstract. The article attempts to substantiate the demand for a multi-, inter- and transdisciplinary approach to the study of the social phenomenon of international relations and foreign policy as their component. In view of the multidimensional nature of the object of research in the context of the increasingly complex socio-cultural dynamics, the tools of one discipline are insufficient for in-depth analysis. At the same time, the results obtained at the intersection of several sciences, as well as using hybrid disciplines or using a transdisciplinary approach, involving their interactive and reflective interaction, can best satisfy modern scientific demand.

Keywords: sociology of politics, multidisciplinary, interdisciplinarity, transdisciplinarity, foreign policy

For citation: Pomozova N. B. Substantiation of multi-, inter- and transdisciplinary approaches for the analysis of foreign policy in the context of increasingly complex sociocultural dynamics. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):246–250. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-246-250>.

Введение. Быстрые и радикальные перемены в современной общественной жизни, спровоцированные распространением компьютерных технологий и электронных средств информации и коммуникации, усложнили её, затруднили исследование и понимание, обусловили необходимость новых подходов к задачам, которые зачастую не могут быть решены при помощи инструментария одной области научного знания. Еще в XIX в. один из основоположников современной социальной науки в ее широком понимании О. Конт говорил о важности объединения элементов ее различных отраслей, заметив, что попытки сосредоточиться на деталях подавляют дух единства или, по крайней мере, глубоко его подрывают [1, с. 60].

Идея о необходимости взаимодействия ученых из различных областей науки, причем не только в сфере гуманитарного, но и естественно-научного знания, получила популярность на Западе,

начиная с середины XX в. и развивалась такими теоретиками, как Э. Морен, Т. Ремадье, Р. Миллер, М. Сомервилл, Д. Раппорт, Р. Гарсия, М. Финкенталь и др. В социологии данный подход нашел отражение в теории морфогенеза, культуры и деятельности М. Арчер, космополитической методологии У. Бека, структуралистском конструктивизме П. Бурдьё, теории структуризации Э. Гидденса, социальном действии и социальной системе Т. Парсонса, теории становления и общества травм Дж. Александера и П. Штомпки и др. Хотя в отечественной науке мысль о продуктивности сочетания различных дисциплин для комплексного и эффективного анализа звучала еще в трудах П. Сорокина, считавшего культуру, общество и личность системами, испытывающими взаимную зависимость, а их структуру – взаимосвязанность, последовательное развитие она получила несколько позже, чем в западной науке. Эпистемологии гибридных теоретических методов исследования посвящены работы таких российских исследователей, как И.Т. Касавин, Е.Н. Князева, А.В. Лубский, С.В. Позднеева, С.А. Кравченко и др. Данный подход лег в основу некоторых современных социологических парадигм, предложенных отечественными учеными, например: диагностика сложного социума (М.К. Горшков), социолитературный нарратив (В.Н. Иванов), теория парадоксального человека и кентавр-проблем (Ж.Т. Тощенко), концепции «играизации» и «нормальной аномии» (С.А. Кравченко).

Мульти-, меж- и трансдисциплинарность как основа анализа социального феномена внешней политики

В рамках метапарадигмы принято выделять мультидисциплинарный (полидисциплинарный), междисциплинарный и трансдисциплинарный подходы, которые, правда, нуждаются в дополнительном уточнении ввиду того, что в научной как зарубежной, так и отечественной литературе нередки случаи отождествления или использования разных смыслов этих относительно недавно появившихся терминов.

В настоящее время ведется также дискуссия о неординарности в контексте возникновения новых областей исследования за пределами общепринятых дисциплинарных границ, определяемых беспрецедентными социальными, экономическими, политическими и проч. реалиями и требующие радикализации и некоторых трансдисциплинарных стратегий [2–4]. С.А. Кравченко выделяет постдисциплинарную методологию, характерную для теорий постмодерна, изучающих вызовы, отличающиеся нелинейностью возникновения. Постдисциплинарность предполагает использование самых разных институциональных и не институциональных пластичных методов, часто наполненных авторским смыслом, задачей которых является исследование «жизни в контексте ее новых парадоксов, нелинейного развития, переоткрытия социальной реальности, процессов самоорганизации социума, «обеспечивающих возникновение порядка из хаоса» [5, с. 20]. Утверждения же о неприменимости социальных наук к «незападным» обществам, по мнению И. Гофмана, влекут за собой «непризнание внутрдисциплинарных идентичностей и междисциплинарных границ: постмодернизм носит принципиально интер-, мульти-, транс- и даже антидисциплинарный характер» [6, с. 18].

Внешняя политика, в самом широком понимании, представляет собой комплекс действий государства на международной арене. Согласно определению политико-терминологического словаря, под ней подразумевается политика, «регулирующая межгосударственные и международные отношения на основе международного права, межгосударственных договоров и соглашений» [7, с. 32]. Другая трактовка сути исследуемого понятия представлена в словаре-справочнике по политическим наукам: «деятельность государства на международной арене, а также общественных и политических организаций вне национальных границ по осуществлению своих потребностей и интересов» [8]. Оксфордский словарь предлагает определение внешней политики как «государственной стратегии по взаимодействию с другими нациями» [9].

Однако внешняя политика не ограничивается действиями государства и его институтов вне своих границ, она предполагает целый комплекс стратегий, мыслей акторов, ее осуществляющих, дискурсов, выражающихся в конкретных практических проявлениях, наделенных рефлексивным характером. В этой связи, как объект исследования, она требует взаимодействия различных дисциплин (социологии, политологии, истории, философии) для комплексного анализа и возможности более точного прогнозирования. Развитию современной политической науки присущи несколько основных тенденций: во-первых, междисциплинарный характер исследований, в частности, сотрудничество политологии с другими научными знаниями дал возможности развития таких междисциплинарных дисциплин, как политическая социология, политическая антропология, политическая психология, политическая география (геополитология), экологическая политика, политика в области науки и технологий и аналитическая политика (эконометрика). Во-вторых, политология направлена на решение актуальных социальных проблем, отражая специфику процесса познания современных социальных наук от отрасли науки в чистом виде до проблемно-ориентированной трансформации, что приводит к востребованности отраслевых дисциплин для решения стоящих перед учеными и обществом социально-политических задач [10, с. 353].

Для мультидисциплинарности характерно изучение объекта одновременно несколькими научными дисциплинами при сохранении каждой из них собственных теоретических допущений и методологии, однако при этом каждая дисциплина испытывает влияние других областей научного знания, участвующих в процессе исследования. Междисциплинарность отличается более сложной методологией по сравнению с мультидисциплинарностью ввиду того, что она предполагает синтез, «скрещивание» инструментария дисциплин, обладающих собственной терминологией, подходов и методов, при этом она может ставить под сомнение элементы дисциплин, сужая или расширяя рамки их научного познания. Основная сложность, возникающая при применении междисциплинарного подхода связана с разницей в когнитивных методах, терминологии, интерпретациях, на первый взгляд, не связанных между собой наук, преодоление которой требует отдельных усилий и, возможно специализированной подготовки кадров.

Так, например, нейробиология, обладая значительным потенциалом с точки зрения междисциплинарного анализа внешней политики, способна дать ответы на вопросы о том, что именно вызывает у людей, принимающих политические решения (political decision makers) ту или иную реакцию и как эта реакция изменяется в кризисных и стрессовых ситуациях. В данном случае речь идет об анализе поведенческих тенденций с точки зрения нейробиологии, психологии и политической социологии. Дж. Рэншон и Д. Канэман выдвигают гипотезу о том, что политические лидеры, подверженные определенным неврологическим состояниям (ввиду психологических либо физиологических особенностей), более склонны к конфликтам, при этом тенденция может усиливаться в условиях автократии. Кроме того, химические реакции в организме (воздействие гормонов на функции мозга) влияют на способность анализа вариантов действий. Исследователи основывают свое предположение на гибридном подходе неврологии и политологии и утверждают, что по мере разрушения барьеров между дисциплинами открываются новые возможности для комплексного анализа внешнеполитических проблем [11, с. 57]. Дж. Куглер и П. Зак обогащают приведенную гипотезу дополнительными исследованиями в области нейробиологии, и утверждают, что процесс выброса окситоцина в кровь недооценен с точки зрения влияния на социальное взаимодействие индивидов, и в стрессовых/конфликтных ситуациях их склонность к общению и компромиссам снижается. С точки зрения ученых, нейрополитический инструментарий, который включает себя анализ доверия, сотрудничества и конфликта в области международных отношений обладает широким спектром возможностей для исследования внешней политики. Доверие представляет собой ресурс, который сложно измерить эмпирически, однако ввиду того, что он оказывает существенное влияние на расстановку сил на международной арене, за него ведется борьба между государствами. Так, работы в области нейроэкономики показали значимость гормона окситоцина как ключевого фактора, способного повысить уровень доверия, а также выявили физиологические и бихевиористские эффекты проявления недоверия, свойственные и для области международных отношений.

Дж. Коутс предпринял попытку проследить зависимость между успехом, который способствует выработке тестостерона, вызывающим уверенность в себе, в своих силах [12]. Однако определенный уровень этого гормона в крови может привести к ощущению чрезмерной самоуверенности, которая, в свою очередь, влечет за собой принятие резких решений, не соизмеримых с реальными ресурсами. Данный междисциплинарный подход применим и в области внешней политики, в рамках которого полезно проследить взаимовлияние личного (или на макроуровне – успеха страны или организации, которую представляет актер) успеха, спровоцированного им выделения окситоцина и принятия решений, которые на этом фоне могут носить несоизмеримый с реальным потенциалом и, в конечном итоге, деструктивный характер (а в случае ядерных держав – экзистенциальную угрозу).

В контексте внешней политики дискурс-анализ на стыке дискурсологии, ономастики, лексикологии, социолингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, сочетающий текстовый и контекстный анализ, позволяет делать выводы, необходимые для изучения социологических процессов в международной политике. «Такой комплексный анализ позволяет обеспечить лучшее понимание сложных социальных практик, институтов и политических процессов – объектов, лежащих в плоскости интересов политологов» [13, с. 47].

Термин «трансдисциплинарность» был введен в научный оборот в 1970 г. практически одновременно астрофизиком Э. Янчем и психологом Ж. Пиаже. Янч дал его первое определение как «координации всех дисциплин и междисциплин в образовательной/инновационной системе на основе обобщенной аксиоматики» [14]. Пиаже был ближе к значению мульти – и междисциплинарности, но не тождества ни одному из этих подходов. Эти идеи затем развивали Э. Морен и Б. Николеску, исследуя подход которых Е.Н. Князева заключила, что, выходя за рамки отдельных дисциплин, трансдисциплинарность создает холистическое видение предмета исследования путем переноса когнитивных структур из одной области научного познания в другую, благодаря чему появляются совместные проекты познания [15]. В рамках трансдисциплинарного подхода каждая дисциплина

исследует лишь отдельный эпизод (уровень) реальности, при этом задачей является формирование знания об общей динамике изучаемого процесса, на нескольких уровнях реальности, которыми заняты отдельные дисциплины. Однако трансдисциплинарность не противоречит междисциплинарности, собирая составляющие части реальности в единое целое. Междисциплинарный подход характерен для исследования дискурса, который является одним из предметов изучения политической социологии. Целый спектр проблем социально-гуманитарных наук решается с привлечением этого понятия и при обращении к дискурсной тематике: от лингвопрагматических аспектов коммуникации до вопросов конструирования социальной реальности. Общим, интегративным полем такого рода исследований часто признается относительно новое явление в социально-гуманитарных науках – дискурс-анализ.

Трансдисциплинарность как попытка преодолеть разрозненность дисциплин, раздробленность знания возможна лишь при сохранении двойственного состояния дисциплин, участвующих в ее процессах – закрытость с точки зрения приверженности своему предмету с тем, чтобы не утратить свой ресурс, и в то же время открытость для участия в новых когнитивных схемах. Одной из созидательных особенностей такого метода является стремление связывать различные элементы, составляющие объект исследования, причем речь идет не только о междисциплинарных связях в поисках метаподхода, но и знания и действия, традиционного и новаторского. При этом нельзя упускать из внимания и перманентную саморефлексию исследователей, оказывающую значительное и непрерывное влияние на процесс познания.

Важное значение имеет также организация самой процедуры научного познания, особенно при меж- и трансдисциплинарном подходах. Если полидисциплинарность позволяет последовательно обращаться к результатам, полученным в рамках каждой из наук, методы которой используются в исследовании, то меж- и трансдисциплинарные подходы, возможно, уже сами по себе предполагают коллективное исследование, осуществляемое несколькими учёными параллельно [16].

Заключение. Сегодня социальные науки, в том числе политическая социология, должны стремиться «преодолевать дисциплинарную односторонность социального познания и методологическую ограниченность мультипарадигмальных научно-исследовательских практик. В связи с этим социология призвана одновременно решать проблемы как внутридисциплинарной интеграции, так и междисциплинарного сотрудничества» [17, с. 5]. Внешняя политика как социальный феномен отличается не только сложностью процессов ввиду множества задействованных акторов, но и испытывая внешнее влияние постоянно меняющейся среды, сама по себе подвержена социологической рефлексии и не может быть адекватно исследована с позиции одной дисциплины, в силу чего необходимо развивать трансдисциплинарный подход к ее анализу, инструменты которого на данном этапе, по крайней мере, в отечественной науке применяются отнюдь не в полном объеме.

Список источников

1. Kapp, W. *Toward a Science of Man in Society: A Positive Approach to the Integration of Social Knowledge* (Martinus Nijhoff: The Hague, Netherlands), 1961.
2. Aalto, Pami. 2015. "Interdisciplinary International Relations in practice". *International Relations* 29: 255–259.
3. Anderson, Sheldon, Mark Allen Peterson, Stanley W. Toops, and Jeanne A.K. Heyt. 2014. *International Studies: An Interdisciplinary Approach to Global Issues*, 3 edn. Boulder, CO: Westview.
4. Yetiv, S. and James, P. *Advancing Interdisciplinary Approaches to International Relations*. 2017. Palgrave Macmillan.
5. Кравченко С.А. Развитие предмета социологии: от монодисциплинарности к меж- и постдисциплинарности // *Социологические исследования*. 2020. №3. С. 16–26.
6. Гофман А.Б. «Интер», «мульти», «транс» и «пост»: социология, дисциплинарность и постмодернизм // *Социологические исследования*. 2021. №2. С. 15–25.
7. Абдрашев А.Б., Эшиев А.К. *Политико-терминологический словарь*. Жалал-Абад, 2012.
8. *Политическая наука: Словарь-справочник* / Авт. и сост.: Санжаревский И.И.М. 2010.
9. Lexico. Oxford Dictionary. [Режим доступа] URL: https://www.lexico.com/definition/foreign_policy?locale=en (дата обращения: 11.10.2021).
10. Chanthamith B, Wu M, Yusufzada S, et al. Interdisciplinary relationship between sociology, politics and public administration: Perspective of theory and practice. *Sociol Int J*. 2019; 3(4):353–357. DOI: 10.15406/sij.2019.03.00198.
11. Renshon J, Kahneman D. *Hawkish Biases and the Interdisciplinary Study of Conflict Decision-Making*.
12. Coates, John. 2012. *The Hour Between Dog and Wolf. How Risk Taking Transforms Us, Body and Mind*. New York: Penguin Press/Random House.
13. van Dijk T.A. *Discourse as social interaction: Discourse studies: A multidisciplinary introduction*, 1997. Vol. 2. Sage Publications.

Sociology Problems

Pomozova N. B. *Substantiation of multi-, inter- and transdisciplinary approaches for the analysis of foreign policy...*

14. Jantsch E. Towards interdisciplinarity and transdisciplinarity in education and innovation. In Centre for Educational Research and Innovation (CERI) (Ed.), *Interdisciplinarity: Problems of teaching and research in universities*. Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development. 1972.

15. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10. С. 193–201.

16. Литвак Н.В. К вопросу о коллективной теоретической работе // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 232–236.

17. Лубский А.В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 3–11.

References

1. Kapp, W. *Toward a Science of Man in Society: A Positive Approach to the Integration of Social Knowledge* (Martinus Nijhoff: The Hague, Netherlands), 1961.

2. Aalto, Pami. "Interdisciplinary International Relations in practice". *International Relations*. 2015;(29): 255–259.

3. Anderson, Sheldon, Mark Allen Peterson, Stanley W. Toops, and Jeanne A.K. Heyt. *International Studies: An Interdisciplinary Approach to Global Issues*, 3 edn. Boulder, CO: Westview. 2014.

4. Yetiv, S. and James, P. *Advancing Interdisciplinary Approaches to International Relations*. 2017. Palgrave Macmillan.

5. Kravchenko S.A. Development of the subject of sociology. From monodisciplinarity to inter- and postdisciplinarity. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological studies*. 2020;(3):16–26. (In Russ.)

6. Gofman A.B. "Inter", "multi", "trance" and "post": sociology, discipline and postmodernism. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological studies*. 2021;(2):15–25. (In Russ.)

7. Abdrashev A.B., Eshiev A.K. *Political terminological dictionary*. Zhalal-Abad, 2012. (In Russ.)

8. *Political science: Dictionary-reference book*. Sanzharevskij I.I.M. 2010. (In Russ.)

9. *Lexico. Oxford Dictionary*. Available from: https://www.lexico.com/definition/foreign_policy?locale=en [Accessed 11 October 2021].

10. Chanthamith B, Wu M, Yusufzada S, et al. Interdisciplinary relationship between sociology, politics and public administration: Perspective of theory and practice. *Sociol Int J*. 2019; 3(4):353–357. DOI: 10.15406/sij.2019.03.00198.

11. Renshon J., Kahneman D. *Hawkish Biases and the Interdisciplinary Study of Conflict Decision-Making*.

12. Coates, John. 2012. *The Hour Between Dog and Wolf. How Risk Taking Transforms Us, Body and Mind*. New York: Penguin Press/Random House.

13. van Dijk T.A. *Discourse as social interaction: Discourse studies: A multidisciplinary introduction*, 1997;(2). Sage Publications.

14. Jantsch E. *Towards interdisciplinarity and transdisciplinarity in education and innovation*. In Centre for Educational Research and Innovation (CERI) (Ed.), *Interdisciplinarity: Problems of teaching and research in universities*. Paris: Organisation for Economic Cooperation and Development; 1972.

15. Knyazeva E.N. Transdisciplinary research strategies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universitet = Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University*. 2011;(10):193–201. (In Russ.)

16. Litvak N.V. On the issue of collective theoretical work. *Vestnik MGIMO = Bulletin of MGIMO*. 2012;(4):232–236. (In Russ.)

17. Lubsy A. V. Interdisciplinary scientific research: cognitive "fashion" or social "challenge". *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological studies*. 2015;(10):3–11. (In Russ.)

Информация об авторе

Н. Б. Помозова – канд. социол. наук, доц.

Information about the author

N. B. Pomozova – Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 27.02.2022.

The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 27.02.2022.

Научная статья

УДК 316.74:2(470.67)

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-251-256

МОТИВАЦИЯ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ВОЛОНТЕРСКОМ ДВИЖЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА)

Рашид Омариевич Рамазанов

Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия, rashram@yandex.ru

Аннотация. Проблема волонтерства и волонтерского движения в современном российском обществе актуализировалась по целому ряду причин, среди которых можно преобразования, большего негативного характера, в области социальной политики, и как следствие появление большого пласта бедного населения, которое не может удовлетворить свои минимальные материальные потребности. Не только эти факторы, но и многие другие причины способствовали появлению людей с активной гражданской позицией, которые самоорганизовались, причем, не возлагая никакие надежды на власть, для оказания помощи населению, конкретно взятому человеку в сложной жизненной ситуации. Поэтому актуальным является установление мотивации участия населения в волонтерском движении. По результатам исследования установлено, что для респондентов ключевым стимулом участия в волонтерском движении являются морально-нравственные принципы, желание помогать нуждающимся людям. При этом не менее важным является активная гражданская позиция, осознание ответственности, стремление участвовать в общественно-полезной деятельности и желанием попробовать себя в новом деле. Результаты исследования являются основанием для вывода о важности для опрошенного дагестанского населения волонтерской деятельности, при этом респонденты при декларировании актуальности участия в нем, демонстрируют пассивную гражданскую позицию и поведение.

Ключевые слова: добровольчество, волонтерство, волонтерская деятельность, волонтерское движение, ценности, дагестанское общество, мотивация

Для цитирования: Рамазанов Р. О. Мотивация участия населения в волонтерском движении (на примере Дагестана) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 251–256. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-251-256>.

Sociology Problems

Original article

MOTIVATION OF POPULATION PARTICIPATION IN THE VOLUNTEER MOVEMENT (ON THE EXAMPLE OF DAGESTAN)

Rashid O. Ramazanov

Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, rashram@yandex.ru

Abstract. The problem of volunteering and the volunteer movement in modern Russian society has become actualized for a number of reasons, including transformations of a greater negative nature in the field of social policy, and as a consequence, the emergence of a large stratum of the poor population who cannot meet their minimum material needs. Not only these factors, but also many other reasons contributed to the emergence of people with an active civic position, who self-organized, and without pinning any hopes on the authorities, to provide assistance to the population, a particular person in a difficult life situation. Therefore, it is relevant to establish the motivation for the participation of the population in the volunteer movement. According to the results of the study, it was found that the key incentives for respondents to participate in the volunteer movement are moral and ethical principles, the desire to help people in need. At the same time, no less important is an active civic position, awareness of responsibility, the desire to participate in socially useful activities and the desire to try oneself in a new business. The results of the study are the basis for the conclusion about the importance of volunteering for the interviewed Dagestan population, while the respondents, when declaring the relevance of participation in it, demonstrate a passive civic position and behavior.

Keywords: volunteering, volunteering, volunteer activity, volunteer movement, values, Dagestan society, motivation

For citation: Ramazanov R. O. Motivation of population participation in the volunteer movement (on the example of Dagestan). *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):251–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-251-256>.

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

В постсоветский период в российском обществе широкое распространение получило волонтерское движение, хотя оно в форме добровольчества существовало и при советском строе. И для роста интенсивности данного явления имелись объективные и субъективные основания, причем первые были более важными. Распад Советского Союза разрушил существовавший экономический базис и за ним закономерно последователи преобразования, в основном деструктивного характера, в других социальных сферах. Курс на рыночную экономику при полном отсутствии программы развития страны и понимания происходящих в обществе процессов привел к ухудшению экономического положения и социального самочувствия населения. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что современный интенсивный ритм жизни усложнил социальную сферу, выплеснув на поверхность многие актуальные проблемы, начиная от элементарного оказания помощи малоимущим и одиноким слоям населения, до участия активной категории населения, особенно молодежи, в более сложных ситуациях, например, при стихийных бедствиях, катастрофах, эпидемии, возникновении экологических проблем и др. В одних случаях кто-то инициирует объединения добровольных помощников, направляет их, оказывает им всяческое содействие, в других люди сами проявляют инициативу, находят единомышленников и реализуют проекты [1].

Таким образом, активное освещение в средствах массовой информации проведения ряда социальных проектов, а также организация, очень стихийно, групп для решения той или иной проблемы повысили научный интерес к явлению волонтерства. Более того, волонтерство и волонтерское движение стали одним из приоритетных направлений в русле исторических исследований, области социальной самоорганизации и самодеятельности населения, а также социальной работы, которая охватывает и систему добровольных организаций: «необходимо констатировать, что волонтерство превратилось в отдельную систему с многообразием направлений деятельности и сфер приложения добровольческих усилий, форм и уровней организации» [2]. Иными словами, исходя из существующего в обществе интереса к волонтерству и волонтерскому движению, а также разных форм его проявления (экономическая, социальная, политическая, культурная, спортивная, военная и т.д.), можно данное явление обозначить как одну из ключевых сфер социальной жизни: «рефлексией такого интереса стало превращение волонтерства в междисциплинарное поле научного исследования. Следует иметь в виду сложную структуру добровольчества, многочисленные его виды, заинтересованное внимание к ним со стороны различных групп населения» [3].

Таким образом, в статье рассматривается мотивация и личные принципы участия дагестанского населения в волонтерском движении.

Эмпирическая база исследования. Социологический опрос по изучению состояния волонтерского движения в Дагестане был проведен в 2021 г. в городах (Махачкала, Хасавюрт, Дербент, Кизляр) и сельских районах (Ботлихский, Кизлярский, Лакский, Хасавюртовский) Дагестана. N = 639.

Результаты исследования

Увеличение количества социальных проблем в обществе, сложная социально-экономическая ситуация в государстве, особенно в дотационных регионах, способствовали формированию социального слоя, который готов оказать помощь населению, а также конкретно взятым людям при возникновении в ней необходимости. Иными словами, можно утверждать, что волонтеры стали незаменимой частью общества, например, в поиске пропавших людей, особенно детей, они оказываются там, где стихийные бедствия и природные катаклизмы, в социальных учреждениях, рядом с теми, кто встал на путь исправления от наркомании и алкоголизма. Можно сделать вывод, что волонтерское движение получило распространение и активно развивается, благодаря тому, что есть люди, готовые добровольно оказать свою помощь, потратить свое личное время на улучшение ситуации в той или иной общественной сфере.

Если обратиться к нашей республике, то можно сказать, что происходящие в современном дагестанском обществе сложные и противоречивые процессы обусловили появление волонтерства как подражания такому движению, во-первых, в западных государствах, во-вторых, в других российских регионах.

Почему возникло волонтерство (добровольчество)? Какова мотивация участия в ней, вернее, что движет волонтерами? Каков социальный портрет волонтера? Какие факторы могут мотивировать

конкретно взятого человека стать активным участником волонтерского движения? – эти и другие вопросы являются важными при анализе волонтерства как социального явления, кроме того, нельзя игнорировать, что волонтерство имеет исторические традиции и собственный вектор развития.

Установление отношения к волонтерству в целом требует выявления мотивации личного участия людей в добровольчестве. Полученные данные на вопрос «Что лично для Вас является мотивацией участия в волонтерском движении?» свидетельствуют о том, что для 64,5 % опрошенных факторами участия в волонтерском движении являются морально-нравственные принципы, желание помогать нуждающимся людям. По социально-демографическому параметру данную позицию отметили 69,1 % рабочих, 65,9 % студентов, 64,5 % служащих, 38,1 % безработных, 59,6 % со средним, 66,0 % средним специальным и 66,7 % высшим образованием, 62,4 % в возрасте 0 – 20 лет, 60,1 % 21 – 35 лет, 71,8 % 36 лет и выше. Далее, для 41,8 % респондентов личным мотивом участия в волонтерском движении является желание быть ответственным, активным и вовлеченным в общественно полезную деятельность; среди них 35,5 % служащих, 38,1 % рабочих, 28,6 % безработных и 45,7 % студентов. Как показывает исследование, социальную активность демонстрируют опрошенные независимо от уровня образования – каждый второй респондент во всех подгруппах, но наблюдается различие по возрасту – 45,6 % в разрезе 0 – 20 лет, 33,6 % 21 – 35 лет, 41,0 % 36 лет и выше. По отношению к религии разделяющих данный тезис больше в подгруппе верующих (42,6 %) и заметно меньше среди неверующих и колеблющихся – 34,8 % и 24,1 %, соответственно. По всему массиву одна треть опрошенных аргументом участия в волонтерском движении считает желание попробовать свои силы и возможности и по социально-демографическому положению ответы распределились следующим образом: 21,5 % служащих, 24,7 % рабочих, 14,3 % безработных, 38,0 % студентов, 39,2 % со средним, 27,7 % средним специальным, 25,4 % высшим образованием. По сравнению с другими возрастными подгруппами, выделяется поколение в интервале 0 – 20 лет, в котором больше стремящихся приобщиться к социальным программам и проектам (39,2 %), в противовес подмассивам в разрезе 21 – 35 лет (25,9 %) и старше 36 лет (17,9 %). При этом на внутреннюю убежденность быть полезным обществу и собственную удовлетворенность своей гражданской позицией указывают 23,7 % респондентов и таковых по роду деятельности больше среди рабочих (25,8 %) и студентов (27,9 %).

Большую социальную ответственность показывают респонденты с низким образованием (25,3 % имеющие среднее образование), а также молодежь в разрезе 0 – 20 лет (25,7 %). Не менее значимым стимулом для участия в волонтерском движении для одной четвертой части респондентов является желание познакомиться с новыми людьми, расширить круг знакомства и таковых больше среди студенчества (31,8 %), имеющих среднее образование (24,7 %) и возрасте 0 – 20 лет (29,5 %). Далее 8,4 % респондентов считают мотивацией участия в волонтерском движении собственную активную гражданскую позицию, среди них больше всего студентов (10,9 %), имеющие среднее образование (9,0 %) и возрастной разрез 0 – 20 лет (10,1 %). Вариант ответа, что мотивацией участия в волонтерском движении является агитация интернет-сайтов отмечена 7,8 % опрошенных, благодаря ей активность проявляют респонденты с высшим образованием (9,0 %). Далее, 7,3 % опрошенных по всему массиву аргументируют возможность участия в волонтерском движении наличием свободного времени (7,3 %) и таковых закономерно больше в когорте безработных (14,3 %) и молодого поколения 0 – 20 лет (8,0 %).

Научную ценность представляет личностный мотив участия в волонтерском движения когорты населения, которые имеют статус волонтера. Так, по мнению волонтеров, лично они стали волонтерами благодаря собственным морально-нравственным принципам и желанию помогать нуждающимся людям (64,0 %), стремление стать ответственным, быть активным и вовлеченным в общественно-полезную деятельность подчеркнуто 58,7 % опрошенных. При этом 44,0 % опрошенных волонтеров хотели познакомиться с новыми людьми и расширить круг знакомства, 42,7 % хотели попробовать себя в новом деле и 38,7 % получают моральное удовлетворение от осознания важности своей работы. По сравнению с вышеприведенными вариантами ответов заметно слабее выглядят позиции суждений: активная гражданская позиция (10,7 %), наличие свободного времени (5,3 %) и агитация интернет-сайтов (2,7 %).

Далее в исследовании был задан вопрос «Что лично для Вас значит волонтерская работа?», который показывает, что для 66,1 % опрошенных по всему массиву волонтерская работа заключается в возможности принести людям пользу. Анализ по социально-демографическому статусу показывает, что данной позиции придерживаются 57,9 % служащих, 69,1 % рабочих, 52,4 % безработных, 70,5 % студентов, 65,7 % со средним, 70,2 % средним специальным, 65,6 % высшим образованием, 70,5 % в возрасте 0 – 20 лет, 59,4 % 21 – 35 лет, 64,1 % 36 лет и выше. Далее 24,5 % респондентов считают,

что волонтерская работа означает добрую волю человека проявлять свою гражданскую позицию и социальную ответственность. Данный вариант ответа ближе 25,2 % служащих, 27,8 % рабочих, 24,4 % студентов, 20,5 % имеющих среднее, 27,0 % среднее специальное, 25,4 % высшее образование, 24,5 % в возрасте 0 – 20 лет, 28,0 % 21 – 35 лет, 17,9 % от 36 лет и выше. На третьем месте располагается личное понимание волонтерской работы как участие в общественной жизни (23,7 %), среди них 15,0 % служащих, 28,9 % рабочих, 23,8 % безработных, 26,4 % студентов, респонденты со средним (23,5 %), средним специальным (22,7 %), высшим образованием (23,3 %), 26,2 % в возрасте 0 – 20 лет, 25,2 % 21 – 35 лет, 16,2 % от 36 лет и выше. Осознание волонтерской работы как общественной деятельности и его осуществление в свободное время характерно 12,5 % опрошенных по всему массиву, среди них 10,3 % служащих, 16,5 % рабочих, 14,0 % студентов, 12,7 % в возрасте 0 – 20 лет, 14,7 % 21 – 35 лет и 9,4 % от 36 лет и выше. В волонтерской работе возможность приобретения нового опыта в реализации собственных идей отмечена 11,6 % по всему массиву и выделяется здесь возрастной разрез 20 лет включительно (11,0 %), имеющие высшее образование (14,3 %) и студенчество (13,6 %). Далее на возможность коммуникации с интересными людьми указывают 9,4 % опрошенных, среди них больше студентов (11,2 %), респондентов с высшим образованием (10,1 %) и молодежь в разрезе 0 – 20 лет (11,1 %). Для самих волонтеров добровольческая работа означает возможность принести людям пользу (68,0 %), участие в общественной жизни (34,7 %), добрая воля человека проявлять свою активность (28,0 %), общественная деятельность в свободное время (17,4 %), приобретение нового опыта в реализации собственных идей (17,3 %) и общение с интересными людьми (16,0 %).

Результаты опроса показывают, что в общественном сознании дагестанцев в целом имеет место положительная оценка волонтерской деятельности, при этом возникает вопрос «Насколько сами респонденты социально ответственны и активны?», потому что одно дело декларирование своего отношения (положительного/отрицательного) к данной деятельности, другое – занимать активную гражданскую позицию. Так, 62,0 % опрошенных утвердительно ответили на вопрос «Хотели бы Вы заниматься волонтерской деятельностью?» и, в сравнении, их больше в группе студенчества (72,5 %), хотя процентные показатели по другим социальным группам тоже заметные: 45,8% служащие, 50,5 % рабочие, 52,4 % безработные.

По уровню образования и возрасту опрошенного населения наблюдаются существенные отличия: 69,9 % со средним, 58,9% средним специальным, 55,6 % высшим образованием, 74,3% в разрезе 0 – 20 лет, 52,4% 21 – 35 лет, 44,4% старше 36 лет. Вместе с тем 29,6% респондентов не готовы лично участвовать в волонтерском движении и иметь статус волонтера. Меньше всего таковых среди студентов (24,8 %) и больше в когорте безработных (42,9%). При этом можно констатировать увеличение процентных показателей отрицательно ответивших на этот вопрос с повышением образовательного уровня респондентов – с 26,5 % имеющих среднее образование до 32,8% с высшим образованием. Такая же картина прослеживается и по возрасту: не готовы быть волонтером 24,1% опрошенных в возрасте 0 – 20 лет, 37,1% 21 – 35 лет, 35,0 % старше 36 лет. Подгруппа волонтеров утвердительно ответила на вопрос «Хотели бы Вы заниматься волонтерской деятельностью?» (76,0 %), при этом в женской группе, в сравнении с мужской, процентный показатель существенно больше – 81,3 % и 66,7 %, соответственно.

Как известно, волонтерство и добровольчество имеют глубокие исторические корни, существовало во всех обществах, независимо от доминирующей идеологии и социально-экономической системы. Поэтому в исследовании респондентам был задан следующий вопрос «Какие из благотворительных фондов и организаций, волонтерских движений Вы знаете?». По всему массиву опрошенных респонденты указали на следующие благотворительные фонды и волонтерские движения: «Добро» (59,6 %), «Подари жизнь» (55,3 %), «Благотворительный Фонд Константина Хабенского» (29,0 %), «Помогите детям» (27,1 %), «Лиза Алерт» (23,5 %), «Благотворительные акции «5 канала» "День добрых дел"» (22,9 %), «Российский фонд помощи» (20,0 %), «Справедливая помощь Доктора Лизы» (9,6 %). И только статистически незначимая часть опрошенного населения не имеет представления ни о каких благотворительных фондах (4,7 %) и, в сравнении, больше таковых среди респондентов со средним образованием (6,6 %) и когорте безработных (14,3 %).

В постсоветский период в России появились НКО, которые за счет зарубежных грантов осуществляли волонтерскую деятельность. В последующем НКО занимались и иными видами деятельности, которые были направлены далеко не на решение социальных проблем. Поэтому в исследовании был задан вопрос «Как Вы относитесь к независимым некоммерческим организациям (НКО)?». По всему массиву с небольшими процентными отличиями преобладают положительные оценки независимых некоммерческих организаций (НКО) с аргументацией, что НКО не ставят своей целью

извлечение прибыли (32,7 %), главным в деятельности НКО является достижение социальных, благотворительных, культурных, образовательных, политических, научных и управленческих целей (30,8 %), НКО занимаются вопросами охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта (21,4 %).

На отсутствие финансовых интересов указывает одна треть респондентов во всех образовательных группах, студенчество, возрастные разрезы 35 лет включительно. При этом каждый третий опрошенный в возрасте 0 – 20 лет, имеющие среднее и высшее образование, а также студенты считают, что целью НКО является исключительно социальные программы в разных социальных сферах. Работу НКО в таких социальных сферах, как защита и охрана здоровья, развитие спорта, позитивно оценивают возрастная группа 0 – 20 лет (26,6 %), имеющие среднее образование (23,5 %), социальные слои служащих (19,6 %), безработных (23,8 %) и студентов (21,7 %). Далее с большим отрывом на четвертом месте находится вариант ответа «положительно, НКО занимаются защитой прав, законных интересов граждан и организаций, разрешением споров и конфликтов, оказанием юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ», отмеченный 13,5 % по всему массиву опрошенных. Сравнительный анализ показывает, что данную позицию разделяют 13,3 % респондентов со средним и 16,4 % высшим образованием, 16,8 % служащих; по возрасту заметных отличий не обнаружено и цифры варьируются в пределах от 13,1 % в разрезе 0 – 20 лет до 14,5 % в интервале старше 36 лет. При этом варианты ответов отрицательно оценивающих деятельность НКО с аргументом, что НКО прикрываясь защитой интересов граждан, в реальности преследуют собственные цели и НКО не отстаивают интересы Российского государства отмечены 6,7 % и 4,7 %, соответственно. Первое суждение разделяют 10,3 % старше 36 лет, в других возрастных группах доля их меньше, 7,1 % со средним специальным и 7,4 % высшим образованием, а также подгруппа безработных (14,3 %). Вариант ответа, что НКО не защищает национальные интересы Российского государства отмечен 7,5 % мужчин, против 2,5 % женщин, 7,7 % в возрасте 21 – 35 лет и 23,8 % безработных.

Деятельность НКО положительно оценивают 40,0 % волонтеров, потому что, по их мнению, НКО не ставят своей целью извлечение прибыли; 36,1 % респондентов также демонстрируют позитивное отношение с мотивацией, что главным в деятельности НКО является достижение социальных, благотворительных, культурных, образовательных, политических, научных и управленческих целей. По утверждению 28,0 % опрошенных волонтеров НКО занимаются вопросами охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта; 18,7 % опрошенных усматривают деятельность НКО в защите прав, законных интересов граждан и организаций, разрешении споров и конфликтов, оказании юридической помощи и т.д., направленных на достижение общественных благ, а 12,1 % считают, что НКО обеспечивают удовлетворение духовных потребностей населения. При этом 4,0 % опрошенных придерживаются противоположного мнения: НКО прикрываясь защитой интересов граждан, в реальности преследует собственные цели и в 2 раза больше разделяющих тезис, что НКО не отстаивают интересы Российского государства (8,0 %).

Заключение

Проведенное исследование показывает, что опрошенные в основном акцентируют внимание на социальной составляющей добровольческой деятельности при заметном снижении показателей других позиций. При этом для большей части опрошенных личное участие в волонтерском движении заключается в возможности принести людям пользу, доброй воле человека проявлять свою активность и участия в общественной жизни, что свидетельствует об осознании опрошенными волонтерства как социального служения. При этом респонденты готовы заниматься волонтерской деятельностью и ответивших положительно больше среди студенчества и молодого поколения опрошенного дагестанского населения. Вместе с тем, среди опрошенного населения есть когорта, которая не изъявила желание принимать участие в волонтерском движении, причем пассивное поведение, в сравнении, демонстрирует подгруппа респондентов с высоким образовательным статусом.

Исследование показывает хорошую осведомленность опрошенного населения о деятельности благотворительных фондов и организаций, волонтерских движений, которые в настоящее время осуществляют активную общественную деятельность в социальном пространстве российского общества. Кроме того, в массовом сознании респондентов превалирует позитивная оценка деятельности НКО с аргументацией, что в их деятельности приоритетной является достижение социальных, благотворительных, культурных, образовательных, политических, научных и управленческих целей, более того, они не преследуют получение прибыли. Поэтому можно утверждать, что НКО способны оказать большую помощь в решении многих социальных вопросов, в частности,

помочь в информационном обеспечении волонтерской деятельности, которое поможет увеличить ряды социально активных граждан, обучении родственников и других лиц, которые ухаживают за маломобильной группой, создать комфортные условия проживания в интернах для престарелых, расширить пространство оказания помощи.

Список источников

1. Певная М.В. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 69–77.
2. Горлова Н.И. Отражение истории волонтерства советского периода в фондах центральных российских архивов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 3. С. 26–35. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.3.26
3. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Волонтерство как объект и предмет социологической науки // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под общ.ред. проф. З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород, 2016. С. 85–88.

References

1. Pevnaia M.V. Management of Russian volunteering: essence and contradictions. *Sociologicheskie issledovaniya=Sociological research*. 2016; (12):69–77. (In Russ.)
2. Gorlova N.I. Reflection of the history of volunteering of the Soviet period in the funds of the central Russian archives. *Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i soc. nauki =Vestn. North. (Arctic) Feder.un-that. Ser. : Humanite. and social Sciences*. 2018; (3):26–35. DOI: 10.17238 / issn2227-6564.2018.3.26 (In Russ.)
3. Ambarova P.A., Zborovsky G.E. Volunteering as an object and subject of sociological science. In: *Pomogayushchie professii: nauchnoe obosnovanie i innovacionnye tekhnologii [Helping professions: scientific justification and innovative technologies]*. Z.Kh. Saralieva (Ed.). Nizhny Novgorod, 2016:85–88. (In Russ.)

Информация об авторе

Р. О. Рамазанов – канд. полит. наук, научный сотрудник отдела социологии.

Information about the author

R. O. Ramazanov – Candidate of Political Sciences, Researcher of the Department of Sociology.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2022; принята к публикации 27.01.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 26.01.2022; accepted for publication 27.01.2022.

Научная статья

УДК 316.354

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-257-262

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Андрей Валерьевич Рачипа¹, Екатерина Ивановна Лопатина²,
Сергей Иванович Самыгин³

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, rachipa@sfedu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4693-0126>

¹Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва,
Россия

²Армавирский механико-технологический институт, Армавир, Россия, ekfilonenko@yandex.ru

³Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
samygin78_@yandex.ru

Аннотация. Авторы статьи отмечают, что трансформация общества и экономики приводит к тому, что организации вынуждены постоянно стремиться к развитию компетенций своего персонала, особенно это касается управленческого звена компании. Помимо цифровых и личностных компетенций, управленческий персонал должен обладать социальными компетенциями. В работе авторы отмечают, что социальная компетентность обладает важным значением для профессиональной компетентности управленческого персонала в целом. Благодаря социальной компетентности управленцы обладают возможностью взаимодействовать с сотрудниками как по формальным поводам, так и неформально, что позволяет поддерживать благоприятный микроклимат в коллективе и мотивировать сотрудников на реализацию поставленных задач. Также авторами статьи отмечено, что социальная компетентность позволяет управленческому персоналу полноценно владеть современной реальностью и грамотно подбирать и развивать команду сотрудников организации, что, в свою очередь, способствует эффективному продвижению компании.

Ключевые слова: компетенции, компетентность, персонал, компания, управление социальных процессов, социальная компетентность, управленческий персонал, социологическое измерение, сотрудники

Для цитирования: Рачипа А. В., Лопатина Е. И., Самыгин С. И. Социальная компетентность управленческого персонала организации: социологическое измерение // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 257–262. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-257-262>.

Sociology Problems

Original article

SOCIAL COMPETENCE OF MANAGERIAL PERSONNEL: A SOCIOLOGICAL DIMENSION

Andrey V. Rachipa¹, Ekaterina I. Lopatina², Sergey I. Samygin³

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, rachipa@sfedu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4693-0126>

¹Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

²Armavir Mechanics and Technology Institute, Armavir, Russia, ekfilonenko@yandex.ru

³Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia, samygin78_@yandex.ru

Abstract. The authors of the article note that the transformation of society and the economy leads to the fact that organizations are forced to constantly strive to develop the competencies of their staff, especially for the management of the company. In addition to digital and personal competencies, management personnel must have social competencies. In the work, the authors note that social competence is important for the professional competence of managerial personnel in general. Thanks to social competence, managers have the opportunity to interact with employees both on formal occasions and informally, which allows them to maintain a favorable microclimate in the team and motivate employees to achieve their

goals. Also, the authors of the article noted that social competence allows management personnel to fully master modern reality and competently select and develop a team of employees of the organization, which in turn contributes to the effective promotion of the company.

Keywords: competencies, competence, personnel, company, management of social processes, social competence, managerial personnel, sociological dimension, employees

For citation: Rachipa A. V., Lopatina E. I., Samygin S. I. Social competence of managerial personnel: a sociological dimension. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):257–262. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-257-262>.

Сегодня на современном рынке труда перед каждой компанией стоит важная стратегическая задача – быть конкурентоспособной в своей отраслевой нише. В связи с этим, организации стремятся к тому, чтобы создавать свой неповторимый бренд с четкой миссией компании, с трансляцией своих наиболее сильных сторон и ценностей сотрудников.

Очень важную роль в построении и продвижении интересного бренда организации играет деятельность управленческого персонала компании. В современном мире интерес к такому объекту, как управленческий персонал, возникает у многих исследователей. Ученые обращаются к изучению управленцев разных компаний.

На сегодняшний день исследователи активно изучают работу административно-управленческого персонала высших учебных заведений [1], обращая внимание на модель повышения эффективности деятельности административно-управленческого персонала университета [2].

Рассматривая управленческий персонал организации, научное сообщество обращается к оценке эффективности данного звена организации и вопросам материального стимулирования управленцев, поскольку именно они принимают непосредственное участие в обеспечении устойчивости деятельности компании [3]. Исследователями проводится анализ личностно-профессиональных качеств руководителя, на основе которых происходит прогнозирование его эффективности [4]. Помимо личностных качеств руководителей под исследовательский анализ попадают технологии управленческой деятельности административного звена компании, куда можно отнести тайм-менеджмент [5].

Большое значение со стороны исследователей придается такому вопросу, как развитие компетенций управленческих кадров. Исследователи делают акцент на актуальных (цифровых, социальных и личностных) компетенциях управленцев, на основе изучения опыта подготовки управленческих кадров за рубежом [6]. В связи с активной цифровизацией и информатизацией современного общества, важными компетенциями, которыми необходимо владеть управленческому персоналу, являются цифровые компетенции: владения IT-навыками, кибербезопасности и работы с персональными данными [7]. Как отмечает коллектив авторов работы, посвященной рассмотрению цифровых компетенций в модели актуальных компетенций управленческих кадров, сформированность данных компетенций у управленческого персонала позволит организации «реализовать цели своей деятельности в новой цифровой среде» [7, С. 49]. То есть цифровые компетенции управленцев смогут повлиять на рост и развитие компании в новых условиях рынка.

В связи с активной трансформацией общества и экономики, что влияет на стратегии развития организаций, ученые обращаются к изучению ценностных установок и профессиональных компетенций управленческого персонала предприятий в рамках концепции «Индустрия 4.0» [8]. Как отмечают Х.З. Ксенофонтова и О.А. Сагина, обновление индустрии способствует тому, что организациям необходимо разработать современные модели профессиональных компетенций управленческого персонала, основанные на реализации комплексного непрерывного обучения управленческого персонала [8, С. 297].

Проведенный нами анализ научных источников, посвященных вопросам деятельности управленческого персонала компаний, позволил выявить актуальность выбранной темы среди научного сообщества. Обращаясь к приведенным выше вопросам по проблемному полю исследования, мы видим, что для компании важно развивать пул компетенций, которыми будет владеть управленческий персонал, так как это помогает компании идти вперед и быть конкурентоспособной в эпоху постоянных трансформаций. Большое количество современных работ направлены на рассмотрение цифровых и личностных компетенций управленцев, но, на наш взгляд, остается не до конца проработанным очень важный вопрос изучения социальной компетентности управленческого персонала. В связи с чем, в рамках данной статьи мы ставим цель – рассмотреть значение социальной компетентности управленческого персонала организации с точки зрения социологического анализа.

Для того, чтобы определить, что представляет собой социальная компетентность управленческого персонала, необходимо уточнить, что такое «компетенция» и «компетентность».

Отметим, что в настоящее время огромное количество работ посвящено рассмотрению дефиниции «компетенция». Чаще всего труды исследователей связаны с работой вузов и компетентностным подходом в образовании [9; 10]. Также ученые затрагивают вопрос измерения компетенций [11]. В рамках большого количества работ по данной тематике дается множество определений указанным дефинициям. Мы не стремимся углубиться в анализ существующих определений. В данной статье мы используем социологический подход к компетентности и под компетенцией в данном исследовании мы понимаем знания, умения, навыки, интеллектуальные, психофизиологические качества, формируемые и развиваемые личностью в процессе обучения, необходимые для выполнения того или иного вида деятельности. Компетенции – это основа для того, чтобы сформировалась компетентность [12]. То есть компетенции являются компонентами компетентности – «фактически оценка/самооценка актуального/потенциального соответствия разнообразных индивидуально-психологических качеств/свойств личности гласным/негласным требованиям / ожиданиям конкретной сферы человеческой деятельности» [13].

Управленческая деятельность предполагает постоянное взаимодействие с другими людьми для организации их совместной деятельности. То есть управленческий персонал выполняет «деятельность по организации деятельности».

Для управленческой практики компетентностный подход обладает огромной значимостью, потому что компетентность управленческого персонала выражается в личностно и интеллектуально обусловленных, мотивированных проявлениях компетенций в рамках того или иного вида профессиональной деятельности, что позволяет грамотно выстраивать управление командой организации.

Говоря о социальной компетентности, обратимся к подходу, представленному М. Аргайлом [14]. Данный исследователь рассматривает компоненты социальной компетентности, к которым, по его мнению, относятся: социальная сензитивность, навыки, способствующие эффективному взаимодействию с сотрудниками организации, равновесие, спокойствие.

Основываясь на приведенных выше определениях компетенций, компетентности и компонентов, которые составляют социальную компетентность, саму социальную компетентность в данном исследовании мы рассматриваем как проявления социальной компетенции субъекта в рамках управленческой деятельности. Социальная компетентность управленческого персонала организации представляет собой способность управленцев грамотно использовать свои знания, умения и навыки для создания и развития социальных связей [15]. Социальная компетентность включает в себя такие компоненты, как познавательный, эмоциональный, системный.

Рассматривая более детально каждый из приведенных компонентов социальной компетентности в отношении управленческого персонала организации, отметим, что управленец – это не только профессионал своего дела, который на теоретическом уровне владеет всем необходимым комплексом знаний; но и тот, кто на практике умеет грамотно транслировать свои знания, взаимодействуя с другими акторами, донося необходимую информацию в четкой и структурированной форме. Поскольку управленческий персонал очень часто взаимодействует с людьми, то для данной категории работников важно владеть социальной компетентностью, быть компетентным в области человеческих отношений.

На наш взгляд, социальная компетентность управленца выражается в ответственности, организованности, целеустремленности, в корректном взаимодействии с подчиненными. Управленческий персонал в рамках реализации социальной компетентности показывает способность к соблюдению межролевой дистанции, проявлению социальной эмпатии (умению сопереживать), терпимости и толерантному отношению к мнению, которое противоречит их собственному. Социальная компетентность также проявляется в независимости, непосредственности, в активной коммуникации со всеми звеньями организационной структуры. Управленческий персонал компании должен проявлять способность не только к критическому мышлению, но и к творчеству, быть открытым, терпимым в конфликтном взаимодействии, а также выстраивать взаимоотношения с персоналом на основе доверия.

Стоит отметить, что нами перечислены общие признаки социальной компетентности, которые будут иметь корректировки в соответствии с конкретной ситуацией, контекстом, с которыми будет сталкиваться управленческий персонал.

Социальная компетентность позволяет управленческому персоналу выполнять следующие функции [15]:

- взаимодействовать с сотрудниками как по формальным поводам, так и налаживать неформальное общение;
- поддерживать благоприятный микроклимат в коллективе;

- вызывать доверие и симпатию сотрудников организации;
- собирать команду единомышленников;
- увлекать сотрудников своими идеями, мотивировать на новые свершения и реализацию поставленных задач.

Перечисленные нами компоненты и функции социальной компетентности позволяют нам судить о том, что данная компетентность является важной профессиональной чертой для управленческого персонала. Интеллект, в совокупности с чувственной и эмоциональной составляющей, позволяет управленческому звену грамотно владеть своими эмоциями и правильно выстраивать диалог с сотрудниками. Социальная компетентность позволяет управленческому персоналу быстро адаптироваться к той социальной ситуации, у которой происходит работа. То есть социальная компетентность позволяет управленческому персоналу полноценно владеть современной реальностью и грамотно подбирать и развивать команду сотрудников организации, что, так или иначе, способствует эффективному продвижению компании.

Список источников

1. Мялкина Е.В., Житкова В.А. Система комплексной оценки административно-управленческого персонала в вузе: практика и особенности // Вестник Мининского университета. 2018. №1 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-kompleksnoy-otsenki-administrativno-upravlencheskogo-personala-v-vuze-praktika-i-osobennosti> (дата обращения: 28.01.2022).

2. Демин М.В., Шушарина Н.Н. Модель повышения эффективности деятельности административно-управленческого персонала федерального университета // Высшее образование в России. 2020. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-povysheniya-effektivnosti-deyatelnosti-administrativno-upravlencheskogo-personala-federalnogo-universiteta> (дата обращения: 28.01.2022).

3. Трач Д. М., Мельничук Л. Д. Управленческий персонал - эффективность и оценка // Вестник ГГУ. 2019. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskiy-personal-effektivnost-i-otsenka> (дата обращения: 28.01.2022).

4. Мударисов А.А., Лыткина К.А. «Мировоззренческий» подход к анализу личностно-профессиональных качеств руководителя и прогнозированию его эффективности // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovozzrencheskiy-podhod-k-analizu-lichnostno-professionalnyh-kachestv-rukovoditelya-i-prognozirovaniyu-ego-effektivnosti> (дата обращения: 28.01.2022).

5. Титова Д.В. использование тайм-менеджмента в управленческой деятельности руководителей бизнес-организаций // Современные технологии управления. 2020. №2 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-taym-menedzhmenta-v-upravlencheskoy-deyatelnosti-rukovoditeley-biznes-organizatsiy> (дата обращения: 28.01.2022).

6. Можаяева Г.В., Максимова М.В., Селиванова М.А. Анализ актуальных компетенций управленческих кадров для реального сектора экономики в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2020. №51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-aktualnyh-kompetentsiy-upravlencheskih-kadrov-dlya-realnogo-sektora-ekonomiki-v-usloviyah-tsifrovizatsii> (дата обращения: 28.01.2022).

7. Можаяева Г.В., Александрова Л.Д., Пуляева В.Н. Цифровые компетенции в модели актуальных компетенций управленческих кадров // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-kompetentsii-v-modeli-aktualnyh-kompetentsiy-upravlencheskih-kadrov> (дата обращения: 28.01.2022).

8. Ксенофонтова Х.З., Сагина О.А. Развитие компетенций управленческого персонала в условиях Industria-4. 0 // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. №15-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kompetentsiy-upravlencheskogo-personala-v-usloviyah-industria-4-0> (дата обращения: 28.01.2022).

9. Снеговая О.А., Карапетян Е.А., Власова В.Н. Коммуникативно-компетентностный подход в образовательном пространстве высшей школы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativno-kompetentnostnyu-podhod-v-obrazovatelnom-prostranstve-vysshey-shkoly> (дата обращения: 29.01.2022).

10. Мезенцева Д.А., Джавлах Е.С., Елисеева О.В., Багаутдинова А.Ш. К вопросу о цифровой компетенции преподавателя // Высшее образование в России. 2020. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tsifrovoy-kompetentsii-prepodavatelya> (дата обращения: 29.01.2022).

11. Глазунова О.В., Кожаринов М.Ю. Компетенции. Попробуем измерить?! // Исследователь/Researcher. 2020. №1 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsii-poprobuem-izmerit> (дата обращения: 29.01.2022).
12. Зимняя И.А. Компетенция – компетентность: субъектная трансформация // Акмеология. 2010. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsiya-kompetentnost-subektnaya-transformatsiya> (дата обращения: 29.01.2022).
13. Ксенофонтова Е., Пехова Н. Социология компетентности и модель компетенций как области научного и практического интереса // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 1, С. 194-206.
14. Argyle M. *The Psychology of Interpersonal Behavior*. Penguin Books, 1974.
15. Почебут Д.А. Социальная компетентность современного менеджера: понятие и место в профессиональной деятельности // Человек. Спорт. Медицина. 2007. №26 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-kompetentnost-sovremennogo-menedzhera-ponyatie-i-mesto-v-professionalnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 29.01.2022).

References

1. Myalkina E.V., Zhitkova V.A. The system of complex assessment of administrative and managerial personnel at the university: practice and features. *Vestnik Mininskogo universiteta = Bulletin of the Minin University*. 2018; 1 (22). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-kompleksnoy-otsenki-administrativno-upravlencheskogo-personala-v-vuze-praktika-i-osobnosti> [Accessed: 28.01.2022] (In Russ.)
2. Demin M.V., Shusharina N.N. A model for improving the efficiency of administrative and managerial personnel of a federal university. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2020; 11. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-povysheniya-effektivnosti-deyatelnosti-administrativno-upravlencheskogo-personala-federalnogo-universiteta> [Accessed: 28.01.2022] (In Russ.)
3. Trach D. M., Melnichuk L. D. Management personnel - efficiency and evaluation. *Vestnik gosudarstvennogo universiteta upravleniya = Bulletin of the State University of Management*. 2019; 11. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskiy-personal-effektivnost-i-otsenka> [Accessed: 28.01.2022] (In Russ.)
4. Mudarisov A.A., Lytkina K.A. "Worldview" approach to the analysis of the personal and professional qualities of the leader and forecasting its effectiveness. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2020;(11). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovozzrencheskiy-podhod-k-analizu-lichnostno-professionalnyh-kachestv-rukovoditelya-i-prognozirovaniyu-ego-effektivnosti> [Accessed: 28.01.2022] (In Russ.)
5. Titova D.V. The use of time management in the management activities of leaders of business organizations. *Sovremennye tekhnologii upravleniya = Modern management technologies*. 2020; 2 (92). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-taym-managementa-v-upravlencheskoy-deyatelnosti-rukovoditeley-biznes-organizatsiy> [Accessed: 28.01.2022] (In Russ.)
6. Mozhaeva G.V., Maksimova M.V., Selivanova M.A. Analysis of current competencies of managerial personnel for the real sector of the economy in the context of digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonom = Bulletin of the Tomsk State University. Economy*. 2020; 51. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-aktualnyh-kompetentsiy-upravlencheskih-kadrov-dlya-realnogo-sektora-ekonomiki-v-usloviyah-tsifrovizatsii> [Accessed: 28.01.2022] (In Russ.)
7. Mozhaeva G.V., Aleksandrova L.D., Pulyaeva V.N. Digital competencies in the model of actual competencies of managerial personnel. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020; 6. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-kompetentsii-v-modeli-aktualnyh-kompetentsiy-upravlencheskih-kadrov> [Accessed: 28.01.2022] (In Russ.)
8. Ksenofontova Kh.Z., Sagina O.A. Development of competencies of managerial personnel in the conditions of Industria-4. 0. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya = Russia: trends and development prospects*. 2020; 15-1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-kompetentsiy-upravlencheskogo-personala-v-usloviyah-industria-4-0> [Accessed: 28.01.2022] (In Russ.)
9. Snegovaya O.A., Karapetyan E.A., Vlasova V.N. Communicative-competence approach in the educational space of higher education. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i social'nye nauki = Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2019; 10. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativno-kompetentnostnyy-podhod-v-obrazovatelnom-prostranstve-vysshey-shkoly> [Accessed: 29.01.2022] (In Russ.)

10. Mezentseva D.A., Jav lakh E.S., Eliseeva O.V., Bagautdinova A.Sh. To the question of teacher's digital competence. *Vysshee obrazovanie v rossii= Higher education in Russia*. 2020; 11. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tsifrovoy-kompetentsii-prepodavatelya> [Accessed: 29.01.2022] (In Russ.)
11. Glazunova O.V., Kozharinov M.Yu. Competences. Let's try to measure! *issledovatel' = Researcher*. 2020; 1 (29). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsii-poprobuem-izmerit> [Accessed: 29.01.2022] (In Russ.)
12. Zimnyaya I.A. Competence - competence: subjective transformation. *Akmeologiya = Akmeologiya*. 2010; 2. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentsiya-kompetentnost-subektnaya-transformatsiya> [Accessed: 29.01.2022] (In Russ.)
13. Ksenofontova E., Pekhova N. Sociology of competence and the model of competences as a field of scientific and practical interest. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya = Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science*. 2014; 1: 194-206 (In Russ.)
14. Argyle M. *The Psychology of Interpersonal Behavior*. Penguin Books, 1974.
15. Pochebut D.A. Social competence of a modern manager: concept and place in professional activity. *Chelovek. Sport. Medicina = Man. Sport. The medicine*. 2007; 26 (98). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-kompetentnost-sovremennogo-menedzhera-ponyatie-i-mesto-v-professionalnoy-deyatelnosti> [Accessed: 29.01.2022] (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Рачипа – докт. социол. наук, проф.;
Е. И. Лопатина – канд. экон. наук, доц.;
С. И. Самыгин – докт. социол. наук, проф.

Information about the authors

A. V. Rachipa – Doctor of Sociological sciences, Professor;
E. I. Lopatina – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;
S. I. Samygin – Doctor of Sociological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 27.02.2022.

The article was submitted 09.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 27.02.2022.

Научная статья
УДК 316.624
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-263-268

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ЕГО ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ

Галина Суреновна Чикаева¹, Виктория Николаевна Власова²,
Владимир Викентьевич Ковров³

¹Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, Россия, chikaevakarina@mail.ru

²Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия, oip08@mail.ru

³Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, lev23@list.ru

Аннотация. Изменения, которые происходят в современной социальной действительности, делают процесс социализации российской молодежи более сложным, что в свою очередь вынуждает молодых людей находить оптимальные для себя способы социального поведения. Очень часто такое поведение становится отклоняющимся от существующих в обществе норм – девиантным. Авторы статьи обращают внимание на то, что неопределенность социальной действительности, помимо традиционных девиаций, побуждает новые виды девиаций, например, кибербуллинг, виртуальное мошенничество, компьютерную, телефонную зависимость. По мнению авторов работы, возникновение девиантного поведения российской молодежи зависит от ряда факторов макросоциальной среды: цифровизация, информатизация, прагматичность, сверхпотребление, снижение уровня духовности, отсутствие общепринятых идеалов, идеология толерантности. Выделенные факторы способствуют тому, что современные молодые люди стремятся попробовать различные социальные практики, не допуская мысли о том, что это может пагубно сказаться на них самих и окружающих людях.

Ключевые слова: российское общество, молодежь, студенчество, социальное поведение, девиации, девиантное поведение, отклонение, нормы, факторы

Для цитирования: Чикаева Г. С., Власова В. Н., Ковров В. В. Девиантное поведение молодежи: социальные факторы, его детерминирующие // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 263–268. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-263-268>.

Sociology Problems

Original article

DEVIANT BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE: SOCIAL FACTORS, ITS DETERMINANTS

Galina S. Chikaeva¹, Viktoriya N. Vlasova², Vladimir V. Kovrov³

¹Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, chikaevakarina@mail.ru

²Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia, oip08@mail.ru

³Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, lev23@list.ru

Abstract. The changes that are taking place in modern social reality make the process of socialization of Russian youth more difficult, which in turn forces young people to find ways of social behavior that are optimal for themselves. Very often, such behavior becomes deviant from the norms existing in society - deviant. The authors of the article draw attention to the fact that the uncertainty of social reality, in addition to traditional deviations, encourages new types of deviations, for example, cyberbullying, virtual fraud, computer, telephone addiction. According to the authors of the work, the emergence of deviant behavior of Russian youth depends on a number of factors of the macrosocial environment: digitalization, informatization, pragmatism, overconsumption, a decrease in the level of spirituality, the lack of generally accepted ideals, the ideology of tolerance. The identified factors contribute to the fact that modern young people tend to try various social practices, not allowing the thought that this may adversely affect themselves and the people around them.

Keywords: Russian society, youth, students, social behavior, deviations, deviant behavior, deviation, norms, factors

For citation: Chikaeva G. S., Vlasova V. N., Kovrov V. V. Deviant behavior of young people: social factors, its determinants. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):263–268. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-263-268>.

Когнитивный интерес многих исследователей уже довольно долгое время направлен на изучение такой социально-демографической группы, как молодежь. Как отмечают М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги, крупные ученые, специализирующиеся на проведении молодежных исследований, в качестве самостоятельного объекта исследования молодежь стали изучать чуть более ста лет назад, поскольку данная социальная группа уже на тот момент времени заявила о себе как о важном возрождающем факторе общества [1].

Отметим, что интерес к проблемам молодежи не угасает и по сей день как со стороны исследователей, государства, так и со стороны современного общества. В декабре 2020 года был принят закон «О молодежной политике в Российской Федерации»¹. В данном документе четко обозначены возрастные границы данной социально-демографической группы. Посредством принятого закона будет происходить регулирование отношений, которые появляются в рамках деятельности субъектов, осуществляющих молодежную политику. Помимо законодательных актов, вопросам молодежи посвящено огромное количество эмпирических исследований, которые проводятся различными исследовательскими центрами: ВЦИОМ, ФОМ, «Левада-центр» и других: Аналитический отчет «Молодежь 2.0»²; «Молодежь от Москвы до Брянска. Приведет ли смена поколений к модернизации страны?»³; «Отношение молодежи к выборам и электоральному законодательству»⁴. В июне 2020 года целый номер журнала «Мониторинг общественного мнения» был посвящен молодежи, ее жизненным стратегиям и социальным конфликтам.

Сегодня мы становимся свидетелями и участниками активных общественных трансформационных процессов, что молниеносным образом находит отражение в реакциях населения страны. Перестройка социальной реальности отражается на социальном поведении граждан, особенно молодого поколения. Многие социологические опросы подтверждают, что современная молодежь мыслит по-другому, нежели старшее поколение граждан России⁵. Именно молодые люди в большей степени обладают радикальными взглядами, что толкает их совершать различные девиации: выходить на несанкционированные митинги, оказывать политические симпатии оппозиционным силам левого или праволиберального толка, а также поддерживать экстремистское поведение, хакерство, буллинг и другие разновидности девиантного поведения.

В настоящее время в современном обществе происходит процесс выхода девиантного поведения за рамки традиционного представления об этом явлении. В связи с этим наблюдается качественная трансформация традиционных характеристик девиантного поведения, чему способствует глобальное распространение информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс, интернетизация и киберсоциализация [3].

Активно изучаются теоретико-методологические основы исследования девиантного поведения [4]. М.А. Крылова отмечает, что проблема девиаций долгое время изучалась в рамках психологии, криминалистики, медицины, а после стала рассматриваться в социологической науке. В работе Я.В. Артамоновой и С.С. Барсукова раскрываются два подхода к девиациям: биологический и социологический [3].

Не менее актуальной темой исследования для ученых, занимающихся проблемами девиантного поведения, является описание существующих классификаций и типологий молодежных девиаций [5; 6]. Большое количество научно-исследовательских работ начала 2000-х годов посвящено

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>

² Аналитический отчет ВЦИОМ «Молодежь 2.0». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodyozh-20>

³ Левада-центр. От мнений – к пониманию. «Молодежь от Москвы до Брянска. Приведет ли смена поколений к модернизации страны?». URL: <https://www.levada.ru/2021/11/25/molodezh-ot-moskvy-do-bryanska-privedet-li-smena-pokolenij-k-modernizatsii-strany/>

⁴ Отношение молодежи к выборам. URL: <https://fom.ru/Politika/13299>

⁵ Левада-центр. От мнений – к пониманию. «Молодежь от Москвы до Брянска. Приведет ли смена поколений к модернизации страны?». URL: <https://www.levada.ru/2021/11/25/molodezh-ot-moskvy-do-bryanska-privedet-li-smena-pokolenij-k-modernizatsii-strany/>

проблемам алкогольной и наркотической зависимости молодежи [7; 8]. Сегодня очень злободневной является тема вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков [9].

Таким образом, как показывает анализ проблемного поля исследования, происходящие в обществе изменения, трансформируют девиации, в социуме возникает распространение не только общего, традиционного девиантного поведения, но и специфической формы девиантного поведения молодежи. В связи с этим среди научного сообщества актуализируется изучение проблематики девиантного поведения молодежи, особенно важно понимать, каковы причины современных девиаций в молодежной среде. В рамках данной статьи мы коснемся рассмотрения факторов, детерминирующих девиантное поведение российской молодежи.

С точки зрения социологического подхода, девиантное поведение молодежи является следствием нарушения ею норм и правил, существующих в определенных социальных группах или в обществе в целом [10]. То есть молодые люди отказываются следовать установленным нормам конкретного общества (группы), и, как следствие, возникают девиации. Исследователи выделяют традиционные девиации и новые девиации [10]. К традиционному девиантному поведению можно отнести употребление алкоголя, наркотиков, психоактивных веществ, табакокурение. Среди новых девиаций можно отметить такие, как: анорексия, булимия, кибербуллинг, виртуальное мошенничество, деструктивный стриминг, скул-шутинг, течение чайлд-фри.

Существование обозначенных девиаций возникает под воздействием различных социальных факторов, среди которых, на наш взгляд, наиболее существенными являются: цифровизация, информатизация, прагматичность, сверхпотребление, снижение уровня духовности, отсутствие общепринятых идеалов. Остановимся на освещении данных факторов.

В настоящее время огромный исследовательский интерес устремлен к таким факторам девиантного поведения молодежи, как цифровизация и информатизация [11]. Сегодня цифровые технологии активно вошли в жизнь каждого человека, особенно молодежи, и позволили людям в какой-то степени облегчить свою жизнь: электронная оплата платежных квитанций по услугам ЖКХ, электронная запись в государственные учреждения, дистанционные занятия, постоянный доступ в Интернет, к сериалам, фильмам, книгам. Появление цифровых гаджетов и построение информационного общества не только позволяют человеку сделать жизнь легче, но и вносят определенные риски. Информатизация породила огромное количество социальных сетей, где основными пользователями являются молодые люди. Молодежь поглощает медиаконтент и активно производит его. Данные, полученные в ходе исследования ВЦИОМ, посвященные социальным сетям, показывают, что 50% опрошенных в своей повседневной жизни ежедневно используют хотя бы одну из социальных сетей и всего лишь 10% респондентов отметили, что у них нет собственного аккаунта ни в одной из существующих социальных сетей¹. Развитие социальных сетей и активное участие молодежи в виртуальной жизни посредством данных технологий обострило проблему онлайн-радикализации молодежи в социальных сетях [12]. В связи с тем, что молодежь, в силу своего возраста и жизненного опыта, обладает менее устойчивой психикой [13], она более подвержена влиянию со стороны радикально-настроенных сообществ социальных сетей и различных видеохостингов [14]. Посредством общения в социальных сетях молодых людей могут втягивать в экстремистские и террористические группировки.

Современные молодые люди обладают сверхпотреблением и прагматичностью, что, в свою очередь, может приводить к такой проблеме, как неконтролируемый шопоголизм. Данному явлению способствует и то, что в настоящее время активно распространяются онлайн-маркетплейсы, которые позволяют людям, сидя дома, совершать покупки в один клик на компьютере или телефоне. Такие сервисы часто предоставляют возможность покупки в кредит, что может приводить к покупке ненужных вещей и обременять людей кредитными обязательствами.

Снижение уровня духовности и отсутствие общепринятых идеалов может подтолкнуть молодежь к одобрению гомосексуальных отношений или поддержанию пришедшей с западных стран течения чайлд-фри. Данные социальные факторы приводят к трансформации общественных отношений и социальных ценностей, что отражается на формировании установок на деторождение и семью [15].

ВЦИОМ в 2021 году проводил замеры по отношению россиян к однополым бракам, в ходе которых выяснилось, что 5% респондентов, принявших участие в опросе, полностью поддерживают право на официальную регистрацию однополых браков. Если проанализировать возраст респондентов, поддерживающих данное явление, то стоит заметить, что 39% таких респондентов именно

¹ Каждому возрасту - свои сети. Исследование ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kazhdomu-vozzrastu-svoi-seti>

молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет¹. То есть именно молодежь считает такие формы взаимоотношений новой нормой в современной реальности.

Также стоит отметить и тот факт, что существующие девиации могут породить другие формы девиантного поведения молодежи. В настоящее время распространен буллинг, когда происходит травля, агрессивное преследование одного человека другим. Агрессия со стороны одних молодых людей может вызвать неадекватную реакцию человека, к которому направлен буллинг, что, в свою очередь, иногда заканчивается весьма трагично. Примерами влияния буллинга могут служить трагедии, произошедшие в Керчи, Казани, Перми, где молодые люди устроили массовые убийства в учебных заведениях (скул-шуттинг). Одной из причин, по которым случились данные трагедии, как указано в СМИ, являлся буллинг скулшуттеров со стороны других обучающихся. Конечно, в описанных ситуациях огромную роль играет комплекс факторов, как макросоциального, так и микросоциального характера, но для молодых людей в их возрасте очень важны взаимоотношения со сверстниками. Если взаимоотношения болезненные, противоречивые, то молодежь демонстрирует ошибку социальной перцепции в виде эффекта ореола и может деструктивно реагировать на весь окружающий мир.

Проанализированные социальные факторы способствуют тому, что современные молодые люди в быстро изменяющемся обществе стремятся попробовать различные социальные практики, не задумываясь о том, являются ли они деструктивными, и чему это может поспособствовать в дальнейшем. Обозначенные нами факторы могут привести к нарушению механизма индивидуализации, социализации и социальной адаптации личности молодого человека, что повлияет на процесс самоидентификации и угрожает искажением в формировании ценностных установок молодежи.

Безусловно, влияние данных социальных факторов необходимо минимизировать. Такая минимизация и устранение может вестись посредством разработки и реализации различных стратегий противодействия распространения девиантного поведения в молодежной среде на уровне государства, семьи, образования.

Список источников

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Российская молодежь: истоки и этапы социологического изучения // Гуманитарий Юга России. 2012. №3. С. 11–36.
2. Gafiatulina N., Shishova N., Volkova D., Topchiy I. Applying of information and communication technologies in the education process / Collection: E3S Web of Conferences. 13. Ser. "13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, Interagromash 2020" 2020. С. 15031.
3. Артамонова Я. В., Барсуков С. С. Факторы девиантного поведения Российской молодежи: теоретико-методологический и социальный анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 206–211.
4. Крылова, М.А. Истоки и социальные основы девиантного поведения в современных общественных практиках // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 3. С. 84–89.
5. Шалагин А.Е., Шалагина А.К. Типология подростков и молодежи, характеризующихся различными формами девиантного поведения // Вопросы педагогики. 2020. № 4-1. С. 289–293.
6. Маликова Е.В. Девиантное поведение молодежи: классификация, типология, проблемы // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2015. №5-6 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-povedenie-molodezhi-klassifikatsiya-tipologiya-problemy>
7. Березина Е.Б., Бовина И.Б. Алкоголизм и наркомания в обыденных представлениях молодежи // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/alkogolizm-i-narkomaniya-v-obydennyh-predstavleniyah-molodezhi>
8. Нахимова Я.Н., Ромашкина Г.Ф. Социальные установки молодежи на употребление наркотиков и профилактика наркомании // Образование и наука. 2017. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-ustanovki-molodezhi-na-upotreblenie-narkotikov-i-profilaktika-narkomani>
9. Кузина Л.С. «Сетевой наркомаркетинг» как один из факторов вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков // Вестник ВИ МВД России. 2020. №4. С. 285–290.

¹ Однополые браки: табу или новая норма? Исследование ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odnopolye-braki-tabu-ili-novaja-norma>

10. Фурсова В.В., Маслова Л.П. Нормализация отношения к девиантному поведению в студенческом сообществе (на примере традиционных и новых девиаций) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2021. №1 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normalizatsiya-otnosheniya-k-deviantnomu-povedeniyu-v-studencheskom-soobschestve-na-primere-traditsionnyh-i-novyh-deviatsiy>

11. Karapetyan E.A., Gafiatulina N.Kh., et al. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society // Revista Gênero e Direito. 2020. Т. 9. № 4. С. 830–845.

12. Карпова А.Ю., Савельев А.О., Вильнин А.Д., Чайковский Д.В. Изучение процесса онлайн-радикализации молодежи в социальных медиа (междисциплинарный подход) // Мониторинг. 2020. №3 (157). С. 159–181.

13. Kasyanov V.V., Davydova G.I., Motsovkina E.V., et al. Volunteering as a mechanism of socio-pedagogical work and youth social policy of the state under the conditions of risk. Humanidades & Inovação. 2021. Т. 8. № 31. С. 79–86.

14. Тагильцева Ю.Р., Воробьева И.В., Кружкова О.В., Руденкин Д.В., Бабилова М.Р., Никифорова Д.М. Интернет-механизмы вовлечения в экстремистские сообщества // Российский психологический журнал. 2019. №1. С. 189–218.

15. Большунова Т.В. Феномен чайлдфри: макросоциологический анализ // Вестник ГУУ. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-chayldfri-makrosotsiologicheskiiy-analiz> (дата обращения: 21.01.2022).

References

1. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Russian Youth: Origins and Stages of Sociological Study. *Gumanitarij YUga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2012;(3). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-molodezh-istoki-i-etapy-sotsiologicheskogo-izucheniya-1> [Accessed: 13.01.2022] (In Russ.)
2. Gafiatulina N., Shishova N., Volkova D., Topchii I. Applying of information and communication technologies in the education process / *Collection: E3S Web of Conferences. 13. Ser. "13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, Interagromash 2020"* 2020. С. 15031.
3. Artamonova Ya. V., Barsukov S. S. Factors of deviant behavior of Russian youth: theoretical, methodological and social analysis. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scientific notes*. 2021; 3: 206-211 (In Russ.)
4. Krylova M.A. Origins and social foundations of deviant behavior in modern social practices. *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovykh issledovanij = Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. 2021; 3: 84-89 (In Russ.)
5. Shalagin A.E., Shalagina A.K. Typology of adolescents and youth characterized by various forms of deviant behavior. *Voprosy pedagogiki = Issues of Pedagogy*. 2020; 4-1: 289-293 (In Russ.)
6. Malikova E.V. Deviant behavior of youth: classification, typology, problems. *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya = Topical issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history*. 2015; 5-6 (46). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-povedenie-molodezhi-klassifikatsiya-tipologiya-problemy> [Accessed: 19.01.2022] (In Russ.)
7. Berezina E. B., Bovina I. B. Alcoholism and drug addiction in the everyday ideas of youth. *Vestnik RUDN. Seriya: Psihologiya i pedagogika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*. 2010; 3. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/alkogolizm-i-narkomaniya-v-obydennyh-predstavleniyah-molodezhi> [Accessed: 19.01.2022] (In Russ.)
8. Nakhimova Ya. N., Romashkina G. F. Social attitudes of youth towards drug use and prevention of drug addiction. *Obrazovanie i nauka = Education and Science*. 2017; 6. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-ustanovki-molodezhi-na-upotreblenie-narkotikov-i-profilaktika-narkomanii> (In Russ.)
9. Kuzina L. S. «Network drug marketing» as one of the factors involving minors in drug trafficking. *Vestnik VI MVD Rossii = Bulletin of the VI Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020; №4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoy-narkomarketing-kak-odin-iz-faktorov-vovlecheniya-nesovershennoletnih-v-nezakonnyy-oborot-narkotikov> [Accessed: 19.01.2022] (In Russ.)

10. Fursova V.V., Maslova L.P. Normalization of attitudes towards deviant behavior in the student community (on the example of traditional and new deviations). *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik = Kazan Social and Humanitarian Bulletin*. 2021; 1 (48). Available from:

<https://cyberleninka.ru/article/n/normalizatsiya-otnosheniya-k-deviantnomu-povedeniyu-v-studencheskom-soobshchestve-na-primere-traditsionnyh-i-novyh-deviatsiy> (In Russ.)

11. Karapetyan E.A., Gafiatulina N.Kh., et al. Cyber socialization as a factor of influence on the social health of student youth in a modern educational environment under the development of a global information society. *Revista Gênero e Direito*. 2020;9(4):830–845.

12. Karpova A. Yu., Savelyev A. O., Vilnin A. D., Chaikovskiy D. V. Studying the process of online radicalization of youth in social media (interdisciplinary approach). *Monitoring*. 2020; 3 (157). (In Russ.)

13. Kasyanov V.V., Davydova G.I., Motsovkina E.V., et al. Volunteering as a mechanism of socio-pedagogical work and youth social policy of the state under the conditions of risk. *Humanidades & Inovação*. 2021. T. 8. № 31. С. 79-86.

14. Tagiltseva Yu.R., Vorobieva I.V., Kruzhkova O.V., Rudenkin D.V., Babikova M.R., Nikiforova D.M. Internet mechanisms of involvement in extremist communities. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal = Russian psychological journal*. 2019; 1. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mehanizmy-vovlecheniya-v-ekstremistskie-soobshchestva> (In Russ.)

15. Bolshunova T.V. The childfree phenomenon: a macrosociological analysis. = Bulletin of the SUM. 2018; 4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/phenomen-chayldfri-makrosotsiologicheskij-analiz> (In Russ.)

Информация об авторах:

К. С. Чикаева – докт. ист. наук, проф.;

В. Н. Власова – докт. филос. наук, проф.;

В. В. Ковров – канд. педагог. наук, доц.

Information about the authors

K. S. Chikaeva – Doctor of Historical Sciences, Professor;

V. N. Vlasova – Doctor of Philosophy, Professor;

V. V. Kovrov – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 18.02.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 18.02.2022

Научная статья
УДК 316.347(470.62)
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-269-275

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

Мадина Магомедкамиловна Шахбанова

Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия, madina2405@mail.ru

Аннотация. Возросший интерес к положению национальных (родных) языков в мировом пространстве обусловлен усилением процессов глобализации и наряду с ней урбанизации, формированием информационного общества, которое определяет доминантный язык, который необходим для осуществления коммуникации. Рост значимости одного языка закономерно способствует ослаблению статуса других национальных языков, сужению областей их функционирования, соответственно, трансформации языкового сознания и поведения человека. Республика Дагестан является многоязычным регионом, в котором функционирует множество национальных языков и диалектов. Интенсивность модернизации и урбанизации оказывает огромное влияние на этноязыковые процессы, формирование определенного языкового сознания и вытекающего из него языкового поведения. Поэтому изучение состояния и статуса национального языка не только как ключевого идентификатора этнической самоидентификации индивида и средства общения, языкового сознания городского населения, предпочтительный для них язык межличностной коммуникации, отношение к родному языку своей этнической общности, влияние средств массовой информации на языковое сознание представляется актуальным в русле этноязыковых процессов, которые очень сложно протекают в многонациональном сообществе. Эмпирический материал показывает, что в современном городском пространстве протекают сложные этноязыковые процессы, наблюдается снижение веса национальных (родных) языков при усилении значения русского языка. Установлено, что происходит трансформация языкового сознания городского населения, предпочтение отдается не национальному (родному) языку, приоритетным является коммуникация на русском языке.

Ключевые слова: национальный язык, языковое сознание, языковое поведение, городское пространство, городское население, языковая политика, языковой конфликт

Для цитирования: Шахбанова М. М. Языковое сознание городского населения Дагестана // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 269–275. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-269-275>.

Sociology Problems

Original article

LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE URBAN POPULATION OF DAGESTAN

Madina M. Shakhbanova

Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, madina2405@mail.ru

Abstract. The increased interest in the position of national (native) languages in the world space is due to the intensification of the processes of globalization and, along with it, urbanization; the formation of an information society, which itself determines the dominant language that is necessary for communication. The growth of the importance of one language naturally contributes to the weakening of the status of other national languages, the narrowing of the areas of their functioning, respectively, the transformation of linguistic consciousness and human behaviour. The Republic of Dagestan is a multilingual region in which many national languages and dialects function. The intensity of modernization and urbanization has a huge impact on ethno-linguistic processes, the formation of a certain linguistic consciousness and the resulting linguistic behaviour. Therefore, the study of the state and status of the national language not only as a key identifier

of the ethnic self-identification of an individual and a means of communication, the linguistic consciousness of the urban population, their preferred language of interpersonal communication, attitude to the native language of their ethnic community, the influence of the media on linguistic consciousness seems to be relevant in the mainstream ethnolinguistic processes, which are very difficult in a multinational community. Empirical material shows that complex ethnolinguistic processes are taking place in the modern urban space; there is a decrease in the weight of national (native) languages with an increase in the importance of the Russian language. It has been established that there is a transformation of the linguistic consciousness of the urban population, preference is given not to the national (native) language, the priority is communication in Russian.

Keywords: national language, linguistic consciousness, linguistic behaviour, urban space, urban population, language policy, language conflict

For citation: Shakhbanova M. M. Language consciousness of the urban population of Dagestan. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(1):269–275. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-269-275>.

Постановка исследовательской проблемы

При анализе этнической сферы, наряду с собственно национальными отношениями, межнациональной толерантностью, интенсивностью межличностной коммуникации, ярко высвечиваются вопросы состояния национальных (родных) языков, их статуса, языка межнационального общения, языкового сознания и языкового поведения, а также сфер использования национальных языков. Не вызывает сомнения, что языковая политика, языковая сфера и происходящие в ней преобразования в форме изменения языкового поведения и языкового самосознания являются актуальными. И для их активизации имеются объективные и субъективные факторы, в частности, глобализационные, модернизационные и урбанизационные векторы общественного развития. При анализе языкового сознания населения необходимо принимать во внимание источник формирования социокультурного статуса национальных языков, который включает в себя следующие измерения: 1. синтагматический, 2. парадигматический, 3. этнопсихологический. Взаимоотношения между ними не всегда однозначны [1, с. 106].

Исследователи ключевым фактором в формировании, во-первых, языкового сознания, во-вторых, его полноценного развития считают наличие письменности, следовательно, и печатных изданий, которые могут быть основным источником информации. Послереволюционный период показал существование больших проблем и задач в языковой сфере, так на Северном Кавказе письменность имели осетины (на основе русской графики), аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, ногайцы, чеченцы (на основе арабской графики).

После установления Советской власти для северокавказских народов начали создавать письменность на основе латинской графики с доводом о преимуществе латинского алфавита перед арабским: «несоответствие старого арабского алфавита фонетике многих дагестанских языков, уже задержало в прошлом развитие их письменности... Латинский алфавит имеет несомненные преимущества над арабским и реформированным арабским» [2, с. 18]. На III сессии ЦИК ДАССР (1929 г.) было принято решение «Об обязательном и окончательном переходе на новый латинский алфавит», а с 1 октября 1930 г. латинский алфавит считался единственным государственным алфавитом в ДАССР [3]. Однако и латинский алфавит по ряду причин не всех устраивал, ибо букв в латинском алфавите было меньше, чем звуков в дагестанских языках. Более того, латинский алфавит мешал быстрому распространению русского языка, становлению его средством межнационального общения. Поэтому в 1937 г. XIV партконференция Дагестана приняла решение о введении нового алфавита на русской основе. В 4 февраля 1938 г. бюро Дагестанского областного комитета партии и ЦИК ДАССР принял постановление «О переводе письменности народностей Дагестана с латинизированного на русский алфавит».

Таким образом, Советской власти удалось в кратчайшие сроки решить вопрос с созданием письменности для дагестанских народов и наладить обучение. Закономерные исторические процессы способствовали изменению языковой ситуации в стране, повышению статуса русского языка как языка межнациональной коммуникации при параллельном снижении функций родных (национальных) языков, следствием чего явилась трансформация языкового сознания и языкового поведения. Поэтому в статье рассматривается языковое сознание дагестанских народов, чтобы прогнозировать дальнейший вектор развития языкового процесса в современном Дагестане.

Эмпирическая часть исследования. Целью исследования является изучение этноязыковых процессов в современном дагестанском обществе. Объектом исследования выступает городское население Дагестана. Предметом исследования являются языковое сознание и языковое поведение городского населения Дагестана. Методом исследования является массовое стандартизированное анкетирование и анализ эмпирических данных. Социологический опрос по изучению языкового сознания и языкового поведения городского населения Дагестана проведен в 2021 г. в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Кизляр, Хасавюрт. N = 520.

Результаты исследования

Важнейшим фактором формирования языкового сознания являются печатные издания на национальных языках (газеты, журналы, художественная литература и др.), причем ключевым является их востребованность в получении информации. В настоящее время в Дагестане зарегистрировано более 400 печатных и электронных СМИ, среди них газеты и журналы на национальных языках дагестанских народов: «Дагестанская правда», «Молодежь Дагестана», «Истина» (аварский яз.), «Елдаш» (кумыкский яз.), «Илчи» (лакский яз.), «Лезги газет» (лезгинский яз.), «Замана» (даргинский яз.), «Нур» (цахурский яз.), «Зори Табасарана» (табасаранский яз.), «Дербент» (азербайджанский яз.), «Ватан» (татский яз.), «Вести Агула» (агульский и русский яз.), «Голос степи» (ногайский яз.), «Рутульские новости» (рутульский и русский яз.), «Степные вести» (русский яз.), «Нийсо-Дагестан» (чеченский и русский яз.); «Дружба» (на аварском яз.), «Радуга» (на даргинском яз.), «Утренняя звезда» (на кумыкском яз.), «Самур» (на лезгинском яз.), «Новолуние» (на лакском яз.), «Соколенок» (журнал для детей на аварском, даргинском, кумыкском, лезгинском, лакском, табасаранском, ногайском языках). Таким образом, приведенные выше данные свидетельствуют о существовании в Дагестане сильной информационной базы. Вместе с тем, возникают вопросы «Насколько востребованы национальные СМИ в современном дагестанском обществе?», «Представляют ли они интерес для массового зрителя?» и чтобы получить ответы на эти вопросы в анкету опроса были включены вопросы, позволяющие выявить языковое поведение городского населения Дагестана.

Полученный на вопрос «Выписываете ли Вы газеты и журналы на национальном языке своего народа?» эмпирический материал показывает, что 75,6 % опрошенных по всему массиву не выписывают газеты и журналы на национальных языках и по этнической принадлежности ответы распределились следующим образом: 75,7 % аварцев, 81,7 % даргинцев, 62,3 % лезгин, 71,1 % лакцев, 82,3 % кумыков, 75,9 % чеченцев. Доля придерживающихся данного суждения заметно уменьшается с возрастом, что объясняется большей ориентированностью старшего поколения на получение информации из печатных изданий, по сравнению с молодой когортой, которая активна в социальных сетях: с 85,7 % в возрастном интервале 0 – 20 лет до 46,9 % старше 60 лет.

Авторское предположение, что на языковое сознание опрошенного городского населения влияет уровень образования, эмпирическим материалом не подтверждается: не выписывают газеты и журналы на национальных языках 77,4 % опрошенных со средним, 79,7 % средним специальным и 69,2 % высшим образованием. Кроме того, качество обучения национальным (родным) языкам в школах, отсутствие целенаправленной этноязыковой политики в республике и ряд других факторов способствует снижению статуса национального (родного) языка в современном дагестанском обществе. Языковая политика не заключается, более того, и не должна заключаться в ежегодном праздновании Дня национальных (родных) языков, проведении в этот день определенных «дежурных» мероприятий, на которых декларируется необходимость изучения родных языков. Видимо, в данной области необходимо вести иную политику, обозначить первоочередные меры, которые позволят улучшить ситуацию в языковой сфере.

На второй позиции располагается утвердительный вариант ответа – «да, выписываю газеты», отмеченный одной четвертой частью респондентов по всему массиву, по этническому разрезу выделяются аварцы (16,2 %), лезгины (18,0 %), даргинцы (13,4 %) и лакцы (15,6 %), доля которых сравнительно больше, в сравнении, с подмассивами кумыков (7,6 %) и чеченцев (6,9 %). Кроме того, можно отметить увеличение с возрастом – с 6,7 % в разрезе 0 – 20 лет до 43,8 % в когорте старше 60 лет – разделяющих это суждение. Позиции «да, выписываю газеты и журналы» и «да, выписываю журналы» отмечены статистически небольшой долей опрошенного городского населения – 3,6 % и 4,6 %, соответственно. В исследование не были включены вопросы, которые выявили бы причины, из-за которых опрошенное население не выписывает периодические издания на родных (национальных) языках. Далее, сравнительный анализ по годам (2009 и 2021 гг.) свидетельствует о заметном изменении языкового предпочтения опрошенных горожан: так существенно увеличилось количество не выписывающих печатные издания на национальных (родных) языках (64,0 % в 2009 г.

против 75,6 % в 2021 г.) при параллельном уменьшении тех, кто подписывался на них: в 2009 г. 22,9 % респондентов выписывали газеты, в 2021 г. таковых 13,0 %; процентный показатель выписывающих журналы на национальных языках не изменился – 4,6 % в 2009 г. против 4,2 % в 2021 г.; более чем в 2,5 раза уменьшилась доля опрошенных, которая выписывала газеты и журналы на национальных (родных) языках.

Полученный материал позволяет утверждать, что наблюдается ухудшение ситуации в языковой сфере, сопровождающееся уменьшением веса национального (родного) языка, видимо, такая тенденция будет и дальше продолжаться, причем развитие будет идти по негативному сценарию.

Индикатором измерения языкового сознания является уровень владения национальным (родным) языком. В авторском исследовании этноязыковых процессов в городском пространстве в анкету исследования был включен вопрос «Насколько свободно Вы владеете своим родным языком?», который позволяет выявить уровень владения горожан национальным (родным) языком. По всему массиву опрошенных, «говорят, читают и пишут свободно на своем родном языке» 51,0 % опрошенных, среди них по этнической принадлежности 60,8 % аварского, 42,7 % даргинского, 49,2 % лезгинского, 40,0 лакского, 51,9 % кумыкского и 55,2 % чеченского населения, т.е., в сравнении, более «ярко» языковое сознание проявляется у респондентов аварцев, хотя можно выделить чеченцев и кумыков; анализ по социально-демографическим параметрам показывает отсутствие ярко выраженных отличий по возрасту и образованию в уровне владения горожанами родным языком: с 52,6 % в возрастном разрезе 0 – 20 лет до 53,1 % старше 60 лет, и с 49,7 % имеющих среднее образование до 51,7 % с высшим образованием. При этом одна пятая часть респондентов «только говорит» и сопоставление с другими этническими подгруппами показывает, что доля таковых больше в подмассиве чеченцев (31,0 %), кумыков (25,3 %), лакцев (24,4 %) и лезгин (21,3 %). Дальнейший анализ показывает увеличение с возрастным и уровнем образования числа респондентов, которые только говорят на родном языке: 14,9 % в возрасте 0 – 20 лет, 21,6 % 21 – 39 лет, 26,3 % 40 – 59 лет, 28,1 % старше 60 лет, 16,4 % со средним, 18,2 % средним специальным, 26,4 % высшим образованием. При этом 16,4 % респондентов по всему массиву «не говорят, но понимают родной язык», среди них 20,7 % в подгруппе даргинцев, 18,0 % лезгин, 17,8 % лакцев, 15,2 % кумыков. По возрасту и образованию доля таковых существенно больше среди молодого поколения (21,6 % в разрезе 0 – 20 лет) и в подмассиве с низким образовательным статусом (22,6 % имеющие среднее образование против 16,1 % со средним специальным и 10,4 % с высшим образованием), но меньше в возрастной подгруппе «от 60 лет и старше» (3,1 %). Полное незнание родного языка обозначено 8,0 % респондентов, среди них лакцы (13,3 %), даргинцы (9,8 %) и лезгины (9,6 %). Заметных отличий по социально-демографическим признакам при анализе полученного материала не установлено. Сравнение данных по годам (2009 и 2021 гг.) показывает, что по одному из важнейших суждений («говорю, читаю и пишу свободно на своем родном языке») заметно снизились показатели (57,2 % в 2009 г. против 51,0 % в 2021 г.) при параллельном увеличении числа «только говорящих на родном языке» (24,2 % в 2009 г. против 21,2 % в 2021 г.), «не говорящих, но понимающих родной язык» (6,7 % в 2009 г. против 16,4 % в 2021 г.), «вообще не говорящих, не читающих и не пишущих на родном языке» (3,1 % в 2009 г. против 8,0 % в 2021 г.); также уменьшилась доля «говорящих с затруднениями на родном языке» (8,2 % в 2009 г. против 2,6 % в 2021 г.).

Таким образом, эмпирический материал свидетельствует, что уровень знания родного языка у респондентов не очень высокий (чуть больше половины опрошенных по всему массиву), причем можно наблюдать снижение процентных показателей по годам. Это, на первый взгляд, больше 50 % владеющих родным языком создает позитивную языковую картину, а реалии свидетельствуют о несоответствии декларируемого тезиса реальной картине в языковой сфере.

Как известно, русский язык, являясь языком межэтнической коммуникации, закономерно определяет свой высокий статус, интенсивность и масштабность распространения. Русский язык, который является языком межнациональной коммуникации, в современном дагестанском обществе доминирует во всех социальных сферах, что является закономерным для многоязычного региона. При этом существенно ослаблены значение и вес национальных (родных) языков. В этой связи интерес представляют данные об уровне владения городского населения Дагестана русским языком. По данным Всероссийской переписи 2010 г., в Дагестане на владение русским языком указало 2634 тыс. чел. (90,5 % из числа ответивших на вопрос о владении русским языком), в 2002 г. – 83,1%. Среди горожан владели русским языком (95,7 %), а среди сельского населения – 86,2 % [4, с. 21].

Эмпирический материал на вопрос «Насколько свободно Вы владеете русским языком?» показывает, что 90,8 % опрошенных горожан по всем параметрам анализа «говорят, читают и пишут свободно на русском языке» при статистически небольших процентах по другим вариантам ответов: «только говорю» (3,8 %), «не говорю, но понимаю русский язык» (1,6 %), «вообще не говорю, не читаю и не пишу на русском языке» (0,8 %), «говорю с затруднениями» (0,6 %). При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что с возрастом и уровнем образования снижается доля респондентов, которые говорят, читают и пишут свободно на русском языке, кроме того, сравнительный анализ по годам показывает, что за прошедший период уменьшилась доля отметивших данный вариант ответа (95,4 % в 2009 г. и 90,98 % в 2021 г.). При этом можно заметить уменьшение с возрастом числа респондентов, которые «говорят, читают и пишут свободно на русском языке» с 93,8 % в возрастном интервале 0 – 20 лет до 87,5 % в разрезе старше 60 лет.

В рамках исследования этноязыковых процессов и поведения городского населения научный интерес представляют данные о владении национальным (родным) и русским языками. Как показывает эмпирический материал показатели владения родным и русским языками заметно отличаются: если больше 90,0 % опрошенного городского населения Дагестана отмечает хорошее знание русского языка, то процентные показатели в отношении владения национальным языком существенно меньше.

Полученный социологический материал является еще одним подтверждением низкого языкового сознания горожан, в данном случае речь идет о родных языках. Разумеется, желательным был бы высокий уровень владения городского населения как национальным (родным), так и русским языками. Также при анализе необходимо принимать во внимание тот факт, что в массив вошли респонденты, выросшие в межнациональной семье, что, однако, по мнению автора, ни в коем случае не является основанием для незнания национального языка хотя бы одного из родителей. Данные авторского опроса показывают, что 76,2 % опрошенных выросли в однонациональной семье (мать и отец одной национальности) и 18,0 % в межэтническом браке в смешанной семье.

Таким образом, индикатором измерения языкового сознания является желание, вернее стремление улучшить личное владение родным языком. Результаты исследования показывают, что 79,6 % опрошенного городского населения хотели бы улучшить качество владения языком собственной этнической общности, среди них 84,5 % аварцев, 73,2 % даргинцев, 78,7 % лезгин, 86,7 % лакцев, 70,9 % кумыков, 86,2 % чеченцев. При этом 12,0 % респондентов отрицательно ответили на этот вопрос и здесь выделяются кумыки (16,5 %), даргинцы (14,6 %), лезгины (13,1 %) и лакцы (13,3 %), меньше всего таковых в подгруппе аварцев (7,4 %) и чеченцев (6,9 %).

Сопоставление эмпирического материала по годам (2009 и 2021 гг.) показывает заметное уменьшение доли желающих улучшить качество владения родным языком (с 88,7 % в 2009 г. до 79,6 % в 2021 г.) при одновременном росте числа респондентов придерживающихся противоположного суждения (5,7 % в 2009 г. и 12,0 % в 2021 г.) и затруднившихся выразить свою позицию (с 4,6 % в 2009 г. до 6,6 % в 2021 г.). При этом обращает на себя внимание увеличение количества опрошенных положительно ответивших на него по возрасту и образованию. Почти одинаковый процент респондентов во всех возрастных подгруппах не ориентированы на получение глубоких знаний по родному языку (12,4 % в разрезе 0 – 20 лет, 12,3 % 21 – 39 лет, 13,2 % 41 – 59 лет), по образованию их больше среди имеющих среднее образование (15,7 % против 9,8 % респондентов со средним специальным и 10,0 % высшим образованием).

Таким образом, данные опроса показывают ориентированность опрошенных горожан на улучшение качества владения родным языком, однако сравнение по годам констатирует уменьшение доли таковых и данное обстоятельство является основанием для утверждения о существовании эрозии языкового сознания. Поэтому важнейшим условием сохранения и развития родных языков в Российской Федерации, гарантией их использования в образовании является научно обоснованная, системная национальная образовательная и языковая политика, обеспечивающая единство образовательного пространства и учитывающая интересы народов, особенно малочисленных.

Выявленные в ходе исследования установки в массовом сознании горожан констатирует существование огромного разрыва между декларируемым и действительным: степень и уровень владения родным (национальным) языком, частота и приоритетность его использования в разных сферах, действительное использование родного языка для получения информации и т.д. позволяют сделать вывод о преобладании русского языка практически во всех социальных сферах жизнедеятельности дагестанских этносов.

Несмотря на то, что респонденты указывают на хорошее владение родным языком и интенсивность его использования в процессе общения, реальная картина иная: в городской местности

практически повсеместно, в том числе и в семейном кругу, межличностная коммуникация поддерживается в основном на русском языке, даже при хорошем владении родным языком. Видимо, причина кроется в том, что «в последние десятилетия наблюдается спад интереса у молодого поколения дагестанцев к языку и культуре народа. В книжных магазинах остается невостребованной литература на дагестанских языках. Это очень тревожный знак. Ведь, чтобы стать по-настоящему образованным человеком, необходимо знать и свой язык, и свою культуру, и свою историю, ибо, если человек не владеет языком предков, его духовные потери невосполнимы, и воспринять культуру другого народа сполна не может» [5, с. 3].

Приобретение русским языком статуса языка межнационального общения способствовало снижению роли национальных языков во всех сферах жизнедеятельности народов. Надо отметить, что не беспочвенны опасения отдельных деятелей национальной интеллигенции, усматривающие в усилении роли и значения русского языка как средства межнационального общения и обучения, чуть ли не утрату этнической принадлежности.

Неоспоримым фактом является, что выросло не одно поколение, не владеющее или же слабо владеющее национальным языком, особенно в городской местности. Более того, «родные языки сузили сферу своего распространения до размеров семьи. Но процесс постепенного вытеснения продолжается и на этом уровне... Языки малых народов России лишены устремленности в будущее, реальной духовной перспективы, нацеленности на развитие, на освоение и переработку постоянно меняющейся информации» [6, с. 102].

Заключение

Проведенное исследование показывает, что национальный язык является важнейшим этноопределителем, поэтому его статус влияет на формирование негативного или позитивного языкового сознания человека. Эмпирический материал показывает важность для городского населения Дагестана национального (родного) языка, и подавляющая часть респондентов ориентирована на улучшение качества знания и владения им. Вместе с тем, исторические реалии, обусловленные модернизацией и урбанизацией, вносят свои коррективы в формирование языкового сознания: уменьшение веса родного языка, отсутствие потребности широкого его использования, особенно в полиэтничном образовании, каковым является Дагестан.

Сравнительный анализ результатов социологических опросов (2009 и 2021 гг.) ярко продемонстрировал ослабление языкового сознания опрошенного городского населения Дагестана. При этом декларирование ценности национального языка и желание изменить свои языковые предпочтения, к сожалению, остаются всего лишь пассивным провозглашением, ибо не наблюдается изменение языкового поведения. Не вызывает сомнения отсутствие возможностей по уравниванию национальных языков с русским языком, потому что сама жизнь обуславливает большую потребность в качественном владении именно русским языком. Однако, для сохранения языкового многообразия республики необходимо принять Закон о языках народов Дагестана, который позволит, во-первых, сохранить родные языки, во-вторых, повысить языковое сознание, в-третьих, позволить не допустить появления в общественном сознании горожан интолерантности.

Список источников

1. Бгажноков Б. Х., Шогенов А. А. Кризис национальных языков России // Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара. Элиста: Джангар, 2000. С. 101–109.
2. Материалы к докладу т. Коркмасова, принятые бюро ДК ВПК(б) от 31 августа с.г. к вопросу о языке и алфавите с приложением проекта резолюции бюро ДК ВПК (б) от 19 июня 1927 г. Махачкала, 1927. 19 с.
3. Красный Дагестан. 24 ноября 1929 г.
4. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан. Статистический сборник. Махачкала, 2012. 45 с.
5. Гаджихмедов Н. Многоязычный Дагестан: проблемы без перспектив // Дагестанская правда. 17 июля 2002 г.
6. Бгажноков Б.Х., Шогенов А.А. Кризис национальных языков России // Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара. Элиста: Джангар, 2000. С. 101–109.

References

1. Bgazhnokov B.Kh., Shogenov A.A. The crisis of the national languages of Russia. In: Yazyki narodov Rossii: perspektivy razvitiya. Materialy mezhdunarodnogo seminar [Languages of the peoples of Russia: development prospects. Materials of the international seminar]. Elista: Dzhangar, 2000: 101–109. (In Russ.)
2. Materials for the report of Comrade Korkmasov, accepted by the bureau of the Palace of Culture of the military-industrial complex (b) on August 31 of this year. to the question of language and alphabet with the attachment of the draft resolution of the bureau of the DC VPK (b) of June 19, 1927, Makhachkala, 1927. – 19 p. (In Russ.)
3. Red Dagestan. November 24, 1929. (In Russ.)
4. On some results of the 2010 All-Russian Population Census in the Republic of Dagestan. Statistical collection. Makhachkala, 2012. – 45 p. (In Russ.)
5. Gadzhiakhmedov N. Multilingual Dagestan: Problems Without Prospects. *Dagestanskaya Pravda*. July 17, 2002. (In Russ.)
6. Bgazhnokov B.Kh., Shogenov A.A. The crisis of the national languages of Russia. In: Yazyki narodov Rossii: perspektivy razvitiya. Materialy mezhdunarodnogo seminar [Languages of the peoples of Russia: development prospects. Materials of the international seminar]. Elista: Dzhangar, 2000: 101–109. (In Russ.)

Информация об авторе

М. М. Шахбанова – докт. социол. наук, вед. научн. сотр., Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу.

Information about the author

M. M. Shakhbanova – Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, Division of the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritual Traditions, the Specificity of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2022; принята к публикации 27.01.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 26.01.2022; accepted for publication 27.01.2022.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 276–282
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(1):276–282

Слово молодым ученым

Научная статья

УДК 32

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-276-282

«МЯГКАЯ СИЛА» СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО «ТРЕКОВ» ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ

Стефания Сергеевна Камышанская

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,
kamyshanskaya-ss@ranepa.com

Аннотация. В статье подчеркивается роль образовательной и научной дипломатии как важных измерений общественной дипломатии и продвижения российской «мягкой силы». Автор рассматривает культурное просветительство в качестве одной из смысловых платформ повышения продуктивности внутренней и внешней культурной политики государства; в качестве одного из примеров наращивания потенциала российской «мягкой силы» в позиционируемом «фокусе» анализа изучается опыт коллектива Таганрогского (педагогического) института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) в контексте активного развития и обогащения просветительского контента образовательной и научной дипломатии в рамках реализации широкого спектра программ международной кооперации.

Ключевые слова: мягкая сила, общественная дипломатия, научная и образовательная дипломатия, культурное просветительство, международный гуманитарный диалог, глобализация, культурная политика

Для цитирования: Камышанская С. С. «Мягкая сила» современной России в контексте развития образовательно-просветительского и научно-исследовательского «треков» общественной дипломатии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 276–282. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-276-282>.

Young scientists

Original article

"SOFT POWER" OF MODERN RUSSIA IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL AND RESEARCH "TRACKS" OF PUBLIC DIPLOMACY

Stefania S. Kamyshanskaya

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, kamyshanskaya-ss@ranepa.com

Abstract. The article highlights the role of educational and scientific diplomacy as important dimensions of public diplomacy and promotion of Russian "soft power". The author considers cultural enlightenment as one of the semantic platforms for increasing the productivity of the internal and external cultural policy of the state; as one of the examples of building up the potential of the Russian "soft power" in the positioned "focus" of analysis, the experience of the staff of the Taganrog (Pedagogical) Institute named after A.P. Chekhov (branch) of the Rostov State University of Economics (RSUE) in the context of active development and enrichment of the educational content of educational and scientific diplomacy in the framework of a wide range of international cooperation programs.

Keywords: soft power, public diplomacy, scientific and educational diplomacy, cultural enlightenment, international humanitarian dialogue, globalization, cultural policy

For citation: Kamyshanskaya S. S. "Soft power" of modern Russia in the context of development of educational and research "tracks" of public diplomacy. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(1):276–282. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-276-282>.

Противоречивое, многослойное, сложное развитие современного миропорядка выводит в авангард инструментов обеспечения акторами системы международных отношений возможностей позиционирования своего ценностно-смыслового контента использование «мягкой силы» как особой технологической платформы, эксплицирующейся, в частности, применением ресурсов общественной дипломатии как одного из направлений дипломатической активности, ориентированного на повышение качества артикулирования «послания миру» в качестве своего рода «когнитивно-прагматического продукта», служащего его (актора) конкурентным преимуществом в мире соперничества, «в мире, который стал сетью межинтеллектуальных взаимодействий» [1].

Выступая на Валдайском форуме-2021, Президент РФ В.В. Путин выделил культурно-ценностные, морально-этические универсалии в качестве платформы общественно-политического устройства в современных условиях. По мнению Главы государства, ценности – это продукт культурно-исторического развития каждой нации и продукт уникальный, поэтому важно относиться с уважением к своей истории, культуре и опираться на духовные ценности, на историческую традицию, на культуру нашего многонационального народа, верховенство духовности над материальным¹.

Как отмечает В.Э. Багдасарян, каждая из исторических пандемий меняла мир не просто в виде новых элементов быта, а как смену парадигм. Мир уже никогда не будет таким, каким он являлся до трансформаций 2020 года, реализуемых пока как временная мера в связи с отражением угрозы коронавирусной пандемии. Невозвратность произошедшего связана с тем, что произошло отрицание фундаментальных принципов функционирования прежней модели жизнеустройства: во-первых, прежняя система с глобальными вызовами не справляется, и, во-вторых, жизнь может быть организована сущностно иначе².

Обстоятельства, вызванные пандемией коронавируса, стали драйвером для повсеместного внедрения и развития информационно-коммуникационных технологий в образовательную деятельность, что может рассматриваться как вызов, так и точка роста для российской «мягкой силы» в контексте высшей школы.

Особая роль в выработке российского «послания миру» в фокусе инструментов общественной дипломатии принадлежит научно-педагогическому, академическому сообществу. Наука определяется в качестве приоритета национально развития в ежегодных Посланиях Президента В.В. Путина Федеральному Собранию, а также в указах Президента, направленных на развитие российской науки и образования. Именно наука и высшая школа выстраивают «мосты» для диалога и взаимодействия думающих людей, интеллектуальной элиты различных государств, создают предпосылки для преодоления политических противоречий.

Позиционируемая миссия реализуется российскими вузами как общефедерального масштаба, так и регионального уровня.

Н. Кропачев и К. Худoley выделяют следующие продуктивные направления деятельности вуза как элемента «мягкой силы»: международная деятельность, увеличение учебно-научного потенциала, укрепление позиций вуза как экспертного и аналитического центра [2, с. 100–117].

Ярким примером усиления роли вузов в достижении государственных приоритетов РФ является разработанная в 2021 г. программа «Приоритет – 2030», которая ориентирована на исследования, разработки, инновации, технологический рост и территориальное развитие. Ее выполнение послужит раскрытию потенциала талантливой молодежи, предоставит доступ к качественному высшему образованию, сгладит диспропорции в пространственном развитии государства, ликвидирует недостаток квалифицированных специалистов в социально-экономической сфере. Ключевыми показателями реализации Программы, направленными на совершенствование системы высшего образования, являются: усиление качественных показателей подготовки специалистов; опора на научно-технологический потенциал региональных вузов; коллаборация образования с бизнесом и обществом; формирование консорциумов вузов с другими университетами, научными организациями³.

В качестве положительных аспектов деятельности системы высшего образования выделим происходящую в настоящее время «осязаемую» смену акцентов и переструктуризацию базовых смысловых приоритетов деятельности вузов, в контексте которых на ведущие позиции весьма активно выдвигаются функции общегражданской и культурной социализации студенческой молодежи.

¹ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 23.12.2021).

² Багдасарян, В.Э. Коронавирусный мир: постпандемические модели. [Электронный ресурс]. URL: <http://vbagdasaryan.ru/koronavirusnyj-mir-postpandemicheskie-modeli/> (дата обращения: 23.12.2021).

³ Программа «Приоритет – 2030». [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (дата обращения: 23.07.2021).

Наряду с формированием профессиональных компетенций, необходимых для их успешной профессиональной адаптации на современном рынке труда, важная роль в системе ценностно-смысловых ориентиров функционирования сегментов системы высшего образования отводится просветительской и воспитательной работе. На основе федеральных нормативно-правовых актов определена целевая установка воспитательной деятельности в вузе, которая связана с созданием предпосылок для социальной активности студентов, формирования их гражданской идентичности, профессионального роста и индивидуально-личностного совершенствования для удовлетворения потребностей в нравственном, культурном, интеллектуальном, социальном и профессиональном развитии¹.

Представляется в этой связи достаточно справедливой и актуальной точка зрения, согласно которой, создавая макромир воспитания, мы способствуем обогащению микромира «мотиваторов» формирования и профессиональной идентичности обучающихся.

Очевидно, что в принятой программе «Приоритет – 2030» основной упор сделан на интеллектуальном направлении развития человеческого потенциала; вместе с тем, одним из ключевых компонентов человеческого капитала выступает духовный потенциал, который характеризует человека как носителя культуры и нравственности. Полагаем, что аксиологический базис, формируемый в ходе просветительской и воспитательной деятельности высшей школы, служит фундаментом, на основе которого должен выстраиваться человеческий капитал российского государства и общества. Считаем, что культурное просветительство в качестве одного из пространств деятельности вуза может быть эффективно как в контексте повышения продуктивности внутренней культурной политики государства, направленной на воспроизводство ценностей и смыслов, традиционных для российского общества, так и на внешнеполитических контурах, включающих наращивание «мягкой силы» и защиту, в частности, культурного суверенитета.

Высока значимость просветительской составляющей в контексте модернизации образовательной, культурной и других направлений государственной политики. Особый приоритет обнаруживает просветительская деятельность в российских субъектах и муниципальных образованиях, так как полагаем, что именно на региональном и местном уровне создается фундамент/ базис для устойчивости, целостности и единства государства и общества в контексте глобальных вызовов. Полагаем, в качестве эффективного компонента инструментария, позволяющего актуализировать и обеспечить ценностно-смысловое сопровождение реализации политики российской «мягкой силы», может выступать концепция культурного просветительства как перспективное направление государственной культурной политики. «Мягкую силу» рассматриваем как коммуникативно-когнитивную технологию, в «пакет» инструментария которой входит трансляция лингвокультурных концептов, являющихся носителями и распространителями ценностей [3, с. 139–144].

Основными направлениями просветительской деятельности в позиционируемом контексте являются, во-первых, распространение научно обоснованных сведений, востребованных знаний в рамках достижения высоких показателей социально-экономического роста, наращивания темпов инновационного развития российской экономики в условиях перехода к новому технологическому укладу, и, во-вторых, просветительство призвано реализовать аксиологическую, защитно-охранительную и ориентирующую функции, которые выражаются в формировании и трансляции национальной системы культурных ценностей и культурно-исторических смыслов. Просветительская активность ориентирована на совершенствование институтов гражданского общества, развитие правовой и политической культуры, а также активизацию гражданского участия [4, с. 255–258].

Ярким примером просветительства как инструмента социально-культурной трансформации общества с учетом современных реалий жизни выступает, например, деятельность российского общества «Знания». В соответствии с Указом Президента РФ В.В. Путина целевыми ориентирами общероссийской просветительской организации являются развитие общественных институтов, воспитание россиян в духе традиционных моральных ценностей, социального оптимизма, активной гражданской позиции².

По мнению представителей экспертного сообщества, в условиях увеличения атомизации социума возрастает значимость таких организаций, как общество «Знание», призванных сформировать

¹ Примерная рабочая программа воспитания в образовательной организации высшего образования.

[Электронный ресурс]. URL:

<https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/04/Примерная%20рабочая%20программа%20воспитания%20в%20образовательной%20организации%20выс....pdf> (дата обращения: 23.07.2021).

² Об обществе «Знание» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.znanierussia.ru/about> (дата обращения: 20.12.2021).

объединяющие ценности и смыслы¹. Считаем в этой связи, что деятельность региональных отделений российского общества «Знания», довольно тесно, как известно, взаимодействующих с вузовским сообществом, может дать положительный импульс для наращивания научного базиса и формирования ценностно-смыслового потенциала представителей органов власти в рамках деятельности субъектов местного самоуправления.

В этой связи, возвращаясь к «сюжету» о деятельности (в том числе в партнерстве с обществом «Знание») российских вузов (как известных и авторитетных на федеральном уровне, так и имеющих более очевидную региональную (локальную) «привязку») в контексте обогащения инструментария общественной дипломатии как важного измерения российской «мягкой силы», полагаем уместным обратиться к опыту Таганрогского (педагогического) института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ), коллектив которого довольно принимает довольно активное участие в обеспечении наращивания потенциала российской «мягкой силы».

Институт на постоянной основе развивает международные связи и расширяет формы сотрудничества с зарубежными образовательными и культурно-просветительскими организациями-партнерами, представляющими, например, Австрию, Венгрию, Германию, Францию, Испанию и другие страны. В частности, в 2015–2021 гг. студенты факультета иностранных языков института стали обладателями более 15 грантов в рамках программ продвижения русского языка за рубежом; в контексте сотрудничества головного вуза – РГЭУ (РИНХ) – с Университетом Лион-2 (Франция) в 2016 и 2017 гг. на факультете иностранных языков находились с дружеским визитом делегации студентов из французского города Лион, прошедшие обучение в рамках образовательного проекта «Русский язык и культура для иностранцев»; в течение более 16 лет продолжается плодотворное сотрудничество института с культурно-просветительской некоммерческой общественной организацией «Альянс Франсез – Ростов-на-Дону», которое предусматривает реализацию разнообразных культурно-просветительских проектов для молодежи; ежегодные обмены студентов, преподавателей Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) «РГЭУ (РИНХ)» и школьников, учителей из немецкой школы интегрированного типа имени А. Райхвайна (г. Люденшайд – побратим Таганрога) свидетельствуют о растущем интересе немецкой молодежи к России и ее культуре; набирает обороты сотрудничество с Институтом славистики Дебреценского института (Венгрия), в стратегическом фокусе которого – реализация совместных образовательных и научно-исследовательских проектов, направленных на продвижение русского языка и культуры многонационального народа России в Венгрии (как одно из подтверждений имиджа института как актора российско-венгерской общественной дипломатии можно, на наш взгляд, рассматривать поддержку в 2019-ом году Российским фондом фундаментальных исследований проекта «Типологические и генетические связи русской и венгерской литератур 19-21 веков», который объединил усилия литературоведов Таганрогского института имени А. П. Чехова и коллег из Института славистики Дебреценского университета).

В современных условиях глобализации, повышения рискогенности появления разноплановых «точек бифуркации», активных попыток переосмысления общечеловеческой истории, разнообразия инструментов ведения информационных войн, призванных расширить пространства ценностно-смысловой энтропии и кризисов идентичности, например, в молодежной среде, Таганрогский институт имени А.П. Чехова, занимающийся преимущественно подготовкой педагогических кадров, миссия профессиональной деятельности которых, как известно, «смыкается» с установками на формирование человеческого капитала государства, осуществляет богатую программу международного сотрудничества, целевая доминанта которого предусматривает «строительство мостов» дружбы и конструктивного межнационального диалога, базирующегося на принципах взаимоуважения и общечеловеческих ценностях.

Уникальное сочетание научно-исследовательского и образовательного контента в предметных областях филологии и истории обусловило возможность формирования и плодотворного развития на системной основе ряда проектов международного сотрудничества на площадке факультета истории и филологии института имени А. П. Чехова.

Довольно продуктивным и весьма перспективным направлением укрепления потенциала факультета как площадки международного гуманитарного диалога является разработка и реализации проектов преподавания русского языка как иностранного.

Безусловно, русский язык рассматривается в качестве одного из основных инструментов продвижения и реализации стратегических внешнеполитических интересов Российской Федерации,

¹ Перезапуск российского общества «Знание» [Электронный ресурс]. URL: <https://expertclub.online/news/perezapusk-rossiyskogo-obshchestva-znanie> (дата обращения: 20.12.2021).

а деятельность по поддержке и продвижению русского языка за рубежом является важной частью государственной внешней политики. Одним из ведущих инструментов в этом аспекте выступают международные конгрессы, форумы, конференции; в 2019 г. при грантовой поддержке Министерства просвещения РФ на площадке факультета прошел «Съезд преподавателей русского языка ЮФО», в работе которого приняли участие более 500 специалистов, значительная часть которых – зарубежные участники из Венгрии, Вьетнама, Казахстана, Франции, Италии, Турции, других стран. В настоящее время многие проекты продвижения русского языка за рубежом, перспективы которых были обсуждены в ходе Съезда, получили развитие и осуществляются ведущими преподавателями института имени А.П. Чехова в партнерстве с вузами Казахстана и Турции.

Таганрог известен всему культурному человечеству, прежде всего, как родина великого писателя Антона Павловича Чехова. Закономерно в этой связи, чеховедение выступает одним из мейнстримов интеграции различных направлений учебно-образовательной, научно-исследовательской, методической и культурно-просветительской деятельности факультета истории и филологии. Центральное место в рамках реализации этой многоплановой политики занимает «Научно-просветительский центр изучения русской литературы имени А.П. Чехова («Чеховский центр»)), который выступает организатором одного из самых известных мероприятий факультета – Международной научной конференции «Молодежные чеховские чтения в Таганроге». Знакомство с традициями русской литературы, отраженными в творчестве А.П. Чехова, а также тенденциями развития современной русской прозы позволяет и иностранным участникам расширять представления о России, ее традициях, истории и культуре, что также обеспечивает продвижение в решении важной задачи укрепления положительного образа России как страны богатейшего культурного наследия в среде зарубежных молодых исследователей-филологов.

Не требует дополнительной аргументации тезис о том, что гражданское общество является активным субъектом международных отношений; общественная (народная) дипломатия становится полноправной платформой, аккумулирующей различные общественные практики и нормы, направленные на профилактику международной безопасности и снижение политического напряжения на международной арене.

Одним из уникальных инструментов сохранения исторической памяти о Второй мировой войне является, на наш взгляд, сотрудничество городов-побратимов, которое репрезентирует многообразие взаимодействия гражданских обществ различных стран, в том числе, России и Германии: исследовательское, коммерческое, гуманитарное и другие аспекты взаимодействия.

Город Таганрог и город Люденшайд (Германия) являются городами-побратимами с 1991 г; одним из импульсов зарождения интереса общественности городов к установлению побратимских связей послужила память о трагических событиях 1941–1945 годов (напомним о том, что немецко-фашистский оккупационный режим на территории Таганрога был установлен в первые месяцы войны и длился до августа 1943 года; за этот период более 27 тыс. таганрожцев были вывезены на принудительные трудовые работы в Германию, многие из них попали на территорию Люденшайда и его окрестностей). Таганрогский институт имени А.П. Чехова и муниципальная школа Люденшайда им. педагога-участника антифашистского сопротивления А. Райхвайна, с 2001 г. обмениваются ежегодными делегациями обучающихся и преподавателей; в ходе неформального общения участники дискуссий, как правило, не стесняются обсуждать и «неудобные» вопросы в поле «Geschichtspolitik»: этот приватный диалог позволяет сосредоточиться и на объединяющих маркерах, актуальных для всех народов: стремление к мирной жизни, наполненной добром, взаимоуважением и человеческой повседневностью.

С 2018 г. в публичный диалог политики памяти о событиях Второй мировой войны помимо образовательных учреждений активно включается общественность немецкого города-побратима Таганрога, в частности, общественная организация «Группа за мир» г. Люденшайда, возглавляемая профессиональным историком Маттиасом Вагнером; в рамках этого нового, практически четырехлетнего (2018-2022 гг.), «витка» сотрудничества его акторами была не только проделана разноплановая и широкоформатная работа: поиск информации в архивах Ростова, Таганрога, Люденшайда, Мюнстера, Альтена и др. о судьбах таганрожцев-жертвах фашизма, вовлечение молодежи двух стран в мероприятия, демпфирующие угрозу распространения идей неонацизма и неофашизма с опорой на историческую память и др., но сформирована научно-просветительская платформа «Диалоги памяти – путь к миру».

Ценностно-смысловой и организационно-методический аспекты позиционируемой платформы составляют следующие направления взаимодействия: а) демонстрация на территории Ростовской области и Федеральной земли «Северный Рейн-Вестфалия» Международной мобильной двуязычной

выставки «Диалог памяти – путь к миру» (уникальность акции заключается в аргументированном доказательстве сущности фашизма как беспрецедентного абсолютного зла мирового масштаба; к этой мысли подводят как материалы, подготовленные историком М. Вагнером, так и комплекс источников, обобщенных авторским коллективом Таганрогского института имени А.П. Чехова, среди которых: архивные документы, фото, фрагменты личных дневников военного времени, воспоминания жителей Таганрога, переживших трагедию немецко-фашистского оккупационного режима, рабства в Третьем рейхе и др.); б) проведение Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием, приуроченной к годовщине начала Великой Отечественной войны «Диалог памяти – путь к миру» (инициатор и главный организатор – факультет истории и филологии ТИ имени А. П. Чехова при активной поддержке Южного научного центра РАН, Государственного архива Ростовской области, Музейного комплекса Великой Отечественной войны «Самбекские высоты», Центра народной дипломатии и межкультурных коммуникаций Майкопского государственного технологического университета, Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Тверского государственного университета, Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, Дагестанского государственного педагогического университета, Ингушского государственного университета, Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, Ростовского регионального отделения Российского общества «Знание», Раздорского этнографического музея-заповедника, общественной организации «Группа за мир» г. Люденшайда, представителей междисциплинарного научного сообщества Австрии, Франции, Турции, Казахстана).

Тематическое ядро дискуссионного поля конференции составляют, в частности, вопросы продвижения идеи мира и содружества народов как основы глобального межнационального диалога, базирующегося на принципах уважения государственного суверенитета, культурного многообразия и соблюдения прав человека; формирования и трансляции просветительского контента междисциплинарного диалога и технологии информационной политики в рамках укрепления инструментария демпфирования угрозы «переписывания» истории и нивелирования места и роли народов СССР в Победе над фашизмом; минимизации угроз и опасностей «войн памяти», сохранения памяти о Второй мировой войне/Великой Отечественной войне как действенном инструменте предупреждения конфликтов и гармонизации мужского и межнационального диалога в 21-ом веке; общественной (народной) дипломатии как фактора гармонизации международных этноконфессиональных и межкультурных отношений [5].

В целом коллективом института имени А.П. Чехова накоплен довольно богатый позитивный опыт реализации проектов общественной (народной) дипломатии в контексте, в частности, поиска смысловых ниш и «точек пересечения» культуры памяти, реализующегося как в более официальном (публичном) формате, так и в неформальном (приватном) контекстах. Принципиально важным, на наш взгляд, является тот факт, что в рамках реализации проектов позиционируемого сотрудничества в контексте российской «мягкой силы» молодежь разных стран вовлечена как в гуманитарные и межличностные процессы культурно-образовательного взаимодействия, так и в трансформации своих коллективных представлений.

В заключение отметим, что в условиях зачастую абсурдной «новой нормальности» функционирования мирового сообщества в эпоху доминирования цифровых технологий и власти символов перед Россией стоят чрезвычайно сложные задачи, и разработка эффективной долгосрочной имиджевой политики приобретает стратегическое значение.

Чтобы стать по-настоящему успешной, эта политика должна быть многосторонней и многогранной, а технологический инструментарий – весьма широким, включающем и «репертуар» технологий общественной дипломатии.

Считаем, что эффективной площадкой общественной дипломатии в контексте повышения продуктивности российской «мягкой силы» могут и должны стать международные образовательные и культурно-просветительские проекты, реализуемые российскими вузами в партнерстве с зарубежными организациями, количественно-качественные параметры оценки качества реализации которых и в период пандемийных ограничений (посредством широкой палитры возможностей инфокоммуникационных технологий) внушают определенный оптимизм в части оптимизации условий активной рефлексии над социокультурными факторами развития способностей человека (прежде всего, молодежи) жить в цифровом мире, не теряя при этом человечности.

Список источников

1. Марков Б. Понятие политического. «Российская политическая энциклопедия», 2007. С. 140.
2. Кропачев Н. М., Худoley К. К. Международная деятельность Санкт-Петербургского государственного университета как элемент «мягкой силы» Российской Федерации // *Международная жизнь*. 2021. № 10. С. 100–117.
3. Голобородько А.Ю. Международный молодежный культурно-просветительский диалог в контексте формирования российской «мягкой силы» (из опыта работы коллектива Таганрогского (педагогического) института имени А.П. Чехова (филиал) РГЭУ (РИНХ) // *Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества. Сборник статей Международного научного конгресса*. Москва, 2020. С. 139–144.
4. Голобородько А. Ю., Стеценко В. В. Развитие региональных и муниципальных управленческих кадров: культурно-просветительский аспект // *Современные стратегии устойчивого развития государства и общества в контексте глобальных вызовов. Сборник трудов третьей международной научно-практической конференции «SOCIAL SCIENCE (Общественные науки)» г. Ростов-на-Дону, 21 октября 2021 г. / Под ред. Игнатовой Т. В., Брюхановой Н. В. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2021. С. 255–258.*
5. Агеева В. А., Голобородько А. Ю., Камышанская С. С., Митрофанова А. И., Стеценко В. В. Историческая память как фактор обогащения контента общественной дипломатии и основа формирования гражданской идентичности молодежи в современной России – Издательско-полиграфический комплекс «РГЭУ (РИНХ)». Ростов-на-Дону, 2020. 236 с.

References

1. Markov B. The concept of the political. "Russian political encyclopedia"; 2007:140. (In Russ.)
2. Kropachev N. M., Khudoley K. K. International activity of St. Petersburg State University as an element of the "soft power" of the Russian Federation. *Mezhdunarodnaya zhizn' = The International Affairs*. 2021;(10):100–117. (In Russ.)
3. Goloborodko A. Y. International youth cultural and educational dialogue in the context of the formation of Russian "soft power" (from the experience of the team of the Taganrog State Pedagogical Institute named after A.P. Chekhov (branch) of the Rostov State University of Economics (RSUE). In: *Globalistics-2020: Global problems and the future of mankind. articles of the International Scientific Congress*. Moscow; 2020:139–144. (In Russ.)
4. Goloborodko A. Y, Stetsenko V. V. Development of regional and municipal management personnel: cultural and educational aspect. In: *Modern strategies for sustainable development of the state and society in the context of global challenges. Proceedings of the third international scientific and practical conference "SOCIAL SCIENCE (Social Sciences)"*. Rostov-on-Don, October 21, 2021. Edited by T.V. Ignatova, N.V. Bryukhanova. Rostov-on-Don: URIU RANEPА; 2021:255–258. (In Russ.)
5. Ageeva V. A., Goloborodko A. Y., Kamyshanskaya S. S., Mitrofanova A. I., Stetsenko V. V. *Historical memory as a factor in enriching the content of public diplomacy and the basis for the formation of the civic identity of young people in modern Russia*. Publishing and Printing Complex of the Rostov State University of Economics (RSUE). Rostov-on-Don; 2020. 236 p. (In Russ.)

Информация об авторе

С. С. Камышанская – преподаватель.

Information about the author

S. S. Kamyshanskaya – Teacher.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 26.01.2022; принята к публикации 27.01.2022.

The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 26.01.2022; accepted for publication 27.01.2022.

Слово молодым ученым

Научная статья
УДК 339.982
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-283-287

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ И СПЕЦИФИКА ИХ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Варвара Сергеевна Куксевич

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
varvarakuksevich@gmail.com

Аннотация. Экономические санкции на сегодняшний день являются очень привлекательным механизмом внешней политики, поскольку в отличие от вооруженного давления, они позволяют решить конфликты и разногласия с гораздо более низкими временными и человеческими затратами. В то же время, международные экономические санкции характеризуются высоким конфликтным потенциалом имплементации на глобальном, региональном и индивидуальном уровнях, что приводит к неожиданному, часто угрожающему порядку реализации мировых политических процессов, подрывает стабильность на геостратегических линиях формирования контуров современной международной системы. С учетом вышесказанного, в процессе исследования специфика и особенности применения экономических санкций рассмотрены в контексте их позиционирования в современных международных отношениях. Отдельное внимание уделено принципам действия экономических санкций, условиям и предпосылкам их эффективности.

Ключевые слова: экономические санкции, международные отношения, порядок, стабильность, угрозы, эмбарго, страна, нарушитель, баланс, глобализация, мир

Для цитирования: Куксевич В. С. Экономические санкции и специфика их позиционирования в современных международных отношениях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 283–287. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-283-287>.

Young scientists

Original article

ECONOMIC SANCTIONS AND THE SPECIFICITY OF THEIR POSITIONING IN MODERN INTERNATIONAL RELATIONS

Varvara S. Kuksevich

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, varvarakuksevich@gmail.com

Abstract. Today, economic sanctions are a rather attractive foreign policy tool, since, unlike war, they are designed to resolve international conflicts and disagreements with lower costs and human casualties. At the same time, international economic sanctions are characterized by a high conflict potential of implementation at the global, regional and individual levels, which leads to an unexpected, often threatening order of implementation of world political processes, undermines stability on the geostrategic lines of the formation of the contours of the modern international system. Taking into account the above, in the course of the study, the specifics and features of the application of economic sanctions are considered in the context of their positioning in modern international relations. Special attention is paid to the principles of economic sanctions, the conditions and prerequisites for their effectiveness.

Keywords: economic sanctions, international relations, order, stability, threats, embargo, country, violator, balance, globalization

For citation: Kuksevich V. S. Economic sanctions and the specifics of their positioning in modern international relations. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(1):283–287. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-283-287>.

Международные отношения имеют целый ряд особенностей, связанных с глобализацией мирохозяйственных связей, которая обуславливает все более тесное сотрудничество и взаимодействие государств, объединяя их в единую систему хозяйствования, от функционирования которой зависят экономические интересы каждого участника, а соответственно – и положение национальных субъектов хозяйствования [1]. В то же время, с завершением холодной войны и идеологического противостояния в мире не снизилось напряжение в системе взаимодействия международных акторов. Более того, постбиполярный мировой порядок характеризуется ростом численности и частоты международных конфликтов, антагонизмом национальных интересов центросиловых государств, что в совокупности приводит к существенным сдвигам в структуризации международно-политического пространства. Это сказывается на глобальных характеристиках международной среды, кристаллизации новых вызовов международной безопасности.

Очевидно, что усложнение внешнеэкономических процессов, интенсивная динамика мировой экономики обусловили необходимость в применении более сложного комплекса национальных и международно-правовых мероприятий, поддерживающих стабильность и мировой порядок. Одним из инструментов влияния на современное государство для возвращения его в правовой круг международных отношений являются экономические санкции. В двадцатом веке использование данного инструмента «мягкой силы» стало традиционной практикой в международных отношениях. Правительствами и международными организациями были разработаны многосторонние механизмы санкционного давления, которые нашли свое применение в самых разных странах и по самым разным причинам [2].

Как правило, экономические санкции вводятся страной с большим экономическим потенциалом против страны с меньшей экономической мощью, делая тем самым ответные меры весьма затруднительными, а иногда и невозможными в принципе. В то же время необходимо отметить, что экономические санкции, выражающиеся в полном или частичном разрыве экономических отношений, на фоне стремительно растущей интернационализации хозяйственных связей, могут повлечь за собой значительные убытки не только для экономики той страны, которая является объектом санкций, но и привести к потерям для государств, поддерживающих и участвующих в осуществлении санкционных режимов [3].

При этом, несмотря на широкое распространение, остаются проблемными вопросы четкого определения экономических санкций, специфики их международного признания и выполнения, правового статуса, правомерности применения, эффективности регулирования. Кроме того, каждый отдельный случай введения санкционных режимов является уникальным явлением, которое нуждается в детальном анализе и оценивании через призму международно-правовых отношений.

Таким образом, обозначенные обстоятельства определяют актуальность, теоретическую и практическую значимость проводимого исследования.

Вопросы сущности экономических санкций, их видов, последствий использования достаточно широко изучаются как отечественными, так и западными исследователями, к числу которых можно отнести: Dianne E. Rennack; Rebecca Nelson; McLean, Elena; Климанова В., Варданяна В., Шпалтакова В.П.

Проблематика эффективности экономических санкций Совета Безопасности ООН вследствие увеличения количества случаев их применения и возложенной на них роли занимает важное место в работах современных ученых, посвященных тематике международных санкций, к которым относятся Walentek, Dawid; Broere, Joris; Cinelli, M; Ганьшина Н.И., Сергеева И.А., Пеньковский Д.Д.

Соотношение экономических санкций с международной ответственностью детально освещается Пешковой Г.Ю., Самариной А.Ю., Кристиневичем С.А., Sekishita M., Köchler Hans, Kibtiah, T M; Rahmasari, A; Novikrisna, D.

Анализ научных публикаций, в которых раскрывается тематика экономических санкций в системе международных отношений, свидетельствует о существовании отдельных аспектов, недостаточно представленных в научных трудах и не в полной мере проработанных, которые позволили бы обосновать соответствующие практические действия в рассматриваемом сегменте внешнеэкономической деятельности. Так, недостаточно внимания уделено междисциплинарному характеру экономических санкций, есть ряд разногласий в трактовке их сущности для использования субъектами разных уровней международных отношений, в дополнительном обосновании нуждаются допустимые и недопустимые сферы применения санкций в соответствии с нормами и правилами ВТО во внешнеэкономических отношениях стран.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в проведении тщательного анализа сущности и роли экономических санкций, а также выявлении специфики их позиционирования в современных международных отношениях.

По сути, экономические санкции, введенные государством, группой государств или международной организацией, являются условно силовой формой влияния на поведение или политику других стран, не обязательно нарушающей международное право. Например, норвежский ученый Johan Galtung под экономическими санкциями понимает «действия, которые инициированы одним государством или группой международных субъектов (the senders), и нацелены на одного или нескольких других (the receivers) акторов для того, чтобы с помощью ограничения доступа или лишения определенных благ побудить вернуться к общепринятому мировому порядку или заставить придерживаться признанных стандартов, которые инициаторы санкций считают важными» [4].

По мнению автора, международные экономические санкции – это односторонние или коллективные принудительные действия невоенного характера (торгово-экономические, финансовые), инициированные и используемые против одного или более государств с целью заставить их изменить внешнеполитическое поведение, придерживаться взятых на себя обязательств по поддержке международного мира и безопасности.

Мотивы применения экономических санкций могут зависеть от многих факторов и преследовать разные цели, прежде всего, политические. В большинстве случаев именно политические цели достигаются применением экономических санкций. При этом и сама категория «санкции», и механизм санкций в сфере международной деятельности в своей основе совмещают нормативно-правовую, политическую и экономическую составляющие, что формирует их междисциплинарный характер в теоретическом плане.

В то же время необходимо отметить, что позиционирование экономических санкций в современных международных отношениях в последнее время значительным образом трансформировалось. Если раньше это были меры общего влияния, то сегодня они стали адресными, комбинированными и целенаправленными действиями. В настоящее время все большее распространение получают «целенаправленные» или «умные» санкции, цель которых – достижение максимального «точечного» влияния на конкретных физических или юридических лиц, политические или финансовые группы, которые ответственны за нарушение и несоблюдение международных норм права [5].

Отличительной чертой целенаправленных экономических санкций является то, что они реализуются таким образом, чтобы минимизировать отрицательные последствия для населения страны, в первую очередь, гуманитарного характера. Среди возможных форм осуществления экономических санкций, которые являются целенаправленными, наиболее распространено замораживание финансовых активов и эмбарго.

В качестве яркого примера целенаправленных санкций можно привести режим экономических санкций, введенный Советом Безопасности ООН по отношению к УНИТА в Анголе и мятежников в Сьерра-Леоне и Либерии, он направлен на перекрытие основного источника их финансирования – незаконной продажи алмазов и средств от контрабанды.

Особый акцент в процессе анализа особенностей позиционирования экономических санкций в современных международных отношениях необходимо сделать на том, что, хотя санкции направлены против конкретного государства или группы допустивших правонарушения стран, обратной стороной их введения является то, что в силу взаимосвязанности экономические санкции косвенным образом могут коснуться и третьих участников международных отношений. Так, ограничение импорта в страну, в отношении которой вводятся санкции, может затронуть интересы государства, компании которого участвуют в производстве предметов этого импорта [6].

В данном контексте можно привести пример визита в конце марта 2014 г. в Россию главы немецкой корпорации Siemens Джо Кезера на фоне ведения официальным Берлином переговоров о введении санкций в отношении России. Экономические последствия бизнес-интересов корпорации Siemens, которая имела годовой оборот в России около \$2 млрд. и на российских предприятиях которой работало около трех тысяч человек, от возможных санкций могли быть просто колоссальными. По этой причине Джо Кайзер заявил, что Siemens не будет подвергаться влиянию краткосрочных потрясений. «Мы рассчитываем на диалог и взаимопонимание», – сказал он в интервью по возвращении из поездки¹.

Эта дуалистическая природа действия экономических санкций в международных отношениях, которая, как можно заметить, имеет противоположный, зачастую взаимоисключающий характер, порождает необходимость четкой формализации принципов их введения и граничных сфер применения, которые четко не прописаны ни ООН, ни Евросоюзом, ни другими объединениями.

¹ Deutsche Firmen fürchten harte Sanktionen. URL: <https://www.handelsblatt.com/unternehmen/industrie/konflikt-mit-russland-siemens-chef-kaeser-gibt-sich-demonstrativ-entspannt/9641014-2.html>

По мнению автора, к числу принципов организации системы международных экономических санкций, можно отнесены следующие:

- 1) соответствие нормам и актам международного права;
- 2) обоснованность наличия оснований для применения санкций;
- 3) транспарентность;

4) однократность и однозвенность применения (использование этого принципа как одного из основополагающих является надежным основанием недопущения санкций, которые могут быть применены одним государством против другого или международной организацией по подаче инициатора санкций исключительно в протекционистских целях в качестве инструмента недобросовестной конкуренции);

- 5) отсутствие двойных стандартов при определении объектов санкций;
- 6) недопустимость использования санкций с целью устранения конкурентов.

Итак, на следующем этапе исследования особого внимания заслуживает один из наиболее дискуссионных вопросов, а именно условия эффективного применения экономических санкций как инструмента внешней политики и средства поддержания международного мира и безопасности.

Поиск ответа на данный вопрос является нетривиальной задачей, т.к. предопределяет необходимость четкого артикулирования целей проводимой санкционной политики, ее задач и ориентиров, а также выстраивания иерархии приоритетов, всестороннего анализа текущего состояния и потенциала, как субъектов, так и объектов санкций. Кроме того, необходимо учитывать, что использование того или иного внешнеполитического инструмента зависит от целого ряда факторов разнонаправленного характера, которые являются весьма специфическими, сложно формализуемыми и крайне непредсказуемыми.

По мнению автора, концептуальную основу анализа эффективности международных санкций должен составлять синтез теоретических и методологических аспектов из трех научных плоскостей: теория международных отношений, теория внешней политики и теория использования санкций. В связи с этим можно выделить следующие параметры эффективности реализации политики международных экономических санкций:

- наличие сформированной нормативно-правовой базы, которая определяет принципы и регламентирует специфику внедрения санкций;
- институциональное обеспечение реализации санкционных мер;
- политический консенсус в государстве, которое иницирует и реализует санкционную политику, относительно целесообразности, главных принципов и методов ее имплементации;
- умеренность политических целей, преследуемых санкциями, которые должны находиться в плоскости корректировки внешнеполитической деятельности государства-объекта, но не быть направленными непосредственно на изменение его политического режима;
- привлечение участников геополитической внешней среды целевой страны к реализации международных санкций.

Таким образом, резюмируя результаты проведенного исследования, отметим, что международные экономические санкции являются инструментом, который без применения силы, а благодаря влияниям, лежащим в финансово-торговой плоскости, призван корректировать поведение или политику определенного государства или группы государств в интересах общественной безопасности. Характерной особенностью современных экономических санкций в международной плоскости отношений является то, что они выходят на первый план во внешней политике стран-лидеров и вытесняют традиционную дипломатию. При этом санкции наделяются протекционистскими, деглобализационными и регулятивными чертами. Вследствие этого они имеют неоднозначные экономические последствия, что заставляет еще раз задуматься о действенности экономических рычагов влияния для решения «неэкономических» по своей природе задач.

Список источников

1. Дубровина О. В., Дубровина О. Ю., Плотников В. С. Глокализация современных международных отношений: характеристика и особенности // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 9 (73). С. 2444–2456.
2. Walentek, Dawid Success of economic sanctions threats: coercion, information and commitment // International interactions. 2021. Volume 47: Number 3; pp 417-448.
3. Sekishita, M. International Political Economy of Economic Sanctions // Ritsumeikan keizaigaku. 2021. Volume 69: Number 5/6; pp 216-239.

4. Johan Galtung *The European Community: a superpower in the making*. London: Routledge, 2021. 326 p.
5. Шепелев Д.В., Шустов Г.О. Законность экономических санкций с точки зрения международного права // *Legal Bulletin*. 2021. Т. 6. № 2. С. 47-54.
6. Новолодская Г.И. Вызовы торговых войн и пандемии для будущего мировой экономики, ШОС и России // *Вопросы новой экономики*. 2021. № 1. С. 17-34.

References

1. Dubrovina O. V., Dubrovina O. Ju., Plotnikov V. S. Globalization of modern international relations: characteristics and features. *Voprosy politologii = Questions of political science*. 2021. (9): 2444-2456. (In Russ.)
2. Walentek Dawid. Success of economic sanctions threats: coercion, information and commitment. *International interactions*. 2021. (3): 417-448.
3. Sekishita M. International Political Economy of Economic Sanctions. *Ritsumeikan keizaigaku*. 2021. (5/6): 216-239.
4. Johan Galtung. *The European Community: a superpower in the making*. London: Routledge, 2021. 326 p.
5. Shepelev D. V., Shustov G. O. Legality of economic sanctions from the point of view of international law. *Legal Bulletin*. 2021. (2): 47-54. (In Russ.)
6. Novolodskaja G. I. Challenges of trade wars and pandemics for the future of the world economy, the SCO and Russia. *Voprosy novej jekonomiki = Questions of a new economy*. 2021. (1): 17-34. (In Russ.)

Информация об авторе

В. С. Куксевич – аспирант.

Information about the author

V. S. Kuksevich – Postgraduate Student .

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 27.01.2022; принята к публикации 28.01.2022.

The article was submitted 13.01.2022; approved after reviewing 27.01.2022; accepted for publication 28.01.2022.

Научная статья
УДК 328
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-288-293

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Андрей Сергеевич Лавриков

Северо-Кавказская государственная академия, Черкесск, Россия, lavr-group@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена развитию института парламентаризма в постсоветской России. Применен историко-сравнительный метод анализа эволюции российского парламентаризма с учетом дискурса мнений экспертов в области конституционного строительства. Усиление президентской власти в России в 90-е годы прошлого столетия привело к снижению роли парламента в политическом процессе.

Ключевые слова: российский парламентаризм, система разделения властей, конституционное право, президентская республика

Для цитирования: Лавриков А. С. Развитие института парламентаризма в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 288–293. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-288-293>.

Young scientists

Original article

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF PARLIAMENTARISM IN MODERN RUSSIA

Andrey S. Lavrikov

North Caucasus State Academy, Cherkessk, Russia, lavr-group@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the development of the institution of parliamentarism in post-Soviet Russia. A historical and comparative method of analyzing the evolution of Russian parliamentarism is applied, taking into account the discourse of opinions of experts in the field of constitutional construction. The strengthening of presidential power in Russia in the 90s of the last century led to a decrease in the role of parliament in the political process.

Keywords: Russian parliamentarism, system of separation of powers, constitutional law, presidential republic

For citation: Lavrikov A. S. Development of the institute of parliamentarism in modern Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):288–293. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-288-293>.

Перед Россией сегодня стоит задача по дальнейшему развитию демократических институтов и формированию гражданского общества и правового государства. В этом контексте актуализируются вопросы оценки уровня развития российского парламентаризма, который рассматривается как один из эффективных инструментов повышения политической активности и ответственности граждан.

Идеи парламентаризма берут начало со времен древнегреческих полисов. В России прототипом парламентских органов было Новгородское вече, которое по своей форме соответствовало классической модели представительного органа, выражавшего интересы различных социальных слоев и принимавшего участие в публичном обсуждении важных политических и экономических проблем Новгородской республики и просуществовавшее почти шесть веков с IX в. по XV в. При этом вече имело право ограничивать власть князя или вождя, путем непринятия его решений или выражение недоверия и приглашения нового князя.

Понятие «парламентаризм» включено в научный оборот с конца XVIII века, когда активно начали развиваться и институционализироваться демократические институты представительского типа. Вместе с тем, вплоть до сегодняшнего дня сохраняются значительные расхождения в трактовке данного понятия.

Первоначально парламентаризм понимался как форма правления, при которой властные полномочия преимущественно принадлежат парламентариям. Вместе с тем исторический анализ распространения парламентских институтов показывает, что они существовали в различное время при разных формах государственного правления.

Поиск дефиниции феномена «парламентаризма» основывается на определении места парламента в системе органов государственной власти.

Е.И. Козлова и О.Е. Кутафин считают, что существование или отсутствие парламента, как основополагающего элемента парламентаризма, не оказывает влияния на функционирование политической системы и государства, поскольку парламент нельзя считать самостоятельным органом власти [1, с. 173]. Данная позиция основывается на том, что решение об организации парламента как органа законодательной власти принадлежит власти исполнительной, кроме того, исполнительная власть обладает правом отмены и блокирования принимаемых парламентами законов и нормативных актов.

Представители альтернативной позиции указывают на высокую степень влияния парламентских решений на функционирование органов государственного управления и общественных институтов. Законодательная функция в рамках данной позиции рассматривается как основной инструмент осуществления парламентской власти, при этом деятельность парламента ограничивается лишь этическими нормами и социальными запросами. В этом случае парламентаризм представляется как проявление общественной позиции [1, с. 173].

Как отмечает большинство исследователей – Ключкова Ю.А., Коврякова Е.В., Фурман Д.Е., Чиркин В.Е. [2, 3, 4, 5] и другие, возможность развития парламентаризма обусловлена в первую очередь установлением и соблюдением принципа разделения властей. Кроме того, для успешной институционализации парламентских практик требуется достаточный уровень развития гражданской сознательности политической культуры социума. Можно сказать, что развитие институтов парламентаризма происходит параллельно и взаимосвязано со становлением институтов гражданского общества.

В современной России парламент является демократически легитимированным народным представительным органом, который действует в системе разделения властей и выполняет функции законодательства, представительства и контроля [6].

Парламентаризм обладает рядом специфических признаков. Во-первых, парламентаризм характеризуется широтой и полнотой выражения интересов различных слоев населения за счет представителей, входящих в состав парламентских структур.

Во-вторых, законодательные органы при установлении парламентаризма занимают главенствующую позицию в системе властной иерархии.

В-третьих, народные массы сохраняют контроль деятельности парламента, который должен отчитываться перед социумом за принятые законы, а также не допускать ущемления интересов граждан.

В-четвертых, парламентаризм предусматривает установление эффективного взаимодействия между всеми элементами системы государственной власти.

В рамках конституционного права многие юристы определяют Российскую Федерацию как президентско-парламентскую республику, хотя вопрос остается до сих пор дискуссионным. Вместе с тем, многие политологи, в частности В.Е. Чиркин, указывают, что в связи с главенствующей ролью президента и относительно слабым федеральным парламентом, обладающим ограниченными властными полномочиями, было бы справедливо полагать, что российское государство имеет все признаки президентской республики [5, с. 230–231].

По мнению Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина, с 1993 года по начало 2000-х годов в России наблюдалось постепенное усиление черт президентской республики [1, с. 173].

А.С. Автономов полагает, что Российская Федерация фактически представляет собой монархическое государство, где власть сосредоточена в руках президента, что во многом обусловлено существующей политической культурой и менталитетом россиян, привыкших к сосредоточению властных полномочий в руках единоличного лидера – монарха, партийного руководителя, вождя [7, с. 256–257].

Особенности становления демократического государства в РФ, в частности длительное противостояние парламента и президента в 1990-е годы, сменившееся постепенным нарастанием власти президента после избрания В.В. Путина, оказали существенное влияние на развитие парламентаризма и определили его правовые и функциональные особенности.

Конституция Российской Федерации устанавливает принцип автономии законодательной власти и ее институтов от других ветвей власти – исполнительной и судебной. Однако, как показывают многочисленные исследования нормотворческой и законодательной практики, фактически большая часть инициатив по разработке и внедрению новых законов и нормативно-правовых актов исходит от субъектов исполнительной власти. В последнее десятилетия президент и Правительство РФ существенно расширили спектр полномочий в сфере политического планирования и реформирования правовой системы.

Постепенная утрата парламентскими структурами своей основной функции, определяющей их политический статус, ведет к возникновению фундаментальной проблемы дефицита общественного доверия к Федеральному Собранию и Государственной Думе.

Формально президент ежегодно отчитывается о проделанной работе перед Федеральным Собранием, озвучивая задачи на следующий отчетный период. Однако фактически Послание президента имеет императивный характер и сообщает членам Федерального собрания необходимость изменения законодательства в той или иной сфере.

Опираясь на анализ политической практики, можно сделать вывод о снижении роли институтов парламентаризма в современной России.

Кризисные явления в данной сфере начались еще в 2005–2007 гг. По мнению Д.Е. Фурмана [4], одной из причин слабости парламентских институтов в РФ является «привычка» россиян к авторитарности государственной власти. Исследователь отмечает, что сохранению особенностей политического менталитета россиян способствовали недемократические инструменты, использовавшиеся сторонниками Б.Н. Ельцина для получения политической власти. Передачу власти В.В. Путину также нельзя считать в полной мере демократической процедурой, несмотря на формальное проведение выборов.

О.В. Гаман-Голутвина считает, что расширение полномочий и политической влиятельности института президентства постепенно привело к расширению четырехзвенной модели разделения властей, где «четвертой властью» выступает президент, контролирующей работу исполнительной, судебной и законодательной властей, что придает ей схожесть с системой начала века в Российской Империи [8, с. 35].

На современном этапе укреплению законодательного влияния президента способствует сокращение влияния парламентской оппозиции и установление подавляющего большинства пропрезидентской партии.

В.Я. Гельман полагает, что фактическое превращение РФ в президентскую республику состоялось еще в 1993 году, когда после вооруженного конфликта между Президентом РФ и Верховным Советом России была принята новая Конституция РФ и установлены права президента на ограничение осуществления законодательной функции [9]. Б.Н. Ельцин в частности активно использовал право вето, препятствуя множеству парламентских инициатив.

Подчиненный характер законодательной власти иллюстрируется такими цифрами: в 1996–1997 гг. Дума одобрила 35% внесенных Президентом законопроектов, в 1999 г. – 60%, после 2000 г. этот показатель уже составил почти 100%, в то время как законодательные инициативы самой Государственной Думы с 2000 г. по настоящее время реализуются в законы на уровне 20–30% [8, с. 36].

Следует отметить, что кризис парламентаризма в конце XX – начале XXI вв. развивался не только в России, но и во многих демократических странах. Снижение роли парламента в политическом процессе обусловлено в первую очередь увеличением дистанции между представительными органами и широкими слоями населения. Партии в большей степени ориентированы на выражение корпоративных и частных интересов, нежели социальных групп.

Анализ особенностей изменения роли парламентских институтов в Европе показал, что на первый план выходит контролирующая функция парламента по отношению к органам исполнительной власти. Так, например, Е.В. Коврякова пишет, что в Великобритании основным инструментом парламентариев является право задавать вопросы премьер-министру и правительству [3, с. 160].

И.А. Кравец, радикализируя выше описанную позицию, подчеркивает, что именно наличие контроля исполнительной власти со стороны парламента является базовым признаком и необходимым свойством парламентаризма [10].

А.В. Карпов отмечает, что к 2009 году Правительство РФ получило ряд новых функций, которые привели к трансформации его в некий «высший орган управления» за счет обеспечения права разработки законопроектов и осуществления политического планирования. Таким образом, большая часть законопроектов разрабатывается Советом министров и передается на утверждение Федеральному Собранию и Государственной Думе [11].

Институт представительства сегодня во многом развивается за счет масштабирования парламентской деятельности и выхода ее за рамки национальных политических систем.

Как отмечает Ю.А. Клочкова, парламент, как во внутривнутриполитическом, так и во внешнеполитическом пространстве, сегодня выполняет важную функцию модератора, обеспечивает регулирование и установление связей между органами государственной власти, организаций и общественных объединений [2]. В пространстве парламента возможно представление и борьба позиций, отражающих интересы различных социальных и политических групп, ведущая к принятию конструктивных решений и общественному развитию.

Расширение функций и полномочий парламента во многих странах повысило опасность увеличения дистанции между законодательной властью и социумом за счет расширения лобби различных экономических и политических субъектов.

Очевидно, что данная тенденция, которая наблюдается во многих национальных парламентах, в том числе и в России, по мере увеличения объема властных полномочий, ставит под сомнение эффективность работы института представительства.

Росту недоверия народа к парламентам как политическому институту способствует коммерциализация избирательного процесса, постепенно превращающегося в маркетинговую кампанию по привлечению электората за счет использования рекламы и медиатехнологий.

Помимо усиления политического влияния бизнес-корпораций и частных лиц для современной России характерно постепенное сокращение количества политических партий. На законодательном уровне это выражается в усложнении процедуры регистрации и допуска до участия в электоральном процессе.

Кроме того, широкое распространение интернет-технологий ведет к виртуализации политического процесса, что постепенно снижает эффективность электоральных процедур. Многие из новообразованных партий опираются на сетевую поддержку, полученную в результате политической игры с популярными темами. Сетевые партии фактически не нацелены на отстаивание интересов определенных групп, их основная цель – получение мест в парламенте для обеспечения личных интересов. Очевидно, что данная тенденция, как и постепенное превращение парламентских органов в инструмент легитимации политики исполнительной власти разрушает связь и увеличивает дистанцию между парламентом и общественными структурами, а также электоратом.

Укреплению института представительства и сокращению частного лобби могло бы способствовать внедрение процедур ограничения деятельности парламентариев, которые, по мнению большинства депутатов или представителей исполнительной власти, реализуют узконаправленные интересы элитарных групп, противоречащие интересам социума.

Для развития институтов парламентаризма необходимо расширение функций парламентского контроля [12]. Мы полагаем, что в качестве одной из таких мер могло бы выступить предоставление парламентариям права участвовать в работе комиссий по чрезвычайным событиям, создаваемым при Правительстве РФ. Данная мера могла бы сделать процесс оценки обстоятельств чрезвычайной ситуации и проведение экспертиз более открытым и объективным.

Расширение контролирующей функции парламента в бюджетном секторе в форме предоставления права наблюдения за деятельностью государственных корпораций показало, что данная мера способствует сокращению объема нецелевого расходования бюджетных средств, а также повышению эффективности работы таких корпораций.

По мнению М.В. Баглая, следующим этапом развития института парламентского контроля могла бы стать передача парламентам прав на осуществление контроля реализации федеральных целевых программ [13].

Как показывает практика, большая часть утвержденных федеральных целевых программ не реализуется именно по причине отсутствия субъектов общественного контроля. Фактически как разработка, так и весь процесс реализации бюджетных проектов, полностью находится под контролем исполнительной власти, что способствует распространению коррупции и нецелевого расходования средств. Установление парламентского контроля в данной сфере могло бы выступить инструментом профилактики злоупотребления служебным положением, особенно в регионах.

Таким образом, дальнейшее развитие институтов парламентаризма требует пересмотра ряда аспектов политико-правовой системы, в частности тех, которые обеспечивают расширенные полномочия исполнительной власти и возможности осуществления верховной власти над остальными ветвями.

Список источников

1. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. 3-е изд. М.: Юрист, 2004. 347 с.
2. Ключкова Ю.А. Влияние современной конвергенции на политико-правовые институты: теоретико-методологический анализ правового и политического взаимодействия // История государства и права: федеральный научно-правовой журнал. 2012. № 13. С. 2-4.
3. Коврякова Е.В. Санкционирующий парламентский контроль в системе разделения властей // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 3. С. 158-164.
4. Фурман Д.Е. Движение по спирали. Политическая система современной России в ряду других систем. М.: Весь Мир, 2010. 165 с.
5. Чиркин В.Е. Система государственного и муниципального управления. М.: Норма : ИНФРА-М, 2019. 399 с.
6. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 336 с.
7. Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник. М.: Проспект, 2005. 547 с.
8. Гаман-Голутвина О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе // Полис. 2006. № 3. С. 27-39.
9. Гельман В.Я. Развилки России: почему погиб парламент // Republic. 8 сентября 2014. URL: <https://republic.ru/posts/44953> (дата обращения 18.10.2021)
10. Кравец И.А. Парламентаризм и бикамерализм в теории и российской истории // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 4. С. 42-46.
11. Карпов А.В. Современное состояние и тенденции развития парламентаризма в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2009. № 4 (37). С. 4-13.
12. Исакова Ю.И., Кузина С.И., Пчельников М.В. Институты гражданского контроля как институциональное основание системы защиты прав и свобод человека и гражданина // Юрист спешит на помощь. 2018. № 4. С. 38-39.
13. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М: НОРМА-ИНФРА-М, 2011. 568 с.

References

1. Kozlova E. I., Kutafin O. E. *Constitutional law of Russia*. 3rd ed. Moscow: Lawyer, 2004. 347 p. (In Russ).
2. Klochkova Yu. A. The impact of modern convergence on political and legal institutions: theoretical and methodological analysis of legal and political interaction. *History of State and Law: Federal Scientific and Legal Journal = Istoriya gosudarstva i prava: federal'nyy nauchno-pravovoy zhurnal* 2012;(13):2-4. (In Russ).
3. Kovryakova E. V. Authorizing parliamentary control in the system of separation of powers. *Actual problems of economics and law = Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava*. 2014;(3):158-164. (In Russ).
4. Furman D. Ye. *Spiral movement. The political system of modern Russia in a number of other systems*. Moscow: Ves Mir, 2010. 165 p. (In Russ).
5. Chirkin V. E. *The system of state and municipal government*. Moscow: Norma: INFRA-M; 2019. 399 p. (In Russ).
6. *Russian society and the challenges of the time*. Book one / M.K. Gorshkov [and others]; ed. Gorshkova M.K., Petukhova V.V. ; Institute of Sociology RAS. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2015. 336 p. (In Russ).
7. Avtonomov A. S. *Constitutional (state) law of foreign countries: textbook*. Moscow: Prospect; 2005. 547 p. (In Russ).

8. Gaman-Golutvina O. V. Russian parliamentarism in historical retrospective and comparative perspective. *Polis*. 2006; (3): 27-39. (In Russ).
9. Gelman V. Ya. Forks of Russia: Why Parliament Perished. *Republic = Republic*. September 8, 2014. Available from: <https://republic.ru/posts/44953> [Accessed 18 October 2021]. (In Russ).
10. Kravets I. A. Parliamentarism and bicameralism in theory and Russian history *Constitutional and municipal law = Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*. 2015; (4): 42-46. (In Russ).
11. Karpov A.V. Current state and development trends of parliamentarism in Russia. National interests: priorities and security = *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'*. 2009; (4 (37)): 4-13. (In Russ).
12. Isakova Yu. I., Kuzina S. I., Pchel'nikov M. V. Institutions of Civil Control as the Institutional Basis for the System of Protection of Human and Civil Rights and Freedoms. *Lawyer Hastens to Help = Yurist speshit na pomoshch'*. 2018; (4): 38-39. (In Russ).
13. Baglai M. V. *Constitutional law of the Russian Federation*. M: NORMA-INFRA-M; 2011. 568 p. (In Russ).

Информация об авторе

А. С. Лавриков – аспирант.

Information about the author

A. S. Lavrikov – postgraduate student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.10.2021; одобрена после рецензирования 23.10.2021; принята к публикации 24.10.2021.

The article was submitted 08.10.2021; approved after reviewing 23.10.2021; accepted for publication 24.10.2021.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-294-299

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ И ОТКРЫТОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Андрей Викторович Ляхов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, andrei99999@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов обеспечения транспарентности и открытости деятельности органов власти Российской Федерации; осуществлен анализ нормативно-правового измерения контекста регулирования сферы открытости органов власти; изучены особенности осмысления феномена транспарентности власти как механизма парирования вызовов, эксплицируемых расширением «зон использования» двойных стандартов в практике организации социально-политических процессов.

Ключевые слова: транспарентность, открытость власти, двойные стандарты, манипуляция, коммуникации, национальная безопасность, информационная безопасность, противодействие коррупции

Для цитирования: Ляхов А. В. Обеспечение транспарентности и открытости деятельности акторов политического управления как фактор повышения качества функционирования органов власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 294–299. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-294-299>.

Young scientists

Original article

ENSURING TRANSPARENCY AND OPENNESS IN THE ACTIVITIES OF ACTORS OF POLITICAL GOVERNANCE AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY OF THE AUTHORITIES

Andrey V. Lyakhov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, andrei99999@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of topical issues of transparency and openness of the Russian Federation authorities' activity; the analysis of normative-legal dimension of the context of regulation of authorities' openness sphere has been carried out; the peculiarities of comprehension of the power transparency phenomenon as a mechanism for parrying challenges explicated by the double standards expansion in practice of the social and political processes' usage "zones" have been studied.

Keywords: transparency, openness of power, double standards, manipulation, communication, national security, information security, anti-corruption

For citation: Lyakhov A. V. Ensuring transparency and openness in the activities of actors of political governance as a factor in improving the quality of government functioning. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):294–299. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-294-299>.

В настоящее время вопросы формирования и улучшения имиджа органов управления, в частности, активизация рефлексивных усилий экспертно-аналитического сообщества в контексте осмысления инструментов повышения привлекательности образа муниципального служащего, играют все более возрастающую роль в конструировании ландшафта развития кадровой политики в аспекте обеспечения «точек роста» повышения доверия к органам власти как важнейшего социального капитала и фактора продуктивной коммуникации граждан и сотрудников муниципальных учреждений. Жители муниципальных образований, обращаясь в местные администрации, взаимодействуют

с конкретным специалистом и, вполне очевиден тот факт, что именно качество этого «микро» взаимодействия во многом формирует мнение человека о деятельности органов местного самоуправления в целом. Вне зависимости от занимаемой должности, все муниципальные служащие являются представителями и официальной власти, а, соответственно, должны быть способны оптимизировать возможности решения, в рамках своих полномочий, актуальных для жителей вопросов, а также владеть набором компетенций, которые могут позволить обеспечить продуктивность взаимодействия с гражданами и реализацию эффективной коммуникации.

В современных геополитических условиях является весьма актуальным вопрос относительно квалификационного уровня и профессионализма властвующего и правящего слоя в государстве, в экономике и в политических структурах гражданского общества. Вместе с тем, сегодня можно констатировать, существование очевидного дефицита управленцев, владеющих методологией и необходимыми знаниями и умениями для реализации суверенной государственной политики, способных мыслить в государственном масштабе.

Основа процесса коммуникации – взаимодействие элементов управленческой структуры – подразделений и должностных лиц; подобное взаимодействие по содержанию может быть административным, информационным, техническим.

Известно, что информационная открытость органов государственной и муниципальной власти является неотъемлемым качеством демократической политической системы, которая предполагает открытость решений и действий власти, равный доступ граждан к информации о властных структурах, получения и распространения информации в сфере политико-властных отношений. Таким образом, повышение прозрачности и подотчетности деятельности органов государственной власти позволяет укрепить доверие населения к власти, и, как следствие, улучшить её репутационные / имиджевые возможности.

Вопрос обеспечения транспарентности деятельности власти в Российской Федерации применительно к разным аспектам её функционирования в контексте формирующегося политического дискурса весьма актуален, при этом особое внимание при разработке, в частности, технологического и правового «полей» изучения «точек роста» повышения открытости работы административно-управленческого аппарата уделяется рассмотрению механизмов повышения прозрачности функционирования исполнительной власти. В период 1991 года и по настоящее время - этап формирования и развития нормативного регулирования открытости министерств и ведомств Российской Федерации был издан ряд нормативных правовых документов, регламентирующих порядок обработки персональных данных граждан, обеспечение доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти.

Предпосылками к формированию «точек роста» системы обеспечения транспарентности власти, по нашему мнению, являются введенные в 2001 году В.В. Путиным и ставшие традиционными «Прямые линии»; см., например: «Прямая линия является самым мощным социологическим опросом, позволяющим гражданам донести свою позицию и оценку руководству страны»¹.

«Прямая линия с Владимиром Путиным» – ежегодное мероприятие, в ходе которого Президент Российской Федерации, отвечает на вопросы граждан России (в 2008–2011 годах, когда Владимир Путин являлся премьер-министром России, событие носило название «Прямой разговор с Владимиром Путиным»)².

Ряд авторитетных отечественных экспертов и политических деятелей весьма, на наш взгляд, справедливо отмечают, что именно такой формат позволяет «фактически предоставить отчет гражданам страны о состоянии экономики и социальной сферы, о международных позициях России, проинформировать о дальнейших планах и проектах. Это и есть наглядное свидетельство открытости власти, а также того, что в работе государственных органов интересы, потребности и проблемы людей занимают самое главное место» (см., например³).

Требование информационной открытости деятельности государственных органов закреплено в Федеральном законе № 8 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»; этот же нормативный акт закрепляет правила ответов на запросы граждан о доступе к информации⁴.

¹ Евгений Федуненко, Дмитрий Шелковников. Как Владимир Путин общался с народом «Коммерсант. Онлайн», 13.04.2016.

² <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65973>

³ <https://ria.ru/20071018/84438152.html>

⁴ <https://spb.hse.ru/data/2020/02/07/1574289115/Doklad-FOIV-2019.pdf>

Концепция открытых данных Российской Федерации была создана во исполнение Указа Президента № 601, заложив основы обязательного раскрытия органами власти информации в формате Открытых данных¹. Принятая чуть позже Концепция открытости федеральных органов власти содержит основные принципы открытости госорганов, такие как понятность, доступность и актуальность информации, вовлеченность граждан в принятие решений.

Регулирование сферы открытости органов власти в России начало активно развиваться в 2006 году в связи с ратификацией Конвенции Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных». В 2009 году была закреплена обязанность госорганов регулярно публиковать информацию о своей деятельности на официальных сайтах; принят важнейший для этой сферы нормативный акт – Федеральный закон № 8 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»². Развитию законодательного регулирования открытости власти способствовала и созданная в 2012-ом году Правительственная комиссия по развитию «Открытого правительства» (Упразднена Указом Президента России от 15 мая 2018 года №215)³.

Современный российский политический ландшафт характеризуется рядом следующих явлений:

- тенденции последнего времени, связанные с конституционной реформой, коронавирусной пандемией, социально-экономическим спадом, санкционной политикой и другими особенностями сформировали ситуацию «наличия очевидного дефицита» понимания чётких траекторий будущего развития государства;

- отсутствие необходимых мер экономической поддержки наряду с падением реальных доходов россиян входит в своего рода диссонанс с социальной ориентированностью обновлённой Конституции;

- нарастание протестных настроений и кризисных проявлений, обусловленных снижением доходов населения, неясными/размытыми перспективами будущего, ухудшением социального самочувствия людей и, как следствие, усилением критического восприятия власти значительной частью населения. Возрастает потребность в обновлении и совершенствовании существующей модели государственного управления, в парадигме которого ощущается наличие «лакун», связанных с заботой государства о реальном человеке, его духовном состоянии, его интересах, что, очевидно, не может не стать тревожным сигналом для власти.

Таким образом, преодоление сложившихся протестных тенденций, а также сглаживание назревших социальных противоречий – задача политической элиты, от которой требуется высокий уровень гибкости и возможный пересмотр избыточно жестких административных методов. Политической элите необходимо воздержаться от действий, которые могут еще больше разделить общество и подорвать его стабильность, ориентироваться на выстраивание диалога, прикладывать усилия для обеспечения социального компромисса.

В этой связи возрастает важность разработки основополагающей идеи, которая призвана «цементировать» социальный контракт между обществом и государством, выступать фундаментом социальной справедливости. Таким образом, ценностно-смысловой базис российского социума должен строиться на основе идеи общего дела, сбережения, приращения народа, близкого русской ментальности.

Разработка идейных доминант, призванных нивелировать признаки раскола и отчуждённости в социуме, зависит от качества политической элиты, одним из измерений которого является уважительное отношение к собственному народу.

Выступая перед Федеральным Собранием Российской Федерации с ежегодным Посланием на 2018 г., Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «Цифровизация всей системы государственного управления, повышение прозрачности – это и мощный фактор противодействия коррупции»⁴.

В контексте активного развития «эпохи» информационных технологий, современное общество заинтересовано в развитии новых каналов коммуникации с властью, в повышении уровня ее информационной открытости. В этой связи, считаем необходимым обозначить важность соблюдения баланса между транспарентностью и продуктивностью деятельности органов исполнительной власти, учитывая и рискогенность информационной эпохи, коррелирующей с инструментальным

¹ <https://spb.hse.ru/data/2020/02/07/1574289115/Doklad-FOIV-2019.pdf>

² Там же.

³ <http://government.ru/department/236/about/>

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ на 2018 г. // Российская газета. 2018. 2 марта.

пулом возможностей использования полученной информации в качестве политического инструмента с целью осуществления различных приемов манипулирования общественным сознанием, «питательной средой» которого в числе прочего выступает усиление тенденций политизации и идеологизации различных технологических процессов.

В рамках поиска позиционируемого баланса принципиально важной является решение задачи обеспечения уровня транспарентности органов власти, при котором возможна защита прав граждан и минимизация угроз национальной безопасности¹.

Согласно Стратегии национальной безопасности РФ, реализация основных векторов общественного прогресса и обеспечение национальных интересов зависит от эффективности государственной политики в сфере безопасности, стабильности социального и экономического развития, и в этой связи, усиливается роль культуры как приоритетного направления стабильного продвижения РФ в своем государственном развитии и одного из ключевых факторов укрепления безопасности нации.

Представляется излишней аргументация тезиса о том, что в настоящее время противоборство государств осуществляется с применением различных технологий социального управления и воздействия, среди которых ученые-исследователи выделяют:

- трансляцию в общественное сознание апатии и социальной пассивности;
- контроль образования и информационных потоков;
- подрыв авторитета традиционных религий;
- запрет духовно-нравственного просвещения;
- пропаганда деструктивных и агрессивных идей через СМИ;
- искажение исторических фактов;
- создание управляемого хаоса;
- распространение сепаратистских идей;
- создание структур так называемого гражданского общества, нацеленных на противостояние государству.

Как отмечает главный редактор журнала «Международная жизнь» А. Оганесян, «... серьезную угрозу внешней политике в наши дни представляет ее растущая идеологизация»². И, действительно, политика все чаще уступает напору идеологий; это связано, в числе прочего, со сменой элит, приходом к власти нового поколения политиков с новой «картиной мира», новым набором ценностей, новым опытом и установками. Эта ситуация обуславливает увеличение турбулентности и энтропии в мировой политике ввиду активных попыток обеспечить «здесь и сейчас» слом архитектуры традиционных понятий и заставить мир жить по понятиям идеологии постмодерна. Сегодня мы можем наблюдать, как неолиберальная идеология превращается в идеологию технологий.

Кроме того, в наши дни обостряются риски изменения человека, что, судя по всему, в качестве следствий обуславливает появление практик трансгуманизма, трансформации органики и биологии человека, наконец, трансгендерную политику...

В этих непростых и весьма противоречивых условиях развития мирового сообщества наша страна (что, на наш взгляд, вполне логично и в контексте наличия своей культурно-цивилизационной «матрицы») стремится к поиску инструментария противодействия попыткам манипулирования здравым смыслом, подмены сущностных смыслов антропоцентризма, описываемых в контексте сохранения культурной идентичности человека, идеологическим фоном постмодерна, манифестируемого, в частности, вышеобозначенными «треками»...

В рамках развития внутрироссийского политического дискурса принципиально важным становится необходимость активизации рефлексивных усилий, направленных на поиск ресурсов гармонизации диалога общества и государства, укрепление национальной безопасности и государственного суверенитета; нам представляется, что осмысление «точек роста» повышения открытости и транспарентности деятельности органов власти является весьма востребованным и актуальным направлением исследований и в рассматриваемом контексте демпфирования угроз манипулирования здравым смыслом и подмены сущностных смыслов антропоцентризма.

Соответственно, в таких обстоятельствах весьма актуальным является вопрос не столько одностороннего усиления государствами своего влияния в информационном пространстве, сколько

¹ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> - Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации"

² Цифра плюс трансгуманизм – последнее прибежище либералов/Международная жизнь, октябрь 2021, с. 54-59 [эл. ресурс]: <https://interaffairs.ru/jauthor/num/2021/10> (дата обращения 15.11.2021)

управление данным процессом, следовательно, воздействие на другие государства посредством информационного воздействия [1].

В этой связи представляется уместным обратиться и к рассмотрению концепта «двойные стандарты», релевантность которого достаточно очевидна как на макроуровне анализа политических процессов (международные отношения/геополитика), так и в рамках изучения особенностей конструирования внутриполитического ландшафта коммуникаций власти и гражданского общества.

Как известно, политика двойных стандартов – это условия, при которых оценка одного и того же действия интерпретируется в зависимости от отношения к той или иной стране¹ и/или к тому или иному актору политического процесса.

По мнению Г. В. Яценко, двойные стандарты представляют собой «суждения, принципы и нормы, формирующие в своей совокупности условия, при которых оценка различных субъектов и явлений интерпретируется в зависимости от степени лояльности к предмету оценки, тем самым устанавливая неравное положение субъектов и явлений при формальном юридическом равенстве» [2, с. 151].

В соответствии с позицией А. Н. Михайленко, основным свойством позиционируемого концепта следует считать неясность, неопределенность, смысловую размытость того стандарта, который оценивается политическими акторами [3].

Согласно мнению В. Н. Казанцевой, двойные стандарты выступают в качестве ресурса ведения информационной войны [4].

По версии Concise Oxford English Dictionary, под двойными стандартами понимается правило или принцип, который применяется намного строже к определенному кругу лиц, чем ко всем остальным².

В общепринятом понимании политика двойных стандартов – это не что иное, как форма обвинения в несоблюдении прав человека и нарушении обязательств, конвенций, принципов и норм международного права в целях достижения определенных целей и получения выгоды³.

Таким образом, уместно, на наш взгляд, констатировать, что в актуальных условиях активно и весьма противоречивого распространения информационных технологий, а также расширения информационно-коммуникационного пространства, имманентным фактором организации политического процесса в контексте обеспечения транспарентности деятельности органов власти являются риски создания информационного «шума» вокруг деятельности субъектов политического управления, обусловленных в том числе (здесь мы солидаризируемся с мнением, в частности, А. Н. Михайленко) широким набором информационных ресурсов, характеризующихся высокой степенью смысловой энтропии и семантической «размытости», что, очевидно, приводит к возрастанию опасностей информационных манипуляций со стороны различных субъектов политических коммуникаций.

Соответственно, вполне закономерным является вопрос об актуализации инструментария мониторинга современной нормативной правовой базы Российской Федерации в контексте обеспечения регулирования границ транспарентности в вопросах информирования населения о деятельности органов власти. Уровень транспарентности государственной и муниципальной власти коррелирует не только с необходимостью предоставления государством возможности открытого доступа к получению информации, но также со степенью готовности граждан к адекватному восприятию соответствующей информации. Важным направлением анализа в рассматриваемом контексте следует, на наш взгляд, считать изучение мотивационных аспектов поиска человеком гражданской самоидентификации, его политических позиций и предпочтений, в том числе, условия и факторы формирования потребности в обеспечении транспарентности власти.

Подводя итог наших предварительных размышлений о многослойности феномена транспарентности власти в рамках развития политического дискурса, отметим, что при всей очевидной противоречивости и «уязвимости» (особенно в контексте вышеобозначенных рисков создания «информационных «шумовых» эффектов) изучаемого явления, транспарентная и открытая политическая система в стране – важный фактор решения задачи обеспечения гармонизации диалога общества и государства, повышения уровня самоорганизации общества и укрепления суверенитета государства в различных его измерениях (политическом, экономическом, культурном).

¹ Двойные стандарты. 01.12.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

² Политика двойных стандартов.[Электронный ресурс]. URL: <http://www.nbenegroup.com>

³ Двойные стандарты [Электронный ресурс]. URL: <http://pioss.net/blog/termins/486.html>

Список источников

1. Старостин А. М., Понеделков А. В., Голобородько А. Ю., Тованчова Е. Н. Перспективные направления трансформации политического управления современной России в условиях глобальной конкуренции: монография. Ростов-на-Дону: ООО «Мини Тайп», 2021. 234 с.
2. Яценко Г. В. Политика двойных стандартов: украинский кризис и образование исламского государства // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2015. № 5. С. 151–156.
3. Михайленко А. Н. Двойные стандарты в современной мировой политике // Этносоциум и междисциплинарная культура. 2015. № 5. С. 27–34.
4. Казанцева В. Н. Политика двойных стандартов в современном обществе // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 4. С. 106.

References

1. Starostin A. M., Ponedelkov A. V., Goloborodko A. Yu., Tovanchova E. N. *Promising directions for the transformation of the political governance of modern Russia in conditions of global competition: monograph*. Rostov-on-Don: Mini Taip LLC; 2021. 234 p. (In Russ.)
2. Yatsenko G. V. The policy of double standards: the Ukrainian crisis and the formation of an Islamic state. *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii = Current problems of modern international relations*. 2015;(5):151–156. (In Russ.)
3. Mikhailenko A. N. Double standards in modern world politics. *Etnosotsium i mezhdistsiplinarnaya kul'tura = Ethnosocium and interdisciplinary culture*. 2015;(5):27–34. (In Russ.)
4. Kazantseva V. N. The policy of double standards in modern society. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii = Modern scientific research and innovation*. 2014;(4):106. (In Russ.)

Информация об авторе

А.В. Ляхов – аспирант.

Information about the author

A. V. Lyakhov – Postgraduate Student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.12.2021; одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 13.01.2022.

The article was submitted 27.12.2021; approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication 13.01.2022.

Научная статья
УДК 316.422.44
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-300-305

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Валерия Владимировна Провоторова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, lera.provotorova@list.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние цифровизации экономики и трансформации публичного администрирования на обеспечение судебной деятельности, а также перспективы развития юридической профессии и образования. Приводятся актуальные примеры инновационных процессов судопроизводства, анализируется эффективность деятельности судебных органов Российской Федерации в период COVID-кризиса.

Ключевые слова: цифровая трансформация, судебная деятельность, аппарат суда, цифровые компетенции

Для цитирования: Провоторова В. В. Трансформационные социальные процессы в обеспечении судебной деятельности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 300–305. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-300-305>.

Young scientists

Original article

TRANSFORMATIONAL SOCIAL PROCESSES IN SUPPORT OF JUDICIAL ACTIVITIES

Valeria V. Provotorova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, lera.provotorova@list.ru

Abstract. The article analyzes the impact of the digitalization of the economy and the transformation of public administration on the provision of judicial activities, as well as the prospects for the development of the legal profession and education. Actual examples of innovative processes of legal proceedings are given, the effectiveness of the activities of the judiciary of the Russian Federation during the COVID-crisis is analyzed.

Keywords: digital transformation, judicial activity, court apparatus, digital competencies

For citation: Provotorova V. V. Transformational social processes in providing judicial activity. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):300–305. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-300-305>.

Публичное администрирование – есть процесс реализации законодательных, исполнительных, судебных и других властных полномочий государства в целях выполнения его регламентационно-регулирующих функций, направленных на общий интерес, общее благо [1].

Одной из главных составляющих публичного администрирования является судебная система, обеспечивающая охрану прав и законных интересов человека и гражданина, создающая правовой и социальный порядок. Публичная служба в органах судебной власти содействует адаптации гражданина к государству и государства к гражданину, то есть гуманизации государства и укреплению социального и правового порядков.

Эффективное осуществление этих функций напрямую зависит как от самой организации работы конкретного суда, так и от его кадрового обеспечения, поскольку именно работники суда должны оптимизировать рабочий процесс с помощью новых технологий, чтобы, с одной стороны, предоставить гражданам удобные условия для осуществления судебной защиты, а с другой стороны, чтобы упростить свои ежедневные рабочие задачи.

Цифровая трансформация публичного администрирования – это процесс изменения подходов в организации работы органов власти с использованием цифровых технологий и алгоритмов. Это своего рода процесс адаптации к новым условиям деятельности с учетом потребностей рынка и ожиданий потребителей услуг и сервисов. Без системной трансформации управленческих процессов, без кардинальной перестройки работы всего госаппарата масштабной отдачи от цифровизации обеспечить не получится [2].

В этой связи необходимо подробнее остановиться на структуре аппарата суда и тех специалистах, которые будут обеспечивать реинжиниринг судебных процедур, а также адаптировать и интегрировать в них граждан.

К аппарату суда относят не только работников, замещающих должности государственной гражданской службы, но и работников, замещающих должности, не являющиеся должностями государственной гражданской службы (технический персонал).

Между тем, в контексте проблемы цифровой трансформации, больший интерес представляет первая группа. Последние данные Росстата (на 2019 год) определяют численность этой профессиональной общности в 144972 человек.

К лицам, замещающим должности государственной гражданской службы, предъявляют квалификационные требования к уровню профессионального образования, знаний и навыков, стажу.

Так, требование – наличие высшего профессионального образования – предъявляется практически ко всем категориям должностей гражданской службы, кроме категории «обеспечивающие специалисты» старшей и младшей групп должностей гражданской службы (старший специалист 1, 2, 3 разряда, специалист 1, 2, 3 разряда). Данной категории необходимо среднее профессиональное образование, соответствующее направлению деятельности.

Стоит отметить, что в прошлом году появился новый федеральный государственный образовательный стандарт для бакалавриата по направлению подготовки «Юриспруденция». Стандарт устанавливает только универсальные и общепрофессиональные компетенции, среди которых выделяется категория «Информационные технологии», а в ней – способность целенаправленно и эффективно получать юридически значимую информацию из различных источников, включая правовые базы данных, решать задачи профессиональной деятельности с применением информационных технологий и с учетом требований информационной безопасности. Профессиональные компетенции, в том числе, развивающие цифровые навыки, образовательные организации вправе определить самостоятельно на основе профессиональных стандартов при их наличии.

На сегодняшний день объединяющего профессионального стандарта для юридической профессии нет. Министерством труда и социального развития РФ подготовлен проект профессионального стандарта «Юрист», общественное обсуждение которого в настоящее время ведется.

Примечательно, что основным видом профессиональной деятельности юриста стандарт обозначает оказание профессиональной юридической помощи физическим и юридическим лицам; а целью – содействие эффективной реализации гражданами Российской Федерации прав и свобод, включая право на квалифицированную юридическую помощь; защита прав и законных интересов граждан и их объединений; обеспечение законности деятельности хозяйствующих субъектов; помощь в восстановлении нарушенных прав.

Основной функционал юриста по мнению разработчиков можно описать следующими обобщенными трудовыми функциями: 1) вспомогательная деятельность при оказании профессиональной юридической помощи; 2) правовое обеспечение деятельности организаций и оказание юридической помощи физическим лицам и их объединениям; 3) оказание профессиональной юридической помощи в ходе ведения дел в суде; 4) оказание профессиональной юридической помощи в ходе ведения дел в суде; 5) управление юридической функцией организации.

Для указанных выше функций цифровой блок компетенций определен довольно скупо. Среди трудовых действий, необходимых знаний и умений выделяются: деятельность по автоматизации работы правового подразделения; знание информационных технологии сбора, хранения, поиска и обработки информации в юридической деятельности; особенностей подачи процессуальных документов в электронном виде; умение пользоваться системами электронного правосудия, системой видеоконференцсвязи. Аналитические и мониторинговые задачи, нашедшие отражение в профессиональном стандарте также востребуют цифровой подготовки.

Необходимо отметить, что работа над созданием профессионального стандарта ведется уже три года и широко освещается как средствами массовой информации, так и в ходе многочисленных круглых столов, форумов, конференций. Тем не менее, в учебных планах подготовки бакалавров современные тренды цифровизации юридической профессии почти не находят отражения.

Так, например, в учебном плане 2019 года набора бакалавриата «Юриспруденция», Российского государственного университета правосудия на развитие цифровых компетенций работает только одна учебная дисциплина «Информационные технологии в юридической деятельности», при этом на контактную работу с преподавателем отводится 58 академических часов.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рамках освоения программ высшего образования, овладеть теми знаниями, умениями и навыками, которые сегодня востребуют процессы цифровизации экономики, публичного администрирования и конкретно, судебной деятельности, вряд ли получится, а необходимость в них весьма актуальна.

Еще в 2013 году, учеными Оксфордской школы Мартина были проведены исследования, согласно которым шансы исчезновения профессий в юридической сфере оценены таким образом: ассистенты и помощники юристов – 94,5 %; юридические секретари – 97,6 %; судебные репортеры – 50,2 %; работники в сфере судебного права – 40,9 %; судьи – 40,1 %; адвокаты – 3,5 % [3].

Рассматривая вопрос цифровизации юридической профессии, учёные выделяют два основных термина и направления – Legal Tech и Law Tech.

При этом Legal Tech содержит в себе решение по автоматизации технических процессов, которые не касаются права как такового, а направлены на упрощение жизни самого юриста. Термин Law Tech описывает технические возможности оптимизации юридической помощи потребителям юридических услуг. Однако на практике не всегда можно отделить продукт, который предназначен только для юриста, а какой для потребителя, поэтому данные понятия развиваются совместно. Основатель проекта Pravo.ru Алексей Пелевин отмечает, что по данным последних исследований рынка цифровых юридических услуг и программных решений, в России уровень проникновения цифровых технологий в юридическую деятельность составляет около 30 % и прогнозирует динамичное расширение этого рынка в ближайшие годы. Также распространение получают Legal Artificial Intelligence – искусственный интеллект, обучающий сам себя на основе анализа большого объема данных – data set; и Virtual Artificial Assistant – виртуальный юридический помощник [4].

Уже начиная с 90-х годов XX века ведутся попытки создания универсальной машины для «подготовки судебного дела». Такой работающий механизм действительно облегчил бы работу судьи. Вместе с тем с учетом того, что жизненные ситуации невозможно подогнать под одни рамки, предполагается, что данная программа укажет на возможные варианты разрешения спора с построением текста судебного акта и укажет на слабые элементы в каждом из вариантов, то есть поможет с подбором судебной практики, но решение всегда будет за человеком, а не за роботом.

Стороны смогут проанализировать судебный акт с точки зрения его включения в единую практику, что возможно позволит повысить доверие населения к судебной системе, а также уменьшить количество обжалуемых судебных актов в апелляционную и кассационную инстанции.

В данный момент данная программа находится только в разработке, вместе с тем даже в настоящий момент в судах функционируют программы, нацеленные на автоматизацию обычных процессов для сотрудников судов и повышения доступности судебной системы для граждан. Так, например, в арбитражных судах функционирует программный комплекс «Судебно-арбитражное делопроизводство» (ПК «САД»), который обеспечивает автоматизированное распределение документов, учёт дел, формирование отчётов, то есть нацелен на создание комфортной работы госслужащих. При этом вся информация занесенная в указанном ресурсе синхронизируется с электронной системой «Картотека арбитражных дел» (КАД). КАД – это, можно сказать, общедоступная версия ПК «САД». КАД позволяет общественности отслеживать всю информацию по делу без лишнего обращения в суд. При этом лицам, участвующим в деле, также предоставлена возможность представлять все документы и ходатайства через систему «Мой Арбитр». Помимо этого через данные ресурсы появилась возможность участвовать в судебных заседаниях – онлайн, а также реализовывать онлайн-ознакомление с материалами дела. В общей юрисдикции есть аналог данных систем ГАС «Правосудие», однако по причине неудобного интерфейса указанная программа не получила популярности у населения.

Рассмотрим ещё один важный аспект профессиональной составляющей работников аппарата суда. Указом Президента РФ от 27.09.2005 № 1131 «О квалификационных требованиях к стажу государственной гражданской службы (государственной службы иных видов) или к стажу работы по специальности для федеральных государственных гражданских служащих», для аппаратных работников суда установлены следующие требования.

Для высших должностей гражданской службы, к которым относится, в частности, руководитель Секретариата Верховного Суда РФ и др., установлено не менее 6 лет стажа госслужбы или не менее 7 лет по специальности; для главных должностей (начальник отдела) – не менее 4 лет

госслужбы или 5 лет по специальности; для ведущих должностей (помощник судьи и др.) – не менее 2 лет госслужбы или 4 лет по специальности; для старших и младших должностей – требований к стажу не установлено.

Если обратиться к реальному кадровому составу гражданских служащих в органах судебной власти, опубликованному Росстатом в 2019 году, то можно выделить следующие категории специалистов:

- со стажем до 1 года – 10416 человек;
- со стажем от 1 года до 5 лет – 27586 человек;
- со стажем от 5 до 10 лет – 30685 человек;
- со стажем от 10 до 15 лет – 27491 человек;
- со стажем от 15 до 25 лет – 33400 человек;
- со стажем от 25 лет и выше – 15394 человек.

Очевидно, что самая большая по численности категория служащих имеет солидный стаж работы – от 15 до 25 лет, а требования законодателя, предусматривают омоложение кадрового состава для реинжиниринга существующих организационных процессов.

Социологическая концепция профессиональной социализации ключевым показателем выделяет компетентность – получение личностью профессии, уровень мастерства, достигнутого ею. На пути от некомпетентности к компетентности человек проходит ряд ступеней.

Первая ступень – безотчетная некомпетентность. Она присуща молодому человеку, осваивающему свою будущую профессию. Это фаза ученичества, на которой индивид лишь в первом приближении осознает тайну своей специальности.

Вторая ступень – осмысленная некомпетентность. Она возникает, когда молодой специалист, окончив обучение, приступает к исполнению своих служебных обязанностей. Это фаза адаптации, на которой индивид привыкает к своей работе. Он только входит в профессию, начинает постигать её практически. «Обживать» свое ремесло человек будет в течение двух-трех лет.

Третья ступень – безотчетная компетентность. Она проявляется по мере освоения человеком профессии. Индивид еще не достиг зрелости в своем деле, не овладел комплексом способов и методов практической деятельности. Это фаза стабильности, она длится от 3 до 7–10 лет.

Четвёртая ступень – осмысленная компетентность. Она наступает, когда человек достиг вершин мастерства, стал зрелым профессионалом. Это фаза преобразования (после 7–10 лет пребывания на рабочем месте), на которой специалист демонстрирует способность привнести в профессиональную деятельность новшество (новый способ организации работы, новый метод управления и т.п.) [5, с. 97–98].

Таким образом, сегодня количество «инноваторов» в сфере обеспечения судебной деятельности уже составляет пятую часть корпуса аппаратных работников и в скором времени это сообщество увеличится. Именно для этих людей и следует разрабатывать новые образовательные продукты, позволяющие развить или актуализировать цифровые компетенции.

Обратимся теперь к организационной структуре аппарата суда и составляющим его должностным единицам – первичным звеньям всех существенных обеспечивающих процессов.

Аппарат суда делится на внутренние подразделения – отделы (например: отдел кадров, финансовый, обеспечения судопроизводства, делопроизводства, анализа и обобщения судебной практики, эксплуатации и материально-технического обеспечения, информатизации и связи), в состав которых не входят должности «помощник председателя суда» и «помощник судьи».

Обязанности каждого работника аппарата закреплены в должностном регламенте. При этом типовая структура и содержание данного документа закреплены в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 21.02.2006 № 18.

Интересно отметить, что вне зависимости от категории должностей установлена необходимость иметь следующие навыки и умения: составления деловых документов (в зависимости от замещаемой должности), владения навыками межличностного общения, систематическое повышение квалификации, владение компьютерной техникой и правильное распределение рабочего времени. Также, независимо от рангов, должностные регламенты в качестве показателей эффективности и результативности служебной деятельности предусматривают производительность, результативность и интенсивность труда, а эти показатели напрямую зависят от степени развития навыков работы с информацией.

В период глобальной «четвертой промышленной революции» неудивительно, что предъявляются навыки к владению компьютерной техникой. Вместе с тем интересно проследить взаимосвязь необходимости владеть всеми перечисленными навыками. Как раз инновационные процессы

и технологии нацелены на правильное распределение рабочего времени и его оптимизацию, однако успевать за развитием технологий можно лишь посредством постоянного повышения квалификации (в частности, обучения использованию «новинок» в электронной системе, которые в том числе облегчают даже составление деловых документов).

Данную взаимосвязь в наше время нельзя отрицать, в связи с чем в тенденции Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации утверждена 15 февраля 2021 года Концепция информатизации Верховного Суда Российской Федерации. В названном документе главные цели цифровизации направлены на обеспечение дистанционных способов осуществления судебной деятельности (включая обращение в суд, получение информации о судебном процессе, участие в судебных заседаниях, ознакомление с материалами дел, получение копий актов), модернизацию взаимодействия суда и иных органов власти, развитие информационных систем, серверной инфраструктуры, а также системы хранения данных.

Разрешение вопроса создания единого информационного пространства судов предполагается путем создания суперсервиса «Правосудие онлайн». Указанный сервис будет работать через Единый портал государственных и муниципальных услуг и рассматривается как платформа, через которую можно осуществить все действия без необходимости физического присутствия в суде.

Стремительный рывок вхождения в повседневную жизнь электронного взаимодействия сделан в 2020 году из-за распространения коронавирусной инфекции и введения повсеместно ограничительных мер.

Актуальность и насущность создания суперсервиса «Правосудие онлайн» показало именно стихийное бедствие. Интересно отметить, что российская система правосудия оказалась достаточно хорошо подготовленной в плане применения современных технологий. Европейская Комиссия по эффективности правосудия Совета Европы оценила на 9,09 баллов Россию в части электронного взаимодействия с участниками процесса.

Вместе с тем в настоящее время несмотря на такую высокую оценку Европейской комиссией внедрения электронных технологий в работу судов существует большое количество вопросов, подлежащих разрешению для удобного включения в работу электронных платформ.

Одной из главных проблем является отставание действующего процессуального законодательства от цифровых трансформаций. Например, существует приоритет бумажных носителей, как во взаимодействии между судами, органами власти, так и гражданами. «Основное» судебное дело является на бумажном носителе, отсутствует обязательность электронных судебных дел.

Между тем Верховный Суд РФ отмечает в Концепции, что именно электронная форма осуществления и закрепления результатов процессуальной деятельности к форме бумажной должна стать основной.

Но как можно этого достичь, когда, например, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации определяет, что надлежащим доказательством, свидетельствующим о направлении копии искового заявления стороне, является почтовая квитанция или вручение под расписку, а предоставление скриншота электронной почты будет являться основанием для оставления иска (апелляционной или кассационной жалобы) без движения?

Указанный вопрос действительно встает очень остро при апробации новых технологий как аппаратом суда, так и лицами, обращающимися в суд.

Но, несмотря на все проблемы, которые возникают, нельзя не отметить, что статистика использования электронных систем (онлайн ознакомлений с материалами дела, онлайн-заседаний, видео-конференц-связи, подача документов посредством электронных сервисов и др.) из года в год растет, что показывает ее удобство. В период, когда повсеместно был введен режим самоизоляции по всей стране (с 19 марта по 11 мая 2020 года), посредством системы «Мой Арбитр» поступило на 120 тыс. документов больше, чем за аналогичный период 2019 года. Возросло количество судебных заседаний, проведенных при помощи видео-конференц-связи. В 2020 году за один рабочий месяц первого полугодия данный показатель составил около 2900 дел, что на 600 дел больше, чем в 2019 году.

Кроме того, нельзя не отметить, что развитие уровня цифровизации судебной системы повышает уровень доверия населения к судебной власти. Разрешению данной проблемы особое внимание уделяется в настоящее время с учетом приоритетов, расставленных в Концепции информационной политики судебной системы на 2020 – 2030 годы. Связь информатизации и уровня доверия напрямую усматривается, поскольку все больше отмечается положительная тенденция оценки деятельности арбитражных судов, в которых раньше появились электронные сервисы с доступным интерфейсом, позволяющим отследить всю информацию по делу в режиме онлайн.

Таким образом, расширение использования электронных ресурсов не только нацелено на облегчение работы аппарата суда, но и на повышение эффективности самой судебной власти, обеспечение ее открытости и прозрачности, формирование доверия к российскому правосудию.

Список источников

1. Зинченко Г. П., Зинченко Я. Г. Государственная служба: социологические очерки: монография. М.: Университетская книга, 2013. 228 с.
2. Цифровая трансформация государственного управления: мифы и реальность [Текст]: докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Д. Ю. Двинских, Н. Е. Дмитриева, А. Б. Жулин и др. ; под общ. ред. Н. Е. Дмитриевой ; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 43, [1] с. 250 экз. ISBN 978-5-7598-1980-6 (в обл.). ISBN 978-5-7598-2003-1 (e-book)..
3. Frey C.B., Osborne M.A. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? September 17, 2013. URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf
4. Алексей Пелевин (Pravo.ru): Россия – в топе стран по уровню развития Legal Tech URL: <https://rb.ru/opinion/legaltech-interview/>
5. Зинченко Я. Г. Профессионализация государственной гражданской службы. Монография. Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 2011. 136 с.

References

1. Zinchenko G. P., Zinchenko Ya. G. *Public Service: Sociological Essays*: Monograph. Moscow: Universitetskaya kniga, 2013. 228 p. (In Russ.)
2. *Digital transformation of public administration: myths and reality* [Text]: dokl. to XX Apr. intl. scientific conf. on Problems of Development of the Economy and Society, Moscow, 9–12 April. 2019 / D. YU. Dvinskikh, N. Ye. Dmitriyeva, A. B. Zhulin i dr. ; pod obshch. red. N. Ye. Dmitriyevoy; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019. 43, [1] p. (In Russ.)
3. Frey C.B., Osborne M.A. *The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation?* September 17, 2013. Available from: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf
4. Alexey Pelevin (Pravo.ru): Russia is in the top countries in terms of Legal Tech development. Available from: <https://rb.ru/opinion/legaltech-interview/> (In Russ.)
5. Zinchenko Ya. G. *Professionalization of the civil service*. Monograph. Rostov-on-Don: SKAGS; 2011. 136 p. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Провоторова – аспирант кафедры социологии.

Information about the author

V. V. Provotorova – Postgraduate Student of the Department of Sociology.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.02.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 17.02.2022.

The article was submitted 01.02.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 17.02.2022.

Слово молодым ученым

Научная статья

УДК 324:141

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-306-310

ДИСТАНЦИОННОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Гарник Вагинакович Туманян

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
tumangar@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируется уровень развития электронного публичного управления, которое переходит в избирательную сферу. Феномен дистанционного электронного голосования рассматривается как последовательный процесс, вызванный трансформациями парадигмы публичного управления, где антропоцентричность начинает приобретать более выраженные характеристики. В рамках рассматриваемой проблематики, корректно будет заявить, что современные способы голосования являются не только механизмом легитимного перехода властных полномочий от одних субъектов к другим, но и государственной услугой по содействию выражения волеизъявления граждан.

Ключевые слова: антропоцентричность, публичное управление, дистанционное электронное голосование, выборы, избирательная система, блокчейн

Для цитирования: Туманян Г. В. Дистанционное электронное голосование как этап развития антропоцентричного публичного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 306–310. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-306-310>.

Young scientists

Original article

REMOTE ELECTRONIC VOTING AS A STAGE IN THE DEVELOPMENT OF ANTHROPOCENTRIC PUBLIC GOVERNANCE

Garnik V. Tumanyan

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, tumangar@mail.ru

Abstract. This article analyzes the level of development of electronic public administration, which is moving into the electoral sphere. The phenomenon of remote electronic voting is considered as a sequential process caused by the transformation of the paradigm of public administration, where anthropocentrism begins to acquire more pronounced characteristics. Within the framework of the issues under consideration, it would be correct to state that modern methods of voting are not only a mechanism for the legitimate transfer of power from one entity to another, but also a public service to facilitate the expression of the will of citizens.

Keywords: anthropocentricity, public administration, remote electronic voting, elections, electoral system, blockchain

For citation: Tumanyan G. V. Remote electronic voting as a stage in the development of anthropocentric public governance. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(1):306–310. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-306-310>.

Органы публичного управления предпринимают активные шаги по созданию и совершенствованию процессов предоставления более эффективных и оперативных услуг для граждан и иных лиц, проживающих на территории государства. Быстрое развитие информационных технологий привело к изменениям в способах взаимодействия органов публичной власти с гражданами, что способствовало внедрению электронного правительства [1] в качестве основного метода предоставления услуг в государственном секторе. Нельзя говорить о том, что внедрение ИКТ в публичные процессы было связано исключительно с их быстрым развитием и распространением. Основной движущей силой внедрения подобных платформ является тенденция развития антропоцентричных идей в обществе.

Антропоцентричное публичное управление нацелено на предоставление гражданам максимально комфортных и доступных публичных услуг, которые будут вписываться в интерактивную систему мировосприятия актора. Однако, более двадцати лет различных практик реализации проектов электронного правительства показали, что органы власти по всему миру столкнулись со множеством проблем [2], самыми весомыми из которых являются – отсутствие одобрения и доверия граждан, а также, их нежелание использования электронных платформ. Исследователи связывают данные тенденции с несоответствием реальности и ожиданий граждан от функционирования органов власти, недовольство, которое подпитывается новизной ИКТ в публичном управлении и низким уровнем доверия к органам власти усугубляют описываемые проблемы.

Парадоксально, но изначальное внедрение электронных публичных площадок задумывалось органами власти как инструмент повышения доверия граждан к публичным институтам, политики мотивировали данное решение как дополнительная открытость и прозрачность процессов предоставления публичных услуг населению и процессов принятия публичных решений. Но данный инструмент возымел обратное действие. Быстрое внедрение электронных площадок, которое велось практически без подготовительного этапа (в части работы над общественным мнением и информированием граждан) можно назвать основным фактором риска.

Именно по этой причине мы можем заметить резкий всплеск количества различных электронных площадок органов власти и их страниц в социальных сетях, а затем, снижение их количества и активности. Данная тенденция сменилась в 2020 году, когда распространение новой коронавирусной инфекции было признано мировым сообществом – глобальной пандемией. Необходимость взаимодействия с гражданами, с целью реализации публичной политики и публичных услуг заставила перейти органы власти к возобновлению активной фазы внедрения ИКТ технологий.

Учитывая необходимость самоизоляции и соблюдения мер нераспространения коронавирусной инфекции, электронные площадки начали пользоваться у граждан высоким уровнем популярности. Что, в принципе, было продиктовано строгой необходимостью и отсутствием альтернатив. Конечно, резкая экспансия публичной власти в информационную сферу не была предварительно обдумана и опробована, ведь человечество не было готово к пандемиям такого масштаба, и, следовательно, к необходимости скорейшего перехода в электронную плоскость.

Внедрение ИКТ в публичное управление является закономерным и перманентным процессом, который позволяет увеличивать эффективность системы управления и имеет ряд положительных характеристик, таких как:

- Сокращение затрат на информирование граждан [3].
- Уменьшение нагрузки публичной системы.
- Ускорение принятия решений.
- Придание бюрократическим процессам мобильного характера [4].
- Возможность сокращения количества государственных и муниципальных служащих.
- Предоставление публичных услуг в ускоренном формате.
- Уменьшение социальных контактов (данная характеристика особо актуализируется в период пандемии COVID-19).
- Увеличение прозрачности публичной политики.
- Укрепление «сервисной» ориентации публичного управления в части повышения комфорта граждан.

Информационные технологии являются необходимым условием существования современного государства [5]. Несмотря на положительные характеристики, перечисленные выше, существует острая необходимость изучения общественного мнения, относительно активного внедрения ИКТ технологий в публичное управление, а также, актуализируется вопрос поддержания доверия граждан к описываемым системам, что будет способствовать их активному развитию и распространению. Ведь ценности антропоцентричного публичного управления негативно относятся к публичным практикам, которые не находят поддержки со стороны отдельных граждан и общества.

В рамках рассматриваемой проблематики, корректно будет заявить, что современные способы голосования являются не только механизмом легитимного перехода властных полномочий от одних субъектов к другим, но и государственной услугой по содействию выражения волеизъявления граждан. Учитывая антропоцентричные тенденции современного публичного управления и преобладание элементов «сервисной» ориентации, важное значение приобретает необходимость выстраивания эффективной электоральной системы, которая позволит гражданам принимать решения по управлению государством теми способами, которые для них максимально комфортны и эффективны. И именно благодаря данным тенденциям, появляется необходимость развития

института дистанционного электронного голосования. Сам феномен электронного голосования распространяется в двух плоскостях [6]:

- голосование на стационарных избирательных участках (с использованием специальных терминалов для голосования или специальной аппаратуры приёма и обработки бумажных бюллетеней);

- голосование с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет».

В данном случае, мы рассматриваем электронное голосование, которое реализуется посредством использования возможностей сети «Интернет», оно реализуется в трёх формах [7]:

- волеизъявление граждан через информационно-коммуникационную сеть «Интернет» на территории избирательного участка с помощью специальных технических средств (техническое и организационное обеспечение оборудования контролируется членами избирательных комиссий);

- голосование через информационно-коммуникационную сеть «Интернет» в специально оборудованных киосках, расположенных в различных публичных местах;

- дистанционное голосование посредством использования информационно-коммуникационной сети «Интернет» (избиратель сам выбирает место голосования и удобное для пользования техническое средство, которое поддерживает использование «Интернет» технологий и специального программного обеспечения).

В научной литературе встречается мнение, что дистанционное электронное голосование не является популярным способом волеизъявления и не обеспечивает всеобщность участия на выборах [8]. Сторонники данной точки зрения апеллируют к международному опыту, где полностью электронное голосование проводится только в нескольких странах (Эстония, Объединённые Арабские Эмираты и т.д.).

Стоит отметить, что дистанционное электронное голосование не может являться единственным способом реализации активного избирательного права граждан. Должны существовать альтернативные способы голосования (наряду с традиционными бумажными бюллетенями, электронными терминалами для голосования и т.д.), которые обеспечат гражданина возможностью выбора способа «волеизъявления». Только такая логика может обеспечивать антропоцентричность в избирательном процессе, ведь лишение граждан тех или иных, привычных и удобных механизмов голосования может вызвать у них дискомфорт и как итог, мы получим растущий уровень политического нигилизма и абсентеизма. Внедрение дистанционного электронного голосования способно решить не только указанные проблемы, оно имеет целый ряд преимуществ, таких как:

- Обеспечение мобильного образа жизни граждан без отрыва на избирательные процедуры. Избиратели могут голосовать по месту своего фактического нахождения, будь то другая часть города, другая страна или континент.

- Уменьшение бюрократизации избирательных процедур. С целью недопущения различных фальсификаций или возможностей неправильного подсчёта голосов, избирательная система довольно забюрократизирована, большой объём информации хранится на бумажных носителях, которая множится, и как итог, усложняет работу комиссий по реализации своих полномочий. Благодаря использованию специального программного обеспечения, электронное голосование частично или полностью решает данную проблему, в зависимости от степени внедрения.

- Уменьшение расходов государства на электоральные процессы. Общеизвестно, что государство затрачивает значительные суммы из бюджета на изготовление бюллетеней и специальных знаков, на их доставку к окружным комиссиям и распределение по участковым. При использовании электронного голосования мы полностью или частично отказываемся от бумажных бюллетеней, сокращая расходы. Кроме того, на сегодняшний день в России, в избирательной системе задействована целая «армия», состоящая из членов участковых избирательных комиссий, которые получают определенные выплаты за проделанную работу, тратятся деньги на их обеспечение канцелярскими принадлежностями, средствами индивидуальной безопасности и т.д., распространяя электронное голосование, мы можем сократить количество членов участковых избирательных комиссий.

- Сокращаются или искореняются возможные схемы избирательных фальсификаций. Электронное голосование вводит более строгую систему идентификации граждан, которая не позволяет совершать акты «двойного голосования», «избирательные карусели» и иные технологии избирательных подлогов. Также, мы защищаем систему от вмешательства на территории избирательных участков, уменьшение количества бумажных бюллетеней сокращает возможности для их подлога и фальсификации. А автоматизированные системы подсчёта голосов обеспечивают точность получаемой информации.

- Увеличивается инклюзивность избирателей. Расширяются возможности для участия в голосовании лиц преклонного возраста и лиц с ограниченными возможностями здоровья [9], которые не имеют возможности попасть на избирательные участки в день(дни) голосования.

- Повышается явка избирателей. Данный феномен наблюдается благодаря появлению альтернативных возможностей для голосования.

- Повышается точность подсчёта голосов. Благодаря подсчёту голосов избирателей автоматизированными системами исключается возможность человеческого фактора и фальсификаций.

- Повышается уровень доверия граждан к избирательной системе. Данная тенденция наблюдается благодаря использованию современных технологий в ходе обеспечения функционирования избирательного процесса. В том числе, особую актуальность приобретают системы распределённо-реестра, основанные на блокчейн-технологиях [10].

- Обеспечивается максимальный уровень прозрачности голосования. При реализации дистанционного голосования мы можем видеть динамику изменения количества проголосовавших граждан, а при использовании технологий «открытого блокчейна» мы будем сразу знать распределение голосов избирателей (без привязки к личности гражданина) [11].

Описываемый ранее всплеск уровня внедрения информационно-коммуникационных технологий в публичное управление и растущий уровень использования гражданами платформ информационно-коммуникационных сетей, придают дистанционному электронному голосованию основную характеристику «сервисной» ориентации, а именно – обеспечение получения публичной услуги максимально удобным для гражданина способом.

Список источников

1. Никифорова С. А. Электронное правительство - новая концепция государственного управления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2. С. 40–47. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-40-47.

2. Холодная Е.В. О некоторых перспективах развития электронного государственного управления в условиях цифровой трансформации // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. №4. С. 193–199.

3. Соколов А.Ф. Электронное правительство региона: базовые концепции и Российская практика // Региональная экономика: теория и практика. 2010. №32. С. 44–50.

4. Юртаев А.Н. Создание «Электронного правительства» на региональном уровне как комплексная управленческая инновация // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2009. №3. С. 3–16.

5. Архипова З.В. Трансформация «Электронного правительства» в «Цифровое правительство» // Известия БГУ. 2016. №5. С. 818–824.

6. Федоров В.И. Электронное голосование: идея фикс или основа демократий будущего? // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 1-2. С. 170–185.

7. Грачев М.Н. Электронное голосование «за» и «против» // Известия Тульского государственного университета. 2011. № 1. С. 360–366.

8. Козлова А.С., Понявина М.Б. Проблемы электронного голосования // Вести научных достижений. Экономика и право. 2020. №3. С. 92–100.

9. Рулев М. С. Дистанционное электронное голосование: проблемы и перспективы развития в Российской Федерации // Выборы: теория и практика. 2020. № 1. С. 8–13.

10. Туманян Г.В. Влияние блокчейн технологий на избирательные институты в рамках "сервисной" модели государства и концепции партисипативного управления // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1. С. 22–33.

11. Алексеев Р.А., Абрамов А.В. Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. № 1. С. 9–21.

References

1. Nikiforova S. A. Electronic government – a new concept of public administration. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(2):40–47. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-2-40-47. (In Russ.)

2. Cold E. V. On some prospects for the development of e-government in the context of digital transformation. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya = Humanities and law research*. 2018;(4):193-199. (In Russ.)

Young scientists

Kosach G. E. *Rationalization of youth's choice of employment strategies in a changing society*

3. Sokolov A.F. Electronic government of the region: basic concepts and Russian practice. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika = Regional economy: theory and practice*. 2010;(32):44-50. (In Russ.)
4. Yurtaev A.N. Creation of "Electronic government" at the regional level as a complex management innovation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo) = Bulletin of Moscow University. Series 21. Management (state and society)*. 2009;(3):3-16. (In Russ.)
5. Arkhipova Z.V. Transformation of "Electronic Government" into "Digital Government". *Izvestiya BSU = Izvestiya BSU*. 2016;(5):818-824. (In Russ.)
6. Fedorov V.I. Electronic voting: a fixed idea or the basis of future democracies? *Grazhdanin. Vybory. Vlast. = Citizen. Elections. Power*. 2017;(1)-2:170-185. (In Russ.)
7. Grachev M.N. Electronic voting "for" and "against". *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta = News of the Tula State University*. 2011;(1):360–366. (In Russ.)
8. Kozlova A.S., Ponyavina M.B. Problems of electronic voting. *Vesti nauchnykh dostizheniy. Ekonomika i pravo = Vesti scientific achievements. Economy and law*. 2020;(3):92-100. (In Russ.)
9. Rulev M. S. Remote electronic voting: problems and development prospects in the Russian Federation. *Vybory: teoriya i praktika. = Elections: theory and practice*. 2020;(1):8-13. (In Russ.)
10. Tumanyan G.V. Influence of blockchain technologies on electoral institutions within the framework of the "service" model of the state and the concept of participatory governance. *Grazhdanin. Vybory. Vlast. = Grazhdanin. Elections. Power*. 2020;(1):22-33. (In Russ.)
11. Alekseev R.A., Abramov A.V. Problems and prospects for the use of electronic voting and electoral blockchain technology in Russia and abroad. *Grazhdanin. Vybory. Vlast. = Citizen. Elections. Power*. 2020;(1):9-21. (In Russ.)

Информация об авторе

Г.В. Туманян – аспирант.

Information about the author

G.V. Tumanyan – Postgraduate Student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.02.2022; одобрена после рецензирования 27.02.2022; принята к публикации 28.02.2022.

The article was submitted 13.02.2022; approved after reviewing 27.02.2022; accepted for publication 28.02.2022.

Слово молодым ученым

Научная статья
УДК 316.332
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-311-318

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ТРЕНД НА СОЦИАЛЬНУЮ И ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ УСПЕШНОСТЬ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИЯН

Анна Константиновна Хаустова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, bazhenova@fedcdo.ru

Аннотация. Социальная и профессиональная успешность – ключевые ценности для современного молодого поколения. Так ли это? Становится ли сегодня дополнительное образование трамплином реализации жизненных смыслов поколения миллениалов? Является ли оно востребованной образовательной средой, местом «ценного обитания» для учащихся сегодня? И что думают по этому поводу сами школьники? Автором предпринята попытка проанализировать контексты мнений и ценностных ориентаций учащихся в разрезе их охвата системой внешкольного образования. Сделаны выводы относительно места дополнительного образования в иерархии ключевых ценностей школьников, а также выявлен потенциал дополнительного образования как тренда построения успешных жизненных стратегий российской молодежи.

Ключевые слова: дополнительное образование детей, социальная успешность, профессиональная успешность, ценностные установки, тренд, социальный лифт

Для цитирования: Хаустова А. К. Дополнительное образование как тренд на социальную и профессиональную успешность молодого поколения россиян // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 311–318. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-311-318>.

Young scientists

Original article

ADDITIONAL EDUCATION AS A TREND FOR SOCIAL AND PROFESSIONAL SUCCESS OF THE YOUNG GENERATION OF RUSSIANS

Anna K. Khaustova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, bazhenova@fedcdo.ru

Abstract. Social and professional success are key values for today's young generation. Is it so? Is additional education today becoming a springboard for the realization of the life meanings of the millennial generation? Is it a sought-after educational environment, a «valuable habitat» for students today? And what do the students themselves think about this? The author made an attempt to analyze the contexts of students' opinions and value orientations in terms of their coverage by the system of out-of-school education. Conclusions are drawn regarding the place of additional education in the hierarchy of key values of schoolchildren, as well as the potential of additional education as a trend in building successful life strategies for Russian youth.

Keywords: additional education of children, social success, professional success, values, trend, social lift

For citation: Khaustova A. K. Additional education as a trend for social and professional success of the young generation of Russians. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(1):311–318. (In Russ.).* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-311-318>.

Введение

Мир, в котором мы живем сегодня, – мир высочайших скоростей и турбулентности. На смену VUCA-миру, которому были присущи неустойчивость, нестабильность, неопределенность, сложность, пришел BANI-мир¹, характеризующийся тревожностью, хрупкостью, нелинейностью, непостижимостью. Через 5-10 лет, когда сегодняшние подростки вырастут и начнут работать, мир будет выглядеть совсем иначе.

Образование должно подготовить их к вхождению в мир в условиях больших вызовов (социальных, экономических, экологических, технологических, геополитических)². Так, важнейшим приоритетом государственной политики в Российской Федерации являются дети³, а создание условий для самореализации и развития талантов детей – одна из национальных целей развития России⁴.

Стратегической задачей современного образовательного процесса выступает создание ситуации успеха для каждого ребенка. Для ее достижения с 2019 года реализуется федеральный проект «Успех каждого ребенка»⁵, входящий в состав национального проекта «Образование». Мероприятия проекта ориентированы на увеличение охвата детей в возрасте от 5 до 18 лет качественным и доступным дополнительным образованием, которое сегодня выступает «полигоном» для успешной социализации и формирования предпрофессиональных компетенций школьников, инновационной площадкой для отработки моделей и технологий будущего, соответствующих образовательным трендам.

Так, Организация экономического сотрудничества и развития, Национальный институт образования Сингапура, Открытый Университет Великобритании отмечают несколько приоритетных трендов в сфере образования, характерных как для международного, так и для российского, опыта в контексте развития дополнительного образования детей:

- персонализация, адаптивность, гибкость обучения;
- конвергентность (междисциплинарность);
- использование IT-технологий для организации бесшовного обучения, обучения в облаке;
- использование социальных сетей в образовательном процессе;
- совместное обучение, обучение в толпе;
- массовые открытые онлайн-курсы;
- мобильное обучение; перевернутое обучение; смешанное обучение;
- создание развивающей интерактивной среды образования;
- интеграция обучения, работы и хобби в единый процесс;
- обучение, построенное на ошибках;
- дизайн-мышление;
- использование искусственного интеллекта, машинного обучения;
- интернет вещей;
- технологии виртуальной, дополненной реальности;
- обучение для будущего, образование в течение всей жизни⁶.

Дополнительно к этому перечню трендов можно отнести:

- геймификацию образовательного процесса;
- технологию steam-образования;
- интеграция в образовательный процесс методов «гражданской науки» и краудсорсинговых исследований;
- трансформацию роли педагога – от роли единственного актора знаний к роли увлеченного наставника [1, с. 8].

¹ Какой мир пришел на смену VUCA? BANI как новый способ осмыслить меняющуюся реальность
Электронный ресурс: BANI-мир: новые вызовы | блог Новая Эпоха Управления (bitobe.ru)

² Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

³ Ст.67.1. Конституции Российской Федерации.

⁴ Указ Президента Российской Федерации 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.».

⁵ Федеральный проект «Успех каждого ребенка». Электронный ресурс: www.edu.gov.ru/national-project/projects/success/

⁶ Распоряжение Минпросвещения России от 18.05.2020 № Р-44 «Об утверждении методических рекомендаций для внедрения в основные общеобразовательные программы современных цифровых технологий».

Что касается российской образовательной практики, то здесь можно выделить 2 сегмента трендов, идущих «сверху» и «снизу».

К первому сегменту относятся:

- персонализация образования;
- доступность, открытость, равные возможности для всех;
- включение сквозного воспитательного компонента¹, в том числе компонентов экологической, предпринимательской, цифровой и функциональной грамотности в содержание дополнительных общеобразовательных программ по направленностям;
- внедрение модели «Школа полного дня» в рамках интеграции школы и дополнительного образования (так называемая «продленка») ²;
- открытие доступа негосударственному сектору к реализации дополнительных общеобразовательных программ, в том числе за счет внедрения системы персонифицированного учета и персонифицированного финансирования дополнительного образования детей;
- внедрение в образовательный процесс проектного подхода с привлечением крупных федеральных и региональных бизнес-партнеров из реального сектора экономики;
- формирование и развитие системы выявления и поддержки талантов, развитие школьного олимпиадного движения и др.

Ко второму сегменту трендов, сформулированных молодыми российскими педагогами на форуме «Линейка» ³, можно отнести:

- развитие межпоколенческой коммуникации;
- «гибридные» мероприятия для разработки совместной стратегии жизни класса / объединения;
- введение предметов/курсов по повышению финансовой грамотности;
- самостоятельность учеников в выборе предметов в обучении;
- создание профессионального сообщества учителей-блогеров.

Сегодня система дополнительного образования должна ответить на эти и другие тренды гибкостью к принятию новых методов обучения, новым содержанием с учетом востребованных на рынке труда современных компетенций, и, что крайне актуально – образовательных запросов самих школьников и родительского сообщества.

Еще одним важным ответом системы образования на эти тренды становится обращение к социологической методологии в изучении поколенческих сдвигов и изменений ценностных ориентиров подрастающего поколения. Чему, как и где учить – насущный вопрос в эру соцсетей и быстрого развития технологий. Что нужно экономике знаний, и чего хотят сами школьники? Каковы ценности и смыслы современных детей и что влияет на их формирование? На это можно посмотреть сквозь призму поколенческого подхода, опираясь на положения теории «Поколения Z» ⁴.

Социологи обычно сходятся на том, что «поколение Z» (цифровые аборигены), родившиеся после 2000 гг.) привязано к большому количеству устройств, доверяет информации, публикуемой друзьями, а также рекомендациям блогеров и лидеров «популярных» мнений. Они менее склонны к риску и бунту, находятся под влиянием родителей и ровесников, настроены изменить общество, но при этом максимально аполитичны, обучаются самостоятельно, боятся «застрясть» на не приносящем радости месте. Рано начинают работать, совмещая работу и учебу, занимаются самообразованием. Эти данные резюмируют запрос современных школьников на раннюю социальную и профессиональную успешность. Так ли это на самом деле?

Цель нашего исследования в рамках статьи – выявить факторы, детерминирующие ранговое место дополнительного образования в ценностно-смысловой пирамиде интересов современных школьников и сформулировать предложения по продвижению бренда дополнительного образования детей в детско-юношеской среде в контексте реализации тренда на социальную и профессиональную успешность.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся».

² Сайт Президента РФ (<http://kremlin.ru/events/president/news/66451>).

³ Учителя рассказали о новых трендах в воспитании школьников // Российская газета. Электронный ресурс: [www/rg.ru/2020/10/07/uchitelia-rasskazali-o-novyh-trendah-v-vospitanii-shkolnikov.html](http://rg.ru/2020/10/07/uchitelia-rasskazali-o-novyh-trendah-v-vospitanii-shkolnikov.html)

⁴ Что такое поколение Z и как оно видит свое образование // РБК/Тренды. Электронный ресурс: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5ef1ddbc9a794733b37dcfff>

Задачи исследования:

1. Рассмотреть приоритетные направления развития системы ДОД в условиях воспитательных вызовов и новых трендов реализации учебного процесса.
2. Изучить и проанализировать ценностные ориентиры школьников (на основе данных исследования «Ценностные ориентиры школьников» Института воспитания РАО (декабрь 2021 года) для подтверждения распространения тренда на социальную и профессиональную успешность в молодёжной среде.
3. Изучить и проанализировать мнения школьников и выпускников, проходящих/прошедших обучение в системе дополнительного образования (на основе данных опроса обучающихся и выпускников организаций, реализующих программы дополнительного образования (2020 год) для подтверждения факта распространения тренда на социальную и профессиональную успешность в рамках системы внешкольного образования.
4. Провести сравнительный анализ результатов этих двух исследований.
5. Сформулировать выводы и предложения по продвижению бренда дополнительного образования в детско-юношеской среде с учетом интересов и запросов школьников на социальную и профессиональную успешность.

Эмпирическая часть исследования

Собирая данные для ответа на интересующие нас вопросы, мы провели опрос среди обучающихся и выпускников системы дополнительного образования детей на тему «Роль дополнительного образования в социализации личности и формировании ее профессиональной траектории». В 2020 году был опрошен 291 респондент из 15 регионов России.

Также были использованы эмпирические данные исследования «Ценностные ориентиры школьников», проведённого в декабре 2021 года нашими коллегами из Института воспитания РАО [2]. В онлайн-опросе приняли участие 1000 школьников в возрасте от 14 до 17 лет, 800 молодых родителей (до 35 лет), 200 молодых педагогов школ (до 35 лет). Охвачены все федеральные округа России (не менее 3-х субъектов в рамках каждого федерального округа).

Результаты исследования

В нашем исследовании приняли участие обучающиеся и выпускники системы дополнительного образования детей в возрасте от 7 до 25 лет.

Анализируя данные, мы стремились получить ответ на вопрос: какую роль играет дополнительного образования в социализации и формировании профессиональной траектории нынешних школьников, занимающихся в кружках сегодня, и тех, кто уже покинул стены кружковой деятельности?

1. Место «ценного обитания»

54 % опрошенных отметили, что им интереснее учиться/было учиться в кружке дополнительного образования, чем в школе. В ответ на свой выбор респонденты давали следующие комментарии:

«К нашим педагогам всегда хочется вернуться. Дополнительные занятия - это новые знакомства и знания, это свобода выбора» (Аня, 16 лет, Оренбург);

«Предметы в школе были интересными и готовили к взрослой жизни и поступлению в университет; кружки помогали развиваться физически (танцы) и творчески (вязание, создание игрушек), так же в кружках познакомились с очень многими людьми, которые стали настоящей семьей» (Наталья, 21 год, Алтайский край);

«Школа даёт базовую программу, не углубляясь в интересные для тебя темы. В кружках ты даёшь волю своей фантазии, получаешь углубленные знания в интересующей тебя области, занимаешься творческой работой, научными исследованиями, с результатами которых в дальнейшем путешествуешь по России, выступая на различных конференциях. (Роман, 22 года, Башкортостан).

43 % респондентов поделили свои предпочтения между школой и кружком поровну. 2 % респондентов ответили, что им интереснее учиться/было учиться в школе. И только для 1 % респондентов в зону интереса не попали ни школа, ни кружок.

2. Успех в кружке = успех в школе?

Более половины опрошенных (58 %) отметили, что посещение секции/кружка дополнительного образования положительно влияет/ влияло на повышение их успеваемости в школе.

24 % респондентов склонны полагать, что это так «скорее да, чем нет» и 8% опрошенных считают, что это «скорее нет, чем да».

Около 10 % школьников и выпускников системы дополнительного образования отметили, что достижения в кружке не отражаются/не отражались на ситуации с успеваемостью в школе.

3. Успешная коммуникация

На вопрос, «Способствует ли ваша занятость в кружке выстраиванию эффективной коммуникации со сверстниками и взрослыми?», подавляющее большинство опрошенных (82 %) выразили мнение – «да». 14% опрошенных, скорее бы предпочли ответить на этот вопрос «да, чем нет». Менее 3 % школьников и выпускников не согласны с этим.

4. Событие, изменившее смыслы и ценности

На вопрос, «Какое важное событие, произошедшее с вами в кружке/секции (ситуация/случай/), повлияло на ваши ценностные установки и ориентиры в жизни?», воспитанники системы дополнительного образования и ее выпускники дали свои комментарии с ярко выраженным эмоциональным оттенком. «Первые аплодисменты», «выход на сцену», «победа в олимпиаде», «участие в экспедиции», «поездка в лагерь», «получение президентского гранта», наконец, «обретение новой семьи». Примечательно зафиксировать следующие ответы-комментарии респондентов:

«Благодаря кружкам и секциям, я перестала стесняться, пропала боязнь находиться на сцене перед огромным количеством людей (Анна, 15 лет, Ростовская область);»

«Очень помогала атмосфера в клубе и помощь тренера в различных сложных ситуациях. Мои занятия в военном клубе, помогли самодисциплинироваться, тем самым в школе было легче учиться, проще было распределять время (Виталий, 18 лет, Саратовская область);»

«Выставлялись портреты наших мам в галерее. Моя мама его увидела и удивилась, насколько я хорошо умею рисовать. Я такую значимость свою почувствовала...» (Вера, Кемеровская область 18 лет).

5. Профессиональная траектория

На вопросе, повлияло ли обучение в кружке на выбор будущей профессии, мнения респондентов разделились. 38 % подтвердили прямое влияние кружка на определение профессиональной траектории. Еще 22 % респондентов высказались, что ответили бы на этот вопрос скорее да, чем нет.

Около 40 % ответили, что обучение в кружке не отразилось на выборе их профессиональных устремлений (26% – ответили «нет», 14 % – скорее нет, чем да).

Анализ данных опроса позволяет резюмировать нашу гипотезу о том, что система дополнительного образования не только создает ситуацию успеха для обучающихся, прокладывая путь к осознанному выбору карьеры. В границах ее среды главным становится воспитание человека мыслящего и думающего, способного формировать смелую жизненную стратегию, делать осознанный выбор профессии.

А как же сегодня настоящий ценностный профиль поколения миллениалов, не охваченных сегодня системой дополнительного образования?

В декабре 2021 года Институтом воспитания было продолжено начатое ранее исследование воспитательной деятельности в школах России. Его цель – выявить факторы, влияющие на формирование ценностей у современной молодежи. Задачами исследования стало выявление ценностных ориентаций современных российских школьников и представлений о них родителей и учителей в следующих сферах:

- общение и взаимоотношения;
- отношение к окружающему миру, природе и художественной культуре;
- отношение к Родине;
- познавательные интересы;
- отношение к собственному Я.

1. Развлечения – наше все.

Как показывают результаты опроса, познавательные интересы школьников в большей части ориентированы на развлечения (кино и видео – 72%), игры на девайсах и компьютерах – 57 %. В меньшей степени школьников интересует чтение. Около 40 % учащихся не смогли назвать свою любимую книгу. По сравнению с данными 2020 года, в 2021 году значительно сократилась доля школьников, имеющих такие увлечения, как общение в социальных сетях, путешествия, забота о домашних животных.

2. ТОП 5 каналов информации для школьников

Подавляющее большинство школьников действительно доверяют информации в социальных сетях, информации друзей, а также рекомендациям блогеров и лидеров «популярных» мнений.

Так, 85 % школьников черпают информацию из социальных сетей. Для 55 % учащихся каналом информации становятся друзья и новостная лента (52%). Это ещё раз подтверждает принадлежность современных школьников к поколению Z. Мощным «неуправляемым» инструментом, влияющим на массовое поглощение внимания школьника и формирования у него определенных «своих» убеждений, выступают социальные сети (Tik-Tok, Instagram, «ВКонтакте»). Как отмечают

психологи, это приводит к снижению социальной активности, повышению уровня тревожности, развитию эгоцентризма, формированию так называемых лжеценностей, что «все в жизни должно приносить удовольствие и даваться легко, как и всем «героям виртуального мира».

3. Успех – это ...

Более 53% школьников связывают успех с наличием интересной работы (по душе). По данным опроса, в 2021 году выросла доля школьников, желающих зарабатывать. Так, например, 77% школьников хотели бы работать во время школьных каникул. Почти каждый четвертый школьник имеет опыт заработка. Эти результаты подтверждают тренд молодежи на профессиональную успешность и желание трудиться на/за любимой работой. Кстати, согласно опросу, наиболее перспективными учащиеся считают профессии в области ИТ (24%) и медицины (10-11%). При этом 76% школьников не хотят получать профессию родителей. Стоит предположить, такая позиция школьников сформировалась в результате «проживания» опыта профессии большинства родителей в семейном кругу. Это создает условия для сокращения династий «семейных профессий» и увеличения межпоколенческого разрыва.

52 % школьников связывают успех с хорошими и верными друзьями, 46% – с хорошим здоровьем, за ним идет богатство (42%). Позиции «крепкая семья» и «самостоятельность» – выбрали 41% школьников.

Среди качеств, которыми школьники хотели бы обладать, чтобы быть успешными, названы:

- уверенность в себе и лидерство (14%);
- стрессоустойчивость, сдержанность и спокойствие (11%)
- целеустремленность (9%).

Ранее мы уже писали, что VANI-мир, в котором мы сейчас живем, характеризуется тревожностью и хрупкостью. Ответ подростков о желании обладать стрессоустойчивостью для подавления этой тревожности тоже можно позиционировать как трендовое качество личности 21 века.

4. Тренд на самостоятельность и индивидуальность

Около 80 % учащихся высказались, что в решении сложных вопросов склонны рассчитывать исключительно на свои силы. 55 % школьников ориентированы на помощь родителей, лишь 29 % на помощь друзей. Почти половина опрошенных детей высказываются за сохранение индивидуальности и не хотят быть похожими ни на кого, как и в 2020 году – 48 %. Данный показатель также подтверждает одну из характеристик, присущих поколению Z.

5. Быть или не быть

70 % школьников ответили, что «патриотизм» в их понимании – это значит «любить свою страну», 47 % – «работать на благо Родины». Стоит отметить, что ответы школьников верно интерпретируют содержание этого термина, но не дают ответа на центральный вопрос: «Причисляю ли школьники себя к этой категории?». Вместе с тем, тревожным сигналом, по-нашему мнению, становится ответ более 60 % школьников о том, что задумывались об эмиграции.

6. Экология – дело каждого?

В целом, школьники осознанно относятся к вопросам природосбережения. Около 60 % школьников готовы выносить мусор после пикника до ближайшей свалки. Причем в прошлом году так считали 81 % школьников. 41 % школьников высказались, что предпочли бы утилизировать мусор в специальные пункты приема. Это на 15% больше, чем по итогам опроса 2020 года. При этом почти 70 % школьников признались, что никогда специально в экологических акциях участия не принимали. Можно предположить, что эти школьники охвачены экологическими мероприятиями, но участие в них было продиктовано «обязательным условием школы».

7. Общественные организации

Каждый четвертый опрошенный школьник не принимал участие ни в каких активностях школы. Более 71% респондентов не состоят ни в каких общественных объединениях и организациях.

Среди наиболее популярных общественных детско-юношеских движений учащиеся выделили:

- российское движение школьников (12%);
- волонтерские отряды (9%);
- «Большая перемена» (8%);
- движение «ЮНАРМИЯ» (7%).

Таким образом, резюмируя данные, можно сформировать ценностный портрет поколения Z, поколения, которое выступает носителем новых смыслов, ценностей, видения жизни. Нельзя охарактеризовать его «нежным», воспитывающегося сегодня в «тепличных» условиях. Оно смелое, в меру амбициозное, в меру эгоцентричное, максимально свободное и творчески мыслящее. Наконец, оно имеет четкий запрос на социальную и профессиональную состоятельность.

Обсуждение результатов

Проанализировав данные двух исследований, мы пришли к следующим выводам.

1. Запрос на социальную и профессиональную успешность находится на вершине ценностно-смысловой пирамиды потребностей современной молодежи. Причем это касается всех школьников: вовлеченных в дополнительное образование и не охваченных им.

2. Школьники, занимающихся по программам дополнительного образования больше ориентированы на развитие своих познавательных интересов, углубление знаний, развитие физической и моральной выносливости в той или иной деятельности. Школьники, не занимающиеся в кружках, имеют больше свободного времени и в большей мере ориентированы на его «вливание» в сферу развлечений, что подтверждают данные опроса. Эти результаты констатируют падение интереса школьников к учебе, что влечет за собой снижение образовательных результатов, рост негативных проявлений детей в семье и школе.

3. Как показали данные исследований, успешная коммуникация становится неотъемлемым качеством-атрибутом, формирующимся у школьников в стенах дошкольных учреждений. Это поле новых знакомств, живых «контактов», место, где школьник проявляет свои способности и «прокачивает» свои социальные компетенции. В то же время стоит констатировать отсутствие таких условий у ребят, не охваченных кружковой деятельностью.

4. Безусловно, учреждения дополнительного образования сегодня рассматриваются и как социальный лифт вне школы, «скорость» которому добавляет каждое новое поколение, имеющее внешнее намерение добиться успеха в какой-либо сфере деятельности. Этот тезис подтверждают данные нашего исследования. Большинство опрошенных считают, что дополнительное образование как институт социализации делает образовательное пространство школьника более разнообразным – оно развивает навыки и дает практический опыт, который трудно получить сегодня в стенах школы. Эта система имеет более индивидуальный подход к каждому ребенку, учитывая его способности и желания.

5. Выявление интересов и профессиональных предпочтений школьников на ранних стадиях – образовательный тренд, который находит свое отражение в развитии системы дополнительного образования как «предпрофессионального поля» по отработке компетенций настоящего и будущего у школьников. Примечательно, что позиции школьников, принявших участие в исследованиях, отражают потребность в интересном труде «по душе» и готовность приступить к трудовой деятельности уже на школьной скамье. Тем не менее в ходе анализа данных мы зафиксировали, что большинство школьников сегодня не хотят получать профессию родителей. Это создает условия для сокращения династий «семейных профессий» и увеличения межпоколенческого разрыва.

Заключение

Итак, какое же место сегодня занимает дополнительное образование для школьников в достижении социальной и профессиональной успешности? И что должно случиться, чтобы оно стало центром притяжения всех школьников страны?

Однозначного ответа нет. Результаты образовательной деятельности имеют отсроченный эффект. «В моменте» сложно осознать важность и необходимость обучения, сформировать образ себя через 5-10 лет в условиях BANI-мира. Стоит предположить, что для тех, кто сегодня охвачен дополнительным образованием, этот образ более выражен, кружок для школьников, посещающих его по собственному выбору, выступает неким триггером в запуске новых возможностей и системы роста – как личностной, так и карьерной.

Переход от постиндустриальной экономики к цифровой, ускоряющаяся трансформация рынков труда и структуры занятости определяют запрос на формирование нового содержания дополнительного образования детей с учетом востребованных на рынке труда современных компетенций. Для этого сегодня в рамках национальных приоритетных проектов открываются новые образовательные организации (Экостанции, Кванториумы, ДНК, IT-кубы, станции туризма), которые реализуют для школьников программы совместно с вузами, научными центрами, компаниями, индустриями.

Безусловно, при такой практике внедрения новых образовательных моделей встает вопрос о доступности таких учреждений для разных социальных категорий школьников.

И, наконец, продвижение работы учреждений дополнительного образования требует формирования нового смыслового бренда («особо ценного типа образования») в детско-молодежной и родительской семье, с тем, чтобы возможности дополнительного образования стали понятны как для самого ребенка, так и для его близких. Такой осознанный интерес должен формироваться историями успеха тех, кто получил дополнительное образование, пришел в профессию по призванию и успешно реализовался в ней.

Список источников

1. Сорокин П. С., Матюненко Ю. А., Попова, Т.А. Тренды и вызовы, оказывающие влияние на сферу образования: анализ докладов международных организаций и экспертных центров. Мониторинг экономики образования. Информационно-аналитические материалы по результатам статистических и социологических обследований. Выпуск № 27. 2020. С. 8.

2. Ценностные ориентиры школьников. Результаты исследования Института воспитания РАО в 2021 г. // <https://cloud.mail.ru/public/Jswf/Vv87o91oJ>.

References

1. Sorokin P. S., Matyunenko YU. A., Popova, T.A. *Trends and challenges affecting the education sector: analysis of reports from international organizations and expert centers. Monitoring the economics of education. Information-analytical materials based on the results of statistical and sociological surveys.* 2020; (27):8. (In Russ.)

2. *Value orientations of schoolchildren. The results of the study of the Institute of Education of the Russian Academy of Education in 2021.* Available from: <https://cloud.mail.ru/public/Jswf/Vv87o91oJ>.

Информация об авторе

А. К. Хаустова – аспирант кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС, зам. директора по организационно-методическому сопровождению естественнонаучной направленности Федерального центра дополнительного образования и организации отдыха и оздоровления детей.

Information about the author

A. K. Khaustova – Postgraduate student of the Department of Sociology, Deputy Director for Organizational and Methodological of the Federal Children's Ecological and Biological Center of the Ministry of Education of Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 02.12.2021.

The article was submitted 18.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 02.12.2021.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07–21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змяк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

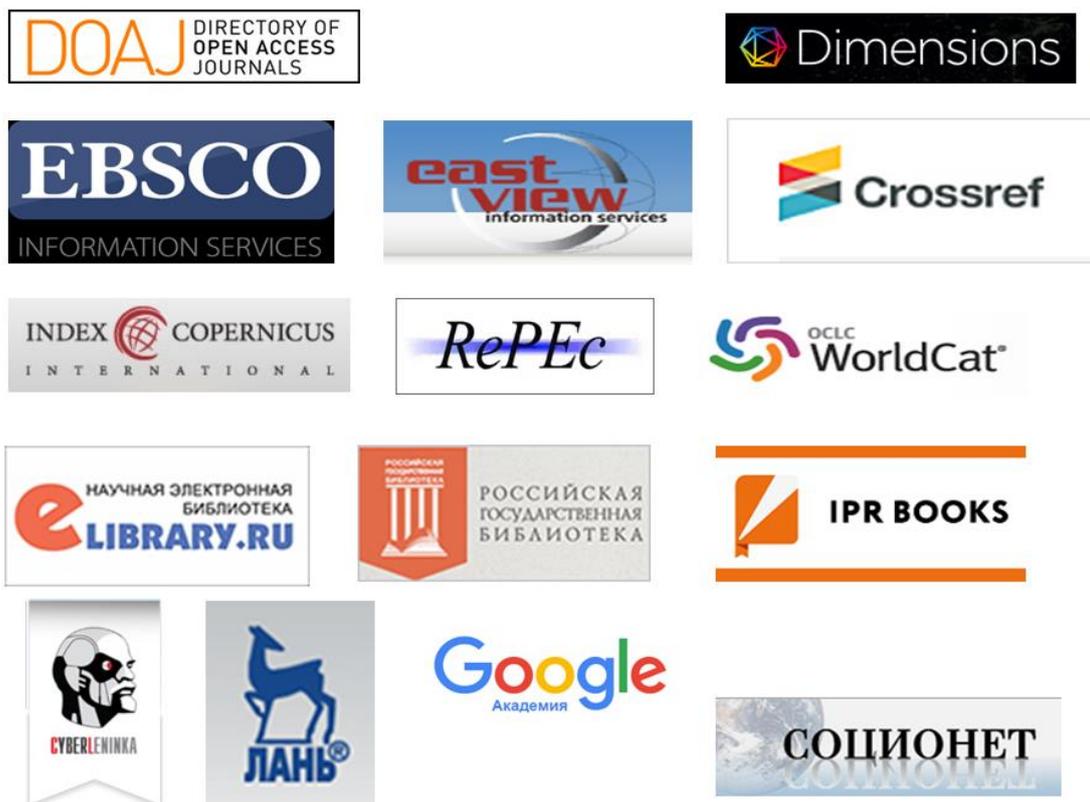
Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1. 2022

Выход в свет 29.03.2022. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 19 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 01-03/22

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ИП Кузнецов Н.В.
603057, г. Н. Новгород, Шорина, 13/13. Тел.: (831) 463-91-68, 413-62-61